100
ВЕЛИКИХ
ЗАГАДОК АФРИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Африка – это не только вечное наследие Древнего Египта и магическое искусство негритянских народов, не только снега Килиманджаро, слоны и пальмы. Из этой книги, которую составил профессиональный африканист Николай Непомнящий, вы узнаете – в документально точном изложении – захватывающие подробности поисков пиратских кладов и леденящие душу свидетельства тех, кто уцелел среди бесчисленных опасностей, подстерегающих путешественника в Африке. Перед вами предстанет сверкающий экзотическими красками мир африканских чудес: таинственные фрески ныне пустынной Сахары и легендарные бриллианты; целый народ, живущий в воде озера Чад, и племя двупалых людей; негритянские волшебники и маги…

- Н.Н. Непомнящий
  - У истоков цивилизации – Египет
    - Кто построил великую пирамиду? Когда и как?
    - Тайная дверь в пирамиду Хеопса
    - Туннели Великой пирамиды
    - Загадка Сфинкса
    - Где же страна Офир?
    - Вокруг Африки 2500 лет назад
    - Древние египтяне в… Австралии?
    - Наркотики стары как мир
    - Отчего умер Рамсес I?
    - Что погубило Тутанхамона?
    - Электричество в Древнем Египте
    - Мумии фараонов раскрывают свои тайны
    - Эскадрильи фараонов?
    - Магические стражи пирамид
    - Житницы фараона
    - Исчезнувшая армия Камбиза
    - Клеопатра и змей
    - Потерянное чудо Александрийской библиотеки
  - Древние тайны
    - Адам был африканцем?
    - Следы в пепле времен, или Как М. Лики «удлиняет» прошлое Африки
    - Колдстримский камень – подлинник или подделка?
    - Стрендлуперы – люди, которых не было?

- Робинзоны большого острова
- Загадки культуры Нок
- Загадки Ифе
- Древний Аксум
- Сага о древней Гане
- Кто они, древние гуанчи?
- Колесницы в пустыне
- Тайна Белой Дамы
- Тайны Феццана

- Открытия и исследования
  - Сады Гесперид
  - Ганнон плывет к Колеснице Богов
  - «Черные и белые» тайны
  - Под знаком Южного Креста, или Римские экспедиции в Черную Африку
  - Пропавшая экспедиция
  - Африканцы в Новом Свете до Колумба
  - Занавес над Сахарой, или Где лежала страна золота?
  - Конец одной легенды, или В поисках затерянного города
  - Черный рак над Гамбией, или Одиссея курляндского герцога
  - Сосна и пальма, или Эстонские миссионеры в Африке
  - Одиссея большерецких острожников
  - «Русская мусульманка» Изабелла Эберхарт
  - В русской рубахе к людоедам
  - Тайны водопада Виктория
- Континент тайн
  - Клад на острове Корву
  - Таинственные вак-вак
  - Мифы и реальность доктора Фробениуса
  - Погребенные заживо
  - Под властью джиннов
  - Тайны «садов Аллаха»
  - Миражи озера Чад
  - Секреты африканской нумизматики
  - Сокровища острова Гоф
  - Алмазы, найденные в неожиданных местах
  - Потерянная половина «Каллинана»
  - Исчезнувшие сокровища Лобенгулы
  - Миллионы президента Крюгера
  - «Таинственный пират» и его собратья

- Тайна и трагедия «Гроувенора»
- Цитадель колдунов
- Заглянувший за горизонт
- Наука или колдовство?
- Говорящие барабаны Африки и другие системы связи
- Язык свиста, пришедший из древности
- Трагедия крааля Эмгунгундлову
- Гибель «Медузы»
- Гибель Саморы Машела: небрежность или убийство?

○ Племена и народы
- Путь фульбе
- Тиббу – «внуки эфиопов»?
- Котоко – люди, живущие в лодках
- Меченые воины кау-ньяро
- Нмади – друзья «дьявольских собак»
- Динка из суданского ада
- «Паспорт» на лице, или Изрезанные шрамами
- Этнотерапевты-марабуты из Дакара
- Почувствовать себя понголо
- Лемба + Зимбабве – великие загадки Южной Африки
- Сириус, которого мы не знаем
- Эль-моло – охотники на гиппопотамов
- Древние странники саванны – хадзапи
- Долгая дорога к вазимба
- Везо – «морские цыгане» Мадагаскара
- «Чернодеревщики» маконде
- Властительница Моджаджи
- Духи приходят к пигмеям
- Загадки бушменов
- Люди-страусы

○ Загадки природы
- Приручался ли африканский слон?
- Вслед за Синдбадом к птице Рухх
- Легенды ли это?
- Есть ли в Африке медведи?
- Охота на додо
- Квагга: оптимистическая трагедия?
- Сказочный зверь выходит из леса
- «Славный звереныш пойман!»
- Горилла господина дю Шайю
- Два неизвестных пера из головы африканца

    - Целакант снова попадает в сети
    - В поисках африканского динозавра
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Н.Н. Непомнящий
100 великих загадок Африки

У истоков цивилизации – Египет

Кто построил великую пирамиду? Когда и как?

Строители пирамиды, кем бы они ни были, не оставили никаких описаний своих методов. До сих пор не обнаружены египетские документы, в которых рассказывалось бы как строились первые пирамиды. Египтологи на основе лишь сомнительных данных заключили, что ступенчатая пирамида в Саккаре – старейшая, они приписывают ее сооружение архитектору Имхотепу, жившему во времена правления царя Джосера из Третьей династии (XXVIII в. до н. э.). Ступенчатую пирамиду Медумы относят ко временам правления отца Хеопса Снофру (XXVII в. до н. э.); той же эпохой датируют строительство изогнутой пирамиды в Дашуре…

Наиболее древнее упоминание в источниках о Великой пирамиде свидетельствует, что она была возведена в память глобального катаклизма в планетарной системе, что привело к пожарам и затоплению. Арабы считают, что пирамиды были построены до Потопа царем, которому было видение, будто мир перевернется и звезды упадут с неба. Поэтому царь зашифровал в пирамиде все знания, которыми владели мудрейшие люди его времени, включая тайны астрономии, геометрии и физики, трактаты по драгоценным камням и механизмам, о строении небесной сферы и земного шара.

Ранние иудейские свидетельства – не считая библейских «каменных столпов» – принадлежат Иосифу (I в.), который говорил, что сефиты были творцами мудрости, понимавшими законы небесной сферы. Чтобы сохранить знания для всего человечества, они соорудили два памятника: один – каменный, другой – кирпичный. Каменный сохранился до времен Иосифа.

Великая пирамида Хеопса

Арабские легенды утверждают, что Великая пирамида заключает в себе в зашифрованном виде не только карту звезд и их циклы, но и историю и хронологию прошлого и будущего.

Что же касается вопроса, кто построил Великую пирамиду, арабские историки, такие как, например, Ибрахим бен ибн Васуфф Шах, свидетельствуют, что пирамиды Гизы были возведены допотопным царем по имени Сурид или Саурид, которому привиделась во сне огромная планета, которая упадет на Землю в момент, когда «сердце Льва достигнет первой минуты головы Рака». Абу Зейд эль-Балхи цитирует древнюю надпись, в которой говорится, что Великая пирамида была построена во времена, когда созвездие Лиры находилось в созвездии Рака, или около 73 000 лет назад.

Знаменитый путешественник Ибн Баттута, живший в XIV в., утверждал, что Гермес Трисмегист (иудейский Енох), «узнав по явлению звезд, что грядет Потоп, построил пирамиды, запечатлев в них научные трактаты и другие знания, достойные быть сохраненными».

По мнению теософа Безила Стюарда, автора книги «Загадки Великой пирамиды», нельзя быть твердо уверенным, что пирамиду, хотя она и находится в Египте, построили именно египтяне. Стюард утверждал, что если собрать все доказательства и тщательно их проанализировать, то станет ясно, что «семена египетской мудрости были посеяны несколькими колонистами, пришедшими в страну с миром и соорудившими эту великую конструкцию».

Недавно российские ученые предположили, что египтяне

могли быть выходцами из Индонезии, которые покинули страну, когда десять—двенадцать тысяч лет назад местная цивилизация погибла в результате некой космической катастрофы, например падения астероида. Найдены астрономические карты невероятной точности, на которых местоположение звезд обозначено там, где они и должны были находиться несколько тысяч лет назад. Также в ходе раскопок обнаружено несколько предметов, включая хрустальные линзы, абсолютно сферические и точные, возможно, использовавшиеся в телескопах. Похожие линзы были найдены при раскопках в Ираке и Центральной Австралии, но сегодня они могут быть изготовлены только с применением абразивного материала, сделанного из окисла церия, который возможно получить только электрическим способом.

Что касается легенд, то по вопросу о датировке возведения Великой пирамиды, если не считать упоминания о том, что она была построена за триста лет до Потопа, они не добавляют ясности. Египтологи, установившие, что правление Четвертой династии относится к 2720–2560 гг. до н. э., считают, что Великая пирамида была сооружена в 2644 г. до н. э.; другие датой начала ее строительства называют 2200 г. до н. э.

Относительно метода, использованного строителями, история не сохранила сведений. Однако египтологи сходятся на том, что первоначально строителям понадобилось расчистить плато Гиза от песка и камней до почвенного слоя, затем выровнять поверхность. Р. Энгельбах, ученик Ф. Петри, в течение многих лет работавший хранителем Каирского музея, считает, что для выравнивания земли египтяне окружили стройплощадку с четырех сторон небольшими насыпями из речного ила, внутреннее ее пространство заполнили водой и проложили на нем сеть каналов. Оценить результат их трудов смог Коул, который обнаружил, что на площади 5,2 гектара отклонения от горизонтального уровня не превышали двух с половиной сантиметров.

На расчищенный почвенный слой были уложены прямоугольные плиты белого известняка, ставшие покрытием, на котором была произведена укладка первого ряда облицовочных камней. Затем потребовалось укрепить на почве большие угловые блоки, чтобы образовались квадратные углы для закладки слоев облицовочных плит. Археологи без особого труда установили, что большая часть известковых блоков была доставлена с Мокаттамских холмов на берегу Нила, хотя некоторые блоки могли быть взяты непосредственно с холмов Гизы. На отдельных плитах красной охрой запечатлены названия бригад каменотесов, например: «Лодочная бригада» или «Сильная бригада».

Ближайший источник семидесятитонных гранитных монолитов, использованных для ограждения Усыпальницы царя, – Асуанские каменоломни, расположенные примерно в восьмистах километрах вверх по Нилу; оттуда они, очевидно, переправлялись вниз по течению на баржах.

У. Эмери доказал, что уже во времена Первой династии египтяне имели превосходные медные инструменты, включая пилы и долота, которыми они могли дробить и распиливать известняк и что их технология шлифовки гранита была усовершенствована до уровня искусства. В качестве абразивного материала при распилочных работах они предположительно использовали увлажненный кварцевый песок.

Для скалывания породы с холмов египтяне сконструировали несколько инструментов, следы некоторых из них можно найти и сегодня в Мокаттамских каменоломнях. На сотню метров в скале прорубались штольни, между потолком и блоком, который надо было извлечь, вырезались уступы, потом деревянными молотками и медными долотами, закаленными неким неизвестным способом, пробивался вертикальный паз. В этот паз вставлялись смоченные водой деревянные клинья; клинья расширялись и раскалывали породу. Иногда разжигались костры, и, когда лили воду на раскаленный камень, получали абсолютно ровный излом.

Единственное историческое свидетельство о способе перевозки блоков к месту сооружения пирамиды принадлежит Геродоту, который утверждал, что, как ему сообщили в Египте, на постройку пирамиды ушло двадцать лет, и целых три месяца 100 000 человек перевозили камни с гор. Для транспортировки огромных глыб за десять лет была построена дорога длиной 900 метров и шириной 18 метров из отшлифованного камня, по которой на полозьях тащили тяжелые камни.

По словам французского ученого Э. Амелино, в конце XVIII в. еще сохранялись остатки наклонного пути, ведущего к пирамиде Хефрена, а следы дороги к пирамиде Микерина видны и сегодня. Египетский археолог Селим Хассан говорит, что на краю плато Гиза есть значительные площади, выложенные большими известняковыми блоками; эта мостовая тянется в северо-восточном направлении и спускается на половину высоты плато. Ученый считает, что это могут быть остатки дороги, которая была разрушена по окончании строительства Великой пирамиды. Другой египетский археолог, Ахмед Фахри, утверждает, что остатки южной части дороги, состоящей из булыжников, смешанных с грязью, по-прежнему существуют недалеко от южной стороны основной мостовой.

Что касается технологии строительства самой пирамиды, то в

этом вопросе мнения египтологов расходятся. Геродот упоминает, что сначала была закончена верхняя часть пирамиды, потом средняя и, наконец, нижняя. Это означает, что обработанные облицовочные камни устанавливались на вершине вплотную к ядру (центру), вероятно, с помощью наклонной плоскости, или пандуса, которая снижалась по мере того, как строители двигались вниз; такая технология требовала использования четырех пандусов – один напротив другого. Геродот отмечает, что облицовочные камни поднимались с земли ступень за ступенью на деревянных кран-балках посредством механизма, который он подробно не описывает. Котсуорт рассчитал, что, если поднимать наверх камни тем способом, как указывает Геродот, потребовалось бы около месяца, чтобы поднять на вершину один камень.

Барбер утверждает, что понадобились бы подъемные краны или деррик-краны, чтобы поднять огромные плиты, поэтому за неимением такого оборудования египтяне должны были сконструировать пандусы. Остатки таких пандусов были найдены у пирамиды Аменемхета в Диште, а также в Медуме. Аэросъемка выявила также наличие пандусов в песках Дашуры. Петри считал, что облицовочный слой укладывался одновременно с внутренними блоками и строительство велось снизу вверх. Он подсчитал, что каждый день из каменоломен доставлялось и укладывалось до пятисот блоков. Так как нижние слои содержат пятьдесят тысяч блоков, потребовалось бы более трех месяцев, чтобы уложить каждый слой.

Петри заявляет, что транспортировка блоков производилась за три месяца разлива, когда можно было задействовать большое число рабочих и сплавлять блоки по воде. Он предположил, что даже если на каждый камень объемом 1,12 кубического метра и весом около 2,5 тонны приходилось не более восьми человек, они могли бы переправить десяток таких камней к пирамиде за три месяца, две недели они бы перетаскивали блоки от каменоломни по дороге, за день или два при хорошем ветре переправили бы их вниз по Нилу, и шесть недель ушло бы на подъем их в надлежащее место на пирамиде.

Петри подсчитал, что Великая пирамида содержит около 2 300 000 блоков весом 2,5 тонны каждый, размером в среднем 127 Ч 127 Ч 71 см. Если восемь человек могли справиться с десятком камней за три месяца, то 100 000 человек каждый сезон могли доставлять 125 000 камней, таким образом получалось, что на строительство пирамиды ушло двадцать лет, как и отмечает Геродот.

Двое итальянских ученых, Мараджольо и Ринальди, которые

произвели недавно замеры пирамид Гизы и изложили результаты своей работы в четырехтомном труде, согласились, что внешний и внутренний слои укладывались одновременно. Они считают, что облицовочные плиты двигали на место по тонкому слою жидкого известкового раствора, который служил смазкой, а не только связующим материалом; эти плиты при помощи рычагов поднимались на места сзади и сбоку, чтобы трещины или сколы не были видны снаружи.

В ноябрьском номере журнала «Нейчурэл хистори» за 1970 г. инженер Олаф Теллефсен высказал предположение, что Великая пирамида могла быть возведена всего несколькими тысячами рабочих, если использовать простой механизм, состоящий из крепкой деревянной кран-балки, сбалансированной противовесами на точке опоры и укрепленной на деревянных скатах. Это, по его словам, позволило бы избавиться от громоздких пандусов. Теллефсен утверждал, что в Древнем Египте не хватило бы рабочей силы, чтобы соорудить пандусы высотой более половины пирамиды. Египтологи возразили с легкой ехидцей, что доказательств теории Теллефсена пока нет.

Котсуорт считает, что египтяне изобрели более эффективную систему для подъема камней: они использовали в качестве пандуса саму пирамиду, затаскивая камни по ее спиралевидной внешней стене.

Эта система предоставляла дополнительные преимущества, если южную стену пирамиды заканчивали ранее и далее работа велась в ее тени, а не под палящим солнцем. Но даже если забыть про жару и представить себе весь объем работы, который выполнили египтяне, то он, безусловно, покажется невероятным. Барбер заявлял, что таким проектом должен был руководить поистине гениальный инженер: необходимо было грамотно спланировать работы, распределить рабочих по различным операциям, следить, чтобы все работали согласованно, обеспечить необходимое количество инструмента, а также еду и жилье для работников, да еще предусмотреть действия на случай непредвиденных ситуаций.

Барбер указывал на то, что общественные работы были необходимы во время разлива, чтобы обеспечить пропитанием население. Август Менкен предполагал, что, помимо работников, необходимо было обеспечить едой, жильем и охраной не менее 150 000 женщин и их детей. Из древних текстов и рисунков Барбер почерпнул сведения о том, как обращались надсмотрщики с подневольными работниками, и сделал вывод, что для обеспечения порядка на строительстве пирамиды потребовалась бы армия в четыреста тысяч человек.

Отходы породы и материалов вывозились за скалы Гизы на северную и южную стороны, где они образовали завалы, простиравшиеся на сотни метров и занимавшие пространство примерно в половину объема пирамиды. При раскопках у подножия скалы Петри обнаружил слои пустынной гальки и песка, свидетельствующие о расчистке участка пустыни, необходимого для проведения строительных работ. В грудах мусора он нашел осколки емкостей для воды и пищи, обломки дерева и древесного угля и даже кусок древней бечевки.

Единственное упоминание о затратах на строительство пирамиды принадлежит Геродоту, который сообщает, что, по словам переводчика, сумма, затрачиваемая в день на приобретение редьки, лука и чеснока для питания рабочих, выгравирована в основании пирамиды. Но это свидетельство выглядит недостоверным, как и другой факт, упомянутый Геродотом, что Хеопс настолько поиздержался за время возведения пирамиды, что вынужден был торговать своей дочерью, беря за каждую ее услугу цену одного известнякового блока.

Кингсленд подсчитал, что если 2 300 000 блоков было уложено за 20 лет, или за 7300 рабочих дней, то требовалось ежедневно укладывать 315 камней, или 26 камней в час, при рабочем дне 12 часов. Менкен, который так пренебрежительно относился к математическим и астрономическим достижениям древних египтян, был все же вынужден признать, что, учитывая многообразие проблем, с которыми они неминуемо должны были столкнуться при строительстве, надо предполагать наличие у них более совершенных инструментов и более развитых научных знаний, чем принято считать.

Кингсленду было любопытно, какими видами освещения и вентиляции пользовались египтяне при подземных работах. Он не считал чем-то сверхъестественным то, что египтяне могли иметь орудия труда, о которых мы имеем весьма скромное представление, и применять методы, которые сегодня мы считаем оккультными. Возможно, их методы не столь мистичны, как может показаться на первый взгляд: Локьер предположил, что, используя одно передвижное зеркало и несколько стационарных, можно было добиться, чтобы солнечный свет доходил до любого уголка недр пирамиды.

Хотя легенды и приписывают жрецам Гелиополиса способность вызывать бури и перемещать камни, какие не по силам поднять и тысяче человек, большинство египтологов решительно отвергает возможность использования таких прогрессивных методов, как лазерная технология, для разрезания

камней или таких сверхсовременных и в наши дни механизмов, как антигравитационные машины, для поднятия тяжестей, настаивая на том, что все работы совершались с использованием примитивных орудий труда и неограниченной человеческой силы.

Тем не менее Эдвардс заявляет: «Хеопс, вероятно, страдавший мегаломанией, никогда бы за 23 года своего царствования не соорудил ничего подобного по размерам и долговечности Великой пирамиде, если бы технические достижения не позволяли его каменщикам управляться с огромными глыбами камней».

Хотя датский инженер Тони Брунес продемонстрировал, как огромные блоки, наподобие балок в Усыпальнице царя, могли подниматься одним-единственным человеком благодаря умелому использованию клиньев и балансиров, Петри был убежден, что древние строители владели еще более прогрессивными средствами подъема и перемещения камней, нежели обыкновенные пандусы, катки, рычаги…

Споры продолжаются…

Тайная дверь в пирамиду Хеопса

Немец Рудольф Гантебринк принадлежит к тому типу западных ученых, которые пришли в египтологию из наук, весьма далеких от традиционной истории и археологии. Привлечение специалистов других областей наук и даже инженерного дела привнесло в споры египтологов глубину и богатство материала, но и привело к частым лобовым столкновениям с официальной наукой, не склонной пересматривать устоявшиеся представления.

Гантебринк – блестящий инженер. В отличие от большей части исследователей пирамид он свободен от необходимости следовать в русле традиционной египтологии и в то же время не склонен привлекать внимание публики разными теориями, непрочно стоящими на ногах.

Великая пирамида, считает он, предоставляет два пути для изучения, помимо чисто умозрительных. Первый из них – это вентиляционный канал с северной грани Камеры Царицы. Робот Гантебринка «Утуаут-2» встретился с неожиданным изгибом и деревянным шестом, преграждающим этот канал. В 1993 г. Гантебринк решил не продолжать поиски в этом направлении, опасаясь, что робот застрянет и не сможет выбраться обратно. Но в канале южной грани он наткнулся на блок, который тоже преграждал ему путь.

Немецкий археолог в настоящее время работает над другой моделью, которая смогла бы продолжить спуск через северный канал: «Вентиляционный канал северной грани должен сыграть первостепенную роль в будущих исследованиях Великой пирамиды».

Вентиляционный канал Камеры Царицы

Вентиляционные каналы Камеры Царицы были открыты Диксоном и Грантом в 1878 г. В отличие от проходов в Камеру Царя их закрывали гранитные блоки. Грант заметил щель в одном из них, которая отличалась от соседних своей глубиной. Он засунул в нее проволоку и понял, что за блоком, вероятно, скрывается еще одна камера. В канале южной грани были обнаружены три странных предмета: бронзовый крюк с двумя головками, деревянный черенок, который явно когда-то был соединен с каким-то инструментом, и гранитный шар примерно в полкилограмма весом.

Диксон предположил, что точно так же, как каналы Камеры Царя, эти, из Камеры Царицы должны вести наружу. Он просовывал внутрь соединенные друг с другом шесты до тех пор, пока они не застряли в канале северной грани. Впоследствии часть шестов вынули обратно, но другие так и остались внутри прохода.

«Утуаут-2» сперва углубился в канал северной грани. Первое, что он встретил, – остатки того самого примитивного устройства, которым Диксон безуспешно пытался нащупать выход. Большая цепь скрепленных шестов уходила вверх над левой стенкой и терялась во мраке прохода. В центре одного изгиба деревянный шест загораживал весь канал. Гантебринк понимал, что его модель способна преодолеть преграду, но существовала опасность того, что она там застрянет и не сможет выбраться обратно, и он предпочел не продолжать.

После долгих дней тяжелой работы, включавшей импровизированные улучшения модели, ей все же удалось пройти дорогу до конца: до блока, похожего на дверь, и двух бронзовых

выступов. Исследователь рассказал о некоторых интересных находках в каналах Камеры Царицы, полученных в ходе тщательного осмотра переданных роботом изображений: «Внутри прохода обнаружились борозды глубиной 4 мм. «Утуаут-2» сфотографировал их, прежде чем пройти по ним, так что это не следы самого робота или чего-либо похожего. Возможно, что мы встретим подобные борозды на доброй части внутренних блоков пирамиды и это укажет нам, каким образом египтяне сумели добиться столь совершенной системы соединений скальных блоков. Эта техника должна включать использование бронзовой пилы, чтобы пропиливать отсеки в этих скалах. Осматривая скалу, которая блокирует проход в конце канала, мы обнаружили маленькие насечки треугольной формы на ее верхнем и нижнем правых углах. Подобные насечки характерны для камней, использованных для строительства дверей в других конструкциях египтян. Та, что находится в нижнем правом углу, имеет размер в 5 мм, в верхнем – 3 мм. Внизу блока есть маленькая отметина, идущая параллельно двери, в 0,4 мм шириной. Во время сооружения канала этот блок должен был оставаться подвешенным в полости над тем местом, которое он занимает сейчас. Отметины, сделанные бронзой на фронтальной части, использовались как стопоры для того, чтобы помешать двери снова подняться».

Этот вывод отличается от мнения доктора Хавасса, который полагает, что в Великой пирамиде больше не осталось комнат, которые можно открыть.

Роберта Бьювэл в своей книге «Тайна Ориона» рассказывает о других экспериментах Рудольфа Гантебринка, проведенных им внутри пирамиды Хеопса. Оказывается, углы отклонения проходов от Камеры Царя отличаются от тех, что вычислил в свое время Ф. Петри. «В модели, которые проходили по каналам от Камеры Царя и Камеры Царицы, – говорит Гантебринк, – были встроены устройства для определения наклона, и они позволили провести более точные вычисления. Углы наклона отличаются от тех, что нашел Петри, однако и цифры, приведенные Бьювэлом, тоже неверны».

По Бьювэлу, Гантебринк датировал сооружение пирамиду 2450 г. до н. э., используя некое лазерное оборудование. Это утверждение вызывало некоторые подозрения, потому что устройство не было конкретно названо, да и вообще нам неизвестно ни одной лазерной техники датировки минералов. С одной стороны, единственный вид портативного лазерного устройства основан на работе с красителями и не способен даже чуть-чуть проникнуть в скальную породу. Самые мощные,

основанные на газовых смесях, гораздо массивнее по размерам и нуждаются в ряде особых условий: генератор должен был бы располагаться снаружи пирамиды, и лучу пришлось бы проходить 200 м по оптическому волокну.

Гантебринк полностью опроверг информацию, представленную Бьювэлом, подтвердив наши подозрения, что данные, приведенные в «Тайне Ориона» и других книгах, несостоятельны. Гантебринк не верит в астрономическое назначение вентиляционных каналов Камеры Царя. Все гипотезы об их ориентации по звездам, выдвинутые на настоящий момент, противоречат реальным данным об углах наклона этих маленьких туннелей. Направление, которое указывают каналы, никак не связано с Алнитаком, Алниламом и Минткой, тремя звездами созвездия Ориона. Равным образом и северный канал не указывает на Тубан, Альфу Дракона.

Использование этих каналов для наблюдений также не согласуется с главной помехой – несовершенством самих каналов: «Им свойственно почти постоянное отклонение в ту или иную сторону. Канал на южном фасаде отклоняется почти на 30 см». Хотя речь идет о минимальном отклонении, его все же достаточно для того, чтобы из камеры нельзя было смотреть наружу: «Канал в северной грани имеет изгиб, чтобы избежать выхода в большую галерею, а затем на том отрезке, который ведет наружу, есть множество маленьких отклонений в ту и другую стороны. Этот канал менее совершенен, чем на северной грани. Вероятно, их прокладывали разные группы рабочих, и координация между ними была недостаточно хороша».

Гантебринк задается вопросом о настоящем предназначении загадочных каналов и выражает свои сомнения в археологической версии, которая утверждает, что их проложили для того, чтобы душа фараона могла выйти наружу: «В этом смысле особенно показательно то, что единственной пирамидой с вентиляционными каналами является Великая, за исключением искривленной пирамиды, в которой еще много чего остается неисследованным. Остальные фараоны не нуждались ни в каком особом пути для выхода наружу. Неужели дух Хуфу был более неуклюж, чем духи остальных?»

Возможно, в пирамиде осталось еще много неизученных мест. Немецкий археолог особенно заинтересован в расчистке пятой камеры, в которой имеется очень важный элемент: «Самое интересное, что это позволит осмотреть «патрон» Хуфу (Хеопса), который расположен между двух камней. Это пример очень странной, хотя и довольно обычной для египтян техники сооружения, при которой сначала камень гравируется, а потом

помещается на необходимое место, но в данном, уникальном случае клеймо наложено между двух камней».

Гантебринк следит за тем, чтобы у всех трещин в Камере Царя были поставлены межевые камни. Также он уделяет особое внимание фотографиям колодца, расположенного в северо-восточном углу этой камеры, рядом с саркофагом. Колодец может оказаться очень важной деталью. Расчеты показали, что все точки отсчета в Великой пирамиде могут соответствовать одной общей координационной сетке. Если гипотезы Гантебринка имеют под собой реальную основу, это многое даст для последующего изучения геометрии всего памятника.

Туннели Великой пирамиды

Большинство египтологов по-прежнему считают, что Великая пирамида служила гробницей для некоего фараона, предположительно – Хеопса. По их мнению, туннели предназначались для транспортировки гроба с мертвым фараоном к саркофагу в погребальной камере, для выхода после погребения или, наконец, служили уловкой, которая увела бы грабителей от скрытой камеры с саркофагом. Что касается огромных пломб, то никакой другой версии, помимо заботы о «покое» мертвого фараона, выдвинуто не было.

Как бы то ни было, этой версии не нашлось серьезного подтверждения, так как ни в Великой пирамиде, ни в какой другой не было обнаружено никаких останков тел, только фрагменты костей, да и те трудно отнести к какому-либо периоду времени.

Даже «незапломбированная» могила матери Хеопса Гетеферы, обнаруженная в 1925 г. совместной экспедицией Гарвардского и Бостонского университетов на дне 25-метровой шахты, забитой булыжниками, оказалась нетронутой на протяжении пяти тысяч лет; и все же саркофаг был пуст, и предположительно пустым он и был установлен в погребальной камере.

По утверждению египтологов, среди которых такие авторитетные, как Петри и Борхардт, когда тело фараона было уложено в усыпальнице и похоронная процессия вышла на поверхность, три огромные гранитные плюс несколько известняковых пломб проскользнули между пазами наклонной Большой галереи, пока не заложили Восходящий туннель.

Существуют различные гипотезы относительно того, производились ли все эти операции с безопасного расстояния, или рабочие, выполнявшие их, обречены были на пожизненное заточение в пирамиде, или они умудрились выбраться через шахту, известную как «колодец».

Одна из шахт пирамиды Хеопса, обустроенная для посетителей

Борхардт выдвинул гипотезу, гласящую, что в процессе работ строители неоднократно меняли свои планы, что и отразилось на столь странном внутреннем устройстве пирамиды. По его словам, первоначально было решено положить умершего фараона в углублении, выбитом в естественной породе на дне Нисходящего туннеля, но позднее планы поменялись. По каким-то неизвестным нам причинам было решено захоронить царя выше. Поэтому яма осталась незаконченной. Внутри уже уложенных слоев кладки был прорыт Восходящий туннель, который привел к Усыпальнице царицы. Тщательно исследовав стены Восходящего туннеля, Борхардт заметил, что камни внизу уложены почти параллельно земле, а вверху – параллельно уклону коридора. Отсюда он заключил, что пирамида уже возвышалась до уровня середины Восходящего туннеля в момент начала его строительства. В таком случае туннель был пробит сквозь уже существовавшие слои кладки, а потом уже блоки укладывались параллельно его уклону.

Теорию Борхардта поддерживал Леонард Коттрелл, автор популярной книги о пирамидах «Горы фараонов». Он предположил, что, когда строители поменяли план, они успели завершить Усыпальницу царицы и вентиляционные шахты, а потом снова изменили решение. По мнению Коттрелла, на этот

раз они задумали продлить Восходящий туннель в высоту до Большой галереи, расширить его на 48 метров, чтобы построить третью погребальную камеру для царя, куда и поместить тело фараона. Почему высота Большой галереи должна была быть 8,4 метра, хотя для обеспечения нормальной работы было достаточно и вдвое меньшей, Коттрелл не объясняет.

С этой гипотезой спорят Мараджольо и Ринальди, указавшие на то, что дно Восходящего туннеля было специально прорублено сквозь нижние слои кладки, просто чтобы привязать его к ядру самой пирамиды. Нижняя часть туннеля была пробита не в обычной кладке, а в кладке, специально призванной привязать конец туннеля, так как многие блоки – очень большие – уложены плоско, вертикально и боком и значительно отличаются от остальных внутренних слоев кладки, а стыки почти незаметны, в то время как на других участках стыки довольно широкие и грубые.

По мнению итальянских авторов, необходимо было сделать перемычку на стыке Восходящего и Нисходящего туннелей, чтобы потолочные плиты и пол Восходящего туннеля не провалились бы в Нисходящий. Несколько монолитов были вогнаны в Восходящий туннель с интервалом десять локтей, чтобы усилить его связь с ядром пирамиды и предотвратить провал, но таких камней нет в Нисходящем туннеле, где они не нужны, так как туннель покоится на твердой породе холма Гиза.

Борхардт продолжал доказывать свою гипотезу и дошел до такой стадии, когда не только перестал находить поддержку даже среди своих единомышленников, но и дискредитировал свою идею самим подходом к проблеме: в частности, гранитные и известковые пломбы, заложившие Восходящий туннель, не могли быть установлены между пазами Большой галереи, ибо явились бы препятствием для похоронной процессии, которая шествовала сверху. Поскольку пломбы были слишком велики и не прошли бы ни в одну из усыпальниц, Борхардт заявил, что блоки поднимались на деревянную платформу, установленную на пазах Большой галереи.

Это позволило бы похоронной процессии прошествовать под ними; однако почему это более удобно, нежели карабкаться по низкому и узкому Восходящему туннелю, он не объяснил, как и то, каким образом тяжелые блоки перемещались с платформы до уровня мостовой, по которой они должны были скользить. Несостоятельность этой версии, по мнению Мараджольо и Ринальди, доказывает и тот факт, что немногие археологи придали ей значение.

Что касается метода пломбирования Восходящего туннеля,

Коттрелл считает, что выступы на пазах Большой галереи должны были поддерживать поперечные балки из дерева или известняка, чтобы массивные пломбы не провалились. По его словам, по мере того как проходил похоронный кортеж, рабочие, стоявшие на выступах, опускали блоки, начиная с нижнего, и те проскальзывали в туннель; если бы они все были спущены одновременно, то под давлением их общего веса на нижнем конце произошли бы разрушения.

В связи с этим встает вопрос: куда исчезли эти деревянные или известняковые балки? Если они были из дерева, то разложились бы за прошедшее время. Также их могли вынести через колодец рабочие, хотя непонятно, зачем это надо было делать. Также эти материалы могли быть вынесены грабителями. Кроме того, встает вопрос: зачем было изобретать столь сложную систему пломб, если все равно оставался колодец, по которому легко можно было проникнуть в недра пирамиды? Нижний конец колодца можно было замаскировать, но весь его завалить было невозможно, после того как по нему ретировались рабочие.

Другую гипотезу по поводу закладки Великой пирамиды предложил в 1963 г. инженер из Балтимора Август Менкен. По его мнению, когда пирамида была достроена до скатов крыши Усыпальницы царя и работа продолжалась в Большой галерее и Прихожей, случилось сильное землетрясение. Пострадали потолочные балки Усыпальницы царя, образовались трещины и, «к ужасу строителей, спусковой механизм, сдерживавший закладки на полу Большой галереи, ослаб, и блоки соскользнули в Восходящий туннель, заблокировав выход из пирамиды».

Рабочие оказались в западне, но их положение было не безнадежным. «Как только утихли первый страх и потрясение, оставшиеся снаружи люди поняли, что случилось с их товарищами, и начали вести с ними переговоры через вентиляционные отверстия, ведущие из Усыпальницы царя. Посредством этих же отверстий людей снабжали едой и водой». Так как пробиться через гранитные закладки не было никакой возможности, а если рубить вокруг них, то можно было сильно повредить туннели, египтяне решили, считает Менкен, вырыть колодец со дна Нисходящего туннеля, ведущий к концу Большой галереи. По этой версии, была выслана инспекционная команда, чтобы проверить степень разрушений и обследовать потолок Усыпальницы царя; с этой целью был прорыт небольшой туннель, позже известный под названием туннель Девидсона, прямо через нижнюю из разгрузочных камер.

Закладка Восходящего туннеля приостановила все другие работы, а также сделала невозможным использование

Усыпальницы царя для захоронения, реального или видимого. «Так, работы выше закладок вестись не могли, и окончилась первая и единственная попытка египтян построить надземные камеры», – заключает Менкен.

Скептики могут спросить Менкена: если строительные работы были доведены до вершины Усыпальницы царя, не легче ли было удалить несколько блоков из верхних слоев, чтобы освободить рабочих? А если строители понимали, что не смогут использовать внутренние помещения, зачем же они продолжали работы над пирамидой и даже облицевали ее прекрасным отшлифованным известняком?

Совершенно иное решение проблемы предлагает Девид Девидсон. Толщина и ширина гранитных закладок указывают на то, что они должны были быть задвинуты, когда пирамида возвысилась до их уровня, или на семнадцать слоев. Девидсон говорит, что сантиметровый зазор между сторонами Восходящего туннеля вверху и гранитными плитами не позволил бы, чтобы они проскользнули из Большой галереи беспрепятственно. Тут же встает вопрос, зачем вообще было строить этот туннель – только для того, чтобы сразу же заложить его плитами?

Девидсон считает, что внутренние помещения пирамиды не предполагалось использовать в период строительства, они были предназначены последующим цивилизациям, и, чтобы добраться до них, исследователям пришлось бы пробиваться через серию известняковых закладок, что, как гласит история, и сделал Аль-Мамун. Напрашивается вопрос о колодце, который привел бы исследователей прямо в Большую галерею, минуя Восходящий туннель. Девидсон разъясняет, что колодец был задуман позже, а не как запасный выход после церемонии захоронения, ибо пирамида, по его мнению, вовсе не была гробницей.

Он предложил свой сценарий, по которому развивались события. Вскоре после завершения строительства произошло сильное землетрясение или какое-то другое стихийное бедствие. Жрецы, или хранители пирамиды, заметили обвалы с внешней стороны и решили обследовать внутреннюю часть. Катастрофа, по мнению Девидсона, должна была случиться спустя какое-то время после завершения строительства, до того как были утрачены планы и размеры внутренних камер. Хранители спустились в Нисходящий туннель и, вместо того чтобы пробиваться через гранитные закладки, дошли почти до низа Нисходящего туннеля и прорыли колодец к началу Большой галереи. В их задачу входило также обследовать две большие трещины в почве и выяснить, могут ли они вызвать дальнейшие разрушения.

Пробивая туннель, хранители миновали обе трещины и

сочли, что они не опасны. На уровне грота они устроили перевалочный пункт для доставки инструментов и для отдыха. Из грота они прорыли коридор к началу Большой галереи. Каким-то образом они умудрялись прекрасно ориентироваться, поэтому выбрались как раз с нижней стороны галереи. Девидсон по трещинам вокруг колодца решил, что камень вынимали снизу.

Чтобы так хорошо ориентироваться в недрах пирамиды, надо было иметь точный план и размеры всех помещений. Эта гипотеза исключает возможность того, что колодезную шахту прорыли воры или исследователи. Когда хранители достигли Большой галереи, по мнению Девидсона, они разобрали пол в нижней части галереи на площади три-четыре метра и открыли проход к Усыпальнице царицы. Обследовав ее, они не обнаружили никаких повреждений. Продвигаясь к Усыпальнице царя, хранители заметили странные колебания. Внутри усыпальницы они увидели, что потолочные блоки с южной стороны треснули. Тогда они заделали трещины цементом и штукатуркой. Петри отмечал, что обнаружил следы цемента на протяжении около полутора метров по обеим сторонам от шва.

Петри, обследовав Усыпальницу царя, заключил, что она сильно пострадала, возможно, от землетрясения, от чего вся камера расползлась примерно на два-три сантиметра. Блоки с южной стороны отошли и треснули; весь потолок весом около четырех тысяч тонн держался на одном растворе, которым замазали трещину. Петри считал, что обвал Усыпальницы царя – это только вопрос времени, так как она не связана с основной конструкцией.

Девидсон утверждает, что пять разгрузочных камер были специально устроены, чтобы принять на себя основной удар. Вместо того чтобы установить самые верхние блоки на твердом граните, строители уложили их на известняк, который первым должен был развалиться в случае падения, сняв напряжение с нижних балок и тем самым защитив стены Усыпальницы царя. По Девидсону, более жесткая конструкция, одинаковая во всех камерах, привела бы к обвалу.

Чтобы этот буферный эффект сработал, перекрытия камер не должны быть скреплены с восточной и западной стенами. Вместо этого были возведены две огромные известняковые стены, независимые от гранитных полов и поддерживающих блоков. С этими большими стенами камеры не связаны и пружинят.

Чтобы добраться до этих камер, хранители, по версии Девидсона, прорубили отверстие в восточной стене галереи и достигли ее верхней, южной, стороны. В подтверждение Девидсон приводит тот аргумент, что отверстие это сделано в нужном

месте и под точным углом, чего не могли бы сделать воры или исследователи, не знакомые с внутренним устройством пирамиды. Внутри первой камеры (которую Девидсон позже назвал своим именем) хранители пирамиды поняли, что все не так плохо, как они думали. Огромные гранитные блоки в самом деле треснули, но не настолько, чтобы вызвать серьезные разрушения. Они замазали трещины, решив вернуться позже и посмотреть, не произошло ли каких-либо изменений.

Затем хранители спустились вниз по колодцу, дно которого замаскировали, и вышли наружу через сдвижной камень на северной стороне. Эта версия выглядит весьма логичной. Конечно, пробивать ход в твердой породе и слоях кладки, при этом вынося обломки из пирамиды, – нелегкое дело, но не невозможное. Следовало также обеспечить светом и воздухом рабочих и придумать систему подвесок или платформ; кроме того, обломки должны были падать прямо на головы рабочих. Но все эти проблемы можно было решить.

Французский профессор архитектуры Ж. Бруше, обследовавший пирамиду и издавший в 1966 г. иллюстрированную книгу о результатах своей работы, соглашается с Девидсоном в том, что гранитные закладки не могли проскользнуть в Восходящий туннель; он считает, что они были заложены в процессе строительства, когда пирамида была еще усеченной. Чтобы они проскользнули вниз, считает Бруше, стены должны были быть гладкими, как стекло, тогда как они довольно грубо обработаны. Но Бруше не соглашается с Девидсоном в том, что колодец был прорублен снизу вверх, указывая на то, что дно колодца находится немного ниже уровня Нисходящего туннеля. Бруше утверждает, что этого не произошло бы, если бы колодец начинали рыть снизу.

Если колодец рыть сверху, то это надо было делать до того, как был заложен Восходящий туннель, или после того, как Аль-Мамун прорубил свой ход. В верхней части пирамиды нет места для хранения строительного мусора: усыпальницы для этого не подходят, а к Большой галерее пришлось бы прилаживать крестовины и мешки для отвала. Бруше указывает на то, что колодец не мог быть сооружен после Аль-Мамуна, так как нижний выход Нисходящего туннеля был заполнен им самим отходами известняковых закладок; шахта была расчищена только в 1817 г. Кавильей.

Другой французский исследователь, Жорж Гойон, который скопировал все надписи и рисунки на пирамиде и издал их в книге, посвященной королю Египта Фаруку, также не соглашается с гипотезой о том, что служебная шахта использовалась как

запасный выход. Он тоже полагает, что грабители вторглись в пирамиду вскоре после завершения работ и что «дыра Аль-Мамуна» появилась как раз в этот период. Он делает смелое предположение, что первые визитеры вошли через туннель, который приписывают Аль-Мамуну, и Аль-Мамун посетил пирамиду уже после того, как была снята ее облицовка, что противоречит общепринятой трактовке известных исторических фактов.

В своей статье в «Ревью аркеолоджик», целиком посвященной механизму закладки Великой пирамиды, Гойон высказал предположение, что один-двое рабочих вполне могли манипулировать целой серией блоков и преградить путь в Восходящий туннель. Для лучшего скольжения они могли использовать глину, смешанную с коровьим молоком, а для контроля – деревянные клинья по обеим сторонам первого блока. Гойон свидетельствует, что на нижнем гранитном блоке имеются две щели глубиной семь сантиметров, которые предназначались для клиньев. Он оспаривает утверждение, будто стилизованная «опускная решетка» перед Усыпальницей царя никогда не использовалась для замуровывания гробницы. Гранитные плиты, давно извлеченные грабителями, могли опускаться точно в боковые пазы на веревках, перекинутых через деревянные блоки, а четыре вертикальных щели, вырезанные на лицевых гранях «опускной решетки», позволяли этим веревкам свободно скользить.

Существует еще одна теория, которая не противоречит находкам Девидсона. Ее авторы – астрономы Проктор и Антониади. Они утверждают, что усеченная пирамида служила обсерваторией, работая в которой египетские жрецы могли составлять точные карты и таблицы видимых звезд. Вполне возможно, что они пожелали спрятать свои инструменты, чтобы впоследствии никто не смог узнать, каким способом они получили свои знания.

В этом случае имело смысл замуровать Восходящий туннель, пока верхняя часть Большой галереи была открыта до уровня Усыпальницы царя.

Дональд Кингсбери, профессор математики Макгиллского университета, высказывает предположение, что колодец использовался для наблюдения за звездами в зените. Так как имеется короткая вертикальная шахта, связывающая грот с Нисходящим туннелем, то наблюдатели Полярной звезды и звезд могли подавать друг другу сигналы.

Загадка Сфинкса

Рядом с Великой пирамидой, на краю плато Гиза, истрепанное самой природой и покалеченное людьми, стоит одно из самых таинственных изваяний на свете – Сфинкс, изображающий льва с человеческой головой.

Сфинкс был высечен из коренной породы – известняка. Размер выступа, послужившего исходным материалом для туловища Сфинкса, был искусственно увеличен с помощью глубокой прямоугольной канавы. Потом камню была придана нужная форма. Дополнительные блоки известняка были использованы лишь чтобы внести завершающие штрихи, включая бороду. Она давно разрушилась, но может быть реконструирована по сохранившимся фрагментам.

Сфинкс, по всей видимости, считался божеством; из текстов известно, что египтяне воздавали ему соответствующие почести.

Невзирая на то, что Сфинкс огромен, археологи никогда не предполагали, что для его создания древние зодчие применяли какие-то особые методы, помимо, конечно, упорной работы и четкой организации труда. Каменные молоты и медные зубила вполне годятся для обработки известняка – довольно мягкой горной породы. Сходные инструменты были использованы, чтобы вырыть канаву вокруг Сфинкса и обработать детали скульптуры. Но по-прежнему остается тайной, почему, когда и кем он был изваян.

Большой Сфинкс в Гизе

Если верить официальной науке, Сфинкс был создан около 2500 г. до н. э. по распоряжению фараона IV династии Хефрена. Тот же самый фараон построил вторую по величине из трех Великих пирамид Гизы и завещал похоронить себя в ней. Сфинкс был статуей бога Гармахиса, и, поскольку фараон считался воплощением божества на земле, скульпторы придали изваянию черты земного властителя. Сходство лика Сфинкса с лицом Хефрена подтверждает, что последний был строителем монумента.

Эта версия считалась вполне достоверной до недавнего времени, когда были опубликованы три работы, каждая из которых произвела эффект разорвавшейся бомбы.

«Первая удивительная новость пришла в 1991 г. от профессора Роберта Шоха, геолога из Бостона, – пишут авторы книги «Древние тайны» американцы П. Джеймс и Н. Торп. – Изучив особенности эрозии поверхности Сфинкса, он объявил, что статуя должна быть на несколько тысяч лет старше, чем думают египтологи. Ее создание датируется VII тысячелетием до н. э, а возможно, еще более ранним временем.

Второй сюрприз преподнес полицейский художник, лейтенант Фрэнк Доминго из нью-йоркского городского отделения полиции. Тщательно сравнив лицо Сфинкса с ликом фараона Хефрена, Доминго пришел к выводу, что черты Сфинкса

вовсе не были скопированы с Хефрена!

Третье открытие совершил Роберт Бьювэл, соавтор известной книги «Тайна Ориона». Используя компьютерную технологию, он установил, что около 10 500 г. до н. э. утром в день весеннего равноденствия созвездие Льва поднималось на восточном горизонте прямо перед Сфинксом. Бьювэл пришел к выводу, что Сфинкс сооружен в отдаленную эпоху как указатель этого астрономического события.

Позже Бьювэл объединил усилия с Грэмом Хэнкоком, автором книги «Следы богов», и они развили свои доводы в пользу новой астрономической датировки Сфинкса в книге «Хранитель бытия» (1996). Теперь многие уверены в том, что Сфинкс на самом деле был высечен из камня около 10 500 г. до н. э., в конце последней ледниковой эпохи, а вовсе не в XXV в. до н. э., как утверждает официальная наука…

Фактически передатировка Сфинкса была использована Хэнкоком и другими авторами как очередное подтверждение того, что цивилизация, подобная Атлантиде, действительно существовала в ледниковую эпоху, но находилась… в Антарктиде.

Но есть ли хоть какое-то зерно истины в утверждениях о необходимости передатировки Сфинкса на основании геологических, астрономических, криминалистических и других данных?»

Все нынешние споры вокруг Сфинкса возникли в значительной мере благодаря одному человеку – Энтони Уэсту, египтологу-любителю, который в течение многих лет изучал тайны Древнего Египта. Уэст восторженно писал об астрологии, верил в реальность затонувшей Атлантиды и считал, что некая цивилизация на Марсе повлияла на развитие наших собственных древних культур. К примеру, знаменитое «лицо на Марсе» он интерпретирует как инопланетный аналог Сфинкса. Разумеется, ни одна из этих идей не вызывает расположения к нему у профессиональных египтологов, считающих его шарлатаном. Но, так или иначе, настойчивость Уэста заслуживает уважения. Вот уже двадцать лет он упорно отстаивает идею о том, что Сфинкс гораздо старше, чем принято считать.

Вдохновение для своей теории Уэст почерпнул в конце 1970-х гг., когда проникся идеями французского математика и оккультиста Швеллера де Любича. Тот полагал, что зашифрованные символы египетского искусства и архитектуры имеют одновременно математическую и мистическую природу и что, расшифровав эти символы, мы можем получить глубокие познания об этой культуре, недостижимые с помощью обычных методов, принятых в египтологии. Его основной довод

заключался в том, что древние египтяне обладали более совершенными научными знаниями, чем обычно считается; время от времени он намекал на то, что египтяне получили эти знания от другой, еще более древней цивилизации. Эта цивилизация исчезла в результате катастрофического наводнения, которое, по мнению де Любича, охватило и территорию Египта в доисторические времена: «Движению огромных водных масс над Египтом должна была предшествовать великая цивилизация, и это приводит нас к выводу, что Сфинкс, изваянный в скале на западной окраине Гизы, уже существовал в то время – ведь на его львином теле, за исключением головы, видны несомненные признаки водной эрозии».

Уэст начал искать доказательства того, что сильное выветривание поверхности Сфинкса было вызвано воздействием потоков воды, а не ветра и частиц песка, как полагало большинство египтологов. По мнению Уэста, не оставалось никаких сомнений, что Сфинкс подвергался водной эрозии, а с учетом того, что в Египте за всю его письменную историю никогда не выпадало ливневых дождей, эрозия должна была происходить в очень отдаленную эпоху. Поэтому сначала Уэст согласился с де Любичем: Сфинкс был сооружен незадолго до катастрофического наводнения (возможно, Великого потопа, описанного в Библии), охватившего весь Египет.

Уэст смог убедить профессора Р. Шоха, геолога из Бостонского университета, изучить Сфинкса и дать оценку характера его выветривания. Шох совершил две поездки в Египет вместе с Уэтом и в 1992 г., после второй поездки пришел к выводу, что главной причиной эрозии Сфинкса были ливневые дожди в течение очень долгого времени. С его точки зрения, поверхность Сфинкса имела глубокий волнообразный профиль выветривания, характерный для дождевой эрозии. Бороздки на стенах канавы, окружающей Сфинкса, тоже напоминали следы воздействия дождя. Другие монументы на плато Гиза, датированные примерно 2500 г. до н. э., по мнению Шоха, имели совершенно иной рисунок выветривания. Исходя из оценки продолжительности воздействия эрозионных процессов, он относил время сооружения Сфинкса к VII–V тысячелетиям до н. э.

Шох предложил сценарий, резко отличающийся от общепринятых представлений. По нему хорошо организованные общества эпохи неолита могли сооружать колоссальные монументы, подобные Сфинксу. Возможно, полагал он, некий аналог этих протоурбанистических обществ существовал в Египте, и Сфинкс является величайшим из сохранившихся монументов этой культуры. Вскоре после 7000 г. до н. э. в самом Египте

появились сельское хозяйство и оседлые поселения, поэтому модель Шоха правдоподобна с археологической точки зрения.

Уэст, само собой, был восхищен геологическими выводами Шоха. Он с готовностью заменил свою раннюю модель крупномасштабного наводнения ливневыми дождями. Теперь оставалось разобраться с личностью Хефрена. В 1993 г. Уэст уговорил полицейского художника, лейтенанта Фрэнка Доминго, отправиться в Египет и сравнить черты Сфинкса с диоритовой статуей Хефрена в Каирском музее. Доминго с помощью компьютерной графики произвел точечное сравнение характерных черт каждого лица.

Его вывод был довольно неожиданным: «После анализа рисунков, схем и результатов измерений мой окончательный вывод совпадает с первоначальной реакцией – т. е. две эти работы изображают двух разных индивидуумов».

Как справедливо указывают ученые, то, что Сфинкс обращен лицом на восток, имеет некое астрономическое значение. В этом трудно усомниться, особенно потому, что древние египтяне отождествляли Сфинкса с различными солнечными божествами. Среди его египетских имен был Гор-ам-Акхет (Гармахис), «Гор на горизонте» и Шешеп-анкх– Атум, «Живой образ Атума». (Греческое слово «Сфинкс», видимо, является сокращением от «Шешеп-анкх».) Поскольку Гор и Атум были солнечными божествами, связь между ориентировкой Сфинкса и восходом солнца не подлежит сомнению. Бьювэл и Хэнкок отмечают, что истинный (географический) восток есть направление восхода солнца в день весеннего равноденствия (21 марта), одна из двух точек земной орбиты, где продолжительность дня и ночи одинакова. Далее они предполагают, что Сфинкс был построен как указатель весеннего равноденствия и это остается основным фактором в их компьютерных расчетах.

Убежденные, что комплекс пирамид в Гизе отображает положение звезд в созвездии Ориона за 10 500 лет до н. э., Бьювэл и Хэнкок установили свою компьютерную имитацию звездного неба на эту дату и обнаружили, что в день весеннего равноденствия вскоре после восхода солнца Сфинкс должен был смотреть через плато Гиза прямо на созвездие Льва. Из-за медленного кругового смещения земной оси (это явление называется «прецессией») в разные эпохи созвездия не только восходили в разных местах; угол их возвышения над горизонтом тоже значительно изменялся.

Если верить расчетам Бьювэла и Хэнкока, незадолго до рассвета в день весеннего равноденствия за 2500 лет до н. э. (приблизительная «официальная» датировка сооружения

Сфинкса) созвездие Льва поднималось не на востоке, а в 28 градусах к северу. Более того, созвездие находилось под острым углом к горизонту, и передняя часть «туловища» Льва была значительно выше задней.

Однако за 10 500 лет до н. э. перед рассветом в день весеннего равноденствия Лев не только поднимался прямо перед Сфинксом, глядящим на восток, но также занимал горизонтальное положение по отношению к горизонту. Они иллюстрируют это обстоятельство с помощью диаграмм, где сравнивается положение созвездия Льва в 2500 г. до н. э. и в 10 500 г. до н. э. В последнем случае совпадение кажется идеальным.

Бьювэл и Хэнкок пошли еще дальше и заявили, что прецессия равноденствий, которая обычно считается открытием греческого астронома Гиппарха, жившего во II в. до н. э., была известна гораздо раньше. Но для того, чтобы доисторические звездочеты могли обнаружить прецессию равноденствий, им пришлось бы вести тщательные астрономические наблюдения в течение столетий, если не тысячелетий. (Гиппарх располагал архивами Вавилонской библиотеки, уходящими в прошлое по меньшей мере на 500 лет.) Несмотря на безусловное мастерство составителей доисторических календарей, которые начали фиксировать результаты своих наблюдений в наскальных росписях еще за 20 000 лет до н. э., не сохранилось никаких рисунков или записей, отражающих взаимное расположение звезд.

Остальные же ученые считают, что при более тщательном рассмотрении новые «научные» доказательства более ранней датировки Сфинкса попросту исчезают. Астрономические соответствия очень туманны, а геологические обоснования весьма сомнительны.

Итак, Сфинкс продолжает хранить свои тайны. Мы по-прежнему не знаем ни причин, ни точной даты его постройки. Поэтому усилия Уэста и его последователей нельзя назвать совершенно бесплодными. Старые взгляды подвергались сомнению, египтологам пришлось выложить свои карты на стол, и доказательства, которые последний раз серьезно рассматривались в начале XX в., ныне подвергаются критическому анализу.

Где же страна Офир?

География библейских повествований не очень обширна: описываемые события (исключая те, что происходят на небесах) укладываются в основном на карте в рамки Ближнего и Среднего Востока. Но есть в одном месте Библии, а именно в Третьей книге Царств, сообщение, которое вот уже многие века бередит географов, путешественников и искателей сокровищ. Первых привлекает перспектива установления научной истины, вторые движимы охотой к перемене мест. А третьи… Их интерес станет понятным, когда мы уточним, о чем идет речь.

Примерно в 945 г. до н. э., сообщает Библия, иудейский царь Соломон заключил контракт со своим коллегой – финикийским царем Хирамом I, правившим в городе Тире, что на Средиземном море. Финикийцы по праву славились как непревзойденные мореплаватели и корабелы древности. Так вот, по словам библейского хроникера, «царь Соломон… сделал корабль… на береге Черного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на (этом) корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону». Несколько уточнений: Черное море – это Красное, Идумейская земля – это нынешнее побережье Акабского залива. 420 талантов – много это или мало? В аттической Греции талант равнялся 26,2 килограмма, исследователь Библии Гуте считает, что в таланте было 44 килограмма. Получается, что фирма «Хирам и Соломон» доставила за один рейс от одиннадцати до восемнадцати тонн золота! Откуда, откуда привезены эти неслыханные сокровища? Из Офира.

Глиняный черепок с надписью «Золото Офира», найденный в Израиле

Офир упоминается в Библии еще несколько раз: «Корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней». Далее говорится: «В три года раз приходил фарсисский корабль (тип быстроходного финикийского судна), привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов». А кончается дело тем, что (царь) Иосафат сделал корабли на море, чтобы ходить в Офир за золотом, но они не дошли, ибо разбились при выходе из Акабского залива.

Невезучий царь Иосафат сел на трон почти через сто лет после Соломона. Выходит, в течение века было совершено по крайней мере несколько удачных рейсов в этот самый Офир. И пусть груз корабельников не был столь рекордным, как в первый раз, все равно такое количество презренного металла не могло не вскружить голову многим последующим поколениям читателей Библии.

Где искать вожделенную страну золота? Ведь библейский летописец не указал даже примерного ее расположения. И искать ли вообще? Что, если Офир просто легенда, не имеющая четкой географической привязи?

Против такого допущения говорит многое. Ведь мифы и легенды не возникают из ничего. Человеческая фантазия в самых смелых своих взлетах всегда имеет земное притяжение: вспомним для простого примера вавилонскую башню или Иерихон, или

Трою. В пользу реальности Офира говорят и датировка событий, и скрупулезное перечисление поступлений золота, и еще ряд деталей.

Характерно, что в других древних текстах тоже есть упоминания о «стране золота». Расшифровка египетских надписей явила известие о стране Пунт. Туда фараоны за десять веков до Соломона посылали свои суда за благовониями, слоновой костью, золотом, драгоценными камнями и прочими дефицитными товарами – список, как видим, в точности предваряет опись грузов экспедиции времен царя Соломона. Одна из надписей перечисляет имена мореплавателей, одиннадцать раз выезжавших в Пунт. Другая гласит, что единственная женщина-фараон, прекрасноликая Хатшепсут, отрядила в Пунт пять судов, изрядно пополнивших ее золотой запас. При Рамсесе III в Пунт была снаряжена экспедиция на папирусных лодках, в которой участвовали более тысячи человек. Словом, известия о Пунте многократно встречаются в различных египетских текстах на протяжении полутора тысяч лет.

Выяснилось, что современник фараонов шумерский царь Лагаша тоже посылал свои суда за золотом в некую страну Мелухху, лежащую «на берегах Нижнего моря» (Индийского океана).

Не вдаваясь в дальнейшие перечисления, скажем следующее: в III–I тысячелетиях до нашей эры многие древние источники упоминают о существовании некой области, располагающей богатыми запасами золота.

А теперь главное: ряд историков склонен полагать, что речь идет об одной области, фигурирующей под разными названиями. Российский ученый А. Кифишин пишет: «Не исключено, что легендарная страна Офир… страна Пунт, из которой древние египтяне вывозили экзотические товары, и Мелухха шумеров – это одна и та же страна».

Какие есть основания для подобного заключения? Давайте посмотрим. Во-первых, путь в золотой край шел только морем. Никакие иные сухопутные средства транспорта не упоминаются. Известно, что египтяне добывали золото также в Нубийской пустыне, однако в Пунт они отправились на своих весельных папирусных ладьях – праправнуках лодки «Ра» Тура Хейердала. Во-вторых, судя по текстам, маршрут во всех случаях вел из Красного моря дальше к югу, вдоль побережья Восточной Африки. Финикийцы очень ревностно хранили тайны своих торговых путей, чтобы не иметь конкурентов в заморской коммерции. И если они уж пошли на альянс с царем Соломоном, чтобы совершить совместное плавание, то только по единственной

причине – у них не было собственной базы на Красном море, а попасть в Восточную Африку иным путем они не могли.

Да, но ведь по другую сторону сравнительно неширокого Красного моря лежит Аравия? Верно. Но, кроме золота, и египтяне, и финикийцы везли из Пунта-Офира слоновую кость, а слоны никогда не водились в Аравии. Да и зачем было царю Соломону брать на себя тяготы судостроения, если через Аравию пролегали столбовые караванные пути? Кроме того, одна из клинописных табличек аккадского царя перечисляет заморские диковины, прибывшие из Мелуххи – «черной страны», то есть страны чернокожих. Все говорит за то, что это была именно Африка.

Правда, во всем этом деле есть одно деликатное обстоятельство: торговый рейс в оба конца, по свидетельству Библии, занимал три года. За это время финикийский парусник мог уйти очень-очень далеко… Это позволило помещать золотоносный Офир, где открывателя ждали сказочные копи царя Соломона, в самые разные места – в Индию и даже в Перу! А в XVI–XVII вв. распространилось убеждение, что копи надо искать на Соломоновых островах в Тихом океане! Недаром они получили такое наименование.

Два последних предположения отнесем на счет распаленного воображения искателей скорого богатства. Что же касается Индии, то действительно там есть и слоны, и павлины, и благовония, не говоря уже о золоте. За пятнадцать столетий до новой эры в Индии знали уже золотое литье; это была страна высокоразвитой культуры. Но, как справедливо пишет немецкий историк Р. Хенниг, «вряд ли здесь могли разрешить каким-либо иноземным морякам заниматься разработкой залежей и запросто вывозить из страны богатейшие сокровища». И даже если допустить, с большой натяжкой, что воинство Хирама и Соломона совершило лихой пиратский набег на побережье Индии, то вряд ли они сумели за раз взять добычу в виде десятка тонн золота. И уж тем более такие вылазки не могли быть регулярными. Тем не менее в эпоху географических открытий мысль об Индии не оставляла путешественников, и Колумб, выйдя в Атлантику, шел с надеждой добраться окружным путем до «восточной Индии», страны Офир.

Остается обратиться к наиболее правдоподобной версии, а именно, что Офир находится в Восточной Африке. В пользу ее говорят и смутные указания на то, что финикийцы бросали якорь где-то на 20-м градусе южной широты, в районе побережья нынешнего Мозамбика. Правда, путь до этой части Африки отнял бы у парусного судна куда меньше, чем полтора года. Выходит,

трасса в страну золота пролегала не только по морю.

Иными словами, она вела от берега куда-то дальше в глубь Африки. Но куда?

Когда корабли португальцев впервые достигли побережья Юго-Восточной Африки – это случилось в самом конце XV в., почти одновременно с открытием Америки, – они были потрясены пышностью приморских торговых городов. Удивление, правда, быстро улеглось в практическое русло: откуда столько добра в здешних портах – Софале, Килве, Момбасе?

Вскоре один из капитанов флотилии Васко да Гамы пишет в реляции своему королю: «Купцы-мавры говорят, что в Софале есть богатый рудник, откуда царь Соломон каждые три года получал золото». Немного позже рапорт португальца д'Алькасоа, датированный 1506 г., уточняет: арабские купцы вывозят из Софалы в год больше миллиона меткалей (около четырех тонн) золота. Можно представить, какой шок вызвала эта цифра в королевском дворце в Лиссабоне. Сомнений нет – это он, достославный Офир! Неужто португальскому венценосцу Мануэлу суждено будет вступить во владение копями царя Соломона?..

Последовал немедленный наказ короля – наложить руку на этот сказочный источник золота. Но посланная флотилия генерал-адмирала д'Альмейды, разграбив восточноафриканское побережье, никакого рудника не обнаружила… Как же так? По всей видимости, доложили лазутчики, золото поступает из Мономотапы, африканской империи в глубине континента.

Португальцы, которым достались библиотеки мавров за Пиренеями, знали о существовании этой могучей державы, лежащей между реками Лимпопо и Замбези. О ней писал в X в. крупнейший историк раннего Средневековья, «арабский Геродот» аль-Масуди. Книга аль-Масуди о путешествии по Восточной Африке так и называется – «Промывание золота и россыпи драгоценных камней».

Еще более поразительные подробности содержались в «Собрании сведений для познавания драгоценностей» другого знаменитого путешественника, хорезмца аль-Бируни. Примечательно, что автор занес сведения о Мономотапе – «стране зинджей», – будучи в Индии. Значит, уже в XII в. слава золотоносных рудников Восточной Африки пересекла океаны. Ахмад аль-Бируни приводит услышанные от арабских купцов любопытные подробности об этом золотом крае: зинджи, говорит он, получив от купцов товары, лишь после этого «отправляются в пустыни в поисках золота для их оплаты». Из этого автор справедливо делает вывод, что, по всей видимости, в их стране «такое обилие золота, которое дает возможность в любое время

находить потребное количество его».

Копи царя Соломона уже вырисовывались перед взором португальцев.

Но захватить Офир им было пока не под силу. Поначалу португальцы заключили торговое соглашение с властителем Мономотапы, которого они именовали императором. Умудренный дипломат Антонио Фернандиш дважды – в 1514 и 1515 гг. – ездил в глубь страны для заключения договора. Он доложил, что на холмах междуречья Замбези и Лимпопо идут междоусобные войны. Но сил для нападения у европейцев не было, свои укрепления на побережье они только начали возводить.

Интересно, что Фернандишу, несмотря на все его усилия и тактические ходы, не удалось определить местонахождение золотых копей. Золото здесь было, никаких сомнений. Но получали его португальцы крайне мало – по договору им доставалось не больше двух слитков в месяц. Чернокожие явно припрятывали его, – таков был вывод португальского наместника.

Не удалось добраться до сердца сказочно-манящего Офира и Франсиско Баррето, вторгшемуся в Мономотапу в 1569 году и даже успевшему получить от своего короля титул «конкистадора рудников Мономотапы». Едва отпраздновав начальную победу, Баррето умер, и на сем военная экспедиция закончилась.

Лишь полстолетия спустя – в 1629 г. – португальцы заставили властителя Мономотапы сдать им в аренду часть золотоносных рудников. Этот договор сохранился. Под ним стоит подпись: «Мануза, император Мономотапы». Нелегко было, наверное, императору решиться на этот шаг, но обстоятельства оказались сильнее. Португальцы, как уже говорилось, появились на восточноафриканском побережье в тот самый момент, когда негритянскую империю раздирали династические войны, племена отчаянно враждовали друг с другом, а перебежчики и предатели искали руки европейцев. Так, казнями и кознями португальцы получили доступ к вожделенному источнику богатства.

Но до золотых караванов было еще далеко. Захваченные рудники никак не походили на то, что живописала Библия, а после нее арабские путешественники. По всей видимости, в аренду были отданы не самые богатые выработки. Или же – что тоже вполне вероятно – золотоносная порода была исчерпана. Король из Лиссабона раздраженно отчитывал своих наместников в Восточной Африке, тыча им успехами в другой части света – Бразилии: оттуда что ни месяц отсылали в казну корабли с ценным грузом. А «сокровищ Офира» едва хватало на снаряжение посыльного судна из Европы в Африку!

Верноподданные христианнейшего короля проводили дознание за дознанием, выпытывая у негров, где «настоящие копи». Тщетно. Им указывали новые и новые рудники… все с той же полупустой породой.

В это самое время на Мономотапу, а затем на города побережья обрушилось нашествие кочевников, появившихся из внутренних, глубинных районов Черного континента. Португальцы называли их «симба»; скорей всего это было прозвище – «львы». На суахили так до сих пор зовут бесстрашных воинов. Это нашествие окончательно похоронило мечту португальцев добраться до копей царя Соломона.

С середины XVII в. основные силы и внимание Лиссабон решил сосредоточить на своей более перспективной заморской колонии – Бразилии. Африканским же колониям суждено было стать поставщиком рабочей силы для Нового Света. Расцвела эпоха работорговли. Про золото Мономотапы какое-то время еще ходили легенды и рассказы. Француз Лафонтен даже вставил намек на нее в одну из басен.

Что же? Неужели легенда окончательно превратилась в басню? Нет. Библия долго еще оставалась «бестселлером» среди книжной продукции, и каждое новое поколение читателей жаждало узнать, где все-таки находится Офир, страна золота. Географическая неизвестность была слишком заманчивой, чтобы прозябать в реестре загадок. Тем более что открытие Африки, по сути, лишь начиналось. И в ней вполне могло сыскаться место для Офира. Какое-то время спустя он перекочевал в Судан, затем в Нигерию, в Гану (прежнее колониальное название – «Золотой берег!») и так далее.

Офир не исчез. Он просто не давался в руки.

…Шла осень 1868 г. Живший в Южной Африке американец Адам Рендерс терпеливо уже целую неделю крался за стадом слонов. Он не собирался стрелять в зверей. На сей раз его добыча должна была стать куда ценнее: в стаде он заметил старого, с трудом передвигавшего ноги слона. Двое старых гигантов хоботами поддерживали патриарха во время дневных переходов. Рендерс был убежден, что они ведут умирающего к «кладбищу слонов» – легендарному месту, куда приходят окончить свои дни толстокожие гиганты. До сих пор никому еще не удавалось увидеть этот естественный склад слоновой кости, и Адаму – он не сомневался – предстояло стать первым человеком, открывшим слоновье кладбище.

Заросший низким кустарником буш кончался у берега реки Лунди. В неглубоком месте животные переправились на другую сторону, уходя все дальше на север. Рендерс неотступно следовал

за ними.

В одном месте русло реки сворачивало. Рендерс решил обойти стадо с подветренной стороны; он поднялся из высокой травы и увидел…

Он увидел на высоком холме каменную крепость. Она поднималась, как рыцарский замок. Хотя нет, какой замок – это чуть ли не целый разрушенный город, обнесенный стеной, с башней из тесаных глыб. А рядом – еще одно сооружение, словно выросшее из гранита. И между возвышенностями, в седловине – россыпь каменных домов. Брошенных, пустых. Все это так не похоже на негритянские хижины народа банту.

Рендерс и думать забыл о слонах. Ведь то, что он увидел, – если это только не мираж и не наваждение, – …это был Зимбабве, столица «золотой империи» Мономотапы! Многие из белых поселенцев Южной Африки слышали рассказы о ней, но видеть собственными глазами никому не доводилось. Правда, португальские источники утверждали, что недра золотой страны давным-давно уж истощились, но ведь в Зимбабве-то они не были. Может, каменная крепость как раз и охраняла подлинные копи царя Соломона?!

Охотник возвратился в Трансвааль и рассказал об увиденном. Однако точного местонахождения города-крепости не указал. Он не собирался ни с кем делить славу и богатство первооткрывателя.

Организовать экспедицию в том же году ему не удалось: между поселениями буров и местными племенами начались боевые действия, а путь в Зимбабве лежал через опасную зону. Только в 1871 г., зимой, он вторично отправился в дальний путь на левый берег Лимпопо. Его спутник Джордж Филип, тоже охотник, едва поспевал за Рендерсом. Тот спешил как в лихорадке.

У самой цели Рендерс упал, чтобы уже не подняться, – лихорадочный блеск в его глазах был вызван не страстью, а высокой температурой. Рендерс умер подле своего открытия.

Филип рассказал о развалинах города известному на юге Африки геологу Карлу Мауху. Этот немец приехал в Южную Африку, устроившись на корабле матросом. С 1865 г. он странствовал по Трансваалю и соседним с ним областям, между Лимпопо и Замбези, составил подробную карту этих мест и открыл «семейные» рудники народа машона: местные жители селились прямо возле шуфров, добывая руду. Узнав о Зимбабве, Маух немедля двинулся в путь.

5 сентября 1871 г. он увидел двуглавую возвышенность. Одну вершину венчал эллиптической формы «храм» (так окрестил его

Маух), вторую – «акрополь». Между ними, в седловине, покоились руины жилых построек.

Величественность высившихся развалин поразила Мауха. Он увидел здесь, в тысячах миль от больших городов, точную (так казалось ему) копию храма царя Соломона в Иерусалиме, а на соседней возвышенности – опять-таки судя по библейским описаниям – копию дворца царицы Савской! Если это так, значит, неисчерпаемый кладезь сокровищ тоже должен быть где-то неподалеку. А уж кому, как не ему, знать, что недра здешнего края богаты золотом!

Подробных изысканий Мауху провести, однако, не удалось. Вождь народа макаланга, хозяин округи, принял любознательного гостя и… оставил его при себе. Немец-геолог очутился под домашним арестом. Он мог сколь угодно долго обследовать останки Большого Зимбабве, но попытки заняться окрестными рудниками встречали вежливый, но твердый отпор.

Когда в следующем 1872 г. Карл Маух вернулся наконец домой, его подробные описания Зимбабве вызвали дикий ажиотаж в мире старателей и золотодобытчиков. В междуречье Замбези и Лимпопо хлынули авантюристы и фанатики – обычная человеческая накипь, которая появляется с первыми вестями о золоте.

Золотая лихорадка усилила активность англичан, и те поспешили присоединить эти области к своим владениям в Южной Родезии. К началу нашего века более ста тысяч заявок на золотоносные участки в районе древних рудников на землях народов машона и матабеле лежали в канцелярии губернатора Сесила Родса. Сам лорд Родс считал, что Зимбабве без всяких сомнений библейский Офир, а копи царя Соломона – обнаруженные вокруг, но, к сожалению, порядком истощившиеся рудники.

Что ж, вопрос с Офиром можно было считать исчерпанным?

Не будем торопиться с выводом. Мы еще не сказали, что собой представляет величественный комплекс Большого Зимбабве.

Археологи смогли сейчас более или менее точно восстановить (на бумаге) циклопическую постройку. 350-метровый холм заканчивается каменной стеной. Во многих местах она вбирает в себя гранитные глыбы и достигает четырех-пяти метров в толщину. Ее дублируют еще два-три ряда внутренней ограды, что, конечно же, делает Зимбабве неприступным.

До сих пор неясна технология подъема тяжеленных каменных блоков на вершину двуглавого холма. Какие применялись

механизмы? Как укладывались блоки? Поистине «Таинственный Зимбабве»…

Крепость? Но ясно виден жертвенный стол для заклания животных. Храм? Но во времена Мауха жившие по соседству макаланга называли его «мамбахуру» – «женский дворец». Кстати сказать, это во многом повлияло на убеждение немецкого геолога, что перед ним скопированный дворец царицы Савской.

Извилистая тропа внутри ограды выводит к конечной башне. Предназначение ее тоже загадочно: башня монолитна. Для чего было складывать высоченную башню, в которую нет хода?

Рядом – обнесенный эллиптической стеной «акрополь» (название, повторяем, дано чисто условно, по внешнему сходству). Вырубленные в граните ступени ведут к квадратной двери в стене. Стена поверху выложена причудливой кладкой, подлинное кружево. В одном месте над обрывом нависает каменная эспланада, где сидят каменные ястребы. Первые исследователи Зимбабве единодушно считали, что ястребы – дело рук египетских мастеров. Действительно, они несколько напоминают птицу фараонов.

А когда в начале века на Замбези неподалеку была найдена глиняная статуэтка египетского происхождения с именем фараона Тутмоса III, отпали, казалось бы, малейшие сомнения – Зимбабве возведен египтянами и был, по всей видимости, центром легендарного Пунта-Офира. Все вроде бы сходится.

Но четверть века спустя – в 1927 г. – выяснилось, что статуэтка поддельная. А кроме нее, никаких следов пребывания египтян в этом регионе не обнаружено. Что же до каменных ястребов, то они, по единодушному убеждению сегодняшних историков – творения рук негритянских умельцев.

Главная достопримечательность «акрополя» – керамическая печь для отливания золотых слитков. Она очень напоминает аналогичные печи финикийцев. Это обстоятельство, естественно, привело к мысли, что, быть может, весь комплекс Зимбабве воздвигнут ими. Но против этой версии говорят другие существенные детали, перечислять которые мы не будем за недостатком места. «Таинственный Зимбабве» – это тривиальное определение оказывается, видимо, единственно подходящим в данном случае.

Кто построил Зимбабве, когда и зачем? На все три вопроса покамест нет ответа.

Как предполагают, золото в этом районе добывали с незапамятных времен. Кто были первые люди, намывавшие его на речных отмелях, а затем, в связи с растущим спросом, начавшие рыть ямы? Твердого ответа на это также не существует. Известно,

что племена народа банту заселили южную часть Африки значительно позднее экспедиции корабельников царя Соломона. Первыми обитателями, очевидно, были бушмены или же низкорослые, родственные пигмеям племена: самые древние золотые выработки представляют собой ямы такого маленького размера, что там могли работать люди ростом не больше 120–140 сантиметров.

Золота было много. По свидетельству Геродота, в «Африке золото ценится дешевле меди. Даже цепи, в которые заковывают пленников, делаются из золота». Но для того, чтобы люди начали заниматься таким тяжким трудом, как извлечение золотоносной породы из пробитых в кварцевых породах шахт, нужен был мощный внешний стимул. Нелепо «просто» добывать металл! Золото нужно обменивать на другие товары.

Не исключено (хотя и не доказано), что первыми потребителями его были древние египтяне. Затем с упадком государства фараонов далекие экспедиции прекратились, и по прошествии какого-то времени здесь наступило затоваривание желтого металла. При таком допущении легко объяснить успех Соломоновой экспедиции в Офир, завершившийся привозом сенсационного количества золота. Но, повторяем, все эти выводы сделаны на основе предположений.

Достоверная история «страны золота» начинается только с X в. уже нашей эры. Именно в это время сюда, в междуречье Замбези – Лимпопо, пришел народ макаланга – в переводе «сыны солнца». Под их вассальную зависимость подпали окрестные племена. На холмистых просторах Юго-Восточной Африки возникла империя, и властитель ее принял титул «мономотапа» – «хозяин рудников». Добытые в рудниках крупицы золота сносили в Зимбабве, где отливали в печи цилиндрические слитки. Сам величественный комплекс на холме много раз перестраивали. Окончательный вид он принял в раннем Средневековье.

Эта эпоха, X–XIV вв., была временем расцвета арабских халифатов. Требования на золото все росли. Шахт в Мономотапе становилось все больше. Целые семьи подвластных макаланга племен переселяли к рудникам.

При раскопках археологи тщательно искали захоронения царей Мономотапы. Устные предания гласили, что они отправлялись на вечный покой во всем великолепии привычной пышности; их сопровождали на тот свет верные супруги – у одного из самых знаменитых императоров их было три тысячи! Но сенсационных находок не было. Обнаружены лишь каменные топоры, железные асегаи, несколько жемчужин, украшения из меди и бронзы.

Империя Мономотапы пала, как мы знаем, расшатанная междоусобицами, разграбленная нашествием кочевников.

То, что осталось, прибрали к рукам португальцы. Многие из подданных «хозяина рудников» отправились в колодках в Новый Свет, главным образом в Бразилию. Караваны рабов шли отсюда к побережью бывшей золотой тропой. Шли еще долго после официальной отмены работорговли. Французскому путешественнику Франсуа Бальсану удалось доказать, что транспорты проданных в рабство «штук эбенового дерева» грузились у побережья Мозамбика даже в 1880 г.! Умельцы, ювелиры, шахтеры безвозвратно ушли, и с ними канула в вечность их тайна…

Но вернемся к Офиру.

В 1950-х гг. археологические находки в районе Зимбабве подвергли радиоуглеродному анализу. При этом оказалось, что ни одна из находок не датируется раньше I в. н. э. Иными словами, первый культурный слой начинается через тысячу лет после легендарного плавания финикийских кораблей с купцами царя Соломона.

Где Офир? Вопрос остается открытым.

Вокруг Африки 2500 лет назад

…В первых числах августа 1487 г. три корабля Бартоломеу Диаша вышли из Лиссабона и отправились в путешествие, которому суждено было стать решающим этапом великой морской экспансии Португалии. Записки Жуана Барруша сохранили для нас детали этого плавания.

Современные историки географических открытий не часто вспоминают Бога. Но в случае с португальскими плаваниями это иногда приходится делать. У их участников существовал обычай: места, куда они прибывали, называли «по святцам» – по именам святых католического календаря. Зная об этом, историки смогли достаточно точно отождествить районы, где побывали путешественники.

Так, например, был определен день прихода Диаша в бухту Святой Барбары в Конго – 4 декабря (популярность этой святой была велика у моряков и военных в Португалии второй половины XV в.). Четыре дня спустя эскадра достигла Китовой бухты (Уолфиш-Бея), названной тогда бухтой Непорочной Девы, а затем пришла в бухту Элизабет. Земли эти показались португальцам такими мрачными, что за ними закрепили имя «угрюмые пески». Тогда они не подозревали, что это алмазные россыпи.

Но у нас сейчас речь пойдет о другом. Всюду, где суда приставали к берегу, за ними наблюдали сотни внимательных глаз. Облик каравелл надолго остался в памяти прибрежных жителей.

Древняя финикийская монета

К югу от Уолфиш-Бея армаду подхватили сильные юго-восточные ветры и донесли до Ангра-Пекена, в теперешней Намибии. На берегу мореходы установили каменную плиту – падран, которую везли для такого случая из самой Португалии. Диаш переступил границу достигнутого соотечественниками. Мыс Доброй Надежды приближался с каждым днем.

Не так давно в научной прессе появились сообщения о любопытных находках археологов на различных отрезках побережья Южной Африки – о наскальных рисунках, изображающих странные корабли. Они были нанесены острым предметом на прибрежные скалы в нескольких пунктах побережья и, скорее всего, сделаны по памяти. Рисунки сравнили со старыми книжными гравюрами. В чем-то они совпадали, в чем-то – нет.

Португальские исследователи, склонные всегда слегка преувеличивать значение соотечественников в истории мореплавания, настаивают на том, что на всех изображениях – португальские корабли. Но достаточно взглянуть на рисунки, чтобы усомниться в этом. Действительно, четыре корабля на первых из найденных рисунков похожи на «оригиналы»,

сохранившиеся в старых книгах и на старинных картинах. Но остальные…

Их нашли позже других в районе Кланвильяма. Даже при беглом знакомстве с рисунками у исследователей сразу зародилось сомнение: а не финикийские ли это суда?

Финикийцы в Южной Африке? За две тысячи лет до Португалии? Этого ученые из Лиссабона и Порту никак не хотели допускать. Англичане, более объективно настроенные в отношении географических открытий, высказались в пользу финикийцев. Ведь рисунки органически дополнили известные данные Геродота о плавании вокруг Африки при фараоне Нехо. «Каравеллы – лучшие из судов, бороздящих моря, и нет места, где бы они не могли пройти», – писал средневековый хронист. Добавим к этому: лучшие из судов Средневековья. А ведь были еще античные суда, и плавали они быстрее, а порой и дальше португальских. Доказательств этого с каждым годом все больше и больше.

…В XI в. до н. э. Древний Египет стал постепенно терять свою государственную независимость. В 730 году до н. э. он был завоеван войсками африканского государства Напата. В 685 г. до н. э. фараону Псамметиху удалось на время установить независимость страны, призвав на помощь греческих и малоазиатских наемников. В 671 г. ассирийцы захватили Мемфис, древнюю столицу Египта. И сам Псамметих I (663–610 гг. до н. э.) и его сын Нехо все чаще открывали морские порты теперь уже не только для финикийских, но и для греческих кораблей. В Средиземноморье зарождалась новая сила, способная достойно конкурировать с финикийским и египетским флотами. И Нехо, пытавшийся вновь поднять престиж страны и продемонстрировать мощь египетского флота, приказал финикийским мореходам, находившимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим географическим предприятием древности.

«…Ливия же (имеется в виду Африканский континент. – *Н.Н.),* по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикиян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы (Геркулесовы) столбы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора

урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы столбы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне».

Таков рассказ Геродота об этом плавании вокруг Африки в VI веке до н. э. «Отец истории» посетил Египет в 450 г. до н. э. и слышал там этот рассказ от жрецов. Больше о плавании не упоминал никто – может быть, потому, что его организаторы пожелали сохранить в тайне результаты экспедиции.

Скудные строчки этого сообщения вызывали сомнения еще в греко-римскую эпоху. Другие античные авторы оспаривали его, ибо, по их представлениям, «Ливия» (то есть Африка) смыкалась с Азией на юге. Кроме того, древние считали наименее вероятной ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания. Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывшие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Значит, корабли зашли далеко на юг и могли наблюдать его у южной оконечности материка. Не верили Геродоту и потому, что он ни словом не обмолвился о тропической растительности, огромных реках, впадающих в океан, диких животных, поселениях местных жителей и прочих атрибутах Африканского побережья. Однако подобный аргумент ex silentio (основанный на умолчании) нельзя считать основанием для того, чтобы не верить Геродоту. И если он в своих трудах не упомянул Массалию и Рим, то отсюда вовсе не следует, что этих городов в его время не было…

Некоторых ученых смущает расстояние в двадцать пять тысяч километров, которое надо было покрыть, чтобы обогнуть Африку по морю. Однако нетрудно предположить, что суда все время держались вблизи берегов; к тому же первые мореходы, плававшие в Индию и обратно, огибали близ берегов протяженную дугу Аравийского полуострова и также проходили огромное расстояние. К этому можно добавить, что интересующее нас плавание проходило в основном в благоприятных для судоходства водах, чего, кстати, не скажешь о плаваниях по Тихому океану малайцев и полинезийцев, покрывавших в утлых лодках гигантские расстояния по отнюдь не спокойным водам южных морей. И наконец, Для нас будет небезынтересным заключение немецкого ученого А. Херена, считающего, что у фараона Нехо, который приказал строить флот на Средиземном и Красном морях, пытался соединить эти моря каналом, вторгся в Азию и захватил ее до Евфрата, вполне могла возникнуть мысль отправить в разведывательное плавание вокруг Африки флотилию судов.

Попытаемся приблизительно восстановить маршрут этого необычного и удивительного предприятия. Надо исходить из того, что финикийцам была знакома дорога до мыса Гвардафуй, на полуострове Сомали, – восточной оконечности Африки. Они могли отплыть осенью из района современного Суэца на хорошо оснащенных пятидесятивесельных судах. Вскоре они достигли бы мыса Гвардафуй. Течения и ветра этого района восточноафриканского побережья помогли бы мореходам, им даже не понадобились бы весла. А у мыса ветер ударил в паруса и погнал корабли на юг. Приближаясь к экватору, они некоторое время сопротивлялись северо-восточному пассату, но потом их подхватило Мозамбикское течение и донесло до юга Африки. К их большому удивлению, солнце здесь было видно справа, то есть на севере. Позднее весной они прибыли в район бухты Святой Елены и в первый раз за много месяцев ступили на твердую землю. Вырастив урожай пшеницы (он созрел к ноябрю), они поплыли дальше и тут же попали в Бенгельское течение, которое донесло корабли до устья Нигера, в Гвинейском заливе. В конце марта в районе этой реки они вновь увидели в зените полуденное солнце. Работая веслами – здесь им встретилось противотечение, – путешественники миновали мыс Пальмас (территория современной Либерии. – Авт.).

Следующий этап путешествия был нелегким, так как пришлось бороться с пассатом и Канарским течением. Но солнце, сиявшее на небосклоне точно так же, как на их родине, вселяло в путешественников надежду на скорый конец плавания. В ноябре они достигли марокканских берегов и ступили на них, чтобы вновь посеять пшеницу и запастись провизией. В июне следующего года урожай был собран, и корабли двинулись дальше на север. Скоро они миновали Гибралтарский пролив и поплыли по знакомым водам Средиземноморья. Через несколько недель корабли стали на якорь в дельте Нила…

Если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать догадок и заблуждений более поздних времен. Но корабли вернулись в Египет, когда фараона Нехо уже не было в живых, и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о достигнутом…

Это плавание произошло слишком поздно для того, чтобы Древний Египет, находившийся на грани краха, мог использовать его в практических целях; однако оно совершилось достаточно рано для того, чтобы мы могли еще раз убедиться в способностях и знаниях народов древнего мира.

До последних лет не имелось никаких, кроме сообщения

Геродота, упоминаний об этом удивительном плавании. Но вот какие сведения опубликовал в «South African Archaeological Bulletin» археолог Т. Сэмпсон. Первое, что он обнаружил, – это свидетельство английского путешественника начала прошлого века Дж. Томпсона. В книге «Приключения в Южной Африке» Томпсон упоминает о странной находке в местечке Кейп-Флэтс, в районе мыса Доброй Надежды, сделанной незадолго до его приезда. Томпсон сам видел найденное. Если верить его описанию, то речь шла о частях обшивки какого-то древнего судна «со следами металлической субстанции в сильно разъеденном состоянии» – как он предполагает, гвоздей. Старый плотник, присутствовавший при этом, утверждал, что древесина была кедровая. Еще тогда, в 1827 г. Томпсон предположил, что это останки финикийского парусника, потерпевшего крушение во времена, когда пирамиды еще были молодыми, а район Кейп-Флэтс находился под водой. Но о находке забыли.

Через тридцать лет после обнаружения таинственных обломков местный чиновник сообщил в письме губернатору провинции о находке на побережье семидесятифутовой (двадцать один метр) полуистлевшей кедровой доски. Сохранившиеся обломки уже в наши дни изучал известный южноафриканский ученый Р. Дарт. Он установил, что длина парусника могла достигать 170 футов (62 м), а это вполне соответствует данным по древнему кораблестроению у финикийцев.

…Экспедиция Диаша не раз подходила к берегам, причем настолько близко, что местные жители могли пересчитать мачты на каравеллах. В Анграа-Пекена флотилия задержалась из-за непогоды. Через несколько часов после выхода в море вновь разразилась буря. Стало холодно, совсем не так, как севернее, у берегов Гвинеи. Надежда на спасение ослабла.

Почти две недели плыли с зарифленными парусами и ничего не видели. Их тоже никто не видел. Бухту Святой Елены проплыли, не заметив. Потом, полагая, что береговая линия, как и раньше, идет строго к югу, Диаш повернул на восток – и не обнаружил берегов. Флотилия проскочила Африку! Корабли развернулись на север и нашли удобную бухту. Теперь уже они видели берег, а берег видел их.

Сейчас бухта именуется Моссел, а тогда, в 1488-м, Диаш назвал ее Пастушьей бухтой: на прибрежных склонах готтентоты пасли скот. Ответом на попытку завязать знакомство был град камней. Спустя десять лет Васко да Гама также не обнаружил у этого племени ни малейших дружеских чувств к европейцам. Готтентоты как будто знали все наперед…

Между тем южная оконечность Африки была уже позади.

Экспедиция пока этого не ведала. Но у Диаша была одна задача – двигаться и при этом почитать святых. На небольшом островке, названном Санта-Круш (Святой Крест), был воздвигнут падран в честь святого Григория. Что это был за остров, никто не знает. Одни говорят, что он исчез в пучине, другие помещают его у южной оконечности Африки; называют и иные места.

На правом берегу реки Бусманс (Бушменской) команды высадились, и было проведено голосование. Все устали. Матросы высказывались за возвращение: судно с запасами продовольствия затерялось по дороге, экспедиции угрожал голод. Для триумфального возвращения на родину открыто достаточно новых земель. Подсчитали голоса – большинство оказалось за возвращение. Это был конец всему предприятию. Как предполагают биографы Диаша, капитан решил, что лучше отложить на несколько лет открытие Индии, в которую он уже знал дорогу, чем прослыть деспотом…

Так или иначе, флотилия пошла домой. Мыс Доброй Надежды они увидели только на обратном пути, когда последние стаи ласточек улетали в Европу. На мысе Диаш все-таки задержался. Сегодняшнее название южной оконечности Африки – Кабу ди Боа Эшперанса (мыс Доброй Надежды) – придумал, как полагают некоторые исследователи, именно он. Добрая надежда на плавание в Индию! Но надежда не сбылась.

20 мая 1500 г. корабль, на котором Диаш был капитаном в составе экспедиции Кабрала, был уничтожен сильнейшей бурей почти рядом со знаменитым мысом. Итак, предположим, что местным жителям – ими могли быть бушмены – удалось увидеть корабли Диаша в местах его стоянок и вблизи берегов.

Поэтому сделаем пока вывод, схожий с заключением Г. Джонстона, которое он изложил на страницах южноафриканского археологического журнала: «Первые рисунки изображают суда времен Диаша или последующих десятилетий, остальные – финикийские галеры».

Древние египтяне в… Австралии?

Австралия была уже достаточно заселенным материком, когда она вдруг начала открывать свои секреты. Первые колонисты были заняты своими внутренними делами и не особо интересовались тайнами новой родины. Но к середине XIX в., когда поселенцы уже достаточно прочно обосновались в Австралии, выяснились совершенно загадочные обстоятельства…

В ста милях к северу от Сиднея в заповедных лесах национального парка Хантер-Вэли сделано открытие, споры о котором не утихают уже который год. В заповеднике обнаружена иероглифическая надпись, в которой, по-видимому, говорится, что египтянин Джесеб, сын достославного фараона Джедефры, внук божественного Хуфу, побывал в этой местности Австралии.

Об этих письменах было что-то известно уже в XIX в., но потом о них забыли. Прошло немалое время, и выветрившиеся, поросшие густой растительностью иероглифы снова нашли и расшифровали. Рядом с надписью из 250 иероглифов на камне высечено изображение бога Анубиса, что, очевидно, указывает на связь с Древним Египтом.

Содержание переведенного текста оказалось сенсационным. В нем рассказывается о египетской морской экспедиции, потерпевшей кораблекрушение у берегов Австралии. Вернуться назад, потеряв корабль, они не могли. Путешественники разбили лагерь на чужом берегу, пытались приспособиться к незнакомым природным условиям и ужасно страдали от всяких ядовитых тварей. Там также сказано, что они построили пирамиду.

Загадочные знаки на стене пещеры в Австралии

В этой местности действительно имеется несколько построек, напоминающих по форме небольшие ступенчатые пирамиды.

…В 1837 г. английский путешественник и географ Джордж Грей отправился в экспедицию к Западному и Южному побережьям Австралии, которые оставались до этого практически неизученными. За время долгого и трудного путешествия Грей открыл реку Гаскойн и пустился исследовать течение реки Гленелг. Но в устье реки его ждала неудача – корабль разбился о подводные камни. Географ и члены его команды едва успели перебраться на берег. Изнуренные и измученные люди пробирались сквозь непроходимые леса к городку Петру, до которого было около 500 миль.

Во время одного из привалов Грей решил исследовать загадочную пещеру на берегу реки. Когда он зашел внутрь, то удивлению его не было предела – на закопченных сводах пещеры явственно виднелись рисунки, сделанные человеком. Но дальше его потрясение стало просто огромным – найденные рисунки никак не походили на наскальную живопись австралийских аборигенов, и, более того, фигуры, изображенные на них, явно принадлежали не аборигенам, а людям, чем-то напоминающих древних египтян!

Ошарашенный Грей кинулся к своим измученным спутникам, которые также убедились в том, что эти рисунки, явно сделанные много-много лет назад, изображают людей из Египта.

Когда измученные путники добрались до цивилизации, то их сообщения не были встречены с энтузиазмом – мало ли что там привиделось голодным и измученным путешественникам.

Но в XX в. об этой пещере и находке Грея вспомнили – после того как в 1931 г. были найдены такие же загадочные наскальные изображения. Их обнаружил в Центральной Австралии археолог Майкл Терри. Эти рисунки тоже никаким образом не походили на обычные наскальные росписи аборигенов. На них тщательно были выведены черты лица, детали одежды – и опять и внешность, и одеяния нарисованных людей явно не принадлежали аборигенам. Эти фигуры были выбиты на высоте более десяти метров от земли, что вызвало еще одну загадку – каким же образом они были созданы.

А спустя год, в 1932 г., около Маккай были обнаружены несколько колодцев, прорубленных в сплошном каменном массиве. Глубина этих сооружений составляла около десяти метров, и согласно заключениям археологов сделаны они были несколько сотен лет назад. При этом австралийские аборигены попросту не имели такого оборудования, которое позволило бы им совершить нечто подобное!

В 1961 г. недалеко от города Алис-Спрингс были обнаружены новые загадочные наскальные изображения. Их изучением занималась группа исследователей из Исторического музея Аделаиды и австралийского Института по изучению аборигенов. Ученые привезли из экспедиции более четырехсот фотографий этих наскальных рисунков. Роберт Эдвардс, куратор антропологического отдела австралийского музея, заявил: «Они не принадлежат ни к одной известной форме туземной культуры».

Это заключение подтвердило гипотезу, давно ходившую в ученых кругах, – в Австралии в свое время побывали некие загадочные племена, не имеющие ничего общего с аборигенами.

Откуда же прибыли эти племена? Антрополог Графтон Эллиот Смит, профессор Манчестерского университета и ярый сторонник так называемой диффузионистской теории (из одного центра) распространения по свету главных мировых культур, выдвинул еще в начале XX в. такую версию, первоначально вызвавшую смех у его коллег: в Австралии в свое время жили египтяне!

В доказательство своей гипотезы он приводил следующие факты: у некоторых австралийских племен существовал обычай мумифицировать тела покойников. Этот обычай отменили только христианские миссионеры – в конце XIX в. Но мумии остались в целости и сохранности, и их изучение позволило сделать вывод: мумифицировались они таким же способом, как и древнеегипетские.

А в феврале 1964 г. на месте древнего города в Египте была

обнаружена гробница женщины, захороненной приблизительно в 1000 г. до н. э. Исследование останков тела показало: для бальзамирования было использовано эвкалиптовое масло. Это казалось невероятным. Ведь единственное место, откуда могли доставать тогда такое масло, – это Австралия и Новая Гвинея.

Находка стала еще одним звеном в цепочке доказательств Смита. Кстати, дополнительным аргументом в его пользу был тот факт, что некоторые египетские имена похожи на имена аборигенов Австралии.

А затем выяснились обстоятельства, которые вполне вписываются в версию Смита. В разных местах Австралийского континента найдены загадочные знаки, которые при желании можно принять за иероглифы. Эти знаки напоминают иероглифические обозначения древнеегипетского бога Атона. Другие знаки представляют священного жука скарабея, мумии и человеческие фигуры, похожие на типичные изображения людей в Древнем Египте. Один знак, по-видимому, является изображением почитаемого аборигенами божества – всевластного духа предков Вонджины, окруженного сиянием, а другой знак похож на значок иератического письма, который можно интерпретировать как имя Вонджины. Многочисленные наскальные рисунки в Австралии представляют собой схематичные, типично египетские изображения мумий, сфинксов и других предметов, которые не имеют к Австралии никакого отношения. Неужели все эти многочисленные рисунки фальсифицированы?

Еще в 1909 г. Энди Гендерсон, австралийский фермер, ставил на своем участке новый забор. Дело было в Кэрнсе, Квинсленд. Его лопата стукнулась о кусок железа, который он отбросил не глядя. Но все же что-то привлекло его внимание, и он решил рассмотреть находку. Оказалось, что это старинная монета – очень ржавая и ничем не примечательная. Он все же принес ее в дом и положил на полку, где она пролежала больше полувека.

В 1965 г. в дом к внукам фермера попал гость-историк. Он заинтересовался необычной монетой и долго изучал ее. Когда ему сообщили, где и когда была найдена эта монета, он отказывался верить. Еще бы – на одной стороне монеты изображен рогатый Зевс Аммонский, а на другой – орел, оседлавший зигзаг молнии. Каждый из этих знаков – эмблема Птолемеев, династии египетских царей. Находка Энди Гендерсона относилась к эпохе Птолемея IV, правившего в Египте с 221 по 203 гг. до н. э. Такие монеты служили платой египетским солдатам.

А совсем недавно предположение о том, что египтяне в древности посещали Австралию, получило еще одно

подтверждение. На полуострове Арнемленд, на дороге близ города Дарвин, мальчишки нашли странный на первый взгляд камешек. Он оказался маленькой скульптурой священного для древних египтян жука скарабея. Археологи датировали эту находку 1 тыс. до н. э.

Не забудем упомянуть и о том, что типично австралийские бумеранги были известны и в Древнем Египте. Деревянные предметы характерной для бумеранга формы находились, к примеру, в знаменитой гробнице фараона Тутанхамона. Египтологи полагают, что это, собственно говоря, не бумеранг, а оружие для охоты на птиц. Брошенная с силой изогнутая палка на лету ломала птице шею, и добыча просто падала на землю. Но опыты показывают, что египетские «охотничьи палки» возвращались назад, как австралийские бумеранги. Само по себе это ничего не доказывает, так как разные народы могли самостоятельно изобрести аналогичные по форме и действию орудия.

Все эти находки позволили найти ответ на вопрос: почему на стенах египетских храмов изображены люди, не похожие ни на один из покоренных египтянами народов. Вероятно, это жители загадочной Австралии, честь открытия которой можно отдать египтянам.

Наркотики стары как мир

Наркотики кажутся нам печальным феноменом XX в. Люди древности опьяняли себя лишь вином. После плавания Колумба к этому зелью добавился табак; уже в новое время началось повальное увлечение опиумом. В XX в., после колониальных походов, европейцам стали доступны другие экзотические наркотики, а затем и химические транквилизаторы. Казалось бы, история порока ясна. Однако исследования археологов убеждают, что мы плохо представляем себе темные стороны жизни античных людей.

Популярный лозунг «Хлеба и зрелищ!» впору переделать на такие лозунги, как «Наркотиков и зрелищ!» или «Хлеба и опиума!».

Мир Древней Греции и Рима – эра празднеств и пиров. «К людям достойным на пир достойный без зова приходит» – вот мудрость Платона, передающая облик эпохи, где отличиться можно было или в бою, или на пиру, где за чашей вина вели диспуты древние любомудры и стихотворцы. «Мудрый после третьей чаши все венки с главы слагает и творит уж возлиянья благодатному Морфею».

Однако в античные времена, как и в наши дни, философы и поэты составляли лишь малую горстку среди участников празднества. Чаша вина знала счет лишь в идиллических стихах А. Пушкина. Человеческая природа была тогда так же необузданна и невоздержанна, как и теперь.

Древнеегипетское изображение, запечатлевшее употребление алкоголя

Упоительный мир древности – это мир упоения самыми странными и диковинными зельями, это время бесконечных ботанических открытий. Пожалуй, никогда позже ботаника не переживала такого расцвета, как на заре человеческого общества. Любая трава, часть любого дерева могла открыть посвященному новый источник пищи, редкостный яд или пьянящий аромат, что заставлял забыть о тяготах буден и перенестись в странный мир, где сбывались сны, оживали видения, исчезало прошлое и замирало время. Ради этого наслаждения смельчаки решались жевать, пить и курить все, что даровала им природа, – и, как ни странно, нередко оставались в живых, делая порой поразительные открытия. Попробуем же описать наркотические вещества, которые могли быть известны в древности.

Пиво – самый древний и безобидный из пьянящих напитков. Ячменное пиво варили в Египте и Месопотамии уже в IV–III тысячелетиях до н. э. Как же был открыт процесс брожения?

Неизвестно, как это случилось. Быть может, безвестный открыватель рецепта лежал, томимый недугом. Боль пронзала его горло, жар подтачивал силы. Он не мог глотать и тогда бросил черствый хлеб (сколько же дней он не поднимался с одра!) в стоявший рядом кувшин с водой, чтобы скудный кусок хоть немного размяк. Потом забытье снова сломило его. Он открыл глаза лишь пару дней спустя. Перед ним стоял кувшин. В нем

лежал расплывшийся хлеб. Это месиво уже начало бродить.

Возможно, именно так люди впервые приготовили «пьянящее пиво». Действие этого напитка, думается, было поразительным. Ослабленный болезнью бедняга, жадно глотнув странное питье, наверняка хватил лишку и буквально обезумел. Никогда в жизни он не испытывал подобных ощущений. Такой вкус нельзя было забыть. Выздоровев, человек занялся приготовлением необычного питья.

В пиво египтяне издревле добавляли финики, анис, шафран. Французский историк Пьер Монте писал, что пиво в Египте пили повсюду: дома, в поле, на кораблях, в харчевнях. Его разливали в кружки емкостью от одного до двух литров. Кружки были каменными, фаянсовыми или металлическими.

Пивом не только угощались, но и расплачивались. По словам немецкого историка Дианы фон Кранах, «обычная дневная плата работника почти всегда состояла из пяти хлебов и двух кружек пива».

Греки познакомились с пивом, очевидно, в VII в. до н. э. Для них оно было напитком восточным и «диким». Его могли пить египтяне и армяне, фракийцы, фригийцы и скифы. Сами греки предпочитали вино. Пиво же служило скорее лекарством. Так, Гиппократ в своих сочинениях упоминал «ячменное варево» и описывал его целебное действие при лихорадке и бессоннице.

Для римлян пиво тоже было «отвратительным питьем варваров». Тацит, оставивший первый подробный отчет о жизни германцев, сообщал, что «их напиток – ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина».

Египтяне приготавливали алкогольные напитки не только из ячменя и пшеницы, но также из различных плодов. В первую очередь для этого годились финики и виноград. Впрочем, вино можно было получить из любого сладкого сока, например пальмового. Египетское вино ценилось далеко за пределами страны. Виноградники фараона Джосера (2780–2760 гг. до н. э.), строителя ступенчатой пирамиды, вспоминали спустя века после его смерти.

Поэты Египта восхваляли чудесный напиток:

> Ягоды, соком обильнее прежнего,
> Сердце твое услаждать предназначены.
> Ты в опьяненье себе не отказывай,
> Пей, предавайся утехам и радостям!

Особенно много вина лилось на похоронах, когда «любитель

хмельного питья удалялся в Страну без воды». В опьянении фараон поднимался на погребальную ладью Амона и вместе с родными и друзьями покойного плыл «на Запад, на Запад, к земле праведных»…

Среди знатоков Египет считался еще и «страной пьянящих трав». Говоря о стране, лежащей вдоль «светлоструйного» Нила, Гомер упоминает «поля плодоносные» с их изобильем трав. «Земля там богатообильная, много злаков рождает – и добрых, целебных, и злых, ядовитых» («Одиссея», IV, 229—30). Зельями, приготовленными из них, пользовались далеко за пределами Египта. Слушателей «Одиссеи» вряд ли удивляло, когда аэд – странствующий певец, повествуя о празднике в доме царя Менелая, описывал, как его супруга – Елена, гостям —

> …подлить вознамерилась соку,
> Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
> Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
> Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
> Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
> Если б нечаянно брата лишился иль милого сына (IV, 220–225).

Лотос – растение, прогоняющее печаль. Странствуя по землям, не доступным обычно для ахейцев, – по землям, где все грозит гибелью или дышит безумным упоеньем, – Одиссей со своими спутниками открывает Страну лотофагов – людей, вкушающих лотос. Эта «цветочная пища» неприметным бременем ложилась на память, мешая мелькнуть картинам прошлого, видениям родины и дома. Вкусив лотос, человек забывал пути возвращения. По-видимому, Гомер имел в виду Sisiphos lotos – греческую разновидность лотоса орехоносного. Его мучнистые плоды шли на приготовление хлеба и алкогольных напитков. В античную эпоху лотосом питались бедняки, чтобы успокоиться и забыться.

Впрочем, говоря «лотос», Гомер, возможно, имел в виду совсем другое растение – так же, как нынешние любители конопли, говоря «травка», имеют в виду отнюдь не «траву у дома своего». Во всяком случае, действие этого «лотоса» было необычайно сильным. Чтобы спасти своих товарищей, уже отведавших его, Одиссей велел «силой их, плачущих, к нашим судам притащив… крепко их там привязать к корабельным скамьям» (IX, 98–99). Быть может, «лотос» был в данном случае

эвфемизмом, скрывавшим подлинно необоримую траву, о чарах которой было известно и Гомеру, и твердившим его песни аэдам, и их слушателям? Быть может, под именем «лотоса» на страницах «Одиссеи» расцвел… мак?

Европейские путешественники конца XIX в., приезжавшие в Китай, непременно рассказывали потом, как, перебегая из яви в сон, курильщики опиума терялись среди грез. Опиум содержат незрелые коробочки мака снотворного (Papaver somniferum) – растения, известного вавилонянам уже во II тыс. до н. э.: его изображение встречается на древних печатях. Жителям Крита и Микен, судя по изображениям, был также знаком мак. По словам немецкого химика Маттиаса Зеефельдера, «с тех пор, как человек изобрел письменность, он неизменно упоминает мак и способы приготовления из него чудесного эликсира».

Казалось бы, кокаин – это наркотик, который нельзя было встретить в античном мире. В ту пору кусты коки – огромные, высотой в 2–3 метра, вечнозеленые кусты – встречались лишь в горных тропических лесах Южной Америки. Листья коки жевали индейцы Перу и Боливии, чтобы снять усталость, утолить голод и жажду. Однако в мумиях египтян, умерших в возрасте 20–30 лет, к удивлению ученых, встречается кокаин. Строители американских пирамид, очевидно, могли подкреплять силы этим наркотиком, но как он оказался в организме египетских строителей?!

Отчего умер Рамсес I?

С конца XVIII в., когда вместе с победоносной армией Наполеона на египетскую землю прибыли десятки археологов, историков и языковедов, тайны легендарных гробниц стали мало-помалу открываться миру. Многовековое табу, запрещавшее местным жителям проникать в священные пирамиды, ничего не значило для европейских исследователей. Из подземных усыпальниц извлекали драгоценности, орудия труда, одежду, статуэтки, оружие и, конечно, тех, для кого все эти предметы предназначались в загробном мире – почерневшие от времени и бальзама мумии фараонов.

Многие мумии за большие деньги переправлялись в частные коллекции Европы и Америки. В процессе транспортировки мумии портились от сырости, разрушались от тряски в обозах, а порой и просто терялись. Так, долгое время безвозвратно утраченной считалась мумия Рамсеса I, жившего более 3000 лет назад и основавшего одну из самых могущественных династий фараонов – XIX династию. Судьба жестоко посмеялась над тем, кто некогда повелевал сотнями тысяч подданных: его тело в конце концов продали охочие до наживы европейские торговцы древностями. Мумия Рамсеса I считалась потерянной до тех пор, пока осенью 2000 г. американский египтолог Мишель Карлос из университета Эмори не сделал потрясающее открытие.

В небольшом музее истории, расположенном в американском городе Ниагара-Фоллс, в течение 140 лет пролежала древняя мумия, о которой даже музейные работники могли сказать только то, что она из Египта.

Ценной мумию никто не считал, и когда Мишель Карлос сделал запрос о продаже ее университету Эмори, в музее Ниагара-Фолсс быстро согласились.

Мишель Карлос собирался провести уникальное исследование внутренностей мумии при помощи миниатюрной камеры-манипулятора. Такой метод ученый избрал, чтобы сохранить мумию неповрежденной и одновременно выяснить, каким образом древние египтяне готовили тело к тысячелетнему хранению. Но когда камеру попытались поместить в голову мумии, оказалось, что череп заполнен затвердевшей массой из смолы и трав.

Согласно нынешним данным египтологии, такой состав применяли только для царственных особ. Стало быть, сделал вывод Карлос, перед ним лежал один из египетских фараонов. Но

какой именно?

Рамсес I, голова статуи

Камера, проникшая в полость высохшего тела, дала ученым возможность увидеть, как происходило бальзамирование. Все стадии мумификации оказались вполне обычными, за исключением единственной особенности – внутренние органы были заменены плотными мотками льняной материи. Но такая традиция бальзамирования просуществовала в Египте очень недолго и, согласно имеющимся археологическим данным, была распространена только во времена царствования Рамсеса I. А поскольку никаких других фараонов, кроме Рамсеса, в те времена в Египте не было, выходило, что Мишель Карлос обнаружил пропавшую мумию великого владыки.

Чтобы окончательно доказать это, американцы решили прибегнуть к сопоставлению ДНК мумии из музея Ниагара-Фоллс и мумии сына Рамсеса I, фараона Сети. Как показал предварительный анализ, участки генетического кода двух мумий совпадают. Сейчас в США готовятся провести последнюю проверку ДНК мумии из Ниагара-Фоллс.

Впрочем, большинство египтологов уже не сомневаются в идентичности мумий. Теперь ученых больше интересует, как выглядел основатель царской династии. При помощи компьютерного анализа удалось восстановить внешний облик и физические данные Рамсеса I. Это был довольно высокий, по древним меркам, человек ростом 165 см, сутуловатый и

худощавый. Исследователям удалось восстановить лицо мумии, которое стало еще одним доказательством того, что обнаружен именно фараон Рамсес I. Нос с горбинкой, рисунок скул и надбровных дуг, форма ушных раковин – все эти черты оказались схожими с чертами фараона Сети. Такое сходство не может быть случайным.

Удалось выяснить даже, отчего умер Рамсес I. Одна ушная раковина мумии оказалось заметно деформированной. Ученые пришли к выводу, что перед смертью фараона мочка его уха была сильно воспалена. Вероятно, врач египетского владыки, прокалывая его ухо для очередной драгоценной серьги, занес туда инфекцию, которая вызвала серьезную болезнь.

Что погубило Тутанхамона?

Не так давно бывший сотрудник Скотланд-Ярда Грехам Мелвин и профессор медицины, невролог Ян Ишервуд, выступили с сенсационным заявлением – им удалось разгадать одну из самых древних детективных загадок в истории человечества. Они раскрыли тайну смерти наследника египетского царя Эхнатона – молодого фараона Тутанхамона, который в возрасте девятнадцати лет в 1352 г. до н. э. скоропостижно скончался.

Лишь в XX столетии миру открылись небывалые сокровища его роскошной гробницы. Как выяснилось, годы его правления пришлись на эпоху бурных и подчас кровавых событий в истории Древнего Египта.

Тутанхамон рано окончил жизнь, став жертвой страсти фараонов к кровосмесительным бракам, инцесту и придворным интригам. Инцест процветал в могущественной империи на протяжении многих лет. Древний Египет был единственной страной, где под венец, ради сохранения чистоты царской крови, могли свободно пойти брат и сестра, отец и дочь.

Мнение, что в результате кровосмешения на свет могут появиться лишь физические и умственные уроды, в корне неверно. При идеальном здоровье родственников их общий ребенок будет совершенно здоров, а такой брак может даже улучшить наследственность. Но если в генную цепочку вклинится какой-нибудь врожденный дефект – потомство обречено. Жертвой неудачного инцеста, вероятно, был и Тутанхамон.

Его отец – легендарный фараон Эхнатон – был величайшим правителем древности, которого историки называют первым гением человечества. Он обладал выдающимся умом, но был физически уродлив. Эхнатон, возможно, страдал синдромом Фрелиха, вследствие чего его внешность претерпевала в течение жизни ужасающие изменения.

На портретах, созданных в древности, великий фараон предстает женоподобным человеком с болезненно удлиненным лицом, отвислыми ушами и вытянутым носом. Имя матери Тутанхамона неизвестно, но египтологи не сомневаются, что это была близкая родственница Эхнатона. Дефектные гены отца, возможно, и привели к слабому здоровью и ранней смерти Тутанхамона. Сын не унаследовал отцовского уродства, но его организм был неполноценным. В знаменитой гробнице юного фараона нашли мумии двух новорожденных младенцев. Они,

очевидно, были детьми Тутанхамона и его жены Анхесенамон, которая приходилась фараону сводной сестрой.

Посмертная маска Тутанхамона, ставшая одним из символов Древнего Египта для западной культуры

Тутанхамон взошел на престол будучи совсем юным, – ему было всего лишь восемь лет. После смерти отца Тутанхамон хотя и стал фараоном, но по причине малолетства править государством, естественно, не мог. Эту почетную, а главное выгодную обязанность взяли на себя мачеха Тутанхамона мудрая красавица Нефертити и несколько приближенных к ее особе придворных. Археологи нашли надписи на древних барельефах, которые сообщали об отнюдь не целомудренных отношениях уже повзрослевшего Тутанхамона и Нефертити. Ей пришлось прервать эту связь, но утратить власть над пасынком-фараоном она не хотела, а потому заранее позаботилась о судьбе своей дочери Анхесенамон, выдав ее замуж за Тутанхамона.

Стоило Нефертити отойти в мир иной, как вокруг фараона начались придворные интриги могущественного жреца Эйе и

талантливого полководца Хоремхеба. Они фактически стали полновластными хозяевами страны. Тутанхамон же предавался развлечениям, охотясь на страусов, львов и газелей.

Время правления юноши было самым смутным в истории Древнего царства. Причиной тому послужил религиозный конфликт, разразившийся во времена правления великого фараона Эхнатона. Этот царь первым начал поклоняться единому богу Солнца и запретил традиционное для Египта многобожие, закрыв сотни храмов и казнив немало упрямых и воинственных жрецов. Но служители культа затаились, дождались смерти Эхнатона и интригами и посулами заставили его сына отречься от веры отца.

В итоге Тутанхамон фактически установил диктатуру жрецов, а отца объявил фараоном-еретиком. Благородный юноша был неопытным и слабым политиком, не способным освоить хитрый язык интриг и искусство властвования. Некоторые историки предполагают, что Тутанхамона могли отравить или задушить, поскольку после его смерти на троне сразу воцарился престарелый жрец Эйе, который вряд ли дождался бы естественной смерти властителя, если бы тот прожил хотя бы еще десяток лет.

Смерть Тутанхамона была неожиданной. Это подтверждается отсутствием заранее подготовленной гробницы, хотя подобную предусмотрительность проявляли все царственные предшественники Тутанхамона, даже умершие в молодости. Таким образом, погребальные церемонии были проведены уже под руководством нового фараона Эйе, который унаследовал от юноши не только престол, но и его жену. Если бы Тутанхамон умирал медленно, как обычно бывает при наследственном заболевании, он наверняка позаботился бы о месте своего вечного успокоения.

Уйдя в мир иной, Тутанхамон поставил точку в истории XVIII династии – одной из самых славных династий Древнего Египта. На этом юноше закончилась эпоха религиозных смут, но придворные интриги и роковые кровосмесительные браки продолжали расшатывать устои государства и истреблять его могущественных правителей.

Говард Картер был почти прав, говоря, что самым примечательным событием в жизни Тутанхамона была его смерть, окруженная невиданной роскошью. Но юный фараон подарил миру не только величественную и прекрасную гробницу, но и историю человека, чья любовь и вера были попраны придворными интриганами.

Английский сыщик Мелвин и медик Ишервуд, однако, с этим

не согласны. Основываясь на документах и данных своих исследований, они пришли к выводу, что фараон стал скорее всего жертвой дворцового заговора. На рентгеновских снимках Ишервуд внимательно рассмотрел кости основания черепа и обнаружил, что сзади по нему был нанесен сильный удар, от которого Тутанхамон, по-видимому, и скончался. Единственными лицами, заинтересованными в его смерти, могли быть визирь Эйе и военачальник Хоремхеб. Из истории известно, что они, регенты и учителя, желали смерти молодого фараона, отец которого умер еще до его рождения. Они опасались, что у молодого фараона, недавно женившегося, скоро появятся дети. Наследники лишили бы обоих визирей надежды овладеть троном. Эйе и Хоремхеб могли вступить в сговор. Им требовалось срочно устранить правителя: они жаждали взять власть в свои руки и править поочередно. Так, собственно, и произошло.

Как был убит Тутанхамон, мы уже никогда не узнаем. Если верить Мелвину и Ишервуду, его ударили сзади тяжелым предметом по голове и проломили основание черепа. Затем инсценировали, очевидно, неудачное падение фараона. После его внезапной смерти власть перешла в руки обоих заговорщиков. Они воздали умершему полагавшиеся почести, запрятали тело поглубже под землю и принялись уничтожать все его храмы, все, что было связано с памятью фараона Эхнатона, наследником которого являлся Тутанхамон.

…Сегодня саркофаг самого молодого правителя Египта хранится в том же склепе в Долине царей, где в 1922 г. ее обнаружил Говард Картер.

Электричество в Древнем Египте

В 1937 г. во время раскопок под Багдадом немецкий археолог Вильгельм Кениг обнаружил глиняные кувшины, внутри которых находились цилиндры из меди. Эти цилиндры были закреплены на дне глиняных сосудов слоем смолы. Кениг не придал этому значения, но после войны раскопки в Ираке возобновили. И ученые снова обнаружили глазурованные глиняные сосуды, напоминающие цветочные вазы.

Это были гальванические элементы. Ученые наполнили эти вазы лимонным соком и обнаружили между железным стержнем и медным цилиндром разность потенциалов в половину вольта. Пошел электрический ток!

Эти вазы оказались электрическими батареями. В начале 1980-х гг. в Ираке снова обнаружили такие кувшины. Потом изображения подобных ваз-батарей были найдены на стенах египетских домов. Значит, в Египте в глубокой древности было электричество?!

Загадочный барельеф из храма в Дендере

В эти же годы Рейнхард Хабек в египетском храме Хатор, в Дендере, в пятистах километрах южнее плато Гиза и в 50 км к северу от Фив обнаружил настенные изображения грушевидных предметов с волнистыми линиями в виде змей внутри. От них

шли кабель и шланги. А укреплялись они на стойках. Доказано, что грушевидные объекты с волнистыми линиями внутри – это лампы электрических светильников, а стойки – это высоковольтные изоляторы. Они были найдены под самой старой пирамидой – Саккаре и под пирамидой Джосера.

Египтологи не имеют единого мнения о назначении этих колонн (стоек). Петер Краса и Рон Хабард издали книгу об электричестве в древности «Свет фараонов» и рассматривают колонны как простые изоляторы. Потом были найдены образцы, на которых висели медные провода.

В фундаменте храма Хатор в Дендере были найдены узкие камеры шириной 1,1 м. Археологи ничего не могут сказать о назначении этих помещений, но здесь изображены древние лампы накаливания. Подземная камера расположена у самой дальней стены храма, двумя этажами ниже под землей. В нее можно попасть через узкую шахту. Ширина этой камеры 1 м 12 см, а длина – 4 м 60 см. Почему именно в такой неприглядной узкой камере изображено святая святых мистерий – процесс электрического освещения? Люди держат большие колбы с извилистыми внутри линиями, колба опирается на колонну. Эти волнистые линии заканчиваются цветком лотоса – это, вероятно, патрон электролампы. От лотоса-патрона идет кабель к ящику, на котором сидит бог Воздуха. Справа на рельефе стоит демон-павиан или бог Гор с собачьей головой и держит в руках ножи и свечи, которые можно истолковать как запугивающую и охраняющую силу или опасность.

Видимо, эта подземная камера в фундаменте храма Хатор в Дендере была мини-электростанцией, и здесь изобразили тайную науку об электричестве, которая передавалась только посвященным.

На стенах и потолках храмов и пирамид Египта нет следов копоти от факелов – они освещались электричеством.

Головные уборы фараонов были тоже накопителями электрической или электромагнитной энергии. На передней части их высоких шляп было изображение кобры – символа опасности и силы. Может быть, она поражала электротоком врагов и не желавших подчиниться воле фараона подданных?

Мумии фараонов раскрывают свои тайны

Только сейчас, с открытием в мумиях древнеегипетских фараонов сохранившихся ДНК, мы начинаем понимать тот глубокий смысл, который вкладывали в обременительный и трудоемкий процесс бальзамирования представители цивилизаций древнего мира. Мумии являются информационными посланиями исчезнувших тысячелетия назад древних цивилизаций нам, их потомкам, и мы должны суметь прочесть и понять эти послания!

Процедура бальзамирования была разработана и доведена до совершенства еще за несколько тысяч лет до нашей эры. Наиболее широко она применялась в Древнем Египте, где бальзамировали и людей (от фараонов до простолюдинов), и животных. При изготовлении мумий (происходит от персидского «мум» – воск) египтянам помогала сама природа.

Египетская мумия, хранящаяся в музее Ватикана

Современные ученые установили, что наиболее скоротечно гниение человеческого тела происходит при температуре 37–45 градусов и влажности 40–60 процентов. В египетских пустынях днем температура повышалась до 45 градусов, а ночью

понижалась до 15–20. Влажность была крайне низкой, а доступ кислорода прекращался многократным плотным оборачиванием тела умершего в пропитанную бальзамами и специальными древесными смолами ткань.

Весь процесс бальзамирования занимал от нескольких недель до двух-трех месяцев. Тело умершего превращалось в желтовато-бурую мумию с кожей, напоминающей пергамент. Вес мумии составлял обычно от 4 до 9 кг. На месте соединительной ткани внутренних органов возникали темно-бурые, почти черные сгустки окисленного железа, выделяющегося из гемоглобина крови.

Климат в Египте был настолько благоприятным для бальзамирования, что известны случаи, когда мумии создавала сама природа без участия человека. Ткани и внутренние органы человеческого тела под действием очень высоких температур размягчались и стекали в почву, а скелет с мышцами, сухожилиями и кожей сохранялся на века. Однако качество таких мумий было, конечно, невысоким.

Вся процедура бальзамирования была как будто специально предназначена для сохранения в мумифицированных останках генетической информации в виде значительных по размерам осколков ДНК. Создается такое впечатление, что египтяне предвидели возможность извлечения из мумий в далеком будущем генетической информации для оживления фараонов!

В начале XIX в. с расцветом медицины, биологии и химии в летописи бальзамирования появилась новая глава. Изменился и сам метод бальзамирования – теперь в артерии и внутренние полости трупа вводили специальные жидкости и составы, предохраняющие ткань от разложения. Это позволяло сделать все органы объемными. Мумия при этом по своим пропорциям и очертаниям тела походила на живого человека. Вводимые жидкости содержали различные химические добавки.

В 1860-е гг. лидерство в бальзамировании перешло к российским ученым. Они вводили в состав бальзамировочных жидкостей формалин (открытый русским химиком А.М. Бутлеровым), глицерин, спирт, салициловую кислоту. В 1860 г. профессор Военно-медицинской академии В.Л. Грубер забальзамировал тело императрицы Александры Федоровны, а спустя двадцать лет Д.И. Выходцев проделал такую же процедуру с телом великого русского хирурга Н.И. Пирогова.

После революции слава отечественных ученых-анатомов приумножилась. Это связано с бальзамированием тела В.И. Ленина, которое вот уже более 84 лет в прекрасном состоянии хранится в Мавзолее. Эту трудоемкую процедуру выполнили

анатом академик В.П. Воробьев и биохимик академик Б.И. Збарский.

По своей технологии и возможностям современное бальзамирование ушло очень далеко вперед от несколько романтичного ритуализированного бальзамирования у древних народов, однако в нем теперь не хватает какого-то внутреннего смысла.

Эскадрильи фараонов?

Еще в 1848 г. одна из многочисленных археологических экспедиций, работавших в Египте, при тщательном осмотре храма Сети в Абидосе, обнаружила совершенно загадочные и непонятные иероглифы. Они располагались прямо над входом в храм, практически под самым потолком, на высоте порядка десяти метров. Надо отметить, что иероглифов оказалось очень много – стены просто пестрели странными значками, откровенно поставившими удивленных исследователей в тупик. Единственное, что они сумели понять: ими обнаружены не просто тексты древнего письма, а изображения доселе невиданных странных предметов, возможно, механизмов неизвестного назначения.

Никто в мире тогда не смог определить, что именно изображают загадочные иероглифы, которые очень умело высек на камне неизвестный художник, живший примерно три тысячи лет назад. Старательно перерисованные членами экспедиции таинственные знаки вызвали в научной среде египтологов нескончаемые диспуты и жаркие споры. В итоге большинство спорящих пришло к единому мнению, что в принципе загадочных фигур всего четыре, но их изображения неоднократно повторяются в различных ракурсах и вариациях. Однако что именно изобразили древние египтяне, ученые XIX столетия понять так и не сумели.

Иероглифы из храма Сети I в Абидосе

Любая сенсация рождается, какое-то время живет и умирает. Неизбежно пришло время полного забвения и таинственных иероглифов из древнего Абидоса.

Но вот почти полторы сотни лет спустя солидная арабская газета «Аш-Шарк-аль-Аусат» опубликовала целый ряд сенсационных фотографий, сделанных в храме бога солнца Амона-Ра в Карнаке. При этом она задала читателям совершенно неожиданный вопрос: «Как вы полагаете: были ли древние египтяне знакомы с боевой авиацией?»

В каких-либо других обстоятельствах подобное заявление вполне могло вызвать искреннее недоумение читателей. Однако опубликованные газетой фотоснимки барельефов одного из древних храмов, построенного во времена фараона Сети I, правившего как раз три тысячи лет назад, буквально вызвали шок – древним художником был изображен на камне боевой вертолет с явно различимыми лопастями несущего винта и хвостового оперения, а рядом старательно высечены изображения нескольких других летательных аппаратов, удивительно похожих на современные сверхзвуковые истребители и тяжелые стратегические бомбардировщики!

После этого открытия стало понятно, почему египтологи XIX в. не могли взять в толк, что же такое изображено в Абидосе. Просто они сами не знали еще, как выглядят вертолеты и самолеты, так как никогда их не видели.

Необходимо пояснить, что фараон Сети I всегда считался одним из самых знаменитых и удачливых воителей Древнего Египта, усиленно расширявшим свои владения и отбивавшим все нападения многочисленных врагов своего царства. А теперь получалось, что он расправлялся с врагами, используя не обычные для того времени войска, а боевую авиацию, поднимая в воздух эскадрильи фараона?! Бред? Большинство так и решило. Тем не менее для изучения загадок Абидоса на берега Нила отправился известный египтолог Алан Элфорд. Он исследовал таинственные иероглифы и убедился в полной реальности того, что еще недавно казалось совершенно невероятным!

Итак, ученые имели теперь набор почти одинаковых рисунков из двух мест – Карнака и Абидоса. Так что случайностью все это объяснить уже было нельзя. Затем кто-то вспомнил еще одну любопытную деталь: одним из имен фараона Сети I было «пчела». Поэтому, настаивали скептики, загадочные изображения представляют собой всего лишь символы этого имени Сети. Иначе говоря, египтяне на самом деле изображали пчелу.

В дискуссию включился ярый сторонник внеземного происхождения древнеегипетской цивилизации уфолог Ричард

Хогланд. По его мнению, египтяне произошли от некогда посетивших Землю марсиан, и таинственные иероглифы неопровержимо подтверждают его гипотезу: Древний Египет похож на Марс своим ландшафтом, и потому инопланетяне высадились именно там. А снятые автоматическими исследовательскими станциями США, посланными к Марсу, «пирамиды» и «лицо сфинкса», считает Хогланд, сводят на нет любые возражения.

– Зачем же им понадобилась подводная лодка? – немедленно срезали его египтологи. И уфолог не нашелся, что ответить.

А все дело в том, что на фресках храма в Абидосе, кроме вертолета, действительно была изображена еще и субмарина! Причем тоже со свойственной египтянам точностью, не оставляющей сомнений в том, что именно хотел нарисовать древний художник. В итоге ученые оказались еще дальше от разгадки тайны фресок и иероглифов.

Совершенно неожиданно в последнее десятилетие XX в. теорию Хогланда активно поддержали многие исследователи Марса. И вот почему. По их убеждению, постоянные неудачи с автоматическими межпланетными кораблями, которые то внезапно прерывают связь с Землей, то бесследно исчезают, самым непосредственным образом связаны с загадочными иероглифами из древнеегипетских храмов.

По мнению исследователей, вокруг Марса еще миллионы лет назад было создано уникальное средство противоракетной обороны для надежной защиты от любопытных.

Словом, споров и гипотез очень много. Интересную точку зрения высказал египтолог Брюс Роулс. Он полагает: никаких межпланетных экспедиций на Землю в незапамятные времена не было; обладавшие неизвестными нам знаниями жрецы Древнего Египта, составлявшие касту «посвященных», открывали в сумраке своих храмов один секрет природы за другим.

В частности, теперь доказано, что они умели получать электрический ток (мы об этом уже рассказывали). Пусть созданные ими батареи, на наш взгляд, примитивны, но не стоит забывать – они изготовлены три тысячи лет назад! Далее, полагает Роулс, жрецы могли каким-то неизвестным современной науке способом заглядывать в далекое будущее. Именно там они «подглядели» самолеты, вертолеты и подводную лодку!

«…Египетский фараон Тутанхамон погиб 3300 лет назад… в авиакатастрофе». Такое ошеломляющее заявление сделал историк Уильям Дейч, который также сообщил, что древние египтяне поднимались за облака на заполненных горячим воздухом воздушных шарах и примитивных планерах.

Поскольку полеты считались в Египте божественным делом, они были привилегией членов царской семьи и знати. «Интересно заметить, что многие члены царской семьи Древнего Египта, включая Тутанхамона, умерли с переломанными ногами и множественными ранами, будто их смерть произошла в результате падения летательного аппарата».

Дейч убежден, что изображенные на многочисленных рисунках и фресках странные предметы с крыльями – не что иное, как первые летательные машины. Исследователь собственноручно изготовил немало моделей таких аппаратов, и оказалось, что многие из них прекрасно «чувствуют себя» в воздухе.

«Воздухоплавание зародилось в Египте и вскоре распространилось на территориях, ныне известных как Тибет, Индия, Мексика, Турция, Китай и Гватемала – то есть там, где есть воздушные потоки, способные удерживать летательные аппараты в небе», – заявил ученый.

Магические стражи пирамид

Проблема сохранности имущества египетских фараонов, с которыми они отправлялись в загробный мир, волновала еще строителей пирамид. Против грабителей применялись хитроумные системы ловушек, ложных ходов и камер, замуровок и искусственных лжегробниц. Но особенно рассчитывали жрецы на страшную силу заклятий.

Средневековые арабские авторы приводят описания магических «стражей пирамид». Одну из гробниц стерегла статуя, во лбу которой был укрыт «змей», нападавший на всякого, кто приблизится; другую пирамиду сторожил колосс из черного и белого оникса в копьем в руке. Стоило появиться пришельцу, как из недр статуи раздавался глухой звук, и непрошеный гость падал замертво. Третью охранял каменный страж, обладавший такой невиданной силой, что сбивала с ног и убивала человека.

Помимо статуй пирамиды охраняли духи. Древнеегипетские источники глухо упоминают о некоем «владыке кладбищ». В одном случае дух принимал вид юноши с длинными зубами и пожелтевшей кожей, в другом – это была обнаженная женщина, которая завлекала грабителей и насылала на них губительные чары. Видели духа пирамид в виде старца, который бродил вокруг гробниц, размахивая огнем в сосуде типа кадильницы.

Исследователи пирамид у саркофага фараона

«Духи прошлого витают в долине мертвых». Эти предостережения местных жителей наверняка вспомнил английский путешественник Джеймс Брук, когда в одну из ночей 1768 г. в Долине Царей его охватил внезапный панический страх. Брук опрометью бросился бежать, и лишь заблестевшие впереди воды Нила заставили его с облегчением вздохнуть. Но только добравшись до своей лодки и оттолкнувшись от берега, он почувствовал себя человеком, вернувшимся к жизни.

О том, что древние египтяне накладывали на гробницы специальные заклятия, европейцам стало известно в конце прошлого столетия, когда было расшифровано большинство древнеегипетских текстов. Но тогда значения этому не придали, и о «проклятии фараонов» вспомнили только в связи с событиями вокруг гробницы Тутанхамона. Когда археологи вскрыли ее, то увидели стоящие у запечатанных дверей царской усыпальницы две черные статуи стражей с позолоченными головами. Их внешний вид напоминал старинные арабские описания «стражей пирамид».

После вскрытия гробницы началась серия странных смертей. Через несколько месяцев внезапно умирает лорд Карнарвон, один из руководителей раскопок. За ним последовали на тот свет его брат, друзья, сиделка, даже любимый эрдельтерьер.

Всего насчитывают 21 «жертву» гробницы Тутанхамона.

В конце 50-х гг. была выдвинута гипотеза, что причиной таинственных смертей является вирус гистосплазмозис, содержащийся в помете летучих мышей, которые проникли в гробницу Тутанхамона через проломы, оставленные древними грабителями. Этот вирус якобы был неосторожно «расконсервирован» исследователями. Однако несостоятельность этой гипотезы была быстро доказана: летучие мыши просто не могли попасть в гробницу, так как лаз, сделанный грабителями, был засыпан более 3 тыс. лет назад.

Между тем случаи «мести фараонов» были отмечены еще до истории с Тутанхамоном. Так, Б. Гендерсон, врач Ост-Индской компании, похитивший в 1805 г. в Фивах две мумии, через год сошел с ума. Швед Ф. Лидман, много путешествовавший по Египту, собрал обширную коллекцию награбленных предметов из гробниц. Но подготовленная им к отправке коллекция внезапно сгорела на складе в Константинополе. В 1914 г. умер русский исследователь В.П. Красовский. Перед смертью его мучила, как он писал, «душа» вскрытой им пирамиды.

Последней известной жертвой «проклятия фараонов» стал египетский археолог Мохаммед Закария Гонейм, в 1952–1954 гг. сделавший ряд важных открытий. Он, в частности, вскрыл и исследовал пирамиду фараона Сехемхета, сына и наследника первого строителя пирамид Джосера. Тогда при расчистке подземного хода один из каменных блоков потолка неожиданно обвалился и похоронил под собой рабочего. А в 1957 г. трагически погиб сам Гонейм.

Темные истории происходят и с обычными грабителями, на свой страх и риск проникающими в гробницы. Много лет «жизнью взаймы» живут гробокопатели, ищущие сокровища в подземных усыпальницах эпохи фараонов. Мрачный дух витает над Джабель-Абу-Сиром – обширным пустынным плато, покрытым более чем 5 тыс. древних захоронений. Недра этого урочища почти полвека служат настоящим кладезем для ученых и кладоискателей. Но уже в самом начале раскопок один из искателей сокровищ был засыпан в потревоженной им гробнице неожиданно сорвавшейся грудой земли.

После первого несчастья последовали другие. Несколько человек задохнулись в подземных тоннелях. В одной из усыпальниц в завале погибли сразу 14 кладоискателей. С той

поры среди гробокопателей бытует мрачное предостережение: «Берегись! Джабель призовет тебя!» Мало кто из них умирает естественной смертью. Но на смену одному погибшему тут же приходят двое новичков.

Так существует ли феномен «проклятия фараонов»? Однозначного ответа нет. Безусловно, многое тут можно считать совпадением, но только слишком много этих совпадений.

Житницы фараона

Именно так в древних легендах называли великие египетские пирамиды. Об этой легенде написано много трудов разными путешественниками и исследователями Древнего Египта. Один из таких паломников, барон д'Англер, в 1395 г. в своем повествовании пишет: «Да будет всем известно, что эти житницы называются «житницами фараона». Они предназначались для того, чтобы хранить в них зерно в преддверии неурожайных лет в Египте». Другие путешественники никогда не употребляли в названии пирамид принадлежности этих сооружений кому-либо конкретно и называли их просто – «житницы».

Самым странным в этом названии пирамид является некий смысл, объяснить который пока еще не удалось. Широко известны многие гипотезы о сверхзадачах, которые якобы должны были выполнять пирамиды. К примеру, существуют теории астрономические, математические, мистические и другие, в которых многочисленные авторы подробнейшим образом доказывают свои гипотезы. В этой статье нет необходимости поднимать разговор об этих гипотезах. В замечательной книге бывшего архитектора Службы древностей Египта Ф. Лауэра «Загадки египетских пирамид», вышедшей в 1948 г., автор, опираясь на проверенные факты, осветил историю изучения пирамид, критикуя многочисленные псевдонаучные и религиозно-мистические теории, связанные с ними. После выхода в свет этой книги прошло уже более пятидесяти лет, в течение которых новые энтузиасты продолжают выдвигать все более фантастические теории об истинном предназначении пирамид. В последние годы появились солидные книги о том, что пирамиды были воздвигнуты вовсе не египтянами, а некоей доисторической цивилизацией, существовавшей до Всемирного потопа.

Пирамида Джосера, возможно, первая в мире ступенчатая пирамида

Другие авторы доказывают, что все древние грандиозные сооружения на Земле, в том числе и пирамиды, были построены богами во плоти. Начисто отвергая существование в Древнем Египте высокой цивилизации, эти авторы пытаются доказать, что пирамида Хеопса была построена доисторическими людьми для выработки в ней ядерной энергии или тепловой энергии путем разложения воды на кислород и водород. Ряд исследователей пытается доказать, что возведение пирамид происходило опять же в далекие доисторические времена, а сами пирамиды расположены в Гизе таким образом, что в точности повторяют расположение звезд пояса Ориона, а контуры реки Нил соответствуют очертанию Млечного Пути на небе.

И вот среди подобных фантастических гипотез самым естественным образом потерялось одно из первоначальных легендарных словосочетаний, относящихся к великим пирамидам, а именно их название: «Житницы фараона».

Попробуем немного порассуждать над словом «житница». Посмотрим в толковый словарь. Там находим два значения. Первое – «амбар», второе – «хлебородящая область, снабжающая другие области». Слово «амбар», разумеется, не подходит для пирамиды, которая не является пустотелым сооружением, да еще таких громадных размеров. Тем более что египтологами и

археологами обнаружены многочисленные зернохранилища в храмовых хозяйствах Древнего царства. Второе название – «богатая хлебородящая область» – тоже напрямую не может относиться к конкретной пирамиде. Но если предположить, что определенная территория, на которой расположены пирамиды, является такой областью, то сразу возникает вопрос: каким образом присутствие пирамид способствует развитию сельского хозяйства в такой степени, что эта область становится житницей всей страны?

Давно известно, что пирамида Хеопса обладает особыми свойствами, действующими на самочувствие людей, долгое время находящихся в ее внутренних помещениях. На этой основе возникла целая наука: пирамидология.

Обратим свое внимание на сообщения тех авторов, которые изучали свойства пирамид непосредственно на их моделях, изготовленных в домашних условиях из различного материала, а также на информацию об экспериментах над точными моделями пирамид. В печати есть сведения о научной группе в Калифорнии Pyramid Power, которая далеко продвинулась в изучении энергетических полей, излучаемых пирамидами и положительно влияющих на самочувствие человека. В Калифорнии даже практикуют строительство жилых домов, гостиниц и клиник с крышами пирамидальной формы. Исследования, проведенные в НАСА, показали, что пирамиды способны ионизировать воздух, причем с образованием отрицательных ионов, положительно воздействующих на людей.

Многие экспериментаторы проводили опыты с продуктами питания, растениями, водой, предметами из разных материалов, помещая их внутрь модели пирамиды, под пирамиду, а также на расстоянии от нее.

Если суммировать результаты опытов, то вырисовывается следующая картина:

1. Внутри пирамиды использованные, но неповрежденные острые предметы затачиваются.

2. Фрукты, овощи, хлеб и другие продукты долгое время не портятся, молоко не скисает, мясо не загнивает, а высушивается.

3. Вода, после пребывания в пирамиде, приобретает особые свойства и может быть использована в различных целях. Так, при поливе саженцев водой обычной и водой из пирамиды наблюдается резкое ускорение их роста в последнем случае.

Гораздо лучше растения развиваются и тогда, когда пирамида установлена над ними или на расстоянии. Семена, помещенные перед высевом в пирамиду, быстрее всходят. Следует подчеркнуть, что все эксперименты проводились с соблюдением

особых правил. Модели пирамид могут быть различных размеров, но обязательно должны изготовляться в пропорциях пирамиды Хеопса. Также обязательна ориентировка граней пирамиды по сторонам света. По поводу материала, из которого должна быть изготовлена модель, существуют разные мнения. Большинство экспериментаторов применяют для этой цели картон, фанеру, пластик; другие считают, что лучшие результаты получаются при изготовлении моделей из металла. Существует мнение, что при опытах внутри моделей надо располагать предметы на высоте одной трети от основания, что соответствует высоте расположения камеры фараона в пирамиде Хеопса. Единственное существенное отличие применяемых моделей от оригинала, пожалуй, состоит в том, что модели, как правило, полые, а Великая пирамида фактически является сплошным монолитом.

Реальные результаты опытов, скромно перечисленные выше, вызывают истинное изумление, поскольку получены с использованием крохотных подобий гигантской мощи оригинала.

На основании полученных результатов экспериментальных работ с моделями пирамид можно сделать вывод, что Великая пирамида в своем первозданном виде, будучи облицована полированными плитами, олицетворяла собой гигантский энергетический объект, направляющий в окружающее пространство своеобразное излучение, активизирующее развитие и сохранение сельскохозяйственных культур.

В связи с этими выводами возникает очередной вопрос: зачем Древнему Египту надо было строить такие гигантские житницы, если сельское хозяйство было на высоком уровне и без этих пирамид?

Поэтому рассмотрим кратко состояние сельского хозяйства в Древнем царстве и проблемы, связанные с этим производством.

Египет – это территория безжизненной пустыни, разделенной надвое величайшей рекой мира. Нил берет начало в тропических районах Африки и при впадении в Средиземное море образует обширную дельту, имеющую форму громадного треугольника, вершина которого находится в районе великих пирамид в Гизе. Нил протекает через всю Эфиопию, где в него впадают другие реки. А через Египет течет он один, в основном по прямой линии, на север. Нил разливается от летних дождей в Эфиопии. Вода держится 40 дней, а затем постепенно в течение 60 дней спадает, после чего долина обнажается, высыхает, и тогда начинается вспашка и посев. Во время разлива территория между восточными и западными возвышенностями по сторонам реки заливается водой, образуя громадное озеро, на котором островами становятся все города и поселения, расположенные на холмах или

возведенных насыпях.

Другой особенностью Нила является очень малый средний уклон реки, равный 1/13 000, что позволяет илу осесть в пойме и пропитать землю, делая ее готовой к посеву без дополнительной обработки.

Ежегодно Нил приносил до 11 тонн ила на каждый гектар. В связи с тем, что такое обновление земли происходило ежегодно, то отпадала необходимость в севооборотах. Пшеницу и другие зерновые можно было сеять постоянно на одном месте. Для задержания воды на орошаемых в период разлива землях на берегах сооружались дамбы для предупреждения преждевременного стока воды в реку. Благодаря системе искусственного орошения отдельных участков, созданной египтянами, урожайность была очень высокой. Средняя урожайность древней пшеницы составляла сам-пятьдесят, т. е. одно зерно давало пятьдесят.

В своей знаменитой «Географии» Страбон описывает деятельность людей, направленную на поддержание высокого уровня производства.

«Часто искусство, даже когда природа отказывает, приходит на помощь земледельцу, так что во время меньших разливов реки можно оросить столько же земли, сколько и при больших разливах с помощью каналов и запруд. Во всяком случае, во времена до Петрония урожай и разлив Нила были самыми высокими, когда Нил поднимался на 14 локтей, когда же он поднимался только на 8 локтей, то наступал голод. Однако в правлении Египтом Петрония, когда ниломер показывал только 12 локтей, урожай был наибольшим, а однажды, когда он показывал всего лишь 8 локтей, никто все же не ощущал голода».

Страбон описывал ситуацию во времена Цезаря, т. е. в последние годы до новой эры. Надо полагать, что и в Древнем царстве существовали подобные условия пользования землей и водой из Нила.

Историческая наука предполагает, что в древности Египет состоял как бы из двух земель, связанных с Нилом. Это Верхний Египет, включающий всю долину реки, и Нижний Египет, состоящий из дельты и прилегающих к ней заливных территорий. В соответствии с природными условиями развивалось сельское хозяйство и скотоводство. Дельта Нила была плоской, болотистой землей, с отдельными озерами, заросшая тростником и папирусом, в зарослях которых водилась разная дичь, а на пастбищах паслись в огромных количествах стада одомашненных животных: антилоп, газелей, коров, ослов. В долине реки преимущественное развитие приобрело зерновое хозяйство. В

ходе раскопок в гробницах того времени ученые нашли изображения судов, нагруженных зерном, перевозящих его из Верхнего Египта, доения больших стад коров, сцен рыболовства и т. д. Следует отметить, что плотность населения Древнего Египта была самой высокой в мире, а Нил в полной мере обеспечивал продовольствием всех жителей страны.

Казалось бы, что такое содружество солнца, воды и людей обеспечивало беззаботное существование государства на многие века. Однако это совсем не так. И все дело в климате, который неумолимо определял судьбу великого государства древности.

Обратимся к историческим документам, посвященным климату Египта. По мнению ученых, 10–12 тысячелетий назад климат Египта был прохладней, послеледниковый период становился все более сухим и жарким. Затем на протяжении тысяч лет осадков выпадало все меньше, а подальше от моря дожди не выпадали по нескольку лет. К моменту зарождения династического Египта, около 3000 лет до н. э. начался засушливый период, продолжавшийся до наших дней. Бывали периоды, когда дожди, обусловливавшие разлив Нила, не выпадали в нужном количестве, и тогда наступала настоящая засуха: пески пустыни надвигались на поля, Нил мелел, дельта заболачивалась, и в стране наступал голод. Такие периоды участились и, как мы увидим в дальнейших рассуждениях, приводили к катастрофическим последствиям.

Имеется одно историческое подтверждение подобных климатических ситуаций. Немецкими египтологами Э. Бругшем и Г. Штейндорфом была опубликована надпись на стеле, найденной неподалеку от первого порога Нила. Она сообщала о семи голодных годах при фараоне Третьей династии Джосере. (О Джосере мало что известно, за исключением того, что при нем была построена, возможно, первая в мире ступенчатая пирамида в Саккаре.) Основателем Четвертой династии считается фараон Снофру, которому приписывается постройка двух стометровых пирамид в Дахшуре. По мнению некоторых египтологов, Снофру имел отношение к перестройке рухнувшей пирамиды в Медуме. Последующие фараоны IV династии – Хеопс, Хефрен, Микерин – возвели знаменитые великие пирамиды в Гизе, после которых нигде и никогда подобных сооружений не строили.

До сих пор остается загадкой, с какой целью вдруг, только в период IV династии, были возведены эти известные пирамиды. При последующих династиях продолжали строить пирамиды, но гораздо меньших размеров и весьма непрочные, которые вскоре разрушались и превращались в руины, в то время как великие пирамиды IV династии, потерявшие гладкую облицовку,

сохранились полностью до наших дней. До сих пор неясны причины, по которым Снофру отказался от ступенчатой формы и начал строить пирамиды громадных размеров с гладкими стенами.

Многие исследователи связывают подобные изменения в строительном искусстве с прихотями религиозного характера или с желанием новых царедворцев укрепить и прославить свою власть. Повторяется только мнение, что для подобного взлета строительства при IV династии необходима была особая жизненно важная причина.

Попробуем теперь обобщить и связать между собой высказанные выше сообщения, а именно:

1. Особые свойства пирамидальных конструкций, оказывающих влияние на повышение урожайности сельского хозяйства.

2. Разрушительный процесс в сельском хозяйстве от наступления засушливых периодов.

3. Строительство в течение короткого периода громадных пирамид с гладкими гранями непосредственно на плодородящей территории Египта вдоль течения Нила.

Одним из выдающихся ученых древности считается Имхотеп, которому приписывается проектирование и строительство великих пирамид на плато Гиза. Имхотеп был не только архитектором, но и медиком, и химиком. В течение многих веков после его смерти последующие фараоны увековечивали память о нем, воздвигая в его честь памятные сооружения. Надо полагать, что такие ученые, как Имхотеп, были хорошо осведомлены об особых свойствах пирамидальных конструкций.

Вслед за Дахшурскими пирамидами были выстроены две крупнейшие пирамиды фараонов Хеопса и Хефрена, и меньшая – Микерина. Они были расположены у начала дельты в Гизе. Эти великаны должны были своим энергетическим полем покрыть весь район дельты Нила и значительную часть его долины.

Подведем некоторые итоги. Итак, пирамиды построены, излучают некую энергию, наступающая засуха не мешает выращивать богатые урожаи зерновых культур, в дельте водится рыба, тучные стада пасутся на заливных лугах. Так ли это было на самом деле? Имеются ли какие-либо веские доказательства полученных результатов после десятилетий тяжелого нечеловеческого труда?

Мне удалось разыскать несколько работ египтолога Т.А. Савельевой. В одной из них – «Аграрный строй Египта в период Древнего царства» – она пишет: «До конца IV династии изображались в основном заупокойные обряды. Исключением

являются гробницы III – начала IV династий в Медуме, на стенах которых сохранились изображения скота, пахоты, жатвы, рыбной ловли и охоты на птицу в зарослях дельты… Начиная с V династии, в гробницах значительно расширяется площадь, занимаемая изображениями. На стенах гробниц V–VI династий воспроизведены различные сцены сельскохозяйственного труда, производства пищевых продуктов (хлебопечения и пивоварения), ремесла, охоты и рыбной ловли, регистрация приношений поставок селениями, перевозки на лодках скота, зерна и фруктов».

Еще одну цитату мы приводим из статьи руководителя российской археологической экспедиции в Египте Э. Кормышевой, раскопавшей гробницу Хафра-анка, хранителя пирамиды фараона Хефрена. На стенах этой пирамиды обнаружены надписи. Египтолог пишет: «Шесть длинных регистров изображений показывают, как исправно ловятся для него рыба и птицы, как крестьяне собирают урожай и ссыпают зерно в хранилища, а погонщики скота гонят к нему 835 быков, 220 коров, 760 ослов, 2235 коз и 974 барана. Именно из-за этого несметного количества скота гробница Хафра-анха получила название «Гробница чисел».

Видимо эта гробница была сооружена уже после того, как основной комплекс великих пирамид уже существовал.

Можно ли считать приведенные выдержки достаточным доказательством эффективности выстроенных при IV династии пирамид? Скорее всего, что нет, недостаточно. Известно лишь то, что с окончанием возведения комплекса пирамид в Гизе больше таких сооружений в Египте не возникало. Предполагается, что этому были две причины. Одна из них – это то, что поставленная жрецами и представителями науки Древнего царства задача была выполнена и на какой-то период наступление засухи можно было преодолеть.

Другой причиной, более серьезной, могло быть то обстоятельство, что глобальной цели, а именно попытки коренного изменения климата в своей стране достичь не удалось.

В этом пришлось убедиться фараонам последующих династий Древнего царства. В последние годы правления VI династии наступило резкое изменение климата. Памятники VII–X династий полны свидетельств о годах страшного голода и мора.

С тех пор прошли века, и были забыты причины возведения великих пирамид в далекие времена правления IV династии.

И осталась только легенда о них, как о неких непонятных «Житницах фараона».

По материалам И. Дон-Яхио

Исчезнувшая армия Камбиза

В VI в. до н. э. в Древнем Египте продолжалась ожесточенная династическая борьба за власть. Не стихали войны между греками и ливийскими племенами Северной Африки. Греческое влияние постепенно распространялось по Средиземноморью. В 569 г. до н. э. в Египте пришел к власти Яхмес II, попытавшийся сплотить враждовавшие стороны перед лицом грозившей опасности – мощной Персидской державы. Но все попытки фараона оказались тщетными. В 525 го. до н. э. Египет завоевали персы.

Захватив Египет, персидский царь Камбиз начал планировать дальнейшие походы на юг. В частности, его беспокоил оазис Сива, расположенный в Ливийской пустыне. До времени римского владычества этот оазис был известен под именем «Оазиса Амона». Свое имя и славу оазис получил благодаря оракулу Амона, который в свое время почитался наравне с Дельфийским оракулом и притягивал паломников со всего мира. Возможно, Камбиз решил заставить замолчать оракула и его жрецов, которые предсказали беды ему и его потомкам.

Камбиз собрал многочисленное войско – пятьдесят тысяч человек – и послал его в Сиву. Армия покинула долину Нила и пришла в оазис Харга (это подтверждено археологами, один из храмов Харги действительно персидский). А потом войско… бесследно исчезло.

«…Что с ним случилось потом, этого никто не знает, кроме, пожалуй, самих аммониев и еще тех, кто слышал их рассказы. До Аммона, во всяком случае, они не дошли и назад не вернулись, – писал Геродот столетие спустя. – Сами же аммонии рассказывают об этом вот что. Из оазиса персы пошли на них через песчаную пустыню. Приблизительно на полпути между оазисом и Аммоном как раз во время завтрака поднялась страшная буря с юга и погребла войско под кучами песка. Так погибли персы».

Камбиз убивает священного быка Аписа

Между Харгой и Сивой – семисоткилометровая полоса знойного песка. Стоит ли искать? Не выдумка ли все это? Можно ли положиться на свидетельство Геродота? Но вот что в начале 1930-х гг. поведал венгерскому исследователю Ласло Алмаши проводник караванов в Харге: «Несколько тысяч лет назад войско иноземных захватчиков хотело покорить жителей оазиса Сива. Оружие воинов было отделано серебром, шлемы – золотом. Они заставили жителей Харги служить им проводниками. Однако те знали свой долг. Они завели чужестранцев в глубь песчаных дюн, и ни один из них не вернулся оттуда!» Откуда малограмотный проводник караванов мог узнать о войске Камбиза? Скорее всего, от своего отца, а тот, в свою очередь, от своего.

Но если это исторический факт, то должны быть хоть какие-то следы! Ведь пятьдесят тысяч человек – не иголка в стоге сена. Первым к тайне потерянной армии Камбиза удалось прикоснуться немецкому путешественнику XIX в. Г. Рольфсу. Сохранился его рассказ: «Я оказался в местности, где имелись бесспорные следы длительного пребывания людей, ибо большая огороженная

площадка, искусно изготовленная из хвороста изгородь не могли означать ничего другого. Тропинка привела меня к месту, где передо мной предстали в огромном количестве черепки глиняных сосудов. Возможно, здесь останавливалось на привал какое-то войско, так как трудно предположить, что в подобном месте, при полном отсутствии колодцев и источников, могло существовать постоянное поселение». Но Рольфс только прикоснулся к загадке.

Через некоторое время в одном египетском архиве нашли документ 1911 г., где приводились слова старого шейха из Сивы. Этот правитель знал какую-то рукопись XV в., а там имелась ссылка на древние предания. В рукописи сообщалось, что в стародавние времена «царь Египта» отправил в Сиву большое войско, которое в районе маленького оазиса Бахрейн попало в бурю и погибло. Теперь ученые могли немного ориентироваться в пространстве. Оазис Бахрейн находится в ста километрах к юго-востоку от Сивы. Именно там и странствовал Г. Рольфс. Дюны, расположенные в том районе, действительно настолько непроходимы, что не одна экспедиция застряла там. Что же говорить о древних воинах, не имевших верблюдов! Но доказательства?

В 1933 г. немецкий геодезист Иоахим Эш организовал экспедицию с одной-единственной целью – найти исчезнувшее войско. Эш пошел по следам Рольфса и понял, что груды черепков лежат как раз между оазисами Дахла (там были колодцы, и войско должно было там пройти) и колодцем Абу Мунгар. Если эти два пункта мысленно соединить прямой линией, то она пойдет дальше на юг мимо Бахрейна на Сиву. Следовательно, между Дахлой и Абу Мунгаром они должны были оставить запасы воды. Эш принялся искать еще одно хранилище, поближе к Сиве.

Посреди пустынной равнины он увидел огромные каменные шары, служащие дорожными указателями. Исследователь не удивился: таких шаров в Ливийской пустыне много, они нужны проводникам караванов. Но эти шары были намного крупнее обычных. К тому же все они стояли на каменных подставках. Члены экспедиции тщательно обследовали почву вокруг странных сооружений, но нашли лишь какой-то медный обломок. Вскоре после этого поднялась сильная буря (может быть, такая же, как двадцать пять веков назад), и группе стоило многих сил добраться до оазиса. И. Эш писал тогда: «Когда я вспоминаю наш переход через северную часть бесконечного моря дюн, эти дни кажутся мне одним сплошным кошмаром…» Он не нашел армии Камбиза.

Треугольники, образованные каменными шарами, видимо, обозначали очередное хранилище воды, но следов его самого

экспедиция так и не нашла.

Четыре десятилетия полного молчания прервались неожиданным открытием. «Тайна пустыни разгадана!», «Исчезнувшая армия Камбиза найдена!» – в начале 1977 г. а эти заголовки облетели мировую печать. А под ними – скромное сообщение: «Два с половиной тысячелетия хранила пустыня свою тайну. Недавно египетские археологи обнаружили остатки войска персидского царя Камбиза недалеко от оазиса Сива, у подножия горы Абу-Балясса. В числе находок – скелеты воинов, тысячи амфор и образцов оружия».

Совсем немного не дошли до оазиса воины персидского царя. Совсем немного оставалось и Иоахиму Эшу. Но повезло другим. Да так ли это важно – кто нашел?

Клеопатра и змей

Смерть Клеопатры, пожалуй, самая романтическая, если можно так выразиться, трагедия за всю историю человечества. Нигде и никогда больше драма и лирика не переплетались так органично и полно: царица, узнав о гибели возлюбленного, спешит к нему присоединиться, принимая смерть от укуса аспида. Но так ли все было на самом деле?

После смерти Гая Юлия Цезаря (44 г. до н. э.) Рим охватила смута. На власть претендовали консул Марк Антоний и приемный сын Цезаря – Октавиан. Их соперничество кончилось тем, что Марк Антоний вынужден был бежать в Египет, где его ждала любовница, а с 37 г. до н. э. и жена – Клеопатра. Октавиан тем временем набирал политический вес, и вот в 30 г. до н. э. его полки оказались у стен Александрии. Войска же Марка Антония покинули своего полководца. Не вынеся такого позора, он заколол себя кинжалом. Царица Египта оказалась во власти Октавиана. Горько переживая утрату любимого, она, если верить Плутарху, написала Октавиану письмо, в котором просила похоронить ее рядом с Марком Антонием. Тот понял, что перед ним предсмертная записка, и тут же послал своих телохранителей, дабы те спасли царицу. Но легионеры опоздали: и Клеопатра, и ее служанки – Эйрас и Чармион – были мертвы. На телах всех трех женщин нашли следы зубов гаи, или египетской кобры.

Смерть Клеопатры. А. Реджинальд. 1892 год

Как змея проникла в охраняемое помещение? Клеопатра уговорила стражу передать ей большую корзину со смоквой – под ягодами и была спрятана кобра. Однако вот загадка: когда в комнату вбежали римляне, тело царицы еще не остыло, змея же бесследно исчезла.

Пэт Браун – одна из лучших в Америке психологов-криминалистов – составляет психологические портреты преступников. Занимаясь расследованием смерти Клеопатры, она пришла к заключению, что это вовсе не самоубийство.

Самоубийцы обычно не пишут предсмертных записок, а если и пишут, то всегда оставляют их рядом с телом. Настоящий самоубийца никогда не отправит записку человеку, который может его спасти. Это, во-первых.

Во-вторых, не все ясно и со змеей. Яд гаи парализует нервную систему и не позволяет нервным импульсам достигать мышц. Сначала теряется контроль над глазами, следом наступает паралич мышц лица, языка и горла. После отказа мышц груди и желудка наступает удушье. Как правило, весь «процесс» занимает два часа. Но в случае с Клеопатрой события развивались со скоростью курьерского поезда. Люди Октавиана прибежали в покои царицы через считаные минуты и застали всех мертвыми.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов психологию. Люди испытывают страх перед змеями. Немногие могут заставить себя дотронуться даже до безобидных ужей и полозов, схватить же смертельно опасную кобру по силам только самым отчаянным храбрецам. «Скорее всего, Клеопатра уронила змею на пол, – делится сомнениями Пэт Браун. – Трудно представить, чтобы она продолжала держать в руках существо, которое только что ее ужалило. Еще труднее вообразить, что служанки бросились ловить гаю. И уж совсем невозможно поверить, что одна догнала аспида, получила свою порцию яда, передала змею подруге, которая безропотно позволила себя укусить».

В-четвертых, египтяне считали самоубийство большим грехом: правители Египта убивали врагов, убивали друг друга, но никогда не убивали самих себя. Клеопатра, последняя из Птолемеев, должна была сражаться до конца, чтобы попытаться сохранить власть и передать ее сыну. Ведь она готовила Цезариона (кстати, сына Юлия Цезаря) к правлению и не могла не понимать, что добровольный уход из жизни ставит крест на этих планах.

«Ищи того, кому это выгодно» – гласит римская поговорка. От смерти египетской царицы выигрывал Октавиан. Его защитники утверждают, что он якобы хотел сохранить ей жизнь, перевезти

как пленницу в Рим.

Но будущий император был здравомыслящим политиком. Обдумав ситуацию, он наверняка пришел к выводу, что мертвая Клеопатра для него лучше живой. Ведь римляне могли симпатизировать египетской царице – как-никак она была матерью сына Юлия Цезаря. К тому же Октавиан, жаждущий императорской короны, нуждался в богатствах Египта и поддержке египтян. Однако, если бы египетскую царицу провели в цепях по Риму, ни о какой поддержке не могло возникнуть и речи.

Выдать убийство за самоубийство было несложно. Октавиан решал, кто имеет право видеться с царицей, что она может пить и есть. Даже отчет о ее смерти, которым воспользовался Плутарх, был написан его людьми: история с аспидом и запиской свидетельствовала и о невиновности Октавиана, и о его благородстве.

Версия же убийства Клеопатры объясняет множество нестыковок. К примеру, смерть прислуги. В Египте служанки не убивали себя вместе со своими хозяйками. Почему Эйрас и Чармион выбрали такую страшную смерть? Ведь они могли спастись, позвав стражников. Все просто: свидетельницы убийства должны были умереть.

То же относится и к слуге Антония, якобы покончившего с собой. Скорее всего, он поплатился за то, что много знал. Да и смертельную рану в живот Антонию мог нанести не он сам, а наемные убийцы.

Между Октавианом и титулом императора стояли три человека: Антоний, Клеопатра и Цезарион. Все они должны были умереть. И они умерли. Семнадцатилетнего сына Цезаря, имевшего право править и Римом, и Александрией, по приказу Октавиана убили сразу после смерти Клеопатры.

Так что, может статься, версия произошедших в Александрии событий – на совести изобретательных пиарщиков Октавиана. А Плутарх, благодаря которому мы знаем об этой истории, еще и приукрасил рассказ. Но надо отдать ему должное. В самом конце своего повествования он написал: «Вся правда об этом деле никому не известна».

По материалам В. Ставропольского

Потерянное чудо Александрийской библиотеки

Вскоре после смерти Александра Македонского виднейшие его полководцы разделили огромную империю. Птолемею Сотеру достался Египет, которым он правил 40 лет. При нем новая египетская столица Александрия превратилась в огромный богатый город. А в дворцовом комплексе, почти на самом берегу Средиземного моря, было построено большое здание специально для библиотеки. Здание это получило название Мусейона – Собрания муз.

В 307 г. до н. э. Мусейон был торжественно открыт. На полках из кедровой древесины в специальных футлярах лежали папирусные свитки. К каждому футляру прикреплялась табличка с описанием его содержимого.

Так выглядело убранство Александрийской библиотеки (реконструкция художника Карла Сагана)

Первые Птолемеи – отец, сын и внук – не жалели средств, чтобы собрать как можно больше литературных памятников Греции, Рима, Египта, Среднего Востока и даже Индии. Свитки переписывались и распространялись, благодаря этому до нашего времени дошли многие произведения античной эпохи. Птолемей III Евергет для того, чтобы сделать копию, одолжил у афинян принадлежащие государству экземпляры трагедий Эсхила,

Софокла и Еврипида, представив в качестве залога 750 кг золота. Потом он так и не вернул эти экземпляры, залогом же просто пренебрег, да еще хвастался, что обвел афинян вокруг пальца. При этом египетском царе в Александрийской библиотеке было уже около 200 тысяч свитков. Мусейон превратился в научный центр мирового значения. В нем постоянно работали около ста ученых и специалистов, находившихся на полном государственном обеспечении.

Здесь занимались философией, историей, географией, астрономией, физикой, математикой, филологией, литературной критикой, медициной. Ученые были свободны в своих научных поисках, однако не должны были посягать на авторитет верховной власти. Так, один поэт высмеял в своих стихах Птолемея II Филадельфа за то, что тот, по обычаям фараонов, женился на своей родной сестре. Царь приказал утопить дерзкого стихотворца.

Поэт Каллимах, возглавлявший Мусейон в начале III в. до н. э., создал, по преданию, 120-томный каталог Александрийской библиотеки, своеобразную культурную энциклопедию античности. Когда недавно проверяли рукописные архивы Национальной библиотеки в Вене, неожиданно обнаружили листок папируса. Это оказался отрывок в 214 строк, содержавший описание коллекции эпиграмм из Александрийской библиотеки с пометками самого Каллимаха.

В Мусейоне великий Евклид написал свои знаменитые «Начала математики». Механик Герон Старший в середине II в. до н. э. проводил здесь свои опыты с паром, которые были повторены во Франции только два тысячелетия спустя. Больших успехов достигла в Александрии медицина.

Главным библиотекарем Мусейона в начале III в. до н. э. был Эратосфен – философ, математик, астроном и литературовед. Он достаточно точно вычислил длину меридиана, на котором находилась Александрия, и длину земной оси. В последнем случае он ошибся всего на 75 км. Эратосфен создал трехтомный труд по географии, которым пользовался позднее знаменитый античный географ Страбон.

Если верить легенде, в Александрийской библиотеке хранилась еще одна (третья) рукопись Платона об Атлантиде, которая до нас не дошла. Здесь имелись все комедии Аристофана (нам известна лишь четвертая их часть). Говорили, что там были и другие произведения Гомера, кроме «Илиады» и «Одиссеи».

К середине I в. до н. э. в Мусейоне насчитывалось около 700 тысяч единиц хранения. Но в 48 г. до н. э. в Александрии началась война между легионами Юлия Цезаря, который хотел

возвести на трон Клеопатру, и войсками ее брата Птолемея Диониса. Бои шли даже в самом дворцовом комплексе. В результате часть знаменитой библиотеки сгорела.

Позднее царица Клеопатра попросила Марка Антония, нового повелителя Египта и своего возлюбленного, возместить то, что было уничтожено. В Александрийскую библиотеку передали богатое собрание свитков из Пергама. Когда Октавиан Август захватил власть, он велел перевезти часть рукописей библиотеки в храм Сераписа в другом районе города.

Александрия и ее великолепная библиотека оставались мировым центром учености и образования еще более двух веков. В 273 г. войска римского императора Аврелиана захватили Александрию и разрушили здание Мусейона. Ученые переправили уцелевшие рукописи и приборы в храм Сераписа, где продолжали свою работу. В 391 г. этот новый научный центр был разрушен и сожжен христианами-фанатиками с благословения императора Феодосия I.

Наконец в 642 г. арабский полководец халиф Омар, захватив Александрию, приказал сжечь все, что еще уцелело из этого огромного собрания. Так окончательно погибла величайшая духовная сокровищница Античности и раннего Средневековья.

Древние тайны

Адам был африканцем?

Результаты последних молекулярно-генетических исследований подтверждают спорную гипотезу: генеалогические древа всех ныне живущих мужчин восходят своими корнями к одной и той же небольшой популяции людей, живших около 200 000 лет назад на территории Африки. Это открытие подтверждает оспаривавшийся прежде тезис о «генетической Еве».

Согласно библейской легенде, история человечества начинается с того, что Господь изгнал из рая Адама и Еву. Постепенно их потомки заселили всю Землю. Ева «стала матерью всех живущих» (Быт. 3, 20).

Адам и Ева. П.-П. Рубенс, первая половина XVII века

Современная теория эволюции тоже исходит из того, что все нынешнее многомиллиардное население планеты происходит от одной-единственной небольшой группки людей – носителей

генов. Разумеется, речь идет не о некоей мифической паре прародителей – паре первых людей, сотворенных Господом Богом. Речь о другом: в какой-то момент истории человечества жила небольшая популяция людей – одна среди прочих. Сложилось так, что все ныне живущие люди являются потомками этой популяции. Вопрос в том, когда и где жила эта крохотная группка наших прародителей. «По-видимому, мы отыскали след Адама», – радостно сообщают молекулярный биолог Питер Андерхилл и его коллеги из Стэнфордского университета. Благодаря новому методу анализа мы можем очень быстро проследить за вариациями одного и того же гена в организме различных людей. Итак, исследователи взялись изучать один из фрагментов Y-хромосомы (они обозначили его M42) у нескольких сотен мужчин, живущих в различных уголках Земли.

Y-хромосомы передаются от отцов сыновьям. Они почти идентичны у людей, населяющих самые разные регионы планеты. И все же – от поколения к поколению – какие-то малозначительные изменения накапливаются и в них: меняются некоторые их фрагменты, не имеющие функционального значения, в том числе и пресловутый M42. Так, у людей, живущих в одних районах, можно встретить такие-то вариации Y-хромосомы; у людей, живущих в других районах, – другие ее варианты.

Анализируя эти мутации, можно восстановить генеалогию человечества.

Вот каким методом пользовались американские молекулярные генетики: сперва они размножали в пробирке генетический материал, добытый, например, из проб крови. Затем путем нагревания разрушали двойные цепочки ДНК и перемешивали отдельные цепочки, взятые из генетического материала различных мужчин. После охлаждения отдельные цепочки снова соединялись попарно. Биологи наблюдали за ними, используя микроскоп, работавший в ультрафиолетовом диапазоне. В тех случаях, когда обе цепочки были идентичны друг другу, они сливались в единую сплошную линию. А вот если отдельные фрагменты цепочек разнились, то есть разнился набор генов, исследователи замечали петельку или удвоенную черточку, явно искажавшую плавно проведенную линию. Так, весьма простым способом определялось наличие мутаций – выяснялось, одинаков ли набор генов у этих мужчин.

Вот результат этого генетического анализа: генеалогическое древо всех человеческих Y-хромосом коренится в Африке. Определенная структурная особенность фрагмента M42 встречается только у африканцев – и ни у кого более. Да и здесь,

в Африке, ее можно обнаружить лишь у небольшого числа – от 5 до 15 процентов – эфиопов, суданцев, готтентотов и бушменов. Согласно расчетам ученых, самое позднее около двухсот тысяч лет назад этот структурный фрагмент мутировал.

Измененный вариант M42 получил широчайшее распространение, и лишь у небольшого числа африканцев в их генетическом материале сохранился прежний, первоначальный вариант фрагмента M42.

Майкл Хаммер вместе с коллегами из Аризонского университета, исследовав другой участок Y-хромосомы у полутора тысяч мужчин, пришел к аналогичному результату. Ему удалось обнаружить определенную генетическую особенность, которой наделены как шимпанзе, так и некоторые – весьма немногие – африканские народности, в том числе все те же бушмены и готтентоты. Эти группы населения считаются непосредственными предками нашего генетического Адама.

Итак, проведенные недавно исследования доказывают гипотезу, согласно которой все ныне живущие люди происходят от небольшой популяции африканцев, жившей всего около 200 000 лет назад и в течение сравнительно короткого срока заселившей все континенты нашей планеты. Повсюду, где бы эти переселенцы ни встречали другие – анатомически более древние – популяции людей, они вытесняли их или, смешиваясь с ними, передавали им часть своих генов.

В последнее десятилетие эта модель истории человечества – Out of Africa («Исход из Африки») – пользуется все большей популярностью. Возникла она буквально на наших глазах. В 1987 г. группа американских ученых из Калифорнийского университета (Беркли) во главе с покойным ныне генетиком Алланом Уилсоном исследовала отдельные фрагменты генетического материала митохондрий – эти органоиды обеспечивают клетки энергией. У митохондрий имеются свои собственные гены. Митохондриальные ДНК являются одними из компонентов яйцеклетки и – независимо от ДНК, присутствующей в клеточном ядре – передаются последующим поколениям. Таким образом, они наследуются только по материнской линии.

В ту пору газетные полосы обошла сенсационная новость: «Генетики доказали существование Евы!» Ведь результаты исследования были таковы: митохондриальные гены всех ныне живущих людей восходят к небольшой популяции женщин, некогда населявшей Африку, а может быть, даже и к одной-единственной женщине, так сказать, «прародительнице Еве». Во всяком случае, подобную теоретическую возможность нельзя исключать.

И вот теперь обнаружен молекулярно-генетический «Адам»: выявлена «мужская» параллель митохондриальному родству. Совпадают и хронологические показатели. «Нас очень радует, что результаты, полученные при исследовании Y-хромосом, совпадают с данными, добытыми путем изучения ДНК митохондрий», – комментирует Марк Стоункинг из Пенсильванского университета (он также одновременно с Уилсоном открыл генетическую «Еву»).

Недавнее открытие – открытие генетического «Адама» – наносит еще один удар по «мультирегиональной теории» происхождения человечества. Хотя поборники этой теории тоже полагают, что наши общие предки жили на территории Африки, однако, по их мнению, расхождение между различными ветвями человечества наметилось намного раньше, нежели гласит гипотеза Out of Africa: около полумиллиона – миллиона лет назад. Именно в это время, считают они, началось обособленное развитие трех (более или менее) генетически изолированных ветвей человечества: их представители расселились, в первую очередь в Африке, Азии и Европе. В эти обширные группы входили также и такие древние популяции человека, как, например, неандертальцы (Homo neanderthalensis) и питекантропы (Homo erectus).

Согласно гипотезе Out of Africa, люди, населяющие ныне нашу планету, состоят в куда более тесном родстве между собой, нежели предполагалось прежде. Кроме того, эта гипотеза утверждает, что в генетическом плане нынешнее население Земли резче отличается от вымерших популяций людей, нежели мы полагали ранее. Исследуя останки древних людей, ученые не могли сделать выбор между двумя этими теориями – «мультирегиональной» и теорией «исхода из Африки». Зато генетические данные однозначно свидетельствуют в пользу последней теории.

Разумеется, популяционно-динамические процессы протекали куда сложнее, нежели считалось ранее. Так, Майкл Хаммер обратил внимание еще на одну структурную особенность Y-хромосомы, которая возникла в Азии и лишь потом была занесена назад, в Африку. Год назад другая группа исследователей выявила аналогичный факт, изучая вариации гена бетаглобина. Очевидно, с изгнанием из рая ясности пока нет.

Следы в пепле времен, или Как М. Лики «удлиняет» прошлое Африки

На полмиллиона лет следует теперь отодвинуть в глубь времен эпоху, когда на Земле уже жили прямоходящие человекоподобные существа – непосредственные предшественники человека. Таков вывод из последнего открытия, совершенного в Танзании группой ученых под руководством Мери Лики.

Открытие было сделано в урочище Летолил – оно находится на плато Серенгети, которое стало сейчас всемирно известным благодаря национальному парку, где ведутся работы по изучению и сохранению животного мира Восточной Африки наших дней. Палеоантропологи же знают эту область прежде всего по бесценным находкам, повествующим о давно прошедших эпохах.

Один из следов, обнаруженных в Летолиле

Летолил на языке масаев означает «красная лилия». Но,

пожалуй, на протяжении многих миллионов лет самой выдающейся «красной лилией» здесь были огненные, раскаленные выбросы вулкана Садиман, расположенного на краю плато Серенгети. Он не раз засыпал окрестности пеплом и кусками лавы.

Именно извержение этого вулкана, произошедшее однажды, примерно 3,6 миллиона лет назад, и «остановило мгновение, запечатлев на тысячи лет события доисторического прошлого Земли».

«До первого выпадения вулканического пепла, – рассказывает М. Лики, – доисторическая равнина Летолила, очевидно, была покрыта обычной растительностью. Но затем, когда всю местность окутала безжизненная серая пыль и покрыли осколки камней, животные продолжали бродить по ней, следуя привычными маршрутами. Почему они это делали, несмотря на заметное оскудение источников питания? Мы не можем пока ответить на этот вопрос».

В различных слоях пепла исследователи обнаружили множество следов павианов, которые «и по сей день с воинственным видом патрулируют долину», зайцев, доисторических предков современных слонов, мелких и крупных антилоп, различных видов жирафов: обычного и карликового – ископаемого, черного и белого носорогов, многочисленных хищников, включая гиен и огромного саблезубого тигра. Но останки человека – или его предка – долго не давались в руки.

Впервые чета Лики появилась в Летолиле в 1935 г., а потом они еще несколько раз направляли сюда свои поисковые группы, но успеха все не было. Надежды возродились вновь лишь в 1974 г., когда Мвонгела Мвока, африканский сотрудник М. Лики, нашел здесь очень древний зуб, принадлежавший существу, которое всех интересовало. Настойчивые поиски начались вновь.

На этот раз – удачные. Начиная с 1976 г. было найдено две серии следов древних человекоподобных существ.

Вторая и главная серия – тропа, ставшая теперь знаменитой. В последний рабочий сезон она была очищена от дерна и вскрыта на протяжении 23 метров.

На тропе сохранились две цепочки следов: две цепочки, оставленные двумя различными особями – крупной и поменьше.

Крупное существо, быть может, было самцом, а второе – самкой. Или – взрослой особью и подростком? Это, видимо, навсегда останется неизвестным, но просто для удобства работы исследователи решили считать меньшее существо самкой.

Самец и самка проходили здесь порознь, в разное, хотя и близкое время. Обе цепочки следов тянутся почти по прямой с

юга на север и внезапно прерываются у небольшого оврага, который тут перерезает равнину.

«Иногда во время раскопок, – пишет М. Лики, – я выхожу посмотреть, как опускаются сумерки над серым туфом с его удивительной «книгой», повествующей о давно прошедших временах. В косых лучах заходящего солнца следы выделяются так четко, что невольно кажется, будто их оставили только сегодня утром».

Пока исследователям не удалось обнаружить каменных орудий той поры. Найдена часть скелета детеныша, несколько челюстей взрослых особей.

И – следы! Следы древнего человекоподобного существа. Размер меньших отпечатков равен 18,5 сантиметра, больших – 21,5. Шаг у самки составляет в среднем 38,7 сантиметра, у самца – 47,2. Вычисленный по этим данным рост самца равняется примерно 140 сантиметрам, самки – 120.

Эти следы, находит М. Лики, «раз и навсегда доказывают, что не менее 3,6 миллиона лет назад… те, кого я считаю прямоходящими предками человека, свободно двигались на двух ногах. И во-вторых, форма их ступни ничем не отличалась от нашей.

Роль прямохождения для развития человекоподобных существ трудно переоценить… Оно освобождало руки для множества других занятий – переноски грузов, изготовления орудий, иных сложных движений. В несколько упрощенном виде можно сказать, что освобождение передних конечностей стимулировало развитие мозга. Так рождалось человечество».

Прямохождение непременной частью вошло в общую формулу – своего рода фамильный портрет, показывающий, каким должно было быть существо, претендующее на роль первого, самого древнего человека. Прямая походка и соответствующее ей строение стопы и костей нижних конечностей. Достаточно развитой мозг, с объемом более 750 кубических сантиметров. Развитая кисть руки, способная совершать тонкие и разнообразные действия. Особенные, отличные от обезьян черты черепа, лицевого скелета, челюстей, зубов.

Самая главная черта общепризнанной ныне теории происхождения человека в том, что ключевое, решающее значение эта теория придает труду. Согласно ей, все качества, приобретенные предками человека за миллионы лет эволюции, – прямохождение, рука, мозг, стереоскопическое зрение, заметно выраженный ориентировочно-исследовательский эффект (любознательность, как сказали бы мы о человеке), высоко

развитая орудийная деятельность – все это подвело древнее существо к тому моменту, когда оно сумело овладеть преднамеренным и постоянным изготовлением орудий. Есть во вновь вскрытом пласте каменные орудия – ищи останки высокоразвитых существ, представителей ранних стадий эволюции человека. Есть останки без орудий – тут еще многое придется выяснять.

Антропологические находки последних десятилетий в Африке поражают своей необычностью, тем влиянием, какое они оказали на представления ученых о древнейшем прошлом человека и его предков.

Именно находки в Африке решительно изменили картину начальных этапов возникновения человека.

Необыкновенный вклад в эти события внес исследовательский клан Лики. Прежде всего, конечно, успехи самого Луиса Лики, бывшего вождем клана до своей смерти в 1972 г. Он был замечательно удачливым исследователем и поисковиком. Карликовый жираф, найденный впервые именно им, карликовый носорог и множество других древних видов до его раскопок не известны вовсе. Но главное, конечно, – десятки находок ископаемых существ, которые в совершенно новом свете представили древнейшие этапы становления человека. Его работы словно распахнули занавес, скрывавший ослепительно богатую и совершенно неизвестную дотоле панораму жизни предков человека на протяжении многих миллионов лет. Впечатление, произведенное его успехами, было так велико, что в Африку потянулись десятки экспедиций – И. Коплена, М. Тэба и Д. Иохансена, К. Хоуэлла, К. Арамбура, Б. Паттерсона и других. Открытия многих исследователей и осмысление этих открытий антропологами и археологами всего мира и привели в наши дни к полному перевороту в картине ранних этапов возникновения человека.

Далее сын Луиса, Ричард Лики, который приобрел известность и серьезную репутацию еще задолго до своих тридцати лет. В его активе уже не одна выдающаяся находка, в том числе знаменитый череп № 1470 и еще останки десятка существ того же типа.

Наконец М. Лики, вдова Луиса Лики. Она археолог. Прежде две археологические культуры признавались самыми древними – шелльская и ашельская. Теперь археологи считают, что им предшествовала еще более древняя культура каменных орудий: олдувайская, или галечная, – и появление этого взгляда во многом обязано исследованиям М. Лики. Она участвовала во множестве исследований, и вот теперь открытие, совершенное ее

экспедицией в Летолиле.

Что же нового в наши представления о древнейшем прошлом человека вносит открытие в Летолиле?

«Фамильный портрет», упоминавшийся выше, рисует лишь общие черты нашего далекого предка, каким он приблизительно должен быть. А каким он был на самом деле? Каким был тот реальный ход событий, в котором воплощаются принципиальные позиции антропогенеза?

Словом, какую реальную картину можно составить по ископаемым останкам древних существ – предчеловеческих и, собственно, человеческих форм?

Начнем со времени в 5,5 миллиона лет назад – с эпохи, когда обнаруживаются первые останки австралопитека. Обнаруженное впервые на юге Африки в середине двадцатых годов, это существо и получило свое название, которое можно перевести как «южная обезьяна». Его первооткрыватели и первоисследователи Р. Дарт и Р. Брум объявили его предком человека, чем вызвали град насмешек, не унимавшихся, пожалуй, три десятилетия подряд – до той поры, когда открытия в Восточной Африке, прежде всего находки Луиса Лики, не заставили задуматься самых отъявленных скептиков. А в шестидесятые годы окончательно выяснилось, что это существо не было «южным», так как останки его находят по всей Восточной и Северо-Восточной Африке, на севере континента, на Ближнем Востоке и в других местах.

Не было оно и обезьяной. Это было высокоразвитое существо, успешно осваивавшее прямую походку.

Из глубины веков – 4 миллиона лет – до нас дошло немного останков австралопитеков. Но вблизи 3 миллионов лет их обнаруживается порядочно, а между 3 и 1,5 миллиона лет – просто много. Дальше австралопитеки постепенно сходят на нет, отступая перед древними людьми. И чем дальше, тем больше австралопитеки станут оттесняться на края тогдашней ойкумены (например, в Южную Африку, тогда как главные эволюционные события будут происходить, видимо, в Восточной и Северо-Восточной Африке), а там, оказавшись в эволюционном тупике, они далеко отойдут от магистральной линии развития человека и вымрут.

Но это случится много позже. Наше же внимание сейчас привлекает эпоха их расцвета, мир австралопитека. Право же, в свете сегодняшних знаний эта эпоха вполне заслужила такое торжественное наименование.

Примерно 5 миллионов лет подряд одна форма австралопитеков сменяла другую на бескрайних просторах Старого Света.

Missing link – «недостающее звено»! Так долгие десятилетия в антропологии именовалось существо, которое неизбежно должно было предшествовать первому человеку, – неизвестное, недостающее звено, связывающее его с предковыми формами.

И вот теперь его разыскали. Более того, не звено, но целый богато заселенный мир! «Недостающая цепь вместо недостающего звена» – так эффектно и очень точно обозначил суть произошедшего известный антрополог В.П. Алексеев.

Чем дальше разворачиваются поиски, чем больше экспедиций устремляется на охоту за останками древних предков человека, чем больше открытий они совершают, тем больше разногласия среди специалистов. Парадокс? Ничуть!

Исследователям приходится восстанавливать необыкновенно сложную и запутанную историю возникновения человека на протяжении нескольких миллионов лет. И на необозримых пространствах: Северная и Восточная Африка, Ближний Восток, Индостан, Юго-Восточная Азия и, наконец, Юго-Восточная Европа.

И, например, мир австралопитеков, этапы их развития, пути и направления их эволюции у разных антропологов получают весьма неодинаковое истолкование.

До сих пор мы говорили об австралопитеках вообще – как будто все они были единообразны, на одно лицо. Ничуть не бывало! Не меньше трех-четырех весьма различающихся линий австралопитеков выделяют исследователи.

Одну из них антропологи называют грацильной, то есть изящной. Другие линии были, очевидно, тупиковыми. Массивные существа с мощными костяками – в них природа сделала ставку на величину, силу, непобедимость в открытом бою, но они не выдержали соревнования со своими низкорослыми и субтильными, однако сообразительными и умелыми современниками.

Кто же был удачливым соперником массивных гигантов? Это острый вопрос, ибо именно существа, на долю которых выпала тогда эволюционная удача, представляют «недостающее звено» – непосредственных предков человека.

В Афаре (Эфиопия) в 1973–1975 гг. экспедиция Д. Иохансена обнаружила в слоях, которые датируются в среднем 3,1 миллиона лет, множество костных останков древних существ и среди них достаточно полно представленный скелет самки (именно скелет! – не отдельные зубы или костные обломки!). В знак уважения к сохранности костяка исследователи окрестили самку именем Люси. Так вот, Люси и ее сородичи уже свободно владели прямой походкой. Находки из Афара до последнего времени были

самой древней известной формой прямоходящего существа.

Находке в Летолиле – в среднем 3,6 миллиона лет. Малочисленные и разрозненные костные останки, обнаруженные здесь, еще не изучены. Однако уже сейчас М. Лики считает очевидным, что прямоходящие человекоподобные существа из Летолила очень близко напоминают Люси и ее сородичей, хотя те и жили на полмиллиона лет позже.

На следах в Летолиле обнаруживается отчетливо выраженный свод стопы, округлая пятка, направленный вперед большой палец – те черты, которые и свидетельствуют в пользу свободного владения прямой походкой. «Строение ног у них, должно быть, почти не отличалось от нашего», – считает М. Лики. И еще: «Форма их ступни ничем не отличалась от нашей…» Специалистка по биомеханике движения и анализу следов, которая участвовала в работе экспедиции, пришла к выводу: «Характер движений показывает, что существо было двуногим, шло нормальной походкой, большими шагами (причем шаг его был весьма широк, однако рост – невелик). Распределение веса в отпечатках напоминает картину, наблюдаемую у людей».

Выдающееся значение последних находок в Африке, на взгляд известного отечественного антрополога М.И. Урысона, состоит в том, что они – пусть даже не окончательно, пусть только на сегодняшний момент – позволяют навести порядок в обширном и запутанном австралопитековом семействе.

Вкратце ход его мысли примерно таков. Находки в Летолиле и Афаре (Люси) показывают нам высокоразвитую форму, жившую 3,5–3 миллиона лет назад. Эта форма – условно ее можно назвать афарской по месту первой находки – овладела прямой походкой и была способна эволюционировать в сторону человека. Афарское существо было, по мнению Урысона, таково, что именно от него могли начинаться две расходящиеся в стороны линии развития.

Первая: к грацильному австралопитеку, а дальше – к австралопитеку массивному, где ее и поджидал эволюционный тупик.

Вторая: линия, ведущая к человеку.

Дальняя граница эпохи возникновения человека обозначена теперь временем жизни афарского существа в Летолиле – 3,5 миллиона лет назад.

А где пролегает ближняя граница той эпохи, ознаменованная появлением самых ранних орудий труда? Что об этом рассказывают находки?

В Африке самые древние, обнаруженные на сегодня, орудия относятся ко времени в 2,2–2 миллиона лет. (В Азии орудия такой давности пока вообще не найдены.)

Значит, здесь горячо, здесь надо искать – между 3,5 и 2 миллионами лет.

Именно в этом промежутке, судя по сегодняшним данным, и произошло выдающееся событие в эволюции живой материи: возник человек. Событие, сравнимое по своей значимости разве что с возникновением живой материи.

По материалам Г. Зеленко

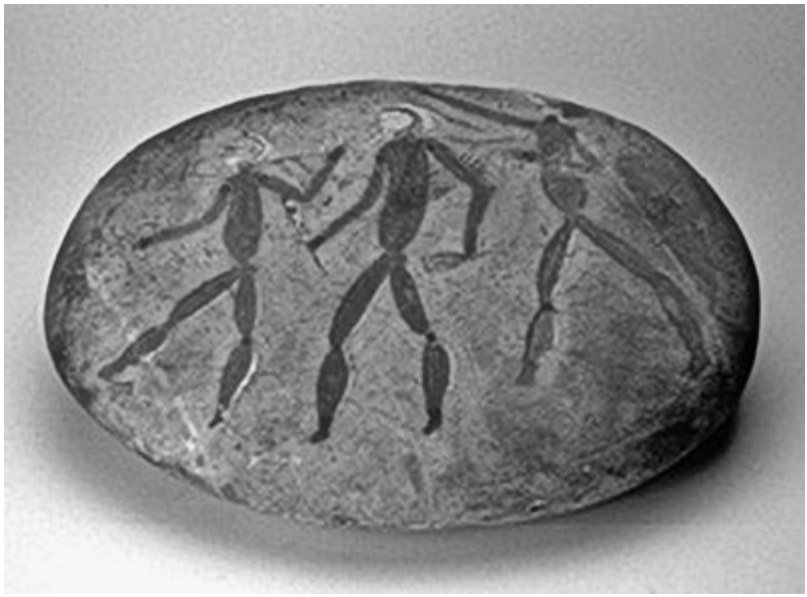
Колдстримский камень – подлинник или подделка?

В 1911 г. в древнем пещерном погребении близ устья реки Лоттеринг, Южная Африка, там, где сейчас располагается национальный парк Цицикамма, был найден необычайный расписной камень, который стал известен как Колдстримский. Камень лежал на глубине чуть больше метра, но его раскраска осталась в практически нетронутом виде. И необычность этой находки именно в том, что все прочие погребальные камни, найденные по соседству, сохранились гораздо хуже. Загадка Колдстримского камня не в его положении и не в том, что на нем изображено, а именно в изумительной сохранности этого изображения.

Как мог примитивный красочный слой на камне сохраниться сотни, а может, и тысячи лет во влажной земле и остаться практически без изменений? Является ли Колдстримский камень подделкой или загадочным явлением природы?

Ответ в том, что этого не знает пока никто.

В 1908 г. археологи были взволнованы сообщением, что расписные погребальные камни, найденные в области города Кнайсна на восточном побережье Южной Африки, могут быть как-то связаны с таинственными стрендлуперами, племенем кочевников, которое проживало вдоль юго-восточного побережья Южной Африки. До тех пор было найдено только одно погребение, связываемое со стрендлуперами, – в другой пещере около Кнайсны в 1872 г. Вероятно, в начале 1908 г., но, скорее всего, в 1909-м, раскопки С. Дж. Уитчера в пещере близ деревушки Колдстрим выявили еще несколько расписных, но одноцветных камней.



Колдстримский камень

В феврале 1911 г. Л. Перингвей, тогдашний директор Музея Южной Африки, поручил музейному таксидермисту Джеймсу Друри произвести раскопки в том самом месте, где Уитчер нашел свои камни. В своих записках Друри пишет, что Уитчер еще до его приезда уже раскопал дно пещеры до глубины в три метра. Друри продолжал копать в той же траншее и, углубившись еще на шестьдесят пять сантиметров, обнаружил остатки скелета. Скелет, однако, был сильно попорчен влажной землей, и поэтому он решил возобновить работы в другом месте, где можно было надеяться на находки в лучшем состоянии.

Переместившись в глубину пещеры, он стал рыть вторую траншею. Прокопав на глубину примерно в сто двадцать сантиметров, Друри наткнулся на другой скелет, который также был в «очень скверном состоянии», но никаких погребальных камней рядом с ним не обнаружил. Вскоре Друри встретил еще один скелет, на этот раз детский, а чуть ниже наткнулся на четвертый, под камнем, правда не имевшим никакой росписи. Продолжая копать, Друри на том же уровне нашел полный скелет взрослого и у его плеча – большой плоский камень с «самой изумительной росписью, которую я когда-либо видел…»

Он нашел то, что позже стало Колдстримским камнем. Камень и скелет выставлялись в Музее Южной Африки в Кейптауне несколько лет. Когда в середине 50-х г. экспозицию поменяли, Колдстримский камень упрятали в музейный сейф для большей сохранности и практически забыли до 1980 г., когда он

вернулся в коллекцию утвари музейного отделения археологии. С тех пор он привлекал большой академический интерес. Для большинства исследователей загадка состояла в том, как хрупкая роспись продержалась столько времени в прибрежной пещере при повышенной влажности почвы. Никто не мог объяснить причин такой превосходной сохранности.

Из-за того, что роспись так хорошо сохранилась, многие сомневаются в ее подлинности. В 1989 г. М.-Л. Уилсон и В. ван Рийссен из археологического отделения Музея Южной Африки и Д.-А. Гернеке из отдела электронной микроскопии Кейптаунского университета провели ряд тестов, чтобы установить подлинность Колдстримского камня. Сравнительный анализ краски с него и других камней сходного происхождения и результаты других тестов внушают мысль, что краска настоящая. Равным образом и стиль росписи очень похож на тот, что остался на настенных росписях и других образцах каменного искусства в этой области.

Остается тем не менее вероятность того, что роспись была «подправлена» в 1911 г. неизвестным ассистентом с целью продлить сохранность экспоната, и того, что его начальник, кто бы он или она ни были, просто забыл сообщить об этом, считая не слишком важным или срочным фиксировать факт подобной реставрации. Но если все дело в этом, то почему схожим образом не были обработаны и другие, более ценные камни?

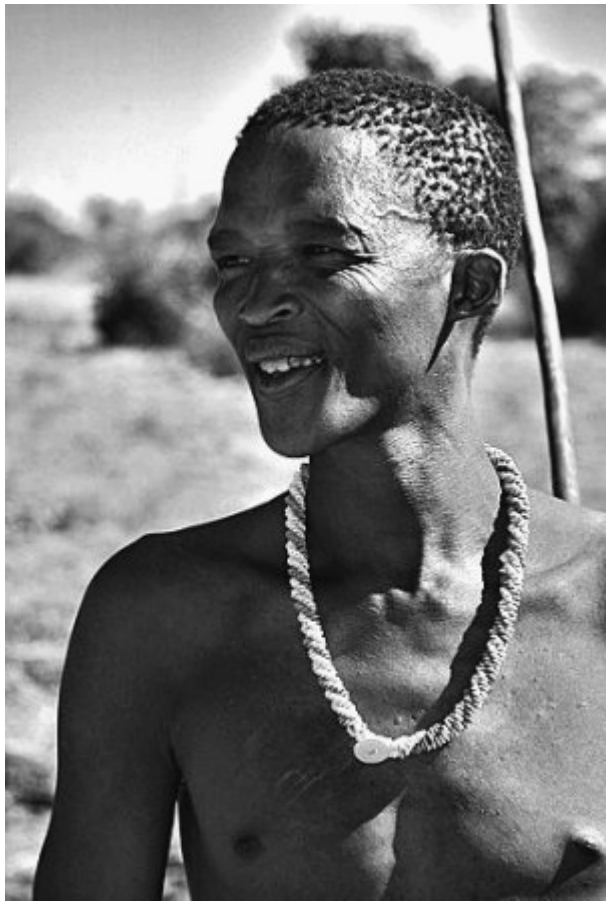
Нет ничего, что заставило бы предположить, что Колдстримский камень не является подлинным. Может быть, ответ на эту головоломку погребен вместе с камнем?

Стрендлуперы – люди, которых не было?

Вдоль всего южного побережья Африки можно увидать множество мест – и в пещерах, и на открытых пространствах, – где высятся древние курганы из морских раковин. Среди этого «мусора», как чаще всего его называют, были найдены останки птиц и зверей, вещи, сделанные людьми, и много реже человеческие кости. Все они – наследие древних кочевников, которых обычно называют койсан («койкой» – имя, которым нама, скотоводы-кочевники, называли самих себя, а «сан» они звали других, не разводивших скота, а живших охотой и собирательством. Койсан – это просто сращение имен, обозначающее обе группы как целое). До середины нашего века эти мусорные кучи приписывали таинственным племенам, известным как стрендлуперы.

Долгое время никто не мог толком сказать, кто такие эти стрендлуперы, как они жили и почему вымерли. Неясного было так много, что о них сложился целый миф, согласно которому стрендлуперы – это люди особой расы, и в культурном, и физиологическом смысле отличающиеся от всех прочих, живших в Южной Африке.

Пикантность этой загадки в том, что никаких свидетельств того, что стрендлуперы чем-то отличались от койсанов, никогда не было. Это имя им присвоил некий моряк Лендерт Йанссен, выживший после кораблекрушения «Харлема» в Столовой бухте в 1647 г.



Человек из племени сан

Археологические находки показывают, что по крайней мере сто тысяч лет назад большую часть прибрежной области вокруг мыса Доброй Надежды занимали люди позднего палеолита, обитавшие в пещерах и примитивных жилищах, охотники-собиратели и предки санов и бушменов.

Примерно две тысячи лет назад люди койкой – новый народ – появились на побережье, и, конечно же, их приход вызвал соперничество среди местных обитателей за землю и еду.

Это нашествие не замедлило сказаться и на судьбе санов, которым пришлось потесниться и уйти с побережья под напором мигрирующих скотоводов койкоев и чернокожих земледельцев, предков нгуни, которые также двигались в эту сторону и расселялись в областях, еще не занятых койкоями.

Главное племя койкоев у мыса Доброй Надежды было кочоква, которых голландцы называли «салданья». Они жили у самого океана, зимовали вокруг бухты Святой Елены и перебирались к Тайгербергу весной. В середине лета, если

позволяли дожди, они двигались через Стелленбош и обратно к своим зимним жилищам.

В начале XVII в. первый губернатор Капской колонии Ян ван Рибек стал свидетелем миграции кочоква, которых он называл «квена», и как человек, занимающий военный пост, подсчитал количество боеспособных мужчин – таковых оказалась примерно тысяча. Он также заметил, что племя сопровождали тысячи овец и коров. Если его оценка верна, то все племя насчитывало пять-шесть тысяч человек.

Маленькое племя койкоев, известное как горингайква, «люди мыса» у голландцев, насчитывало тысячу человек и проводило жизнь в миграциях между двумя основными стойбищами – одним на берегу Столовой бухты, а другим у Фоллс-Бей близ Мюйзенберга. Кажется, что стрендлуперы, которых всего-то было человек то ли двадцать, то ли восемьдесят, находились в какой-то зависимости от горингайква, ибо их называли горингайкона, что значит «дети горингайква».

В рассказах ранних европейских путешественников, включая и Франсуа Валентина, который упоминает стрендлуперов в своем официальном отчете в 1681 г., их называли «водяными людьми» или «людьми-рыбаками», и утверждалось, что они поддерживают свое существование, собирая морские раковины со скал и поедая птиц, тюленей и китов. По словам европейцев, их выбрасывало прибоем на берег. Кажется, стрендлуперы сами не разводили скот, хотя вождь горингайкона, Аутшумао, который побывал в Европе в 1630–1631 гг., служил переводчиком у голландцев, когда те выменивали у койкоев скот.

Можно предположить, что образ жизни стрендлуперов был перенят, среди прочих, Херри и его племянницей Кротоа (Евой) из желания познакомиться с белыми поселенцами и извлечь из контактов с ними какую-нибудь выгоду.

Судя по всему первое упоминание о «водяных людях» можно найти в вахтенном журнале Уильяма Бейли, капитана торгового судна «Мери», побывавшего в этих местах в мае 1639 г.: «Суббота, 11 число. Этой ночью примерно в час мы подняли один якорь и оставили судно на другом… Примерно в 9 или 10 часов мы снарядили шлюпку к острову Пингвина (Дассена), чтобы отвезти Томаса, с которым мы отправили письма. Вместе с ней поплыла и оставшаяся часть водяных людей, общим числом в двадцать мужчин, женщин и детей. После полудня мы послали на берег Джоливотта за водой, который вернулся вечером с полутора тоннами, тогда же, когда с Пингвина вернулась наша шлюпка с птицами-ныряльщиками, похожими на бакланов, молодыми гусями, двумя тюленями и одним пингвином, которых нам

оставили вышепоминаемые двадцать человек».

В том же году другой моряк, Йоган Альбрехт фон Манделсло, на судне «Лебедь» бросил якорь в Столовой бухте и также впоследствии описал стрендлуперов, которые, как он говорил, «живут крайне скудно у самой воды, но не имеют ни кораблей, ни лодок. Они питаются травами, кореньями и рыбой, особенно любят дохлых китов, которых выбрасывает бурей на берег. Они называются «водяные люди», потому что живут на самом берегу». В позднейшем вахтенном отчете Манделсло рассказывает, что ему пришлось подвезти пятнадцать «таких людей» – четверых мужчин, восемь женщин и троих детей – на остров Пингвина после их упрашиваний. Он утверждает, что эта группа надеялась поселиться на острове и питаться дохлыми китами, тюленями, рыбой и пингвинами, будучи свободными от преследований койкоев.

Путаница с определением стрендлуперов началась только в XX столетии. В 1907 г. доктор Ф.-У. Шрабсолл предпринял сравнительный анализ 23 черепов, взятых из Музея Южной Африки и где-то еще, в числе которых был один, приписываемый стрендлуперу, появившийся в 1872 г. Все, найденные на побережье, доктор назвал «стрендлуперскими», а остальные, из внутренних областей континента, отнес к «бушменам». Он также заключил, что черепа стрендлуперов «представляются во всех отношениях более четко определяемой группой, чем у бушменов, и отличаются по строению от готтентотских». Другими словами, «раса» стрендлуперов отличалась от всех прочих в этой области.

Несмотря на то что вскоре была доказана несостоятельность теории Шрабсолла, это утверждение получило общее признание и привело к распространенному убеждению в уникальности стрендлуперов.

В книге «Земляные работы» Лайолл Уотсон предполагает, что стрендлуперы были частью недавно вымершего народа, известного под научным именем «боскопоиды». Термин «боскопоиды» происходит от названия городка Боскопа у Потчефструма в Трансваале, где в 1913 г. были извлечены из земли части черепа и скелета так называемого боскопского человека, более высокоразвитого представителя неандертальской расы, той самой, которая была обречена стать тупиковой ветвью эволюционного древа.

Однако и теория боскопского человека была позже дискредитирована, так как череп, на исследовании которого она основывалась, был опознан как необычайно крупный бушменский, имеющий, несмотря на свои размеры, совершенно обычные пропорции для этого типа.

К началу XVIII в. стрендлуперы практически исчезли. В официальной записке Франсуа Валентина 1714 г. упоминается, что «люди мыса» почти все умерли от эпидемии оспы. Учитывая, что и раньше племя было невелико, и то, что оно имело довольно тесные связи с белыми поселенцами, можно предположить, что выжившие стрендлуперы просто смешались с колонистами.

После 1714 г. нет почти никаких упоминаний о стрендлуперах. Учитывая, что они были маленькой группой, вероятней всего отколовшейся от горингайква, и, следовательно, «временным» племенем, все другие рассказы о них скорее всего относятся к прибрежным племенам сан. Херри горингайкона, которые были также известны, как «водяные люди», «люди-рыбаки» или «стрендлуперы», практически находились под верховенством одного человека, которого называли то Хадах и Харри, то Херри, но чьим настоящим именем было Аутшумао.

Как уже упоминалось, в 1630-м или 1631 году британцы взяли его в Вест-Индию и вернули домой в следующем г. Кажется, что во время плавания он выучился говорить по-английски и также возможно, что он знал чуть-чуть по-голландски. Как официальный переводчик, посредник и вестник Херри имел значительное влияние на колонистов и стрендлуперов в Столовой бухте и получил немалые награды за свои старания от британцев. Херри умер в 1663 г., когда судьба горингайкона была уже практически предрешена.

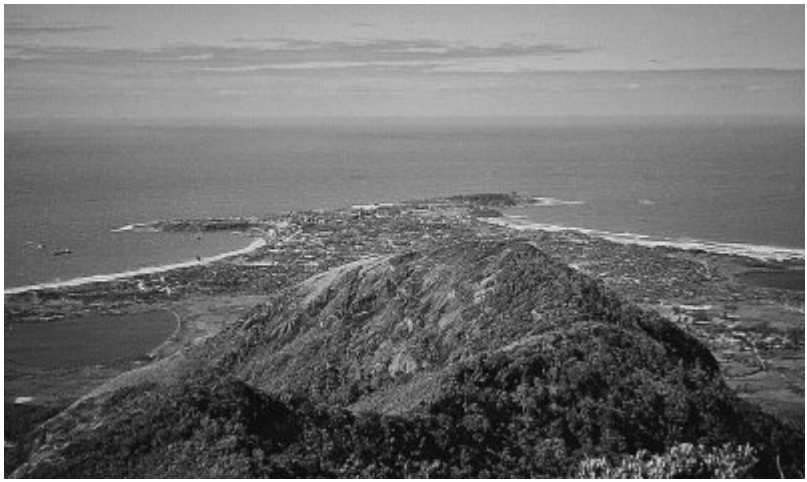
Робинзоны большого острова

«Большой остров», или «Красный остров», протянулся с севера на юг, образуя заслон морским течениям и пассату, который приносит дожди на узкую полосу восточного берега, затем через гряду отвесных скал поднимается выше и орошает плато, расположенное на высоте от 800 до 2000 м, а после этого, потеряв всю свою влагу, опускается на равнины западного берега. Тропический вечнозеленый лес вначале покрывал не только побережье и прибрежные скалы, как сейчас, но и большую часть плато.

На западе простирался тропический лес, а на засушливом крайнем юге – колючая неистребимая брусса. Имя этому острову – Мадагаскар!

В этом обособленном мире, отделившемся от Африки еще в третичный период, сохранилась своеобразная фауна. Пользуясь почти полным отсутствием хищников, здесь могли распространиться крупные лемуры, гигантские бескрылые птицы (эпиорнисы), черепахи разных видов. Гиппопотамы и крокодилы наводняли реки и болота. Кабаны, летучие мыши, многочисленные птицы свободно размножались на этом неведомом краю света.

Итак, среди обитаемых частей нашей планеты Мадагаскар оказался, по-видимому, в числе последних, где поселился человек. Древняя история его неизвестна и загадочна. Добраться до острова оказалось возможным лишь при достаточно хорошо развитом мореходстве. Самые древние даты, полученные радиоуглеродным методом в двух прибрежных поселениях на крайнем севере и на крайнем юге, относятся приблизительно к 1000 г. н. э. Однако археологические изыскания начались там совсем недавно, так что есть надежда обнаружить более древний материал. Жившие в этих поселениях люди изготовляли железные изделия и керамику; их дома имели прямоугольную форму; рыболовство и сбор раковин давали основную пищу.



Юго-Восточное побережье Мадагаскара

Безусловно, в погоне за дичью и в поисках дикорастущих плодов островитяне постепенно проникали в глубь острова, а затем переходили к подсечно-огневому земледелию и животноводству. Крупные животные оказались истреблены; исчезновение гигантских лемуров, гиппопотама и эпиорниса произошло, как кажется, одновременно с появлением людей. Расчистка полей с помощью огня привела к почти полному исчезновению леса на плато и к его отступлению на западе; его заменили высокие травы, годные для выпаса крупного рогатого скота. Так, должно быть, утверждала себя, неся железо и огонь в эту девственную природу, мальгашская цивилизация.

Откуда же пришли эти «робинзоны»? Из-за отсутствия данных исторических источников мы вынуждены обращаться к материалам других наук. Лингвистика дает категорический ответ: мальгашский язык является индонезийским, и разнообразие его диалектов не может скрыть единства его грамматики и морфологии. Антропология, напротив, выявляет большое разнообразие: тип со светло-коричневой кожей – азиатский, напоминающий индонезийцев; тип с черной кожей – весьма вероятно, африканский; и многочисленные переходные ступени. Противоречие между этим языковым единством и антропологическим разнообразием ставит вопрос о происхождении мальгашей.

Океанография свидетельствует о мощном южноэкваториальном течении, идущем от юга Индонезии в направлении Мадагаскара. Пассатные ветры с юго-востока дуют более или менее постоянно. Но Индийский океан в этих районах имеет в ширину 6 тыс. км без единой промежуточной остановки, за исключением маленьких островов, остававшихся пустынными

до XVII в. Напротив, благодаря муссонным ветрам возможно мореплавание от Индонезии в направлении Южной Индии, а от нее к Мадагаскару либо через Мальдивские острова, либо вдоль восточного побережья Африки. При плаваниях этим путем люди до сих пор пользуются пирогами с противовесом. Технические навыки мальгашей обнаруживают множество черт, общих с Индонезией: таро, затопляемые рисовые посевы, подсечно-огневое земледелие, кузнечные мехи из двух стволов деревьев, четырехугольные дома на сваях с покатой крышей и т. д. Но домашние животные – африканского происхождения.

Индонезийские и африканские черты обнаруживаются также в обществе и в культуре. Среди первых: патрилинейный счет родства с сильными следами матрилинейности, добрачная сексуальная свобода, культ предков, жертвоприношение быка, мегалиты, поэзия любовного соперничества и т. п. Некоторые черты напоминают культуру бантуязычных народов долины Замбези (в частности, специфическая символика некоторых скульптурных изображений), другие – культуру кушитоязычных народов (обожествленные цари, особая значимость стада, касты и возрастные классы). По правде говоря, большинство этих сравнений нужно еще проверить на строго научной основе.

При отсутствии устных преданий, письменных документов и археологических данных мы пока вынуждены ограничиться гипотезами о происхождении мальгашей. Недостатка в них нет, поэтому приведем лишь основные из них: массовое прибытие индонезийцев с примесью меланезийцев; первоначальный бантоидный субстрат, на который наслоились индонезийцы; первоначальное индонезийское население, которое начало впоследствии охоту за рабами на африканском побережье. Все эти гипотезы обычно подразумевают прямое путешествие через океан и прибытие на восточное побережье.

Другая гипотеза предпочитает северный путь с остановкой в Южной Индии и на африканском побережье, где и произошло смешение индонезийцев с африканцами и откуда они добрались до Мадагаскара с северной и западной стороны. Однако ни одна из этих гипотез пока еще не получила достоверного подтверждения.

Теперь после чистых гипотез мы можем обратиться к арабским источникам, которые, правда, также вызывают вопросы. В 945 г. согласно «Книге чудес Индии» вак-вак с востока после целого года пути на 1 тыс. судов попали на остров Канбалу у берега зинджей. Вак-вак жаждали слоновой кости, черепашьих панцирей, шкур пантер и рабов. Канбалу выстоял, и пришельцы отправились на завоевание побережья Софалы.

Слово «вак-вак» арабы употребляли либо по отношению к сказочным островам, либо к островам, окаймляющим Азию (от Индонезии до Японии), а также по отношению к странам, расположенным к югу от земель зинджей, т. е., возможно, к Мадагаскару (известному также под именем Кумр– «Лунный остров») и к расположенному напротив побережья. Зинджи – это чернокожие африканцы. Вак-вак (возможно, «люди на пирогах» – «ванкан» на индонезийском языке), вероятно, применялось к индонезийцам и к мальгашам. Предполагают, что Канбалу обозначает остров Пемба. Следует ли относить заселение Мадагаскара за счет этого переселения и отвергать все гипотезы о более ранних путешествиях? На этот вопрос ответит археология.

Экспедиция 945 г., должно быть, осуществлялась на основе уже имевшихся сведений; судя по ее размаху и ее задачам, можно предполагать, что за ней стояла какая-то могущественная организация, вероятно, государство Шривиджайя на Суматре. Но к тому времени оно было уже в течение нескольких веков индуизировано, а мальгаши были язычниками. Следовательно, они могли прибыть либо с Суматры или Явы до их обращения в индуизм, либо с островов, остававшихся языческими, например Борнео или Целебес.

Великий географ ал-Идриси (середина XII в.) писал: «У зинджей нет судов, на которых они могли бы совершать морские переходы… Жители островов Забадж приходят к зинджам на больших и малых судах и занимаются торговлей своими товарами, потому что они понимают язык друг друга». Острова Забадж – это Ява и Суматра. Берег зинджей, о котором идет речь, судя по другим отрывкам, – это побережье Софалы, где торговали и люди с Кумра. Итак, если верить Идриси, то в его время индонезийцы уже поселились на Мадагаскаре и на побережье Мозамбика.

Таким образом, индонезийские переселенцы прибывали, очевидно, в течение нескольких веков; наличие антропологических африканских и смешанных типов можно объяснить существованием контактов с побережьем Африки. При этом некоторые группы сохранили свой расовый тип благодаря изолированности или матримониальным запретам, являя, таким образом, более чистый индонезийский тип; в частности, это относится к хува.

В одном из поселений, датируемых 1000 г. н. э., были найдены иракские глиняные изделия. Ал-Идриси отмечал существование на Кумре морского мусульманского города Лайрана, поддерживавшего связи с Малайским архипелагом. В развалинах Махилака на северо-западном берегу острова были

обнаружены арабские глиняные изделия XIV в.

В то время в западной части Индийского океана господствовали арабы и другие исламизированные торговцы, которые основали ряд факторий вдоль африканского побережья, в Индии и на Мадагаскаре.

Именно таким образом Коморские острова получили исламизированное население, говорящее на одном из диалектов банту, смешанном с арабским языком, и носящее имя малайского происхождения: анталаут (на мальгашском языке анталаотра) – «люди моря». Владея парусными судами арабского типа и пирогами с двумя противовесами, они, вероятно, и основывали фактории на северо-западном берегу острова, более благоприятном для мореходства.

Три группы на восточном побережье, принявшие мусульманство, имеют более загадочное происхождение.

1) На северо-востоке вокруг Вухемара (в древности Ихарана) были обнаружены захоронения мусульман со скелетами азиатского или африканского типа, с погребальным инвентарем китайского или персидского происхождения и огромное число «сосудов» на трех ножках, вытесанных из мягкого камня. Современные предания приписывают эти захоронения исчезнувшему народу разикаи. Инвентарь (тарелки, сосуды, лопатки для сурьмы и т. д.) датируется временем не более четырех веков назад.

2) На юго-востоке антамбахуака из Манандзари и некоторые касты антануси из Форт-Дофина называют себя зафираминиа (потомки Раминиа). Согласно их легендам, записанным в XVII в., Раминиа и его спутники пришли из Мекки через Мангалор. На западном берегу Индии действительно существует город с таким названием. Высадившись в Ихарана со своими спутниками, они направились по берегу на юго-восток, оставив на дороге глиняный кувшин и каменного слона. Приняв мальгашский язык, они сохранили рукописи, в которых их диалект был передан арабскими буквами. Их приход, возможно, датируется XIII в.

3) Расположившись между двух групп зафираминиа, объединение других исламизированных родов, антаймуру («люди берега»), господствует над долиной в нижнем течении Матитанана. Именно среди них сохраняется традиция создания текстов *сурабе,* написанных арабскими буквами на местном диалекте; эти рукописи содержат наряду с магическими формулами исторические предания легендарного характера: о предках, прибывших из Мекки, о борьбе со змеем о семи головах и т. д.

Исламизированное население подверглось мальгашскому

влиянию и перестало выполнять предписания ислама. Тем не менее некоторые элементы их культуры привились здесь, например арабский календарь. Наряду с ним на восточном берегу распространен индийский календарь.

Теперь об африканцах. Связи с африканским побережьем, должно быть, поддерживались по крайней мере с 1000 г., и много африканцев, вероятно, были привезены на Большой остров переселенцами из Индонезии. Это засвидетельствовано как раскопками в Ихарана, так и преданиями Зафираминиа.

Постепенно африканцы, овладели мореходными навыками и стали приходить на остров сами. Анталаотра, без сомнения, привезли их с собой в качестве рабов; множество из них бежало и образовало независимые общины.

По свидетельству Луиса Мариано, в начале XVII в. часть населения западного берега, в окрестностях нынешнего Майнтирану, еще говорила на «кафрском» языке. Изменение индонезийского языка путем огласовки конечных согласных в других местах еще только зарождалось; в этом можно видеть африканское влияние.

В 1500 г., два года спустя после плавания Васко да Гамы, когда другая португальская эскадра огибала мыс Доброй Надежды, буря разбросала корабли; один из них был занесен далеко на восток. Капитан судна Диегу Диаш, пытаясь вернуться назад, к Африке, увидел берег, вдоль которого он шел на север, пока тот не исчез. Так он открыл Большой остров.

До тех пор Мадагаскар, по-видимому, был неизвестен в Европе. Географ из Александрии Птолемей помещал приблизительно в этих широтах остров Менутиас, не сообщая о нем больше никаких сведений. Тысячелетие спустя Марко Поло описал в числе стран, рассказы о которых, он слышал в Азии, большой остров «Мадей-гаскар», или «Могелазию», который, судя по его положению и самому описанию, был, вероятно, сомалийским побережьем (Могадишо). Но в 1492 г. Мартин Бехайм поместил на своем знаменитом глобусе на широте Африки к югу от экватора два больших острова: Мадагаскар и Занзибар.

Положение Занзибара было известно. Поэтому остров, открытый Диегу Диашем, стали называть Мадагаскаром. Это название привилось, хотя впоследствии португальцы назвали его островом Святого Лаврентия, а французы – островом Дофина. Для обозначения всех его жителей несколько позднее стали пользоваться словами «мадекасс» или «мальгаш» (малагаси).

До этого времени Мадагаскар оставался в стороне от остального мира.

Открытие пути в Индию через мыс Доброй Надежды поставило его в центре этого торгового пути. С тех пор европейцы стали часто посещать его берега.

Португальцы разрушили «арабские» фактории на северо-западе острова, конкурировавшие с ними. Берега острова были обследованы, и в 1517 г. имелась уже довольно хорошая карта.

Первые попытки укрепиться на юго-востоке португальцам не удались. С 1613 по 1619 г. были предприняты новые попытки, сначала среди антануси, затем на западе. Хотя один вождь антануси был доставлен в Гоа и крещен там, все это предприятие потерпело полный провал. Преподобный Луис Мариано, принимавший участие во всех этих событиях, оставил подробный рассказ, снабдив его полезными заметками о стране и о ее жителях.

С конца XVI в. голландцы по пути в Индонезию начали заходить в бухту Святого Августина (на юго-западе), но особенно часто они посещали восточное побережье. В 1595 г. адмирал Корнелиус де Хаутман останавливался на острове Сент-Мари и в бухте Антонжиль. Его брат, Фредерик де Хаутман, сопровождавший его в путешествии, спустя несколько лет издал голландско-мальгашский словарь.

В 1638 г. голландцы обосновались на Маврикии и начали часто наведываться на побережье Мадагаскара за продовольствием и рабами. На Антонжиле был даже возведен форт. Однако после основания в 1652 г. Капской колонии этот форт был ликвидирован. На Мадагаскар теперь наведывались лишь время от времени, чтобы привезти в Капскую колонию рабов.

Английские суда Ост-Индской компании посещали Мадагаскар для пополнения запасов продовольствия. Два купца, Хэммонд и Бутби, опубликовали в XVII в. описание острова, в котором он представал «земным раем». В 1644 г. 140 человек основали колонию в бухте Святого Августина, в самом сухом и самом диком уголке острова. Через год в живых из них осталось 12 человек, которых отправили на родину. Новая колония в 1650 г. на острове Ассада (Нуси-Бе) исчезла полностью.

С тех пор англичане ограничивались тем, что, соблюдая осторожность, время от времени вели торговлю в различных точках побережья. В 1702 г. судно «Де Грейв» село на мель у южной оконечности острова. Часть экипажа была истреблена местными жителями. Молодой моряк Роберт Друри стал рабом в племени антандруй, затем у сакалава. В 1717 г. ему удалось бежать и попасть на английский корабль; он уже стал забывать родной язык. Его рассказ, изложенный в литературной форме

(может быть, это даже сделал Д. Дефо), содержит полезные указания о местных нравах и войнах между племенами.

Остров, особенно засушливые районы на юге и на западе, был очень слабо заселен. Со временем тем не менее в общинно-родовых группах происходил процесс сегментации. Один из вождей отправлялся вместе со своими сородичами на поиски новых земель. Так складывались независимые общинно-родовые группы *(фуку),* разделенные пустынными районами. В некоторых районах такие группы были объединены под властью правителей неместного происхождения. Так, зафираминиа из Ануси считаются родоначальниками династий в южных и западных частях острова.

В XVIII в. сакалава достигли расцвета своего могущества. В набегах на плато они нередко доходили до Имерины, откуда приводили скот и рабов. В конце века правительница Буйна, Равахини, поддерживала хорошие отношения с властителем Имерины. К этому же времени относятся крупные пиратские операции на Коморах, которые сакалава проводили в союзе с обитателями восточного побережья.

В отличие от обширных, покрытых травой равнин запада восточное побережье разделено лесами, бурными реками, утесами и болотами. Поэтому его население в XVII в. не знало других объединений, кроме отдельных общинно-родовых структур и небольших надобщинных объединений, находившихся в низовьях рек, где возделывали рис.

Начиная с 1527 г. французы, если представлялся случай, торговали на берегах острова. В 1642 г. Ришелье основал «Компанию Восточных Индий и Мадагаскара», один из служащих которой, по имени Прони, организовал небольшую факторию на основе поселения Сент-Люс, а также поселение Форт-Дофин. Французские суда посещали восточное побережье, вывозя во Францию эбеновое дерево, кожи и воск.

В 1648 г. сюда приехал Этьен де Флакур – важный чиновник компании, человек просвещенный и любознательный. Во время Фронды Мадагаскар был забыт. Покинутому метрополией Флакуру с трудом удавалось управлять колонией, но тем не менее в свободные часы он занимался сбором сведений о природе и народах острова. По возвращении во Францию в 1658 г. он опубликовал «Историю Большого острова Мадагаскар», которая в течение двух веков оставалась основным источником сведений для европейцев об этом острове, о его этнографии и истории.

Ввоз на остров европейцами огнестрельного оружия способствовал созданию новых небольших государств. Так, один из вождей в области Ватумандри завоевал Таматаве и Фенериве,

монополизировав внешнюю торговлю и подчинив себе соседние образования. Однако метисы, рожденные от пиратов, *зана малата,* тяготились этой зависимостью; они восстали под предводительством некоего Ратсимилаху, получившего образование в Европе. Победив, они основали государство Бецимисарака, царем в котором стал Ратсимилаху.

Восточное побережье все больше испытывало влияние Маскаренских островов, островов Бурбон и Маврикий, которые были заняты французами. Там возделывали кофе, производили пряности и сахар; плантации постоянно требовали подневольной рабочей силы, а растущее население нуждалось в рисе и мясе. Все это имелось на столь близком берегу Мадагаскара. Поэтому вскоре там были созданы новые фактории.

В 1774 г. некто Мориц Бениовский, польско-венгерский авантюрист, бежавший с сибирской каторги, получил от Версаля поручение создать здесь факторию. В бухте Антонжиль он возвел пост Луисбург, а через шесть месяцев докладывал, что подчинил себе весь остров. Посланные туда в 1776 г. уполномоченные обнаружили лишь жалкое поселение и опустошенные окрестности. Бениовский был отозван, но вернулся частным путем и провозгласил себя «императором Мадагаскара». Вскоре он был убит небольшим французским отрядом, посланным с Маскаренских островов.

Тем не менее этот странный эпизод способствовал дальнейшему знакомству европейцев с островом. Агенты Бениовского прошли по восточному побережью, по крайнему северному району, пересекли остров от бухты Антонжиль и дважды проникали в неизвестную дотоле центральную часть плато – Имерину.

Между побережьем и плато располагалась эта влажная лесная область. Ее жители занимались подсечно-огневым земледелием, выращивая горный рис и различные клубнеплоды. Эти, как правило, светлокожие народы располагались с севера на юг в следующем порядке: сиханака обитали вокруг оз. Алаотра. Это была, по словам Франсуа Мартена, «очень красивая и открытая страна» с орошаемыми рисовыми полями, укрепленными поселениями и тучными стадами. Сиханака были союзниками сакалава и делали набеги за рабами к бецимисарака и мерина; безанузану – бедные лесные жители – создали небольшие общинные образования, которые позднее объединились в три государства. Они тоже совершали набеги на Имерину, затрудняя ее сношения с побережьем; танала обитали в лабиринте лесистых холмов. В XVI в. некий член правящей родовой группы по имени Рамбу якобы нашел там убежище, положив начало аристократии

танала Зафирамбу.

История Имерины, области плато, расположенной к северу от Бецилеу, нам хорошо известна благодаря великолепному собранию устных преданий, записанных к 1870 г. преподобным отцом Калле и объединенных им под названием «История царей». Происхождение создателей этих преданий неясно. Народ хува, принадлежащий к светлокожему индонезийскому типу, как кажется, пришел с восточного побережья, может быть, через район озера Алаотра. В XV в. хува жили иа крайней восточной оконечности плато, откуда они медленно продвигались в долины верховьев Икупы и ее притоков. В конце XVI в. они уже обосновались в нескольких небольших поселениях, господствующих над рекой, по соседству с огромной заболоченной зоной. Ее занимали рыболовы и скотоводы вазимба, разводившие ямс и не знакомые ни с орошаемым рисоводством, ни с железом. Вожди вновь прибывших стали вступать в браки с женщинами из семей вождей вазимба.

Мирные отношения поддерживались до того дня, когда правитель Андриаманелу напал на ближайших вазимба. Сын Андриаманелу, Раламбу, расширил владения в северном направлении. Именно ему приписывают организацию централизованного государства и распределение земель между членами правящей династии. При нем появилось также имя, данное всему народу и стране: мерина и Имерина.

Его сын Андриандзака, правивший в середине XVII в., основал столицу государства – Тананариву (ныне – Антананариву), представлявшую первоначально обнесенное оградой укрепление. С тех пор он господствовал над областью болот. Сын Андриандзака, Андриамасинавалуна, расширил границы царства; оно, правда, не превышало в ширину 50 км, однако население его росло. Возникали новые поселения, и для управления ими правитель был вынужден назначить своих чиновников, за которыми, в свою очередь, наблюдали сыновья. Их было четверо, и правителю пришлось, подобно Людовику Благочестивому, при своей жизни разделить государство между ними.

С этого момента наступил хаос. Мелкие государственные образования боролись друг с другом; соседние народы – сакалава, сиханака, безанузану – воспользовались этим, угоняя из Имерины скот и рабов.

В конце XVIII в. численность населения острова составляла около 1,5 млн человек, из которых 300 тыс. обитало в Имерине. Народы были разделены огромными необитаемыми пространствами бруссы, которые еще предстояло освоить.

В качестве второстепенных занятий местные жители

занимались охотой и собирательством, а также рыболовством – речным и морским. Главным же занятием было земледелие. Здесь возделывали рис, таро, африканское просо, тыкву и различные виды фасоли и гороха. Повсеместно разводили быков зебу, особенно скотоводство процветало в сухих областях запада и юга и на плато. Разводили мелкий рогатый скот: овец, коз, свиней, а также домашнюю птицу, прежде всего кур.

Жилище мальгашей представляло собой дом с остроконечной двускатной крышей. Прямоугольной формы, с дверью с западной стороны. На побережье каркас строений делали из бревен, а стены и крышу – из листьев; в местностях с влажным климатом пол, выложенный из коры, лежал на сваях. На возвышенностях строили деревянные или глинобитные хижины.

Несмотря на то что мальгаши жили в основном натуральным хозяйством, существовали торговые отношения между различными областями. На рынках продавали и покупали мясо, изделия ремесла, циновки, дрова, рогатый скот и соль. Преобладал обмен, но постепенно входил в употребление и серебряный пиастр. Мальгаши не знали колеса, и у них не было ни повозок, ни вьючных животных. Люди переносили груз по узким тропинкам на своих плечах, а знатных особ – на носилках.

Через анталаотра, живущих на северо-западе, на остров проникали изделия внешнего мира: ткани, оружие, бусы, украшения. В XVIII в. европейские посредники на Маскаренских островах ввозили через восточное побережье порох, ружья, полотно, водку, скобяные изделия, обменивая их на рогатый скот, рис, рабов. Мальгашские рабы встречались в Капской колонии и даже в Америке.

Основной социальной ячейкой была большая семья. Родовая группа объединяла семьи, ведущие свое происхождение от общего предка, что подразумевало скорее политическое, нежели социальное единство. Родство считалось по мужской линии, но не исключалась и материнская линия. Дядя со стороны матери нередко играл роль покровителя своих племянников, а термины «отец», «мать», «старший» служили формой обращения ко всем, кому полагалось выражать уважение.

Родовые группы составляли несколько каст, образовывавших иерархию, в рамках которой существовали брачные запреты, особые приветствия, а иногда повинности. Касты были многочисленны и неодинаковы у разных народов. В целом выделялись знатные люди, состоявшие в родстве с правителем, и простолюдины.

В течение веков в некоторых областях сложилась государственная организация. Отдельные общинно-родовые

группы подчинили себе другие такие группы, установив своеобразную иерархию.

Власть правителя была ограничена священными обычаями предков. Он опирался на советников, старейшин общинно-родовых групп и на одобрение народа, которому сообщал о своих намерениях в публичных речах. Он имел право устанавливать повинности и отработки. Правитель творил суд высшей инстанции.

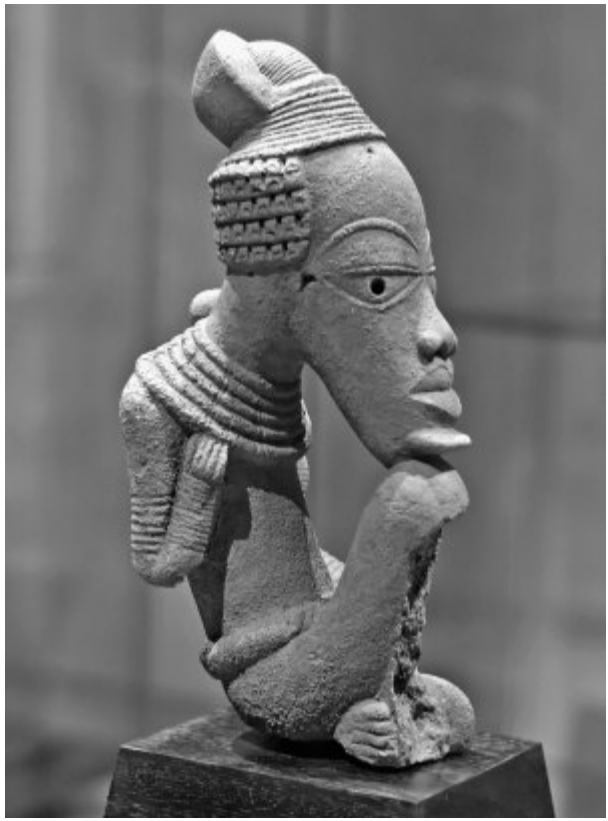
Сегодня пережитки старой организации сохраняются в отдельных деревнях и служат предметом жгучего интереса этнографов.

Загадки культуры Нок

В 1949 г. в Лондоне было объявлено об открытии выставки «Традиционное искусство британских колоний». Искусство Африки в это время было уже хорошо известно в Европе и пользовалось заслуженным признанием. Оно широко представлено во всех крупнейших музеях мира, ему посвящено множество книг, альбомов, статей, изучение его входит в учебные программы наряду с изучением классического и современного искусства. Поэтому, хотя такие выставки и привлекают обычно большое число посетителей, они тем не менее не сулят ничего неожиданного.

Однако на этот раз было не так…

Проходя по выставочным залам, посетители с изумлением останавливались у стенда со странной терракотовой скульптурой, непохожей ни на один из многочисленных экспонатов этой выставки. Необычайно выразительная голова из коричневатой обожженной глины будто гипнотизировала взглядом широко открытых глаз с черными, глубоко высверленными зрачками. Огромный нависающий куполообразный лоб, высокие надбровные дуги, небольшой тонко моделированный прямой нос, усы, бородка, переходящая в узкую полосу бакенбардов, – каждая деталь этой головы и вся скульптура в целом производили странное впечатление на фоне обычных традиционных масок и статуэток.



Терракотовая скульптура Нок

Загадочная терракотовая скульптура вызвала бурное восхищение у любителей и художников и серьезно озадачила специалистов. В аннотации говорилось, что скульптура происходит из Северной Нигерии. Однако ничего похожего на стиль этой скульптуры до тех пор не встречалось ни в Нигерии, ни где бы то ни было в другом месте. Необычным был также и ее возраст – начало I тысячелетия до н. э. Иначе говоря, странная терракотовая голова более чем на целое тысячелетие старше самых древних бронзовых и терракотовых скульптур Ифе!

Скульптура, получившая название по месту, где были сделаны первые находки (долина и деревня Нок в Северной Нигерии), была обнаружена при довольно необычных обстоятельствах.

В южных районах Северной Нигерии уже более полувека существуют оловянные рудники, разработка которых ведется открытым способом. В 1943 г. в одной из шахт из-под восьмиметрового слоя породы были извлечены фрагменты керамики, привлекшие внимание специалистов. Исследования, проведенные здесь английским археологом Б. Фэггом, показали,

что из шахт за время их разработки на поверхность вместе с землей было выброшено множество интереснейших предметов, в том числе уникальные произведения искусства: терракотовые головы, статуэтки, различные украшения и т. д. Как же попали все эти созданные человеком вещи в рудные отложения? Вот как объясняется этот процесс: «Во второй половине I тысячелетия до н. э. средняя Африка от Нигерии до Кении переживала «влажную фазу» (которую геологи называют «накуру», по имени города Накуру в Кении). В это время в возвышенной части Центральной Нигерии существовала обширная речная система, по которой дождевые воды имели сток в долину Бенуэ, а затем через нижний Нигер в бухту Бенина. В те времена реки играли гораздо более существенную роль в жизни народов центральной Нигерии, чем в наши дни, и пейзаж страны сильно отличался от современного. Огромные массы почв, по-видимому, быстро размывались, и продукты этого распада, уносимые водой, откладывались в аллювиальных слоях; более тяжелые минеральные породы откладывались в реках быстрее, чем легкие. Эти тяжелые осадки, богатые касситерием («оловянной землей»), и создали почвы для современной оловодобывающей промышленности Нигерии.

Но эрозии подверглись также и места поселения человека. Жители многих прибрежных деревень вынуждены были поспешно покидать насиженные места и приносить свои жилища в жертву водной стихии. В результате этого аллювиальные слои богаты не только минеральными отложениями, но также и различными изделиями вроде полированных каменных топоров, ритуальных предметов, украшений, которые попадали в реку, после того как священные дома были заброшены. Все они почти без исключения были разломаны на куски, но, к счастью, головы терракотовых фигур, как и человеческие черепа, сохранились лучше, чем остальные части фигур, благодаря сферической форме, особенно в тех случаях, когда они попадали в естественные убежища на дне реки».

Так благодаря чистой случайности в залежах оловянной руды сохранились бесценные произведения древнейшей африканской скульптуры. Высокое техническое мастерство и законченный стиль художественных изделий, найденных в шахтах близ деревни Нок, свидетельствовали о том, что археологам посчастливилось открыть неизвестную культуру, существовавшую на протяжении длительного времени, и естественно было предположить, что территориально она не могла быть ограничена одним-двумя пунктами.

Обследования, проведенные на соседних оловянных и золотых приисках, дали новый материал, причем художественные

изделия, найденные в различных и часто далеко отстоящих друг от друга пунктах, обнаруживали ярко выраженное стилистическое сходство с ранее найденной скульптурой.

Стиль голов и фрагментов терракотовых статуй, находящихся в настоящее время в музее города Джос (Нигерия), является неопровержимым доказательством их принадлежности к одной культуре: «Прежде всего они поражают удивительным разнообразием форм, которое сочетается с глубоким единством стиля, позволяющим безошибочно отнести их к одной «художественной школе», несмотря на то что один из фрагментов приближается к тому, что мы бы назвали натуралистическим стилем, в то время как другой удален от него настолько, что лишь с трудом может быть причислен к фигуративному искусству… причем общие формальные признаки очень просты; прежде всего это особая трактовка глаз, которая обычно приближается к треугольной или полуциркульной форме, а также носовых и ушных отверстий (иногда также и рта)».

Если говорить о пластических формах этой скульптуры, а не о технических приемах, таких, как, например, высверливание (что определяет форму зрачка, уха и т. д.), то надо отметить, что прежде всего бросается в глаза именно это разнообразие, а не черты стилистического сходства, которые проявляются здесь как бы вопреки намерениям художника, стремившегося к созданию совершенно непохожих друг на друга, оригинальных, остро выразительных образов. К примеру, форма головы, казалось бы, меньше всего поддающаяся превращениям изменяется неожиданным образом. Она может принимать самые разнообразные формы: то конуса, обращенного острием вверх или вниз, то шара или цилиндра. Уши, иногда отмеченные лишь небольшими углублениями, в иных случаях принимают причудливую форму и достигают огромных размеров (выделяют даже особый подстиль «длинноухих голов»).

Только один внешний признак объединяет почти все головы Нок – это способ изображения глаз. Замечено, что глаза большинства терракотовых голов имеют глубоко высверленный зрачок, прямое верхнее веко и нижнее в виде полукруга или равнобедренного треугольника. Следует добавить, что такое же единство сохраняется в трактовке дугообразных бровей, наложенных сверху в виде плетеного шнурка. Единообразие этих деталей тем более удивительно, что именно глаза являются тем элементом традиционной африканской пластики, который трактуется наиболее разнообразно.

Подобную форму глаза можно обнаружить в Африке в искусстве только одного из современных народов – в искусстве

йоруба.

Еще большие стилистические параллели с искусством Нок обнаруживаются в древнем, но исторически более позднем искусстве той же страны – в искусстве Ифе. Кроме сходных сюжетов, таких, как, например, изображение людей, страдающих слоновой болезнью, и различных мелких предметов и украшений, в скульптуре Ифе имеются целые статуи, нашедшие своих двойников среди скульптур Нок.

Одна из них, найденная в Джемаа терракотовая фигура без головы, поразительно похожа на бронзовую статую, выполненную в традициях Ифе (найдена в Бенине). Размеры и пропорции этих статуй совершенно одинаковы. Присмотревшись внимательнее, можно увидеть, что не только пропорции, но и характер моделировки, например, ступней ног и других деталей, повторяется во всех подробностях. На торсах обеих фигур, из которых одна мужская, а другая женская, имеются одинаковые украшения в виде пояса и ожерелья. Если бы не огромный промежуток времени в 1000 лет, разделяющий две культуры, можно было бы сказать, что они соотносятся между собой, как скульптура Греции периода архаики и скульптура эпохи Фидия.

Пропорции статуи и фрагментов фигур Нок свидетельствуют также об их стилистической близости к современной африканской скульптуре. Одной из отличительных особенностей традиционной африканской деревянной скульптуры является то, что головы статуй сильно увеличены по отношению к торсу и обычно занимают по высоте третью или четвертую часть всей фигуры. Немногие из сохранившихся целиком статуэток Нок имеют точно такие же соотношения основных частей. Имеются и другие аналогии: например, так называемая голова Януса, найденная в Нок, воспроизводит один из типичных образов традиционной африканской скульптуры, который встречается здесь у многих народов от Гвинеи до Конго. Хотя таких прямых аналогий и немного, они тем не менее дают достаточно оснований для сопоставления вновь открытой скульптуры с местными художественными традициями.

Кому же обязана своим появлением эта культура и каково ее место в искусстве народов Африки?

Автор открытия английский археолог Бернард Фэгг и его брат искусствовед Уильям Фэгг считали, что создателями культуры Нок являются предки племен, населяющих центральные районы Нигерии.

Присутствие металлических предметов в отложениях культуры Нок, а также находки некоторых органических остатков, в том числе очищенного от коры ствола дерева, давшие

возможность провести датировку радиоуглеродным методом, позволили установить время расцвета этой культуры, которое приходится приблизительно на третье столетие до н. э. (нижний слой, в котором были найдены предметы, датирован 900 г. до н. э.; слой, покрывавший их, – II в.).

Не законченные еще исследования показывают уже обширную территорию распространения этой культуры, общая площадь которой превышает 500 км с запада на восток и 360 км с севера на юг.

Широкое распространение культуры Нок, ее преклонный возраст (более двух тысяч лет), а главное, ее законченный, сформировавшийся стиль изменили представление об истории изобразительного искусства народов Африки, заставили пересмотреть отношение не только к древней, но и к более поздней деревянной скульптуре одного-двух последних столетий.

До недавнего времени существовало множество самых различных точек зрения на эту скульптуру: одни считают ее продуктом эволюции, в основе которой якобы лежали образцы натуралистического искусства, завезенные в Африку из Европы; по мнению других, специфические стили африканской пластики являются выражением особой религиозно-философской концепции, присущей исключительно африканским народам, – воплощением некоей «жизненной силы»; одни считают африканскую скульптуру единственным подлинным искусством, говорящим языком пластических символов в отличие от «литературного» языка европейской скульптуры, другие – что африканские маски и статуэтки вообще не являются произведениями искусства, так как они имеют всегда определенное «утилитарное» назначение, и т. д.

Условный, символический характер африканской скульптуры, придающий ей в наших глазах загадочную, мистическую окраску, может быть правильно понят лишь в свете последовательных этапов эволюции художественных форм, в свете тех постепенных изменений, которые привели к появлению специфических стилей поздней традиционной пластики. Большинство темных и парадоксальных высказываний, которыми пестрит литература об африканском искусстве, объясняется отчасти отсутствием материала, отчасти игнорированием тех известных уже исторических факторов, под влиянием которых складывались и формировались жанры и стили африканской скульптуры двух последних столетий.

В результате язык символов и пластической идеограммы, которым пользуется африканская скульптура, воспринимается порой как продукт какой-то особой, замкнутой в себе культуры.

Однако эти белые пятна неуклонно сокращаются. До недавнего времени сравнительно хорошо было известно лишь так называемое племенное, традиционное искусство одного-двух последних столетий. К знаменитым очагам искусства – Ифе и Бенину – теперь прибавились новые очаги, обнаруженные в разных пунктах Западной Тропической Африки, в частности культуры сао и Нок, которые проливают свет на ранние периоды развития искусства на Африканском континенте.

Загадки Ифе

Наверное, многие помнят фантастическую историю переселения атлантов с Земли на Марс в «Аэлите» Алексея Толстого. В заброшенном марсианском доме изобретатель Лось находит следы атлантов – «склеенные вазы, странно напоминающие очертанием и рисунком этрусские амфоры», и золотую маску. «Это было изображение широкоскулого человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос острый, клювом. На лбу и между бровей припухлость в виде увеличенного стрекозиного глаза… Лось сжег половину коробки спичек, с волнением рассматривая удивительную маску. Незадолго до отлета с Земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера в той части Африки, где теперь предполагают следы культуры исчезнувшей таинственной расы».

В этом отрывке только перелет на Марс – плод воображения писателя. Африканские маски, их связь с Атлантидой и этрусками всего лишь художественная интерпретация научной гипотезы крупного немецкого археолога и этнографа Лео Фробениуса о происхождении одной из самых высоких и своеобразных древних цивилизаций Западной Африки – культуры Ифе, обнаруженной в Йорубе – стране народа йоруба (Юго-Западная Нигерия).

В первой четверти XIX в. англичанам Хью Клаппертону и братьям Лендерам удалось добраться во внутренние области Нигерии, страну многочисленного народа йоруба. Ценою собственных жизней они исследовали ранее не доступные районы Африканского континента и нашли там развалины некогда могущественного государства, которое так называлось по имени своей столицы, расположенной на крайнем северо-востоке страны. Судя по преданиям, правители ойо некогда подчинялась огромная территория, включавшая почти всю Нигерию, а также современные Дагомею и Того. По имени одного из населявших ее народов ойо называли еще йоруба.

Голова бога моря Олокуна из Ифе

Легенды йоруба рассказывали о том, что когда-то на месте земли была вода. Решив создать мир, бог Олорун сбросил с неба цепь, по которой на землю спустился мифический предок народа йоруба Одудува. Он основал город Ифе и стал в нем править. Ему наследовал сын – великий воин Ораньян, у которого появилось бесчисленное потомство. Так город Ифе стал местом зарождения человечества.

Внутри страны йоруба процветали торговля и ремесла. Ремесленные изделия ойо, особенно ткани, славились далеко за его пределами. Однако все это осталось в далеком прошлом.

Европейские путешественники застали государство уже в состоянии глубокого упадка. Они проезжали через огромные укрепленные города с населением сорок, шестьдесят, сто тысяч человек и убеждались в том, что люди почти забыли свои бывшие умения и достижения. Глинобитные крепостные стены

разрушались, крепостные рвы зарастали травой и кустарником, а по караванным тропам рыскали отряды охотников за рабами.

В 1825 г. практически все члены экспедиции Клаппертона, в том числе он сам, погибли от тропических болезней во время похода к реке Нигер. На родину удалось вернуться лишь самому молодому из путешественников – Ричарду Лендеру, которому шел 21-й год. В 1829 г. вышел в свет его двухтомный труд «Материалы последней африканской экспедиции Клаппертона» и чуть позже трехтомное сочинение «Путешествия по Африке для исследования Нигера до его устья». Эти работы вызвали в Европе еще больший интерес к изучению Черного континента.

В 1910 г. немецкий ученый Лео Фробениус отправился в новое путешествие по Нигерии. Еще задолго до приезда в страну он слышал легенды о царском городе Ифе от западноафриканских рабов, увезенных на чужбину.

В Нигерии Фробениусу невероятно повезло. Буквально с первых шагов ему удалось сделать замечательные открытия, среди которых оказался легендарный Ифе. На задворках полуразвалившегося дворца местного правителя Фробениус впервые увидел валявшиеся на земле куски разбитой красновато-коричневой терракотовой скульптуры, изображавшей лицо человека. В последующие дни экспедиция нашла или выменяла у африканцев еще несколько терракотовых изделий. Фробениус заметил, что местные жители довольно легко расстаются со скульптурами, которые они сами некогда нашли в древних святилищах. О глиняных фигурках он говорил: «Это были следы очень древнего и прекрасного искусства. Они являлись воплощением симметрии и утонченности формы, которая напоминала Древнюю Грецию и указывала… на существование высокой древней цивилизации».

Еще одна значительная находка– бронзовая, несомненно, очень древняя и прекрасная скульптура – была сделана членами немецкой экспедиции в роще, посвященной йорубскому богу моря Олокуну. Фробениус вспоминал: «Перед нами лежала голова изумительной красоты, чудесно отлитая из бронзы, правдивая в своей жизненности, покрытая темно-зеленой патиной. Это был сам Олокун, Посейдон Атлантической Африки».

Среди прочих приобретений наиболее странными казались скульптурные головы с кляпами во рту, украшавшие бронзовые сосуды.

Результаты немецкой экспедиции произвели сильнейшее впечатление на научные и даже литературно-художественные круги Европы. Немалую роль в этом сыграли увлекательные книги самого Лео Фробениуса – «И Африка заговорила» и

«Дорогами атлантов». Последнее название не случайно, но об этом позже.

Итак, в начале 1990-х гг. перед ученым миром встала загадка Ифе. Прекрасные в своем совершенстве и законченности бронзовые и терракотовые реалистические скульптурные портреты мужчин и женщин почти в натуральную величину. По стилю они близки к античным, но черты лица скульптур из Ифе типично негроидные. Кем они были созданы и когда?

Каким образом зародилась в Ифе техника изготовления бронзовых скульптур? Местные жители не могли дать на эти вопросы удовлетворительного объяснения. Археологи и искусствоведы ломали головы над загадкой их происхождения. В наше время большинство ученых склоняются к тому, что скульптуры изображают местных богов, царей или придворных и, по всей вероятности, первоначально стояли в алтарях, где им поклонялись при отправлении культа предков.

Очевидно, в древнем Ифе верили, что фигура предка служит посредником между загробным миром и живыми людьми. Лео Фробениус выдвинул собственную гипотезу о происхождении древней цивилизации Западной Африки, обнаруженной в Нигерии, никем не подтвержденную и не опровергнутую до сих пор.

«Я утверждаю, – писал он в 1913 г. после археологических изысканий в Ифе, – что Йоруба с ее пышной и буйной тропической растительностью, Йоруба с ее цепью озер на побережье Атлантического океана, Йоруба, чьи характерные особенности довольно точно обрисованы в сочинении Платона, – эта Йоруба является Атлантидой, родиной наследников Посейдона, бога моря, названного ими Ойркуном, страна людей, о которых Солон сказал: они распространили власть свою вплоть до Египта и Тирренского моря».

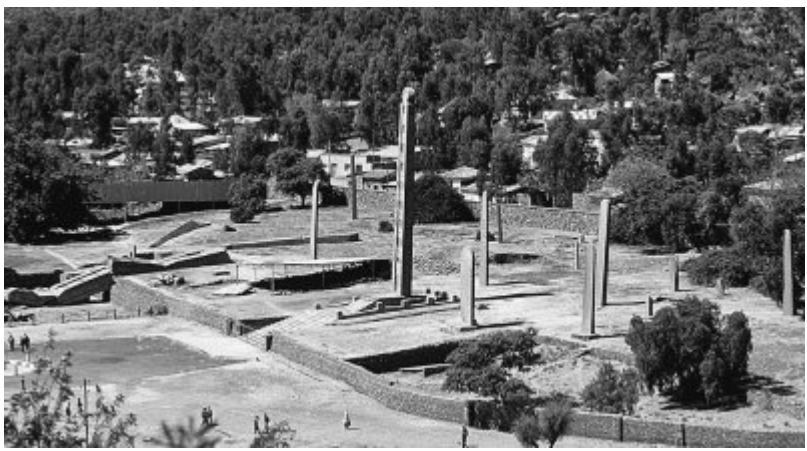
Интересно, что Фробениус видел «явное сходство» между культурой йоруба и средиземноморской культурой древних этрусков, так как у тех и у других найдены столь совершенные по исполнению терракотовые скульптуры, выполненные в сходной художественной манере. Кроме того, Фробениус утверждал, что вся западная цивилизация является цивилизацией атлантов от Британии до Ливии. Что касается йоруба и этрусков, то до сих пор неизвестно, где находилась прародина этих великих народов, так что, вполне вероятно, ею действительно могла быть погибшая Атлантида или другие земли, исчезнувшие с лика Земли в результате природных катаклизмов.

Древний Аксум

В начале I в. а нашей эры наряду с великими государствами древнего мира, Римом, Египтом и царствами Индии процветало другое, малоизвестное ныне, но прославленное в те времена африканское государство Аксум. Ему покорялись огромные территории от Сахары до берегов Красного моря и даже земли, расположенные на противоположном аравийском побережье.

Местный фольклор относит появление Аксума к библейским временам. В ту пору в стране Шеба правил гигантский дракон – деспот и тиран. Предания гласят, что он требовал от своих подданных бесконечных подношений скотом и девственницами Среди несчастных девушек, которые должны были сделаться жертвами тирана, как-то оказалась красавица, которую любил отважный юноша Агабоз. Чтобы спасти возлюбленную, он убил восседавшее на троне чудовище, и избавленный народ провозгласил его царем. Агабозу наследовала его дочь, красавица Македа, царица Шебы. Умная, просвещенная и любознательная правительница, известная по Библии как царица Савская.

Ныне на центральной площади Аксума (в Эфиопии), посреди шумного базара, в окружении неказистых глинобитных домишек возвышаются либо лежат в пыли вдоль дороги гигантские базальтовые обелиски – единственные из оставшихся свидетелей былого величия более чем двухтысячелетней давности. Всего больше двухсот монолитов, гигантских каменных колонн, не похожих друг на друга.



Каменные стелы в Аксуме

Одни – изысканно-стройные, идеально отполированные, богато украшенные, другие – нарочито примитивные и грубые. Высота некоторых превышает тридцать метров. Длина самых маленьких стел – пять метров.

Происхождение обелисков (или стел) и их назначение до сих пор остается загадкой. Неясно, какой техникой пользовались их создатели, чтобы перевезти издалека и воздвигнуть эти многотонные каменные глыбы. Искусство аксумских каменщиков тем более поразительно, что все стелы выточены из цельных глыб голубого базальта – самой твердой из горных пород.

Долгое время считалось, что стелы попросту вкопаны в землю. В 30-х гг. германо-эфиопская археологическая экспедиция вдруг обнаружила, что некоторые из них опираются на огромные, длиной до 120 и шириной до 80 метров, платформы, сложенные из обтесанных базальтовых плит. Стало ясно, что стелы – лишь верхние, венчающие части поистине фантастических по своим размерам сооружений, скрытых под незначительным слоем земли. К несчастью, в 1938 г. в разгар итальянской агрессии против Эфиопии фашистские самолеты разбомбили руины величественных сооружений. Сохранились лишь воспоминания археологов, сумевших ранее частично исследовать эти сооружения. Они считали их дворцами аксумских владык – негусов. В одном из дворцов было более тысячи залов и опочивален. Полы в них покрывали зелеными и белыми мраморными плитами, редкостными породами красного и розового дерева; стены были облицованы полированным эбеном и темным мрамором, на которых рельефно выделялись инкрустации из позолоченной бронзы. Барельефы украшали окна и двери. Бронзовая скульптура и керамическая посуда, покрытая глазурью и расписанная замысловатым орнаментом, завершали интерьер дворца.

Некоторые исследователи полагают, что дворцы негусов насчитывали от 4 до 14 этажей! Они же довольно убедительно говорят о том, что барельефные изображения на стелах передавали в уменьшенном масштабе все подробности царского жилища. Как полагают, высота реального этажа составляла, вероятно, 2,8 метра, следовательно, высота 14-этажного дворца была около 40 метров.

Одно из первых письменных упоминаний об Аксуме, как, впрочем, и о большинстве городов Восточной Африки, мы находим в знаменитом «Перипле Эритрейского моря» – наиболее старой из дошедших до у нас лоций мореплавателей древнего мира, написанной примерно в 60 г. н. э. Название лоции говорит

само за себя. Эритрейское море – древнее наименование Индийского океана, а Эритрея (территория современной Эфиопии) – составная часть Аксумского государства.

В I в. эфиопские цари-негусы приняли христианство, и Аксум стал первой и самой могущественной христианской державой мира. Владыки Аксума увидели в христианстве силу, способную объединить разноплеменную, разноязыкую страну. Они строили многочисленные дворцы и храмы, увенчанные крестами.

В современном Аксуме сохранился один из них – храм Святой Девы Марии, одна из главных святынь христиан Эфиопии. Квадратное здание сложено из серых камней, скрепленных глиной, замешанной на рубленой соломе. Храм, построенный около полутысячелетия назад, венчает небольшой позолоченный купол.

Внутреннее убранство церкви скромное: алтарь закрывает цветное покрывало, колонны украшены холстами с картинами из Священного Писания. Пол устлан циновками, тут же стоят деревянные барабаны, которые служат для музыкального сопровождения при молебнах и песнопениях.

В III–IV вв. негусы поддерживали тесные политические и экономические отношения с христианской Византией. Один из путешественников, грек Ноннос, посол византийского императора Юстиниана, оставил описание приема у аксумского владыки: царь в богатых одеждах, золотых браслетах и короне сидел в украшенной золотом колеснице, запряженной слонами. В его руках были два золотых копья и щит, также украшенный золотом. В присутствии царя кормили ручных жирафов и пели придворные певцы.

Христианские монархи Аксума чеканили собственную монету и направляли торговые корабли и караваны во все страны. Римляне, византийцы и арабы рисовали Аксумское царство могучим, богатым и просвещенным государством.

В середине XVIII в. Эфиопию «заново» открыли европейцы. Первым настоящим исследователем древней страны стал шотландский путешественник Джеймс Брюс.

В ту пору эфиопские владыки твердо придерживались политики изоляции. Кроме греческих купцов-единоверцев, иностранцев в страну не пускали. В последний раз, в 1699 г., там побывал французский врач Шарль Пенсе, и вот не прошло и ста лет, как в 1769 г. в эфиопский порт Массауа, а через год в столицу страны Гондар прибыл Брюс.

Нельзя сказать, что встретили его приветливо, но Брюс предъявил царскому семейству рекомендации врача и лечил от оспы королеву-мать и ее внуков, чем произвел очень хорошее

впечатление. Кроме того, помимо арабского, он знал местные языки и диалекты. Джеймс Брюс, сам отпрыск древнего аристократического рода, не увидел большой разницы между лондонским и эфиопским дворами. Лишь внешние проявления показались ему варварскими: феодальные раздоры и войны; солдаты, возвращающиеся домой с копьями, украшенными внутренностями побежденных врагов; зверский способ вырезания кусков мяса из живого скота.

Вожделенной целью путешествий Брюса были истоки Нила, и уже в 1770 г. вслед за эфиопской армией он попал к водопаду Тис-Исат, через который Голубой Нил вытекает из озера.

Летом 1774 г. Брюс вернулся в Лондон. О своих приключениях в Африке и удивительных открытиях, сделанным там, он написал трехтомный труд «Путешествия к истокам Нила» Эта книга прославила Брюса на весь мир, так как, помимо географических открытий, путешественник поведал о том, что привез из Эфиопии найденную им там полную рукопись апокрифической «Книги Еноха», до того времени считавшейся безвозвратно утерянной. Ценнейшая для истории христианства находка была не случайной, ибо Брюс обошел всевозможные церкви и монастыри Эфиопии в поисках священных реликвий, и именно в Аксуме, в древнем храме Святой Девы Марии, он обнаружил рукопись, рассказывающую о событиях, последовавших за прибытием на Землю из космоса «падших ангелов» и связанных с этим «чудесных видениях» библейского патриарха Еноха.

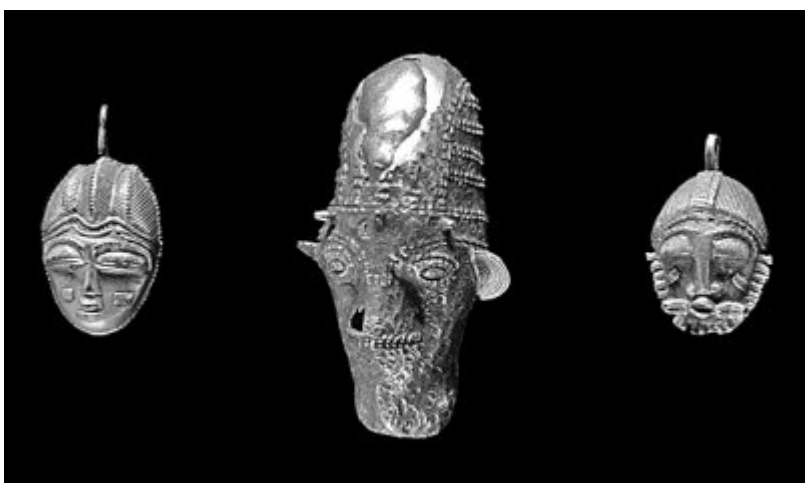
Возможно, что интерес Брюса был вызван не только его религиозностью. Он был членом старинной шотландской масонской ложи, обращавшейся к мистическим тайным учениям прошлого, и «Книга Еноха» как нельзя лучше оправдала все его надежды, а над ее сакральным смыслом задумывается с тех пор уже не одно поколение христиан.

Находка произвела сенсацию, ведь значение ее сравнимо с открытием Кумранских свитков на Мертвом море или, более того, с еще одной дотоле не известной частью Библии.

Сага о древней Гане

Аукар, Вагаду, Сонинке, Кайа Маган… Если эти названия звучат для нас совершенно незнакомо, то в этом вина историков и школьных учителей. Аукар, или Вагаду, – так называли огромную древнюю империю, основанную чернокожим народом сонинке в Западной Африке. Главу этого государства называли «кайа маган» – король золота, или «гана» – военный вождь.

С течением времени, когда слава о богатстве Аукара широко разошлась по Африке, слово, которым обозначали его могучего короля – гана, – стало синонимом названия всей страны. Даже сегодня это слово сохранилось в названии западноафриканской Республики Ганы в Гвинейском заливе. Народ, обретший независимость в 1960 г., намеренно выбрал такое имя, чтобы причаститься к славе богатой и могучей империи прошлого, хотя на самом деле у современной Ганы нет никакой исторической связи с древней Ганой.



Золото древней Ганы

Та, первая, была создана другим народом далеко на юго-востоке и процветала с 200 по 1075 г., когда была разрушена в результате вторжения чужаков. Первоначальная Гана возникла в западной части Билад-ас-Судан – Земли Черных, как арабы называли тот «пояс», что соединял Атлантику с Красным морем, с севера ограниченный пустыней Сахарой, а с юга – тропическими лесами. Первая империя Западного Судана разместилась на

широкой U-образной территории, образованной мощной рекой Сенегал на западе и истоками Нигера на востоке.

Что же было такого великого в Гане? Благодаря сохранившимся до наших дней арабским хроникам и устным преданиям ученым удалось кое-что узнать о прошлом этого региона. То была страна честолюбивых и способных чернокожих людей, которые правили огромной территорией внутренней, саванной Африки при помощи хорошо разработанной сети управления и разветвленной системы налогов. Это была процветающая страна, чья внешняя и даже заморская торговля далеко распространилась по всем регионам, причем не только в Африке, но и в Азии.

Правители Ганы сформировали чрезвычайно большую армию. Оснащенные оружием с железными наконечниками, ее воины раздвинули границы империи и поддерживали в стране такой порядок, что военной и социальной организации удивлялись и друзья, и враги.

Из-за того, что письменные сведения не затрагивают ранних веков истории Ганы, нам придется положиться на данные археологии, отчеты чужеземных наблюдателей и устную традицию (хроники, передаваемые из поколения в поколение профессиональными «рассказчиками» гриотами). Отчеты часто бывают фантастичны и сильно озадачивают, потому что вызывают к жизни множество дополнительных вопросов.

То, что Гана была страной золота, отрицать невозможно. Желтый металл изобиловал в Гане и особенно на юге страны. Благодаря тому, что правитель контролировал добычу и продажу золота, Гана и была богатой. Торговля с севером и югом превратила империю в обширный торговый центр и поставила на перекрестье множества караванных путей.

В своей знаменитой истории «Тарик аль-Фетташ» сонинке-мусульманин по имени аль-Кати под датой «1050» рассказывает об одном правителе, Канисса'ай, который правил Ганой в дни ее величия.

Аль-Кати пишет, что Канисса'ай был «одним из хозяев золота». У него была привычка – каждый вечер выходить из своего дворца, чтобы послушать, что о нем говорят его подданные. Однако он делал это только после необходимой подготовки. «Поджигались тысячи вязанок дров так, чтобы повсюду было светло и тепло». Огонь был весьма живописен, казалось, что «языки пламени освещают пространство между землей и небом». После этого Канисса'ай выходил в своем церемониальном платье и занимал место на балконе «из блистающего красным золота». Оттуда он отдавал приказ: «Принести еду для десяти тысяч

человек».

По словам аль-Кати, король Канисса'ай вполне мог позволить себе такую щедрость. Даже его лошади жили по-царски. А лошадей у Канисса'ай была тысяча, как доносит аль-Кати, и каждая спала на собственной подстилке, и недоуздок у нее был из шелковой веревки, а в их стойле было так же чисто, как и у правителя во дворце. Каждый жеребец имел свой собственный медный ночной горшок, и три слуги должны были заботиться о нем круглые сутки!

Что можно сказать о таком сообщении? Насколько оно точно? Даже если допустить, что здесь есть некоторые преувеличения и искажения величин, по-прежнему нет особых причин сомневаться в достоверности сведений аль-Кати в целом. Что касается необычной заботы Канисса'ай о лошадях, то этому мы можем поверить полностью. Во времена Канисса'ай лошади символизировали богатство во всех частях света. Таким образом, для него было престижно владеть таким их числом, во-первых, как свидетельством богатства и процветания; во-вторых, чтобы лучше контролировать своих людей и защищать свою власть. В своем обширном государстве король нуждался в конных патрулях для поддержания порядка и проверки караванов. Затем, как это было повсюду до изобретения двигателя внутреннего сгорания, тот, у кого больше кавалерии, и был самым сильным.

«Король Ганы может привести на поле битвы двести тысяч воинов, и более сорока тысяч будут вооружены луками и стрелами…» (заметьте, что это был тот самый год, в который нормандский герцог Вильгельм привел с собой около десяти – пятнадцати тысяч воинов на битву при Гастингсе и завоевал крошечную Англию).

«Когда он дает аудиенции своему народу, чтобы выслушать жалобы и рассудить обо всех делах людей, то садится в павильоне, вокруг которого стоят десять лошадей в вышитой золотом сбруе. За королем стоят десять пажей, держащих щиты и мечи с золотыми окладами; справа – сыновья принцев его империи, блестяще одетые и с золотом, заплетенным в их косы. Правитель города сидит на земле перед королем, а вокруг него располагаются его визири. Дверь павильона охраняется собаками прекрасной выучки, которые никогда не покидают короля и носят ошейники из золота и серебра, украшенные теми же металлами. О начале королевской аудиенции объявляют, ударяя в некий барабан, сделанный из длинного куска полого дерева, который здесь называется «деба». Люди собираются, когда слышат его бой…»

Это сообщение дано ученым географом-мавром аль-Бекри в

его монументальной «Книге дорог и королевств». То была компиляция самых свежих и достоверных сведений об Африке того времени. Сам аль-Бекри никогда не ступал на землю Ганы. Информация приходила к нему от вожатых караванов, мусульманских купцов и путешественников, которые объезжали земли, а он передавал их описания, скрупулезно сохраняя детали. Мы можем доверять его отчетам, потому что археологи уже подтвердили многие из его заявлений. Кроме того, вся статистика в его книге тоже была проверена и оказалась замечательно точной.

Географ описывает столицу Ганы как состоящую из двух городов, расположенных в одной долине. В первом жил правитель и его двор, а в другом, примерно в девяти километрах, мусульманские купцы и торговцы. Мусульманский город согласно аль-Бекри имел двенадцать мечетей с целым штатом чтецов Корана и ученых мужей. Город окружали «колодцы с пресной водой, из которых они пили и рядом с которыми выращивали овощи». Город короля, продолжает географ, состоял из «дворца и множества жилищ в форме купола и весь он был окружен оградой, как защитной стеной города».

В 1914 г., в месте, известном как Кумби-Сале, примерно в трехстах пятидесяти километрах к северу от столицы республики Мали, в современной Мавритании, были найдены руины некоего города. Французские археологи занимались там раскопками в 1950-х гг. и обнаружили многочисленные каменные здания, многие из которых были двухэтажными. Ученые были убеждены, что это – город мусульманских торговцев, и сегодня ищут второй, город-близнец королей Ганы. Его найти будет потруднее, так как ганцы использовали для своего строительства обожженную глину и деревянные балки – материалы, более подверженные разрушению, нежели камень у мусульман.

Зачем потребовалось разделять города? Короли Ганы не были мусульманами, хотя они и поддерживали дружественные отношения с арабскими купцами, и между мусульманами и ганцами царило взаимное уважение. Очевидно, короли Ганы приветствовали торговцев и купцов, так как те платили налоги и соблюдали законы, но они не желали иноземного влияния в своей столице. Она была, кроме всего, еще и крепостью с богатой казной, и они не хотели, чтобы чужаки заходили за стены и плели заговоры против монарха или поднимали мятежи. Кроме того, было безопаснее держать их на расстоянии, чтобы приглядывать за порядком.

Одним из главных достижений ганцев была организация их империи. От аль-Бекри и из других источников известно, что к

середине XI в. король Ганы правил через иерархию чиновников. У него была группа главных исполнителей, его визирей; у него было правительство, которое занималось делами столицы; а часть его двора составляли дети и родственники вассальных королей и принцев. Нет никаких сомнений, что этих принцев держали в столице не только для того, чтобы те наслаждались придворной жизнью, они еще служили заложниками и гарантией того, что их отцы останутся верными «королю королей».

Так маленькие, но энергичные племена, которые начали с того, что в 200 г. воспользовались преимуществами металлообработки и оружия с железными наконечниками, построили сказочно богатую, громадную империю, которая просуществовала до самого конца первого тысячелетия. Ее стратегическое местоположение давало контроль над торговлей севера с югом. С юга шли рабы и слоновая кость, так же как и золото для западного мира. Торговцы и купцы обменивали все это на продукцию Северной Африки: соль (этот основной продукт потребления, недоступный жителям внутренней Африки), медь, сушеные фрукты и раковины каури (использовавшиеся как деньги или средство обмена).

Эта торговля обогащала не только купцов, но и короля, и его правительство. Аль-Бекри объяснял: «Король брал себе (налог) динар золота с каждого груза соли, который помещался на одном осле и ввозился в его страну, и два динара золота с каждого груза соли, который вывозился из его страны. Груз меди приносил ему пять миткалей, а груз товаров – десять миткалей».

В дополнение к этому доходу с налогов на экспорт и импорт король имел другой значительный источник доходов.

Аль-Бекри продолжает: «Лучшее золото в стране приходило из Гьяру, города, расположенного в восемнадцати днях пути от столицы в области, густо населенной чернокожими и покрытой деревнями. Все куски местного золота, найденные в рудниках империи, принадлежали верховному суверену, хотя он и позволял своим людям владеть золотым песком. Без такой предосторожности золота могло стать слишком много, и оно бы практически потеряло бы свою ценность…»

Другими словами, ганцы понимали эффективность монополии для поддержания цены на товар – в данном случае золото. Они контролировали самородки и препятствовали тому, чтобы золота становилось так много, чтобы цена на него снизилась.

Не все золото Ганы шло с ее собственных рудников. Был путь, например, из Вангары, района, расположенного прямо на юг от Ганы, где местные племена мандинго обменивали золото на соль

и другие необходимые продукты. Это делалось при помощи системы «молчаливой торговли» или «тихого бартерного обмена». Ганские купцы приходили на определенное место на берегу реки, клали на землю свои товары и уходили, целиком исчезая из виду. Затем подходили золотодобытчики и осматривали товары. В стороне от них вангарийцы клали то количество золотого песка, которое они считали достаточной платой. Затем они уходили, а купцы возвращались. Если их устраивала количество оставленного золота, они запаковывали его и уходили. Однако если они считали его недостаточным, то снова чуть отходили в надежде, что вангарийцы добавят.

Хотя эта система и выглядит примитивной, она работала столетиями. И стоит заметить, что западноафриканские области служили главным источником золота для европейских рынков до тех пор, пока испанские конкистадоры не обнаружили новые запасы в Америке. Африканские рудокопы в той же самой области сейчас, используя методы своих предков, производят 140 000 унций золота в год! Средневековые золотые монеты Италии, Франции и Англии, вероятно, начинали свой путь именно в Гане как продукт «тихого бартера» – золото, обмененное на соль.

В начале XI в. в Западной Африке наступили большие перемены. Поток арабов прокатился по Северной Африке, все сокрушая и грабя на своем пути и вытесняя людей оттуда, где они жили веками до этого. Одной из групп, буквально сбежавшей со своих земель, были берберы. За их приходом последовали трения с ганцами на границах. Город сонинке Аудахост на неустойчивой границе между двумя народами был захвачен одним берберским племенем почти сразу. Они превратили Аудагост в торговый центр, конкурирующий со столицей Ганы.

Когда же ганцы захватили город обратно в 990 г., то все берберы объединились против сонинке.

Вожди берберов приняли ислам весьма пуританского вида. Простые берберы, однако, отвергли эту жесткую интерпретацию мусульманской религии. Но затем появился один страстный, фанатично суровый религиозный лидер по имени Абдулла ибн Ясин. Согласно традиции, ибн Ясин удалился от мира в отшельничество на островке посреди реки Нигер. Здесь он и раздувал огонь священной войны, джихада, среди своих последователей, которых называли «людьми отшельнических монастырей» (альмураби-тун по-арабски), позже ставших известными как альморавиды.

Эти фанатики-мусульмане, возглавляемые ибн Ясином, медленно обращали в свою религию берберов, пока наконец большая часть их деревень и городов не превратились в

укрепление альморавидов.

У них было две цели. Первая: вынудить мусульман Северной Африки и Испании принять реформированный, «чистый» ислам. Второй целью было обратить всех неверующих их мимоходом и завоевать. Хотя главным направлением для альморавидов был север, одно крыло, под руководством Абу Бакра направилось на юг и восток.

Абу Бакр захватил город Аудагост в 1054 г. и через 22 года жестоких схваток с ганцами – и их столицу. Хотя он претендовал на всю империю, но вскоре обнаружил, что с трудом справляется и с уже захваченной частью. Против альморавидов вспыхивал мятеж за мятежом, им с трудом удавалось удерживать равновесие, пытаясь смирить этих «беспорядочных» людей Ганы. Собственно говоря, сам Абу Бакр был убит в 1087 г., как раз когда он пытался подавить одно из восстаний.

Однако за тридцать три года сражений с альморавидами сильный централизованный контроль правителя Ганы над своей империей был поколеблен. Все бывшие провинции, кроме двух, возжелали независимости и образовали свои королевства. Одно из них, Каньяга, выделялось из всех благодаря умелому руководству членами клана из народа фульбе. Еще до начала XIII в. Каньяга удалось присоединить другое королевство, Дьяра.

Затем, в 1203 г., король Сумангуру повел своих единоплеменников на успешный штурм столицы Ганы, Кумби-Сале. Он воцарился над всеми землями и территориями бывшей империи и обратил ганцев в рабство.

Но Сумангуру повезло не больше, чем альморавидам, в попытке склеить империю заново и контролировать ее.

Вскоре после захвата Кумби-Сале мусульманские торговцы упаковали все свои вещи и ушли. Они построили новый торговый центр в Валата, далеко на севере, вне досягаемости для солдат Сумангуру. Уход мусульманских купцов был серьезным ударом для торговли древней империи Гана.

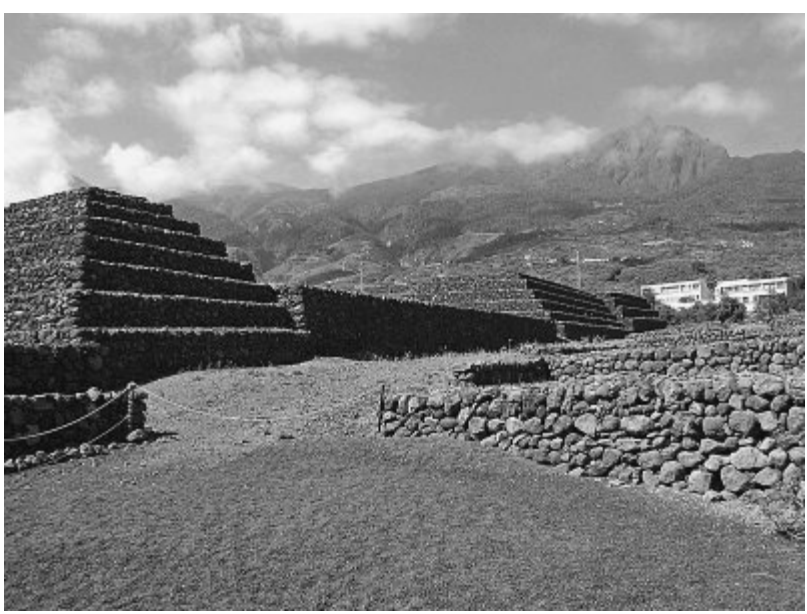
Но завоевания Сумангуру подготовили возникновение в Западном Судане новой империи, еще более великой, чем Гана – империи Мали.

Кто они, древние гуанчи?

Белая шапка вулкана Эль-Тейде, видная в хорошую погоду с марокканского берега, многим кажется загадочным великаном, поднявшим седую голову над бирюзовой гладью океана. Тех, кто вышел на пустынный берег Атлантики в неизвестный год неизвестного века и кому было суждено населить необитаемые острова, еле видные на горизонте, вряд ли одолевали романтические мысли о белоснежной горе-великане, похожей издали на гиганта старца. Им нужна была новая родина, новое и спокойное место под солнцем. Кто были эти люди? Когда это было?

Проблема изучения коренного населения Канарских островов имеет свою длинную, интересную, но чрезвычайно запутанную историю.

Французский ученый Ами первым обнаружил сходство черепа древнего канарца с откопанным в 1808 г. кроманьонским черепом. Раскопки последующих лет на острове Тенерифе показали, что население его было далеко не однородно. Проблемой занялся французский атрополог Рене Верно. У него имелся богатый материал, собранный его соотечественниками – консулами и учеными С. Бертло и Б. Сен-Венсаном. И хотя объем краниологических исследований не был достаточным для глубоких выводов, Верно все же выдвинул следующую гипотезу.



Эти пирамиды построили древние жители Канар – гуанчи

В верхнем палеолите на Иберийском полуострове появляются представители рода «хомо», вытесняющие неандертальцев. Это кроманьонцы, проникшие в Европу из Азии 40 тысяч лет назад. Другая волна их заселила Африканский континент. И ископаемый человек из Ротовы (Валенсия) был первым представителем европеоидной расы, проникшим из Африки на Канары, где сохранился и поныне, правда, с примесью элементов, характерных для более позднего населения Испании. Антропологические типы на островах Верно описал так.

Первый – классический кроманьонский тип – представлен почти на всех островах (квадратное лицо, глубоко посаженные глаза под тяжелыми дугами, низкие орбиты, тяжелый подбородок, светлые волосы, голубые глаза). Р. Верно и М. Фюсте отмечают, что этот тип ближе к «Мехта Афалу» – типу доисторического населения Северо-Западной Африки,' чем к европейскому варианту.

Второй – берберский тип – люди атлетического сложения, долихокефалы, обнаружены в основном среди солдат тенерифского гарнизона. Ученый считал его северным вариантом средиземноморского типа. Характеристики Верно для этого типа совпадают с данными итальянского антрополога африканиста Биасутти для берберов.

Верно считает, что именно к двум этим типам относились первые переселенцы.

Третий – типы восточный и арменоидный – долико– или мезокефалы, нос с горбинкой, миндалевидные глаза. Встречаются на отдельных островах.

Четвертый – нордический тип – светлые волосы, иногда с пепельным оттенком, голубые глаза, розовая кожа. Появился он, вероятно, позже всех, Верно предполагает здесь связь с Северной Европой. Ученый еще не знал тогда, что не только Северная Европа, но и Северо-Западная Африка была в древности областью распространения блондинов.

В трудах более поздних исследователей отрицаются некоторые из антропологических типов на островах, так как новые наблюдения вносили коррективы в создавшуюся антропологическую картину населения. Основываясь на изучении огромной коллекции костяков, австрийская исследовательница И. Швидецки отвергла гипотезу об арменоидах и негроидах на островах и сократила количество типов до двух. Она решила проверить казавшиеся ей сомнительными данные англичанина Хутона о негроидах. В муниципальном музее Санта-Круса она

нашла 17 черепов, ранее считавшихся негроидными. Выяснилось, что это черепа гуанчей. Как же могла возникнуть мысль о негроидах? Вопрос разрешался просто. Хутон покупал черепа у местных жителей по 5 песет за штуку, а те выкапывали скелеты с негритянского кладбища возле плантаций, где раньше работали негры, приехавшие с материка.

Итак, современные исследования позволяют заключить, что среди канарцев выделялись два типа – один узколицый, средиземноморский, а другой более широкий, с более низкими орбитами, выраженным надглазничным рельефом, сходный с типом мезолитического населения Северной Африки. Результаты исследований крови и краниологических наблюдений последних десятилетий подвергают сомнению «кроманьонскую теорию» заселения островов непосредственно с Иберийского полуострова. К тому же обследование испанскими учеными групп крови показало, что фенотипы группы АВО в сериях Канарских островов схожи с таковыми у населения Северной Африки. У 81 мумифицированного гуанча и у 191 жителя Гран-Канарии отмечены группы крови системы АВО. Это близко к данным по марокканскому Атласу. Можно добавить, что группа О – отличительная черта жителей Канарских островов. У современного населения она, правда, не столь часта. Наблюдения показали, что у жителей Атласских гор также есть группа О. Впрочем, она там не так распространена, как у населения Канар, но ведь горы не являются таким мощным изолятом, как острова! Высоко процентное содержание группы О у басков и жителей Западной Ирландии.

Своеобразное подтверждение гипотезы о заселении островов выходцами из Северной Африки – данные о цвете кожи и волос канарцев. Еще А. Эспиноса писал: «Цвет кожи жителей юга Тенерифе темный от смешения крови или от климата, ходят они почти голые. Но на севере цвет их светел и нежен, волосы длинные…» Позже Р. Верно отметил в Марокко множество людей со светло-коричневыми волосами и светлыми глазами. Он указал, что черные прямые волосы преобладают у восточных берберов, вьющиеся и курчавые там, где происходит явное смешение с негроидами, а у западных берберских популяций светлые волосы встречаются даже чаще, чем светлая кожа, особенно в детском возрасте. У многих североафриканских племен окраска волос изменялась и превращалась из светлой в темную в течение целых исторических периодов из-за смешения с чужеродными племенами.

Ближайшая к Канарам область распространения блондинов – Марокканский Атлас и особенно прибрежные районы Рифа – в

древности была еще обширнее. Блондины, прийдя отсюда на Канары, смешались с уже прибывшими туда брахикефалами, образовав гибридный долихокефальный тип с широким лицом, крупной фигурой, светлой окраской кожи и коричневыми волосами.

Вот вывод В.П. Алексеева: множество светлых индивидов в населении Северной Африки задолго до прихода вандалов и живучесть «блондизма» позволяют рассматривать светлое население Канарских островов как западную ветвь той самой «ливийской расы», которая изображалась на картинках эпохи Нового Царства. Иными словами, это составная часть западносредиземноморской группы племен, куда входят берберы.

С проблемой этногенеза обитателей Канарских островов тесно связан вопрос о происхождении их языка. Еще первые хронисты архипелага на основании некоторых записанных ими фраз местного населения пытались отождествить его с берберским языком. Дж. Глэс, который долгое время жил в фактории в Южном Марокко, считал несомненным родство языка канарцев с берберским диалектом шлух.

Глэс справедливо критикует многих испанских авторов, которые произвольно искажали Канарские слова, «подгоняя» их под испанский язык. О языке жителей Тенерифе он говорит: «Он значительно отличается от наречий других островов своей гортанностью» (кстати, книгу Глэса о Канарских островах до сих пор любят и помнят на архипелаге. Судьба ее автора трагична. Его вместе с семьей убили взбунтовавшиеся матросы по дороге с островов в Англию в конце 60-х г. XVIII в.).

Английский археолог и языковед Дж. Эберкромби считал, что язык гуанчей возник из ливийского (протоберберского) языка. Ученые предприняли также попытку лексикостатического исследования языка гуанчей с точки зрения его отношения к берберскому языку. Весь словарный состав разделили на три иерархически расположенные группы: 1) слова, берберские по форме и семантике; 2) слова, берберские только по форме; 3) слова, семантика которых необъяснима с точки зрения современного берберского языка. Созданная на основе этих данных таблица дала сведения о процентном содержании берберских элементов в языке гуанчей и о лексических различиях между разными островами архипелага.

Оказалось, что берберский элемент преобладает в лексике островов Ферро и Пальма, в меньшей мере на Гран-Канарии. На островах Лансароте и Фуэртевентура было зарегистрировано лишь 23 процента слов берберского происхождения, на Тенерифе – 25, на Гомера их не было найдено вообще. В то же время на

Тенерифе и Гомера встретились слова неизвестного происхождения. По мнению Эберкромби, эти незнакомые элементы тоже восходят к одному из берберских диалектов и к тому же имеют некоторые аналоги в древнеегипетском и коптском, а из живых – в языке хауса, Нигерия.

Французский лингвист Марси находит в языке гуанчей отчетливые параллели с древнеегипетским языком. У гуанчей было прилагательное gerag, gorad; kerak, korak. Эти две последние формы с оглушением буквы «g» означали «знатный», «знатного рода». Таких слов нет в современном берберском языке, кроме туарегов, у которых есть глагол «gureg» – «жить в полной свободе». Речь может идти о заимствованиях из древнеегипетского языка «grg» – «повышать», «разводить», ведущих к понятию «быть на высоком месте».

Все эти данные свидетельствуют прежде всего о том, что островные наречия канарцев, с одной стороны, сами по себе не представляли лингвистического единства (по крайней мере на нынешнем этапе их изученности), а с другой стороны – несводимы к общему знаменателю с берберским языком. Поэтому берберский элемент в наречиях канарцев было бы правильнее объяснить как суперстрат, а не как признак генетического родства.

Аналогичных выводов придерживается и крупнейший французский семитолог А. Бассэ, отказавшись признать тождество языка канарцев и берберского. Даже самые новые исследования, например, работу Д. Вельфеля «Проблемы связи языка гуанчей и берберского», он признавал совершенно разочаровывающей. Л. Винер, занимавшийся проблемой лингвистической интерференции и, в частности, влиянием арабского языка на африканские, отмечал некоторое сходство слов языка канарцев со словами языка мандинго Западной Африки. Однако приводимые им фактические данные не позволяют судить, заимствование ли это, генетическая связь, или – что более всего вероятно – случайное совпадение.

Согласно общепринятому мнению, население Северной Африки еще в глубокой древности говорило на языках семитской подсемьи. Несмотря на то что результаты исследований ограничены, сходство берберского языка с египетским и семитскими сейчас почти никто не оспаривает, и во всех классификациях берберский язык причисляют к семито-хамитской семье. Хотя берберский язык в его современном состоянии представлен чуть ли не тремястами диалектами, он являет собой несомненное лингвистическое единство. Поэтому африканцы могут без труда понять кабильский диалект, точно так

же как берберы оазиса Сива (Египет) понимают речь берберских племен Среднего Атласа и Марокко.

Язык канарцев ко времени испанского завоевания был лишь в незначительной степени берберизирован и включал большой процент слов неизвестного происхождения. В диалекте африканцев и других современных диалектах Марокко тоже имеется определенное наследство несемитских слов, например, в названиях растений, оканчивающихся на – nthi – nti: iminthi (ячмень), shinti (рожь). Похожие слова были отмечены в индоевропейских языках Северного Средиземноморья – греческом и албанском. И хотя многие зерновые культуры известны в Северной Африке с очень древних времен, подобные слова все же принадлежат к основному словарному фонду. Это явные заимствования у пришельцев с севера.

Можно предположить, что в эпоху Карфагена какая-то волна переселенцев дошла до Канар и принесла с собой ливийскую письменность, образцы которой сохранились в виде наскальных надписей. На такую мысль наталкивает следующее.

Если бы североафриканцы переселились на Канары после вторжения римлян или арабов, диалекты канарцев не смогли бы в столь короткий срок отдалиться от берберского. В то же время найденные в странах Магриба ливийские и нумидийские надписи выполнены знаками разных систем. Их пробовали расшифровать с помощью современного берберского языка, но все попытки оказались совершенно напрасными. Значит, переселенцами могли быть и не берберы, а берберский элемент занесен значительно позже, либо берберский язык тогда колоссально отличался от существующего ныне.

Несмотря на всю зыбкость, гипотеза о том, что древнеберберский язык сохранился на Канарах, остается тем не менее наиболее обоснованной. Это значит, что когда острова «окончательно открыли» европейцы, аборигены говорили на языке, давно исчезнувшем на Африканском континенте. Следовательно, язык канарцев следовало бы рассматривать в кругу «мертвых», а не ныне существующих языков. А испанский суперстрат (более поздние влияния) сделал лексику канарцев еще более неузнаваемой.

Оговоримся, что рассуждения о языке канарцев сегодня ведутся по-прежнему на уровне, весьма далеком от подлинно научного. Ведь до сих пор не создано сколько-нибудь удовлетворительного описания языка, не составлены словари, даже приблизительно отражающие лексический состав языка.

Нужно сказать несколько слов об этнониме «гуанчи». Этнограф XIX в. Коста де Маседо называл «гуанчами» только

жителей Тенерифе под тем предлогом, что «жители других островов резко отличаются друг от друга как в антропологическом, так и в языковом отношениях». Еще в 1629 г. англичанин Николз писал, что жители острова Тенерифе называют себя «гуанчи» – guanche. Эспиноза, сам неоднократно бывавший на острове, в своей работе, появившейся через 25 лет после колонизации острова, назвал их guanches (-s – показатель множественного числа в испанском). Испанцы А. Галиндо, Нуньес де ла Пенья и Клавихо-Гомес также называли жителей Тенерифе «гуанчами». Глэс отмечал, что жители Тенерифе называют европейцев chineche, а себя самих vincheni (последнее под влиянием испанского будто бы и превратился в guanches).

На языке жителей острова Тенерифе guan (или wan) означает «один» (человек) а chineti– «Тенерифе», откуда пошло guan-chinet (или wan-chinet) – «человек с Тенерифе». У жителей других островов были, естественно, другие самоназвания..

С проблемой языка канарцев тесно связан и вопрос о загадочном свисте, который до сих пор распространен среди жителей острова Гомера. О нем мы расскажем отдельно.

Колесницы в пустыне

Жаркое утро Сахары, 1933 г. Военный отряд под командой лейтенанта Бренана совершает разведывательный рейд по высохшему руслу реки Джерат на плато Тассилин-Аджер. Под тенью редких деревцев патруль устраивает привал. Кругом на скалах – многоцветные рисунки: идут слоны, носороги, жирафы, тяжело ступают гиппопотамы, танцуют люди, мчатся боевые колесницы. Колесницы в Сахаре? А гиппопотамы? Не мираж ли? Кто нарисовал их? Более сорока лет наука не могла ответить на эти вопросы.

Написанные красной охрой и белой глиной изображения гиппопотамов имеются на скалах во многих районах пустыни. Фигурируют они и в батальных сценах, и в сценах охоты. Рядом с колесницами на рисунках видны люди, по облику, цвету кожи и одежде они явно отличаются от всех изображенных на скалах типов местного населения. Это светлокожие рослые чужестранцы, вооруженные мечами, копьями или дротиками, с круглыми щитами в руках. Они ведут коней, запряженных в двухколесные колесницы, или стоят на колесницах. Кто эти люди? Когда появились в Сахаре?

Наскальные рисунки в Сахаре

Попытка окончательно ответить на все вопросы была сделана

совсем недавно. Но сначала предоставим слово древним авторам.

«Еще дальше к югу от насамонов, в стране диких зверей, живут гараманты, которые сторонятся людей и избегают всякого общения. У них нет никакого оружия ни для нападения, ни для защиты». Это запись Геродота. И еще одно его сообщение: «Далее… обитают люди по имени гараманты (весьма многочисленное племя)… Эти гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах, запряженных четверкой коней». У одного и того же автора мы видим две разные характеристики одного и того же народа. Еще больше «запутывает» проблему Тацит. Если верить ему, то гараманты – это «свирепое племя, своими набегами наводившее ужас на соседей». Откуда столь противоречивые данные? Почему не сходятся показания древних при описании одного и того же народа Северной Африки?

В 1933–1934 г. экспедиция Итальянского географического общества во главе с известными археологами и антропологами Д. Паче и Дж. Серджи произвела раскопки в Узде-эль-Аджале (Ливия), центре предполагаемой страны гарамантов. На участке в сто шестьдесят километров ученые обнаружили самый представительный некрополь в Северной Африке – около четырех с половиной тысяч могил. Серджи разделил найденные костяки на четыре группы. В первой он объединил высоких людей с длинным черепом, тонким носом и высоким лбом, похожих на тех, что изображены на египетских фресках середины II тысячелетия до н. э. Это самые древние захоронения. Во вторую группу вошли более поздние захоронения, по возрасту соответствующие римскому времени; погребенных отличала некоторая смешанность черт. У представителей третьей группы отмечено сильное негроидное влияние, а четвертый тип – полностью негроидный.

Таким образом, удалось установить, что в расовом отношении гараманты древних не представляли единства. Более того, как показал анализ источников, у них на основе расовой существовала и социальная дифференциация. Верхний, так называемый средиземноморско-берберский слой их общества осуществлял военно-политическое и торговое господство. Гараманты «вобрали в себя» часть завоеванных соседей, но веками сохраняли внутри этноса социальное расслоение. Становится понятной противоречивость сообщений о гарамантах античных авторов: Геродот, Тацит, Ливий, Птолемей и другие получали сведения о разных слоях гарамантского общества. Верхний, средиземноморско-берберский, отличался агрессивностью и устраивал охоты на «пещерных эфиопов», нижний слой – жители южных районов с темнопигментированной

кожей – был лишен всяких прав.

А колесницы? На всех сахарских фресках они изображены в так называемом летящем галопе: тело лошади как бы распласталось в воздухе, копыта не касаются земли, передние ноги выброшены вперед, задние – назад. Тот же вид галопа преобладает на рисунках Эгейского бассейна, микенской культуры Греции и Крита. С этого сопоставления начинается новая гипотеза о происхождении сахарских колесниц и самих гарамантов.

С древнейших времен жители стран Ближнего и Среднего Востока использовали тяжелые повозки, запряженные парой представителей семейства лошадиных. Именно так приходится называть этих животных, ибо зоологическая их принадлежность до сих пор не выяснена. Немецкий этнограф Шахермайер считает даже, что вавилоняне использовали в первых боевых колесницах лошадь Пржевальского. Революция в колесничном деле произошла в первой половине II тысячелетия до н. э., и некоторые исследователи приписывают ее ариям, пришедшим предположительно из евразийских степей в бассейн Черного моря и горы Передней Азии с новым типом легких боевых повозок. Именно оттуда колесница могла, по их мнению, попасть в Микены. А из Микен? Появление этого типа вооружения в Северной Африке ряд ученых связывают с «народами моря».

До недавнего времени считалось, что история их, неожиданно и загадочно начавшись, так же таинственно окончилась. Если начальный этап этого движения представляется пока смутно, то окончание его в свете последних данных довольно ясно.

После крупного передвижения народов с севера Балканского полуострова пришли в движение массы населения материковой Греции, Малой Азии, мелких островов и Крита. Часть избыточного населения мигрировала на судах на юг. Такова грубая схема этого процесса, исторически засвидетельствованного лишь в Древнем Египте, где «народы моря» боролись против фараонов близ Киренаики в 1251–1231 гг. до н. э. Однако устная традиция критян содержит свидетельства активной деятельности эгейцев в Северной Африке. Согласно легенде, сохраненной Аполлонием Родосским и Птолемеем, у дочери критского царя Миноса был от Аполлона сын Гарамант – праотец ливийского народа…

Но одного только сходства сахарских колесниц с минойскими и совпадения антропологического типа «народов моря» с высшим, светлокожим слоем общества у гарамантов недостаточно для того, чтобы с уверенностью констатировать такие связи. И ученые

продолжили поиск.

Во-первых, само ливо-берберское слово «гарамант» имеет догреческий суффикс – ант. Откуда он мог прийти в Северную Африку, если не из Эгейского бассейна? Вот заключение российского ученого, специалиста по древней истории Средиземноморья и Африки Ю. Поплинского, исследовавшего эту проблему: «Мы склоняемся к предположению, что слово «гарамант» возникло в конце II тысячелетия до н. э. в ходе формирования гарамантской общности из ливо-берберского этнического ядра и постепенно адаптировавшихся в нем эгейцев».

Во-вторых, несхожесть с соседями. Именно ею можно объяснить пристальный интерес античных авторов к гарамантам.

У последних был своеобразный обычай захоронения. Другая особенность – многочисленные подземные водопроводы. Они имелись на Крите уже в начале II тысячелетия до н. э., и их появление в Сахаре можно связать именно с Эгейским миром, а не с Передней Азией, как считалось раньше.

О жизни гарамантов известно совсем мало. В социальном отношении они находились на стадии формирования классового общества. Главный объект эксплуатации был сначала вне их этноса – негроидные племена Сахары и Судана, которые потом были включены в социальную иерархию гарамантов. Воинственность и торговые операции, о которых речь пойдет дальше, объясняются так называемым всадническим подтипом хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников, к которому причисляют гарамантов современные исследователи. Торговля солью и скотоводство – вот, пожалуй, основные занятия этого удивительного народа. Крупицы знаний, которые удалось собрать африканистам, еще раз подчеркивают явную связь культуры гарамантов с эгейским миром. В их царстве в низших слоях общества старикам разрешалось жить только до шестидесяти лет. При наступлении этого возраста человек должен был удавиться. Если у него самого не хватало мужества, то это делали соплеменники.

У гарамантов существовал древний обычай предоставлять право убежища любому беглецу, не спрашивая, откуда он и почему скрывается. Неудивительно, что таким образом у гарамантов задерживалось множество посторонних людей – дезертиров из карфагенских армий, бандитов, беглых преступников. Они вливались в отряды, совершали опустошительные набеги на финикийские фактории и прочие поселения на берегах моря. Единственным видом ремесла было гончарное производство. Изготовляли черные и красные сосуды с линейным орнаментом, удивительно похожие на те, что найдены

при раскопках на Крите, Мальте, Сицилии, Сардинии. Женщины носили красные плащи из козьих шкур с бахромой и похвалялись числом возлюбленных. Ребенок объявлялся сыном того, на кого он был больше всего похож. Мужчины носили короткую тунику из шерсти, а волосы украшали страусовыми перьями. Как же сложилась историческая судьба гарамантов? Прекрасно знавшие районы сегодняшней пустыни, они были единственными посредниками в обширной торговле, которую вели с Африкой Карфаген и Рим.

Об отношениях карфагенян с гарамантами известно ничтожно мало. Теофраст упоминает о драгоценных камнях, доставленных в Карфаген через Сахару. То же повторяют Плиний Старший и Страбон. Но, видимо, гараманты доставляли туда не только камни, но и рабов. Это можно предположить, так как в карфагенских захоронениях сейчас находят черепа негроидов.

Значительно больше известно о связях гарамантов с Римом.

«За ним (горным хребтом. – *Н.Н.*) – пустыня, потом Телги – город гарамантов… Все они были покорены римским оружием… До сих пор дорога к гарамантам была непроходима, так как разбойники из этого племени засыпали песком свои колодцы…» Так через Плиния и других авторов Рим знакомился с загадочными хозяевами Сахары. В разные периоды владычества Рима в Северной Африке у гарамантов побывало множество римлян. О некоторых из них остались свидетельства историков. Сегодня исследователи знают, например, что Юлий Матерн, если верить Птолемею, вместе с царем гарамантов даже отправился «в поход против эфиопов и после четырехмесячного пути… прибыл в эфиопскую землю Агисимба, где собираются носороги».

Таинственная Агисимба не найдена до сих пор. По одним предположениям, она находилась в Тибести или Аире, но зоологи возражают: носорогов во времена гарамантов там уже не было. По другим предположениям, отряды дошли до озера Чад и контакты с этими глубинными районами Африки продолжались до исламских времен. Данные Плиния как будто подтверждают эту версию: драгоценные камни привозили из Эфиопии, пишет он. Действительно, римские монеты и захоронения находят в различных точках Сахары, и вполне вероятно, что гараманты помогли римлянам в освоении пустыни. А одна римская монета начала IV в. н. э. была найдена даже в джунглях Камеруна. Можно ведь предположить, что гараманты добрались в своих дальних походах и до этих мест? По сообщениям Геродота и Лукиана, они не пользовались никакими посредниками в торговле рабами, золотом и слоновой костью и сами проникали в отдаленные районы Черного континента.

Еще одно важное открытие сделал Анри Лот во время своей экспедиции по Сахаре. В 19 г. н. э. римский легат Корнелий Бальб отправился с войском через Сахару. Плиний упоминает о том, что Бальб встретил на своем пути несколько рек, одна из которых называлась Дасибари. Поиски аналогов в различных источниках ничего не дали. Но неожиданно оказалось, что сонгаи, жители Западного Судана, называют этим словом реку Нигер! Значит, делает вывод Лот, Бальб дошел до Нигера. Если эти версии хоть наполовину верны, то можно констатировать, что европейские путешественники Д. Денхэм, Х. Клаппертон и У. Аудни далеко не первыми открыли в XIX в. столь далекие от цивилизации пустынные и мрачные места.

Дикие животные, страусовые перья, слоновая кость, рабы – все это по длинным караванным путям собиралось на побережье Северной Африки и затем переправлялось на судах в Рим. Особенно важны для империи были звери: для жертвоприношений и для многочисленных цирков. Африка была важным поставщиком диких животных. Римские историки оставили некоторые цифры. В 55 г. до н. э. Помпей, празднуя свои победы, за пять дней выпустил на арену шестьсот львов. В 81 г. н. э. император Тит использовал девять тысяч животных, а через двадцать пять лет император Траян довел их число до одиннадцати тысяч. Император Филипп истребил на арене за один раз двадцать два слона, десять оленей, десять тигров, семьдесят львов, тридцать леопардов, десять гиен, одного носорога, одного бегемота, десять жирафов, двадцать зебр и десять диких лошадей. Известно также, что император Проб в 281 г. н. э. в один день принес в жертву богам тысячу страусов, тысячу ланей, тысячу кабанов, а на следующее утро – сто львов и львиц, двести леопардов и триста медведей. Кроме тигров и медведей, все животные – из Африки, и привозили их по выверенным караванным путям гараманты.

Только человек, знающий пустыню, может представить, сколько мужества и лишений требует перевозка по Сахаре животных, особенно таких крупных и не приспособленных к пустыне, как слоны и бегемоты. Их везли в гигантских клетках на колесах, везли с неимоверными трудностями, чтобы потом убить.

Летом 1914 г. итальянские археологи раскопали большую римскую виллу в ливийской деревне Элитен, в ста километрах от древнего города Лептис-Магна, и открыли участок мозаичных полов, представлявших огромный интерес. К счастью, ученые успели сфотографировать все обнаруженные объекты, ибо вскоре бомбардировка почти стерла Элитен с лица земли. Уцелели крохи. Вернувшись в 1925 г., археологи продолжили работу.

Фотографии и оставшиеся осколки поведали о волнующих эпизодах жизни этой римской виллы на Африканском побережье.

…Отчетливо видны два человека, стоящие на странном сооружении – то ли на повозке, то ли на тачке; оба привязаны за руки к вертикальному шесту, прикрепленному к днищу повозки. Сзади у повозки длинная рукоять, так что бестиарий (так назывался у римлян тот, кто следил за дикими зверями) мог поворачивать сооружение в любую сторону. Сущность бесчеловечной затеи состояла в том, что привязанных к шесту пленников вытаскивали на арену, а затем выпускали голодного хищника – тигра, льва или леопарда. Находясь на безопасном расстоянии, бестиарий поворачивал повозку в любом направлении, а обезумевший от голода хищник терзал то одного, то другого связанного пленника. Бестиарий был обязан максимально продлить агонию жертв: быстрая смерть пленников не устраивала требовательных и избалованных зрелищами обитателей виллы и их гостей. Но вот что самое удивительное: светловолосые, рослые, голубоглазые пленники в этой сцене – гараманты, именно их терзают леопарды. Пойманные гарамантами в Африке, перевезенные через пустыню и проданные римлянам, леопарды снова встретились с гарамантами, на этот раз в совершенно иной роли: мучитель и жертва поменялись местами.

Около 668 г. н. э. арабский военачальник Укба ибн Нафи захватил район между Бенгази и Триполи и пошел с войском на юг, к Фециану. Ибн Халдун был единственным хронистом, который сообщил о конце гарамантского царства: «Когда их правитель вышел из Джермы встретить Укбу, всадники окружили его, оттеснили от эскорта и заставили спешиться. Шесть километров брел в пыли и крови царь до резиденции арабского военачальника.

– Почему ты так со мной обращаешься? – спросил царь Укбу.

– Это тебе урок, – ответил тот. – Нельзя воевать против арабов».

И отправил царя в цепях в Египет. Мощная волна ислама захлестнула Северную Африку. В ней должно было раствориться все то, что еще продолжало независимое, обособленное существование: – отдельные группы несмешанных племен, население забытых оазисов и вади. Но все ли растворилось?

И здесь начинается вторая, главная часть нашего рассказа о колесницах. Народ, насчитывавший несколько сот тысяч человек и имевший высокую культуру, не мог исчезнуть бесследно, рассуждали африканисты. Надо постараться представить, куда могли отойти теснимые арабами гараманты. Будучи этнически

разнородными, они, видимо, расходились в разных направлениях различными по величине группами. Тассилин-Аджер, Ахаггар, Эннеди и Тибести могли стать конечными пунктами таких откочевок. Вывод ученых: большая часть гарамантов участвовала в создании этнической общности туарегов и теда.

Сначала о туарегах. Одним из первых их сходство с гарамантами заметил английский писатель и путешественник Дж. Уэллард. Он писал о своих наблюдениях: «Те туареги, что зовут себя благородными, имеют бронзовую кожу, они шести футов ростом и являют собой абсолютное сходство с теми двумя плененными гарамантами, изображенными на напольной мозаике в Злитене».

Сегодня есть и другие аргументы. Туареги выращивали скаковых верблюдов мехари и лошадей, в их фольклоре красивая женщина сравнивалась с кобылицей. Их скотоводческий уклад, поставки соли из отдаленных районов суданской зоны на север – все это наводит на мысль о гарамантском наследии. Удивительные аналогии прослеживаются при сопоставлении социальных структур у туарегов и гарамантов: классовая стратификация на расовой основе у туарегов повторяет то же явление у гарамантов. На высшей ступени у туарегов находятся европеизированные ливо-берберы – ахаггары. У гарамантов – тот же ливо-берберский элемент с эгейской «примесью». Низшие слои у туарегов – негроидные племена. То же наблюдалось в обществе гарамантов. Одинакова и принадлежность обоих народов к хозяйственно-культурному типу скотоводов-кочевников. И те и другие совершали рискованные набеги на соседей. Свободолюбие туарегов тоже напоминает о гарамантах, оказывавших упорное сопротивление Риму и Византии.

Ремесленники-кузнецы – презираемая, обособленная каста у туарегов, они чужды в расовом отношении основному этническому ядру. По некоторым смелым предположениям, это потомки тех самых «пещерных эфиопов» Геродота, за которыми охотились гараманты. Поверх синей накидки туареги-ахаггары носят две широкие, перекрещивающиеся на груди ленты, сплетенные из цветных шелковых шнурков. На египетских фресках мы видим такие ленты у ливийцев, да и на скалах вдоль дорог гарамантов есть изображения людей с перевязью на груди. Как предполагает английский исследователь Р. Лоу в интересной статье о транссахарской торговле, напечатанной в английском Journal of African History, ленты являются свидетельством христианства, которое гараманты приняли в 569 г. н. э. Современные же туареги даже сохранили, правда немного в искаженном виде, некоторые библейские имена.

Теперь о другом народе.

В районе озера Чад и в южной части Центрального Феццана живут сейчас народы, известные как теда (тубу, тиббу, тебу), горан, даза (аза), которые говорят на схожих языках и имеют одинаковую культуру. Две основные группы – верблюдоводы-теда, говорящие на языке тедага, и скотоводы-даза, язык которых – дазага. У всех этих этнических групп сохранились легенды о белых пришельцах с севера, совпадающие по времени возникновения с «исчезновением» гарамантов. К этому можно добавить другие культурные черты из Северной Африки: разведение поливных культур в Тибести, культивирование пшеницы и финиковой пальмы, колодцы. Древние авторы ничего не говорят о финиковой пальме и верблюдах у теда. На этом основании одни исследователи делают вывод, что их завезли сюда арабы. Другие полагают, что эти новшества были введены гарамантами.

Современные тубу до сих пор вспоминают гробницы «насара» – «белых людей», живших среди них. Загадочны и уникальны руины близ города Барку; по местным преданиям, они принадлежали белым людям. У теда есть легенда о гиганте людоеде, которого смельчаки теда убили почти тем же способом, что и спутники легендарного Одиссея – циклопа. Может быть, это отголосок греческого мифа о циклопе Полифеме?

Некоторые ученые настаивают на том, что именно теда – «пещерные эфиопы» Геродота. Доказательств два. Первое: некоторые теда до сих пор живут в пещерах. Второе: их речь изобилует характерными звуками, что сходится с данными Геродота о «птичьем языке» этих «эфиопов».

Одна гипотеза не вытесняет другую. Сильная антропологическая неоднородность слоев гарамантского общества, постоянные миграции, значительная ассимиляция с соседними племенами – все это до неузнаваемости изменило облик гарамантов, оставив нетронутыми лишь отдельные элементы их культуры.

Тайна Белой Дамы

«В середине марта 1907 г. мы разбили лагерь в Брандберге и отправились осматривать ущелье Цисаб. Тут и там нам попадались наскальные рисунки – жирафы, носороги, антилопы, почти на поверхности лежали орудия труда древних обитателей этих мест.

…И вот я сижу в тени гранитной скалы в ущелье. Передо мной лучшие образцы наскального искусства. Я не в состоянии оторвать взгляда от цветного ансамбля на стене пещеры. Когда вернусь домой, обязательно подумаю над его значением…» – писал в дневнике немецкий геодезист Р. Маак.

Среди многих африканских чудес Белая Дама с горы Брандберг – одно из самых таинственных. Противоречивых и порой фантастичных домыслов и соображений, касающихся этого знаменитого наскального рисунка в пещере Маака, расположенной в ущелье Цисаб, в Юго-Западной Африке, было предостаточно. В своей работе «Белая Леди Брандберга» известный французский археолог аббат Анри Брей писал: «Я и сам не уверен в том, что мы достигли того уровня знания, который позволил бы нам полностью истолковать значение данного рисунка. Так достигнем ли мы этого уровня когда-либо?»

Белая Дама из Брандберга

Удивительный рисунок, обнаруженный в начале XX в.

в Намибии, перекликается с древней средиземноморской художественной традицией. Но можно ли говорить о каких-то заимствованиях, когда речь идет о двух местах, удаленных друг от друга на десятки тысяч километров? Средиземноморье и Южная Африка – что может быть общего в археологических культурах обоих регионов?..

Маленькая скала, сохранившая изображение всего около 6 м в длину и 2 м в высоту. Нижняя часть рисунка сильно испорчена – то ли золой от костров, то ли близостью сырого грунта. Наиболее ясно виден центр, к краям композиция просматривается хуже.

А. Брей считал, что костюм Дамы удивительно похож на одежду девушек-матадоров из дворца Миноса в Кноссе, раскопанного Эвансом в начале XX в. на Крите: короткая куртка и нечто вроде трико, прошитых позолоченными нитками. Похожи и головные уборы. Дама словно устремлена вперед. Основная линия движения намечена верхней частью тела и отставленной назад согнутой в колене ногой. По положению руки с луком можно судить о динамичности движения, сила же передана характерным положением лука. В одной руке у Дамы лук со стрелой и еще три стрелы, а в другой – цветок (может быть, чаша?). Культ цветов отразился в критских рисунках на вазах и золотых украшениях, а эти цветы очень похожи на цветок, который несет Дама. У некоторых участников процессии на руках короткие повязки с бахромой. Во время религиозных ритуалов в Кносском дворце такие повязки завязывались сзади на шее – об этом свидетельствует критская керамика.

Благодаря развитому мореходству и удачному географическому положению Крит испытал воздействие других цивилизаций. Страной правил вождь-жрец. Под его руководством строили здания с куполообразными сводами, которые считают копиями ливийских сооружений. Возможно, из Ливии критяне заимствовали и некоторые похоронные обряды. Не мог не оказать влияния на Крит и Египет, находящийся всего в нескольких сотнях километров.

А. Брей считает, что в картине на скале есть и древнеегипетские черты. Например, он обращает внимание на ленту и бретельки на плечах, унизанные бусинками; на фигуру человека с головой крокодила и с рогами; на зазубренный кол, который несет фигура, следующая за Дамой. В Древнем Египте «крокодилочеловек» участвовал в основной части таинств и церемоний религиозного характера. Среди сопровождающих Даму «крокодилочеловек» – третья главная фигура. Для египтян он символизировал монстра на службе у Сета, бога зла и дальних стран, и культ его дошел до римских времен. В Египте его

изображали обычно двух цветов – черным и золотистым, он нес рога антилопы и пальмовую ветвь. На наскальном рисунке предплечья у «крокодилочеловека» черные, бедра желтые, а в руках он несет какие-то ветки.

Надписи в храмах рассказали, что жрецы бога солнца Ра совершали священнодействие, чтобы побороть крокодила. Для этой церемонии пресмыкающихся убивали и сжигали 3 раза в день. На рисунках отчетливо видны процессии жрецов-«гарпунеров», идущих на борьбу с Сетом. «Гарпунерами» их называли потому, что они несут длинные предметы, похожие на гарпуны. Две богини с головами львиц направили вверх металлические копья. На одном из египетских папирусов изображена богиня с головой пресмыкающегося, тоже с острым предметом в руке.

Итак, люди и боги шли на борьбу против Сета с оружием типа гарпуна. Фигура сзади Дамы несет в руке странное оружие с треугольными зазубринами.

В последнее время Белую Даму стали все чаще и не без основания сравнивать с критской богиней Дианой. В произведении Апулея «Золотой осел» есть такие строчки: «Единую владычицу, чтит меня под разнообразными видами вся Вселенная… Критские стрелки называют Дианой Диктинской… а богатые древней ученостью египтяне почитают меня как должно, называя меня настоящим именем – царственной Исидой». На наскальном изображении есть меднокожие лучники, а цветок в руке Дамы вполне согласуется с древнеегипетским обычаем класть цветок лотоса на алтарь богов.

Аналогичные соответствия прослеживаются и в финикийском искусстве. Однако если рисунок действительно изображает таинственную процессию, то почему она нарисована на скале в гроте, где ее могут увидеть все? Диодор Сицилийский сообщает во «Всемирной истории»: «В Кноссе был закон, по которому все таинства должны были быть видны всем и вещи, которые обычно сокрыты в тайне, должны были быть на всеобщем обозрении…»

Если Дама – это Исида или Диана, то фигура позади нее может быть Осирисом, ее супругом. Юноша перед Дамой несет в руке миниатюрный лук. Участники процессий в Древнем Египте тоже несли луки, и их неизменно сопровождали журавли и аисты.

Благодаря морским течениям корабли критян могли свободно доплыть до земель, расположенных к югу от Замбези, а более крепкие суда дойти по Сомалийскому течению до мыса Доброй Надежды. Если это так, то местные жители могли войти в контакт с выходцами из Средиземноморья. Вполне вероятно, что в эти смелые плавания мореходы брали с собой девушек-матадоров

из Кносса. Высаживаясь на берег, мореходы, довольные тем, что плавание складывается удачно, исполняли культовый танец, который и был изображен местным художником.

Было бы заблуждением думать, что А. Брей остался одинок в своей попытке провести такие смелые параллели. Его поддержали многие другие ученые, поддержали и развили дальше теорию появления рисунков в пещере. Вспомнили древний торговый путь от Нижнего Нила по дорогам к западу от цепи Великих африканских озер на юг, память о которых и сейчас хранят народы Уганды и Зимбабве. Североафриканские черты некоторых фрагментов изображения наводят на мысль, что какие-то североафриканцы, а не сами египтяне или критяне, могли перенести на юг образчик древней культуры Средиземноморья, дополнив его элементами своей культуры.

Итак, мы познакомились с основными аргументами в пользу чужеземного происхождения наскального изображения Белой Дамы.

Но есть факты, свидетельствующие в пользу версии местного происхождения Дамы.

Так шлемы и оружие, изображенные на наскальных рисунках, встречаются в районе озера Ньяса и Северной Родезии (Замбии); стиль изображения человеческих фигур наряду с Древним Египтом и Вавилоном широко представлен в Родезии. Подмечен также обычай критян и египтян изображать оба глаза даже в профильных фигурах, однако не так, как на рисунке из Брандберга. У фигуры перед «крокодилочеловеком» глаза изображены особым способом, неизвестным еще древним критянам и появившимся лишь в III в. до н. э. на греческих вазах. Левая нога черного человека под зеброй видна в уменьшении, как бы удалена в пространстве, то есть использован прием, незнакомый Европе до III в. до н. э., но хорошо известный местной бушменской живописи. Французский этнограф Ж. Маке, книга которого «Цивилизация Африки южнее Сахары» была издана у нас в 1974 г., напоминает, что белый цвет считается ритуальным у многих народов банту и что «экзотические» предметы вполне могут принадлежать местным культурам. «Шлемы» сопровождающих Даму воинов похожи на прически или головные уборы предков гереро или овамбо, а луки напоминают луки матабеле и банту.

Сейчас в Брандберге живет народ горные дамара, в образе их жизни много североафриканских черт. Происхождение горных дамара пока неясно, скорее всего они пришли из районов Верхнего Нила. Может быть, именно их приход в Южную Африку был запечатлен местным художником?

Есть еще один предложенный учеными вариант разгадки тайны Белой Дамы.

Когда в Намибию пришли европейцы, там жили развитые скотоводческие народы банту, Они не рисовали на скалах. Не оставляли «автографов» и готтентоты. Этим славились бушмены, прилежно разрисовывавшие поверхность скал. Их живопись – результат какой-то древней традиции. Но чьей? Фигуры, запечатленные на скалах, самые различные. Ученые называли изображенных людей протоготтентотами, бушманоидами и европеоидами. Опять европеоиды? Да, но не критяне, финикийцы или египтяне, а «капсийцы» (назовем их так условно), древнейшее население Северной Африки. Некоторые ученые считают, что в свое время они переправились в Испанию, оставив повсюду прекрасные образцы наскальной живописи. Возможно, «капсийцы» пошли не только на север, но и на юг вслед за другими племенами, которые, говоря языком ученых, обладали иным набором расовых признаков?

На юге Африки они с этими племенами смешались и дали начало новым антропологическим типам, новым археологическим культурам – смитфилдской и уилтонской.

Теперь нужно выяснить, как родилось название «Белая Дама». В палеолитических ритуально-магических композициях сочетаются три образа – женщина, зверь и охотник. До наших дней дошел древний охотничий миф о Повелительнице зверей, приносящей охотникам счастье. Известно, что 42 % палеолитических рисунков, найденных на территории нашей страны, изображают женщин, 30 % – животных, а 14,2 % – антропоморфные фигурки (предположительно изображающие охотников). Значит, изображенная в сцене охоты в Брандберге Белая Дама – закономерный «продукт» верхнего палеолита?

Но почему она так похожа на критскую богиню? Доказано, что с наступлением неолита культурные традиции верхнего палеолита не исчезли. Хотя охота в большинстве обществ уже потеряла свою главенствующую хозяйственную функцию; ее отголоски, духовный и практический опыт вошли в ритуалы и мифы скотоводов и земледельцев, то есть «перешагнули» в неолит. Когда Сахара начала высыхать, «капсийцы» отошли к Средиземному морю и Нилу, и их «повелительницы» вошли в пантеоны складывавшихся классовых обществ Египта и Крита. Отсюда и сходство Белой Дамы с изображениями критской Дианы-охотницы. Но это лишь предположение.

И еще одна версия. Она принадлежит Дж. Хардингу, ученому из Центра медицинской экологии в Йоханнесбурге.

У бушменов, как у всех народов, лишенных письменности,

информация передается из уст в уста и в процессе передачи от поколения к поколению неизбежно искажается, в большей или меньшей степени меняет свое значение, перепутывается или вовсе теряется, размышляет Хардинг. А когда разные народы живут в достаточной близости, происходит некая диффузия, перемешивание этой изустной информации. И почему бы не признать, что племенные предания, традиции и верования также могут сливаться и смешиваться? А. Хардинг полагает, что во всех противоречивых наскальных рисунках, например, таких, как Белая Дама, отразились искаженные, частично утраченные воспоминания о традициях и событиях.

Когда Хардинг увидел оригинал Белой Дамы, рисунок значительно выцвел, и черты лица трудно было рассмотреть. Копия рисунка, выполненная Брейем, передает отчетливые европейские черты. Археолог писал: «Ее лицо – четкого выраженного лучшего средиземноморского типа, с прямым носом». Однако Хардинг предполагает, что белая линия, отчетливо выраженная на копии рисунка и интерпретированная этим ученым как линия «прямого носа», на самом деле – нитка бус, которые еще и до сих пор носят на лице бушменские женщины.

«На голове Белой Дамы, – пишет Брей, – мы видим малинового цвета головное украшение, унизанное белыми бусинами; оно заканчивается на затылке, где скреплено тремя обшитыми белыми бусинами фестонами». Хардинг же увидел беловолосую женщину с прической, украшенной нитками белых бус. Из статьи Л. Фурье «Бушмены Юго-Западной Африки» он приводит описание того, как украшали волосы бушменские девушки при обряде инициации: «На волосы девушки наносилась «габ» – смесь красного цвета, приготовленная из растертой в порошок коры дерева и поджаренных и также растертых в порошок жиросодержащих зерен дерева «эроб». На помещенной в статье фотографии женщины племени нарон показано головное украшение из ниток белых бус, напоминающее головной убор «с фестонами». Рыжеволосая женщина на этой фотографии кажется поразительно похожей на рисунок Белой Дамы.

«Белые мокасины с красными кантами» – так описывает аббат Брей обувь Белой Дамы – Хардингу напомнили самодельные сандалии из кожи, которые до сих пор делают и носят как бушмены, так и некоторые банту. Перечисленные аналогии далеко не единственные.

Что же изображено на рисунке? Хардинг не видит в нем ничего экзотического: покрытое белой краской лицо или тело на этом рисунке никогда не казалось ему изображением белокожего

человека – это покрытая белой краской фигура участницы церемоний инициации либо иной церемонии, характерной для племенной жизни. Рисунок может иметь некий магическо-религиозный смысл, потому что ничем иным нельзя объяснить определенные аномалии, которые действительно видны в его центральной фигуре (например, женский тип одеяния (особенно головного убора) и оружие в руке).

Несомненно, Хардинг дал ученым ключ к дальнейшим поискам. Окончательное решение вопроса надо искать в древней истории Южной Африки, в этнографии ее племен. А может быть, все же в истории древнего Средиземноморья?

Тайны Феццана

Надписи, рисунки с изображением схематических фигурок людей и верблюдов сотнями, тысячами находят на скалах вдоль древних путей по Сахаре. Эти дороги связывают отдельные оазисы; они ведут из Северной Африки к Нигеру, от побережья Средиземноморья к тропическим районам Западной Африки. Там, где сейчас простирается безжизненная и бесплодная пустыня, некогда был цветущий край. Здесь жили племена древних обитателей материка, оставивших нам бесценные памятники искусства.

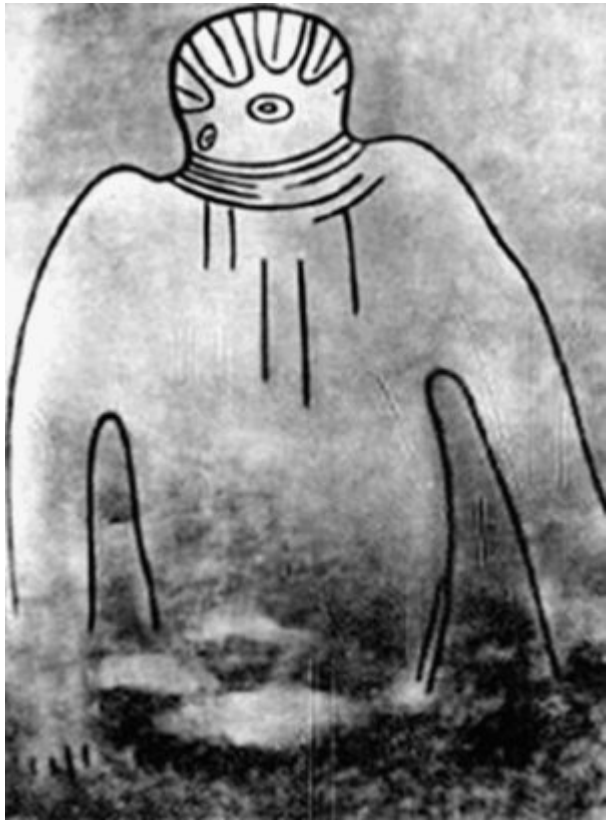
Сенсационное открытие фресок в горах Тассили облетело мир. Рисунки животных, изображения людей на скалах Тассили были созданы приблизительно 10 тысяч лет назад.

О рисунках Тассили у нас писали, вышла в переводе книга Анри Лота «В поисках фресок Тассилин-Аджера». Зато не «повезло» другой удивительной сокровищнице древнейшего африканского искусства – комплексу петроглифов Феццана. Сделанные здесь открытия подарили человечеству подлинные шедевры – наскальные изображения феноменальной ценности и красоты. После экспедиции итальянского ученого П. Грациози зимой 1962 г., организованной с помощью федерального правительства Ливии, была осуществлена первая публикация петроглифов Феццана в цвете, многие памятники были вообще опубликованы впервые.

…В ста пятидесяти километрах к востоку от Тассили, на территории Эрга Мурзук, находится высохшее русло реки – уэд. У путешественника, попавшего впервые в эти места, впечатление такое, будто испокон веков здесь не ступала нога человека. Чтобы добраться сюда, требуется несколько специально оборудованных грузовых автомобилей с двумя или тремя ведущими мостами. Уедет экспедиция – и на долгие годы снова воцарится мертвое молчание пустыни, и лишь случайные следы от шин грузовика расскажут следующей группе, что в кои-то веки здесь все-таки бывают люди.

По обеим сторонам высохшего русла громоздятся темные оранжевые потрескавшиеся скалы, груды каменных блоков, полузасыпанные обломками тех скал, что упали на дно уэда. «Долина Матенду проходит через безжизненное каменистое плато, – рассказывает французский исследователь Филип Диоле. – Это место – одно из самых загадочных в Африке, где сегодня нет ни живой души, было, без сомнения, священной

долиной или по меньшей мере местом встречи сахарских кочевников.



«Великий марсианский бог»

…На расстоянии 60 километров по обеим сторонам уэда Матенду тянутся врезанные, иногда рельефные изображения, создавая ансамбль, равного которому нет в мире. Это, конечно, доисторические произведения, но их происхождение, возраст и значение совершенно неясны. Неизвестно даже, были ли авторы этих рисунков белые пли черные?»

Удивительный комплекс произведений доисторического искусства ставит перед учеными множество проблем, ответить на которые чрезвычайно трудно. Это и хронология, и классификация, и стилистический анализ, и загадка происхождения наскальных изображений.

Как, например, объяснить полное отсутствие в Феццане живописных изображений типа тассилийских фресок, которые находятся менее чем в полутораста километрах отсюда? Чем объяснить, что именно здесь, в Феццане, появились петроглифы, считающиеся вершиной первобытного анималистического

искусства? Какой цели служило это искусство, требовавшее для своего создания не только массу времени и энергии, но и также незаурядного таланта и подлинного вдохновения? Каковы основные тенденции развития наскального искусства? Обладает ли оно чисто местными особенностями или следует схеме развития, общей для большинства районов Сахары?

Некоторые из этих вопросов все еще остаются открытыми. Все, что смогли до последнего времени сделать ученые, это подробно каталогизировать петроглифы Феццана, сделать их тщательные копии и фотографии и в самых общих чертах установить их относительную периодизацию.

Первым попытался разобраться в многообразии стилей и сюжетов знаменитый немецкий этнограф Лео Фробениус, изучавший Феццан в 1932 г. Он разделил все изображения на две группы. К первой группе Фробениус отнес изображения диких животных: носорогов, слонов, жираф (отдельные изолированно стоящие фигуры). Ко второй – домашних животных, главным образом быков (группы из нескольких фигур и небольшие композиции). Ученый счел, что этим двум группам соответствуют два стиля, которые не имели самостоятельного значения и сложились под влиянием других культур древнейшей Сахары.

Но прошли три десятилетия, исследователям удалось найти огромное количество новых изображений с новыми фигурами и сюжетами, им удалось проследить постепенную эволюцию художественных форм Феццана и сопоставить местные изображения с другими. В результате схема Фробениуса отпала сама собой.

Рассмотрим же эту поразительную эволюцию форм совершенно самобытных петроглифов Феццана.

Самыми древними оказались вместе с тем и самые совершенные, самые крупные, монументальные и «живые» изображения большой фауны: слоны, носороги, жирафы, бегемоты, а также фигуры охотников в масках.

Стиль этих изображений, бесспорно, реалистический. От натурализма его отличает подлинно художественное осмысление натуры, выделение наиболее характерных деталей и опущение второстепенных подробностей, особые художественные приемы, в некоторой мере условные, с помощью которых изображается шерсть животных, пятна на шкуре и т. п., и едва заметный элемент стилизации, когда художник усиливает четкость линии, чуть-чуть спрямляя ее или делая более напряженной в зависимости от характера изображения. О том же свидетельствуют и элементы утрировки, которые заметны, например, в изображении носорога, – круто изогнутая шея и

несоразмерно большой рог, бегемота с преувеличенно тяжелой челюстью, буйволов с размахом рогов, превышающим длину туловища, и т. д.

Особенно характерны для этого стиля изображения слонов. Все они отличаются чрезвычайно большим размером (свыше 2 м). Сравнивая их, легко заметить, что при одинаковом в целом уровне мастерства и сохранении единообразия в технике исполнения каждая фигура имеет отчетливо выраженные индивидуальные черты (трактовка ушей, хобота, позы и пр.).

Это искусство, столь далекое от фотографического натурализма и вместе с тем ни в чем не отступающее от действительности, обладает удивительной конструктивной точностью и чеканной ясностью образов. В работах древнейших обитателей Сахары достигается абсолютное совершенство техники исполнения, формы и содержания. Приемы передачи перспективы, движения крайне лаконичны и выразительны. Иногда они напоминают технику и стиль мозаики или витража, где так же, как и в резьбе по камню, необходимы предельная конструктивная четкость и лапидарность стиля.

Изображение выполнено почти исключительно при помощи контура. Лишь две-три дополнительные линии внутри него с большим искусством очерчивают складку на коже или округлый выступ, создавая впечатление объемности. В лучших рисунках этого стиля линия контура на всем протяжении остается живой и напряженной. Каждая пядь линии вреза служит выявлению характерных особенностей силуэта. Поверхность внутри контура разработана ровно настолько, чтобы создать впечатление единой массы, которая мыслится как объем. Три-четыре параллельных штриха, например, отмечают глубокие морщины на шкуре слона, в остальном же фактура внутренней поверхности контура, очерчивающего корпус, остается нетронутой. Эти петроглифы относят к так называемому охотничьему периоду (или «эпохе буйвола»).

Но монументальный первобытный реализм постепенно уступает место новому стилю, в котором усиливается элемент стилизации. Изображение становится более изящным, утонченным и вместе с тем легковесным. Композиционная ясность и верность натуре теперь приносятся в жертву плавной изящной линии, которая не столько выявляет конструкцию предмета, сколько подчеркивает его динамику. В очертаниях силуэтов животных (чаще всего это теперь жирафы), в разнообразии трактовки фигуры, тщательном углублении и шлифовке линии вреза заметно любование формой, стремление к отвлеченной красивости. Хотя точность пропорций еще

сохраняется, рисунок постепенно утрачивает индивидуальность в манере исполнения и в трактовке объекта.

Изображения, видимо, ценятся теперь не столько за их верность натуре, точность и выразительность, сколько главным образом за качество обработки, техническое исполнение. Поверхность внутри контура всегда обработана. Фигуры жираф покрыты глубоко врезанным или выбитым рисунком, имитирующим пятна на шкуре. Некоторые изображения полностью отшлифованы; чрезвычайно глубокая канавка контура и заметный свето-теневой контраст, вызываемый разницей между фактурой скалы и изображения, все больше создают впечатление рельефа. Некоторые изображения уже имеют характерные признаки скульптуры. Это древнейшие произведения африканской пластики; возможно, что именно в Феццане родились скульптурные традиции, получившие окончательное развитие в классическом африканском пластическом искусстве.

Рассмотрим следующую группу изображений, объединенных общими стилистическими особенностями. Крупные толстокожие на них отсутствуют; из диких животных остаются главным образом жирафа и страус; появляются львы и другие хищники, а также быки, возможно, уже одомашненные, которые в следующий период станут основным сюжетом.

Техника становится еще более виртуозной. Линия вреза ясная и чистая, сделанная как бы одним взмахом ножа. Большие контуры внутри плоскости почти всегда тщательно отшлифованы. Изображения принимают все более стилизованный характер. Детали обычно отсутствуют. Но если художник их изображает (когти льва, кисточку на хвосте и т. д.), то это значит, что данная деталь имеет особое значение и поэтому она всегда увеличена в размерах и обращает на себя внимание.

Один из наиболее характерных для этого стиля памятников находится в Матенду. Скала, на вершине которой высечено изображение, занимает господствующее положение над местностью. Друг против друга на задних лапах фигуры двух хищников, может быть, пантер, более метра высотой. Поверхность изображения тщательно отшлифована и четко выделяется не только фактурой, но и цветом на фоне скалы. На корпусе одного из животных нацарапана обнаженная человеческая фигура, видимо, немного более поздняя, чем основное изображение. Значение этого памятника не ясно, но, судя по его положению, симметричной композиции и другим признакам, оно должно было служить культовым целям.

Наконец мы подходим к рассмотрению последнего по счету, четвертого периода эволюции рисунков Феццана. Техника их

исполнения в основных чертах остается прежней: глубокий, иногда сдвоенный шлифованный врез, фон часто сглажен. Линия рисунка четкая, ясная. Но основным объектом теперь служат быки с длинными или короткими рогами, загнутыми вперед, широко раскинутыми в сторону или изогнутыми «в виде лиры. Часто животные изображаются в движении или в живописном ракурсе. Однако при этом они, как и неподвижно стоящие фигуры, лишены динамики, чисто непосредственной выразительности. Характерно, что в изображениях неподвижно стоящих животных предыдущего периода было, пожалуй, больше внутренней динамики и выразительности, чем в этих шагающих, но застывших фигурах.

И не только статичность отличает этот стиль. Часто фигуры, отделанные тщательнейшим образом, страдают отсутствием точных пропорций. Они как бы собраны по частям: голова с передней частью туловища, ноги и т. д. Лучше всего, как правило, нарисованы рога. И лишь непомерно большой, круглый или спиралевидный глаз является той деталью, которая одновременно связывает искусство этого периода с предшествующими звеньями и одновременно точно очерчивает круг рисунков именно данного стиля (в прежних изображениях глаз имел удлиненную, более близкую к естественной форму).

По-видимому, появление этого стиля совпадает с наступлением пастушьего периода. Еще встречаются изображения диких животных (антилоп, жираф, страусов), но они немногочисленны. Зато быки заполнили все свободное пространство, иногда перекрывая даже более древние изображения. Встречаются изображения крупных зверей – слонов и даже крокодила; рисунок их вялый, неточный.

Человеческие изображения, встречаемые на феццанских скалах, также можно разделить на четыре группы – в соответствии с упомянутыми стилями. Они также прошли различные этапы эволюции. Наиболее реалистичны фигуры людей с головами животных, относящиеся к первому периоду. Они крупные, свыше метра, обычно встречаются в композициях охотничьего или культового характера вместе с изображениями слонов, носорогов или других животных; они предельно выразительны и, как правило, изображены в движении. На теле различимы элементы одежды, в руках – предмет, напоминающий каменный топор.

Затем появляются фигуры с большими головами, крупными чертами лица, прямой линией лба и носа. Они меньших размеров, обнаженные, часто вооружены луком. Наконец, к третьей группе принадлежат маленькие нитевидные схематичные фигурки,

которые встречаются и в других районах Сахары. Кроме того, найдены человеческие изображения, которые трудно отнести к какому-либо из перечисленных выше стилей.

Все охарактеризованные стили относятся к доисторической эпохе. Исторический период в Феццане представлен изображениями колесниц, запряженных лошадьми, и человеческих фигур, а также еще более поздними рисунками «эпохи верблюда». Последние, как правило, снабжены надписями, а грубо нацарапанные человеческие фигуры имеют характерный головной убор кочевников-туарегов. Последние исследования показали, что встречаются рисунки, возраст которых не превышает всего каких-нибудь 40–60 лет. Следовательно, наскальное искусство в Сахаре было живо еще совсем недавно!

Мы рассмотрели четыре стилевые группы доисторических петроглифов Феццана. Первая группа включает реалистические изображения крупных животных. С художественной стороны это самые совершенные, блестящие по технике, стилю и мастерству произведения большого искусства. В них органически сочетаются острая наблюдательность и тонкое чувство гармонии, чувство меры, не позволяющее художнику стать натуралистом. По-прежнему остается загадкой, каким образом на заре нового каменного века, в эпоху «сугубо первобытного практицизма» могло появиться искусство, родственное по духу искусству Греции и Египта.

Открытия и исследования

Сады Гесперид

Можно буквально по пальцам перечислить древних авторов, в чьих произведениях есть сколько-нибудь подробные упоминания о Канарских островах. Плиний Старший, Диодор Сицилийский, Псевдо-Аристотель, Плутарх, Помпоний Мела, Гомер, Гесиод, Руфий Фест Авиен, Сенека… Возможно, есть и другие сведения, но они являются уже вторичными и более поздними по отношению к этим «классикам древнего канароведения».

«Семь островов, покорение которых вызвало так много шума, семь островов, забытых всем миром – лишь осколки большого континента, привлекавшего к себе внимание древних историков», – писал в 1803 г. французский географ Бори-де-Сан-Венсан в книге «Счастливые острова». Некоторые атлантологи (специалисты или дилетанты, занимающиеся поисками легендарного материка Платона) склонны считать Сан-Венсана сторонником так называемой атлантической теории происхождения канарцев (о ней мы уже рассказывали) и видят в выражении «осколки большого континента» прямую ссылку на Атлантиду. Но увы, им пришлось отказаться от своих «смелых построений». Венсан имел в виду «всего лишь» Африку. Ту самую Африку, с которой связана прочными узами вся древняя и последующая история Канарских островов…

Драконово дерево, представитель канарской реликтовой флоры

Итак, Плиний Старший, «Естественная история».

«…Не точнее слухи и об островах Мавритании. Кое-какие, как стало известно совсем недавно, лежат против земли автололов, они открыты Юбой, который открыл на них мастерские по окрашиванию тканей гетульским пурпуром…» Тут нужно сделать первую сноску. Нумидийского правителя Юбу II, жившего в I в. до н. э., часто упоминают древние авторы. Территория его владений примыкала к побережью Атлантики на одной широте с Канарами, и кому, как не ему, было лучше знать о том, что делается на островах. К сожалению, сам Юба не оставил никаких письменных свидетельств, и о его посещениях островов мы узнаем от античных авторов.

«Вот результаты исследований Юбы на Счастливых островах, – продолжает Плиний. – Он их помещает в центре захода солнца, в 625 000 шагов от Пурпурных островов. Первый, с названием Омбриос, не носит никаких следов строений, в горах там есть пруд и деревья, похожие на ферулу…

… Другой остров зовут Юнония; на нем только маленький

храм, сооруженный из камней. С ним по соседству того же названия меньший остров; затем – Капрария, на котором полно больших ящериц. В виду этих островов лежит окутанный туманом остров Нингуария, который получил такое название от постоянно лежащего снега.

Ближайший к нему остров называется Канария – из-за множества огромной величины собак, две из которых были доставлены Юбе; там можно заметить следы сооружений. Изобилуя наряду со всеми другими островами множеством плодов и птицами всяких пород, этот остров богат еще и пальмовыми рощами, приносящими финики, а также кедрами. Много на нем и меда…»

Были ли эти острова заселены к тому времени или нет – Юба не сообщает, но о крупных постройках и собаках упоминает. А можно ли попытаться привести их в соответствие с сегодняшними названиями? Вспомним замечание Р. Хеннига: «Названия, присвоенные одному и тому же острову, чаще всего рассматривались картографами как названия разных островов». Так, Капрария, Козий остров Плиния, идентичный острову Фуэртевентура, часто появлялся на морских картах в самых различных точках как таинственный остров «де лас каб-рас». Наконец он стал даже островом Сан-Мигел из Азорской группы! Но здесь не было обнаружено ни коз, ни вообще каких-либо млекопитающих. Так что любые попытки создать строгую картину названий островов обречены на провал.

О Юбе известно еще, что он наладил на островах выработку пурпура. По мнению английского историка Э. Банбэри, пурпурные мастерские (о них еще будет рассказ) могли располагаться на двух восточных островах – Лансароте и Фуэртевентуре. Нивария, по всей видимости, – Тенерифе, потому что его снежная вершина – пик Тейде – видна в солнечную погоду даже с материка. Самый плодородный из всех – Канария. Сейчас он называется Гран-Канария. Юнония – это Пальма, или снова Фуэртевентура. Капрария – опять же Фуэртевентура.

Название свое острова получили якобы благодаря большим собакам (по латыни canis), доставленным Юбе. Почему якобы – узнаем ниже.

И еще немного о названиях. Вот последние сведения, полученные от лингвистов-канароведов. Гран-Канария до захвата называлась «Тибисена» (от берберского mussen – «волк»). Остров Ферро – «Эрбане» (от берберского arban – «козел»). Лансароте —~ «Анзар» (от берберского anzar – «дождь»). Здесь у древних авторов опять возникла некоторая путаница. А. Галиндо говорит, что старинное название Фуэртевентуры – Эрбания – возникло от

большого количества зелени на острове (hairbe – зелень). Нам же представляется более вероятным происхожение слова «Эрбания» от берберского arban, как и в случае с Ферро.

Теперь слово Диодору Сицилийскому («Историческая библиотека»):

«В середине океана против Африки находится остров, отличающийся своей величиной. Он находится от Африки на расстоянии лишь нескольких дней морского пути… Финикияне, обследовавшие… побережье по ту сторону Столбов и плывшие на парусах вдоль побережья Африки, были сильными ветрами отнесены далеко в океан. После долгих дней блуждания они достигли наконец названного острова».

Кто «они»? Кого имел в виду Диодор? Карфагенского адмирала Ганнона, дошедшего в VI в. до н. э. до Гвинейского залива, или его предшественников? А может быть, последователей? Но мы-то знаем только о Ганноне… Ясно одно – финикийцев Канарские острова манили своими природными дарами, в частности, лакмусовыми красителями. В древности таких устойчивых красителей было мало. Производство знаменитого тирского пурпура до сих пор окружено тайной. Между тем на Канарах рос и растет лишайник орсель (Rocella tinctoria), содержащий краситель высокого качества. В древности и Средние века его называли «травой оризелло»…

А что если этот лишайник связан с тайной производства тирского пурпура? Кроме орселя, на Канарах имелся еще один, не менее ценный краситель, – смола драконового дерева, драцены. И еще там добывали моллюсков-пурпурниц. Кому из них острова обязаны своим названием «Пурпурные»? Пока неизвестно. Может, в очередной раз произошла путаница и Пурпурные острова вовсе не эти?

Общеизвестно огромное значение пурпура в древнем мире, оттенки этой краски варьировали от красного до фиолетового, и использовали ее для окраски шелка и хлопка. Гомер упоминал пурпурные одеяния у Андромахи. Своеобразие пурпурного вещества в том, что, будучи извлеченным из железы, оно имеет белый или бледно-желтый цвет, но выставленное на солнце, сначала становится лимонно-желтым, а потом зеленоватым и, уже пройдя через стадию зеленого цвета, превращается в лиловый. Чем больше оно подвергается действию солнечных лучей, тем больше темнеет. Оттенки фиолетового цвета зависят от слоя краски и способа ее наложения. Обычно специалисты брали красящее вещество с того участка мантии, где оно вырабатывалось, и упругой кисточкой наносили его на ткань.

Открытие пурпура всегда приписывали финикийцам, точнее,

Мелькарту, который, по преданию, первым добыл раковины пурпурных улиток. В портах Финикии сегодня находят груды раковин пурпурниц. Однако берега Сирии не могли выдержать «пурпурного натиска». Известно, что каждая пурпурница дает всего несколько капель драгоценной жидкости. И финикийцы принялись искать скопление раковин повсюду – сначала в восточном Средиземноморье, потом и на западе, вышли за Гибралтар, основав, если верить Плинию, около 300 поселений. Затем появились сообщения о гетульском пурпуре.

Гетулами называли пастушеские племена, жившие к югу от римских владений в Африке. Некоторые из них – баниуры и автололы, если опять же верить Плинию, жили на побережье океана в районе Атласа. Помпоний Мела писал, что у негритов и гетулов производится пурпур, дающий прекрасную окраску, известную в мире.

При предпоследнем правителе Мавритании Юбе II производство гетульского пурпура достигло расцвета. Именно тогда Юба распорядился построить на Пурпурных островах красильни. Плиний так и не смог сказать точно, о каких именно островах шла речь. Единственное, что он утверждал, что «с этих островов можно было сравнительно легко добраться до Счастливых островов».

Сегодня марокканские археологи безошибочно определили их расположение – прямо против мыса Могадор. Сейчас из них различимы лишь остров Могадор, остальные съели эрозия, океан и пески. Но пурпурницы здесь остались: местные женщины собирают их и используют в пищу. Кроме того, на острове найдены монеты Юбы II и фрагменты амфор, что подтверждает здесь наличие поселений. Тут же обнаружена византийская печать, относящаяся к эпохе после Юстиниана, освободившего Северную Африку от вандалов. Но в IV в. красильни пришли в упадок, и Исидор из Севильи в VI в. пишет о пурпуре как «о единственно качественном в этом мире». Знания об Африке неожиданно сузились.

Слово Псевдо-Аристотелю: «Говорят, будто по ту сторону Столбов Геракла карфагеняне обнаружили в океане необитаемый остров, богатый множеством лесов и судоходными реками и обладающий в изобилии плодами. Он находится на расстоянии нескольких дней пути от материка. Но когда карфагеняне стали часто посещать его и некоторые из них из-за плодородия почвы поселились там, то суфеты Карфагена под страхом смерти запретили ездить к этому острову. Они истребили жителей, чтобы весть об островах не распространялась…»

Итак, первое упоминание о жителях. Правда, неясно, на

каком именно из семи островов архипелага они жили. И снова указание на карфагенскую державу. Мы обязательно вернемся к плаваниям финикийцев, особенно карфагенян, только немного позже.

Плутарх «Жизнеописания»: «… Их два. Они отделены друг от друга узким проливом, лежат в 10 тысячах стадий от африканского берега и называются островами Блаженных. Острова пользуются благоприятным климатом благодаря своей температуре и отсутствию разных перемен во временах года».

Сведения довольно скромные. В дополнение можно привести упоминание Гомера, вынесенное в эпиграф, и еще одно свидетельство – об Атланте, горном великане, стоящем на крайнем Западе прямо против Гесперид («Одиссея», песнь I, гл. 52–54). Гесперииды, согласно мифам о Геракле, охраняли золотые яблоки. Можно предположить, что основой для этой версии могли стать плоды Канарского земляничного дерева (Arbutus canariensis) оранжево-желтого цвета, похожие на кизил.

Упомянем и Помпония Мелу «О положении Земли»: «Против выжженной солнцем части побережья лежат острова, принадлежащие, по рассказам, Гесперидам».

Вблизи Гесперид находится, согласно легенде, поддерживающий небо Атлант, которому «ведомы моря». Видимо, он поднимается непосредственно из моря. А. Гумбольдт выдвинул версию о том, что Атлант – это пик Тейде на острове Тенерифе (3710 метров над уровнем моря), видимый с мыса Бохадор, то есть с материка. Эти данные достаточно правдоподобны. Да и странная древняя легенда о том, что великан Гарион был похоронен под деревом, из которого капала кровь, тоже находит четкое объяснение, достаточно вспомнить драцену, испускающую красную смолу…

Но вернемся к классикам античной географии.

Руфий Фест Авиен «Морские берега»: «А дальше в море лежит остров; он богат травами и посвящен Сатурну. Столь неистовы его природы силы, что если кто, плывя мимо него, к нему приблизится, все остальное море вздымается, глубоко содрогаясь, в то время как остальная часть моря остается спокойной, как пруд».

Наверняка это об острове Тенерифе и его вулкане Тейде. Дело в том, что похожие описания есть в тексте, дошедшем до нас через тысячелетия со времен экспедиции Ганнона. Карфагенский адмирал, отправившись вдоль северо-западных берегов Африки на юг, тоже описывал подобные извержения.

Приведенные здесь упоминания о Канарских островах в древности – лишь малая, дошедшая до нас часть многочисленных

свидетельств. Чтобы поставить многоточие в конце нашего рассказа, зададим еще один вопрос, ответа на который до сих пор нет. Снова предоставим слово Плинию: «Вскоре после того, как установилось римское владычество в Мавритании, Светоний Павлин (губернатор) организовал экспедицию в глубь страны – это было первое проникновение римлян в Атласские горы. Он описал густые горные леса, неведомые деревья, покрытые снегом вершины (сомнительный факт), достиг реки Гер, текущей по пустыне из черного песка и черных гор, как будто после пожара, в лесах водились твари всевозможные, и жил там народ под названием «канарии»…»

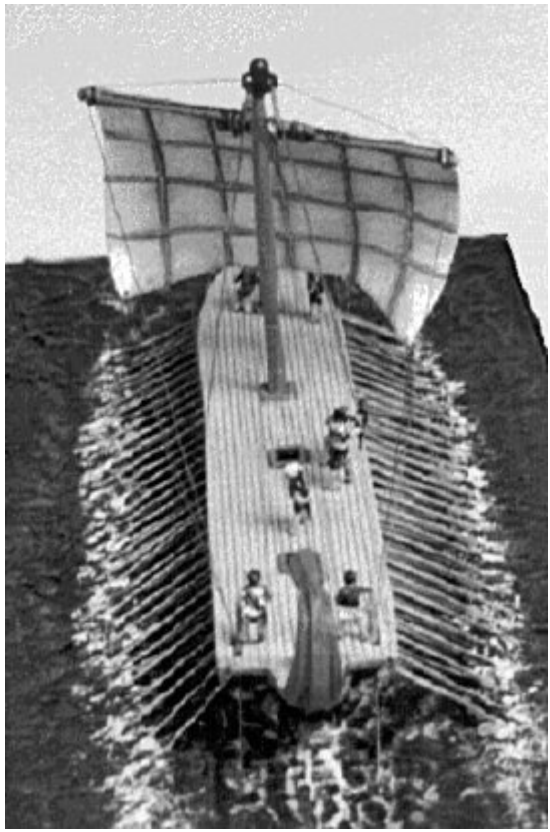
Область, где побывал Павлин, расположена на одной широте с Канарами. Не этому ли племени они обязаны своим названием? У Птолемея находим упоминание области Gannaria prom(inens) («мыс Ганнария»), расположенной севернее мыса Нун, на широте самого западного острова из канарской группы. Там жили племена «камнурие» – то же самое, что и «канарии». Идриси позже подтверждает это предположение и добавляет, что беднейшие из них питались мясом собак. Не здесь ли разгадка названия островов?

Не только Плиний, но и другие древние авторы приводят названия племен, живших на побережье Марокко: Canarii, Perois, Pharusiens. Что касается слова «канарии», то ученые выяснили, что Ganar – это родовое имя, данное западноафриканским народом волоф берберским племенам, жившим к северу от реки Сенегал. Именно эти племена и могли дать имя островам.

Ганнон плывет к Колеснице Богов

Древние мореплаватели… Сколько загадок оставили они людям! История ранних плаваний в Атлантике намного туманнее, чем данные о первопроходцах Индийского океана. Из-за отсутствия каких-либо достоверных сведений честь открытия западного побережья Африки целиком приписывают португальцам, так же как испанцам – славу сомнительного «открытия» и покорения Нового Света. Но так ли все было на самом деле? Неужели за века и тысячелетия жизни развития цивилизации Средиземноморья не нашлось смельчаков, отважившихся проникнуть в неведомое? Конечно же, такие люди были, но мы располагаем только обрывками сведений…

«Постановили карфагеняне, чтобы Ганнон плыл за Геракловы столбы и основывал города ливиофиникиян. И он отплыл, ведя шестьдесят пентеконтер (пятидесятивесельных судов. – *Н.Н.)* и множество мужчин и женщин числом в тридцать тысяч, и везя хлеб и другие припасы».



Карфагенский корабль

Это первые строки из документа на греческом языке известного как «Перипл Ганнона». Так начинается невероятный на первый взгляд рассказ о путешествии карфагенского флотоводца Ганнона к «Колеснице богов». Но почему на греческом языке? До сих пор это остается загадкой. Известно лишь, что запись датируется примерно 350–300 гг. до н. э. и сделана спустя два века после плавания. Полагают также, что текст не имеет конца, да и в середине не хватает отдельных кусков.

О Ганноне упоминали Помпоний Мела, Плиний и другие авторы. Но у Геродота нет о нем ни единого упоминания. Некоторым ученым это кажется странным. «Выходит, что великий географ и историк древности ничего не знал о такой большой экспедиции? В таком случае ее вовсе не было!» Но вспомним, что греческий историк вообще очень мало писал о Карфагене, фокусируя внимание на Персии. Может быть, он не слышал о Ганноне. Во всяком случае, большинство исследователей пришли к единому мнению: флотилия отплыла от берегов Карфагена около 525 г. до н. э., но не позже, так как именно в 525 г. персы

захватили Египет и их нашествие угрожало карфагенской державе.

Кое-кто из специалистов даже не хочет выпустить Ганнона из гавани, полагая, что карфагенянам было не до плавания, что у них были другие проблемы, связанные с военными действиями в Сицилии, где в 480 г. до н. э. полегло трехсоттысячное карфагенское войско.

Однако эти исследователи забывают, что экспедиция состоялась задолго до 480 г. до н. э., когда переселенческая политика была в самом разгаре. (Отметим, что Плиний Старший вообще утверждал, будто Ганнон отплыл из Гадеса в Аравию вокруг Африки. Может быть, римский ученый перепутал это плавание с предыдущим, осуществленным по приказу фараона Нехо?)

«Когда, плывя, мы миновали Столбы и за ними проплыли двухдневный морской путь, мы основали первый город, который назвали Фимиатирион, около него имеется большая равнина. Плывя оттуда на запад, мы соединились у Солунта, ливийского мыса, густо поросшего деревьями. Соорудив там храм Посейдона, мы снова двигались на восток в течение полудня, пока не прибыли в залив, густо поросший высоким тростником; там было много слонов и других пасущихся животных».

Далее следует рассказ, который дает представление о первых днях плавания экспедиции. Многие названия населенных пунктов и другие географические наименования, данные древними, не совпадают с современными, и это настораживает некоторых специалистов. Однако французский археолог и историк Ж. Марси, долго проработавший в марокканских архивах, изучив старые описания берегов и карты северо-западного побережья Африки, выяснил, что раньше названия многих населенных пунктов совпадали с названиями, приводимыми Ганноном, они изменились лишь в последние десятилетия. Марси буквально обшарил все марокканское побережье, и большое число неясностей в рассказе Ганнона прояснилось. Результаты своих исследований ученый изложил в статье, опубликованной в марокканском журнале «Гесперис» в 1935 г.

…Все дальше на юг уходила экспедиция. Близ современного Рабата Ганнон взял на борт переводчиков из числа живших там финикийцев и местных жителей. «А оттуда мы поплыли на юг двенадцать дней, проходя вдоль страны, которую целиком населяли эфиопы, убегавшие от нас и не остававшиеся; говорили же они непонятно даже для ликситов (взятых в качестве переводчиков. – *Н.Н.*), бывших с нами… Плывя от них в течение двух дней, мы оказались на беспредельном морском просторе,

против которого на берегу была равнина; там мы видели огни, приносимые отовсюду через определенные промежутки времени; (их было) то больше, то меньше».

Большинство исследователей «Перипла Ганнона» считают, что берег, о котором упоминает Ганнон, – это бухта Бижагош у гвинейских берегов, а огни – костры кочевников. Такие огни (а может быть, это были лесные пожары?) видели много веков спустя европейские путешественники.

«Запасшись водой, мы плыли оттуда вперед вдоль берега пять дней, пока не прибыли в большой залив, который, как сказали переводчики, называется Западным Рогом. В этом заливе есть большой остров, сойдя на который мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигавшихся огней, и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимпанов бряцание и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров. Быстро отплыв, мы прошли мимо страны горящей, заполненной благовониями; огромные огненные потоки стекают с нее в море».

До сих пор, то есть до «потоков, стекающих с нее в море», текст рассказа более или менее понятен, и наблюдения участников экспедиции Ганнона можно сопоставить с данными европейских путешественников начала XIX в. Вот что писал шотландский врач Мунго Парк, странствовавший по Западной Африке в самом начале XIX в.: «Сжигание травы в стране мандинго приобретает огромные масштабы. Ночью, насколько хватает глаз, видны равнины и горы, охваченные огнем. Огонь отражается даже на небе, делая небеса похожими на пламя. Днем повсюду видны столбы дыма. Звери, птицы, ящерицы бегут от удушья. Но выжженные места скоро зарастают свежей зеленью, местность становится приятной и здоровой…» Подобные огни при сильном ветре могли показаться Ганнону потоками, стекавшими в море. Однако вот что было дальше.

«Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей Богов». Куда же заплыл Ганнон?

На 4070 метров возвышается над Гвинейским заливом гора Камерун. Долгое время считалось, что ее вулкан потух, но вот в 1909 г. он выбросил в небо огненный столб. Извержение повторилось в 1922-м и 1925 гг. Поразителен тот факт, что картина извержения 1922 г., наблюдавшаяся учеными (в географических журналах того времени публиковались снимки и подробные научные отчеты), совпала с описанием Ганнона.

«В глубине залива есть остров… населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами. Преследуя, мы не смогли захватить мужчин, все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями; трех же женщин мы захватили; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за ними. Однако, убив, мы освежевали их и шкуры доставили в Карфаген».

Кого же имел в виду Ганнон, говоря о гориллах? Если абстрагироваться от современного значения этого слова, то оно могло означать когда-то и человека и обезьяну. Голландский врач Я. Бонтиус, впервые обнаружив в середине XVI в. орангутанга в лесах острова Борнео, назвал его «диким человеком». А всемирно известный Карл Линней классифицировал орангутанга как «лесного человека, второго вида человека, также именуемого ночным человеком». Он же считал шимпанзе ближайшими родственниками пигмеев. А это было через две тысячи лет после Ганнона!

Сильная волосатость, упомянутая карфагенским флотоводцем, наводит все же на мысль об обезьянах. Выдающийся немецкий зоолог А. Брем пишет, что название «горилла» произошло, вероятно, от местного африканского слова «нгуяла», которым, обозначались крупные обезьяны; это слово распространено только в Гане, но не севернее. И если бы карфагеняне доплыли только до Гвинеи, как утверждают некоторые исследователи, то не услышали бы там этого слова ни в применении к диким племенам, ни по отношению к человекообразным обезьянам, ибо ни горилл, ни этого слова там не встречается, резонно замечает немецкий историк фон Штехов.

Значит, экспедиция Ганнона все же добралась до Камеруна? Считать это полностью доказанным фактом (как, впрочем, и отрицать его) пока нельзя. Интересно то, что местные жители и сегодня называют гору Камерун «Колесницей Богов».

Скрупулезные ученые, не полагаясь на свой опыт, обратились за помощью к бывалому моряку – немецкому капитану Меру. Ему дали ознакомиться с отчетом Ганнона, и Мер заявил: «Я плаваю в этих местах сорок три года и досконально знаю западноафриканское побережье. Экспедиция Ганнона наверняка состоялась и успешно проходила хотя бы по той причине, что с марта по декабрь в этой части Атлантики дуют благоприятные северо-западные ветры и кораблям помогает течение…»

Кое-кто из тех, кто трактует «Перипл Ганнона», все же сомневается, что карфагенянин доплыл до Камеруна, и полагает, что «Колесницей Богов» могла стать Какулима в Сьерра-Леоне. Но название «Колесница Богов» говорит явно не в пользу Какулимы –

скромного «однотысячника». Гора высотой в 1020 метров наверняка не могла заслужить у древних подобного титула. Для того чтобы там жили боги, она должна была уходить под облака.

Совсем недавно внимание специалистов привлек один на первый взгляд незначительный момент в повествовании. Ганнон постоянно употребляет в тексте местные названия. Откуда он их взял? У местных жителей? Но ведь он почти не выходил на берег! У переводчиков, взятых на севере? Но откуда те, в свою очередь, могли знать названия далеких земель на юге? Может быть, Ганнон знал об этих районах Африки больше, чем принято считать? Ведь мы уже убедились, что за сотню лет до него соотечественники карфагенского морехода – финикийцы – могли совершить плавание вокруг Африки. Сведения, добытые ими, могли сохраниться в царских архивах и библиотеках, и, недоступные простым смертным, они могли быть известны Ганнону. Но это только предположение, ответа на все эти вопросы пока нет.

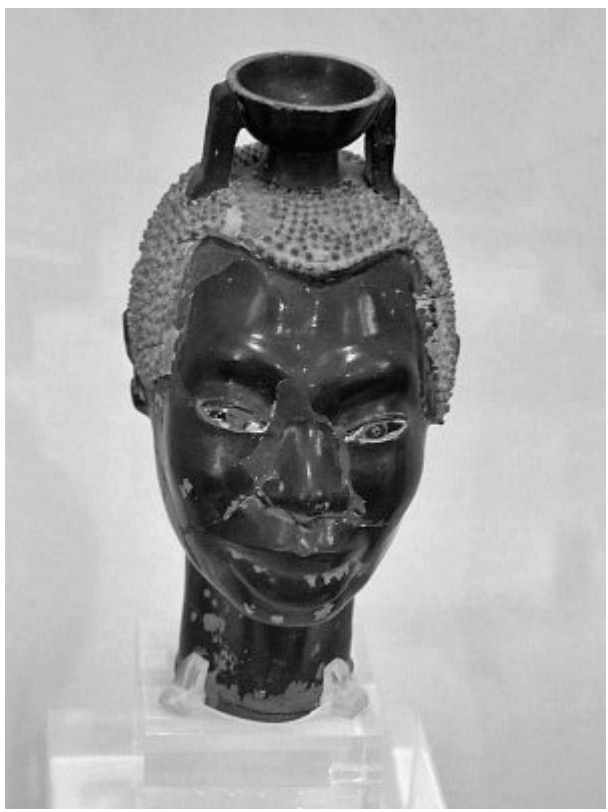
Плавание Ганнона было одним из крупнейших предприятий древности, в подлинности которого большинство ученых уже не сомневается.

Но его путешествие не принесло пользу карфагенской державе. Страна не нуждалась в столь далеких землях. Последующие печальные для Карфагена события заставили людей забыть о плавании Ганнона.

«Черные и белые» тайны

Интересная закономерность: эфиопами греки и римляне называли представителей нескольких физических типов темнокожих людей, населявших различные части Африки. Сегодняшние ученые выяснили, что все они – очень разные, однако для греков и римлян все тем не менее были эфиопами.

Значительную часть включенных в это обозначение народов нынешние антропологи приписывают к негроидному типу. На самом же деле негроидный тип и в классической литературе, и в искусстве у греков и римлян был особенно частым. Эфиоп, особенно негроидный тип, был неким эталоном, с которым в древности сравнивали всех цветных. Эфиопская чернота вошла в поговорку. Эфиоп вместе со скифом были любимыми типажами, иллюстрировавшими физическое отличие греков от римлян.



Древнегреческая курильница в форме головы эфиопа

Самый первый греческий поэт слышал об эфиопах. Более

того, Гомер не только упоминал о них, но он даже описывает хорошо известного глашатая Одиссея как чернокожего, с шерстью вместо волос.[1] Не установлено, правда, были ли эфиопы Гомера африканцами и являлся ли глашатай Одиссея эфиопом.

Эфиопы Гомера – это два удаленных друг от друга народа, находящихся дальше всех, обитающие «где-то», одни – где солнце встает, а другие – где оно садится. Их земли омываются рекой Океан. Менелай, скитаясь по Кипру, Финикии и Египту, встречая другие народы, впервые упомянул об эфиопах и пути, которым он достиг Эфиопии.

Что касается места обитания эфиопов Гомера, то древнее определение не точно, а современные различаются. По одной теории, гомеровскими эфиопами, обитающими там, где всходит солнце, были негры, заселявшие области возле Египта, а те, что обитали там, где светило заходит, жили вблизи Геркулесовых столбов. Другие ученые идентифицируют восточных как негров с побережья Сомали, а западных – как обитателей Судана, чьи земли простирались от долины Нила на запад. По еще одной версии, гомеровских восточных эфиопов помещают около Красного моря, а западных немного к западу от Верхнего Нила.

Эсхил первым из греков поместил эфиопов определенно в Африке, где воды омывают солнце, где течет эфиопская река, где Нил низвергает свои воды с гор Библа. И это совсем не удивительно, что Эсхил расположил эфиопов в Африке. У египетского фараона Псамметиха I служили ионийские и карийские наемники. К VI в. до н. э. греки уже прочно обосновались в Навкратисе. Находясь там, греческие обитатели этого города могли получать глубокие знания об этой стране и ее народах, и греки явно интересовались чернокожими, что нашло отражение в их искусстве в VI в. до н. э. Изображение африканца, найденное в Навкратисе и датируемое V в. до н. э., свидетельствует, что греки в Египте в то время были хорошо знакомы с негроидным типом.

Среди греческих писателей, посетивших Африку, Геродот – первый, к кому мы можем обратиться за обстоятельным отчетом об эфиопах. Он поднялся по Нилу до Элефантины и дополнил свои личные наблюдения беседами с людьми, которые знали об Эфиопии. Но его географическая осведомленность, так же, как и других авторов после него, оставляет желать лучшего. Однако составленные им описания чернокожих людей, живших в разных частях Африки, оказали большое влияние на греков, изготавливавших изображения эфиопов, причем не только в его дни, но и много позже.

Хотя Геродот коротко упоминает и об «азиатских эфиопах»,

ясно, что в основном он писал об африканских, «гуще других покрытых шерстью», которых, вместе с ливийцами на севере, он классифицировал как туземцев Ливии. Геродот очень подробно написал об эфиопах, которые обитали к югу и юго-востоку от Элефантины и где, как он отмечал, начинались их земли. Информация эта включает следующее: 1) столица всей Эфиопии – большой город Мероэ, расположенный на расстоянии примерно двухмесячного путешествия от Элефантины, центр религии, который посылает армии согласно воле своих богов; 2) вдоль Нила на расстоянии примерно двухмесячного путешествия к юго-западу от Мероэ живут эфиопы, перенявшие привычки и обычаи двухсот сорока тысяч египетских дезертиров, называющихся «асмах», которые переселились и заняли эту область во времена правления Псамметиха I; 3) долговечные эфиопы, самые рослые и наиболее привлекательные из всех, против которых персидский царь Камбиз посылал экспедицию; к югу от них находится море, и обитают они на самом краю света; 4) пещерные эфиопы, чрезвычайно юркие, питаются змеями и ящерицами, а их речь похожа на писк летучих мышей, совершенно ни на кого не похожи, живут к югу от земли гарамантов.

Геродот сообщает, что эфиопы есть в Африке где-то еще. Хотя где именно находится эта область, неясно: его сообщение о низкорослых чернокожих, у которых побывала экспедиция насамонов, указывает на район за пустыней, где-то в Центральной Африке. Обнаруженные персом Сатаспом во время путешествия к югу по западному побережью Африки низкорослые существа, одевающиеся в пальмовые листья, о чем пишет Геродот, представляются негритянскими племенами, родственными пигмеям, живущим в Сенегале или, возможно, Гвинее.[2]

Короче говоря, Геродот, хотя и с досадными географическими неточностями, предоставляет сведения об эфиопах, обитающих в различных районах к югу от Египта и, возможно, даже в Центральной и Западной Африке. В одном месте он говорит о шерсти у них вместо волос, в другом – об их черной коже. Ясно одно – уже в V в. до н. э. эфиопы, обитающие к югу от Египта, были не просто диковинными персонажами в произведениях древних авторов, но и африканской реальностью.

Хотя у Геродота можно найти больше подробностей об этих южных эфиопах, чем в каком-либо другом источнике той эпохи, он мало пишет о западных эфиопах. Вспомним – в его отчете о плавании вокруг Африки, предпринятом при фараоне Нехо, не содержится упоминаний об увиденных народах, а его описание черных обитателей Западной Африки, с которыми встретился Сатасп, скудно. Не очень-то подробен и отчет Ганнона о своей

экспедиции к «Колеснице Богов».

На остров Керне, упоминаемый Ганноном, часто ссылались в IV в. до н. э. и позже как на самый заселенный эфиопами пункт. В «Перипле» Скилака (IV в. до н. э.), например, Керне описывается как место торговли между карфагенянами и эфиопами противоположного побережья, которые обменивали шкуры оленей, львов и леопардов, шкуры и бивни слонов и вино на духи, египетский камень и афинскую посуду. Эти эфиопы использовали слоновую кость для изготовления чашек и браслетов и для украшения жилищ. Когда Скилак описывает этих западных эфиопов как самых рослых и привлекательных, он, вне всякого сомнения, следует традиции Геродота. Палефат, также писавший в IV в. до н. э., сообщает, что обитателями Керне были эфиопы, которые заселяли этот остров, находящийся за Геркулесовыми столбами. Эфор отмечает, что эфиопы заполонили Ливию вплоть до Атласских гор и что одни там и остались, а другие заселили значительную часть побережья.

Хотя сам Геродот и не продвинулся дальше Элефантины, некоторым из более поздних авторов довелось посетить саму Эфиопию. Говорили, например, что много путешествовавший Демокрит побывал там. Плиний утверждает, что Симонид Младший жил в Эфиопии пять лет, пока работал в Мероэ, и что некий Далион ходил на своем корабле, вероятно, в царствование Птолемея II далеко на юг Мероэ.

К сожалению, мы мало что знаем о сделанных тогда открытиях, помимо нескольких упоминаний, в основном у Плиния Старшего. Не сохранилось работ, озаглавленных «Эфиопика», которые, как говорят, были написаны Кароном Лампсакским (469–400 г. до н. э.), Бионом Солийским (первая половина III в. до н. э.), Филоном (290 или 200 г. до н. э.) и Марцеллом (годы жизни неизвестны). Среди них более известен Бион, поскольку мы знаем о нем не только от Плиния, но также благодаря Варрону, Афинею и Диогену Лаэртскому.

Военные походы сталкивали римлян с эфиопами в разных частях Африки в различные периоды их истории. Как и греки, римляне знали эфиопов, живущих южнее Египта, очень хорошо. Со времен Августа (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) и до VI в. необходимость защиты границ приводила к военным операциям и дипломатическим акциям, в которые вовлекались чернокожие соседи римлян к югу от Египта. Сведения об эфиопах поступали в Рим от солдат, несших службу на военных постах в Додекасхойне, который римляне заняли после соглашения с Кандакой, матерью местного царька.

Нельзя не упомянуть и о распространении римских монет в

этих областях. Среди находок, изученных М. Чарлзвортом и Т. Баттри, три монеты были обнаружены на восточном побережье, две в Судане, одна в Бельгийском Конго, одна в Кении и одна в Уганде. Самая древняя из них – серебряный денарий Траяна из Конго, одна монета – сестерций времен Александра Севера, а другие относятся к концу III – началу IV в. Большая часть этих монет, по мнению ученых, подтверждает тот факт, что жители империи время от времени путешествовали на юг от экватора в конце III и в IV в.

Римляне, более активные, чем греки, в различных частях Северной Африки, развили более тесные контакты с эфиопами, жившими к западу от Египта. Существенное свидетельство тому – присутствие в римский период негроидов в городах на северном побережье Африки или недалеко от него. Расовые черты некоторых из этих людей запечатлены в ряде художественных изделий из городов Лептис-Магна, Гадрумет, Фисдрус, Карфаген, Гиппон, Тубурбон, Майус и Тамугади. Не боялись римляне и углубляться в отдаленные области. Ближе к концу I в. Септимий Флакк, легат императора Августа, зашел на эфиопскую территорию на расстояние трехмесячного похода от земли гарамантов. Вторая экспедиция против эфиопов под командой некоего Юлия Маттерна отправилась из Лептис-Магны, достигла сначала Гарамы, а затем продвинулась до области Агисимба. Некоторые ученые полагают, что она достигла суданской саванны, ибо там, по описаниям, во множестве водились носороги.

Несколько эфиопских племен, обнаруженных Плинием и Птолемеем в различных частях Северо-Западной Африки, – дополнительное свидетельство тому, что римляне имели больше контактов с эфиопами в этой части Африки, чем греки. Правда, они часто путали эти народы и племена. Противоречивые сообщения, часто об одном и том же народе, поставили в тупик даже такого видного авторитетного последователя североафриканских этносов античности, как Ж. Десанж.

Что же касается народов, населяющих северо-западную часть Африки, то известные нам записки говорят, по-видимому, о смешанных народах. Знакомые нам уже гараманты, например, обозначаются некоторыми авторами как эфиопы; другие же отличаются от последних. Иногда они описываются как «темные». Третьи утверждают, что гараманты не были эфиопами. Антропологи классифицировали остатки скелетов из Феццана как смесь «евроафриканцев» и «негро-евроафриканцев». Десанж справедливо полагает, что гараманты, как и некоторые другие народы Северо-Западной Африки, были, возможно, смешанным

этносом.

…Все изложенное выше иллюстрирует лишь некоторые примеры греко-римских исследований, отражающих их знакомство с тогдашней Африкой. Далее, в этих классических комментариях мы видим замечательное отсутствие предубежденности. Греки не выражают изумления по поводу того, что эфиопы – люди, которых они иногда описывают как черных и темнокожих, захватили Египет или построили большие храмы. Они традиционно с уважением говорят о цивилизациях Напаты и Мероэ в периоды, когда Египет «скатывался с горы к длительному и бесславному концу».

Еще в эпоху Древнего царства (конец IV– начало III тысячелетий до н. э.) фараоны набирали на службу солдат, которые, по-видимому, пользовались большим уважением у египтян. Служба в египетской армии и полиции давала им возможность достигать высоких постов. Среди восьмидесяти деревянных фигурок солдат, найденных рядом с гробницей военного правителя Ассиута, были сорок лучников с почти черной кожей. На египетских гробницах сохранились также изображения нубийцев, которые в разные времена служили у египтян. История о царе Сесострисе в Европе и его нескольких солдатах, которые поселились на реке Фасис, связывают с сообщением Геродота о черных колхах с шерстью вместо волос и считают доказательством того, что в отрядах египтянина Сесостриса имелись эфиопы. Возможно, именно из Египта пришли те чернокожие, которые изображены на минойских фресках и которые прибыли на Крит и служили в иностранных наемных войсках.

Если чернокожий с шерстью вместо волос, Еврибат, был эфиопом или негром (а такую возможность не следует исключать), упоминание Гомера об эфиопах за пределами Африки относится к глашатаю с Итаки, служившему среди греков под Троей. Этот Еврибат сопровождал Одиссея в его делегации к Ахиллу, был товарищем Одиссея, и тот уважал его гораздо больше любого другого из своих спутников, поскольку Еврибат обладал умом, равным его собственному! Каким образом Еврибат попал на Итаку, неизвестно, но скорее всего через Египет.

Эфиопские воины были хорошо известны в Египте при Птолемеях. Последние вели военные операции в Эфиопии, побуждаемые в большей степени торговыми интересами, а также желанием иметь доступ прежде всего к золоту и слонам на эфиопской территории. Золото имелось в Нубийской пустыне к югу от Египта и в восточной пустыне, лежащей между дорогами из Коптоса и Аполлонополиса в Беренику на Красном море.

Мероэ имело важное значение не только как источник получения золота и железа, но и как перевалочный центр, через который шли товары из Центральной Африки. Восточная Африка и особенно область сегодняшнего Сомали были поставщиками слонов, которых соперники Птолемеев, Селевкиды, получали из Индии.

Зоологические интересы и нужда в слонах для военных целей также становились побудительными мотивами для походов Птолемеев в Эфиопию, особенно в Восточную Африку. Птолемей II обследовал побережье Красного моря, установил посты для охоты на слонов и основал гавани для перевозки их в Египет, где толстокожих обучали, чтобы использовать в боевых действиях.

Да, фараоны охотно использовали своих южных соседей для службы в армии и полиции. Поэтому привлечение их в качестве наемников было, видимо, традицией.

Эфиопы и нубийцы, по словам Силия Италика, «обожженные бешеным солнечным жаром», находились среди войск, собранных Ганнибалом. Это замечание, пришедшее из I в., основывается на прочно установившемся обычае еще при Ганнибале (246–183 гг. до н. э.) набирать черных воинов и, кроме того, подтверждается другим свидетельством: на верхней, лицевой стороне бронзовых монет, связанных со вторжением Ганнибала в Италию, видна голова африканца, чьи расовые признаки выдают широкий нос, толстые губы и курчавые волосы. Э. Бэбелон предположил, что эти монеты, которые на реверсе имеют изображение слона, созданы под впечатлением от слонов Ганнибала, игравших важную роль в Итальянской кампании, и их погонщиков-негров – впечатление, сходное с тем, которое в прежние времена произвел Пирр со своими слонами.

Арриан утверждает, что в индийских и эфиопских армиях были боевые слоны до того, как они появились у македонцев и как их стали использовать карфагеняне в военных целях. Боевые слоны – одни из них управляемые при помощи канатов – изображены на барельефе мероитского храма, построенного в последней четверти III в. в Мусавварат-эс-Суфре, примерно в 125 километрах к северо-востоку от Хартума и 30 километрах от берега Нила. На самом деле частое присутствие слона на мероитских скульптурах может означать, что эфиопы использовали слонов не только для военных целей, но и для важных церемоний.

В числе развалин «Большой ограды» в Муссаварат-эс-Суфры ряд скатов и коридоров и уникальная стена, заканчивающаяся фигурой слона. Похоже, что этот комплекс был центром обучения слонов и что африканские слоны, используемые в военных целях

в птолемеевский и римский периоды, почти наверняка проходили «курс обучения» в Мероэ.

Римляне поддерживали с народами, обитающими к югу от Египта, военные и дипломатические отношения со времен Августа и вплоть до конца Империи. Хотя необходимость защищать границы и вынуждала их вести военные действия против эфиопов, которые обитали во внутренних районах Африки и являлись источником беспокойства для римлян в Северной Африке в I и, возможно, II в. н. э. С эфиопами так называемого мероитского периода римляне имели много дел на протяжении целых веков. Отношения Рима с эфиопами в правление Нерона (I в. н. э.) отражены у Плиния и Сенеки. Первый утверждает, что Нерон отправил в Эфиопию отряд преторианских солдат под командой трибуна с целью исследования этой страны в то время, когда он планировал нападение на нее. Сенека, который говорит, что целью этого похода было обнаружение истоков Нила, беседовал с двумя центурионами, после того как те вернулись в Рим. Оказалось, что эфиопский царь оказывал помощь этой исследовательской группе, помог проводниками и охраной и снабдил рекомендациями к вождям соседних племен, обитающих за Мероэ. Экспедиция достигла судда – самой южной кромки Великой пустыни, до которой удавалось дойти римлянам в этом районе Черного континента.

Некоторые ученые принимают на веру утверждение Сенеки относительно научных целей экспедиции, тогда как остальные склонны придерживаться мнения Плиния – о планировавшемся Нероном нападении на Эфиопию. Сторонники «военной версии» связывают сбор германских отрядов в Александрии с эфиопским проектом. Сторонники торговых мотивов указывают на то, что возрастающая мощь государства Аксум стала значительной угрозой римским коммерческим интересам. Двигаясь в район Верхнего Нила, аксумиты вытесняли мероитов, у которых были дружественные отношения с Римом со времен Августа. Значит, можно допустить, что Нерон стремился поддержать Мероэ в борьбе против Аксума и установить контроль за торговыми путями, по которым товары, особенно слоновая кость, поступали с юга.

Свидетельство о военной стычке римлян с эфиопами запечатлено на частично сохранившемся папирусе, датируемом не позднее II века, возможно, между 60 и 94 гг. н. э. В папирусе говорится о бое в пустыне между римлянами, отряд которых включал кавалерию, и троглодитами и эфиопами.

Есть ли еще свидетельства? Где-то в последние годы I в. н. э. Септимий Флакк, преторианский легат Августа, командуя 3-м

легионом, отправился из Ливии и зашел на эфиопскую территорию «на три месяца пути от страны гарамантов». Насколько далеко проник Флакк в глубь Африки, не установлено, так как неизвестны ни скорость его марша, ни продолжительность отдыха в оазисах. Птолемей, который в качестве источника об этой экспедиции цитирует Марина Тирского, в равной степени не высказался определенно и в отношении второй миссии, состоявшейся несколько лет спустя и возглавленной Юлием Маттерном, вероятно, торговцем, который отправился из Лептис-Магны в Гараму, где его встретил царь гарамантов для совместного похода против эфиопов.

Герма – столб, завершенный скульптурной головой негра из черного известняка, – найденная в термах Антония в Карфагене, быть может, являлась составной частью монумента триумфального типа. Герма со скульптурной головой негра и другая – ливийца, датируемые не ранее середины II в., изображают, как считается, пленных, захваченных римлянами на севере Сахары. Некоторые из других негроидов, запечатленные на североафриканских мозаиках, могут также означать пленников, захваченных в подобных кампаниях. Существует предположение, что в римской африканской провинции было популярно изображать негроидов во времена Антония после побед над мятежными племенами Сахары.

Лептис-Магна был исходным пунктом экспедиции Юлия Маттерна в глубь Африки. В этой связи интересен такой факт: в сохранившихся записях есть упоминание об одном эфиопе из армии Септимия Севера, «туземце из Лептис-Магны». Этот эфиопский солдат, известный шутник, служивший в войсках Севера в Британии, принадлежал к нумери – пехотинцам или кавалеристам, вербуемым в провинциях, недавно захваченных и слабо романизованных. Обычно их посылали в страны, удаленные от тех районов, где они были набраны.

Вербовал ли Север других эфиопов? Можно упомянуть в связи с этим о чертах лица одного из солдат на Императорской арке в Римском форуме. Широкий плоский нос и губы воина не отличаются от особенностей, присущих эфиопам на других римских изображениях.

Обитатели Олимпа любили наведываться к эфиопам – об этом сообщает Гомер. Зевс, сопровождаемый всеми богами, отправился пировать с невинными, словно дети, эфиопами, с которыми он оставался двенадцать дней. Посейдон также навестил отдаленных эфиопов, чтобы получить гекатомбу (жертвоприношение, состоящее из ста животных) из быков и баранов. В конце «Илиады» Ирида сообщает ветрам, что должна

вернуться в волны Океана, чтобы принять участие в празднестве жертвоприношения, проводимого эфиопами. Следовательно, эта богиня предприняла специальное путешествие в одиночку.

В Римской империи бытовал образ справедливых эфиопов, любимцев богов. Презрение эфиопов к Камбизу и его шпионам вызывало у Сенеки восхищение. Эти справедливые эфиопы, пишет Сенека, презрели угрозу рабства Камбиза и, «вместо того чтобы принять рабство с распростертыми объятиями, отправили ему посланцев с ответом, декларирующим их независимость, такого типа ответы цари полагают оскорблением».

Статий ссылается на обитателей небес, которые, как говорили, «появляются из своих потайных порталов всякий раз, как у них появляется желание насладиться посещением домов, побережий и малых пиров краснокожих эфиопов». Лукиан вспоминает о нескольких визитах богов к эфиопам. Очевидно, вторя Гомеру, он говорит, что боги, выходя из своих пенатов, отправлялись за Океан, несомненно, с целью посетить невинных эфиопов; боги уже привыкли пировать с эфиопами, временами появляясь даже без приглашения. Комментируя обычай богов торговать своими благодеяниями, Лукиан замечает, что эфиопы были чрезвычайно счастливы, когда Зевс в самом деле отплатил им за гостеприимство, которое ему и остальным богам было оказано, когда они веселились на двенадцатидневном эфиопском празднике.

Эфиопы фигурируют и в других эпизодах греческой и римской мифологии. Дельфос, основатель города Дельфы и давший ему свое имя, согласно легенде был сыном Посейдона и Меланфо, или Мелены. По другой – его родителями были Аполлон и женщина, чье имя называют по-разному, но почти все варианты – производные от слова, означающего «черный».

Легендарный персонаж божественного происхождения, который явился, чтобы считаться эфиопом и черным, – это Мемнон, сын Титона и Эос. Хотя в некоторых, особенно древних, свидетельствах он ассоциируется с Востоком и Азией, иногда его помещают в Египет и Эфиопию. Будучи царем эфиопов, по крайней мере во времена Гесиода, но, возможно, и раньше, Мемнон отправился на помощь Приаму в Трою, где отличился своими благородством и храбростью, убил Антилоха, но пощадил его отца и наконец встретил смерть от руки Ахилла.

Эфиопия дала пищу драматургам и для курьезных пьес о «далекой стране чернокожих, обитающих около солнечных фонтанов», далеком народе, оказавшемся в их стране в результате недавних событий.

Негроиды изображены в нескольких сценах на ряде ваз, в

основном скифосах, датируемых примерно второй половиной V–IV вв. до н. э., найденных в одном святилище возле Фив. Темы рисунков на этих вазах часто таинственны, но многие исследователи считают, что они навеяны мифологией. На двух из этих ваз изображены Одиссей и негритянка Кирка. На одной Одиссей получает волшебный глоток от черной чаровницы, одна жертва которой, уже превратившаяся в свинью, стоит возле ткацкого станка. На другой Одиссей с болтающимся фаллосом и хламидой, переброшенной через руку, словно отшатнулся в ужасе, держа в одной руке меч и ножны в другой, в то время как негритянка Кирка, одетая в длинный хитон, замешивает свою порцию в двуручной чаше.

Терракотовые маски греческого и римского периодов являют нам многих представителей Африки в различных видах представлений – драматических и религиозных. Яркий пример подобных масок – та, что датируется концом VI – началом V в. до н. э. с четко выраженными негроидными чертами, которую нашли в Агригенте вместе с изображениями Деметры, Персефоры и ее поклонников.

Для балета мимов требовались музыканты и танцоры. И здесь тоже не обошлось без африканцев. Среди некоторых эфиопских племен танцы были так популярны, что, по Лукиану, даже на войне воины не посылали в танцоров свои стрелы, пока те не станцуют. Военные танцы эфиопов, согласно Гелиодору, включали развязные прыжки и скачки, свойственные сатирам. Изогнутая поза эллинистического бронзового негра из Карнунта отчасти отображает эти движения. Сильный контраст этим позам составляет очаровательная статуэтка бронзового танцора эллинистического же исполнения из Египта и бронзовый негритенок из Геркуланума, который медленно движется, грациозно балансируя на одной ноге, с правой, изящно отведенной в сторону для равновесия.

У Плиния мы узнаем, что тентириты, представители низкорослого народа, славились как охотники на крокодилов, ныряли в реку и садились им на спины.

По свидетельству Страбона, когда крокодилов привезли в Рим на выставку, к ним приходили тентириты, бывшие родом из-под Коптоса, накидывали на них сети и вытаскивали на удобное место, где зрители могли бы за ними наблюдать. Помпейская фреска, представляющая пигмеев, ловящих крокодилов, является иллюстрацией способа их добычи, применявшегося тентиритами и, возможно, пигмеями, обитавшими в «крокодильих» районах Африки. Почему бы не предположить, что некоторые негры-смотрители работали в Риме, когда Марк Скавр впервые

представлял там пять крокодилов и гиппопотама в 58 г. до н. э.? Тогда тридцать шесть рептилий были убиты на игрищах, которые он организовал в бассейне Большого цирка!

Под знаком Южного Креста, или Римские экспедиции в Черную Африку

Древняя надпись гласит: «По моему приказу и под моей защитой почти одновременно было отправлено два войска – в Эфиопию и в Счастливую Аравию. Большое количество врагов из обоих этих народов пало в битве, несколько городов было захвачено. В Эфиопии достигли города Апата, очень близко возле Мероэ. В Аравии войско проникло до границы савеев и достигло города Мариаба».

Сие великое предприятие было проведено при правлении Августа, а римлянами предводительствовал Элий Галл. Страбон подтвердил: «Да, Цезарь понимал, что лежащая возле Египта Троглодитика граничит с эфиопскими областями и что Арабский залив, отделяющий арабов от троглодитов, очень узок. Итак, он решил или сделать их своими друзьями, или покорить. Было и еще одно немаловажное обстоятельство: народы те считались с древних времен весьма богатыми, поскольку выменивали золото и серебро на свои благовония и драгоценные камни и из получаемых таким образом сокровищ ничего не тратили на иноземные товары. Так Цезарь рассчитывал приобрести богатых друзей или победить не менее богатых врагов…»

Римский легионер

Все получилось совсем не так, как планировали в Риме. Поход проходил в основном в 25 г. до н. э. То была одна из самых тяжелых неудач, когда-либо испытанная в военной истории Рима. И виной тому стало незнание природы мест, куда отправились легионы. Как писал один немецкий ученый, «римляне во время своих войн на Востоке выказывали поразительное незнание географических условий».

Об обширных пустынях Аравии никто из них толком ничего не ведал, поэтому исходным пунктом похода было выбрано место, расположенное слишком далеко на севере. Вместо того чтобы погрузиться на суда в Беренике, на западном берегу Красного моря, а высадку совершить в Аравии, суда вышли в море из Клеопатриса в Суэцком заливе, а высадились возле устья Вади-Хамда, то есть недостаточно далеко на юге. В результате войско

вынуждено было идти летом через огромную пустыню, и всю вину за гибель людей Галл свалил на проводника, который не был ни в чем виноват. Но невзирая на жестокие лишения и чуму, косившую легионы, войску все же удалось подойти вплотную к Счастливой Аравии.

Несмотря на ряд побед над арабами, римляне вынуждены были начать отступление, так как болезни выкосили половину людей. Остатки войск с позором вернулись в Александрию.

От богатств Счастливой Аравии Августу пришлось отказаться.

Пока Элий Галл воевал в Аравии, эфиопы вторглись в Египет, и в самой стране вспыхнуло восстание. Римлянам стоило большого труда справиться с двойной угрозой. Вместо Галла военачальником «южной группы войск» стал Петроний. Он решил наказать эфиопов и вторгнуться в их земли, лежащие в районе Верхнего Нила. Впервые в истории римляне проникли так далеко на юг! Вполне вероятно, что они достигли тех районов, где за полтысячелетия до них побывали войска перса Камбиза. Еще много лет после этого похода Элефантина оставалась аванпостом Римской империи на юге, и в Премнисе, в стране блеммиев, стоял пограничный римский легион.

Читаем Плиния: «По ту сторону выжженных солнцем гор находятся пустыни, а дальше Талги – местность, где жили гараманты… Все эти местности покорены римским оружием. То была заслуга Корнелия Бальба, единственного иностранца, который удостоился чести триумфальной колесницы и присуждения римского гражданства…»

Поскольку известно, что Бальб был проконсулом Африки в 21–20 гг. до н. э., то его поход в страну гарамантов мог состояться только в 20 г. «Дорога к гарамантам прежде была трудна, – продолжает Плиний, – так как разбойники этого племени имели обыкновение засыпать песком колодцы… Лишь во времена последней войны, которую в начале царствования императора Веспасиана вели с осенсами, нашли путь, который был на четыре дня короче». Именно Бальб и нашел этот путь, еще немного приблизив черную Африку к Риму.

Теперь о Светонии Павлине, открывшем Атласские горы.

Римляне впервые проникли сюда в 42 г. при императоре Клавдии. Воинская часть под предводительством Светония Павлина перешла Марокканский Атлас, что по тем временам было настоящим географическим и военным подвигом, поскольку горы были населены воинственными племенами и дикими зверями. Здесь водились львы и кое-где сохранились даже медведи. Надо сказать, что отдельные районы Марокканского Атласа плохо исследованы даже сегодня, спустя почти две тысячи

лет после экспедиции Павлина!

Весьма странный факт, подтверждающий, что не стоит верить ярлыкам истории: при Нероне, всеми считающемся душевнобольным извращенцем, совершались великие географические открытия и исследования. Слово Сенеке и затем Плинию.

«Знаешь ли ты среди других гипотез, объясняющих летний разлив Нила, также ту, согласно которой он вырывается из земли и пополняется не водами с гор, а теми, что вытекают из недр земли? Я же слышал сообщение об этом двух центурионов, которых император Нерон послал для исследования истоков Нила. Я слышал, что они рассказывали, будто проделали длинное путешествие, когда они благодаря помощи царя эфиопов, который о них позаботился и направил к царям соседних стран, добрались до крайней земли».

«Преторианские солдаты, которых император Нерон послал туда для разведки с несколькими трибунами, когда он думал наряду с другими войнами и о войне с Эфиопией, прежде всего принесли весть, будто там только пустыни… Среди болот, из которых вытекает Нил, по некоторым сообщениям, живет народ пигмеев»

Куда же зашли римские легионы?

Упоминание древних авторов об узком скалистом проходе наводит на мысль, что они забрались дальше 5 градуса северной широты, то есть южнее широты Цейлона! Факт наличия огромного числа водных растений толщиной около метра правильно характеризует условия болот у места впадения реки Бахр-эль-Газаль в нильское озеро Мокрен-эль-Бохур. Насколько выдающимся был этот подвиг, можно судить из следующего факта: европейцы достигли этих мест лишь в… 1841 г.

Поразителен и факт, что у Плиния содержатся сведения о пигмеях акка, обитающих на южных окраинах нильских болот. Путешественник из Риги Г. Швайнфурт отыскал их «снова» лишь в 1870 г.!

Вскоре после 100 г. некто Юлий Матерн отправился, если верить Марину Тирскому, вместе с царем гарамантов в эфиопскую землю Агисимбу, где много зверья и особенно изобилуют носороги.

Место, где она располагалась, историки и географы ищут до сих пор. Некоторые из них склоняются к выводу, что она лежала в районе озера Чад. «Если это так, – пишет Вивьен де Сен-Мартен, известный французский историк открытий, – то Агисимба – самый южный пункт, до которого когда-либо доходили древние в Центральной Африке!»

Пропавшая экспедиция

Старые генуэзские хроники сохранили для потомков такую историю.

В тот самый год Тедицио Дориа, Уголино Вивальди и его брат с некоторыми другими гражданами Генуи начали готовиться к путешествию, которое прежде никто другой не пытался предпринять. И они наилучшим образом снабдили две галеры съестными припасами, питьевой водой и другими необходимыми вещами, которые были в них размещены, и в мае отправили их в Сеуту, чтобы плыть через океан в индийские страны и купить там прибыльные товары.

Среди них находились два упомянутых брата Вивальди, а также два еще юных монаха. После того как они обогнули мыс, называемый Годзора (Джуби. – *Н.Н.*), о них не слышали больше ничего достоверного.

Дополнить эту историю особенно нечем. Сведения об экспедиции скудны необычайно. Хронист Пьетро Ибано (умер в 1320 г.) писал о какой-то экспедиции, которая искала морской путь в город Арим. Он, как думали, находится на экваторе в Восточной Индии, и предполагали, что туда нельзя добраться пешком, так как дорогу закрывают высокие страшные скалы, поэтому и были снаряжены суда.

Африка на Херефордской карте, конец XIII века

Большинство исследователей, занимавшихся историей Генуи, не обнаружили в источниках ни малейших ссылок на экспедицию. Но вот в 1859 г. М. Пертц, берлинский библиотекарь, сделал в Академии наук в Мюнхене сообщение о том, что он нашел интересный документ. Чуть позже его опубликовали в IV томе «Торговой и литературной истории генуэзцев». Речь идет о письме венецианского мореплавателя XV в. Антонио Узодимаре.

«В лето 1281 (может быть, 1290) из города Генуи вышли два галеры под командой Вадина и Гвидо Вивальди, которые хотели плыть на Восток в индийские страны. Эти две галеры прошли большое расстояние. Однажды они оказались в этом море Гиноя (Гвинея). Одна галера села на мель, так что нельзя было ни снять ее, ни продолжать плавание, но другая проплыла дальше и прошла через то море, пока не попала в эфиопское государство Мена…

Там они попали в плен к правителю священнику Иоанну… Если б я мог дальше там оставаться, увидел бы главный город царства Мелли… Здесь я нашел соотечественников, по моему мнению, потомков моряков с тех галер, которые пропали 170 лет назад…»

Письмо – отголосок событий почти двухсотлетней давности – датируется 1455 г.

Позже обнаружили еще одно свидетельство. Испанский хронист Гомара говорит в «Истории Индии», что некто Дориа и Виральдо в 1291 г. предприняли плавание к западным берегам Африки и о них не было больше вестей.

Вот уже семь веков тайна довлеет над этой экспедицией. Ее участники бесследно исчезли у берегов Африки или в ее дебрях. В 1315 г. сын Уголино Вивальди – Сорлеоне (вариант написания – Корлеоне) решил отправиться на поиски пропавшего отца. Он поехал в Могадишо, но поиски были тщетными. Искал его и упомянутый нами Узодимаре в устье Гамбии. Он считал – и мнение его было точным слепком представлений той эпохи, – что страна пресвитера Иоанна находится именно в этих местах. Путешественник полагал, что страна Мелле (Мали) и есть конечный путь экспедиции.

Существует мнение, что им удалось обследовать побережье Африки и обогнуть ее с юга. Странно, но именно после плавания братьев Вивальди очертания материка на картах становятся поразительно четкими. Значит, они все же вернулись? И не случайно, может быть, Боккаччо именно в 1300 г. писал, что Западное море является частью Эфиопского? То есть Атлантика – часть Индийского океана.

А сам факт, что сын Вивальди отправился искать отца на побережье Восточной Африки – разве это не говорит о том, что Сорлеоне знал, что экспедиция пойдет вокруг материка? Впрочем, у нас накопилось слишком много вопросов, остающихся пока без ответа.

И вот – просветление, зацепка. Шведский исследователь Норденшельд заметил: одна из галер носила название «Аллегранса». Так же называется на старых картах один из мелких островов Канарского архипелага. Значит, все-таки корабли побывали на Канарах? Но опять-таки как узнали в Европе о том, что этим именем названа скала в океане? Выходит, кто-то вернулся. И рассказал о результатах экспедиции. Кто именно – этого мы, похоже, не узнаем никогда.

Отвлечемся ненадолго и вспомним интересный, но малоизвестный факт.

В «Божественной комедии» Данте есть одно загадочное место, до сих пор вызывающее многочисленные споры. Из этих стихов можно сделать вывод, что автор был знаком с реалиями далеких южных земель:

Я вправо к остью поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!

Это описание созвездия Южного Креста. В европейской литературе, по официальной версии, о нем не было сообщений до 1445 г. – именно тогда его открыл венецианский мореплаватель Альвизе Кадамосто. Откуда Данте мог узнать о нем за 150 лет до Кадомосто? Более того, как мог он знать о том, что в древности Южный Крест был виден на небе Средиземноморья? (Но, добавим, вследствие прецессии исчез за горизонтом еще до наступления нашей эры.) Около 3000 г. до н. э. созвездие было видно в небе Балтики, а во времена Гомера горело над Средиземноморьем. Во времена Птолемея самая яркая звезда Южного Креста – Альфа поднималась над горизонтом только на шесть градусов. Поэтому-то Птолемей не уделил Южному Кресту внимания и присоединил его к созвездию Центавра.

Или эти сведения дошли до Данте с древнейших времен, или… Может, он узнал о них из трудов арабских географов, у которых на глобусах звездного неба показано это созвездие? Или другой вариант – шатер императора Фридриха II (1215–1250) из династии Гогенштауфенов, привезенный из крестовых походов. На нем было изображено звездное небо, и звезды приводились в движение скрытым механизмом.

Но из этих источников Данте не мог узнать подробности о необычайной красоте Южного Креста или о том, что раньше он был виден в небе северного полушария. Значит, он основывался на описании очевидца! Вчитаемся еще в одно место у поэта:

Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остью полуночи,
Где колесница не была видна;
И некий старец мне предстал пред очи…

Путеводное созвездие Большой Медведицы, исчезавшее из виду, волновало еще воинов Александра Македонского: они часто жаловались, что зашли так далеко, что не видно Большой Медведицы.

Стихи, где говорится, что Большую Медведицу нельзя увидеть там, где есть Южный Крест, доказывают, что Данте воспользовался свидетельством очевидца. Но кого? Во-первых, арабских купцов, посещавших Цейлон, Индию, Зондские острова, Восточную Африку и соответственно Геную. Во-вторых, мог

видеть его и Марко Поло, но того мало интересовали созвездия, он их даже не упоминает в своей книге.

Именно здесь могли соприкоснуться судьбы участников пропавшей экспедиции Вивальди с жизнью Данте. О Южном Кресте Данте мог узнать от Сорлеоне Вивальди, который отправился на восточноафриканское побережье, в Могадишо искать своего отца!

Но по-прежнему непостижимым остается тот факт, что Данте знал о прецессии! Ни в одном литературном источнике не упоминается то, что в минувшем тысячелетии «отсвет четырех звезд» озарял жителей Средиземноморья. Об этом узнали только ученые дня сегодняшнего, вооруженные современной вычислительной техникой.

Не случайно мы рассказали эту историю. Она еще раз доказывает, как мало знаем мы о достижениях древних, насколько поверхностны и условны наши попытки перебросить мостик от одного события к другому.

Однако вернемся к нашей истории.

Долгое время считали, что братья Вивальди были единственными генуэзскими путешественниками, отважившимися в конце XIII в. пуститься в далекое плавание по Атлантике. Но внимательное изучение надписей на картах Средневековья дало исследователям еще одно имя – Ланселот. Точнее, Ланчелотто Малочелло. А еще точнее – Малойзель. И был он вовсе не генуэзец, а уроженец Прованса, а имя Ланселот получил в честь короля Артура, предание о котором оказало влияние на устные традиции этого района.

На карте Дульсерта 1339 г., где впервые появляются Канарские острова, рядом с ними изображен герб Генуи. Есть слова о Ланселоте и в «Книге познания»: «Открыл острова генуэзец, носивший это имя». В документе 1306 г. говорится, что он с двумя другими купцами нанял в Генуе две галеры, чтобы плыть в Англию за шерстью. Другой документ утверждает, что он жил на своем острове (Лансароте) 20 лет, а потом вернулся в Геную, где находился на службе.

Французский исследователь географических открытий Ла Ронсьер, проанализировав многие источники, нашел вот такое свидетельство. По сообщению шербургских моряков, отнесенных непогодой далеко от Испании и открывших неизвестные острова, генуэзец Малочелло в 1312 г. предпринял их захват. Он высадился на остров, построил там замок и жил в нем до тех пор, пока восстание местных жителей не вынудило его к отбытию.

А вот иная версия, предложенная французским историком Гравье. Все картографы XIV и XV вв. знали о путешествии

Ланселота Малойзеля (его дети жили в Генуе в 1330 г.), давшего имя одному из островов. На Каталонском атласе 1375 г., карте Месии де Виладесте 1413 г., карте Андреаса Бенинкассы 1476 г. можно в разных модификациях прочесть это имя. Экспедиция могла состояться около 1275 г. По национальности Малойзели – французы, но были гражданами Генуэзской республики. Поэтому на всех картах остров Ланчелотто – генуэзская собственность.

Так или иначе, в Европе об этом открытии не знали до 1330 г. Видимо, известие долгое время хранилось в тайне.

В 1338 г., когда Ланчелотто Малочелло перестал служить Генуе, известие это быстро распространилось по Европе. Именно тогда и появляется название на карте Дульсерта. Да, скорее всего это был все-таки генуэзец. Ведь «Тюлений остров» Лобо на север от Фуэртевентуры назван на карте Дульсерта по-итальянски Векки Марини – «морские старцы», то есть тюлени. Дульсерт не подозревал, что те острова, что открыли его соотечественники в начале XIV в., были известны Плинию Старшему под названиями Капрария и Канария. Поэтому на его карте вместе с Лансароте и Фуэртевентурой есть неискаженная Каприция. Он разместил ее там, где сейчас на карте находится Мадейра. Но он не подозревал тогда о ее наличии. Так родилась небрежность.

Дульсерт связал с названиями Плиния острова, знакомые ему из ирландских саг – Святого Брендана и Дев. Картографы так и не смогли распознать идентичность вторично открытых островов тем, что были открыты в древние и античные времена. Все вместе они соседствовали на многих картах. Вот почему к середине XIV в. на картах значилось куда больше островов Атлантики, чем было открыто на самом деле.

Африканцы в Новом Свете до Колумба

Ex Africa semper aliquid novi (Африка всегда преподносит что-нибудь новое). Это изречение греков, переданное Плинием, можно было бы предпослать в качестве эпиграфа к любому рассказу о новейших открытиях в истории, археологии, этнографии, антропологии и лингвистике, которыми так богаты последние годы. А слово «Африка», если отвлечься от Плиния, можно заменить словом «Америка»: Американский континент богат открытиями не меньше Африканского.

Африка и Америка… Два огромных куска суши расположились параллельно друг другу по обе стороны голубого пространства Атлантики. Сведите мысленно линии их побережий, и совпадут они до мельчайших подробностей. Разбираться в этом дело геологов, да они и сделали уже очень много, гораздо больше историков, археологов и лингвистов.

Каменная голова. Ольмекская скульптура. Халапа, Веракрус

События, о которых в этой связи стоит задуматься,

происходили отнюдь не в отдаленные эпохи, однако по ним можно судить о том, до какой степени не исследованы еще целые пласты этнической истории обоих континентов.

В XIX в. стало почти аксиомой мнение, что древние культуры Америки возникли и развились совершенно независимо, без какого бы то ни было влияния Старого Света. Это мнение как нельзя лучше совмещалось с преобладавшей в те времена концепцией многочисленных «параллельных» моделей развития, которая надолго «задержалась» в ученом мире, обрастая все новыми теориями. Сейчас элементы этой идеи о независимом происхождении и развитии американских культур не только укоренились, но и проявляются всякий раз, когда речь заходит о культурных контактах. Они долго оставались в тени, о них избегали говорить, как бы закрывая на эти контакты глаза. Сейчас уже никому не надо доказывать связь культур Азии и Америки или Америки и Полинезии но для этого понадобились десятилетия самой настоящей борьбы. Сегодня на повестке дня стоит проблема контактов трансатлантических.

В конце 1975 г. в СМИ появилось следующее сообщение:

«Национальный фонд защиты индейцев Бразилии объявил о том, что антрополог Валерия Паризе обнаружила в штате Мараньян, на северо-востоке Бразилии, таинственное племя индейцев номадес гуахас (кочующие гуахас), больше известных как «черные индейцы».

«Черными индейцами» их прозвали потому, что они обладают всеми чертами негров. Полагают, что это потомки бразильских негров, – на протяжении последних ста лет племя избегало каких-либо контактов с «белой цивилизацией».

Гуахас живут небольшими группами по десять – двенадцать человек в плетеных хижинах. Они остаются на одном месте всего несколько дней. Валерия Паризе в сопровождении индейцев другого племени на протяжении восьми дней преследовала группу гуахас, прежде чем ей удалось установить с ними контакт. Это первый контакт с племенем, о котором ученым до сих пор ничего не известно».

Сообщение заставляет задуматься. Если это действительно потомки бразильских негров, насильно привезенных сюда из Африки португальскими работорговцами в XVI–XVII вв., то исследователям остается лишь изучить развитие племени в условиях лесной изоляции. А если это не бразильские негры? Быть может, ответом явится гипотеза о контактах между Африкой и Америкой в доколумбову эпоху?

Есть два пункта, которые можно положить в основу соответствующего историко-этнографического поиска.

Пункт первый

«Мы происходим из семьи, в которой монарший сан передается по наследству. И вот предшествующий нам правитель решил убедиться в наличии противоположного берега у океана Аль-Мухит (Атлантический. – *Н.Н.*). Одержимый этой мыслью и воодушевленный желанием доказать свою правоту, он приказал снарядить несколько сотен судов, набрал для них команды, присоединил к ним также много других судов, снабженных золотом, съестными припасами и водой в таком изобилии, чтобы все это могло удовлетворить потребности команды в течение многих лет. При отплытии он обратился к капитанам со следующей речью: «Не возвращайтесь, пока не достигнете самой крайней границы океана или прежде будут исчерпаны съестные припасы или питьевая вода».

Они отплыли и долго отсутствовали, наконец вернулось одно судно. Мы спросили кормчего этого судна: что же случилось? Он ответил: «Государь, мы долго плыли, пока не встретили мощное течение, подобное реке. Я шел последним за другими судами. Все корабли продолжали плавание, но едва подошли к этому месту, как начали исчезать одно за другим. Мы так и не узнали, что же с ними случилось. Я же не захотел оказаться во власти этого водоворота и поэтому вернулся».

«Султан не пожелал поверить этому сообщению и не одобрил поведения капитана. Он приказал снарядить две тысячи судов, доверил мне правление и со своими спутниками вышел в море Аль-Мухит. При таких обстоятельствах мы видели его в последний раз. Я остался неограниченным властителем государства».

Пункт второй

«В 1870 г. в Северной Каролине, США, в цепи Аллеганских гор (часть горной системы Аппалач. – *Н.Н.),* была обнаружена неизвестная стоянка. Вообще находка подобного рода не редкость в этих местах, но это была необычная стоянка. Во-первых, она очень старая, а во-вторых, не индейская. Там найдены керамика, резьба по дереву, рисунки на скалах. Все человеческие фигурки однотипны: они закругленные, правильных форм, некоторые плоские, одежда закрывает их с головы до пят. Некоторые находятся явно в возбужденном состоянии, другие сидят в креслах, третьи скачут без седла, уздечки и стремян на животных, определить вид которых до сих пор не удалось. Остальные животные видны хорошо – это одногорбые верблюды, гиппопотамы, носороги. Найдены чаши, блюда различных форм,

многочисленные курительные трубки, резьба на которых не имеет ничего общего с аппалачской. Кажется, она сделана металлическим предметом».

Итак, два пункта. Один – отбытия, другой – назначения. Один – западное побережье Африки, другой – восточный берег Америки. Сначала нужно убедиться в подлинности обоих сообщений.

«В этой главе при описании большинства того, что нам известно, мы основываемся на повторных вопросах одного за другим о том, что он знает о своей стране, потом другого, третьего, чтобы узнать истину. В чем слова их сходились или были близкими, я закреплял. Потом оставлял того человека, которого спрашивал, на некоторое время, давая ему позабыть, что он говорил, а затем повторял ему свой вопрос. Если он колебался, я пускал на ветер его слова. Все это я делал, чтобы удостовериться в истинности». Так работал аль-Омари, арабский ученый XIV в., перу которого принадлежит первый процитированный отрывок.

Второй отрывок взят из уважаемого английского издания – Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, № 12 за 1883 г. Научная репутация человека, обнаружившего эту стоянку, не подлежит сомнению.

«Именно из Лиссабона смельчаки отправились в экспедицию, имевшую целью исследование океана и установление его границ. При первом же восточном ветре они вышли в море. Через одиннадцать дней плавания они подошли к морю, волны которого испускали ужасающее зловоние и таили в себе рифы. Опасаясь крушения, они изменили курс и в течение двенадцати дней плыли на юг, пока не достигли Овечьего острова…

Потом плыли еще двенадцать дней на юг и наконец увидели обитаемый и засаженный остров… Войдя в дом, они увидели высоких краснокожих мужчин, длинноволосых и почти безбородых, и женщин поразительной красоты».

Так описывает географ Идриси современный ему поход восьми арабских «аль-Магрурин» – искателей приключений. Плывя на запад от Лиссабона, они наткнулись на скопление саргассовых водорослей и повернули на юг.

Все в этом рассказе достоверно, однако некоторые трактовки его фантастичны. Французский исследователь де Гинь утверждает, например, что арабы дошли до Америки. Он основывается преимущественно на цвете кожи местных жителей, упомянутом Идриси. Это единственный аргумент, на который он опирается. Его легко опровергнуть: известно, что арабы

Средневековья называли людей белой расы краснокожими. Арабские мореходы, которые отправились в плавание в 1124 г. (так считает выдающийся немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт), могли повстречать белых людей. Скорее всего, они высадились на Канарских островах, где тогда жили гуанчи – представители европеоидной расы (о них наш отдельный рассказ). Сомнение вызывает упоминание об Овечьем острове, ведь на запад от Гибралтара такого не было. У Р. Хеннига создалось впечатление, что этот эпизод заимствован из скандинавских саг, где Овечий остров (Фарерские острова) упоминался довольно часто. Другую трактовку можно предложить, если допустить, что овцы – это… козы («ганам» – арабское слово, использованное в рассказе португальцев, означающее «скот», можно понять и как «овца», и как «коза»). Если «ганам» означает «коза», то, значит, арабы побывали на Фуэртевентуре, одном из Канарских островов, «Козьем острове» Плиния.

Последний отрывок мы привели специально для доказательства того, что отнюдь не все плавания влекли за собой открытие новых земель далеко на западе, то есть Америки! Отсутствие размаха (сравните это с приготовлениями африканского султана), немногочисленная команда на одном-единственном корабле, страх перед морем, даже подчас какое-то брезгливое к нему отношение не дают повода для мыслей о дальнем походе «аль-Магрурин». Однако это ни в коей мере не умаляет заслуг их последователей, которые продвинулись дальше.

Перед нами встает вопрос: следы ли это древних контактов или первые, случайные и разведывательные плавания?

В третьем путевом журнале Колумба есть упоминание о том, что «адмирал хотел выяснить, правда ли все, сказанное жителями». А жители рассказывали вот что: «С юго-востока к нам приходил черный народ, он принес наконечники копий из металла под названием «куа-нин»; они состоят из 32 частей золота, 6 – серебра и 8 – меди». Если мы полистаем один из словарей африканских языков, то легко обнаружим там слово «гуани». На языках группы манде оно означает «золото». Простое созвучие?..

В записках голландского путешественника по Африке начала XVIII в. Босмана есть следующее место: «Золото, принесенное нам местными жителями, очень чистое. Но есть у них еще одно, искусственное, состоящее из нескольких компонентов: на треть оно подлинное, а остальное – серебро и медь. Стоит оно, конечно же, дешевле. Мы встречали его по всему побережью» (Западной

Африки).

В записях Колумба сохранились интересные замечания, где он сравнивает вещи, виденные им на гвинейском побережье, с американскими. В 1492 г., описывая Кубу, Колумб сообщал: «Здесь много пальмовых деревьев, отличных от гвинейских». Не ошибся он и в идентификации дюгоней (крупных морских млекопитающих) у берегов обоих континентов. Приметил и то, что жители Кубы довольно сильно отличаются от африканцев. Но вот что мы вдруг находим в его дневнике: «Здесь этого растения больше, чем на гвинейском берегу…» Речь идет о кассаве (Minihot utilissima), подлинно американском растении. Тот факт, что кассава росла по обе стороны океана, Колумб никак не прокомментировал. Может быть, он ошибся? Но ведь он узнал ее сразу, как только увидел.

Английский историк Ричард Иден сообщает, что когда европейцы впервые прибыли в Новый Свет, то они явно отличали длинные черные волосы индейцев от вьющихся волос «мавров». А вот что говорит Америго Веспуччи: «Плывя туда (в Америку. – *Н.Н.*), мы увидели каноэ, идущее от островов Зеленого Мыса, со многими людьми на борту. Увидев нас, подходящих к ним с легким бризом, они замерли. Их судно было двадцать шесть шагов в длину и более двух в ширину, сделано из цельного ствола дерева». Наверняка это еще не все свидетельства.

История западноафриканских средневековых государств изучена достаточно хорошо. Гана, писал арабский историк Идриси, – это самый большой город, «самый многолюдный и с наиболее развитой торговлей»; его правителю принадлежит «основательно построенный и прочно сделанный дворец на берегу Нила (Нигера. – *Н.Н.*), жилые помещения которого украшены разного рода скульптурой, рисунками и стеклянными окнами. Этот дворец был построен в 510 г. после светоча хиджры» (1116–1117 гг.). Большинство исследователей настаивают, что ранние навигаторы отправлялись в Америку именно из этих мест. Расходятся они только в датировке. Южноафриканский ученый М. Джеффрис относит плавание к 900—1000 годам, другие настаивают на более поздних путешествиях. Согласны все в одном: плавания состоялись до Колумба.

Древняя Гана и ее преемник, государство Мали, жили транссахарской торговлей. Торговля влекла за собой культурные контакты с арабским миром. Мирная жизнь продолжалась до 1054 г., в котором войска Альморавидов (династии, образовавшей государство в Северо-Западной Африке и Испании) опустошили великую ганскую державу. Но в XIII в. африканские правители вновь установили прочные отношения с марокканскими

султанами, подданные которых давно уже хорошо знали систему долгот и широт, компас, квадрант и секстант. В XI–XIII вв. арабы обследовали побережье Африки и открыли часть Канарских островов, острова Зеленого Мыса и, возможно, Мадейру и несколько островов Азорской группы.

Может быть, именно от арабов получили африканцы первые навигационные навыки. Может быть, от арабов узнали правители Ганы и Мали о каких-то северных походах к неизвестным землям на западе. Плавание итальянцев братьев Вивальди в 1291 г. вдоль африканских берегов тоже могло стать поводом для создания крупного африканского флота – ведь европейцы наглядно продемонстрировали великие преимущества передвижения по воде. Но в нашем случае нужно, видимо, считать арабский и африканский мир единым центром отправки людей в Новый Свет: исторические судьбы этих регионов настолько переплелись, что это повлекло за собой, кроме всего прочего, сильное антропологическое смешение, так что определять африканские типы людей, обнаруженные в Новом Свете, можно очень приблизительно. Сказать, что, например, этот череп принадлежит жителю Северо-Западной Африки, а тот – гвинейцу, нельзя без особых оговорок. И тут и там могут встретиться различные антропологические типы. Для нас важно одно: негроидный (малийцы) и средиземноморский (арабы) типы в корне отличаются от индейских. М. Джеффрис тщательно изучил коллекцию находок из Северной Каролины и пришел к следующему заключению. Материал (терракота, камень, дерево), формы и способы передачи движений, черт лица и фигуры – все полностью совпадает с изделиями, применяемыми по всей Западной Африке. Эти фигурки из Америки имеют такие же плоские основания, как и большинство соответствующих находок в центре йорубской цивилизации – городе Ифе. Множество образцов подобного рода ученый собрал во время поездок по Африке. Трубки, упоминаемые в нашем «пункте втором», непохожи на индейские. Специфику создают многочисленные дырочки на конце трубки – там, куда обычно засыпают табак. Можно понять волнение М. Джеффриса, купившего наугад несколько трубок у жителей долины Нигера: он обнаружил их полное сходство с северокаролинскими.

Большинство прежних исследователей отрицали наличие плавучих средств у африканцев. Между тем говорить об их отсутствии – глубокое заблуждение. Господство над водным пространством было одним из первых условий существования человека в Западной Африке с ее многочисленными реками, озерами, лагунами и, наконец, побережьем океана. Существует

мнение, что африканцы боялись водного пространства. «Доказательство» сторонники подобных взглядов приводят одно: африканец, которого Д. Ливингстон в свое время вывез из Центральной Африки, потерял голову от страха, увидев океан и побывав на кораблях. Это неудивительно: человек из внутренних районов континента, никогда не видевший моря, с недоверием и опаской отнесся к неведомому океану.

Можно констатировать ряд бесспорных фактов. Водный транспорт играл огромную роль в жизни западноафриканских народов, это известно из многих источников. Их-то и забывают некоторые исследователи.

Португальский путешественник Валентин Фернандиш, записки которого по сей день приносят пользу ученым, сообщал в 1506 г. об «огромных каноэ, вмещавших до ста двадцати воинов» а другой его современник видел лодки около десяти метров в длину, рассчитанные на шестьдесят человек. Есть упоминание о 22-метровых лодках, имевших в ширину до 3 метров. Строились они способом, мало изменившимся за столетия. «Они делают лодку из цельного ствола дерева, вырубая сердцевину железными рубилами, оставляя дно в два пальца толщиной и борта в один палец. Борта укрепляют подпорками. Делаются эти лодки из огромных деревьев в 17–18 обхватов», – так описывает сооружение судов голландский географ О. Даппер. Он видел в XVIII в. суда со 180 пассажирами на борту, способные плыть, по его словам, с 1800–2000 рабами на палубе и внутри судна.

А в районе Сьерра-Леоне не раз отмечались крупные перевозки и скота, и провизии на больших лодках.

Кажется, уже можно отвергнуть утверждение о том, что трансатлантические плавания были невозможны лишь из-за отсутствия плавучих средств. Средства были, и это видно из многочисленных упоминаний путешественников.

Гвоздем программы, если так можно назвать одно из основных звеньев в цепи исследования, явилась находка в нигерийском городе Ифе, древней столице государства йоруба. Среди множества осколков керамики, откопанных археологами, было обнаружено несколько черепков, потрясших научный мир: на них были отпечатки початков маиса. Пласт, в котором они найдены, датируется 1000–1100 гг… Для ученых, не знавших всего предыдущего, это было настоящим откровением. Находка в Ифе настолько красноречива, что ее не осмеливаются оспаривать даже самые рьяные пессимисты от науки.

Попытки ослабить позиции сторонников трансатлантических связей до Колумба были предприняты с помощью различных аргументов. Американские ботаники якобы нашли несколько

разновидностей примитивного маиса в Таиланде и считают родиной этого злака Азию. Однако, как справедливо отмечает российский исследователь В. Гуляев, мнение это не разделяют большинство американских ботаников и археологов. Вопрос еще не решен; думается, это в любом случае не может нанести вреда теории трансатлантических связей.

Аналогичные проблемы возникают и в случае с арахисом, или земляным орехом, как известно, американским растением. По общепринятой версии, он был ввезен в Африку в XV–XVI вв. испанцами. Однако достаточно полистать записки Валентина Фернандиша, чтобы найти там такое сообщение: «Это растение повсеместно распространено на гвинейском побережье и имеет собственное местное название «макарра», в то время как у португальцев оно известно как «алгойта». Еще один повод для размышления.

Это лишь несколько дополнительных фактов в пользу обширных связей Африки и Америки до Колумба! На самом деле их больше, многое еще не открыто.

Позволим себе углубиться в самые древние пласты истории человека Нового Света. Как известно, одним из очагов заселения Америки была Азия. Это послужило основой для создавшегося было мнения, что поскольку заселение шло из Азии, то население Америки должно быть полностью монголоидным. Но антропологические и археологические находки скоро позволили опровергнуть это утверждение. От Канады до Южной Америки ученые обнаруживают сейчас останки негроидов. Они тоже пришли из Азии, но их было значительно больше, чем полагали прежде. Польский антрополог А. Верчиньски считает даже, что древнейшим населением Америки были именно негроиды. Дж. Кларк и другие крупные авторитеты в области археологии Африки считают, что следы древних негроидов в Новом Свете неоспоримы.

Однако это не были африканцы в нашем понимании этого слова. В них сочетались как чисто негроидные элементы, так и черты пигмеев, древних полинезийцев, австралоидов и других расовых групп. Память о них до сих пор живет в устных традициях некоторых индейских племен. Так, у жителей Дариена, района, примыкающего к Панамскому каналу, существует предание о том, что их предки, впервые придя в теперешние места обитания, увидели невысоких чернокожих людей, которые вскоре ушли в леса. Пайя и тапалиса, согласно легендам, обязаны своим происхождением двум женщинам – индианке и негритянке.

Действительно, древние костные останки, найденные в этих местах, сильно отличаются от останков индейцев. Испанский

ученый Мануэль Оронко выделил целый ряд племен Америки, которые, по его мнению, сохранили древнейшие негроидные черты. Это древние караколы с Гаити, калифурнам с островов Карибского моря, арора с берегов Ориноко, шаима из Гайаны (кстати, А. Гумбольдт писал, что они удивительно похожи на готтентотов), гауба и ярра из Гватемалы, некоторые племена Бразилии и другие.

Примерно от тринадцати до восьми тысяч лет назад племена Северной и Центральной Америки, теснимые, вероятно, новыми мигрантами, стали постепенно отодвигаться на юг. Среди них оказались и негроиды. Черепа их находят в захоронениях в Бразилии, Эквадоре, Чили и Перу. Измерения, проведенные А. Верчиньским (их результаты увидели свет в 1976 г.), показывают, что серии черепов из Перу с трудом можно отличить от… пенджабских (Индия), древнеегипетских и ашанти (Западная Африка); в то же время они сильно отличаются от всех обнаруженных палеоиндейских черепов обеих Америк!

Еще в 1920-е гг. была выдвинута любопытная теория, отдельные элементы которой, по мнению ряда ученых, подтверждаются сегодня. Первые человеческие существа появились в Восточной Африке около трех миллионов лет назад. Из области Великих африканских озер они распространились по всему континенту. Отдельные их группы осели в долине Нила, а остальные двинулись по территории Старого Света.

Первой волной миграции были пигмеи, низкорослые, темнокожие люди; далее последовала волна нилотских народов. Оставшиеся в жарких местах планеты сохранили темную кожу, а те, кто пошел на север, «посветлели». Палеоантропологические находки в Европе выявили негроидов, живших здесь триста тысяч лет назад. Костные останки негроидов в гроте Гримальди, обнаруженные на границе Италии и Франции, считаются древнейшими в Европе. Волны негроидов докатились до Азии и оставили следы на всем протяжении от Аравии до Юго-Восточной Азии. Их обнаруживают в Индии и на полуострове Малакка, в Китае и на Новой Гвинее. Свидетельства древнейшего присутствия негроидного элемента в Америке нужны нам для того, чтобы отличать их от более поздних «поступлений», эти два процесса часто смешивают, и создается неправильная картина всего процесса заселения Нового Света и последующих миграций.

В конце 1930-х гг. на Виргинских островах (Вест-Индия) были найдены останки людей с типично негроидными чертами. Т. Стюарт, автор сообщения, опубликованного вскоре после этого в одном из американских антропологических журналов, сравнил эти находки с результатами своих раскопок в Габоне и выявил

поразительное сходство по многим показателям. Возраст находок – до Колумба.

Африканские черты (именно черты, а не влияние) проявились в скульптуре ряда индейских племен. В различных районах Центральной и Южной Америки обнаружено множество статуэток с негроидными чертами (Туксла, Веракрус, Ла-Вента). В Чичен-Ице найдены фигурки с негритянскими головками и курчавыми волосами. Некоторые из них несут зонтики, защищающие от солнца, что, по мнению Г. Лоуренса, являлось постоянным атрибутом свиты правителя Мали в древности, фигурки подобного рода есть и в Теотиуакане. Однако там их тип больше приближается к эфиопскому.

В Музее золота в Боготе (Колумбия) имеется скульптурная голова африканца, украшенная шейными кольцами, выполненная из сплава золота с медью. Она считается одним из самых достоверных свидетельств присутствия негроидов в Америке до Колумба. Керамика доколумбовых времен, найденная археологами близ населенного пункта Пэкан-Пойнт в штате Арканзас, также не похожа на индейскую; это подметили еще в XIX в.

В свое время было предложено такое решение проблемы крупных скульптурных голов (весом до двадцати тонн) с негроидными чертами, найденных в Центральной Америке: они принадлежат ольмекской культуре и поэтому являются истинно американскими, отражая антропологический тип ольмеков. Однако само происхождение ольмекской цивилизации до сих пор неясно, большинство авторов пока только посвящают большую часть своих работ описанию научных споров и дискуссий по поводу ольмеков, не предлагая окончательного решения этой проблемы. В этой связи интересны выводы А. Верчиньского. Он изучил две «ольмекоидные» серии черепов – 98 из Тлатилько (36 мужских и 62 женских), относящихся к 1100—600 гг. до н. э., и 25 из Серро-де-лас-Мезас (18 мужских и 7 женских) того же периода – и пришел к выводу, что они обладают восемью признаками, говорящими о наличии «черной» и «белой» примесей. Как предполагает ученый, в формировании общности ольмеков принимали участие пять типов: лапоноидный, арменоидный, айнский, суданский, бушменский. Последние составляли 13,5 процента населения Тлатилько и 4,5 процента населения Серро-де-лас-Мезас.

Может быть, ольмекская цивилизация действительно возникла при непосредственном участии негроидов, и, может быть, не следует так уж твердо приписывать ольмекам целиком местное происхождение? Пока этот вопрос остается открытым.

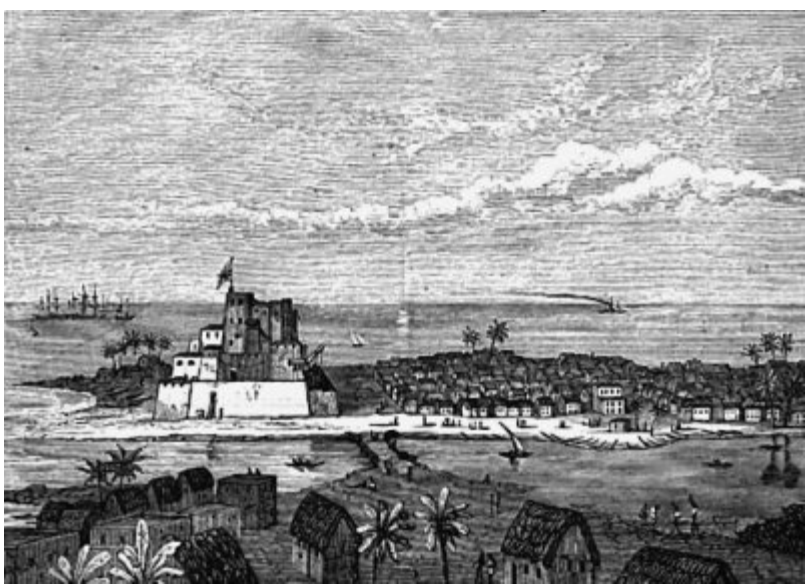
Еще более проблематичен вопрос о черных божествах индейцев. Наиболее смелые исследователи приписывают им африканское происхождение, остальные вообще ничего не говорят по этому поводу. Некоторые божества индейцев действительно имеют негроидные черты. Г. Лоуренс и Л. Винер видели курчавые волосы даже на изображениях Кецалькоатля, а также некоторых других «крупных» божеств. Винер обнаружил у ацтеков и карибов тот же синтез веры в бога дождя и пресмыкающихся, что и у западноафриканского народа бамбара. Однако заметим, что в сходных условиях жизни у различных народов, стоящих на близких ступенях общественного развития, можно наблюдать сходные проявления социальной психологии в различных аспектах жизни. Не убеждает пока и факт находок раковин каури, явно выполнявших роль денег, у некоторых североамериканских народов, и их сопоставление с африканскими раковинами. Такие соответствия могли возникнуть и возникали вполне независимо.

Становится очевидным, что несколько неоспоримых доказательств трансатлантических связей до Колумба постепенно обрастают множеством дополнительных свидетельств, часть которых можно отвергнуть сразу же, а часть нельзя ни принять, ни опровергнуть – их подлинность не доказана. Так бывает в любом поиске: истина завоевывается сравнением и отбором, и времени на это уходит немало.

Занавес над Сахарой, или Где лежала страна золота?

678 г. был началом сильнейшей бури, нагрянувшей на Северную Африку с Востока. С воинственными криками «Аллах акбар!» – «Аллах превыше всего!» – объединенные Мухаммедом племена Аравии проникли через Суэцкий перешеек на запад. В июле 640 г. арабский военачальник Амр завоевал древний город Гелиополис близ Каира. В 678 г. армия пророка дошла до Феццана. Через тридцать девять лет военачальник Тарик переправился через Гибралтарский пролив. Завоевание Северной Африки исламом за этот короткий срок было завершено.

Лишь в немногих местах завоевателям было оказано сопротивление. Североафриканские народы, давно питавшие отвращение к рабовладельческому строю Римской империи, а также недоверчиво относившиеся к возникшей на ее развалинах Византии, усмотрели в исламе, а также в поощряемом им феодальном строе с его демократическими институтами, прогрессивное явление. Они массами принимали вероучение, созданное Мухаммедом.



Золотой берег. XIX век

Ожесточенная многовековая борьба между христианско-

догматическим «миром заходящего солнца» и мусульманским «миром восходящего солнца» привела к тому, что над Сахарой как бы опустился занавес. Все, что было до этого времени известно о пустыне и о жизни в ней, было предано забвению. В последующие столетия до Европы не доходили сведения о происходящих в Сахаре событиях. Однако Африка, и в частности Сахара, имела свою собственную историю, которая была не менее насыщена событиями, чем история средневековой Европы.

Крупные и значительные события происходили преимущественно у южных границ пустыни. Когда немецкий путешественник Генрих Барт в середине прошлого века добрался до Томбукту, ему удалось познакомиться с очень важной книгой под названием «Тарих ас-Судан». Этот исторический труд был написан в XVII в. Абд ар-Рахманом ас-Сади. Автор использовал все доступные в то время источники и попытался проследить историю Судана, то есть транссахарского степного пояса, прозванного арабами из-за цвета кожи жителей «страной черных» (билад ас-Судан). В книге утверждается, что в IV в. «белые» (подразумеваются берберы) якобы основали государство Гана. В X же веке, насколько известно, в Гане правила «черная» династия. (Кстати, первоначально «Гана» – это не название страны, а имя ее властелина. В африканских преданиях государство называлось Вагаду.)

Древняя Гана, возникшая тысячу шестьсот лет назад, была расположена не на той территории, которую занимает современное государство Гана, а значительно севернее. Арабский географ ал-Бекри описал в XI в. столицу этой страны следующим образом: «Столица Ганы состоит из двух городов. В одном из них живут мусульмане. Это город, в котором размещены двенадцать мечетей, среди них – главная мечеть. Эта часть славится имамами и муэдзинами, в ней живут правоведы и ученые».

Свидетельство ал-Бекри говорит о том, что уже в XI в. ислам распространил свое влияние до южной границы Сахары и что здесь сосуществовали рядом мусульманская религия и анимистический культ. Ал-Бекри в своих путевых заметках дал также наглядное описание жизни при дворе царя Ганы. Он описал царские гробницы – «мощные куполы из тика», церемониал погребения, в основе своей абсолютно анимистический, при котором важную роль играли колдуны.

Можно с уверенностью сказать, что древняя Гана с начала своего существования поддерживала оживленную торговлю с Севером. Своим экономическим процветанием она была обязана прежде всего посредничеству между Черной Африкой и берберско-арабской Северной Африкой. Север и Юг обменивались

товарами, необходимыми той и другой стороне. Первое документальное упоминание о караване, направляющемся в Гану через Сахару, восходит к 734 г. Точнее, речь идет не о караване, направлявшемся в Гану через Сахару, а о военной экспедиции арабского наместника Марокко против сахарских кочевников.

В VIII в. арабские авторы называли Гану «Страна золота». И это несмотря на то, что в древней Гане золота не было. Ганцы взяли на себя, очевидно, роль посредников в торговле этим ценным товаром с южными областями. В районе между Нигером и Гвинейским заливом золото добывалось и добывается до сих пор. Сегодняшняя Гана называлась раньше «Золотой берег».

Торговля золотом, безусловно, существовала еще до основания ганского государства. Предполагают, что Западная Африка, богатая золотом, но бедная медью, уже с древних времен меняла свое золото на ливийскую медь. Свидетельство арабского автора Исхака ибн ал-Хусейна (около 950 г.) о том, что в Феццане обменивали золото на медь, позволяет нам сделать другой вывод: Феццан был родиной гарамантов. Последние могли быть посредниками в этой торговле. Если это так, то версия А. Лота о предполагаемой «дороге гарамантов» вполне оправдана.

Однако во времена расцвета Ганы основным продуктом обмена была уже не медь, а соль, которую добывали (и по-прежнему добывают) в Северо-Западной Сахаре. Ее наряду с другими товарами обменивали на золото юга. Арабский географ Якут приводит древнее сообщение о том, как происходила эта торговля с государством Гана.

«Страна, откуда приходит чистое золото, лежит на юге Магриба. Торговцы едут из Сиджильмасы в город по названию Гана, расположенный на границе с черными. Их груз состоит из соли, вязанок еловой древесины, голубых стеклянных бус, медных браслетов, медных сережек и перстней с печатками. В обратный путь взамен всего этого они увозят тяжелые ноши. Воду они везут с собой в бурдюках из берберской страны Лемтуна, что означает «страна людей, закрывающих лица». Воды этой им хватает на то, чтобы утолить свою жажду в пути и напоить верблюдов, но она плохого качества и вредит здоровью. После ее употребления путники ощущают недомогание.

Так они после страшных мытарств попадают в Гану. Здесь они останавливаются на долгое время и выздоравливают. Затем в сопровождении проводников отправляются к источникам воды. К ней они предъявляют очень высокие требования. Только после этого они берут с собой опытных менял и посредников, чтобы завершить торговые сделки с владельцами золотой пыли. Вместе с ними они пересекают пустыню, где то и дело поднимаются

жгучие ядовитые ветры, из-за которых вода в бурдюках иссякает… В невероятно трудных условиях и в большой спешке им приходится добираться до места, где обитают владельцы золотой пыли. Прибыв туда, торговцы начинают бить в огромные барабаны, которые должны быть услышаны черными… Те люди, однако, никогда не показываются торговцам. Как только последние замечают, что барабанный бой услышан, они достают привезенные товары, и каждый торговец выкладывает на землю свой товар. Затем они удаляются от этого места на расстояние одного дня пути. Черные приносят золотую пыль, которую кладут в определенном количестве возле каждого товара, после чего также удаляются. Затем снова возвращаются торговцы. Каждый берет столько золотой пыли, сколько находит возле своего товара, а свой товар оставляет. Теперь торговцы окончательно удаляются, на прощание еще раз ударив в барабаны».

Расцвет Ганы падает на период, когда по всей территории, примыкающей к южной границе Сахары, появились государственные объединения. Эти государства то мирно сосуществовали, то пытались властвовать друг над другом, переживали периоды расцвета и упадка. В то время как Гана достигла вершины своей славы, будущие властители Судана готовились к нападению. Жившие на севере современной Дагомеи сонгаи, теснимые другими народами, постепенно поднимались вверх по Нигеру и в 890 г. осели в Гао. На востоке племена тиббу, обитавшие в горах Тибести, двинулись на юг и осели у озера Чад. Около 900 г. они основали царство Канем, в котором жили многочисленные племена, однако правили исключительно представители народности тиббу.

Самое важное событие того времени было, однако, связано с мусульманской религией. В IX в. были обращены в ислам лемтуна – обитавшее в мавританском Адраре берберское кочевое племя, мужчины которого всегда закрывали лицо. Жили лемтуна скотоводством и караванной торговлей. Они сосредоточили в своих руках транспортировку соли и золота из Ганы. В XI в. вождь племени лемтуна в сопровождении знатных соплеменников предпринял паломничество в Мекку. На обратном пути в тунисском городе Кайруане он познакомился со знатоком Корана, убедившим племенного вождя в том, что ему следует что-то предпринять для религиозного просвещения своего народа. С этой целью вместе с паломниками на кочевья лемтуна пришел ученик кайруанского профессора.

Ибн Ясин – так звали молодого человека – быстро завоевал авторитет среди кочевников. Он ввел строгие религиозные правила и проповедовал возвращение к первоначальным законам

ислама. Он основал укрепленный лагерь– что-то среднее между казармой и монастырем, – где жил вместе со своими приверженцами. Сторонников Ибн Ясина в связи с этим стали называть «люди монастыря» – «ал-мурабитун» (позднее превратилось в «альморавиды»). В конце концов здесь оказалось около тысячи дисциплинированных и в военном отношении хорошо обученных мужчин. Ибн Ясин решил, что настало время поднять меч во имя восстановления чистоты религиозной веры и в других местах. Он назначил вождя лемтуна – Яхью ибн Омара – одного из самых близких своих приверженцев – главнокомандующим и в 1042 г. объявил войну сразу на два фронта – на севере и юге. В то время как одна часть его вооруженных сил покоряла оазисы Великой пустыни и по пути пополняла свои ряды все новыми сторонниками, так что в конце концов даже предприняла попытку изгнания господствующей династии в Марокко (позднее Альморавиды завоевали также Испанию), другая часть двинулась на юг.

В 1057 г. во время сражения погиб Ибн Ясин. «Сильной личностью» Альморавидов стал Абу Бекр. На юге Альморавиды столкнулись лишь с одним противником – государством Гана. Когда было завоевано Марокко, наследник Ибн Ясина, Абу Бекр, решил, что настал час для нанесения решающего удара по Гане. В 1076 г. его воины овладели ее столицей – Кумби-Сале. Правитель Ганы был вынужден перейти в мусульманство и платить дань.

Однако зависимость Ганы длилась недолго. Одиннадцать лет спустя среди Альморавидов начались разногласия. Царь Ганы воспользовался обстановкой для восстановления независимости страны, но прежнего величия она уже не достигла. Бывшие вассалы отступились от нее. С тех пор история этого государства теряется во мраке веков. Нельзя даже с достоверностью установить, когда погибла Гана как государство – в XIII или XIV в.

К тому времени у Ганы уже появился преемник и конкурент в лице государства Мали. Первоначально оно было расположено немного южнее Ганы. Образовалось Мали из племенного княжества, управлявшегося, вероятно, наместниками из Ганы. Во время неурядиц в империи оно провозгласило себя независимым. В течение многовековой борьбы цари Мали укрепляли свою власть и распространяли свое влияние, пока в 1240 г. не посчитали себя достаточно сильными, чтобы разграбить столицу Ганы. Наибольшей мощи Мали достигло при мансе Мусе, правившем страной с 1312 по 1337 г. Мали переняло роль Ганы, став основным посредником в торговле солью и золотом. Оно завладело Томбукту, основанным за сто лет до этого туарегами, и Валатой.

Вот как «Тарих ас-Судан» описывает город Томбукту: «Из всех стран сюда стекались караваны: селились зажиточные люди, ученые и набожные. Они приезжали из Египта, Ауджилы, Феццана, Гадамеса, Туата, Тафилалета, Сусы и из Биту…».

Валата была настоящей жемчужиной в сокровищнице мансы Мусы. Утверждают, будто Валату основали под названием Виру беженцы из Ганы после завоевания их государства Альморавидами. Вскоре Валата стала крупным торговым центром. Валата была оживленным, процветающим городом, расположенным в месте пересечения караванных путей из Марокко, Сенегала и Судана. Она потеряла свое значение лишь несколько веков спустя. Моторизация и в связи с этим ослабление караванной торговли стали причиной ее окончательного упадка. Еще в середине прошлого века в Валате существовало известное в округе мусульманское высшее учебное заведение. Сегодня из пятнадцати колодцев действуют лишь два; две трети домов превратились в развалины. В начале XIX в. большая часть жителей Валаты покинула город и основала новый центр в Неме.

В начале XIV в. Валата сыграла не последнюю роль в обогащении Мали и укреплении его могущества. Манса Муса прославился далеко за пределами своей родины, когда в 1324 г. – на 12-м году своего владычества – предпринял паломничество в Мекку, обставленное с неслыханной пышностью. В сопровождении многочисленной свиты он отправился из своей столицы Ниани на Верхнем Нигере на север – в Сахару. Он держал путь через Валату, затем остановился в оазисах Туата. Отсюда огромный караван направился через Уарглу в Триполи, чтобы по побережью дойти до Египта, а оттуда – в Мекку.

Манса Муса демонстрировал во время этого путешествия несметные по понятиям того времени богатства своего государства. Мали в противоположность Гане сконцентрировало в своих руках не только торговлю золотом, но и добычу этого драгоценного металла. Поэтому царь мог себе позволить сорить золотом направо и налево. Эта щедрость привела к совершенно неожиданным экономическим последствиям: в Каире упала цена на золото. Арабские писатели, однако, заключили щедрого монарха из далекого Судана в свои объятия, и славословиям их не было конца. По свидетельству ал-Омари, каирцы сложили не один хвалебный гимн в честь мансы, которого сопровождало около ста верблюдов, нагруженных до отказа золотом.

В Мекке манса Муса познакомился с андалузским (то есть испанским) зодчим, которого он пригласил в Мали и которому поручил возвести мечеть в Гао на Нигере. Эта мечеть, фундаменты которой сохранились до настоящего времени, была

первой в Судане постройкой из обожженного кирпича.

Сто лет Мали занимало господствующее положение среди африканских государств, затем это первенство стали оспаривать сонгаи – прежние властелины Гао и вассалы Мали. К концу XIV в. сонгаи вышли из-под власти Мали. Царь сонгаев присвоил себе титул «сонни». При восемнадцатом властелине – сонни Али, правившем с 1464 по 1492 г., образовалось государство Сонгаи. Сонни Али завоевал Томбукту и прогнал туарегов. Он занял город Дженне и тем самым получил в свои руки ключ от всего Мали. В том же году, когда Колумб пересек Атлантический океан и «открыл» Америку, сын Али пришел к власти, но уже через несколько месяцев был свергнут одним из военачальников своего отца. Этот узурпатор, по имени Мухаммед, приложил немало усилий для расширения царства Сонгаи. В 1515 г. он прорвался к Аиру и завоевал Агадес. Теперь его влияние простиралось от Сенегала на западе до Аира и до границы с Борну на востоке, от зоны девственных лесов на юге до глубин Центральной Сахары.

Мухаммед создал передовое для того времени государство. А богатство державы Сонгаи, так же как Ганы и Мали, в значительной степени обеспечивалось караванной торговлей через Сахару. Существовало несколько издавна испытанных караванных путей через пустыню и среди них – древний «путь гарамантов» из Триполи через Ахаггар в Гао. Второй, вероятно, также очень древний путь, вел из Тиндуфа через Джуф и Эрг-Шеш в Томбукту. «Мавританский путь» – «трик ал-бейдан» – соединял Томбукту с Траразой и вел дальше к вади Дра. По его следам ныне проложена современная автомобильная дорога через Мавританию.

Кроме того, существовали караванные пути из Уарглы через Танезруфт на юг и из Уарглы через Ахаггар. Оба пути соответствуют современным автомобильным трассам!

Однако и на востоке Сахары имелись давно испытанные пути. Еще одна «дорога гарамантов» шла от Габеса на Средиземном море через Гадамес и Гат к Агадесу; другой путь был проложен из Триполи через Мурзук и Бильму к Борну. Многие европейские исследователи XIX в. путешествовали еще по этим старым караванным путям, а французский генерал Леклерк воспользовался ими, когда он во время Второй мировой войны двинулся со своей дивизией от озера Чад в Северную Африку.

Наконец, был еще один путь – на самом востоке. Он соединял Бенгази с Куфрой и Абеше; его северный отрезок перестроен в современную автомобильную дорогу.

Гораздо меньшее значение имели пути, идущие с запада на восток. Они служили почти исключительно пилигримам, которые

ежегодно предпринимали паломничество в Мекку. Самый важный из них – от государств хауса в верховьях изгиба Нигера до Нила.

Средневековая караванная торговля была очень доходным предприятием. Арабский писатель Ибн Хаукал сообщает, что в X в. из Каира в Сахару ежегодно отправлялись караваны, насчитывавшие от десяти до двенадцати тысяч нагруженных верблюдов. Еще в первой половине XIX в. один верблюжий груз, переправленный на отрезке пути Мурзук – озеро Чад, приносил триста процентов прибыли.

Правда, эти триста процентов доставались дорогой ценой. Американский капитан Джеймс Райли, потерпевший около 1800 г. близ мавританского побережья кораблекрушение, после возвращения домой описал злоключения каравана, участником которого он был в качестве пленного. Этот караван направлялся на юг, по пути, который испокон веков вел в Томбукту. В нем было тысяча мужчин и четыре тысячи верблюдов, нагруженных всевозможным добром: шелком, солью, табаком, оружием и многим другим. Через месяц караван вынужден был задержаться из-за жестокой песчаной бури, во время которой погибло триста человек и двести верблюдов. Последующий переход через «обширную, безводную местность» привел к потере ста человек и трехсот верблюдов.

Наконец добрались до места, где должна была быть вода, однако колодцы оказались иссякшими. Тогда водитель каравана приказал оставить в живых только триста верблюдов, а остальных убить, «чтобы люди могли пить их кровь и воду из их желудков», пока не дойдут до следующего колодца. Все были согласны с этим решением, однако никто не хотел жертвовать своим верблюдом и оставить свой товар. Начались ожесточенные стычки. Когда один из старост каравана все же начал убивать верблюдов, возникла всеобщая драка. Среди первых, кто пал в этом бою, был водитель каравана; вместе с ним были убиты около трехсот человек и пятьсот верблюдов. «Кровь убитых людей и верблюдов, – пишет Райли, – была выпита оставшимися в живых». В конечном счете до Томбукту добрались двадцать один человек и двенадцать верблюдов.

Сиджильмаса была одним из городов на севере Сахары, извлекшим немало выгод от процветающей торговли. Она лежала в Тафилалете, то есть в том оазисе на юге Атласских гор, сады которого орошаются водами уэда Зиз, постоянно стекающими с гор. Кем и когда была основана Сиджильмаса, неизвестно. Жители Тафилалета приписывают этот акт «римскому полководцу», который якобы когда-то предпринял сюда поход. Он назвал это место Сигеллум Масе, откуда позднее образовалась

Сиджильмаса. Однако Сиджильмасу называли также Мединет-эль-Хамра; город будто бы был основан берберами в 757 г. и считался вторым (после тунисского Кайруана) мусульманским городом Африки. Он стал опорным пунктом широко распространенной в Северной Африке мусульманской секты хариджитов и в течение трехсот лет оставался столицей самостоятельного царства. Сиджильмаса имела свой монетный двор, который продолжал действовать даже после завоевания города в 1055 г. Альморавидами. В 1315 г. город добился независимости. Правда, процветающий торговый центр подвергся в 1362 г. нападению кочевников и был разрушен, однако вскоре он оправился и вернул свое былое величие.

Но с уменьшением караванной торговли Сиджильмаса пришла в упадок. Когда город в 1818 г. был разрушен племенем айт-атта, от прежнего его блеска не осталось и следа. Тафилалет, который долгое время был единым целым, под натиском врагов утратил свою сплоченность.

Однако путям, по которым веками перемещались огромные богатства, путям торговли вскоре было суждено послужить и другим целям. Богатство державы Сонгай возбуждало зависть и алчность. На севере Сахары подумывали, не выгоднее ли взять в свои руки всю торговлю, покорив страны, выполнявшие роль посредников.

Султан Марокко Мулай Ахмед ал-Мансур, прозванный «аз-Зехеби» – «Золотой», в 1581 г. предпринял попытку овладеть соляными копями Тегазы. Расположенная вблизи оазисов Туата, Тегаза была неприглядным, пустынным местом, где, как сообщал Ибн Баттута, «дома и мечети построены из соляных блоков, в то время как крыши покрыты верблюжьими шкурами. Полностью отсутствуют деревья и нет ничего, кроме песка. В песках расположены соляные копи; соль залегает здесь глубокими пластами. В Тегазе живут одни лишь рабы племени месуфа, которые заняты исключительно добыванием соли. Они питаются финиками, привозимыми из Дра и Сид-жильмасы, а также мясом и мукой, которые доставляют из стран черных. В Валате за груз соли платят восемь-десять мискалей (мискаль равен 4,25 г) золота, а в городе Мали этот груз продается уже по цене от двадцати до тридцати мискалей, а иногда даже за сорок. Для черных соль является средством обмена, точно так же, как золото и серебро. Они делят соль на кусочки и пользуются ими для покупок или продажи».

Уже в 1546 г. отец ал-Мансура султан Мухаммед попытался уговорить аскию Исхака – царя Сонгайской державы – не противиться тому, чтобы Тегаза была поставлена под верховную

власть Марокко. Аския, разумеется, не дал согласия. Его ответ был своеобразен: он послал две тысячи туарегских воинов в долину вади Дра и велел им разграбить эти места. Что касается ал-Мансура, то он, не долго думая, отдал приказ своим войскам выступить в поход, и они без особых усилий присоединили Тегазу к марокканским владениям. Однако ал-Мансур одержал поистине пиррову победу, ибо черные рабы, добывавшие соль, при приближении марокканцев разбежались. Аския запретил им вернуться. Производство соли прекратилось, копи стояли, словно вымершие.

Для жителей района Нигера марокканский поход имел роковое последствие: не стало хватать соли. Однако острая нехватка соли привела в конце концов к положительному результату: в своих отчаянных поисках сонгаи обнаружили мощные залежи соли в Тауденни, которые эксплуатируются до настоящего времени.

В середине прошлого века французский путешественник Леопольд Пане рассказывал о Тауденни следующее: «Соль залегает там слоями до полутора метров… Эта каменная соль, нарезанная плитами длиной в метр и шириной двадцать пять сантиметров, является денежной единицей страны. Она служит основой для любой сделки. В обычные годы четыре плиты равны крупице золота, иногда достаточно и трех плит…».

После того как в Тауденни началась разработка соли, султан Марокко решил, что пробил его час. Он задумал завоевать Сонгай. Во главе своего войска он поставил молодого придворного – евнуха Джудара. Джудар был голубоглазым испанцем родом из Лас-Куэваса в Гранаде, еще ребенком попавшим к марокканцам и выросшим при королевском дворе в Марракеше. Теперь ему присвоили титул паши и под его командование поставили войско в четыре тысячи человек. Две тысячи из них приходилось на пехоту – считают, что половину этого числа составляли не североафриканцы, а испанские ренегаты. Пятьсот конных стрелков также были иностранными наемниками. К ним присоединились полторы тысячи туземных наездников.

Эта военная операция, без сомнения, была крайне рискованной. Пересечение пустыни уже само по себе было чревато тяжелыми потерями. Если марокканцы все же имели какие-то шансы на успех, то всецело за счет своего военно-технического превосходства. Для них не было секретом, что сонгайские воины располагали лишь своим «традиционным» оружием: пикой, мечом, луком и стрелами. А экспедиционное войско Джудара было оснащено мушкетами, и уже одно это с

самого начала обеспечило им полное превосходство.

Четыре тысячи солдат отправились в поход в сопровождении шестисот человек вспомогательного персонала и тысячи погонщиков верблюдов. В их распоряжении были восемь тысяч верблюдов и тысяча тягловых лошадей. Для такой армии следовало припасти огромное количество воды в бурдюках – этих испытанных мешках из просмоленных изнутри козьих шкур. Верблюдов нагрузили 180 палатками, тридцатью одной тысячей фунтов пороха и огромным количеством продовольствия.

Авангардные войска Джудара возглавлял Махмуд бен Зергун – сын испанского ренегата. Он отправился в поход в самое неудачное для пересечения пустыни время.

Стояла невыносимая жара и не хватало воды. В связи с этим Махмуд приказал своим воинам передвигаться ночью, а днем отдыхать. За относительно короткий срок, то есть за семь недель, первая часть марокканского войска достигла Томбукту. Город был взят без особых усилий. Махмуд, однако, понимал, что победа над державой Сонгай будет прочной только в том случае, если удастся преследовать врага и дальше. Поэтому он велел срубить все деревья в округе, изъять из домов двери и балки и построить из них лодки и плоты. С этим «флотом» он отважился спуститься вниз по Нигеру. У Бамбы ему удалось окружить сонгайское войско. Государство Сонгай было вынуждено покориться.

Махмуд прежде всего потребовал продовольствия, которое аския сразу же ему послал. Затем он приказал аскии отправиться в марокканский лагерь, чтобы принести присягу верности султану Марокко. Когда же аския прибыл на место, его предательски убили наемники султана. Марокканцы посадили на трон марионеточного правителя, который правил страной от их имени.

Джудар вернулся в Марокко с богатой добычей.

По древним источникам, марокканцы при завоевании государства Сонгай потеряли только убитыми двадцать три тысячи человек. Эта цифра сильно преувеличена, если учесть, что войско, вышедшее в поход, было намного меньше. Хотя султан и получил богатую добычу, основная цель похода не была достигнута. Не удалось захватить места добывания желанного золота, а торговля золотом в связи с войной очень сократилась.

Хотя запасы соли в Сахаре давно не имеют того значения, которое они имели в Средние века, хотя сейчас соль уже не ценится на вес золота, в Тауденни она добывается и по сей день. Плиты длиной один метр тридцать сантиметров и толщиной пять сантиметров связывались веревками. Верблюд нагружался двумя-четырьмя такими плитами. Из верблюдов составлялся караван, и весь этот груз переправлялся на юг для продажи.

Французский исследователь Теодор Моно побывал в 1930-х гг. в Тауденни. Он описал соляные копи следующим образом: «В древнем морском бассейне, на глубине нескольких метров, поднимается на поверхность, вперемежку с неплодородными слоями почвы, каменная соль. Из нее изготовляют совершенно сухие плиты, которые без особой упаковки могут быть прямо погружены на верблюдов. В красной глине вырыты большие четырехугольные ямы, на дне которых застаивается зловонный рассол. Он обнажает поверхность соляного слоя, который в конечном счете разрезается на плиты; их ставят вертикально, очищают от песчаной корки, так что остается лишь внутренняя твердая основа…»

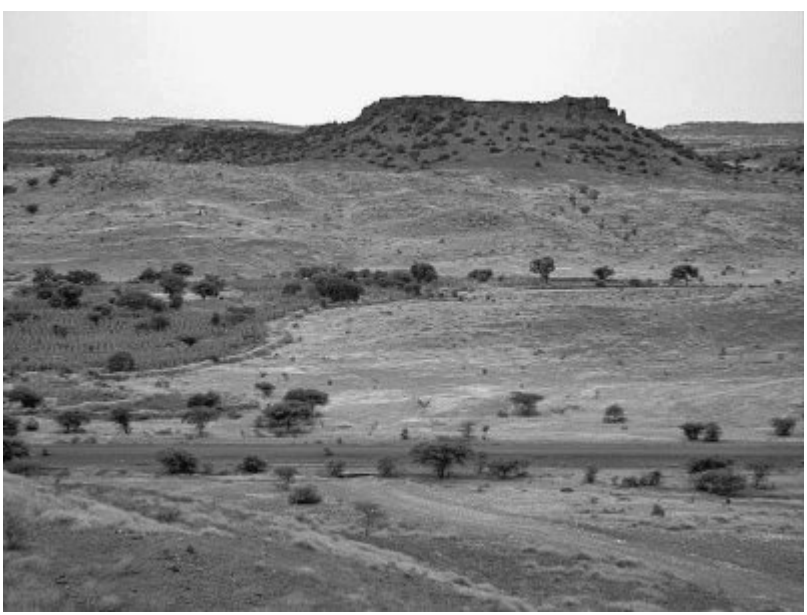
Европа к тому времени уже имела смутные представления о том, что центр Африки вовсе не является пустынной местностью. Карты XVI в. изобилуют, правда, часто искаженными, названиями в центре Африки: Гарама, Кано, Томбукту, Агадес, «Борно» (Борну), «Гуалата» (Валата), «Гаго» (Гао).

Европа начала проявлять интерес к Сахаре.

Конец одной легенды, или В поисках затерянного города

Вот уже около восьмидесяти лет таинственный город в песчаных дебрях Калахари притягивает к себе воображение людей. Его искали авантюристы-одиночки и экспедиции, оснащенные самолетами и вездеходами, о нем писали занимательные романы и научные статьи его видели, но никто его не находил.

Все началось с того, что один предприимчивый американец, известный под фамилией Фарини (его настоящая фамилия была Хант), вернувшись в 1885 г. из путешествия по Калахари, заявил, что ему и его спутникам удалось найти в пустыне руины загадочного города. В марте 1886 г. Фарини сделал доклад о своем открытии перед Королевским географическим обществом в Лондоне, а затем выпустил книгу под названием «Через пустыню Калахари», где он так описывает найденные им развалины города: «Мы проследили эти развалины почти на расстоянии мили. Почти повсюду это были груды больших камней с плоскими сторонами. Здесь и там между рядами камней можно было ясно различить слои скрепляющего камни цемента… Стена имела форму полукруга, и внутри нее с промежутком в 40 футов лежали груды камней, имевших очертания овала…»



Скалы, похожие на развалины

Фарини и его спутники начали раскопки внутри стены и обнаружили мостовую шириной в 20 футов, сложенную из широких каменных плит, расположенных в определенном порядке. Мостовая под прямым углом пересекалась с другой, что в целом образовывало нечто напоминающее мальтийский крест. В центре пересечения в свое время, вероятно, находился алтарь, колонна или другое сооружение. Основание постройки, по словам Фарини, сохранилось вполне отчетливо. Никаких надписей нигде не было видно.

Книга Фарини была снабжена картой маршрута его путешествия и одной-единственной зарисовкой загадочных развалин. Сообщения Фарини вызвали сенсацию. Ученые начали высказывать предположения о времени существования древнего города в столь труднодоступной местности. Поисками города занялись искатели приключений, которым мерещились бесценные клады, погребенные в городе, чуть ли не копи царя Соломона. Другие надеялись открыть нечто вроде второй Атлантиды.

В каком же месте Калахари нашел Фарини эти необыкновенные развалины? Как следует из его рассказа, развалины были найдены им во время охоты в районе между поселениями Ритфонтейн и Лохутуту.

Почти сразу начали раздаваться голоса, ставящие под сомнение рассказ Фарини. Уже в 1887 г. в ведущем немецком географическом журнале Petermanns geographische Mitteilungen появилась критическая статья немецкого ученого-миссионера доктора Шинца, заметившего неувязки в датах путешествия Фарини. Он узнал от фермеров, проживающих в районе Гханзи (одно из поселений, которое Фарини, по его словам, проходил во время путешествия), что Фарини там никто не видел и даже не слыхал о таком человеке. Правда, это поселение было расположено значительно севернее найденного города.

Одновременно появились сообщения, что из городка Апингтон Фарини сразу же отправился по дороге в Ритфонтейн (он утверждал, что побывал там на обратном пути), а если и делал какие-то отклонения от маршрута, то это было в тех местах, которые чуть ли не ежедневно посещались местными охотниками.

Становилось очевидным, что Фарини во многом говорил неправду, но вместе с тем не существовало и никаких очевидных доказательств, что затерянный город Калахари – всего лишь плод его воображения.

Долгое время вопрос о таинственном городе оставался

открытым. Только в 30-е гг. XX в. этим снова занялись всерьез. Прежде всего стали искать оставшихся в живых спутников Фарини. Был найден один из охотников, с которым Фарини охотился в районе Ритфонтейна. Тот не помнил о находке в пустыне каких-либо развалин.

И снова стали внимательно изучать все факты так или иначе связанные с путешествием Фарини. Вспомнился, в частности, такой эпизод: после возвращения Фарини сделал подробное сообщение о своем путешествии для одной из местных газет, но там не было ни слова об этом открытии. Сын Фарини, профессиональный фотограф, который сопровождал его в этой экспедиции, фактически не показал ни одной достоверной фотографии найденных развалин. А единственный представленный снимок был настолько подозрителен, что трудно определить, что там от действительной фотографии, а что умело подрисовано.

К тому же имелись явные несоответствия между тем, что Фарини рассказал в своем выступлении на заседании Географического общества, и тем, что затем он изложил в своей книге.

И, наконец, самым внимательным образом отнеслись к фактическим данным о климатологической истории Калахари. Накопленные наукой данные с неопровержимой очевидностью свидетельствовали, что климат пустыни в районе возможного нахождения города за последние тысячелетия существенно не менялся. А между тем город столь значительных размеров, естественно, предполагал наличие поблизости значительных водоемов. Но в этой части Калахари вот уже несколько тысячелетий не существует и не существовало значительных оазисов. Самые крупные здесь реки – Носоп и Ауоб – бывают полноводными раз в поколение. Само собой разумеется, что для существования большого города этого недостаточно. В таком случае, как мог возникнуть здесь такой крупный город? Не были ли его развалины всего-навсего миражом?

Только английскому исследователю Клементу удалось раскрыть тайну. С небольшой экспедицией он отправился в апреле 1964 г. в пустыню с твердым намерением раз и навсегда разрешить «проклятый вопрос». Экспедиция добралась до Ритфонтейна и в окрестностях этого городка наткнулась на гряду скалистых холмов, называвшихся Айердопконниз. Ландшафт местности поразил Клемента и его спутников (он совпадал с теми описаниями, которые приводил Фарини в рассказах о своем городе). Расположенная полукругом скалистая гряда тянулась примерно на милю. Во многих местах скалистые гряды

напоминали нечто вроде двойных стен, сооруженных из крупных блестящих черных глыб. Едва ли требовалось много фантазии, чтобы спутать эти глыбы с обработанными человеческими руками каменными плитами. Одна из таких глыб-плит очень походила на деталь развалин на рисунке Фарини. Поверхность некоторых глыб можно было при желании принять за рифленые. В отдельных местах скалы были покрыты чем-то напоминающим известь.

В Ритфонтейне до сих пор живут потомки поселенцев, с которыми охотился в свое время Фарини. Клемент показал рисунок Фарини старейшему обитателю этих мест, который, взглянув на него, сразу же сказал: «Да, я знаю это место». По карте он показал расположенные в 15 милях к востоку от Ритфойнтейна скалы Айердопконниз. Загадочный «город» Калахари был наконец открыт.

Геологи дали ответ, как мог образоваться такой странный природный феномен. Он получился в результате выветривания вулканического долерита, из которого сложены эти скалы. Фарини наткнулся на них и принял причудливые скалы за развалины города.

Однако и поныне находятся энтузиасты, не смирившиеся с такой «неромантической» версией разгадки тайны. Новые экспедиции пускаются на поиски cite perdue (как окрестили его на французский манер «альтернативные археологи»). И они уверены, что непременно найдут его!

Черный рак над Гамбией, или Одиссея курляндского герцога

История эта трехсотлетней давности многим показалась бы вымышленной, нереальной, если бы не бесспорные доказательства подлинности всего происшедшего, собранные в разные годы исследователями многих стран.

Во второй половине XVI в., потеснив Испанию и Португалию, ведущими морскими державами стали Англия и Нидерланды. Но все чаще задумывались о своем месте под солнцем и другие государства. О дальних морских походах мечтали правители Швеции, Дании, Бранденбурга. Перед мысленными взорами их правителей стояли несметные богатства Нового Света, наводнявшие европейские рынки.

Маленькое герцогство Курляндское тоже не желало отставать от своих предприимчивых соседей. С 1642 по 1682 г. здесь у власти находился герцог Яков, «один из коронованных мечтателей с великими замыслами, всю жизнь свою носящихся с планами, размеры которых находятся в обратной пропорции с их средствами» (так написал о нем один из поздних исследователей). Отличительной чертой политики Якова было то, что в заморские предприятия вкладывались в основном доходы, получаемые из имений герцога. На флоте применялся исключительно труд крепостных крестьян.

Якоб Кеттлер

Идеи, которые вынашивал честолюбивый герцог, соответствовали государственным нуждам Курляндии. Герцогству нужны были новые рынки сбыта своих товаров. Вот уже заключен

договор с Францией о поставках в Курляндию вина и соли. Найдено решение «сельдяной проблемы»: курляндские рыбаки сами выходят в Северное море, а не закупают рыбу в Гетеборге, Бергене и портах Голландии, Ограничен ввоз готового платья из Европы благодаря строительству собственных суконных и текстильных мануфактур. То же Яков намеревался проделать и с пряностями – не зависеть от Ост-Индской компании, покупая их втридорога, а доставлять коренья из Африки и Индии на собственных судах.

Были у Якова и другие цели. Блеск несметных богатств, привозимых в Европу испанцами и португальцами, ослеплял его. Герцог мечтал превратить Митаву в северный центр торговли заморскими товарами. В голове герцога бродили мысли о дальних походах – одна заманчивее другой. В 1650 г. герцог поручил своему агенту в Амстердаме основать при участии голландских торговцев «Компанию для торговли в Гвинее», чтобы таким образом «перестать зависеть от капризов Ост-Индской компании». Однако амстердамские купцы не отважились взять на себя защиту трех судов герцога. Но тот не отказался от своего замысла и временно отозвал корабли.

В сентябре 1651 г., взяв на борт в Голландии сто наемных солдат, к берегам Западной Африки отправилось судно «Кит». 25 октября корабль бросил якорь в устье реки Гамбии. Агенты герцога тут же приступили к переговорам с африканскими вождями. У правителя Кумбо за бесценок был куплен небольшой островок в десяти милях вверх по течению реки. Чуть позже путем различных махинаций курляндцы получили в пользование область Гилфре на северном берегу реки, как раз напротив островка (его назвали Сент-Андреас), а правитель Барра продал им область Байона в устье Гамбии. Над островком Сент-Андреас взвился курляндский флаг с изображением черного рака на красном поле.

Через несколько месяцев в устье Гамбии пришел еще один корабль герцога Якова – «Крокодил». В фортах постоянно находился гарнизон, несший охрану складских и жилых помещений, а также лютеранская церковь.

Герцог не без оснований опасался нападений голландцев и англичан. Ловко играя на их раздорах, он сумел добиться того, чтобы его суда беспрепятственно ходили к берегам Западной Африки.

Наибольшего расцвета торговля Курляндии с западноафриканским берегом достигла в 1655 г. при капитане Отто Штиле, проявившем себя умелым и хитрым администратором. Особые уполномоченные сообщали в Гамбию о

тех товарах, которые находили наибольший спрос в Курляндии. Местные жители охотно покупали металлические изделия, ткани в обмен на золото, слоновую кость, воск, шкуры животных, перец, коренья, растительное масло, кокосовые орехи.

Воодушевленный успешным ходом торговли на Африканском побережье, Яков уже вынашивал планы дальних походов в Вест-Индию и южные моря. Но времена быстро менялись. У курляндских владений в устье Гамбии появились опасные соседи.

После того как голландцы отняли у португальцев большинство их владений в Западной Африке, они стали фактически полными хозяевами всего Атлантического побережья. В 1631 году созданное в Англии Новое африканское общество основало фактории в Сьерра-Леоне и на Золотом Береге. Чуть позже здесь появились и шведы. За ними пришли датчане, потом – французы. Если прибавить к этому еще и бранденбургские крепости 80-х гг. XVII в., то создастся весьма пестрая и характерная картина раздела африканского «пирога». По-разному вели себя эти государства: одни пытались наладить с местными вождями мирные отношения, не гнушаясь, однако, с помощью тех же вождей добывать в глубинных районах «живой товар», другие открыто демонстрировали силу, захватывая невольников.

Якова такое соседство пугало. Он решил искать новые земли – подальше от агрессивных соседей. В 1651 г. он испросил у папы Иннокентия X разрешение «пуститься в тяжкое предприятие, которое послужило бы на благо католической церкви» (как видим, папу не смущало то, что курляндская династия была лютеранской).

Переговоры велись в Вильне и Полоцке с папским легатом доном Камильо Панфили. Яков был готов предоставить для экспедиции в южные моря флот из сорока судов и несколько тысяч человек команды, ассигновав на все предприятие три-четыре миллиона талеров.

Но этому плану не суждено было сбыться. 5 января 1655 г. папа неожиданно умер. В том же году разразилась шведско-польская война, в которую оказалась втянутой и Курляндия. Герцог с семьей угодил в плен к шведам. Неволя продлилась два года. За это время фактории в Гамбии стали приходить в запустение. Они просуществовали до 1666 г., когда в марте пять английских кораблей вошли в устье Гамбии и потребовали немедленной сдачи крепости. Колония Курляндии перешла в полное владение Англии.

Чуть дольше продержались владения герцога на острове Тобаго в Карибском море, который заселили в 1654 г. курляндские крестьяне и устроили здесь плантации. В 1696 г.,

уже после смерти Якова, оттуда вернулся домой последний колонист…

Почти пятнадцать лет продержались торговые отношения между факториями на западноафриканском берегу и самой Курляндией. Множество простых курляндцев – крепостных крестьян, нанятых на суда матросами и солдатами в гарнизоны, – повидали Африку, завязали контакты с африканцами.

То было первое знакомство жителей Прибалтики с далеким неведомым им миром племен и народностей, удивительной природой тропиков. Несомненно, обрывки этих ярких воспоминаний должны были сохраняться в памяти поколений, живших в прибрежных районах Курземе.

Вспомним: после Полтавской битвы Курляндское герцогство оказалось в сфере влияния России. Конечно, участников плаваний в Африку уже не было в живых. Но память, несомненно, жила. Были и архивные документы. Недалекая от Петербурга Курляндия могла бы сослужить немалую службу Петру I при подготовке его экспедиции в Индийский океан (по ряду причин она не состоялась в 1723 г.).

Сосна и пальма, или Эстонские миссионеры в Африке

Эстония и Африка… Они как-то плохо вяжутся, два этих слова. Что может следовать за таким на первый взгляд странным сопоставлением? Может, рассказ о рыболовецком траулере из Пярну, посетившем Дакар или Луанду. Или об африканских дарах – бананах, орехах кешью, кенийском кофе, – партия которых прибыла в Таллинн…

Эстония и Африка… Контакты их начались достаточно давно – с конца XVIII – начала XIX в. ведет свое начало эстонская африканистика, оставившая немало имен и загадок в созвездии первооткрывателей Черного континента.

Самые первые сведения об этой части света и ее обитателях эстонский читатель мог получить из «Прекрасной книги рассказов и поучений»

Ф. Г. Аврелиуса, вышедшей в Ревеле (так раньше назывался Таллинн) в 1782 г. Но сведения те еще кратки и обрывочны: есть, мол, такая страна Африка, и живут там люди с темным цветом кожи. Более подробно узнали эстонцы об Африке уже в 20-е гг. прошлого века из «Ежегодника для селян», издававшегося просветителем О. Мазингом. Интересовался этой частью света и крупный деятель эстонской культуры Ф.-Р. Крейцвальд, он регулярно выписывал и читал книги о путешественниках, например, записки француза Лаба, повествующие о странствиях по Западной Африке в конце XVIII в. Первый том своих «Картин земли и моря» Крейцвальд в 1850 г. почти целиком посвятил Африке.

Но это были знания из вторых рук. Поехать в Африку было тогда делом совсем не простым. Из Эстонии туда вела только одна дорога – через миссионерские школы Базеля, Лейпцига и Хельсинки.

Современная христианская церковь в Намибии

И все же они есть – дошедшие до нас имена эстонских исследователей Африки. Все они в какой-то мере явились первооткрывателями. Одни изучали языки, до сих пор неведомые европейцам. Другие собрали коллекции предметов быта, ставшие впоследствии украшением лучших эстонских музеев. И именно потому, что так не стыкуются два этих слова – Эстония и Африка, столь притягательны любые сведения, добытые на эту тему!

Расскажем об этих людях подробнее.

На хуторе Туйсу имения Алло Эстляндской губернии маленький Ханс Тийсман, крестьянский сын, впервые прочитал об Африке в «Эстонской еженедельной газете». Тогда же зародилась в нем мечта о дальних странствиях. Но едва мальчик подрос, ему пришлось работать в имении хозяина. Потом – аптека в Ревеле, служба в армии. Тийсману было уже за тридцать, когда он мог наконец поехать учиться в Базель. Любимым учителем Ханса был выдающийся знаток африканских языков путешественник Иозеф Людвиг Крапф, который основал первую миссионерскую станцию близ Момбасы, в прибрежном районе Кении.

В конце 1865 г. Тийсман впервые ступает на берег незнакомого континента. К сожалению, до нас не дошел архив исследователя, и мы не можем восстановить по кирпичикам африканский период жизни этого замечательного человека. Осталась написанная им книжка, изданная 17 лет спустя в Ревеле: «Цветок Африки, или Блаженные дни жизни одной девушки галла Паулийне Фатхме из Африки…»

«Та земля народа галла расположена в Восточной Африке. Та земля народа галла – это милая, родная и изборожденная реками и благодаря горам и долинам также очень красивая и здоровая земля». Вот они, наполненные теплотой и лиризмом строчки эстонского африканиста!

«По росту они люди хорошего высокого телосложения, с приятным лицом, высоким лбом, кротким характером, немного тонкими губами и мягкими, длинными, кудрявыми волосами. У них суть мудрости – предприимчивая решимость и дружелюбие, но и гордость, читаемая сразу же в их характере, лице и взоре». Как не вяжутся эти строчки из книги Тийсмана с иными, более поздними свидетельствами первых европейцев, оставивших воспоминания о «кровожадных и безжалостных дикарях, не гнушавшихся никакими средствами ради убийства и насилия». Наверное, все дело в отношении. Вполне понятно – свободолюбивые и гордые галла не хотели терпеть наглых и предприимчивых визитеров, искавших наживы, и давали им справедливый отпор.

Вышеприведенные описания племени галла, тексты на их языке и сведения о религиозных представлениях стали первыми в России того времени, а нотная запись песни галла – первой в мире.

Одна из глав книжки называется «Немного об охотниках и похитителях людей и о работорговле». Это рассказ о деяниях арабских купцов, торговцев живым товаром, о караванах, тянувшихся к побережью из глубинных районов материка. «Рабов ставят в ряд, одного за другим и приковывают цепью к длинному бревну, размещая на расстоянии 4–5 шагов друг от друга: возможность достать рукой до стоящего впереди или позади, таким образом, исключается». Тийсман был не одинок в наблюдениях за ужасными проявлениями эпохи работорговли и «охоты на чернокожих» (удачное выражение К. Маркса!). О них писали почти все русские путешественники, побывавшие в разные годы в Восточной Африке, – Аверинцев и Догель, Чикин и Булатович.

Как удалось выяснить в свое время советскому историку А. Дридзо, Тийсман был единственным человеком в России того времени, который владел тремя африканскими языками – суахили, киньика и галла. Он же стал пионером коллекционирования предметов быта этих племен. Собранная им коллекция хранится сейчас в Государственном историческом музее Эстонии, а книга «Цветок Африки» – в библиотеке Эстонского литературного музея в Тарту.

Одновременно с Тийсманом в Африке побывал еще один

эстонец – Юри Юрисон. Совершая кругосветное путешествие на корвете «Аскольд» в 1865–1866 гг., он три недели провел в Кейптауне. В своих южноафриканских зарисовках (их печатала газета «Ээсти Постимеэс») Юрисон оставил интересные сведения о зулу и готтентотах. Он стал родоначальником жанра путевого очерка в Эстонии. Предполагают, что Юрисон писал и по-русски и что именно ему принадлежит статья в «Морском сборнике» за 1866 г., озаглавленная «От Лиссабона до Кейптауна» и подписанная «Молодой моряк».

Тийсман и Юрисон не единственные эстонцы, связавшие свою судьбу с Африкой. Было еще четверо – Овийр, Блумер, Туттер и Рейш.

…Действительно странно: идея написать об эстонских путешественниках по Африке родилась на Сааремаа, в средневековом замке Кююресааре, где сейчас расположился ультрасовременный краеведческий музей. Нет, там не оказалось ни документов, ни схем маршрутов, ни рисунков этих отважных людей. Но там есть коллекция чучел перелетных птиц, гнездящихся на острове, – турухтан, вяхирь, саджа, дупель, галстучник. Большинство из них на зиму улетают в Африку. И – о чудо! – розовый фламинго! Его добыли однажды неподалеку в заливе. Стаи этих птиц окрашивают в нежный розовый цвет поверхность кенийских озер. Кения, знакомая эстонцам по запискам соотечественника Эвальда Овийра.

Питомец миссионерсной школы Лейпцига, Эвальд Овийр избрал местом своей работы горный массив Килиманджаро, на склонах которого до сих пор живут племена джагга, занимающиеся земледелием. Летом 1895 г. он ступил на африканский берег и скоро проявил себя незаурядным лингвистом и этнографом. Используя любые возможности, он совершенствовался в языке суахили, опубликовал исследование о его глагольной системе, которое не потеряло значения до сих пор. Путевые дневники Овийра полны интереснейших наблюдений за природой и людьми. Он составил словарь языков банту, готовил сборник сказок и загадок. В августе 1896 г. он погиб вместе с другим исследователем при нападении неизвестного воинственного племени.

Прошло 11 лет. В 1907 г. у в Африку прибыл другой эстонский миссионер – Леонхард Блумер, сын учителя из Куусалу. Он поселился южнее того района, где погиб Овийр. Прожив здесь 23 года, он изучил язык и нравы масаев. В распоряжении Блумера не было ни одного печатного издания. В Африке деревенский учитель из Эстляндии составил по образцу эстонской азбуки букварь на языке масаев. А. Дридзо в свое время

предпринял поиски этой книжки Блумера, считавшейся безвозвратно утерянной: букварь не значился в каталогах ни одной из крупных библиотек мира, а тот, что хранился в одной из церквей Тарту, погиб во время фашистской оккупации. И вот обнаружились два экземпляра. Один из них у раквереского учителя Л. Варика. А в букваре том есть такие географические названия: Эстония, Ревель, Россия, Вильна, Волга. Масаи знали о них.

Умер Блумер в 1938 г. на острове Сааремаа.

Рихарда Рейша, учителя из Тарту, изучавшего в Дерптском университете восточные языки, тоже поманила Африка. В 1930-е гг. он составил на языке суахили учебники грамматики, арифметики и географии.

Хендрик Туттер стоит несколько особняком. Он жил и работал в Юго-Западной Африке. В 1903 г. он прибыл туда после окончания Хельсинкской миссионерской школы. Собранные им данные о быте и нравах народности овамбо разбросаны по брошюрам и Тжурналам тех лет.

Вот эти люди, связавшие свою жизнь с Африкой. Далеко была Прибалтика от Черного континента. Отрывочные сведения о нем, крохи, в сущности, доходили до жителей эстонских городов и деревень. Эстонские африканисты – их, конечно же, было больше, не все еще поднято, исследовано – расширили географические горизонты эстонцев. Африка стала к ним ближе.

Одиссея большерецких острожников

О Маурикии Беневском написаны десятки книг, сотни статей. Во Франции даже появилась опера «Ссыльные с Камчатки». Беневский связал свое имя с историей множества стран – Европы, Азии, Африки, Америки. Где только не осталось следов его деятельности – в архивах России, Польши, Венгрии, Японии, Китая, Франции, Англии, США, Голландии! Больше всего писали и пишут о нем в Польше и Венгрии – странах, где Беневского считают своим земляком. В сегодняшней Республике Мадагаскар имя Беневского внесено в энциклопедии. В столице страны есть улица Беневского: он – часть истории Мадагаскара.

Ребята подобрались – один к одному. Каждый – человечище, глыба.

Александр Турчанинов – камер-лакей императрицы Анны Иоанновны. За участие в заговоре против Елизаветы в 1742 г. «урезан» язык и вырваны ноздри.

Асаф Батурин – подпоручик Ширванского пехотного полка. Впрочем, именовал себя «полковником артиллерии». Биография богатейшая: разжалование, ссылка в Сибирь, помилование, арест за участие в бунте: летом 1749 г., во время пребывания Елизаветы в Москве, задумал с помощью солдат и восставших мастеровых арестовать императрицу, убить ненавистного фаворита Разумовского и возвести на престол Петра Федоровича – Петра III. Три года «крепкого содержания» и пыток в тюрьме, потом еще 16 лет – в Шлиссельбургской крепости. Не угомонился – в 1768 г. написал дерзкое письмо Екатерине II. За что и отправился в кандалах на Камчатку.

Лейб-гвардии Измайловского полка поручик Петр Хрущов. «Человек отличного ума и с большими познаниями». На Камчатку попал за то, что «изблевал оскорбление величества» и «старался других привлечь к возмущению». Приговорен к четвертованию, но потом помилован, «публично ошельмован» и сослан в Большерецкий острог на вечное житье.

Еще один гвардии поручик – Василий Панов. «Из очень хорошей фамилии, с большими талантами и особенной пылкостью ума, но увлеченный порывами необузданных страстей». Из-за этих «необузданных страстей» и загремел на Камчатку – уж очень раздражала его императрица-немка вкупе со своими бесконечно меняющимися фаворитами.

Ипполит Степанов, отставной ротмистр, помещик Верейского

уезда Московской губернии. Депутат созванной в 1767 г. «Комиссии о сочинении Уложения». Избрание депутатом воспринял всерьез, протестовал против екатерининского «Наказа» и резко обошелся с всесильным фаворитом графом Григорием Орловым. Арест, суд, тюрьма, ссылка…

Форт Дофен. Здесь высадились беглецы

Верховодил всеми 30-летний полковник барон Маурициий Август Беневский (иначе – Мориц Беньовский), выходец из венгерского аристократического рода. Впрочем, сам себя он охотно называл поляком и еще охотнее – генералом. Ловкий, энергичный и смелый, он был одним из тех талантливых искателей приключений, каких немало повидала Европа XVIII столетия. С четырнадцати лет – солдат. В 1756 г. сражался с пруссаками при Любовице, год спустя – под Прагой, затем под Домштадтом. Пока воевал, умер отец, и имение, которое юный барон должен был по праву унаследовать, захватили его проворные зятья. По-солдатски прямой и решительный, Беневский вышвырнул их из имения. Те поехали в Вену, добились заступничества императрицы Марии-Терезии. Барону пришлось бежать за границу.

Вообще-то он всегда хотел побывать в Индии. Его влекло море. Беневский побывал во многих портах Европы, в Гамбурге учился навигации. Скоро он взойдет на борт корабля и отправится к далеким берегам… Но в 1768 г. из Польши неожиданно приходит письмо: влиятельные польские

аристократы создали в Баре конфедерацию для борьбы с королевской властью и вмешательством царской России в польские дела и, высоко оценивая боевой опыт барона, предлагают ему вступить в их ряды. Барон долго не раздумывает.

Он командует кавалерийским отрядом, геройски сражается в первых рядах. В одном из сражений израненный Беневский попадает в плен. Его везут в Киев, оттуда в Казань. С пленным полковником русские обращаются хорошо, он принят в лучших домах, но не такой Беневский человек, чтобы коротать свой век в ссылке. Его незаурядный ум требует действия. Впоследствии он напишет в мемуарах, что его деятельность в Казани сводилась к тому, чтобы добиться для татар и прочего нерусского населения «тех свобод и гарантий, которыми пользуются иные народы». Словом, барон начинает готовить восстание.

В ночь на 7 ноября 1769 г. за Беневским пришли. Барон бежал через черный ход, и вместе со своим другом, шведским майором Винбланом, они бросились вон из города. Их поймали только в Петербурге. Потом были Петропавловская крепость, этап по «Владимирке», бескрайние просторы Сибири, и, наконец, Камчатка, Большерецкий острог.

И вот они все вместе – что ни человек, то легенда. Большерецкие узники не намерены сидеть сложа руки. Беневский сходится с Хрущовым. Долгие вечера они проводят, обсуждая план дерзкого побега. Эх, добыть бы корабль! «Вдвоем уйти немыслимо, – говорит Хрущов. – Чем больше нас сможет выбраться отсюда, тем вернее удастся побег».

Единомышленников и искать не надо – они все под рукой, люди бывалые, смелые, готовые на все. Создается «подпольный комитет»: Панов, Батурин, Винблан, Хрущов и Степанов, председатель – Беневский. Под страхом смерти они клянутся не выдать тайны заговора.

Комендант Большерецка капитан Нилов, вечно пьяный, благодушный и дряхлый, «пил горькую» и к служебным обязанностям относился «зело нерадиво». Ему и невдомек, что творится вокруг. А между тем заговор ширился. К «подпольному комитету» примкнули священник Устюжанинов, его 13-летний сын Иван, «шельмованный казак» Рюмин с женой, секретарь большерецкой канцелярии Спиридон Судейкин, адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер и множество других. Целой группой присоединились к заговорщикам работники купца Холодилова – они открыто возмущались и хозяином, который ими помыкал, и покровительствовавшим ему Ниловым.

Неожиданно в руки коменданта попало секретное письмо Беневского к священнику Устюжанинову. Узнав об этом, барон

сразу взял быка за рога и объявил себя «правителем Камчатки». Таиться больше не имело смысла. В ту же ночь заговорщики обезоружили охрану и ворвались в канцелярию. Началась свалка. Капитан Нилов выстрелил в Беневского и ранил его в руку, но поручик Панов двинул старика так, что тот испустил дух. Забрав казенные деньги, оружие и две пушки, мятежники пошли к дому сотника Черного. Тот оказал сопротивление. Пришлось наводить на дом пушку…Участники бунта назвали себя «Собранная компания для имени его императорского величества Павла Петровича» и присягнули «законному государю». Накануне отплытия ссыльные оставили «Объявление» для сената на девяти листах. В нем они гневно обрушились на произвол, несправедливости и притеснения властей: «В России начальники единое только имеют право – делать людям несчастие, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют. Камчатская земля от самовластия начальников разорена… Народ российский терпит единое тиранство, коснеет в невежестве и страждет, и никто за истинные заслуги не награждается…. Богатый имеет случай угнетать бедных людей, ежели он и мало знает законов, то судья ему за деньги помогает. Каждый старается только подлым образом от начальника получить милость и чин».

В «Объявлении» писалось также, что законный государь Петр III, внук Петра Великого, свергнут с престола и убит, власть в стране захватила немка-узурпаторша, что царевич Павел (будущий император Павел I) незаконно лишается престола, что вмешательство в польские дела разоряет Россию и выгодно только Понятовскому (фавориту Екатерины II), что система винных и соляных откупов обогащает немногих и разоряет многих, и т. д. «Россия без истинного своего государя одним пристрастным управлением доводится до самого разорения. А мы усердны нашему отечеству и законному нашему государю Павлу Петровичу… Виват и слава Павлу Первому, России обладателю! Спасая его, Бог спасет и подданных невидимым промыслом. А мы желаем соотечественникам нашим всякого добра и сказать можем прямо, что подлинно от беспорядка народ удручен…»

Спустившись на плотах к морю, острожники погрузились в Чекавинской гавани на галиот «Св. Петр». Отбив кувалдами и ломами вмерзшее в лед судно, вышли в открытое море. На маленьком корабле водоизмещением в 250 тонн поместилось 42 человека.

Беневский имел вполне приличное морское образование и, располагая картой, мог вести корабль куда угодно. А карта у него была. На борту «Св. Петра» были и опытные мореходы – штурман Максим Чурин и подштурман Дмитрий Бочаров, в свое время

плававшие к берегам Америки.

Выйдя из Большерецка, галиот пошел на юг вдоль Курильской гряды. Высадились на небольшом острове Маканруши. Здесь прожили дней десять – пекли хлеб, сушили сухари для дальнего пути. Между тем среди острожников созрел новый заговор: на этот раз уже против Беневского. Штурманские ученики Измайлов и Зябликов, присоединившиеся к мятежникам, в сущности, по недоразумению, решили захватить галиот. Их поддержали человек десять команды. Однако отыскался «пущий злодей», разоблачивший заговорщиков. Беневский был страшно возмущен этим вероломством и сгоряча хотел казнить зачинщиков, но, поостыв, приказал попросту высечь их. После этого галиот поднял якоря и отчалил, а зачинщиков оставили на острове с небольшим запасом «ржаного провианта» (они благополучно спаслись).

В начале июля беглецы, испытав все муки долгого плавания, страдая от скверной еды, жары и нехватки пресной воды, достигли берегов Японии. Высадиться беглецам здесь не дали, но воду и рис на борт доставили. Барон велел поднимать паруса. Галиот пошел дальше на юг, к островам Рюкю, где беглецов приняли очень хорошо. Местные жители варили гостям еду, приносили рыбу и кокосовые орехи, угощали рисовой водкой.

Отремонтировав истрепанный дальним плаванием корабль, беглецы подняли паруса. Больше недели «Св. Петр» шел по пустынному морю, пока на горизонте не показалась земля. Это была Формоза (Тайвань). Первая же высадка на берег привела к стычке с аборигенами («индейцами»). В поисках удобной и безопасной бухты пришлось долго идти вдоль побережья. Но едва лишь снаряженная с галиота команда в поисках воды решилась проникнуть чуть дальше в глубь острова, как вновь произошло столкновение. Погибли поручик Панов и два матроса.

Барон был вне себя от гнева. Он жестоко отомстил «индейцам». Правда, аборигены не дали захватить себя врасплох и вступили в бой, но были разбиты и отогнаны. В своих мемуарах барон пишет, будто убил в «сражениях» на Формозе 1500 островитян, но это преувеличение (как и вообще многое из того, о чем пишет Беневский).

Барон направил галиот к берегам Китая. «Св. Петр» вошел в порт Макао – далекую португальскую колонию на китайском побережье. Беневский нанес визит губернатору и, после недолгих переговоров, продал ему галиот со всем такелажем, якорями, пушками, ружьями, порохом, артиллерийскими припасами и провиантом. Команда была переведена на берег и получила «довольную пищу» от португальцев. Вскоре барон разругался со

своим лучшими друзьями Винбланом и Степановым. Они были недовольны и продажей галиота, и тем, что барон соблюдал в Макао только свои интересы. Беневский обвинил их в бунте против португальских властей. Винблана и Степанова бросили в тюрьму. Поостыв, Винблан решил подчиниться воле барона. Бывший ротмистр и депутат Степанов отказался. Оставшись в Макао, он поступил на службу в голландскую Ост-Индскую компанию, побывал в Батавии (Индонезия) и Лондоне. Он умер, оставив записки о путешествии на «Св. Петре», опубликованные в ряде европейских журналов.

Между тем Беневский помирился со своими соратниками, и странники наконец покинули Макао, оставив лежать в здешней земле 15 своих товарищей. Умер Турчанинов, старый камер-лакей императрицы Анны Иоанновны. Умер Асаф Батурин, давний узник Шлиссельбурга.

Беневский уплатил Ост-Индской компании крупную сумму за перевозку его команды в качестве пассажиров до Франции. Утверждения Винблана и Степанова, что барон продал галиот ради личной выгоды, несправедливы: у Беневского все-таки был определенный кодекс чести, и он старался ему следовать.

Прибыв во французские владения в Индийском океане, беглецы поселились на Маврикии в городе Порт-Луи, где им, как пишет в своих записках «шельмованный казак» Рюмин, «определена была квартира, и пища, и вина красного по бутылке в день, и денег по некоторому числу… и жили мы в том городе восемь месяцев и девятнадцать дней». Рюмин был уверен, что девять месяцев русские беглецы прожили в Порт-Луи за счет королевской казны, но это вряд ли! Надо полагать, что и здесь барон позаботился о своих товарищах, прежде чем уехать в Париж.

Все же бывшим острожникам приходилось туго. Они написали барону о желании вернуться на родину. Тот ответил им короткой запиской: «Ребята! Я ваше письмо получил. До моего приезду ваша командировка отменена. После всякий мне свое намерение скажет. Ваш приятель барон Беневский».

Чем же занимался Беневский в Париже? Его приняли радушно: известия о дерзком побеге с Камчатки и почти что кругосветном путешествии большерецких острожников уже давно обсуждались во всех столицах Европы. На Беневского смотрели как на героя. А он один за другим выдвигал головокружительные проекты подчинения французской короне Формозы, Алеутских, Курильских островов.

В Париже к ним отнеслись прохладно: эти острова лежат где-то на краю света, до них за год не доплывешь. Зато был нужен

человек, способный организовать колонию на Мадагаскаре, и отважный Беневский с боевым прошлым и фантастической энергией годился для этого как нельзя более.

В марте 1773 г. барон получил последние инструкции, касающиеся управления Мадагаскаром, и уехал в Порт-Луи, к своим «ребятам». Последовать за ним решились только 11 человек. Петр Хрущов поступил на французскую службу в чине капитана, вместе с ним – адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер. Майор Винблан отправился в родную Швецию. Семнадцать самых непреклонных решили вернуться в Россию. Екатерина II простила им бунт и бегство на казенном корабле – лишь бы было меньше огласки. Писать и говорить как о бунте, так и о плавании на «Св. Петре» им было строго запрещено, в уверение чего они должны были целовать крест и Евангелие. «Нещасных людей» отправили в Сибирь – якобы по их собственному желанию.

В феврале 1774 г. Беневский во главе полка волонтеров высадился на Мадагаскаре. Старый форт, за палисадом которого укрывался небольшой гарнизон, был единственным опорным пунктом французов на острове и имел весьма жалкий вид. Туземцы были настроены по отношению к пришельцам враждебно. Но Беневский не привык отступать. Первым делом он силой забрал с корабля, доставившего ему грузы, мастеровых для строительства жилищ. Из селений, расположенных поблизости, пригласил на работу лояльных островитян. Заложенную им новую крепость он назвал Луисбергом – в честь короля Людовика XV.

В отношениях с туземцами Беневский был крайне осторожен. Мало-помалу добившись более тесного общения с ними, он пытался просвещать их, боролся с варварскими обычаями. Постепенно в среде островитян у него стало появляться все больше сторонников. Близ Луисберга выросли еще два форта, между ними пролегла дорога, появились плантации, где произрастали злаки, сахарная свекла, хлопчатник. В залив Антонжиль все чаще стали заходить торговые суда. Барон грузил на них продукцию с плантаций, пряности, драгоценный палисандр, а взамен получал текстильные и металлические изделия.

«Если ты добьешься успеха, у тебя появится много неискренних друзей и искренних врагов», – гласит древняя мудрость. У Беневского в избытке появились и те и другие. А тут еще умер благоволивший к нему Людовик XV. Из Парижа повеяло холодком. Бессильный против интриг, Беневский был готов объявить себя верховным вождем Мадагаскара и встать во главе дружественных ему мальгашских племен. Делегация вождей уже являлась к нему, упрашивая барона принять королевский титул.

Беневский обещал подумать. Он понимал, что его попытка выйти из-под власти Франции не останется безнаказанной. Но если он хочет упрочить свое положение на Мадагаскаре, поездки в Париж не избежать.

Эта поездка, предпринятая Беневским в условиях, когда он фактически порвал с Францией, потребовала от него трезвого расчета и немалого мужества. Однако, против ожидания, во Франции барона встретили с еще большим интересом, чем прежде: к его прежней славе добавилась новая – завоевателя Мадагаскара. Король Людовик XVI пожаловал Беневскому титул графа, чин бригадного генерала, орден св. Людовика и крупное денежное вознаграждение. Беневский представил свой проект овладения Мадагаскаром – не с помощью войск, а силами местной знати. Фактически он предлагал Франции Установить протекторат над Мадагаскаром при признании его главой этого острова. Но французских чиновников его доводы не убедили.

Беневский остался не удел. Он вернулся в родную Австрию, вступил в армию и отправился на войну с Фридрихом Прусским. За боевые заслуги императрица Мария-Терезия простила ему старые прегрешения и даже велела возвратить Беневскому часть конфискованного когда-то имущества. Погостив у родственников, он возвращается в Париж – его неумолимо тянули к себе море, приключения, далекий Мадагаскар. Но здесь, как и прежде, он натыкается на стену непонимания и равнодушия. На счастье Беневского, в это время в Париже находился знаменитый американский ученый, писатель и философ Бенджамин Франклин. Североамериканские штаты вели борьбу за независимость, и помощь опытного и отважного вояки была как нельзя кстати. Барон отправился в Америку из Гамбурга во главе отряда из трехсот добровольцев. Корабль, однако, был задержан англичанами, и добровольцы оказались в английском плену. Но роль пленного – не для Беневского. Если с Камчатки он совершил воистину фантастический побег, то уж из Англии-то… Словом, барон достиг-таки берегов Америки. Но воевать ему не пришлось: 19 октября 1781 г. английские войска капитулировали.

В апреле 1783 г. Беневский вновь вернулся во Францию. Мысль о возвращении на Мадагаскар не давала ему покоя. Он нашел средства, купил корабль, загрузил его товарами и продовольствием, и 25 октября 1784 г. вышел в море.

Беневский высадился на северо-западном берегу острова, в заливе Антангар. Хотя его не было на Мадагаскаре восемь лет, островитяне хорошо помнили барона. Беневскому везде отдавали почести, оказывали всемерную помощь. Барон делал все для того, чтобы упрочить свое положение и наладить старые связи.

Жизнь закипела. Беневский начал строить новую крепость Мавритания, разрабатывать залежи серебра, заложил плантации и уже собирал богатые урожаи. Вскоре он был готов снабжать французские колонии на Мадагаскаре и Маскаренских островах рисом, фруктами, овощами, скотом. Послания к мальгашским вождям Беневский подписывал так: «Маурициий Август, милостью Божией король Мадагаскара».

Колониальные власти считали, что Беневский полон опасных замыслов. Пора дать понять этому «королю», кто настоящий хозяин! К форту Мавритания – столице Беневского – двинулся карательный отряд капитана Ларшера. Точной дороги никто в отряде не знал. Шли, пробираясь через девственный лес, и… случайно наткнулись на замаскированную тропинку. Беневский не предполагал, что французы ее обнаружат! Его укрепления были возведены большей частью со стороны моря. Таким образом, Ларшер беспрепятственно обошел Мавританию с тыла.

На рассвете Беневский вышел на крыльцо и увидел бегущих к форту солдат. Он схватил мушкет и крикнул: «Всем к частоколу!» Рядом с ним встали его соратники: сын большерецкого священника Иван Устюжанинов, барон д'Адельгейм, юный Генский, четыре матроса-американца, солдаты-мальгаши… Барон грозно предупредил атакующих: кто сунется к форту – пуля в лоб! Но, увы, одна из первых пуль попала прямо в него, прошив грудь Беневского навылет.

Барон начал медленно опускаться на землю, скользя рукой по брусьям частокола. Он еще пытался сказать какие-то слова, но их никто уже не понял… Удивительный каприз судьбы: в этой стычке не погиб никто, кроме 45-летнего «короля Мадагаскара».

Кем же был на самом деле этот удивительный человек? Сказать, что «авантюрист» – значит, судить о нем предвзято и поверхностно. Словари толкуют слово «авантюрист» как «человек, ищущий приключений». А словарь В.И. Даля прибавляет – «землепроходец». Вот в этом смысле слова Беневский, несомненно, авантюрист. А еще – мужественный, неустрашимый, волевой человек. Англичанин У. Эллис, один из историков Мадагаскара, писал: «Взгляды Беневского опередили его эпоху, а его обращение с мальгашами было справедливее и лучше, чем обращение других европейцев».

«Русская мусульманка» Изабелла Эберхарт

В октябре 1904 г. на оазис Айн-Сафра на юге Алжира обрушился невероятно сильный ливень. Мощные потоки воды смели глиняные жилища, под их обломками погибло много местных жителей, и среди них 27-летняя Изабелла Эберхарт-Трофимовская, подданная Российской империи.

Кто же она? Что привело ее в Алжир, бывший тогда французской колонией, где она обрела вечный покой на местном мусульманском кладбище?

В алжирских газетах время от времени упоминалось имя этой женщины, называли ее «казаком на сахарских просторах». Ее происхождение было окутано завесой слухов. Утверждали, например, что она русская, которую похитил и вывез из России турецкий военный, или, что она дочь французского поэта Рембо… Неясность усиливалась тем, что сама Эберхарт – способный литератор – подписывала свои произведения различными псевдонимами, в том числе Николай Подолинский, Марьям, Махмуд Аль-Москобий (Махмуд из Московии) и другими.

Изабелла Эберхарт

Родилась Изабелла действительно в России. Ее мать Наталья Эберхарт была выдана замуж за генерала Карловица фон Мердера, служившего в Петербурге в 70-х гг. XIX в. В один из дней в доме генерала появился новый воспитатель – 44-летний Александр Трофимовский. Бывший православный священник, он был человеком широко образованным, владел тремя иностранными языками. Дети генерала – их было четверо – быстро привязались к новому наставнику, а их мать Наталья даже влюбилась в него. Вскоре жена стареющего генерала сбежала с воспитателем за границу, забрав с собою детей. Беглецы нашли приют в Швейцарии. После смерти генерала они оформили законный брак. У Натали за границей родилось еще двое детей, младшей девочке дали имя Изабелла.

Ее детство прошло на «Вилла нова» в Женеве. В семье, где говорили на трех языках, она получила разностороннее образование, серьезно увлекалась литературой. В 18 лет девушка опубликовала в одном из парижских журналов свои первые рассказы. Сюжеты некоторых из них навеяны Востоком, традициями туземного населения Северной Африки. Богатое воображение и пылкая фантазия побудили Изабеллу к глубокому изучению этого региона. Она завязала переписку с видными учеными и тогдашней «туземной элитой», усердно учила арабский язык. Одним из ее корреспондентов стал Али Абдалла Ваххаб из Туниса – выходец из древнего аристократического рода, окончивший мусульманский университет Аз-Зейтуна.

В своих письмах тунисцу девушка делится своими мыслями об исламе и мусульманской культуре, испрашивает советов. В одном из писем она, в частности, пишет: «Я хотела бы навечно остаться жить в мире ислама и посвятить свою жизнь служению ему». Это не были пустые слова. В середине 1897 г. Изабелла вместе с матерью выезжает в Алжир и поселяется в приморском городе Аннабе.

Алжир в конце XIX в. живет как бы в двух измерениях: комфортабельный европейский мир и отсталый туземный. Но Изабелла не стремится войти в европейское колониальное общество. Больше того: она делает шаг, который шокирует окружающих, – принимает ислам.

В один из дней она участвует в торжествах по случаю открытия мусульманской школы в расположении бедуинского племени хариси, кочевавшего в горном районе неподалеку от Аннабы. «Нас было примерно 200 всадников на горячих бедуинских конях, – описывает этот эпизод Изабелла в своем

письме. – Мы неслись галопом по равнине под оглушительные раскаты выстрелов из старинных ружей-мушкетов. По пути к нам присоединялись все новые всадники, молодежь из местных дуаров… По прибытии нас ждала палатка с арабскими угощениями, песнями и танцами. Вечером мы хором читали и повторяли суры из Корана…»

У девушки зреют различные планы. То она собирается поступить в мусульманский институт или университет Аз-Зейтун в Тунисе. То хочет сама создать школу в Тунисе или Алжире для местных девочек. Однако этим намерениям не было суждено сбыться. Вскоре ее мать тяжело заболевает и перед своей кончиной принимает ислам. Ее хоронят по исламскому обряду на местном мусульманском кладбище под именем Фатима Манубия.

Изабелла возвращается в Женеву, где застает своего отца смертельно больным. После кончины Александра Трофимовского она остается одна. Материальное положение когда-то богатой семьи пошатнулось, между ее членами начинается судебная тяжба из-за наследства. В такой атмосфере девушка решает окончательно порвать с Европой, прежним образом жизни и переселиться в Алжир.

Она много ездит по стране, странствует с караванами по необъятной Сахаре. Для удобства передвижения и общения нередко выдает себя за юношу под именем Махмуд и носит мужской бедуинский костюм. Ее не останавливают суровый климат, изнуряющее солнце, песчаные бури. Путешественница довольствуется горстью сухих фиников и миской похлебки, спит под открытым небом. Девушке, воспитанной на вилле в Женеве, где каждый ее чих вызывал панику близких, приходится нелегко. Временами ее материальное положение было столь тяжелым, что девушке приходилось переписывать на рынках прошения неграмотных арабов или даже просить подаяние. «Эта трудная жизнь в пустыне формирует во мне человека действия, спартанский образ жизни помогает мне выжить», – отмечает она в своих записях.

Наконец девушке удается установить связи с рядом алжирских газет. Она посылает в редакции свои репортажи из сахарской «глубинки», где описывает быт и традиции жителей пустыни. Изабелла не остается равнодушной к проблемам коренного населения. Так, в одном из своих очерков она смело встает на защиту восставших земледельцев, против которых властями был устроен показательный судебный процесс.

В одном из своих писем тунисцу А. Ваххабу девушка с российскими корнями делится своими размышлениями о сути духа ислама и внешней стороне веры. «Быть мусульманкой, –

пишет она, – необязательно носить покрывало и закрываться. Эти меры были продиктованы мусульманкам с тем, чтобы обезопасить их от возможного падения и сохранить свою чистоту… Для меня ислам это не смена костюма, как делают это некоторые, подстраивающиеся под арабов, а самая высокая религия».

На территории Алжира, да и всей Северной Африки с давних пор и по сей день бытует особая форма ислама – суфийские братства. Во главе этих сект мистического толка стояли местные святые – марабуты, жившие в укрепленных часовнях-рибатах. В каждой области были свои братства и их шейхи, проповедовавшие аскетизм и добровольную бедность и оказывавшие большое влияние на население. У суфиев была и до сих пор существует система общения со всевышним путем постоянных упражнений, в том числе посредством воздержания от удобств жизни и самосозерцания.

Сахарское общество открывает Изабелле, называющей себя мужским именем Махмуд, свои двери. С благословения влиятельного марабута Аль-Хашми ее принимают в суфийское братство Кадырия, посвящают в закрытую атмосферу братства, в тайны местных верований и магии. Изабеллу можно встретить верхом на арабском скакуне, в белой накидке-бурнусе и чалме или в мавританском кафе потягивающей кальян в компании бородатых суфиев – проповедников-мистиков.

В одном из своих рассказов она описывает ритуальный танец во время ночного собрания суфиев: «Мокрые спины танцоров, узкое помещение в чаду кифа – наркотического растения, широко открытые глаза людей, введенных в состояние транса, эротические движения женских тел, глухая дробь барабанов перемежается со звоном украшающих их серебряных драгоценностей».

На одном из таких собраний Изабелла знакомится с молодым алжирцем Слиманом Хани, несущим службу во французской армии. Он – выходец из семьи влиятельного марабута-святого Сиди Мабрука из алжирского города Константина. Слиман становится преданным компаньоном, телохранителем и товарищем в поездках русской. Эта связь переходит в близкие отношения и любовь. Влюбленные вступают в брак, освященный местным имамом, и молодая пара селится в Эль-Уэде – оазисе, расположенном в восточной части Алжирской Сахары.

Этот живописный оазис, расположенный в 500 км от побережья Средиземного моря, и в наши дни не изменил своего облика. Песчаные дюны, окружающие оазис, тянутся до горизонта. Впервые попавший сюда открывает для себя небогатую, но яркую палитру красок: ослепительную лазурь неба,

оранжево-красные тона глиняных домов, яркую зелень пальм. В оазисе и его окрестностях – несколько десятков тысяч финиковых деревьев, растущих в низинах и своими корнями дотягивающихся до водоносных слоев пустыни. Местные домики венчают крыши сферической формы, сложенные из кристаллических пород.

Изабелла влюбляется в тишину и спокойное величие бескрайней пустыни. «Теперь, – пишет она, – я одна на земле ислама, в пустыне вдали от цивилизации, от ее лицемерных комедий, я свободна».

Однако молодоженам не суждено было долго жить в мире и спокойствии даже в далеком уголке Сахары. Местные европейцы, прежде всего французские военные, с подозрением смотрят на причуды шокирующий, на их взгляд, стиль жизни женщины. Некий «друг армии» направляет письмо-донос в Арабское бюро (представительство военных властей на территории Сахары). Он обвиняет россиянку Изабеллу в «шпионаже за военными властями в интересах парижской прессы». Ей даже приписывают «вражду к Франции», стремление «прикинуться мусульманкой, чтобы возбудить против метрополии туземное население». И хотя доказательств этому нет, над молодой женщиной сгущаются тучи. Ретивые чиновники «шьют дело». Ее брак со Слиманом не признается французскими властями, поскольку он освящен по-мусульмански и не легализован европейским законодательством.

И тут приходит новая беда. В январе 1901 г. Изабелла верхом на коне вместе с шейхом Си Аль-Хашми отправляется с группой паломников в Нефту (соседний Тунис) на могилу основателя суфийского братства Аль-Кадирия. По дороге местный фанатик из соперничающей секты Тиджания нападает на нее и наносит мечом тяжелые раны. Несколько дней она – на грани между жизнью и смертью, а после выздоровления предстает перед военным судом, разбирающим ее дело. Вердикт колониального правосудия суров: покушавшегося отправляют на каторгу, а «возмутительницу порядка» высылают из Алжира.

В Марселе, где высланная смутьянка находит приют, она встречает Слимана, и влюбленные оформляют свой гражданский брак по европейским законам. Приняв французское гражданство, Изабелла возвращается в 1902 г. в Алжир – на этот раз окончательно. Начинается самый плодотворный этап ее жизни.

Изабелла делает все возможное, чтобы помочь своему мужу в продвижении в карьере, настаивает на том, чтобы он продолжил свое образование. Благодаря усилиям своей жены алжирец успешно сдает экзамены на должность переводчика с французского языка и получает назначение в один из алжирских городов.

В это время наиболее полно проявляется талант молодой писательницы. Многие наблюдения и раздумья Изабеллы легли в основу ее новелл. Сочувствие и симпатии Изабеллы – на стороне обездоленных и униженных местных жителей. В некоторых рассказах Эберхарт фигурируют европейцы, приезжающие в Алжир с добрыми намерениями облегчить жизнь туземного населения. Нередко персонажи этих произведений – люди русского происхождения.

Интересно, что Изабелла практически никогда не подписывает романы, статьи, рассказы и письма своим настоящим именем, а постоянно использует псевдонимы. Хотя большинство ее произведений написаны по-французски (она одинаково свободно владела и русским языком), в них, по мнению литературных критиков, сильно влияние Достоевского, которому она поклонялась. Во многих романах писательницы так или иначе проглядывают черты и эпизоды биографии самого автора, у многих из них трагический финал.

По воле судьбы жизнь Изабеллы оборвалась под обломками размытых ливнем жилищ, когда ей было всего 27 лет. Не будь этой нелепой случайности, она, вероятно, вернулась бы в Россию. Она писала об этом в своем дневнике. Возможно, ее литературные способности и энергия полнее реализовались бы на родине ее предков.

Какой-то отпечаток рока лежит и на тех, кто был рядом с этой женщиной. Через три года, в возрасте 30 лет умер ее муж Слиман. 13 лет спустя ее брат, служивший в Иностранном легионе, кончает жизнь самоубийством.

При жизни Изабелла нередко подвергалась нападкам. Вокруг ее происхождения и поведения ходило много слухов, порою надуманных и вздорных. Ей приписывали распущенность, порицали за эксцентричный образ жизни, обвиняли в увлечении наркотиками и вином. Но после преждевременной кончины литературное наследие и биография Изабеллы, как магнит, стали притягивать внимание многочисленных издателей, прежде всего во Франции. (В России, к сожалению, не было издано ни одного ее произведения.)

Один из алжирских авторов назвал Изабеллу «загадкой Святой Руси, протянувшей мостик к мусульманскому братству». Трудно сказать, удастся ли когда-нибудь до конца разгадать эту загадку. За внешней бравадой и порою авантюристическими поступками этой женщины бурной судьбы таилась чувствительная и ранимая душа. Стоит привести одно свидетельство этому – запись из личного дневника Изабеллы, опубликованного после ее смерти: «Никто не может понять, что в этой груди бьется щедрое

сердце, когда-то обделенное любовью и нежностью. Оно сейчас наполнено бесконечной жалостью ко всем тем, кто несправедливо страдает, кто слаб и обижен».

В русской рубахе к людоедам

Вильгельм Юнкер был человеком обеспеченным «по факту рождения». Он родился в Петербурге 18 апреля 1840 г. в семье банкира – немца по происхождению. Немецкая община не порывала полностью связей с родиной; детям давали два имени – немецкое и русское. Так и маленький Вильгельм получил русское имя Василий.

Немецкие корни весьма помогли Юнкеру в его карьере: образование он получил в Геттингене и Берлине, дружил с исследователями Африки Швейнфуртом и Нахтигалем. Встреча с Нахтигалем вызвала у Юнкера горячее желание проникнуть в глубь Черного континента. Его интересовало плато Дарфур в Судане, еще неисследованное европейцами. Он уже имел опыт путешествий: сначала была Исландия (1869 г.), затем – Тунис, где он собирал римские древности и изучал арабский язык. Последнее обстоятельство было особенно важно: для проникновения в глубь Африки без содействия египетской администрации нельзя обойтись. Именно с Египта Юнкер и начал серию своих нильских путешествий.

Василий Юнкер

В первой экспедиции (1876 г.), помимо Юнкера, участвовали «препаратор» Копп и двое слуг. Из Суэца они отправились в Суакин – морские ворота Судана. Отсюда караван должен был доставить экспедицию к берегам Нила. Юнкер готовился к своему походу с немецкой методичностью. Он не строил иллюзий относительно местной кухни и предпочитал консервы привезенные с собой, а если и пробовал местную стряпню, то в ограниченных количествах.

28 февраля караван вышел из Суакина и за четыре дня дошел до оазиса Токара. Юнкер ищет озера Бела-Генда, о которых рассказывал путешественник Мунцингер. Но находит только «Чертову воду» – так бедуины называют миражи. Восемнадцать дней караван идет вдоль русла реки Барака, ныне совсем пересохшей. И вот, наконец, Кассала – главный город области Така, богатой диким зверьем. Именно здесь комплектовались коллекции европейских зоопарков. Юнкер гостит у зверолова Шмутцера, снабжавшего своим товаром всю Европу и Америку. У Шмутцера был собственный зверинец.

Ночью один из леопардов прорвался в комнату, где спал Юнкер. Путешественник проворно выскочил в соседнее помещение, заперев незваного гостя в своей спальне. Леопарда застрелили, а шкуру, в компенсацию морального ущерба, подарили Юнкеру.

В Кассале пробыли 9 дней, а потом двинулись в Кедареф (Гедареф). Здесь Юнкер гостит у греческого торговца Аристида Петраки. Это может показаться странным, но во второй половине XIX в. греки фактически прибрали к рукам почти всю городскую торговлю в Судане. Один из кедарефских греков даже говорил по-русски, поскольку бывал в Керчи и Таганроге. В Кедарефе большое впечатление на Юнкера производит рынок рабынь.

От Кедарефа до Хартума местность тянется пустынная (в наше время здесь проложено 500-километровое шоссе). В Хартуме – встреча с губернатором Исмаилом Эйюб-пашой. Начались нескончаемые празднества, на которых больше всего Юнкеру запомнилось меню: «За сладкими блюдами непосредственно следовали кислые и между двумя рагу, пересоленными пряностями, подавалось блюдо пересахаренного и ароматного крахмального желе». На весь город имелся только один столовый прибор – нож с вилкой.

В августе пароход «Сафия», наполненный чиновниками, офицерами, искателями приключений, крысами и тараканами, увозит Юнкера вверх по Нилу. Корабль плывет среди зарослей камыша; основную трудность для судоходства представляют «плавучие» камышовые островки – «седда». Иногда суда буквально застревают в них, будто скованные льдами. Пароход проходит не более сотни верст за сутки. Юнкер подхватывает лихорадку и страдает от ее приступов почти всю дорогу.

Рождество справляют в Ладо, столице Экваториальной провинции. Места самые дикие. Вместо елки – ветка акации, украшенная восковым спичками. 22 января Юнкер вместе с торговым караваном отправляется в страну Макарака. Здесь опять застревает: ничего не поделаешь, таково передвижение в этих краях! Идет караван с вооруженной охраной – идешь с ним. Нет – ждешь «оказии». Не хочешь ждать – садись на мула и езжай. Может быть, доберешься. Если очень повезет.

22 февраля Юнкер отправляется в Кабаенди, где совершает шестнадцатидневную поездку к племенам мунду и абукая. Для его спутника Коппа эта «экскурсия» оказалась роковой: он заболевает дизентерией. В Кабаенди Юнкер встречает караван торговцев слоновой костью из страны азанде, проникнуть куда мечтает уже давно, и, главное, знакомится с братом азандийского вождя Индиммы – Рингио. Юнкер ищет гору Багинзе, которую

хочет нанести на карту. Но Рингио – то ли по собственному незнанию, то ли по злому умыслу – указывает Юнкеру неправильную дорогу к горе. 290 км пути пройдены зря. Начинаются дожди. Запасы провианта кончаются. Проводники разбежались, а оставшиеся клянчат водку, запасы которой тоже на исходе. Умирает Копп. Юнкер остается один в далекой дикой стране.

В местечке Джур-Гаттас Юнкер получает предложение Рингио лично проводить к горе Багинзе. Вдвоем они добираются до нее, но к самой горе не подходят. Но Юнкер и так наносит ее на карту, издали. После трехмесячного отсутствия он возвращается в Ладо.

В ноябре 1877 г. Юнкер участвует в военном походе в страну Калика. В качестве экспоната для антропологической коллекции ему перепадает череп одного из африканских вождей. Именно благодаря участию в этом походе Юнкер впервые пересекает водораздел Нила и Конго. Впервые он увидел реку Кибби – истоки Уэле. Первое путешествие в верховья Нила закончено. Юнкер возвращается в Хартум. Он уже знал цель своего следующего путешествия: нужно разрешить загадку, куда впадает Уэле. Разные исследователи выходили к этой реке, но все – в разных точках. Ко всему прочему, в разных местах африканцы из разных племен называют ее по-своему, и поди догадайся, что эта река – та самая, которая в дневнике у другого путешественника названа совсем иначе.

Подготовка к экспедиции занимает минимум времени. Юнкер выбирает в помощники немца Бондорфа, «большого знатока негрских стран». Встретив новый, 1879 г., они отправляются на пароходе «Исмаилия» вверх по Нилу. Через восемь дней пароход доползает наконец до городка Мешре на притоке Нила Бахр-Эль-Газале. Далее Юнкер с Бондорфом плывут на лодке-«душегубке» вместе с неграми динка в их страну, разоренную нубийцами. Отсюда путешественник хочет отправиться в землю мангбатту к югу от Уэле, потом в Дем-Солиман с тем, чтобы попасть оттуда прямиком в страну негров-азанде и к «людоедам» ням-ням. Он готовит для вождя ням-нямов Ндорумы подарки: барабан, бурнус, красные башмаки, ружье и патроны.

Для встречи с вождем, не любившим нубийцев, Юнкер одел своих спутников в русские рубахи и шаровары. Ндоруме подарки пришлись по вкусу. Он разрешает Юнкеру построить в своей деревне «исследовательскую станцию» – базу для будущих экспедиций. Юнкер устраивается с комфортом: он привез с собой складную железную кровать, 2 парижских стула, гамак на ножках, ванну, рабочий стол. Ням-нямам особенно нравились шарманка и музыкальная шкатулка, которую Юнкер использовал для веселых

розыгрышей.

В течение 1881 г. Юнкер подробно исследует земли азанде и мангбалле, подолгу гостя у этих народов. Изучает обезьян-приматов, прежде всего шимпанзе. Отловил детеныша шимпанзе, которого выкармливала коза, но, видно, не пришлось ему по вкусу козье молоко – помер. В декабре 1881 г. Юнкер в одиночку отправляется в земли племен абармбо – людоедов похлеще нямнямов. Здесь он впервые знакомится с пигмеями. Для негров-абармбо они служат вместо дичи: их ловят, убивают и едят. Вождь Бакангаи даже подарил Юнкеру одного пигмея в качестве слуги.

Вождь Бакангаи – вообще добряк, шутник и весельчак. Когда Юнкер подарил ему «зажигательную» лупу, он стал прижигать через нее своих подданных, и это занятие доставляло ему море радости. (Кстати, именно так поступил за полстолетия до этого на другом конце Африки вождь зулусов Чака, когда один из английских колонистов преподнес ему увеличительной стекло.)

У этого жизнерадостного человека Юнкер гостил две недели.

12 марта 1882 г. Юнкер дошел до стоянки Маджегбе – крайней юго-восточной точки своих странствий. Здесь, у племени момфу, он наблюдал примитивный футбол – игру каучуковым мячом.

В конце апреля Юнкер решает идти на юг до реки Непоко. Этот поход дается ему непросто. Шерстяная одежда, которую он менял на бумажную только во время сна, сыграла в жарком и влажном климате злую шутку: началась чесотка, тело покрылось язвами, в том числе руки и ноги. Путешественника несут на «ангаребе» – носилках-гамаке. Новая встреча с пигмеями: при приближении Юнкера они разбегаются, но его помощникам удается поймать одного из них.

Путь к реке Непоко лежит через болота. Вокруг – тучи крокодилов. Кажется, что они населяют каждую лужу. 6 мая 1882 г. Юнкер выходит к Непоко. Его путешествие по Африке, кажется, закончено. Обследован и нанесен на карту обширный участок течения Уэле и ее притоков, собрана богатейшая зоологическая коллекция. «Тяжело, но приходится сознаться, что Непоко является пределом моих странствований, – пишет Юнкер. – Я дошел, даже с точки зрения африканского путешественника, до крайних пределов бедноты». По признанию Юнкера, кроме одной запасной рубахи у него уже ничего не было.

Но, видимо, его заставила остаться в Африке сама судьба.

Отправив с Бондорфом 32 тюка с коллекциями, Юнкер возвращается на базу экспедиции, но тут происходит роковое чп: пожар на «исследовательской станции». Патроны, консервы,

запасы спиртного, провизия – все сгорело. Дурные вести приходят с севера: в Судане началось антиегипетское восстание, Хартум взят, губернатор убит. Экваториальная провинция отрезана от мира.

Весь трагизм своего положения Юнкер еще не осознает. 10 января 1883 г. он вновь отправляется к реке Уэле. Впереди еще три года странствий– увы, почти бесполезных. Только 26 января 1886 г. Юнкер окончательно покидает Ладо, отправляясь по реке Альберт-Нил в Уганду. Местный африканский царек Муанга не пускает европейцев в свою страну, и Юнкер добирается туда на свой страх и риск. Прием путешественнику оказывают крайне нелюбезный, но все-таки разрешают поселиться в здешней англиканской миссии. Миссионеры живут в страхе: незадолго до этого Муанга казнил епископа-англичанина и почти всех негров-христиан. 4 июня Юнкер добивается аудиенции у Муанги. «Русский – это не англичанин, – после напряженного размышления изрекает Муанга, – русский хороший. Пусть едет себе спокойно дальше».

14 июля Юнкер начинает путь на родину: сначала – 25 дней каботажного плавания вдоль западных берегов озера Виктория на паровой лодке, потом посуху к побережью Индийского океана. 26 ноября 1887 г. он снова увидел море. Тысячи километров пути остались позади. Ну, вот и все.

Юнкер вернулся в Европу практически с пустыми руками – собранные им коллекции погибли. Но путешественник сумел сохранить главное – дневники. Он исследовал водораздел Конго и Нила, «выправил» карту речной системы Уэле—Макуа. Никто из русских путешественников не сумел прожить в Африке дольше, чем он.

Тайны водопада Виктория

«Моси-оа-Тунья»! Вы должны услышать этот грохот, чтобы полностью понять, почему машона назвали его «Грохочущим дымом». Но у меня закружилась голова, когда я оказался у самого края водопада, и я отошел в сторону, чтобы немного прийти в себя», – пишет знаток Южной Африки южноафриканский писатель и журналист Лоуренс Грин.

– В Лесу Дождя, покрывающем подступы к водопаду, я думал о карте, которую мне однажды довелось увидеть, – карте д'Анвиля, напечатанной Исааком Тирионом в Амстердаме два с половиной века тому назад. На ней был обозначен «Большой водопад» в центре Южной Африки и «Зимбабоа» в стране Мономотапа.

Водопад Виктория

Некоторые историки считают, что еще за много лет до того, как у водопада Виктория побывал Дэвид Ливингстон, некоторым белым людям удалось взглянуть на его ревущие воды. Я уже давно верил, что Киплинг был прав, когда писал об «одиноком мрачном воинстве еще до первых колонистов». Я находил явные подтверждения пребывания таких искателей приключений не в одном из далеких уголков Африки. Легенды о водопаде Виктория достойны того, чтобы ими заняться поподробнее.

Я хорошо знаком с современным официальным отношением к этому вопросу в обеих Родезиях. (Имеются в виду Северная и

Южная Родезия, ныне – Замбия и Зимбабве. – *Н.Н.)* Оно становится крайне саркастичным и возмущенным, стоит лишь попытаться оспорить право на открытие у того путешественника, чей мемориал стоит у Дьявольского водопада. Безусловно, Дэвид Ливингстон обладает непоколебимой репутацией. Благодаря ему мир узнал о водопаде Виктория, и среди заслуг этого благородного человека одни лишь географические открытия. Но теперь разрешите мне все же добавить к этому – я не думаю, что Ливингстон был первым европейцем у водопада Виктория.

Самыми первыми из тех, кто мог претендовать на это, были португальцы. Некоторые из их карт, составленных между 1600-м и 1700 гг. и хранящихся в библиотеке Ватикана, изображают «Гранди катаракти» – «Большие пороги» на реке, которая, по всей вероятности, является Замбези, тогда известной португальцам как Куама. (Мы еще вернемся к «Гранди катаракти» позже.) Я обсуждал «португальскую теорию» с Эдвардом К. Рэшли, автором образцовой работы о величайших водопадах мира, и он привел мне некоторые свидетельства в пользу того, что в начале XVIII в. водопад посетил португальский священник отец Силбиер.

Бывший смотритель водопада Виктория капитан Дж. Дж. Рейнард провел изыскания в этом направлении с помощью отца Э. Кинга. Оба этих исследователя находились под впечатлением попыток португальцев затвердить свое право на первооткрытие. Давние путешественники из Лиссабона действительно демонстрировали огромные познания. Историк Барруш упоминал озеро Ньяса в начале XVI в., хотя официальным открывателем его был в 1859 г. Ливингстон.

Лопиш в 1578 г. опубликовал книгу путевых заметок, и на его карте были обозначены не только Ньяса, но и озера Виктория-Ньянза и Танганьика. Никем не оспаривается то, что португальцы знали о Зимбабве еще несколько веков назад. Это название (писавшееся тогда как «Симбаоэ») появилось на их картах в середине XVI в., и вскоре после этого их рыцари в доспехах проникли в глубь современной Родезии в поисках золота. Они побывали в Зимбабве и вполне могли дойти и до водопада. Но Рейнард и отец Кинг с грустью обнаружили, что землетрясение и пожар, разрушившие Лиссабон в 1775 г., уничтожили и архивы, касающиеся Замбези.

Здесь я должен предостеречь от той ловушки, в которую уже попадали многие, – того самого «Гранди катаракти», обозначенного на стольких старых картах. На Замбези, немного выше Тете, есть грандиозное ущелье, лежащее в шестистах милях ниже водопада Виктория. В ущелье находятся пороги Кебрабаса, по величине вторые после водопада Виктория. Эти пороги

представляют собой зрелище, которое не смог бы проигнорировать ни один картограф. Они находятся в нескольких сотнях миль от побережья, то есть достаточно далеко в глубине материка, чтобы вызвать бесчисленные ошибки у неопытных исследователей, сосредоточенно разглядывавших неточные карты, на которые были нанесены эти пороги. Одна из них – карта Баултона 1794 г., хранящаяся в библиотеке парламента в Кейптауне. Естественно, «Гранди катаракти» помещен на ней не там, где был обнаружен водопад Виктория, но любитель примет это за простительную ошибку.

На самом же деле и в старые дни составители карт часто знали то, что они делали. Их соотечественники видели «Гранди катаракти» собственными глазами. Никто никогда и не пытался под этим названием отметить водопад Виктория. Поэтому все португальские претензии на первооткрытие так и остаются неподтвержденными, и прошло довольно много времени, прежде чем на сцене появился следующий путешественник, который мог побывать у водопада. Это был Карл Тричард, старший сын доблестного Луиса. (Один из предводителей буров, переселившихся в 1830-е гг. из Капской колонии на север во время так называемого «Великого трека». – *Н.Н.*) Эти два трекера в первую очередь были исследователями, и сегодня каждый школьник в Южной Африке знает об их путешествиях.

Карл Тричард совершил в 1838 г. смелое путешествие вдоль восточноафриканского побережья на португальской шхуне в поисках здоровой местности, где бы могли поселиться трекеры, которых он оставил у бухты Делагоа. Он добрался вплоть до побережья Абиссинии и наблюдал за прибытием в Берберу каравана слонов, навьюченных торговыми грузами и сопровождаемых вооруженными всадниками. В некоторых портах шхуна стояла неделями и месяцами. Тричард в нескольких местах смело отправлялся в глубь материка через неизведанные земли. Он также дошел с носильщиками от Софалы до Зимбабве, а от Келимане отправился в сафари, которое завело его на много миль вверх по Замбези.

Ряд авторов высказывали предположение, что Тричард во время этого путешествия открыл водопад Виктория. Вера в это в некоторых кругах была настолько сильна, что появилась даже географическая брошюра, одобренная отделом образования Трансвааля, которая подавала это как доказанный факт.

Тричард побывал, конечно же, на порогах Кебрабаса – вот откуда неоднократно повторяемая ошибка. У него просто не хватило бы времени добраться до водопада, и он сам, кстати, никогда не претендовал на это (Д. Крюгер, служащий архивов

Претории, полностью прояснил все эти вопросы в документе, который он написал несколько лет назад.)

Следующим на сцену вышел Генри Хартли, тяжеленный косолапый человек с серо-голубыми глазами и шевелюрой, похожей на львиную гриву. В течение многих лет он скитался по диким районам, которые позже стали называть Родезией, и по Калахари. Его потомки уверены, что он побывал у водопада Виктория за шесть лет до Ливингстона, и я думаю, что они очень убедительно доказывали свою правоту.

Хартли происходил из семьи переселенцев 20-х гг. XIX в. Когда трекеры отправились в поход, им овладел дух приключений. Вскоре после этого он поехал в Трансвааль и положил начало производству табака в Магалисберге, которое процветает по сей день. Он впервые пересек Лимпопо в 1846 г. в сопровождении нескольких слуг, среди которых был возница фургонов готтентот Оресьян.

Следующее путешествие началось, когда старшему сыну Хартли Фреду было три года. Отталкиваясь от этого факта, можно определить и время путешествия – 1849 г. Они зашли на север дальше, чем это делали когда-либо до этого, пока не добрались до местности, где в отдалении был постоянно слышен гром. Хартли решил разузнать, что это за шум, и таким образом он и Оресьян пришли к обрыву над водопадом Виктория.

Капитан Р. Хартли Теккерей, племянник Генри, записал детали этого путешествия по рассказам членов его семьи и людей, которые были тесно связаны с Хартли. Описание увиденного, которое дал готтентот, тоже было взято на заметку, ибо готтентот с удивлением говорил о радуге, которая висела над водопадом, и о дожде, который падал с безоблачного неба.

Младший сын родоначальника табачного дела в Магалисберге Генри Хартли-младший в 1948 г. еще жил в Йоханнесбурге, ему было восемьдесят восемь лет. Он утверждал, что его отец часто рассказывал ему историю о своем открытии и он упоминал о ее любопытном продолжении. Хартли, будучи охотником, продавал слоновую кость, рога и шкуры владельцу магазина в Почефструме по имени Форсман. Он рассказал Форсману о своем путешествии к водопаду. Однажды в 1852 г. Форсман познакомил Хартли с путешественником, который хотел получить подробные указания о том, как достичь водопада, и Хартли снабдил его ими. Этим путешественником был Ливингстон.

Х.Р. Рейке, бывший ректор Витватерсрандского университета (один из крупнейших университетов ЮАР, находится в Йоханнесбурге. – *Н.Н.),* считает, что его дед У.К. Осуэлл тоже

добрался до водопада раньше Ливингстона. Осуэлл был приятным худощавым человеком, знаменитым охотником на слонов, и его высоко ценили как исследователя. (Он был награжден золотой медалью Парижского географического общества за открытие озера Нгами, в то время как Ливингстону была вручена аналогичная награда в Англии.) Неоспоримым фактом является то, что первая точная карта, на которой показано местонахождение водопада Виктория, была составлена в 1851 г. Осуэллом, после его путешествия по Замбези с Ливингстоном. Я никогда не мог понять, почему Ливингстон и Осуэлл не посетили водопад в тот раз, – если Осуэлл, конечно, все-таки не сделал этого: на карте Осуэлла есть пометка: «Водопад. Водяная пыль видна на расстоянии десяти миль».

Осуэлл никогда ничего не писал о своих путешествиях. Он был скромным человеком, который оставил за своим другом Ливингстоном право получить лавры первооткрывателя. Маршруты путешествий Осуэлла в окрестностях водопада точно неизвестны, и поэтому вполне возможно, что он мог увидеть водопад в 1851 г. Это и послужило основой для семейной легенды.

Осуэлл был известен тем, что не любил писать. Если бы он не был ленив, история открытия водопада могла бы быть несколько иной, чем принятая ныне версия.

Как считают некоторые авторы, Джеймс Чэпмен, в 1855 г. первый пересекший континент от Дурбана до Уолфиш-Бея, видел по пути водопад Виктория. Я не знаю, на основании чего делались эти выводы, хотя я и очень внимательно исследовал рукописи Чэпмена в кейптаунских архивах. Вне сомнения, эта гипотеза появилась на свет после того как изучавшие маршруты Чэпмена выяснили, что он как-то оказался на расстоянии семидесяти миль от водопада.

Чэпмен действительно рассказывает любопытную историю о человеке, которого он встретил в 1851 г., когда возвращался из экспедиции на реку Дека. Этот человек по имени Дж. Симпсон находился в бедственном положении. Он сообщил Чэпмену, что торговал и охотился в зараженном цеце районе вдоль реки Чобе и все его волы погибли. Симпсон заявил, что он двигался от Линьянти вниз по течению Замбези и обнаружил большой водопад. Вскоре после этого Симпсон уехал из Южной Африки, манимый, как и многие другие, золотой лихорадкой в Австралии. Кроме того интересного разговора с Чэпменом, он никогда не заявлял о своем открытии.

Настойчивые претензии на первооткрытие водопада Виктория делаются потомками одного из старых бурских охотников Яна

Вильюна. Этого отважного человека разыскивали британские власти за его участие в стычке на Боомплаатс. Одно время Вильюн был связан с Чэпменом. Затем он организовал собственные экспедиции на фургоне в страну Мзиликази и отправился к водопаду с проводником и пятьюдесятью вооруженными людьми, которых ему предоставил сам вождь матабеле Мзиликази. С ним были его сыновья – Георг и Петрус, а также Якобус Эрасмус, Пит Якобс и Херманус Энгельбрехт.

Этот отряд, согласно преданию семьи Вильюн, посетил водопад до Ливингстона трижды – в 1851, 1053 и в1854 гг. Эта история передается с таким обилием подробностей, что нет сомнений: Вильюн и его спутники на самом деле побывали на водопаде. Тем не менее записать воспоминания оставшихся участников этих охотничьих экспедиций додумались, лишь когда те уже были старыми людьми. К тому времени пожилые люди многих дат точно не помнили. Доктор Х. К. де Вет, занимавшийся исследованием легенды, обнаружил, что миссионер Моффат был первым человеком, который прибыл на фургоне в Булавайо, и Мзиликази был напуган видом этой странной повозки. Это было в 1855 г. А Вильюн в действительности посетил Мзиликази впервые в 1859 г.

В 1860 г. Ливингстон нанес второй визит к водопаду Виктория. В то время бурские охотники не ведали о предыдущем визите Ливингстона и поэтому считали, что достигли водопада первыми. Но легенда об открытии Вильюна все еще жива.

В то время, когда впервые исследователи достигли водопада Виктория да и еще много лет спустя, в шестидесяти милях вокруг не жил ни один местный житель. Они боялись злых духов, которые, как считалось, обитают в водопаде. Остров Катаракт-Айленд, на краю водопада, когда-то был известен как Дьявольский остров, и миссионер Коиллард говорил о нем: «Туземцы верят, что на нем обитает злобное и жестокое божество и они, чтобы умерить его нрав, делают ему подношения в виде ожерелья из бисера, браслета или каких-то других предметов, которые они бросают в бездну, разражаясь при этом мрачными заклинаниями, полностью соответствующими их страху и ужасу».

Многие белые верят в существование «чудовища» в водопаде Виктория, которое обитает в бездне, куда сверху обрушивается вода. Капитан Рейнард, смотритель, о котором я уже говорил, рассказывал мне, что три человека, в чьих словах он не может сомневаться, видели это существо.

Ливингстон упоминал о какой-то змее, обитающей в этих водах: рассказы о ней – элемент фольклора народа баротсе. Туземцы уверяли Ливингстона, что она настолько велика, что

способна держать каноэ и не давать гребцам возможности сдвинуть ее с места. По сравнительно недавним описаниям она тридцать футов в длину, у нее маленькая серо-голубая голова и толстое черное тело в складках.

В. Пэар, отвечавший в течение многих лет за движение лодок на Замбези, спустился по скалам в ущелье под водопадом Виктория в 1925 г., когда вода была на самом низком уровне за все время наблюдения. Тогда-то он впервые и увидел чудовище. Это было змееподобное существо, которое, заметив Пэара, буквально встало на хвост, а затем исчезло в глубокой пещере. Пэар сообщил, что видел его снова несколько лет спустя у подножия Дьявольского Катаракта.

Туземцы называют монстра Чипекве и говорят, что он пришел за тысячу миль из океана. Местные рыбаки настолько боятся его, что никогда не отправятся на промысел ночью. «Чипекве – властелин реки в темные часы», – говорят рыбаки.

Дж. У. Соупер, который поймал и застрелил огромное количество крокодилов вокруг водопада, слышал рассказы туземцев об очень крупных особях. Но вряд ли Пэар не смог узнать крокодила. Возможно, это большой питон.

…«Моси-оа-Тунья». Сколько историй может поведать твой могучий голос! Замолкнет ли когда-нибудь твой грохот? Туземцы говорят, что триста лет назад водопад находился в другом месте. Аэрофотосъемка показывает, что от расщелины у Западного Катаракта расходятся две полосы разрушающейся породы. Подобное распространение эрозии говорит о том, что когда-нибудь в будущем нынешняя линия водопада изменится. А значит, через пятьдесят или сто лет Южная Африка, возможно, уже больше не будет притягивать путешественников из самых дальних уголков земли, жаждущих испытать то удивительное чувство, которое охватило Ливингстона, когда он, полный благоговения, смотрел на низвергающийся вниз поток воды, названный им в честь его королевы.

По материалам Лоуренса Грина

Континент тайн

Клад на острове Корву

Штормы не редкость на Азорах. Громадные мутно-зеленые валы обрушиваются с невероятной силой на берег, дробя и разрушая скалы, размывая песок. «В ноябре 1749 г. после нескольких дней шторма была размыта морем часть фундамента одного полуразрушенного каменного строения, стоявшего на берегу острова Корву. При осмотре развалин найден глиняный сосуд, в котором оказалось много монет. Вместе с сосудом их принесли в монастырь. А потом раздали сокровища любопытным жителям острова. Часть монет отправили в Лиссабон, а оттуда позже патеру Флоресу в Мадрид…»

Так рассказывал об удивительной находке на Азорских островах шведский ученый XVIII в. Юхан Подолин в статье, напечатанной в журнале «Гетеборгский научный и литературный коллекционер» и снабженной таким подзаголовком: «Некоторые замечания о мореплавании древних, основанные на исследовании карфагенских и киренских монет, найденных в 1749 г. на одном из Азорских островов».

«Каково общее количество монет, обнаруженных в сосуде, а также сколько из них было послано в Лиссабон – неизвестно, – продолжает Подолин. – В Мадрид попало 9 штук: две карфагенские золотые монеты, пять карфагенских медных монет и две киренские монеты того же металла. Патер Флорес подарил мне эти монеты в 1761 г. у и рассказал, что всякая находка состояла из монет того же типа. То, что монеты частично из Карфагена, частично из Киренаики, несомненно. Их нельзя назвать особо редкими, за исключением золотых. Удивительно, однако, то, в каком месте они найдены!»

На острове Корву

Да, клад североафриканских монет обнаружили на одном из Азорских островов – Корву, расположенном на полпути между Старым и Новым Светом. Сам по себе факт, если отказаться от многочисленных гипотез о плаваниях древних в Атлантике, примечателен. И не удивительно, что на протяжении столетий достоверность его оспаривалась. Француз Мес в интересной книге по истории Азорских островов считает находку явным вымыслом ввиду… отсутствия каких бы то ни было поддающихся проверке фактов. Но временное отсутствие доказательств еще не дает права отрицать исторический факт, и крупнейший немецкий ученый своего времени А. Гумбольдт нисколько не сомневался в подлинности находки, о которой сообщил Ю. Подолин. Кстати, он снабдил статью изображениями найденных монет (может быть, они и сейчас хранятся в какой-нибудь нумизматической коллекции?). Мес уверяет, что Флореса ввели в заблуждение. Но с какой целью? Для чего нужен был такого рода подлог? Ради славы? Сомнительно. Энрике Флорес был выдающимся испанским нумизматом, авторитет его велик и сегодня – его нельзя обвинить в неопытности или недобросовестности.

Нашлись и такие, кто утверждал, что монеты были просто-напросто украдены в Лиссабоне у одного из коллекционеров, а историю с кладом придумали для сокрытия преступления. Однако подобные рассуждения, замечает известный немецкий

ученый Рихард Хенниг, вообще могут положить конец любым исследованиям в области древней истории, поскольку не исключена возможность подлога при любых археологических раскопках.

Отметает эту версию и самое простое рассуждение: зачем кому-то понадобилось красть какие-то мелкие монеты – ведь из девяти штук только две были золотыми. Наконец, подлинность находки может быть доказана еще и тем, что в то время, то есть в середине XVIII в., ни один мошенник не смог бы правильно подобрать столь прекрасную серию карфагенских монет, относящихся к весьма ограниченному периоду: 350–210 гг. до н. э.

Не так давно монеты, изображенные в статье Подолина, подвергли новому исследованию. Французский историк и археолог Р. Моно проконсультировал находку у профессора Ж. Ле Ридера, хранителя парижского Кабинета медалей, который уточнил датировку монет.

Первая и вторая – золотые, относятся к Карфагену 350–320 гг. до н. э.; третья – медная, 264–241 гг. до н. э.; четвертая и пятая – медные, изготовленные в карфагенской мастерской на Сардинии в 300–264 гг. до н. э.; шестая – медная карфагенская монета 221–210 гг. до н. э.; седьмая – медная, вероятно, сделана в карфагенской мастерской на Сицилии в конце IV, начале III в. до н. э.; восьмая – бронзовая монета из Киренаики начала III в. до н. э.; девятая – медная монета неизвестной мастерской начала III в. до н. э. Таким образом, клад состоял из одной киренаикской и восьми карфагенских монет.

Но кто оставил на Корву древние монеты? Что, если это сделали средневековые арабские или норманнские суда? Скорее всего, не они, ведь трудно предположить, что моряки Средневековья проявили интерес к древним монетам, не имевшим тогда никакой ценности.

Остаются сами карфагеняне. Мы уже знаем об экспедициях Ганнона и Гимилькона (обследовавшего берега Британии). «Один из таких кораблей мог быть отнесен постоянным восточным ветром в Корву», – замечает Подолин.

Современные исследователи согласны с ним. Они исключают гипотезу о том, что сосуд с монетами попал на остров с остатками полуразрушенного или покинутого командой судна. Морские течения проходят от Азорских островов прямо к Гибралтару, поэтому дрейф против течения исключается. Несомненно, остров посетил корабль с командой. Сколько таких безвестных мореходов бороздили воды Атлантики, заходили на Канары, Мадейру, а может быть, даже в Новый Свет?

Таинственные вак-вак

В то время как европейские мореходы еще только выходили на просторы своих морей, Индийский океан уже давно бороздили кили различных кораблей. Индийцы плавали из Гуджарата в Индонезию, поддерживали торговые отношения с Суматрой и Явой, персы торговали с Китаем, сами китайцы устанавливали постоянные контакты с Индией, а позже и с Африкой, предки полинезийцев обследовали неизведанные районы Океании.

Имеются доказательства того, что в начале I тысячелетия из Африки в восточном направлении вывозили множество рабов. Зинджи (население восточноафриканского побережья) не имели судов для путешествий, говорит арабский хронист Идриси, но «народ островов аз-Забадж» (Западной Индонезии) приплывал к землям зинджей на больших и малых судах; они торговали с зинджами и вывозили их товары, ибо понимали язык друг друга. И еще один важный факт: «Жители островов аз-Забадж и других разбросанных вокруг них островов приезжают к жителям Софалы, вывозят от них железо в остальные страны Индии и на ее острова и продают его там за хорошую цену».

Индонезийская лодка с балансиром

Так мы впервые сталкиваемся с вопросом об индонезийских

плаваниях в Африку, интереснейшей и полной неясностей проблемой, вставшей перед учеными совсем недавно: считалось, что индонезийцы посетили лишь Мадагаскар.

Упоминание о том, что «народ аз-Забадж», то есть выходцы из Индонезии, понимал язык зинджей, населения Восточной Африки, навело ученых на предположение, что в древности там могли существовать малайские торговые поселения. Своеобразным эхом этих событий явилось замечание португальского средневекового автора Диогу ду Коуту о том, что «все яванцы очень опытны в навигации и утверждают, что они – самые ранние мореходы». А французский востоковед Ж. Ферран в начале нашего века разбирал на страницах парижского Journal asiatique один китайский манускрипт, где содержится упоминание об индонезийских поселениях в Адене, на Аравийском полуострове. Но там ничего не говорилось о Восточной Африке.

Начался поиск следов. «На озере Ньяса я имел возможность детально ознакомиться с большими каноэ, на которых местные жители плавали по озеру», – пишет Дж. Хорнелл в английском антропологическом журнале Man. Внимание ученого давно привлекали загадочные параллели в строительстве лодок в Индонезии в Восточной Африке. Детальное обследование ньясских судов подтвердило предположение Хорнелла: тип этих лодок отнюдь не африканский и относится ко временам активной колонизации Мадагаскара малайцами. Лодки, которые и сейчас еще можно увидеть в малайских портах, абсолютно схожи с ньясскими вплоть до орнамента на бортах. То, что такой тип судов встречается только в трех местах – в Индонезии, Восточной Африке и на Мадагаскаре, подтверждает гипотезу Хорнелла: одна волна индонезийцев пересекла Индийский океан и разбилась о восточный берег Африки, а вторая пошла на Мадагаскар. Но насколько мощной была первая волна? Может быть, ударившись, она отхлынула и не оставила никаких следов, кроме лодок с Ньясы?

Следы остались. Но для того, чтобы их найти, исследователям пришлось углубиться в историю развития водного транспорта.

Установлено, что каноэ с балансиром той или иной формы имеют распространение, которое совпадает с миграциями морских народов Востока. Больше их нет нигде. Оказалось, что на востоке они доходят до острова Пасхи, захватывая Полинезию, Меланезию и Микронезию, а на западе – до Цейлона, Индии, Восточной Африки и Мадагаскара. Отличный пример применения балансира мы видим на скульптурном изображении

двухмачтового парусника яванцев VIII–IX вв. из храма Боробудур на Яве. Балансиры на таких кораблях заметно облегчали плавание и позволяли проходить огромные расстояния в открытом океане. Такие корабли могли, не нуждаясь в частых остановках, идти прямо в Африку. Центром рождения каноэ с балансиром была Индонезия. Отсюда оно в очень ранние эпохи пошло на восток – с мигрантами, обретшими новую родину на гористых островах Полинезии. Но как же с западным направлением? Только ли лодки являются доказательствами непосредственной миграции в Африку?

Английская путешественница конца XIX в. Мэри Кингсли сообщила о способе добывания огня при помощи черенка пальмовой ветки у женщин-бакеле в Западной Африке. Черенок быстро вращают в углублении на куске древесины той же пальмы. Этот способ, кроме бакеле, известен лишь жителям Индонезии, Индокитая и Новой Гвинеи. Производство материалов из растительных волокон для обшивки парусных судов известно только в Нигерии, в Южной Африке (у народа коса) и в Индонезии. Есть один образец из Египта, относящийся к XI–VIII вв. до н. э. Можно предположить, что Древний Египет, находившийся как бы на полпути между Индонезией и Нигерией, стал своего рода промежуточным пунктом, а в Южную Африку это искусство пришло по морю. Четырехугольные хижины, крытые сплетенными листьями кокосовой пальмы, имеют очень ограниченное распространение в Африке, и область, где их строят, совпадает с районом расселения народов, говорящих на языке суахили. На восточноафриканском берегу их распространение полностью совпадает с ареалом индонезийского балансира. По внешнему виду эти хижины очень похожи на индонезийские, и, как полагают некоторые ученые, искусство их постройки было принесено в Африку «пассажирами» малайских кораблей. Одна из разновидностей цитр (музыкального инструмента) распространена только на Малакке, Сулавеси и Мадагаскаре. Ее нет в Индии, Персии, Египте и во всей Африке, кроме озера Танганьика. Есть еще кларнеты, трещотки, некоторые рыболовные снасти, происхождение которых ничем, кроме миграции из Индонезии, объяснить нельзя.

Зоологи нашли свое подтверждение этой гипотезы. Путешественники давно уже обратили внимание на бушменских и готтентотских собак – риджбеков, обитавших в Африке еще до появления первых европейцев. К северу от реки Лимпопо риджбек до последнего времени не был известен, но недавно его обнаружили и у племени ндоробо в Кении. Нам важно другое: в мире есть всего одна порода собак, сходная с риджбеками, она

именуется фукуок – по названию острова в Сиамском заливе. Ошибиться зоологи не могли – у этих собак есть отличительная черта: с середины спины шерсть у риджбеков повернута к голове, так что спутать породы практически невозможно.

С вопросом о ранних индонезийских плаваниях в Африку тесно связана еще одна интереснейшая проблема.

Сидя в старом, видавшем виды «Боинге», я никак не мог разглядеть землю. Уже около часа мы летели над мозамбикским побережьем, а кроме облаков и серой массы океана, ничего нельзя было увидеть. Но люди, не в первый раз следовавшие по маршруту Мапуту – Нампула, говорили: «Смотрите внимательнее, сейчас появится Замбези!» Действительно, самолет немного снизился, прорвавшись сквозь тряскую белую пелену, и мы увидели гигантскую реку. Дельта ее разветвлялась на множество рукавов. У самого побережья многочисленные рукава, причудливо переплетаясь, образовывали множество островков. Конечно, античные и более поздние картографы не могли видеть дельту Замбези с воздуха, и потому простим им те неточности, которые они допустили, когда вырисовывали побережье Восточной Африки. Большинство из них вообще не были в этих краях и работали по источникам из «вторых рук». Именно так создавал свою карту итальянец Фра Мауро. Островки в дельте Замбези он назвал в середине XV в. «дьявольскими». Может быть, из-за того, что они, по представлению картографа, были очень далеки от Европы, а может, из-за жары, которая, по представлениям древних, испепеляла в этих местах все живое. Во всяком случае, у островков было два названия. Первое – то, которое я упомянул, а второе… Если первое название легко интерпретировать, то другое… Впрочем, обо всем по порядку.

Слово «вак-вак», о котором идет речь, по представлениям африканистов, имеет двойной смысл. Во-первых, этот термин обозначает народы или племена, которые в древности пришли на берега Мозамбикского пролива с востока, из Индонезии. Сторонники этой гипотезы указывают, что «вак-вак» происходит от «уака» – так индонезийцы называли лодки с балансиром. Их оппоненты настаивают на том, что этноним охватывает все население района, которое жило здесь до прихода народов банту. Есть и другие гипотезы.

Первые упоминания об этих загадочных людях появились еще у Гомера и Гекатея, то есть до VI–V вв. до н. э. Античные авторы объединили их под общим названием «пигмеи». Говорили, что они живут в пещерах, едят гадов и ведут бои с журавлями. Именно последнее упоминание, кажущееся на первый взгляд странным, наиболее близко к истине. Известно, что львы,

насытившись, бросают остатки своей трапезы и за нее принимаются гиены, шакалы, грифы, марабу. Вполне вероятно, что голодные люди вступали в борьбу с марабу и другими птицами из-за остатков антилопы, а иноземные наблюдатели легко могли спутать марабу с журавлем – более привычной для них птицей.

В борьбе за выживание с более сильными противниками пигмеи проиграли. Они ушли во влажные конголезские леса, где живут и поныне в тяжелых условиях лесной изоляции.

На заре нашей эры в район Великих африканских озер пришли банту и оттеснили автохтонное население на юг. Тут, в Мозамбике, коренных южноафриканских жителей еще застали первые португальцы. В начале XVI в. они еще жили здесь…

Этноним «вак-вак» образовался, если верить древним авторам, благодаря звукам языка, похожим на звуки, издаваемые летучими мышами или бабуинами. По словам арабов, банту использовали это название для обозначения звуков, издаваемых обезьянами, родственниками которых без тени сомнения считали этих низкорослых нагих людей. Идриси писал в XII в. о Мозамбике: «Эти ужасные аборигены, чей способ говорить напоминает свист, населяли районы вокруг Софалы». В свое время крупный немецкий географ О. Пешель обнаружил в одной из библиотек свидетельство монаха-путешественника XIV в. Ж. Адама, в котором говорилось: «Районы, известные арабам, не выходят за пределы Софалы, и надо исследовать места дальше, на севере, там, где лежат страны и острова Вак-Вак, где обезьяны имеют золотые ошейники, а собаки – цепочки из того же металла…» Этот отрывок еще раз говорит в пользу африканской родины «вак-вак». А упоминание о золоте лишь указывает на то, что они жили в золотоносных районах на территории Мозамбика – в Замбезии или южнее.

Кто же такие «вак-вак»? Где их родина?

Португальские источники XVI–XVII вв. всегда делают четкое различие между двумя типами населения Мозамбика: одним – низкорослым, с более светлой кожей и другим – высоким и темнокожим. Первые контакты с низкорослыми начались еще в бухте Святой Елены в первые дни пребывания португальцев в Южной Африке. Тогда эти люди разводили скот, использовали в охоте отравленные стрелы и копья. Их же встречал на юго-востоке континента в своих странствиях Антониу Фернандиш в начале XVI в. Конечно же, это были готтентоты. В поисках пищи они выходили на берега океана, оставляя крабам, птицам и археологам стоянки с горами опустошенных ракушек. За это их и прозвали «бродягами побережья».

Но о каких же все-таки островах говорят средневековые авторы?

О. Пешель указывает, что острова Вак-Вак лежат к северу от Софалы. Там раскинулась дельта Замбези. В те далекие времена это был край, где в изобилии водились копытные, росли деревья и сочные травы. Сейчас остатки былого величия дельты сохраняются частично на севере ее, в Кампу, и на юге, в Маррумеу.

Несколько веков назад дельта стала прибежищем койсанских племенных групп, уходивших от надвигавшихся банту. Это население жило в дельте на островках, часть которых сохранилась и по сей день, – Макуандаи, Иньякомбе, Микунгуе.

Осталось обсудить один интересный вопрос: полностью ли исчезли с лица земли мозамбикские «вак-вак»?

Средневековые арабские хронисты сообщали о живых «вак-вак» на территории страны. В XVI в. это же подтвердили португальцы, но свидетельств было уже меньше. Значит, не все коренное население этих районов было вытеснено с исконных мест волнами миграций банту, группы его остались в лесных, заброшенных районах Центрального и Северного Мозамбика?

В поездках по провинции Замбезия и Нампула мы не раз встречались с представителями различных этнических групп – ломуэ, макуа и другими, которые привлекали внимание некрупным телосложением, примитивными способами приготовления пищи, древнейшими типами оружия. Встречали мы их и на крайнем юге Мозамбика, в провинции Мапуту. Здесь это были свази, население пограничных со Свазилендом областей Мозамбика. В языках всех их сохранились до сих пор щелкающие звуки «уак-уак»…

Но гипотеза о дальней, индонезийской родине «вак-вак» все же остается. Ученые не имеют права игнорировать множество фактов, свидетельствующих о том, что решение проблемы может быть двояким. Английские археологи обратили внимание на то, что в некоторых персидских географических трактатах обширный район – острова современной Индонезии – назван «Вак-Вак». Там же отмечены сходные методы добычи некоторых полезных ископаемых на территории современного Зимбабве и в Индонезии.

В этой связи заслуживает особого внимания легенда, распространенная у ряда племен, о чужом народе, пришедшем с дальних островов, покрытых вулканами. Эти люди поднялись на своих каноэ по рекам Сави и Замбези и прошли через Софалу в Тете. В те далекие времена места эти были заселены светлокожими пастухами, говорившими на щелкающем языке (то

есть готтентотами).

Те, кто не верит в существование этих да и других древних контактов, утверждают, что все параллели в обычаях и культуре зависят от сходных природных условий: «И там и там тропики, и там и там одинаковый уклад хозяйства». Но тогда почему подобных параллелей нет, скажем, в Южной Америке, спрашивают их оппоненты, ведь там те же природные условия? У последних на этот счет другое мнение. Если у обитателей Западной Африки не было богатой истории мореплавания, то этого не скажешь про индонезийцев. Вполне вероятно, что жители Малайского архипелага, поскольку они могли дойти до Мадагаскара, смогли обогнуть и мыс Доброй Надежды, и прийти в Гвинейский залив. Кроме того, оказалось, что карта групп крови для двух регионов – Индонезии и Западной Африки – удивительно схожа, а климатологи считают, что мореплавание по этому маршруту в древности было проще, чем сейчас. Но насколько сильным было влияние индонезийцев? Ответ пока неясен.

Мифы и реальность доктора Фробениуса

Имя Лео Фробениуса известно прежде всего специалистам по археологии, этнографии, истории культуры и искусства народов Африки. В то же время более ста его публикаций привлекли и до сих пор привлекают внимание многих неспециалистов. Профессиональные ученые относились к нему, самоучке, как к человеку со стороны. Многие ученые даже не знали, как оценивать его культурно-морфологические теории, особенно мистически-умозрительную, иррациональную форму изложения этих концепций.

Лео Фробениус, выходец из мелкобуржуазной среды, был в значительной степени сыном своего времени. Взгляд на основные этапы научного пути Лео Фробениуса поможет пониманию разных оценок его деятельности. Фробениус (1873–1938) происходил из офицерской семьи. Так как его отец был специалистом по строительству укреплений и часто менял место службы, мальчику пришлось сменить много школ. Уже в юности он проявил большой интерес к изучению литературы о путешествиях и народах других стран. Фробениус писал о себе: «В 16 лет мальчик прочел все книги известных исследователей Африки – Швайнфурта, Нахтигаля, Хойглина, Барта, Голуба, Хорнемана и других».

Он был большим поклонником Г. Шлимана и увлекался его раскопками Трои. После окончания школы Фробениус отправился в Бремен для обучения торговле. Ему не удалось окончить университетского курса, но уже в двадцатилетнем возрасте он опубликовал ряд этнографических работ, привлекших внимание специалистов. Все свои знания Фробениус приобрел путем самообразования, хотя постоянно искал контактов с авторитетами того времени в области этнографии – А. Бастианом и Ф. Ратцелем. Некоторое время он работал сотрудником этнографического музея в Лейпциге под непосредственным руководством Ф. Ратцеля.

Лео Фробениус

Первый период своей деятельности (до 1904 г.) Фробениус называл периодом «борьбы за проблему». Тогда он занимался в основном вопросами теории и обоснованием своего учения о «культурных кругах». По его мнению, было необходимо преодолеть существовавшее в этнографии «ожесточение идейных течений» и прийти к новому методу постижения сущности культуры, который развивал бы выдвинутые Ф. Ратцелем формальные критерии. Фробениус первым выдвинул идею «культурных кругов» и разработал критерии для их определения. Принципы учения о «культурных кругах» были изложены им во многих трудах, например в работе о «западноафриканском культурном круге» и особенно в книге «Происхождение африканских культур» (1898).

Так было создано учение о «культурных кругах», расположив

которые в хронологической последовательности, этнологи Б. Анкерман и Ф. Гребнер создали новый культурно-исторический метод. Общим для всех концепций «культурных кругов» было представление о застывшем, неизменном существовании элементов каждого «культурного круга». Последователи этой теории отделяли культуру от людей, связывали культуру в основном с географическими областями, полностью отказывались от представлений об объективных закономерностях исторического развития и отмежевывались от эволюционизма. Появившиеся на рубеже XIX–XX вв., в частности, в ареале распространения немецкого языка, различные исторические школы начала эпохи империализма, придерживавшиеся теории «культурных кругов», явились отражением кризиса буржуазного сознания. Своими псевдонаучными воззрениями они подготовили почву для связи этнологических исследований Африки с колониальной политикой Германской империи, что стало характерным для германской африканистики. Концепции Ф. Ратцеля послужили исходным пунктом для многочисленных геополитических и расистских теорий.

Разрабатывая свои нелогичные и запутанные «культурно-морфологические» теории, Фробениус прежде всего обратился к биологическому обоснованию своего метода. Уже в ранних работах он исходил из психобиологического определения культуры; согласно его модели культура предстает как величина, независимая от человека, однако выражающаяся в человеке и его практике. Развитие культуры следует понимать аналогично жизненному циклу: рождение, детство, зрелость, старость, смерть. Фробениус хотел путем картографической фиксации этнографических данных установить последовательность в изменении культурных форм, дойти до «пракультуры» и понять суть истории.

Разделив историю на «культурные круги», Фробениус отказал ей в закономерности развития от низших форм к высшим. Каждый «культурный круг», по его мысли, имеет свой специфический телеологический (предопределенный) закон; внутри него возможно только круговое развитие. Культура у Фробениуса – не продукт деятельности человека; сам человек выступает «скорее как объект культуры».

В своем произведении «Пайдеума» он писал о «растительнообразном, сросшемся с родной почвой, и морфологическом характере» культуры, который заключен в органической последовательности. По его мнению, за культурой скрывается выражение «единственного, своеобразного духа». Человек становится инструментом недоступной его пониманию

метафизической судьбы. Эта трактовка культуры и ее отделение от человека впоследствии привели Фробениуса к мистицизму и романтическому бегству от реальной жизни.

Этот краткий экскурс в познавательно-теоретические и культурно-морфологические теории, определявшие творчество Фробениуса, представляется необходимым в связи с тем, что он проводил свои обширные и важные эмпирические исследования с целью обоснования именно теоретического учения, нередко даже подчиняя их общей теоретической установке. Многие современники называли его поэтому «одержимым фанатиком».

В 1898 г. Фробениус организовал в Берлине специальное научное учреждение «Архив Африки». Его задачей было собирать такие этнографические, этнологические и мифологические материалы, которые должны были подкрепить теорию «культурных кругов».

В 1904 г. он организовал на собственные средства (ведомство иностранных дел и финансовые круги относились к нему в то время еще сдержанно) Германскую экспедицию по изучению внутренних районов Африки.

Второй период деятельности Фробениуса относится к 1904–1918 гг. В это время Фробениус предпринял семь экспедиций в Африку. Его исследования были тесно связаны с задачами колониальной политики кайзеровской Германии. Интерес Фробениуса к этим экспедициям объяснялся как научными проблемами, так и его колониально-политическими устремлениями. Впоследствии Фробениус писал о целях своих путешествий: «Никто не знал лучше меня, какие огромные пробелы были в наших этнографических знаниях, как велика была опасность прийти слишком поздно и что необходимо было добиться одного – исключения момента случайности в приобретении более или менее глубоких знаний».

В то же время он стремился получить информацию о сырьевых ресурсах, путях сообщения, географических условиях, возможностях для торговли, что было так важно для германского колониализма. Намереваясь одновременно с исследованием африканских культур помогать практическому осуществлению колониальной политики, Фробениус обратился за финансовой помощью к колониальному отделу ведомства иностранных дел, Германскому колониальному обществу, финансовым кругам, Географическому обществу и этнографическим музеям Гамбурга, Берлина и Лейпцига.

После некоторого колебания эта помощь была ему оказана. Перед Первой мировой войной, в годы войны и после ее окончания ему были даже выделены суммы из личных средств

кайзера Вильгельма II, к друзьям которого Фробениус вполне мог себя причислить.

Экспедиция, предпринятая в Эфиопию в 1914–1915 гг., осуществлялась по прямому заданию генерального штаба и высшего германского военного командования.

Финансовая поддержка, полученная Фробениусом в 1907–1915 гг. от колониальных кругов, а также из государственных средств, была оказана, в частности, потому, что отчеты Фробениуса об экспедициях служили пропаганде экспансионистских устремлений германского империализма. Об этом особенно ярко свидетельствует написанная Фробениусом по заданию Имперского колониального ведомства «Памятная записка» о результатах второй экспедиции в Западный Судан и Того.

В интересах расширения германской колониальной империи за счет владений других держав (особенно Франции) Фробениус критиковал отдельные мероприятия колониальных властей, но его критика никогда не затрагивала саму суть французского и португальского колониализма.

В книге «На пути в Атлантиду» (издана в Берлине в 1911 г. во время второго марокканского кризиса) Фробениус писал о «предостерегающем примере» португальских и испанских колоний и о существовавшей во французских колониях практике давать образование определенному слою африканцев и привлекать их к работе в нижних звеньях колониальной администрации: «Франция хочет воспитать себе братьев из этих черных. Эта скверная, скверная мысль угнетает: прекрасная Франция, блестящая Франция, милая Франция может одарить черных бестий Африки своей прекрасной христианской любовью».

Встречая поддержку своей деятельности со стороны правящих кругов Германии, Фробениус должен был считаться с интересами этих кругов. Система колониальной эксплуатации была для Фробениуса «желательным с культурной точки зрения применением сил» африканцев. Фробениус пытался найти оправдание колониальной практике в целом, а зверства колониальных чиновников объяснить отдельными эксцессами. Он требовал установления старого режима в колониях, ибо только так «его (африканца. – *Н.Н.*) можно крепко держать в руках; если же он не до конца убежден во власти европейцев, то нашему господству там наступит конец».

Первое путешествие Фробениус совершил в 1904–1906 гг. по одной из провинций Конго – Касаи. Из этой экспедиции он привез для этнографического музея Гамбурга ценные экспонаты, в частности, образцы искусства бакуба. В книге «В тени государства

Конго» он отразил свои путевые впечатления, результаты этнографических исследований, а также изложил предложения по вопросам колониальной политики.

Целью второго путешествия, предпринятого Фробениусом в 1907–1909 гг., был сбор этнографического материала и разработка рекомендаций по колониальной политике в зоне Сахеля Западной Африки, от Сенегала до истоков Нигера. Экспедиция достигла Томбукту, Либерии и Того. За ней в 1910 г. последовала более короткая экспедиция в Северо-Западную Африку.

Наиболее результативной и успешной в научном плане была четвертая экспедиция Фробениуса, предпринятая в 1910–1912 гг. Исследователи прошли через Нигерию и саванны Камеруна до плато Адамауа. Экспедиция получила материальную поддержку от этнографических музеев Гамбурга, Лейпцига и Берлина, прусского правительства и правительства империи.

Собранный Фробениусом и его сотрудниками материал значительно пополнил археологические и культурно-исторические коллекции немецких музеев. В результате раскопок в районе Ифе, священного города йоруба, были найдены ценные каменные скульптуры, терракотовые головы и отлитая из бронзы голова бога морей Ори Олокуна.

Кроме того, в Камеруне и Западном Судане было собрано огромное количество материалов о культурной, религиозной и общественной жизни некоторых племен позднепервобытного общества.

В трехтомнике путевых отчетов «И Африка заговорила (Атлантида, Византия, Эфиопия. 1912–1914)», а также в книге «Мифология Атлантиды» (1926) Фробениус на основе этих материалов попытался разработать историю культурных контактов древней Африки со Средиземноморьем, однако большинство его гипотез представляются необоснованными.

Пятая экспедиция Фробениуса проходила вверх по Нилу до рудников Судана и далее в Кордофан.

Созданная в результате всех пяти экспедиций 12-томная серия «Атлантида» включила мифы, легенды, сказки, традиционные предания племен и народов исследованных районов.

Следующее путешествие в Африку, предпринятое в 1913–1914 гг., Фробениус посвятил новым темам исследований. Он обратился к доисторической наскальной живописи, петроглифам и надписям. Сначала он исследовал некоторые районы Алжира и Марокко. Сделанные им копии наскальных рисунков были опубликованы совместно с Г. Обермайером в 1925 г. в книге

«Хаджра Мактуба».

С конца Первой мировой войны начинается третий, последний, период деятельности Фробениуса. Он характеризуется ростом в мировоззрении исследователя культурно-философского мистицизма и формированием иррационального учения о культуре и душе. Фробениус сожалел о потере Германией колоний и призывал к их возвращению. «В 1918 г., – писал он, – мы потеряли свою свободу и доступ в свои все еще не возвращенные колонии».

В 1920 г. вышел в свет «Атлас Африканус» Фробениуса, в котором он применил к Африке свое культурно-морфологическое учение. Год спустя он опубликовал свой теоретический труд об иррациональном понятии культуры – «Пайдеума».

В 1920 г. в Мюнхене из «Архива Африки» и Германской экспедиции по изучению внутренних районов Африки был создан Институт культурно-морфологических исследований, приобретенный в 1925 г. городом Франкфуртом-на-Майне. Институт стал составной частью Франкфуртского университета имени Гете, а Фробениус стал преподавать в университете этнографию и теорию культуры. В последующие годы он обобщил важнейшие результаты своих исследований в семитомном труде «Увиденные части света» (Франкфурт-на-Майне, 1925–1929).

С 1926 г. Фробениус вновь отправился в Африку и вместе с целым штатом сотрудников занялся исследованием наскальной живописи. Целью его восьмой экспедиции была Нубийская пустыня. В 1928–1930 гг. он проводил исследования в Северной и Южной Родезии и Южно-Африканском Союзе. Он стремился, в частности, «познакомиться с многочисленными наскальными рисунками Южной Родезии и доисторическими каменными постройками Зимбабве, а также с фольклором живущих там и по сию пору племен и определить все это как важнейшую составную часть его «южноэритрейской культуры»». Сам Фробениус писал: «Мы копировали наскальные рисунки и проводили такие исследования, которыми до нас занимался лишь вновь открывший (Великое Зимбабве. – *Н.Н.*) Карл Маух».

Прекрасные, частично цветные, копии, зарисовки и фотографии наскальных рисунков были опубликованы в двух томах «Матсиму Дсангара» в 1931 г. Особенно широко известны результаты исследований, проведенных Фробениусом в 1932 г. в Феццане, в частности, публикация фотографий древних наскальных изображений скотоводов. В своих последних путешествиях, осуществленных в 1933-м и 1934–1935 гг., он вновь проводил исследования в Ливийской пустыне и Восточной Сахаре.

Основная часть сделанных экспедицией копий наскальных рисунков (приблизительно 4,5 тыс.) была собрана в 1936 г. в «доисторической картинной галерее» и пополнила коллекции Института культурно-морфологических исследований. В 1934 г. Фробениус стал директором этнографического музея Франкфурта-на-Майне. Опубликовав «Историю культуры Африки» (Берлин, 1933), он вновь попытался популяризировать свои теоретические обобщения.

В 1930-е г. на многочисленных выставках в Германии и за границей (Париж, Вена, Стокгольм, США) он демонстрировал свои копии наскальных рисунков, часто выступал с докладами. К сожалению, во время одного из воздушных налетов во время войны значительная часть его коллекции была уничтожена.

Лео Фробениус умер 9 августа 1938 г. в своем владении «Биганцоло» в Италии и был похоронен во Франкфурте-на-Майне. Он оставил необычайно обширное опубликованное научное наследие.

Что может дать нам сегодня наследие Фробениуса? Глубокого анализа заслуживают собранный им фольклорный материал и его культурно-морфологическая система.

Особенно широко используются африканистами и историками культуры материалы его археологических открытий и репродукции древней наскальной живописи. Не случайно трехтомник об африканском наскальном искусстве был переиздан в 1962–1965 гг. в Граце. Правда, не весь материал, опубликованный Фробениусом, был открыт им впервые, особенно в Сахаре и южной части Африки. В исследовании мезолитических и неолитических наскальных изображений в Мавритании, например, он шел в 1913–1914 гг. по следам француза Г.-Б.-М. Фламана. Тем не менее разработанные именно Фробениусом систематизация и «методическая разработка по положению и содержанию» заложили основы для сравнительного исследования наскальной живописи. Кроме того, он открыл новые объекты научного исследования, такие, например, как наскальные рисунки Вад-Соры в Гильф-Кобире (Ливия), во время экспедиции 1933 г. (одиннадцатой по счету).

Фробениус обогатил также знания африканистов и коллекцию экспонатов по искусству бушменов Южной Африки, проведя исследования на обширной территории от р. Замбези до Капской провинции и от побережья Юго-Западной Африки до Драконовых гор, в результате которых было сделано более 1100 копий древних рисунков и петроглифов. Впечатляюще сделаны, например, акварельные зарисовки и копии наскальных изображений главной стены пещеры Котсо, давшие возможность

сделать ценные сравнения стилей.

В соответствии со своими теоретическими установками Фробениус рассматривал временную последовательность в культурных явлениях. Например, в южной части Африки он видел столкновение старейшего «архаичного варианта хамитской культуры» бушменов («старогиперборейской») с более поздней «южноэритрейской высокой культурой». Но, в сущности, Фробениусу был чужд любой подлинно исторический метод, он не смог понять ни законов, ни движущих сил исторического развития. Датировки в его исследованиях доколониальной «культурной истории» народов Африки имели для Фробениуса небольшое значение. Он отмечал: «Великие всемирно-исторические периоды характеризуются не датами, а скорее своим стилем». В его понимании истории второстепенными были также почти все письменные источники, вся существовавшая к тому времени историография об Африке.

Сегодня уже нельзя сомневаться в том, что предметы искусства Бенина и Ифе созданы местными мастерами. Это не означает, что можно полностью сбросить со счетов культурные контакты этого региона со Средиземноморьем, Египтом, Нубией и Эфиопией, осуществлявшиеся по древним торговым путям.

Эти и многие другие вопросы, как, например, отношения между отдельными культурными центрами Южной Нигерии (у народа ибо) вплоть до раннего золотого литья Берега Слоновой Кости, все еще требуют ответа. Но в наше время они уже не порождают тенденциозные концепции о якобы чужеземном происхождении африканского искусства Бенина и Ифе.

Нельзя не отметить, что результаты исследований Фробениуса, показавшие, что многие африканские народы в доколониальный период обладали обширным культурным наследием, объективно способствовали опровержению расистских теорий о «неполноценности» так называемых «природных народов» по сравнению с «культурными народами». Сам Фробениус, исходя из высокой оценки первоначальной «древнеафриканской культуры» и опираясь на материалы своих многочисленных экспедиций, в конце концов осудил расистскую дискриминацию африканцев, оправдывавшуюся их якобы более низкой «стадией культурного развития». В конце 20-х гг. он писал: «Мы уважаем всех в равной мере. Мы отвергаем привилегированность». Этой позиции Фробениус оставался верен до самой смерти.

Большинство теоретических работ Фробениуса в наши дни преданы забвению даже в Институте Фробениуса во Франкфурте-на-Майне, и их научная ценность частично оспаривается. Вместе с

тем собранные Фробениусом материалы содержат огромное количество ценных подробностей и фактов, часть которых до сих пор не введена в научный оборот и которые весьма существенны для исследования истории народов Африки. В сборниках мифов и сказок, собранных Фробениусом и частично переизданных, специалисты по истории культуры найдут богатейшие данные неисследованной устной традиции. В этом – непреходящая заслуга Лео Фробениуса. А для отечественного читателя его творчество вообще пока неизвестно и по-прежнему недоступно.

Погребенные заживо

Центральная Африка – настоящий рай для этнографов. Многие племена этого региона земного шара сохранили образ жизни, который вели их далекие предки пятьсот, а порой и тысячу лет назад. Для того чтобы собрать информацию о жизни, обычаях и обрядах африканских племен, есть только один способ – отправиться в их затерянные в тропических лесах деревни и жить среди членов племени, питаясь с ними одной пищей и дыша одним воздухом.

Недавно из такой этнографической экспедиции вернулся американский исследователь Фред Райзер. Он провел несколько месяцев в деревне тех масаев, которые живут в саванне и горных лесах Кении, удаленных от туристских троп, и мало знакомы с современной цивилизацией. Одним из важнейших направлений исследования Райзера стала народная медицина масаев, представляющая собой причудливую смесь колдовства, траволечения и гипнотического воздействия.

Воин из племени масаев

С первых дней пребывания в племени внимание Райзера привлек высокий масай, носивший эффектный головной убор из черных перьев. Как выяснилось позднее, это был Мпайо – главный колдун и знахарь деревни. По счастливой случайности, вскоре после своего прибытия в кенийскую деревню, Райзер стал свидетелем уникальной терапии, которой подвергся один из членов племени.

Как удалось выяснить исследователю, больной страдал психическим расстройством, и колдун Мпайо взялся излечить его.

Ассистенты колдуна выкопали полутораметровую яму, куда затем поместили связанного больного и связанного же, но отчаянно брыкавшегося козла. Могилу быстро забросали землей, и, разровняв место, развели над заживо погребенным большой костер. На протяжении следующего часа колдун Мпайо ходил вокруг костра, размахивая резным посохом и распевая заклинания. Когда костер потух, могилу раскопали. Человек, прошедший «терапию», не только оказался целым и невредимым, но при этом избавился от всех признаков психического заболевания. Закопанному вместе с человеком козлу повезло меньше – он задохнулся.

Потрясенный увиденным, Райзер пытался выяснить у колдуна, каким образом в ходе обряда излечения человек выживает. Мпайо отказался делиться тайной колдовства, но объяснил, что пациент, когда его заживо погребают в могиле, находится в особом состоянии, в которое его вводит магический напиток и предшествующий извлечению ритуальный танец. «Пока тело больного лежит в могиле, его душа пребывает на небе, – сказал африканский колдун. – Во время обряда болезнь переходит на козла, и животное погибает».

Райзер критически отнесся к словам Мпайо, но факт был налицо – человек выжил под землей и выздоровел, а козел умер либо от недостатка воздуха, либо по какой-то другой причине.

Как убедился Райзер за проведенное в кенийской деревне время, радикальные способы терапии типа погребения заживо у масаев довольно редки. Намного охотнее колдуны племени изготавливают многочисленные травы и снадобья, которые и в самом деле помогают при змеиных укусах, ранах и болезнях внутренних органов. Наибольшей же популярностью среди мужского населения деревни пользуются многочисленные сборы, усиливающие потенцию.

Потребность в такого рода средствах продиктована обязанностью мужа удовлетворить сексуальные потребности всех своих жен. Иногда это бывает сделать довольно сложно,

поскольку количество жен у масаев очень велико, а согласно народным обычаям, ни одна из супруг не должна остаться обделенной физической любовью.

Иногда масаи приходят к своему колдуну с просьбой помочь исправить причиненное кем-то зло или требуют отомстить за совершенное преступление. Колдун, верят члены племени, обладает властью с помощью магии жестоко наказать преступников, восстановив тем самым справедливость.

Не все кенийские колдуны и знахари занимаются лечением или бытовой магией. Самые уважаемые представители этой профессии способны предсказывать будущее по звездам, внутренностям животных или полету птиц. Порой их пророчества обладают феноменальной точностью и озадачивают даже закоренелых скептиков. Масаи до сих пор вспоминают самого знаменитого провидца их народа по имени Мбатьян Лайбон. В конце XIX в. он сделал странное пророчество, согласно которому вскоре в стране должна была начаться чума, принесенная бабочками. За бабочками, говорил Лайбон, придет гигантская змея, неуязвимая для копий и стрел и способная ползать через всю страну.

В пророчество Лайбона поверили только через несколько десятилетий, когда в Кению пришли английские колонизаторы. Они были в ярких разноцветных одеждах, и масаи, имеющие в своем языке только три обозначения цвета – «серый», «черный» и «белый», называли их бабочками. Вскоре появилась и гигантская змея – железная дорога, построенная англичанами между городом Мобаса и озером Виктория.

Под властью джиннов

Еще бороздят пески Сахары караваны последних бедуинов. Они пересекают пустыню в далеких и необитаемых местах, где хозяйничают призраки и ведут свои нескончаемые пляски сказочные духи пустыни – таинственные джинны. Кроме них, среди песчаных холмов обитают только самые нетребовательные и живучие звери.

«Вода – эликсир души», – говорят кочевники. Они знают наперечет все колодцы и источники в безбрежных песках Сахары. Вода в пустыне – высшая ценность, ведь для измученного жаждой путника глоток свежей воды стоит дороже, чем тысяча верблюдов. Летом немногочисленные мелководные озера с каждым днем уменьшаются, съеживаются, как шагреневая кожа, пока не пересыхают совсем. Дно высохшего озера покрывается твердой, потрескавшейся от зноя коркой.

Вся пустыня превращается в пышущее жаром песчаное море, но кочевые племена знают места, где искать невысыхающие колодцы и корм для верблюдов – пучки сухих колючих стеблей. Эти знания передаются из поколения в поколение, как главная наука жизни. У бедуинов нет писаной истории, и они черпают сведения о прошлом своего племени из древних сказаний.

Туарег на верблюде

История кочевого племени туарегов уходит в глубокую древность и окутана легендами. Туарегов довольно много, около миллиона человек, но они рассеяны по пяти африканским государствам. Почти половина этого племени кочует по пустыням Нигерии, но многие туареги ведут двойственный, переходный образ жизни: молодежь уезжает в университеты, кто победнее, ищет работу в городе, но не порывает связь со своим кочевым народом.

Традиционная жизнь в караванах очень тяжела. Туарегам становится все труднее вести традиционный образ жизни, но пока еще можно увидеть в оазисах мужчин с закутанными в платки лицами. Местная легенда рассказывает, что однажды женщины насмехались над мужчинами своего рода после их постыдного поражения. С тех пор туареги мужского пола прячут свои лица под покрывалом тужельмуст, чтобы не позориться перед людьми. Среди своих родственников они часто ходят без этой тряпки, но при посторонних – никогда. Есть и другое объяснение: мужчины защищают свое обличье от посягательства злых духов.

Для туарегов древние поверья составляют часть их мира, и они очень суеверны. Например, караваны всегда входят в оазисы и селения только в темноте, глубокой ночью, чтобы их никто не

сглазил. Туарег, отказавший кому-либо в просьбе, теряет свою этаму – духовную силу. Благодаря сложной системе взаимоотношений туареги все же могут уклониться от обязанностей выполнять любые просьбы.

Оазисы, в которых караваны делают остановки на своем трудном пути, орошаются водой из глубоких колодцев при помощи системы подземных каналов. Некоторые оазисы якобы возникли в тех местах, где странствующий святой ударил оземь своим посохом. Из земли сразу же забил ключ, зажурчала по песку живительная струя воды и, как по волшебству, желтая пустыня покрылась пышной зеленью. В Сахаре повсюду, где есть вода, теснятся у колодцев и ручьев лабиринты из глинобитных хижин с плоскими крышами. В этих домишках уже появились телевизоры, принимающие передачи из Алжира, Туниса, Каира или Томбукту, но местные сказители пока составляют телевидению достойную конкуренцию. Жизненный уклад в оазисах подчинен обычаям. На общепринятый порядок в доме накладывает отпечаток смена времен года и привилегированное право женщин подниматься на крышу дома.

Пустыня постоянно держит в напряжении обитателей оазисов: весь их хрупкий мирок всегда под угрозой – в любой момент песчаная буря может обрушить на зеленый ковер тонны песка, а затяжная засуха, того и гляди, совсем истощит плодородные почвы.

В бесконечных просторах песчаной пустыни, по преданиям бедуинов, властвует зловещий призрачный народец – джинны. Аллах создал кель-эс-суф – людей пустоты, джиннов – из пламени, из огня без дыма, из «знойного дыхания пустыни». Джинны бывают добрые и злые, могут принимать человеческий облик или являться в виде чудовищ. Все они имеют власть над судьбами людей и зверей. Они духи, но могут временно жить в телесной оболочке. Бедуины верят, что животные «чуют» присутствие невидимых джиннов и боятся их, как и люди. В добрых джиннов, упомянутых в Коране, большинство кочевников уже не верит, но их вера в злых джиннов непоколебима. Демоны могут овладеть человеком и довести его до безумия.

Злобные джинны своим коварством наслали на главные караванные пути железных чудовищ, которые заменили караваны верблюдов и вытеснили бедуинов в самую дикую глушь.

В пустыне путники часто слышат мужские и женские голоса, сбивающие их с правильного пути и соблазняющие на греховные пакости. Иногда голоса предсказывают будущее или описывают место, в котором спрятаны древние сокровища. Невидимые силы хотят оторвать от каравана одинокого путешественника, обещают

привести его к кладу, а на самом деле заманивают несчастного в бесконечные пески, без воды и проводника. Некоторым путешественникам доводилось ночью посещать древние города и рассматривать при свете луны их искрящиеся крупным жемчугом крепостные стены. Путники набивали себе карманы драгоценностями и спешили вернуться назад, а утром с удивлением вытряхивали из карманов и заплечных мешков сухой песок. Но иногда джинны показывают путь к спасению.

В арабских сказках дикие звери, смело подходящие к оазисам, часто оказываются джиннам в образе животных. Джинны-принцы обращаются в газелей с дивными глазами. На исходе дня, в час «золотого света», когда воздух в песках еще дрожит от жары, духи пустыни становятся особенно буйными. Они заводят свои бесовские пляски в призрачном мелькании чередующихся теней и света.

Бедуины убеждены, что вечером идти в пустыню нельзя: пробил «час джиннов» – встретишь там злобных демонов или найдешь свою смерть. В сумерках в песках появляются полчища джиннов «гхуль» – коварных тварей с тысячей лиц. Вслед за ними вылезают, невесть откуда, дьявольские джинны «ифрит» и простоватые «сила», не способные перевоплощаться. Ночью пустыня не спит: вылетают из дневных укрытий совы, ищут себе добычу дикие кошки – все хищники, приободрившись, начинают охоту. Нередко сова и кошка вырывают друг у друга одну жалкую мышку, ведь даже мелких грызунов в песках мало. Кому достанется добыча, зависит от прихоти джиннов. Кочевники говорят, что по приказу джинна в пустыне может внезапно налететь смерч – без малейшей причины.

Кто хочет встретиться с джиннами, должен искать их на открытом всем ветрам месте, перед рассветом, когда бледнеют звезды. В это время дьявольская злоба джиннов слабеет. Перед восходом солнца в дюнах все стихает, и наступает полная неподвижная тишь. В этот момент могут сбыться все заветные желания, а ночные опасности и страхи уходят прочь.

Тайны «садов Аллаха»

«Начинают копать глубокий шахтный ствол, стенки которого тщательно укрепляются, и продолжают эту работу до тех пор, пока не дойдут до пласта твердой скальной породы. Этот пласт дробят кайлом и киркой. Потом рабочие выбираются наружу и бросают на дно шахты кусок железа, который окончательно проламывает пласт, и таким образом освобождают путь воде, скопившейся под пластом.

Так образуется постоянный источник. Время от времени вода поднимается с такой стремительностью, что сметает все на своем пути. Подобные пласты имеются в Туате, Гураре, Уаргле и Рире. Земля – мать чудес, а всевышний – ее творец».

Эти строки можно прочитать в «Истории берберов», составленной в XIV в. Арабский географ и историк Ибн Халдун рассказал о сахарском чуде – артезианском колодце, вода из которого благодаря собственному гидравлическому давлению выходит на поверхность и дает жизнь пустыне. Ибн Халдун описал людей, без которых чудо было бы невозможным, – гхаттассинов – строителей колодцев. В Сахаре времен Средневековья гхаттассины представляли собой нечто большее, чем обыкновенную профессиональную группу. Это был обособленный социальный слой. С одной стороны, гхаттассины находились на самой последней ступени социальной иерархии, с другой – пользовались большим уважением. Они имели определенные привилегии, например полное освобождение от налогов.

Колодец в Сахаре

Их труд был не только крайне тяжелым, но и опасным. Крепления в колодцах могли мгновенно обрушиться, и тогда шахта становилась для рабочего могилой. Скальный пласт, под которым скапливалась вода, мог поддаться преждевременно, и прорвавшаяся струя воды затопить гхаттассина. Не менее опасно было чистить колодцы, ибо с течением времени камни и песок закупоривали отверстие, откуда появлялась вода. Тогда гхаттассину приходилось спускаться в шахту диаметром сто двадцать – сто пятьдесят сантиметров на глубину от тридцати до пятидесяти метров.

В течение трех, а то и пяти минут рабочий оставался под водой и должен был за это время наполнить корзину песком и обломками пород, преградившими путь воде. За день ему приходилось повторять эту опасную операцию от шести до восьми раз.

Тот факт, что в раскаленной, иссушенной пустыне на большой глубине находится вода, во времена колониальных завоеваний вызвал к жизни многочисленные прожектерские планы. Мечтали об обширном орошении пустыни, полагали, что с помощью современной буровой техники удастся в кратчайший срок решить все проблемы, связанные с водой. Но это были лишь мечты. Когда же приступили к научному исследованию, пришлось умерить пыл. Однако результаты исследований были тем не менее поразительны. Они показали, что под Алжирской Сахарой находится огромный подземный бассейн грунтовых вод площадью около шестисот тысяч квадратных километров. (Сходное расположение грунтовых вод было недавно обнаружено в принадлежащей Египту части Ливийской пустыни.) Речь при этом

идет о пористых слоях горной породы, залегающих на разной глубине (иногда несколько таких пластов лежат один над другим). Эти пласты могут вмещать примерно двенадцать тысяч миллиардов кубических метров воды.

Было также установлено, что запасы грунтовых вод пополняются за счет ручьев, стекающих с обрамляющих Сахару гор. Это пополнение составляет ежегодно около десяти миллиардов кубических метров, то есть девятнадцать тысяч кубических метров в минуту. Если бы возникло желание брать из этого подземного хранилища воду, не затрагивая его основных запасов, то по всей Алжирской Сахаре можно было бы добыть в минуту девятнадцать тысяч кубических метров. До сих пор все оазисы, вместе взятые, расходовали от трехсот до четырехсот кубических метров в минуту. Допустим, что испарение поглощает ежегодно около полумиллиона кубических метров воды. И тогда ежегодно остается девять миллиардов кубических метров. Следует еще выяснить, куда до сих пор девались эти девять миллиардов.

Правда, цифры эти, как нас предупреждают, несколько рискованные. В настоящее время в связи со стремительным развитием нефтяной промышленности Сахара испытывает все возрастающий спрос на воду. Кроме того, это пополнение воды идет чрезвычайно медленно. Чтобы покрыть расстояние от гор марокканского Атласа до Эль-Голеа, воде требуются сотни лет. Вода, которой угощают сегодня в отеле в оазисе Эль-Голеа, выпала в Атласе в виде дождя около двух тысяч лет назад!

Площадь Сахары семь миллионов квадратных километров, оазисы же составляют лишь триста пятьдесят квадратных километров. И это при том, что колониальные власти, как только они закрепились в Сахаре, тут же с помощью современной буровой техники приступали к сооружению артезианских колодцев.

Далеко не все оазисы появились на свет благодаря артезианским колодцам. Различают шесть различных типов обводнений оазисов. В первую очередь следует упомянуть оазисы, которые питаются водой из естественного источника, по-арабски – «айн» («глаз»). Такой источник имеется в Гадамесе, и у него своя легенда. Когда-то, утверждают в Гадамесе, здесь обитало могучее кочевое племя, возглавляемое вождем Нимродом. Однажды случилось так, что член этого племени заблудился в пустыне. После нескольких дней скитаний он, обессилев, рухнул на землю. Мысль о неизбежной гибели неотступно преследовала его. Вдруг его преданная верблюдица ударила копытом по пустынной земле, и в тот же миг из недр земли забила струя прохладной,

прозрачной воды. Пустыня тут же покрылась изумрудно-зеленым ковром, из земли поднялись пальмы. Источник же получил название «Айн ал-Фрас» – «Верблюжий источник».

Воды из Айн ал-Фраса хватило на то, чтобы оросить в общей сложности восемьдесят восемь гектаров садов. Благодаря устройству новых артезианских колодцев в последние годы удалось расширить орошаемую площадь еще на сорок гектаров. Традиционный центр Гадамеса находился раньше в районе базара, где в одном из углов базарной площади поблескивает небольшой пруд. Над прудом возвышается купол, к которому прикреплен медный сосуд, наполненный водой. На дне этого сосуда имеется маленькое отверстие, из которого капает вода. Как только сосуд опорожняется, – а это значит, что истек определенный отрезок времени, – сидящий на корточках возле купола сторож подает сигнал. Сигнал оповещает о том, что из одного из пяти главных каналов Айн ал-Фраса орошено пять садов. Теперь на очереди следующие пять. Сроки орошения строго соблюдаются. В оазисах вода куда важнее для благосостояния, чем объем землевладения.

Другой тип источника – колодец, по-арабски «хасси». Здесь напор воды слишком мал, чтобы вода сама могла подняться из глубины. Она извлекается на поверхность водокачками самых различных конструкций. Вся хозяйственная жизнь оазисов Мзаба зависит от этих колодцев. Беспрерывный визг канатных блоков, с помощью которых ослы поднимают двадцатилитровые ведра, – самый характерный звук для оазисов Мзаба.

Третий тип – это колодцы, пробитые в старых уэ-Дах. Особенно часто они встречаются в Рире (Туг-гурт) и Миа (Уаргла).

Четвертый тип – это мелкие колодцы, глубиной не более двадцати метров. Они встречаются прежде всего в Тафилалете и Феццане.

К пятому типу относятся так называемые речные оазисы, то есть области, в которых уэд по меньшей мере раз в год хотя бы частично наполняется водой. Сюда относятся Бискра и вся цепь оазисов уэда Саура. Так, дамба, находящаяся примерно в восьми километрах от оазиса Лагуат, круглый год задерживает воду в уэде Мзи. При помощи разветвленной системы каналов вода направляется в сады оазиса, причем каждому владельцу садового участка отводится определенное количество воды. В заранее обусловленное время он имеет право открыть заграждение, чтобы вода могла оросить его грядки площадью от восьми до десяти квадратных метров. Каждая грядка окружена насыпью высотой около двадцати сантиметров.

Однако самое искусное сооружение для обводнения оазиса – это фоггара. Ее можно встретить в Западной Сахаре в Туате, а также в Гураре.

Принцип фоггары был знаком уже древним ассирийцам и персам. Он предполагал наличие водоносного слоя, расположенного на небольшой глубине и спадающего в ложбину. По этому слою до грунтовых вод копали колодцы на равных расстояниях один от другого. Затем из колодцев прокладывались штольни, которые в конечном счете соединяли их между собой. Такая штольня могла в лучшем случае иметь в длину пятнадцать метров, затем за ней должен был идти следующий колодец. Другой метод работы был невозможен при тогдашней примитивной строительной технике. Наклон штолен к ложбине при этом очень незначителен: он составляет в среднем от двух до шести миллиметров на метр.

Как только сооружение фоггары закончено, вода из слоя грунтовых вод медленно, но уже безостановочно, течет через штольню в сады. Однако фоггарам присущи и известные недостатки. Сооружение их является крайне тяжелым и дорогостоящим делом. Кроме того, размер фоггары в длину ограничен. Существует старинное предписание, согласно которому каждая фоггара должна отстоять от следующей не меньше чем на восемьдесят—сто метров, чтобы они не отнимали друг у друга грунтовую воду.

Испокон веков фоггары были коллективной собственностью земледельцев оазиса. Их сооружение стало возможным лишь с появлением рабства. Только наличие рабов, то есть чрезвычайно дешевой рабочей силы, позволило соорудить эти трудоемкие установки. В Тидикельте и Туате, где почти не выпадает осадков, сооружение фоггар – единственная возможность для заселения этих мест.

В садах оазисов царствует финиковая пальма. Она же создает условия для выращивания других культур. Только в тени этих деревьев фрукты и овощи находят защиту от испепеляющего сахарского солнца. Финиковая пальма для жителя оазиса – все и вся. В 1853 г. немецкий ученый, доктор Эдуард Фогель в письме из Мурзука сообщал о финиковой пальме следующее: «Весь Феццан и половина Триполитании живут ею. Здесь каждая дверь, каждый столб сделаны из древесины этой пальмы; потолки комнат в домах состоят из стволов финиковой пальмы, покрытых ветвями. Кто победнее, живет в хижинах, полностью сооруженных из пальмовых веток. Пальмовые ветки употребляются для отопления… Сами финики служат пищей для человека и животных; верблюды, лошади, собаки – все едят финики. Даже

финиковая косточка – и та размалывается и в таком виде входит в корм скота… Трудно себе представить, в каком невероятно большом количестве здесь произрастает финиковая пальма. Когда Абдель-Гелид приступил к осаде города Сокну (в 1829 году. – *Н.Н.),* он приказал, – чтобы вынудить жителей сдаться, – срубить все пальмы в садах. За семь дней его воины уничтожили сорок три тысячи деревьев, и все же их осталось еще около семидесяти тысяч».

Жителей оазисов часто тревожили необычные свойства этого дерева, ибо финиковая пальма имеет свои причуды. Она, например, начинает чахнуть и погибает по совершенно непостижимым причинам, в связи с чем ей приписывается своего рода духовная жизнь. Есть мужские и женские деревья, что заставляет садоводов соблюдать соответствующую пропорцию между ними (одна мужская пальма должна приходиться на тридцать – пятьдесят женских) и в период цветения производить искусственное оплодотворение.

С пальмами иногда обращаются, как с человеческими существами. У племени улед-джелла есть такой обычай: если пальма больше не плодоносит, владелец отправляется в сад с мотыгой и делает вид, что намерен срубить строптивое дерево. Однако прежде он громко произносит: «Пальма, ты бесплодна, я тебя срублю». Затем он слегка ударяет по стволу. Тогда подходит сосед, выполняющий в этой игре свою роль, и восклицает: «Несчастный, что ты делаешь? Оставь дерево в покое! Уверяю тебя: в будущем году оно снова будет плодоносить. Если мое предсказание не исполнится, ты еще успеешь его срубить». Тут начинается долгий и ожесточенный спор, в ходе которого владелец пальмы еще раз-два яростно ударяет по дереву. В Сахаре не сомневаются, что после такого представления дерево соберется с силами и даст лучший урожай.

Суеверие – суеверием, но для ухода за пальмами требуются обширные знания и большой опыт. Для получения обильного урожая пальмы должны быть посажены на расстоянии девяти метров одна от другой. Пальма размножается при помощи корневых отростков. Она начинает плодоносить с пятилетнего возраста, но до пятнадцати лет можно снять лишь незначительный урожай. Только после двадцати лет она дает высокие урожаи и так до шестидесяти лет. При этом пальма живет до ста лет.

«У пальмы ноги должны быть в воде, а голова в огне» – гласит арабская пословица. Об огне заботится солнце, что касается воды, то о ней должны беспокоиться земледельцы. Для трех пальм необходимо до литра воды в минуту. Это не значит, что пальма

поглощает всю эту воду за минуту. Важно прежде всего опреснять почву. Поэтому в саду с финиковыми пальмами имеются устройства не только для орошения, но и для дренажа. Две пятых подведенной воды должны снова стекать. По этой причине оазис нуждается не только в оросительной системе, но и в низине, где может скапливаться и испаряться обогащенная солями вода. Вблизи оазисов постоянно встречаются соленые озера – себхи. При отсутствии этих условий возникновение оазиса невозможно. Финиковая пальма требует минимального ухода. Наряду с орошением и искусственным оплодотворением сад время от времени нуждается лишь в удобрении верблюжьим навозом.

Оазисы, зависящие от фоггар, находятся в тяжелом положении, так как в связи с многовековым вычерпыванием воды уровень грунтовых вод постоянно понижается. Из-за этого вода течет медленнее. В оазисе Айн-Салах фоггары в 1909 г. подавали пятнадцать кубических метров воды в минуту, а в 1947 г. – лишь шесть с половиной. Здесь уже семь, вместо трех, пальм должны довольствоваться литром воды в минуту. Урожай постоянно снижается. Отмена рабства, как считал один швейцарский знаток Сахары, нанесла фоггарам смертельный удар. В этом верном замечании многое неверно, ибо рабство можно заменить другой системой, которая обеспечивала бы оазисам процветание.

Совсем другие проблемы волнуют крестьян оазиса Суфа, расположенного среди дюн у северного отрога Большого Восточного Эрга. «Столицей» Суфа является Эль-Уэд – оазис, сильно отличающийся по способу строительства домов от других оазисов Сахары. В путевых заметках он описывается так: «С высоты мечетей можно видеть бесконечные ряды куполов, похожих на бесчисленное множество людских спин, которые, тесно прильнув друг к другу, низко склонились к земле. Такое же впечатление создается, когда проходишь по узеньким улочкам и видишь ряды прилепившихся друг к другу домиков из ломкого известняка, высота которых не превышает трех метров. Нужно согнуться в три погибели, чтобы попасть через низенькую дверь в комнату, где имеется единственное отверстие в потолке, служащее дымоходом, а оружие и инструменты повешены на шест, вбитый в утрамбованный глиняный пол. Люди, спасаясь от солнца, буквально зарываются в землю. Они выкапывают глубокие ямы, чтобы там построить жилища».

Причина куполообразного способа возведения домов в Эль-Уэде кроется в отсутствии стройматериалов. В Суфе имеется лишь подземный гипсовый пласт и кремнистые кристаллы гипса. Это обстоятельство наряду с абсолютным отсутствием

лесоматериалов подсказало единственно возможный выход – строить куполообразные крыши. Так как для сооружения куполов и каркасов не было пригодных для этой цели горбылей, жителям Суфа приходилось пользоваться скрепленными между собой пальмовыми ветками, которые должны были служить подпорками на время строительства жилья. Однако незначительная несущая способность такого материала позволяла строить лишь помещения очень небольших размеров.

Другая особенность оазисов Суфа состоит в том, что они окружены многочисленными воронками. Одна воронка вплотную примыкает к другой, и из них выглядывают верхушки финиковых пальм. Где-то на краю Большого Восточного Эрга (где именно – точно неизвестно) берет свое начало подземная река, устремляющаяся на северо-восток, к Шотт-Мельгиру. Этой реке оазисы Суфа, расположенные посреди песчаных дюн, обязаны своей жизнью. В оазисе Гвемар грунтовая вода течет на глубине пяти-шести метров, в Эль-Уэде – пятнадцати метров. Садоводы Суфа буквально соблюдают правило, согласно которому пальма должна стоять ногами в воде. Так как в Суфе из-за незначительной природной покатости местности орошение с помощью колодцев было нецелесообразным (возникли бы трудности с дренажем, и пальмы сгнили бы в стоячей воде), крестьяне начали копать землю навстречу воде. Они выкапывали воронки и сажали в них пальмы, корни которых дотягивались до грунтовых вод.

Чтобы сохранить растениям жизнь, необходимо вступить в жестокое единоборство с природой, ибо песок безжалостно наступает на оазис. Изо дня в день земледельцы отправляются к воронкам и на ослах, в корзинах, вывозят из них навеянный ветром песок. Это настоящий сизифов труд – работа, которой нет конца.

Водоносные слои Сахары не могут вычерпываться бесконечно. Правда, неиспользованные резервы еще велики, однако при бурении новых колодцев следует внимательно изучить местность и учесть все подземные течения, чтобы не повредить другим оазисам. В районе Рира до французской оккупации насчитывалось триста колодцев, которые могли поставлять пятьдесят шесть тысяч литров воды в минуту. В 1924 г. было уже тысяча тридцать три колодца, дававших двести семьдесят восемь тысяч литров воды. В 1930 г. из них получили целых триста сорок восемь тысяч литров воды. Тем самым были исчерпаны все возможности освоенных тогда водоносных горизонтов. Бурение у Сиди-Рашеда лишило воды оазис Гамра, и он погиб. Бурение у Тамерны, в свою

очередь, привело к тому, что стала иссякать вода во вновь заложенном колодце в Сиди-Рашеде.

Примером сложности подземных гидрологических сооружений может служить оазис Уаргла. Уаргла лежит в низине, через которую в доисторические времена протекала река Миа. В самом глубоком месте этой низины в настоящее время находится шотт, соленое озеро, образовавшееся в течение столетий из-за дренажа пальмовых рощ. Летом в этом шотте, охватывающем четыреста гектаров, добывают соль.

История Уарглы началась с источника Айн-Сфа, расположенного на расстоянии приблизительно четырнадцати километров к югу от современной Уарглы и питающего маленькую речушку. Километрах в тридцати к северу от источника речушка орошала пальмовые рощи старого оазиса. Однако, вероятно, в VII или VIII столетии крестьяне оазиса вместе со своими растениями перебрались вверх по течению речушки. Большие потери воды вследствие испарения подсказывали необходимость быть поближе к истоку воды.

В X в. пришли поселенцы с севера, бежавшие оттуда по религиозным причинам. Эти приверженцы секты хариджитов отличались особой преданностью своей вере. Около 800 г. они основали в степной зоне севернее Сахары, в Тахерте – современном Ти-арете, свое государство. В 911 г. египетские халифы из династии Фатимидов разрушили Тахерт и хариджиты бежали в пустыню. В Уаргле они нашли заселенный оазис вблизи источника Айн-Сфа. Здесь они осели и основали свой город Седрата.

Новому городу не хватало воды от Айн-Сфа. Тогда поселенцы соорудили новые колодцы и создали отличную сеть оросительных каналов. Когда в XI в. они начали покидать Седрату и переселяться в уэд Мзаб, Уаргла-Седрата уже страдала от весьма ощутимого недостатка воды. На месте старой Уарглы, там, где когда-то кончалась питаемая источником Айн-Сфа речушка, по-прежнему жили люди, отрезанные от Айн-Сфа и вынужденные поэтому сооружать новые колодцы. Однако колодцы, в свою очередь, отнимали воду у Айн-Сфа.

Если крестьяне, сажавшие пальмы, сначала поднимались вверх по течению, то впоследствии, когда вода в. источнике стала иссякать, они постепенно снова спустились вниз. В середине XIX в. оазис почти слился с шоттами, и дальнейшее передвижение сделалось невозможным. В 1956 г. начали бурить другой, более глубокий водоносный слой. Это бурение сразу же дало столько воды, что молниеносно поднялось зеркало шотта, и вода затопила

близлежащие сады. Следующее бурение было произведено несколько выше, так что оазис снова начал «передвигаться» вверх по течению.

Наверху, однако, вблизи иссякшего источника Айн-Сфа, у развалин древней Седраты, еще и теперь собираются странники из Мзаба, чтобы помолиться на месте своей прежней столицы.

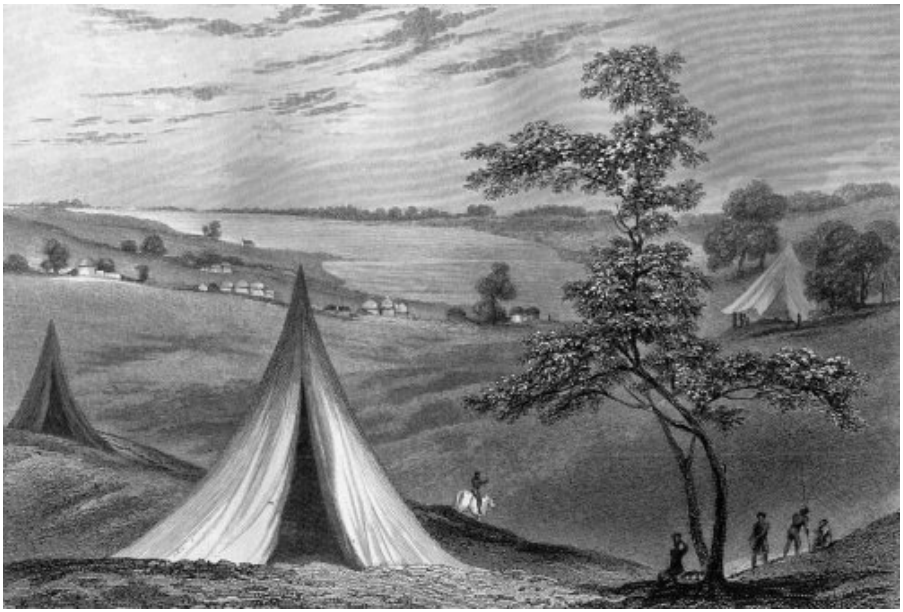
Мзаб – ожерелье из семи городов, в которых в настоящее время проживает около четырнадцати тысяч человек, – отличается своеобразным ландшафтом. Города как будто цепляются за склоны гор. На расстоянии многих километров пальмовые рощи, высаженные террасами, обрамляют уэд. «Мзабитские города, состоящие из домов кубической формы, подобно сахарным головкам, заостряются по мере приближения к мечетям, – пишет Георг Герстер. – Улицы и переулочки кольцами или спиралями обвиваются вокруг горы. Мечеть – духовный и архитектурный центр поселения… С высоты мечети можно обозреть как бы соскальзывающий со всех сторон в пропасть город. Никто не в состоянии различить, где дом, а где голый камень. Среди выкрашенных в белый цвет домов попадаются нежно-голубые и светло-зеленые, а охра на дне долины и по косогорам светится ярче, чем в наших краях самый насыщенный желтый цвет».

Если мзабит, живущий на чужбине, чувствует, что настал его последний час, он всеми силами старается успеть вернуться в Мзаб. Часто можно встретить мчащееся на юг, к Мзабу, такси, в котором сидит умирающий мзабит…

Миражи озера Чад

Первыми европейцами, вышедшими из Триполи, пересекшими путем неимоверных лишений раскаленный ад Центральной Сахары и обследовавшими берега озера Чад, были британцы Уолтер Аудни, Хью Клаппертон и Диксон Дэкхем. 4 февраля 1823 г. последний сделал следующую дневниковую запись: «Перед нами, приблизительно на расстоянии мили, сверкая в золотых лучах полуденного солнца, расстилалось великолепное озеро. Сильно забилось мое сердце. Я понял, что теплая водная равнина – ключ к великой загадке, которую предстояло разгадать, к тому, о чем образно повествовали древнегреческий царь-мудрец Птолемей и нумидийский правитель Юба II. Если докажем, что они были далеки от фантазирования, сможем познать истину. Чего бы это ни стоило!»

Цена любознательности оказалась слишком большой. Сделав ряд открытий на западных и южных берегах, установив, что река Сокото течет в сторону Нигера, нанеся на карту устье реки Шари, Клаппертон и Дэнхем без Аудни, который тяжело заболел и умер, не вынеся тяжелого скитальческого быта, вернулись в Англию. Диксон Дэнхем подвел итог: «Я позволю себе высказаться в том смысле, что наш отряд существенно раздвинул рамки познаний по географии и природным условиям Африки, вынеся за скобки то, что понять нам не по силам. Сахара страшна и коварна. В песках ее погибло немало цивилизованных смельчаков, ослепленных, сбитых с толку призраками и миражами, схожими по силе воздействия с пустынной жаждой, медленно убивающей. И это все по злой воле творится рядом с водой, пригодной для питья, но зачастую непригодной для пребывания рядом».



Первые европейцы у озера Чад

Дэнхем в дневнике экспедиции подробнейшим образом описывает впечатления от «нашествий ужасных водных миражей-призраков, поначалу безобидно радующих яркостью красок и четкостью очертаний, разнообразием проекций несуществующих в действительности предметов, людей, зверей». Путешественник высказывает предположение, что «понять мираж, проникнуть в него, стать его частью никак нельзя, не поняв рельефные, почвенные, климатические особенности Чада, не став частью озера и его племен – тиббу, хауса, муба, канебу, канури и рыжих арабов». Что мы и попытаемся сделать, вникнув в смысл наиболее впечатляющих фрагментов записок наблюдательного путешественника. Итак, читаем.

«Общение наше с аборигенами моря было осложнено незнанием их языков. Сами они разноплеменные народы каким-то непостижимым образом общались. Хороший сюрприз ждал нас в племени сяо. Вождь этих рослых смуглых людей – Толок – сносно изъяснялся по-английски. Толок, обрадованный встречей с нами, рассказывал, что далекие предки народа сяо были великанами, легко переносящими на плечах туши убитых огненными стрелами слонов, глыбами перегораживающими реки, переговаривающимися друг с другом на сотни километров. Мы усомнились. Толок велел соорудить для нас ночлег вблизи высоченных песчаных холмов, по его словам, захоронений предков-великанов. Провели мы там три ночи, убедившись, что вождь не сказочник.

В первую ночь нас разбудило потрескивание над холмами. Пески клубились под луной. Длилось это с полчаса. Мы обомлели, когда увидели над холмами человеческие фигуры гигантских размеров – обнаженные, прекрасного телосложения, черно-бронзового цвета. Фигуры стояли неподвижно, словно чего-то ожидая. Мы вскоре увидели парусник с оборванными снастями, плывущий со стороны берега. Топы мачт его искрили. Парусник остановился над холмами. Утром его охватил огонь. Когда лучи восходящего солнца, причудливо разбитые на три световых потока – красный, синий и зеленый – дали ход дневному свету, парусник просыпался на наши головы белым мелким песком. А великаны, несмотря на дневное освещение, оставались на месте ровно два часа. Мы смело направились в их сторону, но они при нашем приближении как бы уходили в песчаные холмы.

Клаппертон решился идти дальше. Это стоило ему обморока. Очнувшись, он удивился, что рядом нет гигантов, предупредивших его, что мы вторглись в чужие владения.

Толок сказал, что единственный выход для нас – пожертвовать пару сандалий и, стоя на одном из холмов, попросить у великанов прощения. Мы тотчас же отправились в компании вождя на холм. Толок закопал в песок сандалии из кожи буйвола. Мы попросили прощения. В следующую ночь пролился ливень – явление для аборигенов долгожданное. Толок сказал, что мы прощены, так как колодцы племени полны до краев.

На прощание вождь подарил нам древний керамический горшок, на внутренних и внешних поверхностях которого весьма искусно были изображены великаны – мужчины и женщины. В ход художники пускали охру, зеленую краску, серебристый лак. Предмет искусства великих людей обернулся к нам бедами, потому что отныне по ночам преследовали призрачные твари, возникающие на фоне озерной волны. Мы прежде никогда не видели, как горит вода. А тут она горела, выбрасывая клубы пара. Что-то отвратительное, отравляющее, ядовитое залегает под дном Чада. Уж не преисподняя ли? Надобно искать рациональное объяснение кажущимся иррациональными вещам».

Можно предположить, что ниже дна озера Чад, в сезоны дождей охватывающего площадь 19–26 тысяч квадратных километров и имеющего ничтожную глубину 2–4 метра, веками скапливались останки растений и животных, выделяющих прорывающиеся на поверхность ядовитые галлюциногенные газы. Немудрено, что люди, попавшие в зону их действия, начинают грезить наяву. Косвенные свидетельства о проявлении этого феномена есть в путевых записках Диксона Дэнхема.

«Часто мы сталкивались с таинственным явлением, – пишет Дэнхем. – Как только укладывались на отдых, пустыня вокруг, да и озерная вода начинали выбрасывать острые песчаные струи. Фонтаны били недолго. Оттого окружающая среда делалась тусклою, имеющей запах прогорклого масла. Головы наши кружило, подкатывалась тошнота, и мир приобретал неприятные краски, из которых выползали люди-звери, стремящиеся к диалогам с нами. Диалоги шли и шли, несомненно, как игра наших собственных мыслей. Обозначался опасный предел всему этому. Близкий к гибели предел. Чаще всего мы наблюдали кораблекрушения на Чаде, вполне натуральные. И все при том, что озеро это никогда не было судоходным, и ходили по нему утлые долбленки аборигенов. Пусть наши видения вынашивают в себе песчаные яды. Не могут же те яды уносить и возвращать разные предметы, даже отдавая те, что нам не принадлежат».

Здесь путешественник говорит о телепортации, об общениях с призрачными существами, ее осуществляющими: «На день-два из наших мешков бесследно исчезали ножи, булавки, фляги со спиртом, хина, брикеты пороха и запасы дроби. Дважды пропадал мой дневник. Поиски, сопровождаемые взаимными подозрениями в розыгрышах, не приводили ни к чему. Предметы, необходимые нам, сами собой возвращались. Я видел обнаженные по локоть руки подсовывающие их. К вору обратился, без гнева осведомившись, кто он и как делает неприятности. Наблюдалось это при костре ночью. Вор предстал призраком покойного нашего товарища Уолтера Аудни. Ответил он, что проделывает шутки, чтобы мы не забывали о нем. Проделывает, оборачивая твердые предметы в свой разряженный дух, что возможно только у воды в Сахаре и поблизости от некоторых других водоемов Земли. Аудни сказал, что теперь он помогает нам во всем.

Общение с призраком конкретного Аудни, бесспорно, проистекает из болезненного состояния моего в условиях Сахары, как мы поняли, отличающейся преследующими нагромождениями миражей, мозговых аффектов. Исчезновение предметов, очевидно, принадлежит к дополнительной составляющей окружающего мира, еще не познанной человеком».

Озеро Чад, или Нги-Буль, уникально парадоксами. Поэтому последние пять десятилетий ученые пытаются разобраться в его аномалиях. Как не вспомнить слова гениального Льва Ландау: «Отличие современной науки в том, что человек может понять вещи, которые он не в силах вообразить».

…Три англичанина добрались наконец благополучно до озера Чад. Они были первыми европейцами на его берегах. Клаппертон[3] вскоре отправился на запад, чтобы дойти до

Сокото, но по дороге умер от «коварной лихорадки». Аудни и Дэнхем остались на месте, чтобы более тщательно исследовать озеро Чад.

Дэнхем позднее писал: «При виде озера мое сердце сильно забилось от нахлынувших чувств, ибо я был уверен, что это озеро является ключом к великой цели наших исследований».

Англичане не нашли у озера Чад того, чего они искали, то есть места слияния Нила с Нигером. Однако уже одно опровержение неверного старого тезиса было большим достижением. Да и само озеро Чад являло собой достаточно интересный объект для научной работы.

Геологическая история этого озера, площадь которого в период дождей достигает двадцати двух тысяч квадратных километров, ныне представляется следующим образом. Приблизительно во времена неолита из девственных лесов юга вследствие стихийного прорыва в область теперешнего озера Чад, где еще громоздились дюны третичного периода, устремилась вода, которая выровняла эту область. Так возникли большие равнины Борну, Багирми, Вадаи и Канем. В те времена поверхность озера Чад, по всей вероятности, была в несколько раз больше, чем теперь. Отсюда вода, видимо, устремлялась через низину нынешнего Бахр-эль-Газаля в низину реки Боделе. Эта река и «древний Чад» на всем его пространстве затем стали, вероятно, жертвами прогрессирующего высыхания Сахары.

Название «озеро Чад» способно ввести в заблуждение, так как в настоящее время речь может идти лишь о большом болоте. Его средняя глубина примерно полтора метра и только в некоторых местах доходит до четырех метров. Поверхность озера постоянно меняется. В период дождей озеро становится не глубже, а шире, то есть разливается на много тысяч квадратных километров.

Однако в результате сильнейшего испарения во время сухого периода озеро снова принимает прежние размеры. Кроме того, реки с юга приносят значительное количество песка, оседающего на южном берегу озера и образующего новую почву. Так озеро медленно передвигается к северо-востоку навстречу пустыне, которая, в свою очередь, движется на юг. На севере озера уже сталкиваются вода и песчаные дюны. Здесь переход от воды к суше почти неуловим. Посреди озера – острова, ближе к берегу они становятся все больше и многочисленнее. Эти острова, однако, не что иное, как песчаные дюны, закрепившиеся в воде.

Генрих Барт очень живо описал впечатления путешественника при первой встрече с озером Чад.

«После четырехкилометровой поездки верхом по голой и безжизненной степи мы ступили на заболоченную почву; вскоре

вода дошла нам до колен – учтите, что мы сидели в седле. Через некоторое время я уже мог, перегнувшись в седле, достать воду ртом. Я имел возможность убедиться в том, что она абсолютно пресная и что бытовавшее в Европе мнение, будто вода озера Чад должна быть соленой, так как из озера нет оттока, покоится на ничем не обоснованном предубеждении».

Наблюдения Барта подтвердились. В настоящее время предполагают, что у озера Чад имеются подземные стоки, которые обеспечивают соответствующий дренаж и препятствуют засолению озера.

Кстати, в описываемое Бартом время озеро Чад и его окрестности были еще настоящим раем для животного мира. Густав Нахтигаль рассказывал после своей поездки на озеро: «Здесь находило корм неисчислимое множество водяных птиц, а рядом с поселком стоял слон, который утолял жажду и поливал хоботом свое могучее тело. Когда я подбежал к соседнему участку озера, то увидел в воде от двадцати до тридцати гиппопотамов».

Древняя фауна, которая, по всей вероятности, была тогда распространена на большей части Великой пустыни, сохранялась в районе озера Чад до тех пор, пока тут не появились европейские охотники на крупного зверя.

Области вокруг озера свидетельствуют о раннем появлении здесь человека.

За последние годы в этих местах было найдено около двенадцати тысяч предметов, относящихся к древней цивилизации. Они поведали нам о том, что здесь умели отливать бронзу и довели до совершенства гончарное дело. Статуэтки, украшения, фигуры танцоров в масках, мифические существа и животные указывают на некоторую связь как с древней культурой долины Нила, так и с культурой Западной Африки. Вполне возможно, что район вокруг озера Чад, ставший с X в. центром сильного государства Канем-Борну, и до этого времени играл важную посредническую роль в контактах между различными культурами Африки.

Генрих Барт, исследователь озера Чад, родился в 1821 г. в Гамбурге, изучал древнюю историю и филологию, а затем переключился на географию. В двадцать четыре года он путешествовал по странам африканского побережья Средиземного моря; в двадцать восемь лет присоединился в Триполи к английской экспедиции, целью которой было завязать торговые отношения со странами Судана. К этой экспедиции, возглавляемой англичанином Джеймсом Ричардсоном, примкнул и гамбуржец Адольф Овервэг. Экспедиция отправилась 23 марта 1850 г. из Триполи, ее маршрут проходил через Мурзук, Гат, а

затем через нагорье Аир. Через Тинтеллюст она направилась на юг, однако Барт предпринял вылазку в Агадес.

На этот город, как и на все озеро Чад, постепенно наступала пустыня. За несколько лет до посещения Бартом Агадеса часть его жителей ушла в Нигерию. В Сокото, на южной границе пустыни, беженцы рассказывали, что песчаная буря погребла их родной город. Очень может быть, что была сделана попытка возродить к жизни засыпанный Агадес. Жители Сахары не легко сдаются, и все же Агадес в течение многих веков переживает неотвратимый упадок.

Добросовестный Барт за время своего краткого пребывания в Агадесе старался собрать как можно больше сведений о его истории. Так, он узнал, что город был основан в середине XV в. (что совпадает с сообщениями арабского путешественника Льва Африканского, который после посещения Агадеса в 1526 г. отмечал, что он «является совершенно новым городом»). В 1515 г. город был завоеван властелином державы Сонгаи Мухаммедом, якобы изгнавшим из него пять берберских племен, которые основали Агадес как промежуточную стоянку на караванном пути. Барт, кстати, во время своего пребывания в Агадесе обнаружил, что жители разговаривают на диалекте сонгайского языка с сильной берберской примесью. Приведем точное описание Агадеса, каким увидел его Барт.

«Город Агадес расположен на равнинной местности, которая разнообразится лишь небольшими холмами из обломочных пород. На прямой линии, образовавшейся из террас низких домов, кроме приблизительно пятидесяти двухэтажных домов, возвышается только высокая башня Месалладж… Население, включая рабов, я оцениваю в семь тысяч. Общее впечатление от Агадеса, что это опустевший город. Везде видны следы былого блеска. Даже в самых важных частях города, в его центре, большинство жилищ лежит в руинах; от многочисленного в прошлом населения осталось очень немного. На зубцах разрушенных стен вокруг рыночной площади сидят голодные коршуны, готовые кинуться на любые отходы».

Агадес никогда не числился «столицей», ибо в Аире никогда не было централизованного государства. И все же в зените своей славы город насчитывал около тридцати тысяч жителей.

Упадок его в конечном счете самым тесным образом связан с проникновением французов. Аменокал Агадеса Каоссек после вторжения колониальных войск в Аир бежал в Феццан. В 1914 г. он вернулся. Совместно с назначенным французами преемником Тегамой он втайне подготовил восстание 1917 г. Историки назвали его «революцией» туарегов. Восставшие туареги вначале

действовали весьма успешно, однако должны были отступить перед дополнительно вызванными колониальными войсками. Французы подавили восстание. Каоссен с тех пор бесследно исчез. Аменокалу Тегаме удалось бежать, однако позднее – в Бильме – он был схвачен французским патрулем верблюжьей кавалерии и доставлен в Агадес, где его предали суду. В 1922 г. в тюрьме Тегама покончил жизнь самоубийством. Французы назначили нового аменокала, по имени Омар– бесхарактерного, податливого человека, который был в руках французских «советников» словно воск.

Для Агадеса, как и всего Аира, подавление восстания было равносильно смерти. Тридцать тысяч туарегов покинули родные места, чтобы поселиться в южных эмиратах Кано и Кацины, входящих в настоящее время в Нигерию. Сады Аира были занесены песком, колодцы разрушались. Многие местности, которые посетил Барт, ныне нельзя отыскать ни на одной карте. Позднейшие попытки колониальных властей снова поселить здесь туарегов не имели успеха. В путевых заметках, опубликованных в 1935 г., можно прочитать: «Мы стоим перед дворцом властелина царства теней (полностью зависящего от Франции султана Агадеса. – *Н.Н.*). Длинный проход ведет во внутренний двор, где пережевывают свою жвачку верблюды и где по вечерам слуги разводят огонь. Возле дверей нет больше стражей… Через темное помещение мы попадаем в маленький тронный зал; в углу, побеленном известью, трон султана – очень грубая работа из глины и камня. Сводчатый потолок. Все отдает тленом, затхлостью и безмолвием. Все в прошлом. Здесь нашли себе приют летучие мыши и совы, а тишина пустыни делает пребывание в этом бывшем городе еще более невыносимым».

Экспедиция, участником которой был Барт, достигла наконец озера Чад. На северной границе государства Борну трое путешественников расстались, чтобы разными путями дойти до столицы Борну – Куки. Ричардсон погиб на этом отрезке пути. Когда Барт и Овервэг затем встретились в Куке – 5 мая 1851 г., дальнейшее руководство экспедицией взял на себя Барт. Базируясь в Куке, оба пересекли – один раз вместе, а в другой – порознь – Борну и Канем. Больше года они путешествовали по Центральной Африке. Затем погиб и Овервэг, не вынесший непомерных трудностей перехода через пустыню. Барт же хотел посетить Томбукту. С этой целью он из Куки отправился верхом на верблюде через саванну на запад. В районе Зиндера он дошел до Нигера, а отсюда направился в Томбукту.

«Первое впечатление от города, столь давно ставшего заветной целью моего путешествия, – писал Барт, – было не очень

благоприятным. Я увидел небо, сплошь затянутое тучами; воздух был насыщен песком; темные, грязные глиняные сооружения города, не освещенные солнцем, почти слились с окружающим их песком и щебнем. Я не успел как следует оглядеться, как из города нам навстречу уже потянулась толпа людей, жаждавших приветствовать чужестранца. Этот миг я никогда не забуду… Хотя улицы и переулки, куда мы поначалу ступили, и были настолько узки, что два наездника не могли бы разъехаться, все же многолюдие и зажиточный вид этой части города произвели на меня сильное впечатление».

Когда Барт вернулся в Германию и подробнейшим образом описал свои впечатления, некоторые люди у него на родине сделали их предметом самого скрупулезного изучения, так как усмотрели в исследованиях ученого возможную отправную точку для колониальных завоеваний. В этом отношении большой интерес представляет собой письмо прославленного натуралиста Александра Гумбольдта Барту. Гумбольдт писал Барту, после того как тот закончил в 1855 г. свое большое путешествие по Африке: «Мне приятно Вас известить, что завтра в среду в 15.00 Вы приглашены в Сан-Суси на обед к королю… У меня не хватает слов, чтобы выразить, с каким нетерпением король, столь живо интересующийся Африкой, ждет встречи с человеком, благородным мужеством, истинным исследовательским духом и глубокими, многосторонними знаниями которого он столь долго восхищался».

Ни Барт, ни Гумбольдт не могли в то время предвидеть, что как монарх, так и промышленники и политики интересовались не Африкой, как таковой, а лишь возможностью превращения ее в колонию…

По материалам А. Пудомягина

Секреты африканской нумизматики

Африканская нумизматика – молодая отрасль этой науки, а изучение монет Африки южнее Сахары – самый молодой раздел африканской нумизматики. Здесь так много неясного, что почти любая находка имеет самостоятельное научное значение, да и самих находок сделано еще очень и очень мало.

Известно, что первыми в мире начали чеканить монеты цари Лидии, в Малой Азии, в конце VII в. до н. э., то есть около 2600 лет назад. Вслед за ними чеканку монеты ввели у себя греки сначала на островах Эгейского моря (Эгина и др.), затем на Балканском полуострове, а еще позже на Африканском материке.

Ранние греческие колонисты в Северной Африке основали город Кирену, которая стала столицей Киренского царства (Киренаика в Ливии). В Кирене около 2500 лет назад и появилась африканская монета.

Под влиянием греков, особенно киренских, монету стали чеканить карфагеняне. После образования империи Птолемеев Лагидов собственная монета появилась в Египте. В это время, в IV–II вв. до н. э., чеканились самые красивые, самые художественные монеты, которые когда-либо изготовлялись в Африке. Римляне, захватив весь север континента, сохранили за местными городами право на чеканку собственных медных монет, а чеканку серебряных и золотых строго монополизировали.

Золотые монеты Аксума

Преемница Римской империи – Византия – чеканила монету в

Александрии, центре своих африканских владений.

После арабского завоевания Северной Африки здесь появились монеты местных мусульманских династий, а также монеты турецких и других завоевателей. Североафриканские монеты VIII–XI вв. находят в огромном количестве не только в странах Северной Африки, но и в Южной Европе, Западной и Средней Азии и даже в Индии, Скандинавии, Северной России, на Британских островах.

Чеканка монеты не прерывалась в Северной Африке вплоть до тех пор, пока в 1828–1912 гг. сначала Алжир, затем Ливия, Тунис и Марокко не утратили независимость, став колониями империалистических держав.

Во второй половине III в. н. э. монетное дело было освоено в Аксумском царстве – молодом и сильном государстве, возникшем к концу II в. на севере Эфиопии. Более старое, слабеющее царство Мероэ и еще более древние государства Северо-Восточной Африки не имели собственных монет. Поэтому аксумские монеты признаны первыми по времени в Африке южнее Сахары.

По форме они подражают римским: более ранние – монетам римских императоров III в. и вассалов Рима – сирийских царей, более поздние – монетам римско-византийских императоров… Особенно похожи на римские ранние аксумские монеты, хотя и не в такой мере, как так называемые варварские подражания древности и раннего Средневековья.

Подражая по форме иностранным образцам, аксумские монеты в то же время обнаруживают самостоятельную линию развития; более ранние формы последовательно переходят в более поздние. Чеканка собственной монеты свидетельствует о высоком уровне экономического и культурного развития Аксумского царства, о значении его торговли, о мастерстве его ремесленников. В то же время собственная монета, особенно золотая, была символом независимости Аксума от тогдашних империй: Римско-Византийской, Иранской Сасанидской, позднее Арабского халифата. С самого начала аксумские цари чеканили золотую и серебряную монету, что было строго запрещено подданным и вассалам Рима. В Иране только шахиншах имел право чеканить золотую монету, а подчиненные ему цари – медную и серебряную. Лишь мощное государство, действительно независимое от двух мировых держав, могло регулярно чеканить собственную золотую монету.

Упадок Аксумского царства в VIII–IX вв. привел к упадку монетного дела. К концу VII в. чеканка золотой монеты здесь прекращается, через 100 лет перестают выпускать даже медные деньги. В обращении остаются лишь старые и иностранные

монеты, а также примитивные виды денег, например, бруски соли и железа.

Первые аксумские монеты попали в Европу в эпоху расцвета Аксумского царства. Большинство из них было переплавлено. Только те, которые случайно были утеряны и найдены лишь много веков спустя, попали к коллекционерам и стали доступны для изучения.

Увы! Для историка, археолога, нумизмата несчастье предков может оказаться большой удачей. Никто не знает, сколько досады, а может быть, и горя принесла хозяину потеря той или иной монеты много веков назад. Между тем, не случись этой беды, мы никогда не получили бы ценного исторического источника.

К сожалению, остается неизвестным, как и когда попали в Европу некоторые аксумские монеты. Часть из них была привезена первыми путешественниками XVI–XVIII вв. – португальцами, итальянцами, испанцами, армянами, французами. Другие из этих монет были доставлены путешественниками XIX в. частью из Эфиопии, частью из Южной Аравии; несколько медных монет попало из Египта. И лишь 70 процентов монет было найдено в результате археологических раскопок, которые ведутся с начала XX в. Между тем только такие находки имеют наибольшую научную ценность.

Вот характерный пример. В 1907 г. итальянский археолог Парибени руководил раскопками города Адулиса (в Эфиопии). Была обнаружена церковь VI в. Однако Парибени решил, что фундамент ее сохранился от другой, более древней постройки. И его предположение блестяще подтвердилось, когда в фундаменте нашли золотую монету, отчеканенную при царе III в. Эндубисе. Это значит, что и само древнее здание, от которого сохранился только фундамент, было воздвигнуто в царствование Эндубиса или вскоре после него. Так монета помогла обнаружить остатки древнего языческого святилища, почти на 300 лет старше церкви, построенной на его развалинах. Находки монет в Аксуме в 1950-х гг. позволили датировать не только многие предметы, найденные вместе с ними, но и целые археологические слои.

Первые аксумские монеты – две золотые и одну медную – явил миру немецкий натуралист Эдуард Рюппель в книге о своем путешествии по Эфиопии. Год выхода ее в свет (1840) можно считать годом рождения аксумской нумизматики и в то же время всей нумизматики Африки южнее Сахары.

В 1846 г. в английском нумизматическом журнале появилась первая статья об аксумских монетах – письмо в журнал того же Рюппеля. За ней последовали другие статьи и заметки в научных

журналах разных европейских стран. В 1884 г. английский нумизмат У.Ф. Придо, а через два года французский нумизмат Ж. Шлемберже подвели первые итоги находок аксумских монет. Дальнейшие находки публиковались в течение следующих 50 лет. 1926 г. был особенно «урожайным»: в этом году французским послом в Эфиопии Альбером Каммерером и итальянским нумизматом Артуро Андзани было опубликовано около 100 неизвестных прежде монет. Тогда же появилась первая монография об аксумских монетах (Андзани); к этому времени нумизматика Аксума стала уже вполне зрелой наукой, ее услугами широко пользовались историки.

На сегодня известно около 1500 аксумских монет – золотых, серебряных и медных. Золотых сравнительно много: Аксум был очень богат этим благородным металлом. Все же аксумские монеты – большая редкость; они имеются только в самых богатых коллекциях Европы и Америки, а также Эфиопии.

В ленинградском Эрмитаже хранится восемь аксумских монет: семь золотых и одна медная. Две золотые монеты очень редкие; они принадлежат царям III в. н. э. Афиле и Эндубису. Опубликовал эти монеты в 1901 г. известный русский эфиопист и египтолог Борис Александрович Тураев.

Можно предположить, что у отдельных коллекционеров-любителей есть еще немало аксумских монет, может быть, неизвестных науке типов. Их публикация и изучение помогут открыть новые факты из экономики и истории Аксумского царства.

В 1936–1939 гг. появились две статьи, представлявшие новый вклад в африканскую нумизматику. Написал их англичанин Джон Уокер, который большую часть жизни провел в Восточной Африке и до сих пор живет в Сомали. Статьи были посвящены восточноафриканским монетам. Прежде эти монеты считались арабскими или персидскими. Уокер опроверг это мнение. Рождалась новая отрасль африканской нумизматики.

Между VIII и XIII вв. в Африке южнее Сахары вообще не чеканили собственных монет. Лишь в конце XIII в. монетное дело завели у себя султаны Кильвы (южная часть побережья Танзании). Самые ранние из монет Кильвы принадлежат султану ал-Хасану ибн Талуту (1277–1294) и его сыну Сулейману (1294–1308). Пять следующих султанов продолжали чеканку монет. Последним из них был Ибрагим ибн Мухаммед (1490–1495).

Хотя Кильва богатела на торговле африканским золотом, она производила только медные и серебряные деньги. Образцом для местных денег послужили монеты египетской династии

Фатимидов XII в. В свою очередь, по образцу монет Кильвы чеканили свои собственные деньги Бахманиды, мусульманские правители Южной Индии. С этой страной Кильва вела оживленную торговлю.

В конце XVII – начале XVIII в. Восточная Африка освобождается от португальского владычества. Но только в начале XIX в. снова появляются восточноафриканские монеты. Их чеканят правители городов Момбаса и Ламу (в Кении); сохранилось лишь по одному экземпляру монет каждого из этих городов. Они медные, похожи на португальские, которые имели хождение в Гоа и других португальских владениях в Индии.

В 1954 г. в научном журнале, выходящем в Дакаре (Сенегал), появилась коротенькая статья, которая положила начало специальной литературе по новому разделу африканской нумизматики. Ее написал известный французский африканист Р. Мони, который собрал некоторые (еще неясные) сведения о чеканке собственных монет в странах Западной Африки до подчинения их колонизаторам. Он обратил внимание на сообщение арабского автора XI в. Абдаллаха ал-Бакри из Кордовы о том, что в городе Тадмекке (на территории Нигера) имеется монетный двор. Ал-Бакри добавляет, что местные деньги назывались «сул», делались из чистого золота и не имели штампа. Неизвестно, держал ли он эти деньги в собственных руках или же узнал о них только со слов североафриканских купцов. Сам ал-Бакри в Тадмекке не был, но сведения его об Африке очень полные и точные, и ему следует верить.

Другие данные Мони нашел у своего соотечественника Дюпюи, который в 1824 г. напечатал книгу о Западной Африке. Дюпюи держал в руках западноафриканские монеты – он сам об этом говорит. По словам Дюпюи, большой монетный двор существовал в городе Никки, столице государства Борго (или Бариба, на севере Дагомеи). Здесь чеканили золотые дукаты и митскали, в подражание марокканским деньгам. Золото для монетного двора доставляли караваны из нынешней Ганы, а его продукция расходилась по всей Западной Африке. Другой монетный двор имелся в государстве Борну, у берегов озера Чад. Здешние деньги также чеканились из золота и тоже подражали по форме и весу марокканским. Они имели хождение в Нигерии, Чаде, Сахаре, вплоть до Египта. Дюпюи видел монету из Никки: она была очень стерта; это значит, что ее отчеканили задолго до появления в Африке Дюпюи, следовательно, до начала XIX в.

Но куда девались золотые деньги из Борго и Борну? Часть из них, конечно, была переплавлена. Однако некоторые экземпляры,

может быть, еще сохранились, и только полная неизученность вопроса не позволяет их сразу опознать.

Но если не золотые, то по крайней мере бронзовые монеты Борну или соседней страны были действительно найдены. При раскопках культуры Сао среднего периода (Сао II) было открыто несколько десятков монет восьми разных типов. Они очень оригинальны по форме: в виде звезд с разным числом лучей, от четырех и выше. Посредине каждой монеты дырочка; кошельков в этой части Африки не носили, и деньги нанизывались на шнурок. Где их чеканили (вернее, отливали, потому что бронзовые монеты Сао литые)? Может быть, в самой стране Сао, а может быть, в соседнем Борну? Это пока не известно.

В тех африканских государствах, которые сохранили независимость, во второй половине XIX в. появились собственные монеты. В Либерии они получили хождение наряду с американскими и английскими деньгами, в Эфиопии – наряду со старинными (XVIII в.) австрийскими талерами Марии-Терезы, которые были главной денежной единицей во многих африканских странах. В Судане собственные монеты чеканили махдисты, когда они вернули стране независимость.

В других странах Африки, ставших жертвами колониального порабощения, были введены деньги метрополий и колониальные разновидности иностранных валют. Они не представляют большого интереса для нумизматов.

Зато интересны те иностранные монеты, найденные на территории Африки, которые относятся к более ранним эпохам. Они говорят о торговых связях африканских стран с внешним миром. Больше всего таких монет, притом наиболее древних, оказалось в Северном Судане, Северной Эфиопии и на побережье Индийского океана.

В северной части Республики Судан найдено несколько сот древних и средневековых монет: птолемеевских, римских, византийских, арабских халифов и др. Почти все они, за единичными исключениями, попали сюда из одной и той же страны – соседнего Египта, где и были в большинстве отчеканены.

Меньше древних монет найдено в Восточной Африке. Среди них 25 монет эллинистического Египта. Самая старая отчеканена в III в. до н. э. – 2200 лет назад! Это древнейшая нумизматическая находка в Африке южнее Сахары. В Натале (ЮАР), на побережье Индийского океана, кто-то нашел монету иудейской династии Маккавеев (II в. до н. э.). Это самая южная в мире находка древней средиземноморской монеты.

Кроме эллинистических, на побережье Восточной Африки найдено 8 монет римских императоров II–III вв., 48 ранних

византийских монет IV–VI вв., 5 древних персидских – Парфянской и Сасанидской династий и много средневековых.

Наконец в городе Найроби (Кения) найдена римская монета – самая удаленная от побережья находка.

Количество находок древних монет повышается с юга на север. Например, в Натале найдена только одна, на острове Мафия и в Дар-эс-Саламе (Танзания) – по одной эллинистической монете, на острове Занзибар – пять древних персидских, на острове Пемба – по две эллинистические, римские и византийские, в Сомалии – целых 22 эллинистические (в том числе и самая древняя), 6 римских и 46 византийских, в Северной Эфиопии и Северном Судане – еще больше древних монет.

Недавно в Мавритании была сделана сенсационная находка. В городке Акджуджте, на древней караванной дороге, были найдены две римские монеты. Обе они отчеканены в Галлии в I–II вв. н. э. Это первая находка древних монет на западе Африки. Следующая по времени находка относится только к самому концу Средних веков – это «нюрнбергский жетон» из Германии, найденный в одном из оазисов Южной Сахары. Кажется странным, что здесь не найдено арабских и турецких монет, но это факт. Возможно, их обнаружат при дальнейших археологических раскопках, например в Кумби-Сале, Ниани или Гао.

Множество средневековых монет найдено в Эфиопии и Восточной Африке. В их числе несколько монет Арабского халифата – династий Омейядов и Аббасидов, Египта времен мамлюков и турок, четыре монеты ирано-монгольского Хулагу-хана (XIII в.), четыре монеты Цейлона XII–XIII вв., две монеты из Южной Индии и др. Почти все они найдены на острове Пемба и в Сомалии. Особенно интересны находки дальневосточных монет: 4 аннамские (Вьетнам) и почти 320 китайских! Самые древние из китайских монет относятся к династии Тан, к началу VII в., другие – к династиям Сун, Мин и Цин (или Маньчжурской династии).

В 1944 г. в деревне Кадженгва на Занзибаре был открыт клад из 250 китайских монет. В нем оказалось несколько монет династии Тан, но больше всего династии Сун. Самые поздние из них были отчеканены между 1265-м и 1275 гг. Как они попали на Занзибар? Очевидно, вскоре после десятилетия 1265–1275 гг. какой-то житель Кадженгвы совершил путешествие в Китай. Это была торговая поездка, которая принесла немалый доход. Вернувшись на родину, африканец зарыл вырученные деньги по обычаю того времени.

Очень интересная находка была сделана в Эфиопии во время

Второй мировой войны. На севере страны есть монастырь Дебре-Дамо. Он расположен на вершине высокой горы с обрывистыми склонами. Попасть в монастырь можно только по канату, спускаемому к подножию горы. По преданию, монастырь был основан в VI в. одним из эфиопских святых. Но ясно, что никакая легенда не должна быть принята без доказательств. Монастырь мог быть основан гораздо позднее или возникнуть на месте древнего языческого святилища.

Прежние находки как будто бы говорили в пользу первого предположения. В главной церкви монастыря – судя по архитектуре, одной из старейших в Эфиопии, – оказались обрывки тканей, изготовленных в Египте и Месопотамии между VII и XII вв. Значит, уже в то время церковь существовала и ткани были ей подарены.

В 1938 г. сотрудники музея Асмары (главный город Эритреи, северной провинции Эфиопии) начали комплексное исследование монастыря. Оно продолжалось в 1939-м и 1940 гг. На территории Дебре-Дамо было найдено несколько золотых и серебряных арабских монет. Они принадлежали халифам Омейядской и Аббасидской династий; самая старая из монет была отчеканена в конце VII в., самая поздняя – в X в., большинство же – в VIII–IX вв. В главной церкви археологи нашли бронзовую аксумскую монету VII в. В монастыре не ждали находки более древних предметов. Все же результаты исследований подтвердили относительную древность монастыря: в VII в. он уже должен был существовать.

Но ученых ждал еще один сюрприз. После их возвращения в Асмару, в 1940 г., в монастыре была сделана новая исключительно важная находка.

Один молодой монах по поручению настоятеля исправлял осыпающуюся каменную стенку. Ниже ее находится крутой склон горы, а в нем небольшая естественная пещера. Однажды монах как-то забрался в эту пещеру, может быть желая отдохнуть в ее тени, и нашел остатки деревянной шкатулки. Рядом с ней лежали золотые пластинки, узкие золотые полоски (должно быть, некогда украшавшие шкатулку) и куча золотых монет. Все это молодой монах честно передал настоятелю.

Настоятель взял золото и поехал с ним в Асмару, правда не в музей, а к итальянцу-ювелиру. Тот охотно приобрел и пластинки, и монеты, рассчитывая перепродать их любителю. Весть о них быстро достигла Антонио Мордини, того самого ученого, который незадолго перед тем проводил исследования в монастыре. Он немедленно посетил ювелира и принялся за изучение монет.

Мордини сам признавался потом, что ожидал увидеть аксумские деньги. Каково же было его изумление, когда монеты

оказались кушанскими! (Кушанское царство в III в. было одной из крупнейших держав мира и занимало нынешнюю территорию Индии, Афганистана и Средней Азии.) Пять самых крупных были отчеканены царем Вимой Кадфизом II—двойные динарии; другие пять оказались динариями царя Канишки. Больше всего было монет Хувишки – 88 динариев этого царя! Шесть самых поздних по времени монет принадлежали царю Васудеве I – тоже динарии. Итого 104 золотые монеты на сумму 109 динариев – целое состояние, на которое в древности можно было приобрести имение средней величины. Это был клад, зарытый около 223–230 гг. н. э. Как определили эту дату? Очень просто. В кладе всегда больше всего монет того времени, когда он был накоплен. Царю Хувишке принадлежало 88 монет – свыше 80 процентов клада. Но шесть монет было отчеканено при его преемнике Васудеве I. Почему так мало? Только потому, что Васудева, очевидно, еще не успел выпустить больше денег; его царствование только началось, и в обращении еще преобладали деньги его предшественника. Известно, что Васудева вступил на престол примерно в 220 г. Наверное, все собрание кушанских монет было вывезено из Индии вскоре после этой даты – около 222 г. Через некоторое время деньги попали в Дебре-Дамо и были здесь спрятаны.

Владельца клада можно определить по шкатулке, в которой находились монеты. Судя по описанию, она была украшена в типично аксумском стиле. Наверное, и принадлежала она аксумиту. Этот аксумит, должно быть, совершил торговое путешествие в Северную Индию, продал там свои товары, а деньги привез домой и положил на сохранение в пещеру.

Так находка в горном монастыре рассказала о путешествии древнего африканского купца в Индию в первой четверти III в.

Но почему клад оказался именно в Дебре-Дамо? Трудно предположить, что около 230 г. здесь уже был христианский монастырь. Вероятно, на месте будущего монастыря находилось тогда языческое святилище – «горнее место» – вроде тех, которые нам известны по Южной и Северной Аравии. Теперь трудно сказать, была ли шкатулка с монетами принесена в дар божеству горы, или же она принадлежала одному из жрецов, который и совершил путешествие в Индию.

В 1958 г. во время раскопок в Аксуме были найдены две хымъяритские бронзовые монеты I–II вв. (из Южной Аравии). Эта находка интересна тем, что хымъяритские монеты лежали в сравнительно позднем слое, вместе с аксумскими середины IV–VIII вв. Такое расхождение на три века (по меньшей мере!), остается загадкой, хотя нет ничего удивительного в том, что

хымъяритские монеты из Йемена попали в соседнюю Эфиопию.

Монеты не только рассказывают о торговых связях и указывают места прежних городов и святилищ. Ведь монета – это, с одной стороны, денежная единица, а с другой – произведение медальерного искусства.

Монета – ремесленное изделие. Техника ее изготовления, тонкость работы, род и проба металла говорят о техническом развитии страны, где она отчеканена или отлита.

Изменение веса монет и пробы металла показывает состояние экономики, направление экономических связей.

Изображения на монетах отражают быт и обычаи эпохи. На аксумских монетах обязательно изображен царь, обычно с обеих сторон. Атрибуты царской власти на разных сторонах отличаются друг от друга. Это позволяет уточнить различные функции монарха.

Можно судить и о внешности аксумских царей, портреты которых сохранились только на монетах.

Но и это еще не все. Монеты – литературные произведения, *первые в мире образцы печатной литературы.* Надписи на монетах позволяют судить об особенностях языка (греческого и древнеэфиопского в Аксуме, арабского в Восточной Африке), письма, а главное, об изменениях в официальной идеологии. Например, на ранних аксумских монетах цари причисляют себя к одной из общин Аксума. Затем вместо этого на монетах появляется девиз, декларирующий заботу царя о благе всего народа или всех «народов» Аксума. Позже этот «демагогический» девиз сменяется «благочестивым»: «В благодарность Богу». Царь становится монархом милостью Божьей. Последние цари Аксума снабжают свои монеты лозунгами воинствующего христианства: «С нами Христос!» или «Христос победит!» Надписи на монетах Восточной Африки свидетельствуют об ортодоксальном суннизме правителей.

Иногда монеты являются одним из главных исторических источников. Такие случаи – триумф нумизматики.

В списках царей Аксума, очень запутанных и искаженных, упомянут царь Элла-Габазе. Другие источники его не знают. Когда в 1907 г. нашли монету этого царя, было подтверждено не только его существование, но и полезность сомнительных списков.

Другой пример. Португальские источники говорят о двух султанах Килвы: Сулеймане ибн-аль-Хасане (1294–1308 гг. царствования) и Сулеймане ибн аль-Хусейне (1364–1366 гг.); однако в местной арабской хронике нет этих имен. Когда были

найдены монеты обоих царей, прояснилась относительная ценность этих источников.

Или еще один пример. Среди аксумских монет встречаются деньги царя, имя которого написано по-гречески – OYCANAC (Усана). Сходные монеты попадаются у царя, имя которого пишется по-эфиопски и может произноситься как Уазеб или Уазеба. В 1941 г. Артуро Андзани, о котором говорилось выше, опубликовал аксумскую монету с надписью на обоих языках: греческом и геэз. Царь, который ее отчеканил, назывался по-гречески Усана, а по-эфиопски Уазеба. Теперь стало ясно, что это одно и то же лицо. Историки чувствовали себя все увереннее: новые нумизматические находки подтверждали существование уже известных царей, сообщали о них некоторые подробности, и даже число царей сокращалось, а не возрастало. Не так было в начале века: тогда историк терялся в потоке новых фактов, которым трудно бывало дать объяснение.

В 1955 г. занзибарский музей Бейт-ал-Амани приобрел коллекцию монет в коробке из-под обуви. В их числе оказались чрезвычайно интересные древние монеты. По уверению владельца, они были собраны им на островах Занзибар и Пемба. Историческая ценность коллекции была бы гораздо выше, если бы стали известны точное место и обстоятельства находки.

Африканская нумизматика еще очень молодая наука, и каждая находка для нее – событие. Поэтому любая обнаруженная монета должна быть подробно и точно описана, а все найденные в Африке древние и средневековые монеты опубликованы. Тогда нумизматика сможет в полной мере помогать изучению африканской истории.

По материалам Ю. Кобищанова

Сокровища острова Гоф

Остров Гоф, красивый и уединенный останец группы Тристан-да-Кунья, некогда был местом необыкновенной охоты за алмазами, стоившей одной жизни и тысяч фунтов стерлингов.

– Я долгое время собирал истории об острове Гоф и о людях, которых занесло туда в поисках нового Кимберли, – начинает свой рассказ южноафриканский журналист и писатель Лоуренс Грин. – Все началось в Кейптауне вскоре после Первой мировой войны, когда капитан Персиваль продемонстрировал кисет, полный специфического галечника, сопровождающего алмазы в речных отложениях, – гранаты и лунные камни, графит и агат, кошачий глаз и хризолит. Помимо галечника, там было несколько небольших, но настоящих алмазов.

На острове Гоф

Капитан выложил этот ассортимент перед мистером А.С. («Санди») Гарденом, генеральным управляющим южноафриканской фирмы «Ирвин энд Джонсон», занимавшейся китобойным и рыболовецким промыслами. «Я хочу, чтобы вы послали экспедицию в то место, откуда эти камни», – заявил Персиваль.

«Санди» Гарден был шотландцем, чрезвычайно

рассудительным бизнесменом, хотя часто отваживался пускаться в мореходные предприятия, смысл которых понимал. Он терпеливо выслушал рассказ Персиваля и затем заметил, что знает больше о рыбе, чем об алмазах.

«Я убежден, что на острове Гоф есть алмазы, – наставал Персиваль. – Я пришел к вам, потому что ваши суда проходят мимо острова по пути к Южной Георгии, и вам было бы легко высадить там партию людей и забрать ее когда судно будет возвращаться в Кейптаун. Конечно, это будет кое-чего стоить, но я так уверен в наличии алмазов, что хочу вложить в это предприятие тысячу фунтов собственных денег».

Даже на скептика «Санди» Гардена это предложение произвело впечатление. Однако сначала он отправил галечник одному металлургу. Его проинформировали, что это обычная алмазоносная порода, подобная найденной в аллювиальных месторождениях около Кимберли. Под большим секретом был заключен контракт.

В мае 1919 г. Гарден послал из Кейптауна на китобойную станцию на Южной Георгии старый пароход «Вудвилл» с грузом. «Вудвилл» был судном, перевезшим в 1922 г. по просьбе леди Шеклтон тело полярного исследователя Эрнеста Шеклтона из Монтевидео для похорон на Южную Георгию. Условились, что «Вудвилл» высадит экспедицию на остров Гоф и заберет ее примерно через два месяца, когда будет возвращаться с грузом китового жира.

Персиваль представил некоего Д. Г. Фентона, шестидесятилетнего специалиста по алмазам как руководителя экспедиции, и также был нанят изыскатель из «Беркли Вест» Франсуа Ксавьер Ксиеглер. В состав экспедиции входили одиннадцать туземных рабочих, включая маленького желтого бушмена и зулуса. Они все работали на речных копях.

Двоих бывших островитян с Тристана, поселившихся в Кейптауне, завербовали незадолго до отплытия «Вудвилла». Ими были Вилли Свэйн, тридцатилетний плотник, заявивший, что не боится ничего, кроме мышей, и Джеймс Хагэн, более старший, уже побывавший на острове Гоф, когда охотился на тюленей.

Наконец, в качестве «официального наблюдателя» практичный «Санди» Гарден решил послать одного из своих сыновей.

Невозможно предвидеть, что случится на охоте за сокровищами, и обеспечить надзор со стороны члена семьи – мудрая предосторожность. У меня есть много информации о Родрике Гардене, тринадцатилетнем искателе приключений, хотя ему уже перевалило за пятьдесят, когда он на время дал мне свой

дневник и фотографии и рассказал эту историю. Но даже Родрик не знал истинного «виновника торжества».

Теперь взглянем на отдаленный остров Гоф, сцену, на которой разыгрался этот необычный эпизод, только упоминавшийся и никогда прежде не описывавшийся.

Гоф открыли в начале XVI в., когда португальцы исследовали южные моря. Имя навигатора, нанесшего этот зеленый клочок новой земли на карту, утеряно. Примерно сто лет спустя капитан Гоф на английском корабле «Ричмонд» шел в том районе и, как ему показалось, увидел остров примерно в четырехстах милях к востоку от настоящего острова, который отметили португальцы. По всей вероятности, Гоф заметил облако или айсберг и зафиксировал его как остров. Маловероятно, что Гоф вообще видел клочок суши, который стал известен как остров Гоф.

Американские тюленебои неоднократно высаживались на Гофе в XVIII и XIX вв., но эти суровые моряки мало рассказывали о месте своей охоты, опасаясь конкурентов. Первое подробное сообщение о Гофе дано в 1811 г. капитаном королевского военно-морского флота Питером Хейвудом с корабля «Нереус». (Кстати, Хейвуд служил юнгой на «Баунти» во время мятежа, но благодаря своему возрасту избежал наказания, а в дальнейшем способности помогли ему продвинуться по службе.) В своем дневнике Хейвуд описал остров как «поднимающийся из моря почти перпендикулярными высокими утесами, по расселинам в которых ниспадают несколько прекрасных каскадов воды».

Хейвуд знал, что на острове находились американские тюленебои. «Они не очень обрадовались, когда я сказал, что со дня на день может появиться тюленебойное судно, которое заберет их с острова, – писал он. – У них не было потребности в продуктах, они сообщили мне, что ловят на холмах множество птиц, зажигая там по ночам костры, на которые те летят в таком огромном количестве, что люди сбивают их палками».

Нет сомнений, что тюленебои по неведению ели некоторых редчайших в мире птиц. Гоф, как вы увидите позже, это земля обетованная для раритетов.

Остров оставался необитаемым на протяжении нескольких десятилетий. Охота на тюленей никогда не была там такой же хорошей, как на холодных островах дальше к югу. Однако в конце прошлого века американский тюленебоец «Френсис Аллейн» высадил здесь партию. Джордж Камер, второй помощник капитана, был умным человеком и в некотором роде натуралистом. Он обнаружил неизвестную науке нелетающую птицу, погоныша острова Гоф. Камер произвел первое надлежащее описание внутренней части острова, птиц и зверей, а

также жизнь робинзонов-китобоев. Они питались по большей части собранными пингвиньими яйцами и оставшимся от прежних поселений одичавшим картофелем, а когда нужно было мясо, им «помогали» тюлени и морские слоны.

Партия Камера построила хижину на северном берегу острова. Однажды октябрьской ночью во время снежной бури им пришлось тащиться обратно в лагерь на восточном берегу, когда один из группы, Хосе Гомес, отстал от своих компаньонов. На следующий день его нашли замерзшим насмерть. В течение многих лет единственным памятником, сделанным человеческими руками, на этом диком острове оставалась деревянная доска со словами: «Хосе Гомес, погиб в метель».

В команде «Френсиса Аллейна» был молодой житель Тристана, Роберт Франклин Гласс. Мне пришлось довольно хорошо познакомиться с ним, поскольку я жил у него во время двух визитов на остров. (При второй оказии он с юмором приветствовал меня словами: «Мистер Грин, ваша постоянная комната для вас готова».) Я хочу, чтобы вы запомнили Боба Гласса, поскольку встретитесь с ним снова. Он самый важный персонаж в этой истории.

Последней из тюленебойных экспедиций была партия со шхуны «Уилд Роуз» из Кейптауна, примерно семьдесят лет назад. Им не очень повезло в промысле, и их попытки перетопить на жир пингвиньи тушки оказались безуспешными. Когда шхуна вернулась, люди были так рады, что, как записал в дневнике начальник партии Фрэд Эндрюс, «в пьяном веселье подпалили свои хижины».

Ученые и исследователи ступили на остров Гоф в начале XX в., но надолго там никто не оставался, пока 31 мая 1919 г. не появилась экспедиция охотников за алмазами. А теперь историю рассказывает Родрик Гарден.

«Мы не ожидали, что доберемся до острова Гоф живыми, – начал Родрик. – Старый «Вудвилл», грузовой пароход водоизмещением три тысячи тонн, был забракован перед самой войной и остался на плаву только из-за нехватки судов. Вскоре после выхода из Кейптауна мы столкнулись с сильным волнением, и капитан Гудвин считал, что пароход погибнет. Со стороны Антарктики несло огромные валы, казавшиеся твердыми. Однажды, когда мы рискнули, спасательные шлюпки на шлюпбалках разнесло в щепки. Целую неделю я практически ничего не ел».

Содрогающемуся «Вудвиллу» понадобилось две недели, чтобы преодолеть 1500 миль от Кейптауна до острова Гоф. Открывшийся берег вызвал у Родрика чувство облегчения,

смешанное с удивлением. Он не представлял, что может быть такой большой остров продолговатой формы, восьми миль в длину, четырех миль в ширину, поднимающийся почти на сто метров. Некоторые утесы вздымались на высоту пятьдесят метров. Пики и странные скальные образования возвышались над каменистыми бухтами и пляжами, о которые разбивались волны. Это зеленый остров, не испорченный ни человеческими руками, ни крысами или козами, которые разоряют Тристан. На горы ложится снег, но Гоф никогда не бывает покрыт льдом. Здесь прекрасное убежище для того, кто может вынести изоляцию еще большую, чем на Тристан-да-Кунье.

Одно из самых красивых мест на острове – это Глен на восточном берегу. Здесь единственное удобное место для высадки и единственная долина, предоставляющая по-настоящему легкий доступ во внутреннюю часть. Здесь покрытые папоротником склоны, островные деревья и растущая пучками трава, пещера и ручей. Вверху на Глене есть девственный лес и мрачная, похожая на башню скала под названием Кабаний Клык.

Родрик приплыл на берег в первой шлюпке. Хагэн правил, но волна одолела его, и на усеянном валунами пляже шлюпку сильно повредило. Однако благодаря герметическим резервуарам она осталась на плаву и люди смогли вернуться на судно.

Родрик остался на берегу и ночевал в пещере, где было так много мышей, что Родрик попросил прислать на берег кошку. Через некоторое время кошка, пресыщенная мышами, вернулась на судно. Счастье, что на острове не оставили кошачью пару, иначе она и ее потомки превратили бы прекрасную жизнь птиц в ад.

У Родрика был бульдог, сопровождавший его повсюду. У охотников за алмазами не было с собой овец или домашней птицы, но «Вудвилл» стоял у острова восемь дней, посылая на берег припасы, когда море было достаточно спокойным. Как я уже сказал, капитан рассчитывал вернуться через два месяца, но запаса продуктов должно было хватить на шестнадцать человек в течение шести месяцев. У них была засоленная говядина и свинина в бочонках, ящики с морскими галетами и мясные консервы. «Я также прекрасно помню сушеные картофелины, – сказал Родрик. – Они были тощие и желтые, как жареные чипсы, но становились разбухшими, когда их варили, и имели ужасный вкус».

Неделю Родрик и белые члены экспедиции ночевали в пещере, тогда как тристанцы строили для себя из ранее заготовленных блоков деревянную хижину. «В первую же ночь, когда мы спали в ней, ее чуть не сдуло с Глена, и пришлось

«заякорить» ее канатом», – вспоминал Родрик.

Затем тристанцы построили из валунов коттедж, покрыв крышу пучками травы по тристанскому обыкновению, и назвали его «Бостон Вилла». Камин был произведением искусства, и в нем перекоптилось множество рыбы. Одиннадцать рабочих-аборигенов переехали в пещеру, и экспедиция была готова начать поиск алмазов.

«У Фентона, нашего руководителя, был один глаз и одна рука, – вспоминал Родрик. – Он был до некоторой степени спиритуалист, и когда мы услышали таинственное постукивание в дверь хижины после ухода «Вудвилла», он сказал, что с судном что-то случилось. Вскоре последовало новое постукивание, и позже выяснилось, что он оказался прав. Фентон также был последователем «христианской науки», и когда я страдал от зубной боли, он объяснил, что во всем виновато мое воображение. Я ухитрился выпить немного бренди, и это помогло.

Изыскатель Ксиеглер был сильным, добродушным человеком. Он учил меня стрелять и часто давал мне свое ружье. Двое бывших тристанцев тоже были хорошими ребятами и учили нас тристанским названиям всех птиц и рыб. Рабочие-туземцы до путешествия на «Вудвилле» никогда не видели моря. Однажды я взял нескольких из них на рыбалку и, когда вытащил в лодку лангуста, один туземец так испугался, что с воплем выпрыгнул за борт».

Таков был состав экспедиции, высадившейся на Гофе. Капитан Гудвин снабдил ее картой, на которой у северного берега стоял крест. Капитан Персиваль говорил, что алмазы и галечник происходили из двух мест – Глена, где они жили, и Печи Булочника на северном берегу. Печь Булочника представляла собой пещеру с прямоугольным входом, напоминавшим духовку. Предполагалось, что протекавший там ручей должен вымывать алмазы. Капитан Персиваль заявил, что после оползней заметил в обоих пунктах алмазоносную формацию: типичная «голубая земля» с примесью графита.

«Фентон всегда был оптимистом, – продолжал Родрик. – Ксиеглер, самый практичный человек, не смог найти на Глене ничего, подтверждающего наличие алмазов. Прошло два месяца, прежде чем выглянуло солнце и море достаточно успокоилось, чтобы мы смогли добраться на шлюпке до северного берега. Мы не смогли найти признаков ручья в месте, отмеченном крестом, и тогда Ксиеглер заявил, что шансов найти на Гофе алмазы очень мало».

Все это время туземцы копали в Глене траншеи и промывали почву на специальной машине. Они также бурили скалу, которая

могла оказаться одной из тех, где, по словам капитана Персиваля, произошел оползень. Обследовали множество пещер, но нигде не смогли найти никаких признаков алмазов.

Юный Родрик Гарден был, возможно, самым счастливым членом экспедиции. Рыбалка удавалась на славу, особенно хорошо ловились экземпляры, которые тристанцы называли «голубая рыба», оказывавшие такое сопротивление, что леска часто рвалась. Родрик спускался по утесам, привязавшись для безопасности веревкой, и собирал птичьи яйца. Пингвины в тот год появились поздно, но, после того как они усеяли Глен тысячами своих гнезд, люди сотнями собирали их яйца.

Родрик убил из револьвера морского слона. Иногда он совершал круговое путешествие, продолжавшееся пять часов, к гнездовьям альбатросов на плато. Многие молодые «гони», как называли их тристанцы, отправились в котел. Родрик собирал на Глене дикий сельдерей, а однажды случайно убил нелетающего погоныша – птица пошла на пироги. «Трудно было поймать его в подлеске», – вспоминал он.

Каждый раз, высаживаясь на пляж в стороне от Глена и поднимаясь выше отметки максимального уровня прилива, члены экспедиции обнаруживали следы кораблекрушений, произошедших в южных морях – мачты, рангоутное дерево, крышки люков и другие обломки. Согласно же официальным записям, у Гофа произошло только одно кораблекрушение: в 1878 г. с грузом угля разбилось парусное судно «Филена Уинслоу» из Портленда, штат Мэн. Его команду спасло и высадило на Тристане проходившее мимо судно.

Родрик Гарден и другие, побывавшие на Гофе, уверены, что этот остров видел конец многих пропавших судов. «Если судно, идущее в густом тумане на полной скорости, разбивалось на западной стороне Гофа, где утесы отвесно обрываются в морскую глубину, спасшихся не могло быть, – сказал мне Родрик. – Я думаю, что «Кобенхавн» нашел свой конец именно на острове Гоф».

По прошествии нескольких месяцев люди на Гофе начали задаваться вопросом, что случилось с «Вудвиллом». За все время, которое они провели на острове, не было замечено ни одного судна. Иногда мимо Глена по морю проплывал свет – блуждающие огоньки. Однажды в коттедже тристанцев вспыхнул пожар. Один из рабочих-туземцев умер в результате болезни горла, и все члены экспедиции собрались вокруг полузатопленной могилы наверху Глена, когда Фентон совершал похоронную службу.

Табак кончился. Отчаявшиеся курильщики обрыскали остров

в поисках листьев, которые могли бы служить ему заменой. Однако юный Родрик припрятал несколько банок крепкого и мягкого табака и выдавал его порциями по особым случаям.

И все продолжали тщетно высматривать обшарпанный корпус «Вудвилла».

Даже юный Родрик, этот упорный и полный энтузиазма Крузо, обрадовался, увидев «Вудвилл», когда тот появился 3 октября и бросил якорь неподалеку от Глен-Бич. Экспедиция пробыла на острове четыре месяца, в два раза дольше, чем предполагалось. «Робинзоны» почти забыли об алмазах. Когда капитан Гудвин сошел на берег, они собрались вокруг, чтобы услышать о причине задержки судна.

«После отхода у нас начался пожар, и пришлось пустить в трюм морскую воду, чтобы погасить его, – объяснил Гудвин. – Затем ниже к югу пароход повредил лед – была суровая зима. Много баррелей жира вмерзло в землю на китобойной станции, и нам пришлось использовать пар, чтобы растопить и переправить на судно груз».

Фентон понимающе кивнул. «Помните тот стук в дверь? Я говорил вам, что с «Вудвиллом» что-то случилось».

«Да, а что насчет алмазов? – нетерпеливо перебил капитан Гудвин. – Какие успехи?»

Он с трудом поверил в рассказанную ему печальную историю. После небольшого спора Фентон предъявил карту, которую дал ему Гудвин, и указал место на северном берегу, где они искали алмазоносный поток и не смогли найти его.

«Вы исследовали не то место, – сердито закричал Гудвин. – Четыре месяца потеряно впустую, вот к чему это привело».

Гудвин и Фентон поднялись на борт «Вудвилла» и сравнили карты. «Совершенно ясно, кто-то совершил чертовскую ошибку, – сказал мне Родрик Гарден. – У Гудвина была оригинальная карта, на которой капитаном Персивалем была отмечена Печь Булочника. У Фентона оказалась идентичная карта, но так или иначе кто-то поместил крест в другое место. Наверняка в тот день на борту «Вудвилла» был грандиозный скандал».

Начальники решили сняться с места, оставить в покое Глен и произвести некоторые изыскания в Печи Булочника.

Гудвин провел «Вудвилл» вокруг Печи Булочника и высадил изыскателей. Задерживать судно надолго не представлялось возможным, поскольку было необходимо поддерживать разведенными пары, и серьезная задержка означала сокращение запасов угля. Во время этого короткого визита никаких алмазов не нашли, но Гудвин на этом не успокоился. Каждый чувствовал, что надлежащие поиски в Печи Булочника могут оказаться

успешными. Однако не оставалось ничего другого, как вернуться в Кейптаун.

«Санди» Гарден встретил сына на причале. Он не получал никаких известий, поскольку радиостанция на «Вудвилле» имела дальность действия всего около сотни миль. «Был подписан мир, генерал Бота был мертв – и масло подорожало до пяти шиллингов за фунт», – сообщил «Санди» Гарден.

Родрик получил свою плату за работу наблюдателем из расчета один фунт в месяц. Вскоре его послали в школу в Шотландию. Проблема алмазов острова Гоф осталась нерешенной.

По-прежнему в большом секрете договорились, что капитан Гудвин отведет на остров Гоф паровой китобоец «Трулс» и произведет тщательные изыскания, чтобы доказать или опровергнуть наличие алмазов в Печи Булочника. Он покинул Кейптаун 12 января 1920 г. и провел на Гофе четырнадцать дней. Много лет спустя Гудвин сказал мне, что у него было два повода для волнений: полное отсутствие алмазов и количество израсходованного угля. Его команда забила большое количество морских слонов и вырезала их ворвань, пустив ее на топливо. В конце концов Гудвин решил поговорить с человеком, от которого исходило первое сообщение об алмазах на острове Гоф.

Этим человеком был Роберт Франклин Гласс, которого я уже представлял, человек, принимавший меня на Тристане.

Чтобы понять необычное происшествие с алмазами острова Гоф, вы должны побольше узнать о моем жуликоватом приятеле Бобе Глассе. Я не рассказывал эту историю, пока он был жив, но Боб умер в 1943 г. в раннем возрасте (для Тристана) семидесяти лет.

Боб Гласс был высокий, жилистый человек, повидавший много стран. Он служил не только на шхуне «Френсис Аллейн», которая доставила его на Гоф, но также на барке «Суоллоу» из Бостона и на каботажной шхуне «Лилла», курсировавшей у мыса Доброй Надежды. Он работал в Лондоне и в Соединенных Штатах, заслужил южноафриканские военные медали. Боб был не простым островитянином, а лукавым гражданином мира. После южноафриканской войны он вернулся на Тристан, чтобы прийти в себя после серьезной депрессии. Там он завел такую большую семью – шесть сыновей и две дочери, – что не смог снова вырваться в большой мир.

В тяжелые годы, последовавшие за его возвращением на остров, Боб Гласс жил ради дня, когда можно было поприветствовать пришедшее судно традиционным криком: «Вижу корабль!» Одним из судов, заходивших на остров в период

Первой мировой войны, командовал капитан Персиваль.

Боб Гласс в свою бытность в Южной Африке поработал в копях около Кимберли и уехал с образцами алмазоносной породы и несколькими почти ничего не стоящими алмазами. Дальновидный Гласс показал эти образцы капитану Персивалю и дал ему понять, что экспедиция на остров Гоф нашла бы богатую залежь на Глене и в Печи Булочника. Естественно, все усилия Гласса сводились только к тому, чтобы залучить на Тристан одно из судов, перевозивших крайне необходимые на островах бакалейные товары, к тому же всегда можно было обменять скот на строевой лес и полотно.

Персиваль прошел мимо Гофа, но не высаживался на нем для изысканий. Он доставил образчики почвы «Санди» Гардену, теперь круг замкнулся, и Гудвин направился на Тристан, чтобы переговорить с Бобом Глассом.

Боб притворялся до самого конца. Он отправился на Гоф на судне «Трулс» и помог Гудвину организовать взрывные работы в пещере Печь Булочника. Даже когда алмазы так и не появились на свет, Гласс все еще утверждал, что его галечник и алмазы происходят из месторождения в Печи Булочника. С этим ничего нельзя было поделать. Капитан Гудвин направился назад на Тристан и подарил островитянам немного чая, муки и других продуктов. Команда сошла на берег и в обмен на маты из пингвиньих перьев и другие тристанские поделки снабдила островитян одеждой. Уходя, «Трулс» захватил с собой почту.

Нет сомнений – Боб Гласс чувствовал, что его алмазы сослужили свою службу.

Позвольте мне добавить в качестве дополнительного предостережения, что геологи, высаживавшиеся на остров Гоф в недавние годы, указали, что в структуре острова нет ничего, дающего хотя бы ничтожную надежду на алмазы.

Родрик Гарден никогда не сожалел о своей юношеской погоне за несбыточным. Старые фотографии по-прежнему напоминают ему о Глене, где он со своим бульдогом странствовал месяц за месяцем. По ночам ему мерещатся рев морских слонов, свист буревестников и крики «чак-чак» погонышей.

«Самые потрясающие следы, которые я видел на Гофе – отпечатки ног предыдущих визитеров, – сказал мне Родрик. – Они многие годы назад ходили по мху, он изменил цвет и сохранил следы ног. Это было жутко».

Как я уже упоминал, остров Гоф изобилует редкими животными и растениями. Только там и на некоторых других отдаленных островах вы найдете лежбища морского котика, известного под научным названием Arctocephalus gazella. Только

на Гофе, в единственном леске, вы увидите уникальную Sophora, таинственное цветущее дерево, родственники которого растут на Новой Зеландии. Только на этом маленьком острове существует лоснящийся черный погоныш с красным хохолком и крошечными крыльями, поспешно удирающий в заросли вдоль ручьев и при этом свистящий от страха. Только здесь бесстрашный зеленый остров положит вам на плечо, словно руку, плеть хмеля. Эти сокровища в самом деле стоят больше, чем алмазы.

Тем не менее на острове Гоф все-таки может быть сокровище. Не так давно я искал в библиотеке Британского музея тома и манускрипты, относящиеся к экспедициям за кладами, и наткнулся на старый труд, озаглавленный «Полезные советы искателям сокровищ». Один из абзацев гласил:

«Хорошо известно, что на редко посещаемом кусочке омываемой океаном земли под названием остров Гоф некий очень злой пират закопал награбленную добычу. Место, где копать, находится рядом с бросающимся в глаза шпилем или остроконечной скалой на западной оконечности острова, название каковой природной отметины нанесено на карты как Скала-Церковь».

«Позвольте добавить, что я обнаружил Скалу-Церковь рядом с одним из мест высадки на остров. Но я понимаю, что кто-нибудь успеет побывать там до меня», – так завершает Лоуренс Грин свой рассказ об острове Гоф.

Алмазы, найденные в неожиданных местах

Доктор Эндрю Смит, военный хирург, человек разносторонних интересов, ставший первым директором музея Южной Африки, обратился в 1825 г. к читателям «Кейптаун газетт»: «Особый интерес для нас представляют сведения о том, где в нашей стране встречаются пещеры и расщелины. Мы будем чрезвычайно признательны за любую информацию».

Старые пещеры все еще продолжают время от времени раскрывать свои секреты. Случается, что находят и новые пещеры. Подобные места традиционно служили хранилищами сокровищ, и в Южной Африке известно множество легенд о таящих груды алмазов пещерах. Должен заметить, что большая часть найденных кладов имеет скорее научную, чем материальную ценность. Однако рассказы о спрятанном золоте и алмазах не перестают появляться то там, то тут. Да и что в этом удивительного? Предводители местных африканских племен превращали пещеры в крепости, осада которых иногда длилась месяцами. Там, в недрах земли, они прятали свои сокровища и если погибали в боях, то уносили с собой свою тайну.

Росписи стен в пещере Вондерверк

Искатели спрятанных в пещерах кладов, вероятнее всего, найдут вместо сокровищ кучи гуано летучих мышей, хотя и это

представляет собой определенную ценность. Судя по открытиям последнего времени, существует еще множество населенных летучими мышами пещер, где не ступала нога человека.

– Исследование пещер – это одно из тех странных занятий, которые внушают мне страх, – признается уже известный нам Лоуренс Грин. – Меня не манят рискованные похождения во мраке подземного мира, когда, сверяя направление по компасу или разматывая клубок бечевки, пробираешься в тишине по бесконечным узким ходам. Для меня, как для любого, кому знаком страх замкнутого пространства, это верный путь к помешательству. Мне рассказывали, что участники экспедиции, исследовавшие Гэтстрендские пещеры вблизи Оберхолдера и Западном Трансваале, наткнулись на высохшее человеческое тело с зажатой в руке свечой. Пещеры, планы которых никогда не составлялись, образуют сеть протянувшихся на многие мили лабиринтов, так что, если вы не отмечаете свой путь каким-либо образом, вам уже никогда не выбраться оттуда. Гэстрендские пещеры поглотили немало смельчаков, отправившихся туда за сокровищами и заплативших за это жизнью.

Нет, для меня поиски сокровищ – это нечто совсем другое. Мне вовсе не хочется услышать за спиной грохот обваливающегося свода и остаться навсегда погребенным в черной бездне. Коварные невидимые пропасти, бездонные озера и стремительные подземные реки не будоражат мое воображение. Я не согласен умереть голодной смертью в одном из этих склепов, как бы ни был ярок и заманчив блеск бриллиантов. Уж лучше я подожду на поверхности, преисполненный восхищения теми, кто на это отважился.

Вот литература о пещерах – это другое дело. Я изучил большое количество малоизвестных материалов в надежде отыскать упоминания о том, какие результаты принесло обращение доктора Эндрю Смита. И могу сказать вам, что еще в 1869 г. хранитель музея получил от некоего мистера Мейера из города Моссел-Бей вазу, найденную в пещере под восьмифутовым слоем гуано летучих мышей. Эта ваза, вместимостью около двух галлонов, имела яйцевидную форму, плоское дно и была явно вывезена из Европы.

В конце XV в. первые португальские мореплаватели высадились в бухте Моссел-Бей. Один из капитанов в 1501 г. повесил на огромное дерево, которое и сейчас еще стоит в Моссел-Бее, старый башмак с вложенным в него письмом; и только несколькими месяцами позже Жуан ли Нова построил поблизости каменную часовню в память о потерпевшей крушение каравелле. Бережно сохраняются старая бронзовая пушка, ржавый

якорь и другие исторические реликвии. Но вазе, прежде чем ее обнаружили, пришлось пролежать под восьмифутовым слоем гуано летучих мышей не одно столетие. Интересно, какого она происхождения – португальского или финикийского?

В населенных летучими мышами пещерах было найдено множество загадочных и таинственных реликвий. Самая большая из этих пещер – это Вондерверк, огромная доломитовая пещера около Курумана на границе с пустыней Калахари. Когда-то эти земли находились во власти старого главаря банды Николаса Вотербура из племени гриква. Говорят, что ворованные алмазы, которые его люди приносили ему в те времена, когда была начата их добыча у реки Вааль, были спрятаны именно в пещере Вондерверк, само название которой означает «чудо».

Генрих Метьюэн, английский путешественник, первым описавший эту пещеру более столетия назад, назвал ее «Дворец бушмена». Он утверждал, что однажды бушмены после удачного набега спрятали в ней две сотни буйволов. Владельцы скота выследили бушменов и убили их, но от стада к этому времени уже ничего не осталось.

Метьюэн описывает широкий, около восьмидесяти футов, вход в пещеру, гигантский арочный свод и огромный сталагмит – «дух – хранитель пещеры». Пчелы устроили в ней свои соты, но медом из них уже кто-то поживился. Метнулись к выходу совы. Проводник Метьюэна зажег факелы, чтобы можно было разглядеть конец пещеры, удаленный от входа на пятьсот футов. Пол был усыпан иглами дикобраза. Метьюэну представились «дикие, варварские пляски» ликующих туземцев. Здесь, по его утверждению, могло укрыться целое племя, и каждый уголок среди камней служил бы им спальней.

Сделанные бушменами изображения слона, жирафа и страуса во времена Метьюэна еще сохранялись нетронутыми, но за прошедшее с тех пор время уникальные произведения искусства пещерных людей были обезображены автографами цивилизованных посетителей.

Когда пол Вондерверкской пещеры еще не был изрыт добытчиками гуано, туда было возможно ввести запряженную буйволами повозку, и она даже могла развернуться в глубине пещеры. Однажды, суровой зимой, фермер по имени Клейзи Босмен спас все свое овечье стадо, разместив его в теплой пещере. Она служила ему и сараем для повозок, и овчарней, и гаражом.

Когда в 1908 г. Вондерверкская ферма перешла от компании «Родезийские железные дороги» в частное владение, земля была оценена в шиллинг за акр. При этом другие земли в округе стоили не более девяти пенсов за акр, но пещера уже и тогда

считалась хранилищем сокровищ. Когда во время Второй мировой войны возник недостаток в удобрениях, гуано летучих мышей вывозилось из пещеры в огромных количествах. Пол пещеры был покрыт слоем гуано толщиной от двух до пяти футов, и выручка от продажи двух тысяч тонн этого удобрения превысила первоначальную стоимость земли. Писк летучих мышей и сейчас можно слышать в Вондерверке, но запасы гуано там почти полностью исчерпаны.

Только в последние годы ученые занялись исследованием Вондерверка, и обнаруженные там находки потрясли их. Одна из них – это переданный женой фермера, миссис Босмен, таинственный полукруглый костяной лук. Не вызывало сомнений, что лук изготовлен человеком, но он был слишком хрупок, чтобы можно было с его помощью пускать стрелы. В.Д. Мелен, археолог, занимавшийся изучением этой находки, не смог найти в литературе, посвященной бушменам, ничего, что смогло бы объяснить назначение этого предмета. Он также не мог быть и частью какого-либо существующего музыкального инструмента.

Ученые оказались в замешательстве. Другой тайной Вондерверкской пещеры стал обломок рога, который не мог принадлежать ни одному из обитавших в прошлом или существующих сейчас разновидностей антилоп. Ныне покойный антрополог доктор Роберт Брум пришел к заключению, что рог принадлежал виду, который и теперь обитает в Эфиопии. Возможно, этот рог был привезен много лет назад какими-либо переселенцами из Северо-Восточной Африки – таков был ответ доктора Брума на поставленный вопрос, и его можно было бы считать убедительным, если бы науке были известны случаи подобных переселений.

Дэниелз-Куил – это еще одно странное место неподалеку от Вондерверка. Вы. конечно, можете не принимать всерьез местную легенду о том, что это не что иное, как подземелье, в которое был брошен Дэниел на съедение львам. Когда-то этот провал имел глубину шестьдесят футов, и из него вело множество пещерных ходов. Но после того как камни обвалились во время сильных дождей, его глубина уменьшилась наполовину. Провал имеет узкую горловину диаметром около шестнадцати футов, расширяющуюся к низу до сорока футов. Нависающие стенки горловины невозможно преодолеть без помощи веревки. Таким образом, провал представлял собой идеальную естественную тюрьму, и Вотердур (алмазы которого, возможно, до сих пор лежат спрятанными в Вондерверке) так его и использовал.

Этот старый главарь банды так заботился о своих пленниках, что снабжал их палками, чтобы они могли отбиваться от змей и

скорпионов, которыми кишела яма. Уже в наше время горловину провала огородили забором, чтобы туда не падали домашние животные.

Сейчас Дэниелз-Куил всего лишь свалка мусора. Геологи не поддерживают бытующую в тех местах легенду о том, что существует двадцатимильный ход между Дэниелз-Куилом и Вондерверком. Также им кажется маловероятным существование связи между Дэниелз-Куилом и знаменитым родником Курумана, называемым «Куруманский глаз», который, несомненно, является настоящим сокровищем в краю, где большинство рек пересыхает и русла их заполнены обжигающим песком.

Привлеченные неизбежными легендами об алмазных россыпях, многие смельчаки исследовали Куруманскую пещеру.

Некоторые из них утверждают, что поток воды течет по своему туннельному руслу на протяжении более тридцати миль; существует рассказ о подземном водопаде, преграждающем путь на расстоянии трех миль от входа. Рассказывают, что один старый охотник, преследуя раненую антилопу несколько лет назад, бросился за ней в пещеру – с тех пор больше его никто не видел.

Вспоминают и другие случаи исчезновения в пещере людей. А среди сталактитов был однажды найден окаменевший скелет человека, ставшего жертвой собственного любопытства еще до того, как началась история Южной Африки.

Если вы доедете по национальной автостраде до Нелспрута в Трансваале и спросите ферму под названием Седвалас-крааль, то вскоре вы окажетесь перед горной пещерой с сокровищами. Здесь ее называют пещера Сома Тжобы – по имени вождя народа свази, который вместе со своими сторонниками и скотом однажды укрывался здесь от врагов. Поэтому пещера с озерцом чистой воды и подземной рекой считается святилищем. Когда Сом после внутриплеменных раздоров навсегда покинул Свазиленд, он нашел здесь надежное убежище.

Снова и снова войска свази осаждали и атаковали пещеру. Одна из осад длилась несколько месяцев, но Сома с его воинами, скотом, надежным источником чистой воды и запасами зерна и корма для скота было невозможно выбить из этой пещеры-крепости. Однако в один прекрасный день войска свази застали Сома врасплох. Он был схвачен за пределами пещеры и зверски убит вместе со своими воинами.

О пещере, которая находится на расстоянии часа подъема от подножия горы, почти забыли. В 1924 г. двое белых людей с повозками и разрешением на пробную добычу гуано летучих мышей появились в пещере. Местные жители, помогавшие им прокладывать дорогу к пещере, упоминали в разговорах об

оставленных там Сомом сокровищах. Они рассказали белым людям об алмазах и кафрских горшках, полных золота, запрятанных где-то в глубине. Эти двое белых появились снова, но теперь у них, кроме быков и повозок, был еще и грузовичок. Однажды, как рассказывают местные жители, эти двое вышли из пещеры и погрузили в кузов то, что они там нашли. Бросив свои повозки и быков, оставив нетронутыми запасы гуано, они уехали. Больше их здесь не видели.

Загляните в желудок убитого крокодила (или акулы), и вы, возможно, не будете сожалеть о своем любопытстве. Так были сделаны удивительные находки, одни из которых становились неразрешимыми загадками, другие без труда находили объяснение. Вскоре после Первой мировой войны два бизнесмена из Йоханнесбурга – Девелинг и Хайнд – охотились на берегах реки Комати в Трансваале.

Заметив огромного крокодила, они в ту же секунду выстрелили. Их пули с мягкими наконечниками, попавшие в шею животного, поразили его наповал. На звуки выстрелов прибежали трое молодых шангана. Им было разрешено выпотрошить крокодила и взять некоторые его внутренности, которые они собирались использовать как лекарства. Один из них, увидев что-то, вскрикнул, запустил руку в желудок крокодила и вытащил оттуда золотую монету.

Затем таким же образом были извлечены несколько необработанных алмазов.

За ними опять последовали одна за другой золотые монеты, пока двадцать пять отмытых в реке соверенов не засверкали на солнце. На трех из них было изображение президента Крюгера, другие относились к временам королевы Виктории и короля Эдуарда. Самые поздние датировались 1909 г. Рифление по краю исчезло. Камни, находившиеся в желудке крокодила, отполировали и истерли поверхность монет, уменьшив их вес.

Чтобы прояснить эту загадку, было произведено настоящее расследование, однако значительных результатов оно не принесло.

Вероятнее всего, один из африканцев, работавших на алмазодобывающих шахтах, возвращался домой в Мозамбик со своими сбережениями – золотыми монетами (и украденными алмазами), когда на него напал крокодил. Место, где был убит крокодил, находилось в девяти милях от пограничного столба Рессано-Гарсия, где располагалась дирекция агентства по найму африканских рабочих.

Один крюгеровский соверен, шесть необработанных алмазов

и пара африканских браслетов были найдены в желудке крокодила, застреленного вблизи моста Бейт-бридж на реке Лимпопо незадолго до Второй мировой войны. И опять жертвой был местный рабочий, по-видимому, с кимберлийских алмазных копей. Сэр Гектор Дафф, подстреливший не один десяток крокодилов на озере Ньяса, утверждает, что в желудке почти любого взрослого крокодила можно обнаружить останки проглоченных ими африканцев, браслеты из бронзы и слоновой кости и другие украшения.

Сэр Джон Блэнд-Саттон описывает большого нильского крокодила, внутри которого оказались три овечьих копыта, ослиная уздечка и африканская серьга. Еще один крокодил проглотил пятнадцатифутового питона. Кроме того, в одном из отчетов департамента охоты упоминался крокодил, в желудке которого было найдено: одно лошадиное копыто, большой кусок слонового бивня, копыта антилопы, черепашьи панцири, металлические браслеты и обрывок медной проволоки. Последний предмет навел на мысль об исчезнувшем мальчике, который занимался сбором хвороста и носил с собой проволоку, чтобы скреплять вязанки.

Двадцать два алюминиевых номерка с собачьих ошейников и кольцо с бриллиантом были извлечены из зулулендского крокодила. Любовь всего крокодильего рода к собачьему мясу хорошо известна и не вызывает удивления, но вот кольцу с бриллиантом так и не нашлось объяснения. После такой информации приятно услышать о крокодиле из реки Лимпопо, умершем от того, что, заглотнув одиннадцать крокодилят, он подавился двенадцатым, намертво застрявшим у него в глотке.

Потерянная половина «Каллинана»

Знаменитые алмазы имеют свойство появляться и исчезать лишь для того, чтобы блеснуть вновь в различных драмах, чаще всего окрашенных в трагические тона. В данном случае имеется в виду «Каллинан», самый крупный алмаз в мире (или скорее потерянную половину «Каллинана»), и последние слова убийцы в камере смертников в тюрьме Кимберли.

Все наиболее крупные алмазы мира, похоже, несут на себе проклятие, по крайней мере на некоторых этапах своей судьбы. Один владелец алмаза «Хоуп» («Надежда») пошел на гильотину, другого на куски разорвали собаки. Раба, который сделал себе на бедре надрез, чтобы спрятать туда украденный им огромный алмаз, позже известный как «Регент», бросили на съедение акулам. За судьбой «Кохинора» следили на протяжении шести веков, и было время, когда он оставил за собой кровавый след, тянущийся через весь Восток.

Алмаз «Каллинан»

Возможно, «Каллинан» ныне утратил свою силу. С человеком, у которого хватило смелости расколоть этот гигант, случился удар, и ему пришлось провести три месяца в санатории. После этого, однако, девять камней, на которые был расколот этот крупнейший из алмазов, спокойно сверкали в качестве самых ярких драгоценностей британской короны.

А что с потерянной половиной? Известно, что камень был найден в начале века в шахте «Премьер» около Претории управляющим наземными работами капитаном Фредом Уэллсом. Уэллсу пришлось взобраться по вертикальной стене открытой шахты, чтобы выяснить, что это за странный крупный предмет ослепительно блестит, отражая лучи заходящего солнца. Он выковырял из грунта с помощью карманного ножа огромный бело-голубой камень и от восторга сорвался, едва не сломав себе шею, с крупнейшим алмазом из всех, какие когда-либо доводилось найти.

Однако это явно была лишь половина бриллианта, возможно, даже меньшая часть. Одна его сторона несла на себе следы скола, и эксперты тут же заявили, что этот могучий алмаз – лишь часть еще более крупного камня, тем не менее его размеры были четыре на два и на два дюйма.[4]

Он весил один фунт и шесть унций, то есть более трех тысяч английских каратов.[5] Это означало, что алмаз (получивший название «Каллинан» по имени человека, открывшего это месторождение) был втрое больше любого другого алмаза, известного в то время.

Правы ли были эксперты, принявшиеся лихорадочно искать потерянную половину «Каллинана»? Версию о половинке поддержали некоторые ведущие специалисты. Среди них был доктор К.А.Ф. Моленграаф, бывший главный геолог Республики Трансвааль, и сэр Уильям Крукс, президент Королевского общества. Так что это не романтическая легенда, а нечто похожее на доказанный наукой факт. Потерянная часть могла быть украдена, могла незамеченной быть разбита машиной, измельчающей породу, а может, до сих пор покоится в трубке из голубой глины, ведущей к неведомым глубинам в недрах земли.

В недобрый час управляющий шахты Макхаррт показал с наивной гордостью «Каллинан» некоему Иоханнесу Фаури, бедному фермеру, жившему около шахты «Премьер». К тому времени по окрестностям уже поползли слухи, что потерянная половина была украдена кем-то из рабочих с шахты. И Фаури овладела идея найти алмаз. На самом деле Фаури был опасным преступником, осужденным за грабеж и другие злодеяния. Он тут

же распространил среди преторийского «дна» информацию, что готов заплатить тысячу золотых соверенов за очень большой алмаз. Ответа он сразу не получил, но в 1907 г. его предложение вывело его на африканца по имени Паулус, который работал на шахте. В это время Фаури вступил в соглашение с доктором Д.Я. ван Вейком, который и финансировал все предприятие. Стоит заметить, что доктор ван Вейк намеревался вернуть «отсутствующую половину» руководству шахты и потребовать значительное вознаграждение. В этом странном соглашении говорилось следующее: «Мы, нижеподписавшиеся Йоханнес Хандрик Херманус Фаури и доктор Даниэль Якобус ван Вейк, настоящим гарантируем и обязуемся Йоханнесу Паулусу, что мы не окажемся втянутыми ни в какие неприятности и что нас не будут преследовать законом ни в какой форме, если он получит и передаст нам алмазы, местонахождение которых ему известно, и заплатим причитающуюся ему долю наличных за его услуги в этом деле при получении нами этих наличных».

Вероятно, это соглашение было написано для того, чтобы заверить Паулуса, который боялся судебного преследования. Была организована встреча, и доктор ван Вейк настоял на том, чтобы при этом присутствовал сыщик, детектив Хилл, который служил на шахте «Премьер», сопровождал ночью доктора ван Вейка и Фаури к месту встречи посреди вельда около Претории.

Фаури, едва ли находящийся в своем уме, беспечный до мозга костей, надеялся всучить Паулусу мешок с металлическими шайбами, на которых сверху одним слоем лежали настоящие соверены, в обмен на большой алмаз. Паулус, похоже, обнаружил обман, потому что он бросился наутек в темноту. Эти три белых человека так никогда больше его не увидели, хотя детектив Хилл в 1927 г. слышал, что Паулус все еще жив. Хилл заявил, что он так и не видел алмаза. Он находился на некотором расстоянии от других, возможно, прятался. Ван Вейку и Фаури удалось мельком увидеть нечто, напоминающее огромный алмаз. Это был какой-то мгновенный отблеск от света лампы, которую зажег Фаури, чтобы показать Паулусу соверены.

Фаури теперь еще более, чем раньше, был тверд в своем намерении продолжать поиски. Он опросил сотни туземцев, пока до него не дошла информация, что потерянная половина находится во владении вождя Матибе в племенной зоне около Претории. Фаури играл главную роль в интригах в этом племени, всегда при этом помня об алмазе, и в конце концов он дал вождю стакан с отравленным бренди. В то время, когда вождь умирал, один из его соплеменников попросил Фаури подписаться подлинным именем. Безумный Фаури сделал это.

Детектив Хилл собрал необходимые улики, которые и отправили Фаури на виселицу. Последними словами Фаури в камере смертников были: «Я один знаю, у кого другая половина великого алмаза. Это человек из племени матибе. Если бы не алмаз, я бы не оказался здесь. И теперь, когда я должен умереть, я знаю, где находится алмаз».

Фаури повесили, но поиски пропавшей половины «Каллинана» продолжались. Несколько наиболее опытных сыщиков Южной Африки, специализирующихся на алмазах, стали участниками целого ряда эпизодов – майор С.Р. Бринк, его брат С.Я. Х. Бринк и капитан Макинтош. Не раз сыщики выходили ночью с мешками золота на встречу с туземцами, у которых, как предполагалось, был алмаз.

Майор Бринк назначил одну встречу у Мзиликази-Нек, над плотиной Хартбисборт. У него был кожаный мешок, наполненный соверенами, а в каждом кармане брюк по пистолету. Деревья вокруг места встречи росли так густо, что он предпринял и другие меры предосторожности на случай возможного нападения. По соседству спрятался еще один сыщик, готовый выскочить из укрытия, если услышит выстрел.

Появился африканец Андрис Молифе, на встречу с которым пришел Бринк, проверил соверены. Затем Молифе указал на ферму в долине. «Он зарыт там. Я схожу принесу его», – сказал он. «Какой величины алмаз?» – поинтересовался Бринк. Молифе сжал кулак. «Величиной с него», – сказал он. А затем он ушел. И, как Паулус, больше не вернулся.

Трудно объяснить этот и подобные им случаи. Туземцы должны были знать, что они никогда бы не получили никаких денег, если бы им нечего было предложить. Возможно, они просто не доверяли полиции и боялись ареста.

Когда в 1934 г. был найден алмаз «Йонкер», о нем говорили как о четвертом по величине алмазе в мире. Многие тогда считали, что этот белый, безупречного качества камень и был «потерянной половиной». Копи, где появился на свет семьсоткаратовый «Йонкер», находятся всего в трех милях от шахты «Премьер». Эксперты не согласились с этой теорией. Пропавшая половина должна быть значительно большей «Йонкера».

Странно, но владельцы «Премьера» не проявляли особого энтузиазма в отношении крупных алмазов, которые находили в этой шахте. Никто не знал, что делать с замечательным «Каллинаном» до тех пор, пока генерал Луис Бота не подумал о том, чтобы подарить его королю Эдуарду VII. В конце концов, кто мог позволить себе заплатить полмиллиона фунтов стерлингов за

один алмаз? Изысканные небесно-голубые алмазы также добывают на «Премьере». Алмазы такого цвета не встречаются ни на какой другой шахте. Есть еще маслянистые на вид камни с характерным двойным цветом: желтым и голубым, карим и голубым. Но «Каллинан» считался чуть ли не чудом. Бело-голубой камень весом более чем в четыреста каратов и оцененный в сто тысяч фунтов стерлингов, который был найден на «Премьере» в 1954 г., был всего лишь карликом в сравнении с «Каллинаном».

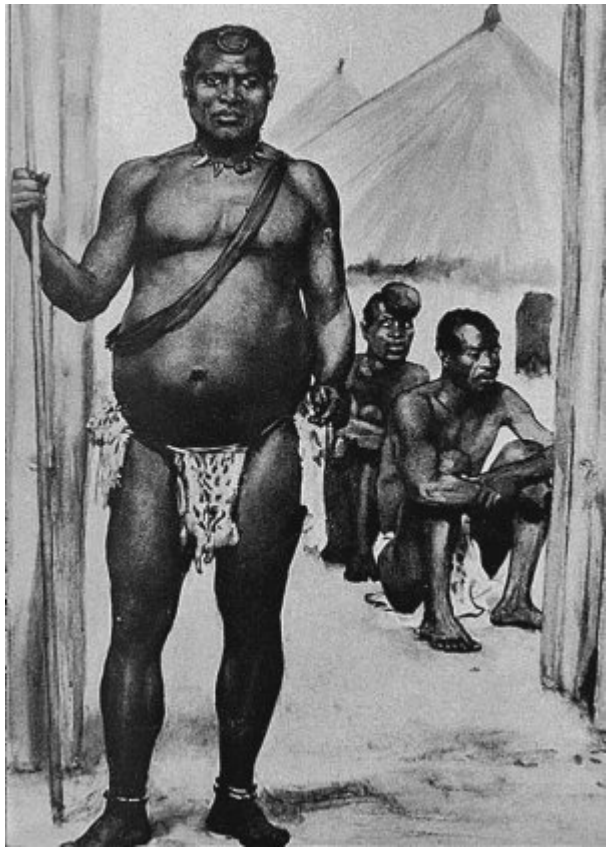
Возможно, однажды произойдет чудо, и потерянную половину «Каллинана» найдут в шахте или… в мешке с магическими предметами у африканского колдуна.

Исчезнувшие сокровища Лобенгулы

Это поистине странная история, и только Африка может породить таких действующих лиц и фон, на котором она разворачивалась.

Начать со старого Лобенгулы, которого некоторые почитатели описывали как «благородного дикаря». В действительности он был столь же жесток, как и его отец Мзиликази. Зулусы, которые могли оказывать теплый прием белым миссионерам, при этом проявляли кровожадность и отдавали приказы убивать людей тысячами. Неудивительно, что крааль вождя зулусов Лобенгулы назывался Булавайо, что означает «место убийств».

За высоким, толстым, с кожей бронзового цвета королем стоит неприметная и зловещая фигура Джона Джекобса, королевского секретаря и переводчика. Джекобс описывался разными историками и как готтентот, и как мулат-полукровка, но на самом деле он был выходцем из племени абелунгу – обитателей Вомваналенда в Транскее, которые унаследовали немного «белой» крови от потерпевших там много лет тому назад кораблекрушение европейцев. Джекобс стоит того, чтобы заняться им поподробнее, потому что именно у него был ключ к тайным сокровищам Лобенгулы.



Вождь Лобенгула

Джекобса бросила мать, когда он был еще совсем ребенком. Он учился у миссионеров в Капской колонии. Юный Джекобс подавал такие надежды, что преподобный Л.Ф. Эсселен даже взял его с собой в Эдинбург для продолжения образования. Видимо, его собирались выучить на священника. Неизвестно, был ли Джекобс посвящен в духовный сан, но тем не менее в более поздние годы он часто выдавал себя за священника эфиопской церкви.

Вскоре после возвращения в Южную Африку Джекобс был пойман в Кимберли за нелегальную скупку алмазов и приговорен к принудительным работам. После освобождения Джекобс снова попал в тюрьму за попытку изнасилования. После отбытия второго заключения он продолжил свою преступную карьеру, а когда за ним начала охотиться полиция, бежал в Булавайо. Там он втерся в доверие к Лобенгуле. Джекобс говорил по-английски, по-голландски и на нескольких африканских языках. Он произвел на Лобенгулу большое впечатление. «Ты можешь заставить бумагу разговаривать», – говорил он Джекобсу.

Лобенгула не мог представить, что Джекобс будет плести интриги с его «главной женой» Лосикейи. Это была опасная игра, но коварный Джекобс вел ее так умело, что оставался в милости у Лобенгулы вплоть до последних дней его жизни. Джекобс знал все секреты королевского крааля. Он часто занимался тем, что усыпал тело Лобенгулы золотыми соверенами, – такова была королевская прихоть, из-за которой Джекобс ощущал близость к сокровищам и которая еще больше разжигала его алчность.

В восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Лобенгулу стали донимать европейцы, стремившиеся получить у него концессии. На него сыпались богатые дары, причем большая часть оплаты шла золотом.

Никто никогда не сомневался в том, что Лобенгула был богат. Он много тратил на своих жен, на шампанское, на украшения и роскошные одежды, но он не мог растратить все свои богатства, которые буквально стекались в королевский крааль в Булавайо. Фирма Джона Орра из Кимберли продала Лобенгуле сейф. Предполагали, что он наполнил его необработанными алмазами, а в другом сейфе держал золото из старых родезийских разработок.

Лобенгула полностью отдавал себе отчет в том, что столкновение с белыми неизбежно. Он был достаточно умен, чтобы попытаться избежать его; но его военачальников возмущало вторжение в их страну белых людей, и с ними нельзя было не считаться. Лобенгула также должен был знать, что рано или поздно его царствованию придет конец.

И вот здесь оканчиваются факты и начинаются легенды.

В начале 1893 г. Лобенгула отправился в путь в сопровождении импи (военный отряд у зулусов и матабеле) из 1200 человек, которые охраняли дюжину фургонов, нагруженных сокровищами. Как говорят, караван направился в дикую местность, лежащую к северо-западу от Булавайо. Укрытием сокровищ, как говорит предание, руководил Джон Джекобс. Основная часть импи не приближалась к тому месту, где были зарыты сокровища. Из их числа выбрали надежных людей, чтобы копать ямы, заниматься взрывными работами и засыпать камнями сокровища. Деревья вокруг сожжены, в качестве примет были установлены тайные ориентиры, а затем все это место засеяли кукурузой.

Когда люди, прятавшие сокровища, вернулись к ожидавшим их импи, Джекобс приказал воинам перебить всех, кто участвовал в захоронении клада. Есть свидетельства, что Лобенгула выслал большое войско, чтобы встретить импи и уничтожить всех, кроме брата Лобенгулы и Джекобса. Вскоре после этого Джекобс

застрелил брата Лобенгулы. Так остался лишь один человек, который знал секрет сокровищ.

В ноябре 1893 г. две колонны белых двинулись на Булавайо, разбили отряды матабеле и вошли в горящий крааль. Как только сражение закончилось, начались поиски сокровищ. Среди пожарища был найден серебряный слоник, которого подарили Лобенгуле белые торговцы. Искатели сокровищ прочесывали развалины, рыли землю в поисках слоновой кости и под конец решили, что сокровища исчезли. За Лобенгулой была организована погоня в надежде на то, что сокровища окажутся вместе с ним.

Тем временем Лобенгула с некоторыми из своих жен, тремя сыновьями, Джекобсом, большим числом рабов и несколькими верными сторонниками двигался к Замбези. Был сезон дождей. Им пришлось бросить фургоны в болотах и продолжить путь верхом. Лобенгула был сломлен морально и физически. Когда в его лагере вспыхнула эпидемия оспы, он умер одним из первых. Подробности его смерти неизвестны, но считалось, что Лобенгулу похоронили там, где он умер, – на берегу ручья Млинди, в сорока милях к югу от Замбези.

Сокровища Лобенгулы долгое время не давали покоя тем, кто знал о богатствах королевского крааля в Булавайо. Единственный оставшийся в живых очевидец того, как эти сокровища прятали, Джон Джекобс, сдался британским властям вскоре после смерти Лобенгулы. У него нашли необработанные алмазы, но британцы не возбудили против него уголовного дела. Его переправили через границу в Трансвааль, едва ли представляя себе, что выслали единственного человека, который знал тайну сокровищ Лобенгулы.

Прошли годы, отгремела англо-бурская война, и Джекобс решил, что власти Родезии забыли о нем.

В конце 1903 г. на отдаленный пост колониальной администрации в Баловале, расположенный в Северной Родезии, неподалеку от ангольской границы, прибыло трое белых людей на трех фургонах. Прибывшие сообщили представителю колониальных властей в Баловале Дж. Х. Веннингу, что они занимаются поисками сокровищ Лобенгулы. Веннинг записал их слова в свой официальный дневник. Он взял показания и у проводника, который оказался… Джекобсом. Джекобс утверждал, что сокровища были зарыты не в Южной Родезии, как полагали многие, а за границей, в Анголе. Клад состоял из двух сейфов, набитых золотыми соверенами, двух ящиков с золотом, ящика с необработанными алмазами и большого количества слоновой кости. Везли этот груз в тринадцати фургонах.

Веннинг подверг Джекобса тщательному допросу, так как хотел понять: почему человек, который собственными глазами видел, как закапывают сокровища, не смог их обнаружить. Джекобс отвечал: «Я случайно услышал, что белые собирались меня убить, как только я покажу им место. Они собирались забрать сокровища и смыться с ними в португальскую колонию, поэтому я сделал вид, что не смог их найти».

На этот раз Джекобса оштрафовали и выслали из страны. Но восемь лет спустя он вновь проскользнул незамеченным через родезийскую границу с еще одной экспедицией и добрался до Леалуи в Баротселенде. На этот раз Джекобс, кажется, заблудился и вернулся с пустыми руками. Его вновь опознали, арестовали, посадили на месяц в тюрьму и, наконец, выслали. Однако после Первой мировой войны Джекобс предпринял еще одну экспедицию, на этот раз замаскированную под охотничье сафари. Бдительная полиция не забыла Джекобса, и после еще одного короткого срока в тюрьме он был переправлен через границу в последний раз.

Джон Джекобс умер 28 июня 1937 г. В одной газете его возраст определили в 105 лет! «Он присутствовал при захоронении сокровищ Лобенгулы и был единственным человеком, который остался в живых, после того как их зарыли. Все остальные были убиты», – утверждала газета «Кейп Аргус».

Майор Лейпольдт заинтересовался сокровищами Лобенгулы задолго до того, как встретил Джекобса. Это было во время его службы в качестве офицера разведки в Германской Юго-Западной Африке. В 1915 г. ему в руки попало секретное немецкое досье, кратко помеченное «Лобенгула». Из материалов досье складывалось впечатление, что немецкий синдикат по добыче алмазов знал о том, что сокровища зулусского вождя скрыты где-то в дебрях Анголы. Немецкие предприниматели были настолько уверены, что найдут их, что даже планировали обратиться к своему правительству с просьбой выделить военный корабль для перевозки сокровищ в Германию. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война спутала их планы… Когда майор Лейпольдт изучил всю имевшуюся в его распоряжении информацию, у него сложилось мнение, что горные районы в глубине Анголы вполне могли подходить для осуществления планов Лобенгулы.

Первую попытку найти сокровища Лейпольдт предпринял в 1920 г. Он проник на территорию Анголы и двинулся на восток. Но португальские власти что-то заподозрили в намерениях приезжего южноафриканца и вернули его обратно. Неизвестно, знали ли португальцы в то время что-нибудь о сокровищах

Лобенгулы; очевидно, что цель экспедиции стала им вполне понятна несколькими годами позже.

Во время следующей экспедиции, в 1921 г., Лейпольдт прошел через Южную и Северную Родезию, следуя маршруту несчастных импи, охранявших повозки с сокровищами. Многие местные жители помнили еще этот поход, так как свирепые воины Лобенгулы опустошили их страну, как стая саранчи. Лейпольдт и его спутники вступили на территорию Анголы, не афишируя свои действия. Впрочем, районы, прилегающие к границе, были настолько глухими, что местные власти не тревожили их. Экспедиции удалось сделать невероятное открытие: Лейпольдт и его люди натолкнулись на… остатки нескольких сожженных фургонов!

Они стояли у края большой прогалины в джунглях, площадью примерно в квадратную милю. В центре прогалины высился большой камень. Он выглядел явным ориентиром, но, по-видимому, сам непосредственно не служил указателем. Деревья вокруг прогалины, похоже, были помечены тайными знаками. Лейпольдт без успеха перекапывал землю вокруг камня: сокровищ не было.

Вновь и вновь Лейпольдт возвращался к этому уединенному месту посреди глухого леса. В 1923 г. он ушел в отставку со своего поста в вооруженных силах Южноафриканского Союза, чтобы иметь возможность посвятить все свое время поискам. И вновь и вновь он ломал голову над тем, как подобрать верный ключ к разгадке.

Лейпольдт побывал на прогалине с камнем в 1924, 1925 и 1928 гг. Все его поиски оказались безуспешными. Тогда он решил зайти с другой стороны: после долгих поисков ему удалось отыскать Джона Джекобса. Бывший секретарь Лобенгулы жил в то время в гостинице «Апельсиновая роща» в Йоханнесбурге. Чтобы вызвать доверие к себе, майор выдал себя за внука миссионера Эсселена. Джекобс вряд ли испытывал какое-то чувство благодарности по отношению к тем, кто дал ему образование, но разговаривал он охотно, и Лейпольдт смог получить от него подробную схему расположения тайника с драгоценностями.

В 1936 г., полагаясь на инструкции, данные Джекобсом, Лейпольдт предпринял последнюю и самую основательную попытку отыскать сокровища Лобенгулы. У него было больше денег для оплаты рабочих, чем когда-либо раньше. Они копали настолько глубоко, что траншея осыпалась, и несколько туземцев погибли под завалом. Начался сезон дождей. Лейпольдта свалила малярия. Он едва не умер в этом диком лесу, но все-таки выбрался оттуда в цивилизованный мир, полностью уверенный,

что стоял буквально в одном метре от сокровищ.

В заметках Лейпольдта, помеченных 1935 г., есть такие строки:

«Джон Джекобс доверился мне. Он зарыл сокровища, включающие два фургона золота (примерно четыре тонны), несколько возов слоновой кости и два ведра алмазов. Затем Джекобс предусмотрительно убил всех, кто помогал ему, так что теперь он единственный, кто знает об этом. Я нашел место, но точное местонахождение известно только в радиусе пятидесяти ярдов. Отметки на деревьях были уничтожены разрушительным действием времени и лесными пожарами. Таким образом, ничего не оставалось, как перекопать все это место. За время моих экспедиций, начиная с 1920 г., я проделал три четверти работы. Мне приходилось нанимать от восьмидесяти до ста рабочих, так как грунт очень твердый. Джекобс утверждает, что они рыли на двадцать футов вглубь до коренной скальной породы, а затем проделали в ней углубление с помощью взрыва. Скальный грунт был затем уложен обратно так, чтобы напоминал коренную породу, поэтому это место трудно заметить. Нами были использованы электрические и магнитные приборы, но они ничего не дали из-за наличия в глине и коренной породе железа. Работы возможно вести только в течение августа, сентября и октября, так как в другое время грунт очень сырой. Джекобс утверждает, что вместе с зарытым грузом находится и завещание, согласно которому Лобенгула назначает его (Джекобса) своим наследником».

Больше Лейпольдт ни разу не возвращался на это место. Он обосновался в городке Спрингбок в Намаквaленде, служил землемером, охотно поддерживал контакты с другими людьми, жаждавшими найти сокровища Лобенгулы, но сам уже никогда не занимался поисками клада.

Между тем к сокровищам Лобенгулы проявила большой интерес Британская Южно-африканская компания. Ее директора рассматривали компанию в качестве наследницы Лобенгулы и давали понять, что, если сокровища будут найдены, она претендует на значительную их долю.

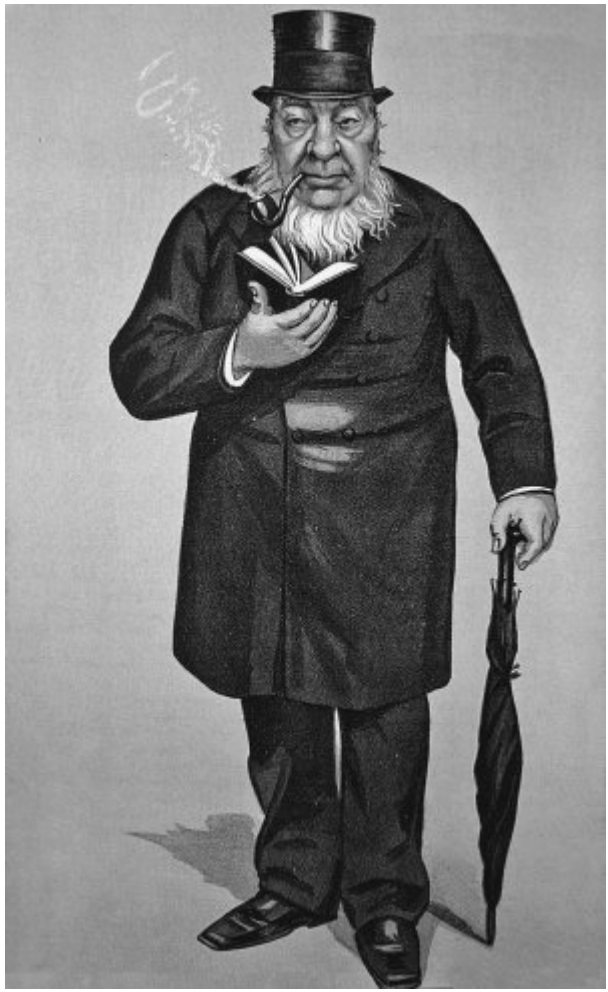
«Де Бирс», компания по добыче алмазов из Кимберли, также заявляла о своих правах на алмазы, украденные с ее шахт. Между тем, если посмотреть на всю историю поисков сокровищ Лобенгулы, то почти везде можно заметить руку Джона Джекобса. Несомненно, что это он дал соответствующие указания немцам в 1914 г., ибо именно в немецком досье Лейпольдт и нашел первый ключ к разгадке тайны. Но почему указания Джекобса так и не привели к находке сокровищ? Вполне возможно, что он слишком

понадеялся на собственную память, а оставленные ориентиры оказались ложными.

Миллионы президента Крюгера

До сих пор некоторые люди верят в огромное богатство, составленное из слитков золота, якобы спрятанное бурами где-то в Южной Африке в последние дни существования Трансваальской республики. Из-за давности событий многие посчитали эту историю выдумкой. Однако эта легенда продолжает волновать умы.

11 октября 1899 г. правительства Трансваальской республики и Свободного Оранжевого государства объявили Великобритании войну. Эта война, продлившаяся до 1902 г., известна под именем англо-бурской. Несмотря на то, что англичане надеялись на завершение военных действий к Рождеству, лидеры буров заявили о затяжном характере войны и стали искать средства на ее финансирование. Для решения этой проблемы на правительственном совете, куда был вызван государственный смотритель шахт, было решено направить огромные массы рабочих в золотодобывающую промышленность, что привело бы к увеличению столь необходимого золотого запаса.



Президент Крюгер

Это был разумный шаг. Еще за год до начала войны добыча золота в Трансваале возросла до такой степени, что перекрыла продукцию России, Америки и Австралии, вместе взятых. Таким образом, Южная Африка стала крупнейшей золотой державой в мире. Эксперты ожидали увеличения продукции золотых приисков до суммы, равной двадцати миллионам фунтов стерлингов.

Работа на приисках успешно продвигалась, чего нельзя было сказать об успехах на фронте. Войска буров отступали, теряя города и земли. К концу мая 1900 г. англичане, одержавшие ряд побед, уже угрожали Претории. Это вынудило правительство президента Крюгера покинуть столицу и переехать в местечко Машадодорп. Там было организовано так называемое «правительство на колесах» – все государственные учреждения

находились в железнодорожных вагонах. Несмотря на то, что золотые прииски были покинуты еще в начале мая, когда англичане начали операцию по окружению Претории, монетный двор продолжал работать до тех пор, пока английские войска не вступили в город.

И тут начинаются события поистине странные… Вот что рассказывает об этом в своей статье «Правда о миллионах Крюгера» Густав Преллер, артиллерист, отозванный с фронта для службы в администрации Трансвааля:

«28 мая начальник Департамента горнодобывающей промышленности попросил меня выделить ему повозку для кое-каких перевозок. Я согласился. Вечером в 11 часов я, прогуливаясь по городу, забрел на станцию, где, к своему удивлению, увидел правительственного чиновника, управляющего погрузкой и отправкой по железной дороге золотых монет и слитков золота. Для этих-то целей и была использована повозка. Золото вывозилось из банков, а затем – из города на поезде генерала-аудитора.

Золото хранилось в городе в трех местах: в Нидерландском банке, откуда господин де Брааль, управляющий, уже начал вывозить его, на монетном дворе, а также в огнеупорном подвале Дворца юстиции.

Вначале мы опустошили сейфы Нидерландского банка, затем – монетного двора и наконец подвалы Дворца юстиции. К тому времени, как дело было сделано, в Претории не осталось ни грамма золота, принадлежавшего Трансваалю. Стоимость же всего золота, вместе с уже вывезенным в Машадодорп, составляла порядка полутора миллионов фунтов. В основном эта сумма состояла из слитков золота высокой пробы, но были еще и монеты чеканки монетного двора Претории, не очень чистое, еще не прошедшее подготовку для чеканки, золото, стоившее на двадцать шиллингов за унцию дешевле, и еще не отштампованные заготовки для монет, прокатанные листы золота…»

В августе 1900 г. полковник Денис Райц, прибывший с фронта в Машадодорп навестить своего отца, обратил внимание на то, что дворы и склады вокруг железнодорожной станции охраняются день и ночь с огромным усердием. «И вдруг я понял, что здесь, на этой станции, сложены огромные суммы, – пишет в своих воспоминаниях Райц. – Я хорошо помню свое изумление от осознания того несчетного богатства, которое лежало здесь. Я сам видел, как по ночам к вагонам подъезжали повозки, загружались и уезжали обратно в темноту. Я абсолютно уверен теперь, что золото не покидало Машадодорп, что оно зарыто где-то там…»

После войны южноафриканский журналист Джеймс Грей, редактор «Новостей Претории», провел детальное изучение баланса золотого запаса Трансваальской республики в годы англо-бурской войны. Известно, что за неделю до начала войны Рандские рудники переслали в Преторию груз золота на сумму в 462 853 фунта. К этому надо также добавить, во-первых, золото, добытое с ноября 1899 по май 1900 г., стоимость которого согласно правительственным документам составляла около двух миллионов фунтов, и, во-вторых, еще 300 000 фунтов, взятых в Нидерландском банке (вспомним рассказ Преллера!). Так что к началу военных действий золотой запас правительства Крюгера составлял как минимум свыше трех миллионов фунтов. Если же вычесть военные расходы, получится, что к августу 1900 г. в казне еще имелось около полутора миллионов неистраченных денег! Интересно, что ту же сумму упоминает и Преллер, участвовавший в погрузке золота на поезд, отправлявшийся из Претории.

В августе 1900 г. хроническая нехватка денег вынудила правительство Трансвааля продать часть золотого запаса. Покупатель был найден: им стала немецкая фирма «Вилькен и Акерман». А 11 сентября 1900 г., когда англичане вступили в Машадодорп, Крюгер пересек границу с Мозамбиком, взяв с собой тридцать ящиков монет, и отправился к морю. Здесь золото было погружено на немецкий корабль «Бундесрат» и в конце октября отправлено в Гамбург.

В 1925 г. в газете «Саут Африкен нейшн» (номер от 10 октября) появилась статья, в которой говорилось, что к августу 1900 г. весь объем золотого запаса Трансвааля составлял лишь 20 000 фунтов и что именно эта доля была вывезена Крюгером в Мозамбик. Но куда в таком случае пропали еще без малого полтора миллиона фунтов? Ведь золото на такую сумму никак не могло уместиться в тридцати ящиках, якобы увезенных Крюгером в Мозамбик! «Точно определить, сколько слитков золота оставалось в Республике после президента Крюгера, сколько необработанного золота было продано «Вилькену и Акерману, и хранилось ли что-либо помимо официально зарегистрированного количества золота в подвалах казначейства? – вот те вопросы, на которые еще предстоит дать ответ…»

Какова же истинная судьба «золота Крюгера» стоимостью полтора миллиона фунтов стерлингов (в ценах 1900 г.)?

Большинство исследователей этого вопроса склоняются к мысли, что оно закопано где-то на территории Трансвааля. Несмотря на постоянные заявления правительства о беспочвенности слухов о пресловутых «миллионах Крюгера», эта история все больше и больше обрастала сплетнями и легендами.

Легенда первая – «Доротея».

В то время, как бежавший из Трансвааля Крюгер находился в столице Мозамбика Лоренсу-Маркише (ныне Мапуту) и обговаривал условия продажи золота в Германию, из провинции Наталь в Голландию отправился парусник «Доротея» с грузом цемента на борту. Ходили слухи о том, что именно этим кораблем и было вывезено золото Трансвааля. Эта история выглядела бы вполне правдоподобно, если бы «Доротея» не потерпела крушение еще в… 1898 г., за год до начала войны.

Легенда вторая – Филипп Шварц.

В книге известного южноафриканского журналиста Лоуренса Грина «Странное богатство» рассказывается о том, что тайну пропавших «миллионов Крюгера» знал некто Филипп Шварц, бывший офицер армии Трансвааля. В августе 1900 г. он лично участвовал в их захоронении, а после войны вместе с тремя своими компаньонами, одного из которых звали Ван Никерк, отправился в местечко Лоувельд для того, чтобы отыскать тайник. Однако вскоре после прибытия группы на место Ван Никерк загадочно исчез, и экспедиция вернулась, практически не начав раскопок. Шварц рассказал вдове Ван Никерка свою версию смерти ее мужа, но не убедил ее, и женщина обратилась в полицию.

Вскоре один из патрулей обнаружил изгрызенный шакалами труп с перстнем-печаткой «CvN». Шварца заподозрили в убийстве, арестовали, но так как он был болен малярией, его отправили в Питерсбургский госпиталь, где он и провел свои последние дни. В госпитале его посетил один высокопоставленный английский офицер, пытавшийся выяснить правду о золоте Крюгера, но Шварц ничего ему не сказал. Через несколько дней он был осужден Йоханнесбургским судом за убийство Ван Никерка и повешен. Секрет золота умер вместе с ним.

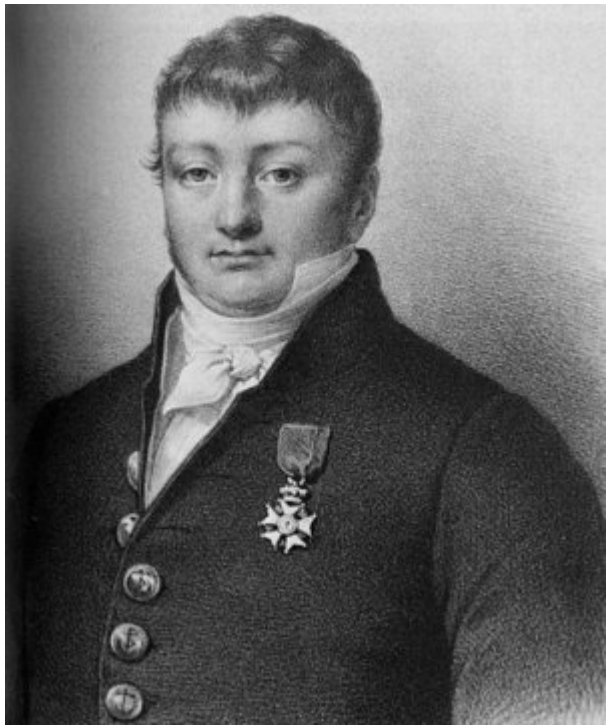
Впрочем, говорят, что Шварц рассказал кое-что о сокровищах Крюгера охранникам, приставленным к нему в госпитале. Возможно, что это всего лишь выдумка, но вот другая сторона этой истории: по словам адвоката Шварца, задаток за его защиту был вручен ему в виде крупной суммы золотыми монетами. Эти монеты производили впечатление… пролежавших многие годы в земле!

«Таинственный пират» и его собратья

Слово «таинственный» в этом заголовке на первый взгляд может показаться явно лишним – пираты и так окружены ореолом романтики и таинственности. Они, если забыть их кровавые деяния, представляются отважными морскими волками, вступавшими в жестокие схватки со своими противниками, а легенды о спрятанных ими несметных сокровищах, если закрыть глаза на то, что размеры этих сокровищ во много раз преувеличены молвой, а сами по себе они действительно не более, чем легенды, до сих пор будоражат воображение многих людей.

Однако, как правило, все это касается пиратов Карибского моря и Атлантики, история и подвиги которых описаны достаточно полно. Пиратам же Индийского океана повезло куда меньше. Рассказывая о них, историки и писатели ограничивались лишь флибустьерами Мадагаскара, а точнее, острова Сент-Мари, привлеченные легендарным ореолом якобы созданной там ими республики Либерталии.

И при этом – на ярком, романтическом фоне «подвигов» пиратов Мадагаскара и жизни чуть ли не «социалистической» Либерталии – как-то уходило в тень то, что лежащие по соседству Маврикий, Реюньон, Сейшелы и другие более мелкие острова западной части Индийского океана тоже долгие годы служили пристанищем морских разбойников. Причем вовсе не легендарных, а вполне реальных. Потомки Жан-Франсуа Одуля (у нас его иногда неправильно называют Годул, или Гудул) до сих пор живут на Сейшелах, а Робер Сюркуф стал чуть ли не национальным героем среди франко-маврикийцев. Правда, эти двое были не совсем пиратами, а корсарами. Сейчас для нас в этих терминах мало разницы, а для людей сведущих это означало, что действовали они под «каперским свидетельством» – то есть как бы от имени своей страны, в данном случае Франции, под защитой национального флага, а если оказывались в руках противника, то считались военнопленными.



Робер Сюркуф

Вот эта «деятельность на благо Франции» и дала возможность Сюркуфу приобрести романтический ореол и стать героем нескольких книг. То, что во всем остальном он был таким же морским разбойником, как и прочие пираты, грабил суда и припрятывал награбленное, похоже, мало занимало авторов его жизнеописаний.

В общем, в XVII–XVIII вв. западная часть Индийского океана была еще одним (кроме Вест-Индии), хотя и менее известным, пиратским раем. Конечно, точных цифр, которыми бы можно было определить количество награбленных пиратами сокровищ, нет ни у одного ученого. Но вполне можно предположить, что оно было немногим меньше того, что прошло через руки морских разбойников Карибского моря. А раз так, значит, у преданий о зарытых пиратами кладах на Маврикии, Сейшелах, Коморах и других островах у восточного побережья Африки – вполне реальная почва.

Пожалуй, нет такого острова в западной части Индийского океана, с которым не были бы связаны легенды о зарытых там пиратских сокровищах. Мадагаскар и Сент-Мари, Маврикий и Реюньон, Сейшелы и Коморы, мелкие острова – Родригес, Фаркуар, Альдабра и Амиранты – на всех них что-нибудь да напоминает о присутствии там в свое время пиратов. И не

мудрено.

Пиратство в западной части Индийского океана имеет давнюю историю. Еще в 1508 г. пират по имени Мондрагон захватил португальское торговое судно у побережья Мозамбика. Но период расцвета деятельности корсаров, или приватиров, был еще впереди. Каперские свидетельства, выданные правительством, позволяло им грабить судна, принадлежащие «врагам государства». По условиям такого контракта пират должен был отдавать часть добычи своему правительству или местным властям, которые ему покровительствовали. Он не должен был нападать лишь на суда своей страны и ее союзников.

Крупнейшими покровителями легализованного пиратства были Франция и Англия – причем этим занимались не только правительства, но и отдельные лица, а также группы купцов. Известно, например, что король Англии Карл I снарядил корабль «Сихорс» («Морская лошадь») под командованием капитана Куэйла и велел тому «ходить по всему миру и захватывать любые корабли, которые принадлежат стране, не состоящей в союзнических отношениях или мире с Англией, ниже линии экватора». Так что охота за кораблями стала вполне организованным промыслом. Арабы в те годы создали на Мадагаскаре торговые поселения, и с ними – к выгоде пиратов – соревновались представители европейских торговых домов, осваивавших побережье как этого, так и других соседних островов. Сент-Мари у берегов Мадагаскара, ставший главным пиратским гнездом, в конце XVII – начале XVIII в. посещали тысячи морских разбойников.

Однако совсем рядом с этой, столь знаменитой пиратской вольницей, существовали и другие. Тот самый капитан Куэйл, что был послан на пиратский промысел Карлом I, в качестве своей базы избрал остров Мохели в Коморском архипелаге. На «Морской лошади» капитан награбил для своего короля ценностей на 20 тысяч фунтов стерлингов. Но он так и не вернулся в Англию, умерев на Коморах. Какова была дальнейшая судьба его добычи, точно не известно.

Коморские острова приглянулись европейским пиратам еще в XVII в., когда их изгнали из Карибского моря, и им приходилось искать себе новое надежное пристанище. Архипелаг, контролировавший Мозамбикский пролив, показался им весьма подходящим для их целей, всем прочим местам они предпочитали лагуну острова Майотта. На Коморах пираты общались с местным населением, а на рынках островов собирали информацию о проходящих мимо судах. В 1690 г. на острове Анжуан несколько месяцев провели в Сент-Мари трое знаменитых

мадагаскарских пиратов – Тью, Миссон и Караксиоли. Их очень любезно принимала местная королева, ибо нуждалась в их помощи в борьбе с султаном острова Мохели. Пираты не гнушались участием в подобных междоусобицах, охотно брали в жены местных красавиц. Анжуанцы платили пиратам ответной признательностью: когда те решили в 1694 г. соорудить новый форт на Мадагаскаре, туда, для помощи в строительстве, отправилось 300 анжуанцев.

Однако эта идиллия была нарушена в начале XVIII в., когда европейские державы развернули активную борьбу с пиратами. Те, разозленные, забыв о былых дружеских отношениях, стали нападать и на своих бывших союзников. В 1701 г. пират Норт разграбил прибрежные города острова Гранд-Комор, а потом атаковал и Майотту, взяв в плен ее султана и получив затем за него выкуп в серебряных монетах. В XVIII в., когда на Коморские острова регулярно стали заходить европейские торговые и военные корабли, пираты были изгнаны с архипелага. (В 1720 г. у Анжуана, например, произошло крупное сражение британского военного корабля с двумя пиратскими судами.) В результате пираты убрались с Коморских островов, захватив награбленную добычу с собой или припрятав ее где-то на архипелаге.

Но в западной части Индийского океана оставалось еще немало спокойных и безопасных для пиратов островов, где не было враждебно настроенного местного населения и европейцы еще не создали своих укрепленных опорных пунктов.

Постоянным прибежищем пиратов в XVII в. был Маврикий, хотя формально еще с конце XVI в. остров считался голландским владением. Длившуюся более ста лет голландскую колонизацию Маврикия никак нельзя считать успешной – дела с плантационным хозяйством не клеились, рабы бунтовали, сами голландцы особым трудолюбием не отличались и предпочитали работе на строительстве укреплений или в поле пирушки, длившиеся порой по нескольку дней. Досаждали колонистам и нашествия крыс, а мощнейшие ураганы сводили на нет то немногое, что удавалось сделать. Покинуть остров навсегда голландцы не желали, но вынуждены были время от времени надолго отлучаться с него. Поэтому пираты чувствовали себя на Маврикии, в общем, в безопасности, не особенно опасаясь его «законных» владельцев. Остров лежал на пути из владений голландцев в Индии и Индонезии к их базе на мысе Доброй Надежды, а значит, регулярно посещался кораблями с ценными грузами, и это обстоятельство также весьма привлекало морских разбойников.

Маврикийский историк прошлого века Эжен де Фробервиль

приводит мнение члена Общества естественной истории острова Маврикий Элизе Льенара, который считал: одной из причин того, что в начале XVIII в. голландцы навсегда покинули остров, были не только восстания рабов, нашествия крыс и ураганы, но и пираты, которые крепко досаждали голландской Ост-Индской компании и гораздо уютнее ее служащие чувствовали себя на Маврикии.

Льенар писал: «…они грабили суда, перехватывая скот и провиант, который с Мадагаскара поставлялся на Маврикий и Реюньон. Они высаживались на этих двух островах, сжигали там поселения, убивая их обитателей. Голландцы, владевшие тогда Маврикием, были доведены до крайности, лишены пищи, и, возможно, именно частые нашествия этих бандитов и послужили причиной тому, что они покинули навсегда Маврикий в 1712 г.».

Когда вслед за голландцами во владение островом вступили французы, его тоже посещали пираты, но это были уже морские разбойники «в законе», действовавшие легально корсары, и самым знаменитым и авторитетным среди них считался Робер Сюркуф. А вот пиратом его, напротив, не считали, потому что он грабил в основном суда англичан, главных соперников Франции в Индийском океане в те годы, и, говорят, для белых маврикийцев будет просто оскорблением, если кто-то при них назовет его пиратом.

Так что во второй половине XVIII в. пиратам на Маврикии прятаться не было нужды, а даже если бы они этого и захотели, то сделать это было бы просто негде – еще с 30-х гг. практически вся территория острова была освоена, и тихих, укромных уголков, чтобы незаметно припрятать награбленное, там уже не оставалось. Но вот их предшественники, у которых не было «каперских свидетельств», – другое дело.

Заходили пираты на Родригес, Фаркуар, Агалегу, Альдабру, Амирантские острова, которые позже других были освоены европейцами. Но дольше и активнее всего они использовали как свою базу Сейшелы. Этот архипелаг, по существу, был последним настоящим «пиратским раем» на земле. Изолированность, отсутствие населения, множество удобных бухт, где можно укрыться от шторма или погони, здоровый климат, источники пресной воды, изобилие пищи и древесины для починки судов – все это, естественно, привлекало на Сейшельские острова морских разбойников.

Во времена Великой французской революции и наполеоновских войн с архипелага против английских кораблей – уже легально – действовали французские корсары. Они там чувствовали себя в большей безопасности, чем на Маврикии,

поскольку этот архипелаг в меньшей степени подвергся морской блокаде со стороны английского военно-морского флота.

Анс-Фурбан («Пиратская бухта») на южном берегу Маэ и Кот-д'Ор («Золотой берег») на северо-востоке острова Прален далеко не случайно были названы так первыми европейскими колонистами, и, вне сомнения, посещались пиратами.

Все сейшельские легенды о пиратах и кладах ведут свое происхождение от тех следов пребывания на островах первых европейцев – скорее всего действительно морских разбойников, – что обнаружили ранние переселенцы и колонисты, появившиеся на архипелаге в середине XVIII в. И нет такого островка или бухточки, с которыми бы не были связаны свои легенды, замечает современный сейшельский историк Ги Лионне. Особенно богат был подобными находками, а следовательно, и преданиями, остров Фрегат. Там пираты в свое время обосновались, видимо, надолго: они даже устроили наблюдательный пункт, откуда следили за появлением на горизонте военных кораблей.

Вот что писал Элизе Льенар после посещения Фрегата в августе 1838 г.: «Мне показали яму, вырытую незадолго до моего приезда, – в ней был огромный сундук, наполненный посудой различных стран, голландские пики, ножи, боевые топоры, сабли, испанские пиастры – все это почти полностью проржавевшее от времени». Льенар на Фрегате видел также засыпанные землей и заросшие лианами остатки укреплений, построенные пиратами. В этом месте, по словам Льенара, в 1812 г. были найдены портупея для сабли и золотая эполета. В хорошую погоду, в полумиле от берега, можно было увидеть остов большого корабля, лежащего в воде. А на скале, обращенной к заливу, поселенцы нашли какие-то таинственные изображения, в которых распознали зашифрованные надписи, но смысла их разгадать не смогли.

У бухты Гранд-Ане первые колонисты, обосновавшиеся там во второй половине XVIII в., обнаружили остатки жилищ, а в другом месте – деревянную мачту и платформу – некое подобие наблюдательного поста, или командного мостика. Там же, на берегу моря, среди кораллового песка, были обнаружены три могилы, на которых нашли рукоятки шпаг, отделанные кожей, и множество человеческих костей.

Элизе Льенар сделал вывод, что пираты там жили несколько лет. Опасаясь, что их застигнут на море, они закопали часть своих сокровищ на острове. «Но все же, немного позже, оказавшись в руках правосудия, они понесли заслуженное наказание за свои преступления – все, кроме одного, помилованного по причине юного возраста. От него-то и узнали о кладах: умирая, он передал одному из своих друзей записку, содержащую описания мест, где

были спрятаны сокровища», – пишет Льенар. И добавляет: «Я видел эту записку и не сомневался в ее подлинности».

Тем не менее поиски в указанных местах ничего не дали, хотя ни у кого из искателей сокровищ не оставалось сомнений в том, что где-то на берегу закопаны испанские пиастры и крусады.

Ряд историков считает, что у сейшельских пиратов существовали связи с морскими разбойниками, обосновавшимися у мыса Сан-Себастьян на Мадагаскаре. Их альянс с пиратами Сент-Мари прибавлял смелости всем их вылазкам.

Кем же были эти пираты? Когда они оставили следы своего присутствия? И насколько реальны легенды о зарытых ими кладах?

Пираты, рыскавшие в XVII – начале XVIII в. по Индийскому океану, действовали с Сент-Мари на Мадагаскаре, другие – с Комор, как, например, капитан Кидд. Непосредственно с Сейшелами связывают обычно имена двух пиратов, которые по праву считаются там местными знаменитостями. В самом начале XVIII в. это был Левассер, а на рубеже XVIII и XIX вв. – корсар Одуль.

В 20-е гг. XVIII в., когда морских разбойников потеснили с Маврикия и Комор, в том регионе действовали три крупнейших – по количеству награбленной добычи – пирата: ирландец капитан Эдвард Ингленд, бывший лейтенант британского флота Джон Тейлор и француз Оливье Левассер, больше известный под кличкой не то Ля Буш («Глотка»), не то Ля Бюз («Сарыч»).

Оливье Левассер был последним из знаменитых пиратов Индийского океана. Хотя к тому времени англичане изгнали морских разбойников из Вест-Индии, им было еще чем поживиться на оживленных торговых путях, идущих вокруг мыса Доброй Надежды к Восточной Африке, Индии и Индонезии. Говорят, Левассер получил корабль в 1715 г. от французского правительства, чтобы грабить – в пользу родной казны – испанские суда в Атлантике. За какие-то проступки он был лишен этого права, но капитан не подчинился предписанию, а вместо этого отправился на поиски счастья в Индийский океан. К моменту своего появления на торговых путях, ведущих в Индию и обратно, он был уже достаточно богат, ибо с награбленным ранее добром он, естественно, решил не расставаться.

Троица – Ингленд, Тейлор и Левассер – бороздила западную часть Индийского океана, высаживаясь иногда на Лаккадивских островах, где основными их «развлечениями» были убийства и насилие. Затем, продав добычу, награбленную у голландцев в Кочине, в Индии, Ингленд, Тейлор и Левассер отправились в сторону Мадагаскара.

13 апреля 1721 г. Тейлор на корабле «Виктори» и Левассер на «Кассандре» у города Сен-Дени на Реюньоне наткнулись на крупнейшую в истории пиратства добычу. Это было португальское судно «Вьерж дю Кап», сильно потрепанное штормом. Большая часть из его 70 пушек была сброшена за борт, чтобы судно не затонуло, так что захватить его пиратам не составило большого труда. К своему восторгу, они обнаружили, что корабль представлял собой плавучую сокровищницу. Там были золотые и серебряные слитки, сундуки с золотыми монетами и жемчугами, бочонки с алмазами, шелка, произведения искусства, жезл, крест и другие ценные предметы церковной утвари, принадлежавшие архиепископу Гоа, который плыл на этом корабле в Португалию. Среди других богатых пассажиров был и португальский вице-король Индии, граф ди Эрисейра.

Добыча была поделена между Левассером и Тейлором, когда они вернулись на Сент-Мари. О количестве захваченных тогда ценностей свидетельствует такой факт, что члены команд двух кораблей получили по 5 тысяч золотых гиней и 42 алмаза. Левассеру же пришлись по душе слитки и священная утварь архиепископа. Их не так легко было сбыть с рук, как, допустим, монеты или драгоценные камни, но они были значительно ценнее. Португальцы лишились не только драгоценностей, но и самого судна: пираты отремонтировали его, и оно, переименованное в «Виктори», заменило старый корабль Тейлора с тем же именем.

Поскольку торговый путь в Индию постоянно находился под угрозой пиратских нападений, а к тому же Англия и Франция все острее соперничали из-за господства над этой океанской дорогой, обе крупнейшие в те годы морские державы усилили свое военно-морское присутствие в бассейне Индийского океана. Пиратский промысел становился все более опасным и все менее выгодным. Королевской милостью французские пираты были «прощены», и многие отошли от своих разбойных дел, остепенились и вернулись на родину.

Но Левассера не устраивала такая судьба. Временами он спокойно жил на Сент-Мари, а потом вдруг срывался с места и пускался в плавания по Индийскому океану, в поисках добычи и приключений. В 1720 гг. он стал капитаном «Виктори» и совершил как минимум одно плавание на Сейшелы, где скрывался на Маэ, в северо-западном заливе, от погони.

В 1728 г. Левассер на время стал лоцманом в заливе Антонжиль на Мадагаскаре, однако это не мешало ему продолжать свои разбойные вылазки. В начале 1730 г., во время

очередного плавания в поисках добычи неподалеку от Форт-Дофина на Мадагаскаре вступил в бой капитан французского судна «Медуза» Лермит. После кровавого сражения пиратское судно было захвачено, и Левассера в кандалах доставили на Реюньон. Слушание в Адмиралтейском суде было не более, чем формальностью, и 17 июля 1730 г. Левассера повесили.

Согласно легенде, которая жива до сих пор, Левассер, когда ему на шею накидывали петлю, вытащил лист бумаги и со словами: «Ищите мои сокровища, кто сможет!» бросил его в толпу. Поступок этот был вполне в характере пирата, однако неизвестно, была ли это шутка и издевка над будущими кладоискателями, или же он задал им подлинную головоломку. Некоторые скептически настроенные историки даже говорят, что Левассер был повешен на корабельной рее, а, значит, толпы зевак вокруг него просто быть не могло. Но наиболее ярые сторонники этой легенды уверяют, что на реях были повешены только рядовые члены команды, а сам «Сарыч» был казнен на берегу.

Оливье Левассер не раз посещал Сейшелы, и считают, что именно там укрыты сокровища с «Вьерж дю Кап». Но до него там бывали и другие пираты, они прятались в укромных бухтах от военных судов, кренговали и килевали свои корабли, потрепанные в битвах или штормах. В самом конце XVIII в. Сейшелы избрала своей базой другая знаменитость морского разбойничьего промысла.

В нескольких метрах к югу от мола, на полпути к берегу, в бухте единственного города и порта Сейшел Виктории, лежит крошечный островок Одуля. Туда, говорят, Жан-Франсуа Одуль приводил на починку свой небольшой, быстрый корабль. Во времена французского владычества на Сейшелах – то есть вплоть до начала XIX в., его самый известный корабль «Аполлон» был грозой всех, кроме французских, судов на огромном пространстве от берегов Африки до Явы. Он избороздил всю западную часть Индийского океана, и немало мест в том районе носит его имя. Даже на пустынном атолле Альдабра существует мыс Одуль-Пойнт.

Одуль был кем-то вроде морского Робин Гуда, и однажды даже вернул захваченные сокровища англичанину, с которым он подружился, после того, как взял его в плен. Между делом Одуль занимался и работорговлей, но, после того как ему надоело разбойничать в тропических морях, он показался сейшельским колонистам достаточно респектабельной и уважаемой фигурой, чтобы сделать его мировым судьей. Служа Фемиде, он и провел остаток своих лет, почив в судейском звании. Кто бы мог предсказать ему такую судьбу в те лихие времена, когда на своих

кораблях «Аполлон» и «Оливетт» он терроризировал английские суда! У него осталось немало потомков на островах, но они не любят, когда их предка называют «пиратом». «Он был не пиратом, а корсаром», – всякий раз поправляют они чужестранцев с обидой и одновременно гордостью.

На старом кладбище Виктории – Бель-Эр среди солидных фамильных склепов первых сейшельских колонистов находится и могила этого французского корсара. Она расположена неподалеку от гранитных стен дома, который он построил. На могильном камне изображен корабль Одуля с надписью: «Здесь лежит Жан-Франсуа Одуль, бывший капитан корсаров. Родился 15 июня 1765 г. Умер 10 января 1835 г.». А дальше приписано: «Он был справедлив».

Одуль не раз едва не оказывался в руках англичан, но всякий ускользал от расправы, ему просто невероятно везло. Так, 16 мая 1794 г. четыре британских корабля под командованием капитана Генри Ньюкама вошли в Порт-Руаяль, как тогда называлась Виктория. В гавани в тот момент находился бриг «Оливетт» – корсарский корабль Одуля. Шансов на спасение у него практически не было, но ему все-таки удалось спастись.

Неудивительно, что больше всего легенд о зарытых пиратских сокровищах связывают с Сейшелами, Маврикием и рядом совсем мелких островов западной части Индийского океана. На некоторых из них, действительно, время от времени обнаруживают старинные золотые и серебряные монеты. После второй мировой войны водолазы занялись проверкой некоторых из подобных легенд на принадлежащих Маврикию мелких островках и атоллах. На свет явились интересные подводные фотографии затонувших галеонов, средневековых якорей и пушек с расширяющимися стволами, облепленными кораллами. Но, считает южноафриканский журналист Лоуренс Грин, если какие-то сокровища там и были, они все уже давным-давно извлечены на поверхность, а удачливые кладоискатели просто хорошо умеют держать язык за зубами.

На острове Муайен, что лежит у внешнего рейда Виктории, по местным преданиям, покоится клад стоимостью 30 миллионов фунтов стерлингов. Почему его никто так и не выкопал, если о нем всем известно? Клад заколдован, считают местные жители.

Другой остров в группе Сейшельских – Силуэт – тоже сохраняет стойкую репутацию острова сокровищ. Фактом остается пока только то, что с него вывозили копру, но копра – это не так романтично, как золото, которое вполне могло быть здесь зарыто, когда пираты кренговали, чистили и смолили свои суда в этих неглубоких водах.

Один старый африканец, бывший раб, дожил до 20-х гг. XX в. Он утверждал, будто знает, где именно на Силуэте находится пиратский тайник. Однако это был упрямый и своенравный старик. После первой неудачной попытки договориться с ним, он отказался вести кого-либо к заветному месту. Говорят, одному богатому землевладельцу удалось все же соблазнить бывшего раба, и тот повел его к тайнику. Они обогнули на лодке неприступную скалистую часть острова и уже было собрались высадиться на берег, как вдруг африканец заметил, что за ними следят. Он испугался, вернулся к своей лодке и с тех пор не верил уже больше никому.

Большой знаток Сейшельских островов Джулиан Мокфорд немало времени потратил на проверку легенд о кладах, зарытых на архипелаге. Ему показали золотые кольца, найденные неподалеку от города Виктория на Маэ, а также несколько причудливых старинных монет, обнаруженных в песке. Жители острова с глубокой убежденностью толкуют о дублонах и драгоценностях. Но они полагают, что счастливчики, нашедшие клады, никогда не распространяются об этом и продают свои находки осторожно и не спеша с помощью умеющих хранить тайну моряков с индийских и арабских доу.

Возможно, на островах Индийского океана спрятал часть своих сокровищ и капитан Кидд. Среди них часто называют Занзибар. Лоуренс Грин специально посетил различные места, в которых, как считают многие, могли быть укрыты клады. Одно из них – развалины старинного дворца Дунга, где, по мнению всех местных арабов, живут привидения. Когда в начале нашего века дворец сносили, то глазам людей предстали скелеты рабов, заживо погребенных в толстых стенах дворца. Нашли также суахилийские священные боевые барабаны и резные деревянные рога, которые хранятся теперь в занзибарском музее.

Но самая ценная находка была сделана здесь еще раньше одним арабом, которому случилось закапывать своего умершего осла. Его лопата наткнулась на золотые монеты, на которых было выбито имя Гаруна-аль-Рашида, багдадского султана. Однако неясно, какое отношение эта находка имеет к капитану Кидду. Но легенда именно такова. Когда нашли монеты, занзибарский султан послал своих людей перекопать всю землю вокруг дворца, но это, по-видимому, ничего не дало.

Еще одно заповедное место на Занзибаре – неподалеку от знаменитого баобаба. Здесь гид покажет насечки, сделанные в толстой коре (похоже, правда, что для привлечения туристов их периодически подновляют). Несколько человек как-то высадились в этом месте, откопали ящик и отплыли обратно – так говорит

местная легенда. Правда, в официальном документе записано, что при кладке фундамента для нынешнего султанского дворца был найден металлический ящик со слитками золота.

Наиболее многообещающим в отношении кладов, является, по мнению Л. Грина, остров Иль-де-Депозе в группе Фаркуарских островов, к северу от Мадагаскара.

Легенда такова. В середине прошлого века французские власти отправили в ссылку одного местного царька. Его везли со всем гаремом, приближенными и имуществом. По пути, близ северо-западной части острова, корабль затонул; любопытно, что позже там же погиб и английский пароход «Эймести».

В те времена остров Фаркуар был необитаемым, заброшенным клочком суши. Царьку с несколькими приближенными удалось спастись, но, когда остров посетило следующее судно, единственной живой душой на нем оставался сам царек. Он помешался в одиночестве, и излечить его не удалось.

Моряки рассудили так: когда царек добрался до острова, все богатства были при нем. Во всяком случае, могилы на Фаркуаре были потревожены, и не один раз. Однажды нашли крест.

Немало экспедиций отправлялось на Сейшелы на поиски сокровищ Левассера. С записки, брошенной им согласно легенде в толпу перед казнью, было сделаны копии, которые со временем разошлись по всему свету во множестве экземпляров. Основные ориентиры карты оказались зашифрованы – это была криптограмма. Если документ, который сегодня приписывают Левассеру, бросившему его якобы в 1730 г. в толпу, подлинный, то это означает, что Левассер должен был быть ученым: для разгадки его карты необходимы знания древнегреческой мифологии, астрологии и тому подобного. Немало исследователей ломало себе головы над картой. Но все безрезультатно.

На Маэ до сих пор ходят слухи, что состояния как минимум двух местных семейств появились благодаря находке кувшинов, наполненных золотыми монетами, – одного на острове Терезы, а другого – около женского монастыря Св. Елизаветы в Виктории. Но находок, которые бы стали достоянием гласности, очень мало. Единственным, официально зафиксированным кладом была находка в 1911 г. на острове Астов 107 серебряных монет, нескольких вилок и ложек, двух пряжек от башмаков и боцманского свистка. Пока же поиски кладов на Мадагаскаре, Сент-Мари, Родригесе и Реюньоне результатов не дали, но это еще ни о чем не говорит. Как писал австралийский журналист Атол Томас, «Оливье Левассер спрятал свои сокровища настолько

хитро, что их нельзя найти, просто ковыряя ногой гальку на берегу».

И все же находились люди, готовые бросить вызов самым хитроумным ухищрениям Левассера и его собратьев. На Коморах пока, к сожалению, поисков пиратских сокровищ не велось: архипелаг давно уже пребывает в заброшенности и забвении, население его к европейцам относится подозрительно, а порой и враждебно, в последние годы сказываются и последствия самоизоляции страны, ее политической нестабильности, одним словом, это не самое лучшее место для исследователей а тем более искателей приключений из Европы и Америки. Местные же жители Комор слишком бедны, чтобы вести поиски своими силами. Маврикий, Реюньон и Сейшелы – другое дело.

Маврикиец Уильям Лоринг Эсперанс Бешерель занимался поисками пиратских сокровищ более десяти лет. В 1973 г., ведя розыски уже несколько лет, он оценивал стоимость предполагаемого клада в 10–20 миллионов фунтов стерлингов. Бешерель говорил, что место для поисков указал ему покойный отец. В вырытом им гигантском котловане шириной 45 и глубиной 15 метров он нашел остатки каменных сооружений, возведенных некогда действительно пиратами.

Однако Бешерель считал, что это не руины, а выложенная из камней карта с указанием подлинного места, где спрятаны сокровища. Нашел он при раскопках и скелет – по мнению кладоискателя, это останки раба-мальгаша, помогавшего зарывать клад и затем убитого, потому как оказался ненужным свидетелем.

Поиски клада начал еще отец Уильяма. Но в отличие от своего отца, который работал вручную, Бешерель нанял десять человек с отбойными молотками, динамитом, мощными насосами, дизельными и электромоторами. Он ежемесячно тратил на поиски 450 фунтов стерлингов, и, как признался одному журналисту, чем дальше продвигалось его дело, тем больше денег оно требовало. Чтобы как-то покрыть свои непомерные расходы, Бешерель стал брать в пай всех желающих. И они находились, впрочем, это совсем неудивительно: он обещал 1000 процентов прибыли.

За его поисками следила не только маврикийская, но и мировая пресса: даже лондонская «Таймс» посвятила ему своей материал. Бешерелю пришлось прервать свои поиски не потому, что он разуверился в успехе, а, как это обычно бывает, по чисто финансовым причинам. Он надеется, что его потомки, разбогатев, продолжат фамильное дело.

В местечке Бель-Омбр на главном острове Сейшельского

архипелага – Маэ – до сих пор многое напоминает о том, что там некогда находилось одно из «пиратских гнезд». Многие считают, что именно на песчаном берегу Бель-Омбр Левассер закопал свои несметные сокровища, стоимость которых оценивают в 100 миллионов британских фунтов.

Одним из самых ревностных сторонников этой теории в течение многих лет был англичанин Реджинальд Херберт Круз-Уилкинс, считавший, что большая часть сокровищ с корабля «Вьерж дю Кап» зарыта именно в Бель-Омбр. Благодаря своим активным поискам клада он превратился на долгое время в живую достопримечательность Сейшел, размахом своей деятельности значительно переплюнув даже своего маврикийского «коллегу» Бешереля.

Круз-Уилкинс всерьез решил разгадать загадку Левассера. Комиссованный по инвалидности из армии в 1941 г., бывший английский офицер отправился в Кению, где, став профессиональным охотником, организовывал сафари для богатых туристов. Но в 1948 г. вновь дала о себе знать его старая рана, к тому же у него начался приступ малярии, и Круз-Уилкинс отправился на три недели на отдых на Сейшелы. А когда оказалось, что корабля, который бы смог доставить его обратно в Момбасу в Кении, не будет еще три месяца, он перебрался из гостиницы «Пиратский герб» в Виктории в бунгало на берегу Бо-Валлон около Бель-Омбр. Там он встретил норвежского китобоя, двадцать лет возившего с собой криптограмму, над которой уже сотни часов безуспешно ломал голову. Так, по воле случая, отставной английский офицер оказался вовлеченным в поиски сокровищ на Сейшелах. Первые три недели, проведенные на архипелаге в гостинице со столь характерным названием, показались им недвусмысленным символическим предзнаменованием успеха.

Круз-Уилкинс из любопытства снял копию с криптограммы, хранившейся у норвежца, и случайно упомянул об этом некой Шарль Сави из Бель-Омбр, показавшей ему после этого еще восемь документов, которые были ею скопированы в маврикийских архивах. Круз-Уилкинс узнал, что сокровища ищут в Бель-Омбр уже с 1923 г. – тайком, ночью, при свете фонаря и при помощи обычной лопаты. Мадам Сави и ее муж обнаружили на прибрежных скалах какие-то странные знаки, нанесенные явно рукой человека, – изображения собак, змей, черепах, лошадей и людей. Подобные знаки, как оказалось, были найдены и на скалах в некоторых других местах на Маэ. Мадам Сави не сомневалась, что они были оставлены в свое время пиратами, и считала, что они содержат указание на место, где спрятаны сокровища.

Однако лопаты увлеченной кладоискательством четы раскопали не золото, а два гроба и останки человека, зарытого прямо в песок безо всяких церемоний. Супруги решили, что это были пираты, которые присутствовали при захоронении сокровищ и которых убрали как нежелательных свидетелей.

Документы, хранившиеся у Сави, включали криптограмму, карты, письма (одно на немецком, второе – на ломаном французском) и другие бумаги, на одной из которых были изображены четыре таинственных знака. Все говорило о том, что эти знаки как-то соотносятся с загадочными изображениями на скалах. «С самого начала изучение документов убедило меня, что схема, указывающая путь к сокровищам, была основана на сюжетах древнегреческой мифологии и расположении звезд», – утверждал отставной английский офицер.

Круз-Уилкинс, тщательно исследовав документы, решил вложить в поиски сокровищ имевшиеся у него 200 фунтов. А первые же предпринятые им расследования убедили его: искать надо на берегу Бель-Омбр, а сокровища принадлежат не кому иному, как Левассеру.

В1949 г. Круз-Уилкинс отправляется в Найроби и создает там синдикат по поиску клада французского пирата. Таинственные знаки из документов, которые дали ему супруги Сави, указывали на конкретное место. Там нанятые рабочие и начали раскопки. Через восемь часов работы они откопали грубо вырубленные в скале ступени лестницы, о которой, кстати, упоминалось в одном из документов. Она вела, по всей видимости, из подземной пещеры к нагромождению скал, господствующих на подходе к песчаному берегу Бель-Омбр. На стенах лестницы, тоже грубо, были высечены какие-то изображения, но вход в пещеру оказался завален. Либо громада скал просто осела за прошедшие века, либо Левассер специально подстроил это, чтобы затруднить доступ к сокровищам. Но новые загадки только подогрели энтузиазм и уверенность Круз-Уилкинса. В последующие двадцать лет он вложил в поиски 10 тысяч фунтов стерлингов собственных сбережений и 24 тысячи, собранные членами синдиката в Восточной Африке. К 1972 г. стоимость работ по поиску сокровищ составила 35–40 тысяч фунтов.

Круз-Уилкинсу пришлось переместить 700 тонн скального грунта с гранитного уступа, чтобы обнаружить важные, как он считал, для его дальнейших поисков, высеченные на скалах изображения. Берег у Бель-Омбр был изрыт траншеями и туннелями ниже уровня моря, а вокруг них были возведены бетонные стены, чтобы защитить от волн оборудование для откачки воды. Круз-Уилкинс был твердо уверен, что нашел

пещеру, в которой и были спрятаны сокровища. Но, чтобы добраться до нее, была проделана огромная и опасная инженерная работа. Прежде всего пришлось соорудить большую дамбу, чтобы место раскопок не заливало море. Левассер – если это действительно было делом его рук – надежно защитил свой клад: сокровища охраняла большущая скала и вода одновременно – они были спрятаны ниже уровня моря. К пещере можно было подобраться только с севера – со всех других сторон это было крайне опасно. Коварный и хитроумный пират расставил множество ловушек. Когда Круз-Уилкинс подбирался к трем камням, изображавшим, по его предположению, золотые яблоки Гесперид, огромная скала начала сползать вниз и едва не раздавила его.

Круз-Уилкинс обнаружил какие-то изображения на стенах (которые якобы упоминались в документах), лезвие шпаги (саблю Персея), палки, торчащие вертикально из пола пещеры (копья, растущие из зубов дракона, которые зарыл в землю Язон), а рядом с подземным ручьем – монету времен Левассера (плата Харону за то, что тот переправлял мертвых через Стикс). Находки, отнесенные к разряду заурядных, включали в себя кремневый пистолет, резные статуэтки, кувшин для вина XVII в. На берегу кладоискатели обнаружили пушку, часть спускового устройства мушкета и монету времен Карла I.

И хотя сотрудники Британского музея заявили Круз-Уилкинсу, что оригиналы документов, которыми он пользовался, действительно относятся к началу XVIII в., а сам он нисколько не сомневался, что сокровища лежат в трех сундуках размером 3 на 7 футов, на этом все его находки и закончились, а сам он обрел славу «самого знаменитого неудачливого кладоискателя нашего времени». Круз-Уилкинс считал, что он на верном пути, и если бы еще совсем немного денег… Но желающих вкладывать средства в его предприятие больше не нашлось.

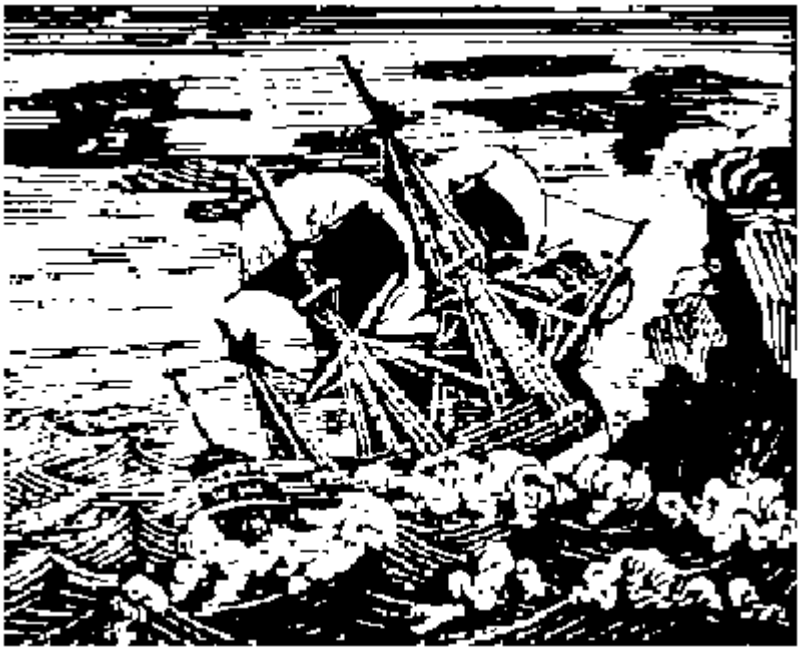
Наверняка известно, что в руки Левассеру попадало немало богатой добычи, и он явно хотел ее спрятать, зная, что за ним охотятся военные корабли. Южноафриканский писатель Т. Балпин считает, что «награбленное Левассером было одной из самых больших добыч в истории пиратства».

По материалам Н. Кривцова

Тайна и трагедия «Гроувенора»

13 июня 1782 г. из цейлонского порта Тринкомали вышло грузопассажирское судно Ост-Индской компании «Гроувенор», взяв курс к берегам Англии. На его борту было 150 пассажиров – в основном высокопоставленные чиновники и офицеры, закончившие свой срок службы в колонии. Многие уезжали с семьями. На борту находились и немалые ценности: 19 ящиков с алмазами, рубинами, сапфирами и изумрудами на сумму 517 тысяч фунтов стерлингов, золотые слитки стоимостью 420 тысяч фунтов стерлингов, золотые монеты на сумму 717 тысяч фунтов стерлингов и 1450 слитков серебра. А капитан корабля Коксон в письме к жене туманно намекал на то, что он везет нечто еще более ценное: «Я скоро прибуду с сокровищем, которое потрясет всю Англию».

Много позже, уже после гибели «Гроувенора», родилась легенда, что под этим «сокровищем» капитан Коксон имел в виду не что иное, как легендарный «Павлиний трон», некогда украшавший дворец Великих Моголов. Свидетельства об этом троне неслыханной ценности дошли до нас благодаря французскому путешественнику Жану-Батисту Тавернье. Он был не единственным европейцем, видевшим «Павлиний трон». Однако именно Тавернье оставил наиболее подробное его описание, закончив его словами: «Те, кто дает себе отчет в значимости драгоценностей короля и осознает, как много стоит это произведение искусства, уверили меня, что его цена составляет 107 тысяч рупий, что соответствует 160,5 миллиона франков нашей французской валюты».



Гибель «Гроувенора»

В 1739 г. войска персидского правителя Надир-шаха захватили Дели. Последний император из династии Великих Моголов сдался на милость победителей. Надир-шах разграбил город и опустошил императорскую сокровищницу. С этого времени теряются следы многих исторических драгоценностей, принадлежавших Великим Моголам. К их числу относится и «Павлиний трон».

Существуют две основные версии относительно его дальнейшей судьбы. Согласно первой, он был демонтирован, а украшавшие его драгоценности разошлись по рукам, согласно второй – после гибели Надир-шаха в 1747 г. трон неисповедимыми путями попал в руки агентов английской Ост-Индской компании, был вывезен на Цейлон (Шри-Ланку) и там в июне 1782 г. погружен на борт «Гроувенора».

4 августа 1782 г. «Гроувенор» находился примерно в 100 милях от восточного побережья Южной Африки. Этот день выдался солнечным и тихим. Но к вечеру погода испортилась, небо покрылось свинцовыми тучами, и пошел дождь. А ночью разразился сильный шторм. Будучи уверенным, что судно находится далеко от побережья, капитан ограничился приказом убрать паруса и увеличить количество вахтенных офицеров и матросов. Но не успели помощники капитана покинуть его каюту, как раздался страшный грохот: «Гроувенор» наскочил на риф почти у самого берега.

Третий помощник капитана и один из матросов сумели бросить якорь и закрепить канат за выступ рифа. Цепляясь за канат руками и ногами, пассажиры и матросы перебирались на риф. Не все смогли выдержать это испытания: одни срывались и тонули, другие разбивались о скалы. Из обломков рангоута и бочек был спешно сколочен плот, на котором команда пыталась перевезти женщин и детей, однако он опрокинулся, и все находившиеся на нем погибли.

Между тем «Гроувенор», получивший огромную пробоину, стал крениться на левый борт и вскоре затонул.

К утру погода не улучшилась, хотя шторм несколько приутих. Из 20 членов экипажа и 150 пассажиров в живых оставалось 134 человека, в том числе 20 женщин и детей. Спасенные высадились на южноафриканском побережье где-то между Дурбаном и Порт-Элизабет. После короткого совещания было решено идти вдоль побережья к мысу Доброй Надежды, где располагались ближайшие голландские поселения. Для этого пассажиры и члены экипажа «Гроувенора» разделились на три группы.

Первая должна была вести разведку, прокладывать путь и обеспечивать безопасность всей колонны. Ее возглавил второй помощник капитана, и состояла она главным образом из матросов и офицеров «Гроувенора», вооруженных двумя винтовками и пистолетом.

Второй партией, состоявшей из женщин, детей и стариков, руководил третий помощник. Третий отряд возглавил капитан Коксон. В него входили пассажиры-мужчины и несколько матросов. У капитана был пистолет с двумя зарядами.

Первые же мили пути показали, что переход предстоял очень трудный. Впереди лежали непроходимые леса. Рассчитывать на охоту не приходилось из-за нехватки боеприпасов, так что люди вынуждены были питаться морскими водорослями, устрицами и иногда рыбой. Начались болезни, а кроме того, с первых дней пути отряд Коксона стал подвергаться нападению со стороны аборигенов. В стычках несколько человек было убито и ранено.

Среди пассажиров и команды «Гроувенора» появилось много больных. Было очевидно, что большинство людей не выдержит перехода. Тогда капитан распорядился отправить в Порт-Элизабет за помощью сорок наиболее крепких физически мужчин. Остальные должны были разбить лагерь и ждать спасения. Командование лагерем приняли на себя капитан Коксон и его второй помощник. Третий помощник возглавил отряд, который пошел на юг.

Спустя два с половиной месяца после крушения «Гроувенора» английский патруль встретил в полутора милях от Порт-Элизабет

изможденного человека, едва передвигавшего ноги. Вид незнакомца был ужасен: судя по всему он находился в пути не один день. Лишь по остаткам одежды патрульные догадались, что перед ними европеец. Человек остановился, посмотрел на солдат и… без сознания рухнул на землю. Привести его в чувство на месте не удалось, лишь к вечеру доставленный в Порт-Элизабет незнакомец пришел в себя и назвал свое имя: Вильям Хаббернс, матрос с «Гроувенора».

Спустя два дня по маршруту, указанному Хаббернсом, была снаряжена экспедиция из трехсот человек. Им удалось разыскать еще 12 членов экипажа «Гроувенора», обессилевших от тягот долгого пути. Англичане прошли более 300 миль и наконец обнаружили место, где располагался лагерь капитана Коксона. Но, кроме старых кострищ, нескольких человеческих скелетов и полуистлевшей европейской одежды никаких следов людей найти не удалось.

Спустя два года голландский губернатор Кейптауна получил известие, что в глубине материка, на земле Пондо, среди жен африканских вождей есть белые женщины. Отправленная экспедиция подтвердила эти сведения: белых женщин оказалось пять, и все они были… пассажирками с «Гроувенора»! Но самым удивительным для голландцев было то, что женщины категорически отказались вернуться в Англию и даже не захотели встретиться с губернатором.

Попытки отыскать обломки «Гроувенора» предпринимались не раз; первая имела место еще в 1787 г. Она, как и все последующие, окончилась неудачей. В 2000 г. удача наконец улыбнулась группе водолазов из Венгрии и археологов из Кейптаунского университета (ЮАР). Руководитель совместной экспедиции археолог Джонатан Шафтман заявил: «Мы подняли со дна океана предметы, которые дают нам право почти со стопроцентной уверенностью говорить, что «Гроувенор» найден». Однако среди находок не было никаких следов бесценного трона. Да и был ли он на корабле?

Цитадель колдунов

Колдовство – одна из древнейших на земле профессий. Африка, по всей вероятности, стояла у истоков этого мрачного и жестокого культа, и Африка же и по сей день остается его оплотом. Дьяволы и оборотни, амулеты и заклинания средневековой Европы, суеверия и «сглаз», бытующие по сию пору, пришли с Черного континента тысячи лет назад.

Колдовство никогда не теряло своей власти над африканцем. Куда бы вы ни направились – из Алжира в Кейптаун или из Дакара в Занзибар – везде можно встретить чернокожих, которыми до сих пор владеет страх перед джиннами и демонами, колдунами и заклинателями, «нгогве» и «токолоше». Во многих племенах смерть почти всегда считают результатом магических заклинаний врага. Миллионы людей до сих пор верят, что мать во время родов может произвести на свет Божий только одно дитя, одну живую душу. Близнецы считаются душой, расколотой пополам. Они околдованы, и демон может легко вселиться в каждого из них, поскольку каждый – это «вместилище без души». Еще недавно умерщвление близнецов было распространено в Африке повсеместно.

Африканцы существуют в мире, населенном духами. И днем и ночью духи ревниво следят за ними, и африканец, нарушивший традиции своего племени, немедленно подвергается наказанию со стороны целой орды духов. Это и есть суть великой африканской религии, религии, разделяемой миллионами, вне зависимости от того, числятся ли они католиками, мусульманами или язычниками. Новообращенный использует свою новую религию, чтобы защититься от колдовства, зачастую стихотворные строки Корана применяются ими как заклинания. Христианские миссионеры сочиняют специальные молитвы и проповеди для тех, кто считает себя околдованным.

Современное изображение африканского шамана

Белые, с долгим опытом жизни в наводненной колдунами тропической Африке, часто говорят: «В колдовстве все же есть нечто большее, чем заметно глазу».

Примитивные племена, безусловно, знали способы убийства и самоубийства, до сих пор толком неизвестные белой науке.

Одну из таких смертей зафиксировал сэр Х.-Р. Палмер, командующий регионом в Нигерии. Объезжая один из подопечных ему районов, он услышал, что молодому туземцу из племени джукун, претендующему на роль вождя, грозит смерть. Палмер взял молодого человека в слуги. Прошло два года, к этому времени Палмер перебрался на север страны, в Майдугури. И вот слуга сообщил ему, что мать его тяжело заболела и что он должен непременно вернуться домой, в Иби.

Палмер вспомнил о его врагах и послал телеграмму одному чиновнику в Иби с просьбой проинформировать о ситуации.

Чиновник ответил, что с матерью все в порядке, но вождь заболел. И Палмер запретил слуге ехать. Однако месяц спустя слуга все же настоял на своем и, распрощавшись с хозяином, отправился было в Иби. Палмер вспоминает, что в момент прощания молодой человек был в полном здравии. Однако тридцать минут спустя у слуги начался приступ, и он скончался.

Палмер, уверенный, что причиной смерти было колдовство, попросил доктора У.-Е.-С. Дигби произвести вскрытие. Тот выполнил просьбу, но не обнаружил ни следов яда, ни каких-либо иных причин, приведших к столь печальному исходу. Оставалось одно объяснение – молодой человек умер от страха, вызванного гипнозом.

Иногда колдун может вызвать смерть от самовнушения. Для этого надо достать часть тела жертвы – срезанные волос и ноготь – затем дать жертве знать, что он имеет эти предметы и намерен использовать их с целью накликать смерть. В мире самовнушения жертва сама участвует в этом зловещем процессе, участие обеспечивается ее глубокой верой в колдовскую силу знахарей.

В дни Мошеша, величайшего из вождей басуто, колдовство такого рода каралось смертью. Мошешу без сомнения удалось обуздать местных злодеев-колдунов, но их черное ремесло так и не умерло. Вплоть до совсем недавнего времени в Африке были широко распространены ритуальные убийства, целью которых было завладеть какой-то частью тела жертвы, чтобы использовать ее затем в качестве магического лечебного средства.

Лейтенант полиции М.-С. ван Стаатен из Басутоленда, расследовавший одно из таких убийств вскоре после Второй мировой войны, сделал довольно странное открытие. Он обнаружил местное средство под названием «майме», нечто вроде хлороформа, которое убийцы применяли с тем, чтобы жертва тихо и спокойно сопровождала их к месту убиения. Было достаточно «майме» раз понюхать или сделать глоток. Далее жертва вела себя, как послушный автомат, и не была способна оказать ни малейшего сопротивления. Однако же это загадочное средство так и оставалось тайной вплоть до процесса над Манапо Коенехо и тремя другими преступниками, которых в 1946 г. судили за ритуальное убийство. Все четверо были приговорены к повешению.

Очень и очень часто белых ученых ставят в тупик вещества, широко распространенные среди местного населения. Профессор Дж.-М. Уатт из университета в Витватерсранде описывал случай, когда древесную кору, используемую зулусами как орудие убийства, исследовали на предмет содержания в ней яда. Эксперты-лаборанты кипятили ее в воде, но экстракт оказался

неактивным. И лишь когда на помощь призвали самого убийцу, секрет был раскрыт. Он рассказал, что кору следует вводить в виде порошка. Профессор Уатт указывает также, что для идентификации дерева, с которого была снята кора, понадобилось целых пять лет. Это был до тех пор неизвестный ботаникам вид.

Самоубийство, в том смысле как понимают его белые, практически неизвестно западноафриканским племенам. Но многие туземцы обладают способностью накликать на себя смерть, и наука имеет до сих пор лишь весьма смутные представления об этом феномене. Однако на этот счет существует так много примеров, что сомневаться в реальности этого явления не приходится.

В команде целой флотилии суденышек, что отправилась однажды вверх по Нилу, чтобы доставить Гордона в Хартум, было несколько гребцов из племени кру. Сначала они трудились на совесть. Однако вскоре затосковали по берегам родной Западной Африки и заявили своим работодателям: «Идем к себе домой». Легли на дно лодок и вскоре умерли.

Еще один случай описывал сэр Хескет Белл, предпринявший в северной Нигерии карательную экспедицию против племен каннибалов. Было взято сорок пленных, их отправили в Минну, в тюрьму. Каждый день кто-нибудь из заключенных умирал. Тюремный врач доложил, что умирают они «по своей воле». Беллу пришлось освободить оставшихся в живых и отправить по домам.

Повсюду в Западной Африке можно встретить людей, обладающих необъяснимой властью над животными. Возможно, некоторые старожилы побережья помнят еще священника «джу-джу» с Кросс-Ривер, который вызывал гиппопотамов из болота, дуя в тростниковую дудочку. Он никогда их не кормил. Другие тоже пытались дуть в дудочку, но безрезультатно, зато зову старика животные подчинялись беспрекословно.

Вообще фокус этот известен давным-давно. Еще в 1887 г. на Золотом Берегу адмирал сэр Генри Кепел повстречал старую колдунью, которая могла вызвать крокодилов из реки. Это была дряхлая и совершенно слепая женщина, но когда она стояла под деревом, что-то напевая в окружении живых цыплят, крокодилы выползали из воды и принимали угощение с кончика палки.

Капитан Ф.-У. Батт-Томспсон, армейский офицер, долгое время проживший в Западной Африке, тоже занимался изучением магии. Он рассказывал мне, что видел в Сьерра-Леоне женщину, плавающую среди крокодилов и играющую с ними. Она же проделывала еще один трюк – ныряла в реку совершенно обнаженная и вскоре выходила из воды увешанная бусами с ног

до головы. Этот офицер, автор известных трудов по африканской магии и колдовству, описывал и другие поражающие воображение фокусы. Так один чародей, член тайного нигерийского общества, вливал себе в рот воду из калабаша, а затем выплевывал ее вместе с дюжиной живых рыбок.

Полиции Сьерра-Леоне однажды удалось захватить примитивную подводную лодку, имитирующую живого аллигатора. Нос был вырезан в форме головы аллигатора, в движение судно приводили короткие весла в виде лап животного. Конструкция была практически водонепроницаема благодаря обшивке из шкур, пазы которой были закупорены пчелиным воском. Команда насчитывала шесть человек, один из ее членов назывался «ловчим», он сидел на носу рядом с «челюстями», чтобы успеть схватить стоявшую где-нибудь возле берега жертву и затащить ее под воду.

Сооружение это строилось в строжайшей тайне, предполагается также, что при спуске его на воду была принесена человеческая жертва. Когда этот рукотворный «аллигатор» плыл по реке, на поверхности виднелась только его голова.

Теперь поговорим о знаменитых людях-леопардах, истории о которых наводнили колониальную печать в начале прошлого века.

В период с 1907 по 1912 г. леопарды-убийцы стали таким распространенным явлением, что был организован специальный судебный процесс. Арестовали свыше четырехсот человек, в том числе несколько вождей. Арестованных содержали в тюрьме каторжного режима под охраной западноафриканских пограничных сил.

Один из вождей обвинялся в убийстве сына. Мать еще одной жертвы должна была выступить как свидетель. Но в каждом отдельном случае обвиняемые твердили, что убийства эти совершили леопарды, а не люди; Гриффитс отметил также, что всего в нескольких ярдах от места, где заседал суд, были установлены ловушки для леопардов, а еще в миле от него пристрелили двух хищников.

Преодолев сковывающий страх, несколько свидетелей рассказали о церемонии посвящения в члены общества, о том, как их кололи особыми иглами, причем оставшиеся шрамы напоминали обычные для буша случайные порезы и царапины. Опознавали друг друга члены общества, особым образом выкатывая глаза. Описали они и сумку «борфима», где хранились куски человеческого тела, кровь петуха и несколько зернышек риса. Клятву обществу произносили, положив руку на эту сумку, причем для того, чтобы она сохраняла свои волшебные свойства –

обогащения и зашиты, – необходимо было время от времени смазывать ее человеческой кровью и жиром. По этому поводу общество «трубило общий сбор», на котором избирали «леопарда», должного убить новую жертву, чтобы «накормить» «борфиму». После смазывания сумки тело убитого расчленяли на части, кои делились между членами общества. Считалось, что, если какой-либо из членов нарушит клятву «борфиме», он не только потеряет свою земную жизнь, но и жизнь загробную.

В последний раз бурный взрыв активности общества наблюдался в Нигерии в округе Калабар в 1945–1947 гг. В разных местах были обнаружены тела более чем пятидесяти жертв, у всех были вскрыты яремные вены. В течение долгих лет в этой стране не слышали об обществе леопардов – и вот страшный первобытный культ возник снова.

Рядом с изуродованным телом каждой из жертв находили отпечатки лап хищника. И снова полиция оказалась не в силах отличить жертву, павшую от когтей зверя, от жертвы «людей-леопардов». Три белых офицера и около двухсот африканских констеблей участвовали в борьбе с членами тайного общества. За головы убийц обещали большие награды, был введен комендантский час. Сельским жителям предписывалось не покидать хижин после четырех вечера, поскольку все убийства происходили обычно в сумерках. И все же «леопарды» настигали свои жертвы даже в непосредственной близости от полицейских патрулей и, похоже, сделали одного из констеблей своим соучастником. У некоторых убитых отсутствовали сердце и легкие. Другие тела выглядели так, словно их действительно грыз зверь. Среди погибших было много маленьких детей.

Были произведены сотни арестов, в конце концов восемнадцать человек приговорили к смертной казни через повешение. Сначала предполагалось, что казни будут публичными, чтобы доказать народу, что «люди-леопарды» никакие не сверхъестественные существа. Однако затем власти решили, что на казнях могут присутствовать только вожди местных племен.

Поистине странная и жуткая история. Белые, долгое время прожившие в Западной Африке, со всей серьезностью уверяли меня, что на церемонии посвящения между каждым новым членом общества и настоящим леопардом действительно устанавливается «кровная» связь. Когда этот человек умирал, зверя тоже находили мертвым и наоборот.

Заглянувший за горизонт

На Маврикии много необычного. Именно здесь обитала крупная, похожая на индюка, бескрылая птица дронт, истребленная задолго до появления Красной книги. Знамениты цветные пески Шамарель: словно застывшие волны – оранжевые, лиловые, синие. Если перебросить горсть песка в соседнюю волну, он тут же, как заправский хамелеон, меняет цвет: зеленый становится красным, желтый растворяется в пурпуре.

Удивительна здешняя культура– причудливая смесь индийских, китайских, английских и африканских обычаев и языков. Литература о Маврикии насчитывает тысячи книг и статей.

В общем-то жителям острова, такого незаметного рядом с огромным Мадагаскаром, грех жаловаться на недостаток литературы об их родине. Сообщения первых португальских, голландских путешественников, зарисовки знаменитых европейских художников, губернаторские отчеты, научные доклады геологов, зоологов и географов, восторженные произведения всемирно известных писателей (здесь в свое время жили Твен, Конрад, Парни), сухие записи британских, французских и прочих флотоводцев. А до них здесь бывали и арабские купцы, и индонезийские мореходы…

Этьен Боттино на Маврикии

…Портовая контора располагалась на берегу, в десятке метров от кромки прибоя. 20 июня 1782 г. погода была превосходной. Служащий конторы Этьен Боттино долго вглядывался в даль, потом прогулялся вдоль берега, снова

посмотрел в сторону моря. За его действиями внимательно следили десятки любопытных жителей. Все ждали чуда.

Боттино неспешно подошел к конторе, открыл дверь.

– Ну и как? – спросил управляющий.

– Все в порядке, – отвечал Боттино. – Кораблей еще не видно, но я чувствую: через четыре-пять дней они войдут в порт.

В указанный срок корабли не появились. Не пришли они и через неделю. На Боттино посыпались насмешки.

Суда французской эскадры вошли в Порт-Луи через девять дней. Их задержал штиль.

Об Этьене Боттино и его удивительных предсказаниях не подозревают многие знатоки истории Маврикия. Единственное упоминание о нем (кроме нашего) на русском языке приведено в книге южноафриканского писателя Лоренса Грина «Острова, не тронутые временем».

Несмотря на это, разыскать дополнительные сведения об Этьене Боттино оказалось непросто. Запросы в крупнейшие библиотеки мира ничего не дали. Библиотека конгресса, Вашингтон, – отказ. Библиотека Британского музея, Лондон, – отказ. Музей человека, Париж, – нет сведений.

И вдруг, когда надежда почти угасла, приходит пакет из Порт-Луи, от друзей из посольства, а в нем – ксерокопии исторических документов, сведения о Боттино, почерпнутые в Государственном национальном архиве Маврикия.

Согласно Биографическому словарю маврикийцев (Порт-Луи, 1955), он родился в 1739 году во французском местечке Шантосо, умер на Маврикии 17 мая 1813 г. «В 1762 году на борту одного из судов Королевского флота Франции ему пришла в голову идея, будто бы движущиеся корабли должны производить в атмосфере определенный эффект».

Год спустя Боттино прибыл на Иль-де-Франс (так прежде назывался Маврикий) и годом позже получил должность инженера. «Плененный чистым небом в большее время суток и тем, что лишь немногие суда проходили вблизи острова без того, чтобы не появиться в пределах видимости, Боттино возобновил опыты. Через шесть месяцев он настолько преуспел в тренировках, что стал заключать пари. Вовсе без подзорной трубы он предсказывал за два-три дня появление на горизонте любого судна».

В 1780 г. Боттино сообщил о своих способностях в морское министерство Франции маршалу де Кастри. Тот распорядился регистрировать все наблюдения Боттино в течение двух лет. Они начались 15 мая 1762 г. Боттино сообщил тогда о скором появлении трех судов, которые и показались 17, 18 и 26 мая. А

потом произошел тот самый случай, с которого и начался наш рассказ…

Свой секрет Боттино оценил в сто тысяч ливров плюс ежегодное пособие в 1200 ливров – ведь в 1778–1782 гг. он предсказывал приход 575 судов за четыре дня до их появления в пределах видимости. Однако губернатор вместо испрошенных денег вручил Боттино рекомендательное письмо и отправил его во Францию.

За время плавания в Европу он немало удивил команду и пассажиров, угадав появление 27 встречных судов, и неоднократно заявлял, что может определять близость земли, скрытой за горизонтом. Однажды он предупредил капитана, что до земли, не различимой невооруженным глазом, осталось не более тридцати лиг. «Капитан сказал, что этого не может быть, – писал Боттино. – Однако, внимательно просмотрев навигационные расчеты, вынужден был признать, что в них вкралась ошибка, и тотчас изменил курс. На протяжении пути я определял землю трижды, один раз на расстоянии 150 лиг».

В июле 1784 г. Боттино прибыл во Францию, однако аудиенции у министра ему добиться не удалось. Однако он не терял времени даром и «всячески развлекал публику Лорьяна, привычно применяя свои способности в порту этого городка». А в вестнике «Меркюр де Франс» появились «Выдержки из собственных воспоминаний мсье Боттино о «наускопии» («морское видение» – такое название дал он своему таинственному дару).

Способностями служащего с далекого острова в Индийском океане заинтересовался Жан-Поль Марат, писавший в то время трактат по физике для того же издания. Марат сообщил о таланте Боттино в Лондон, но побывать в Англии тому так и не удалось. В июне 1893 г. он вернулся на Маврикий, где «многие граждане просили его продолжить опыты по наускопии».

(Кстати, обнаружить в трудах Марата упоминания о Боттино нам пока не удалось. Видимо, в московских книгохранилищах имеются не все сочинения француза.)

О сущности своих методов Боттино высказывался весьма туманно. «Судно, приближающееся к берегу, производит на атмосферу определенное воздействие, – писал он Марату, – и в результате приближение его можно выявить опытным глазом, прежде чем корабль достигнет пределов видимости. Моим предсказаниям благоприятствовали чистое небо и ясная атмосфера, которые господствуют большую часть года на Иль-де-Франс. Я пробыл на острове шесть месяцев, пока не убедился в своем открытии, и оставалось только набраться опыта, чтобы

наускопия стала подлинной наукой».

Тем не менее на Маврикии у Боттино нашлись последователи. 22 ноября 1810 г. житель Панплемусса некто Фейяфе, который работал прежде у Боттино и наблюдательным пунктом которому служила вершина Монтань-Лонг (Длинная Гора), обнаружил, по его утверждению, английский флот, направляющийся к Иль-де-Франс. Чуть позже Фейяфе отчетливо распознал на северо-востоке скопление судов, которые двигались в сторону острова Родригес, но не смог определить точное их число. Он продолжал наблюдения и убедился в своей правоте, когда флот подошел ближе, хотя и не появился еще на горизонте.

Фейяфе отправился в Порт-Луи. «Через 48 часов, – заявил он, – мы увидим английский флот». В городе вспыхнула паника. Фейяфе «по причине распространения ложных слухов» посадили за решетку, однако на всякий случай послали судно на Родригес – узнать, что там происходит. Но было уже поздно. 26 ноября сначала двадцать, а затем еще тридцать четыре корабля Британского Королевского флота появились у берегов Иль-де-Франс…

Фейяфе освободили лишь после взятия острова англичанами. Маврикийский историк Пьер де Сорнэ, рассказавший об этом эпизоде в своей книге, считает, что Фейяфе был, вероятно, единственным, кого обучил Боттино своему удивительному мастерству.

Скупые сведения о загадочном таланте Этьена Боттино есть и в «Секретных мемуарах, служащих для освещения истории Республики с 1764 г. до наших дней». В 12-м томе этой своеобразной летописи Франции XVIII в. имеется запись от 30 апреля 1785 г.: «Мсье Боттино, старый служащий Ост-Индской компании на островах Иль-де-Франс и Бурбон (ныне– Реюньон), только что опубликовал записку для правительства, в которой настаивает на том, что нашел физический метод обнаружения кораблей на расстоянии до 250 лье. Он открыл его около двадцати лет назад, изучил его, прошел путь ошибок, испытал неуверенность, действовал на ощупь, пока не добился успеха – стал заранее сообщать о приходе судов, их числе и удалении от берегов. Из 155 судов, чей приход был им предсказан (цифра сильно занижена по сравнению с другими данными), половина пришла в порты, а что касается остальных, то он дал такое объяснение: ветры, боевые действия или иные препятствия побуждали капитанов неожиданно изменить курс. Одним из самых впечатляющих его результатов было предсказание появления английского флота, в том числе корвета и фрегата, подошедших два дня спустя. Этот факт упоминали офицеры и

адмиралы, бывшие в то время на островах».

А вот запись от 28 июля 1785 г.: «Боттино в одном из писем объясняет свои феноменальные способности тем, что он закончил школу животного магнетизма в Коломбо, где жил и общался с индусами, которые могут творить чудеса. В Париже над способностями Боттино посмеялся граф М. де Сепор, высмеивавший вообще всех гипнотизеров».

И наконец сообщение от 1 марта 1786 г. Здесь приведены выдержки из собственных воспоминаний мсье Боттино о наускопии.

«Уважаемая публика может вспомнить о моих опытах, проделанных в июле 1783 г. при большом скоплении народа, а также организованных «Сосьете попюлер» города Порт-Луи в мае 1784 г. Впрочем, это не оградило меня от нападок: меня высмеивали в тех случаях, когда я предсказывал приход судна, а оно не появлялось. Разгадка тут простая, оно шло не к нашему острову. Эти люди, в действиях которых нет и проблеска мысли, не верят ничему, сомневаясь во всем, все подвергают осмеянию, говорят, что я – шарлатан, а того, что я делаю, не может быть. Я вынужден жить среди этого сброда, тупых и жестоких людишек, погрязших в рутине, в штыки воспринимающих любое открытие и даже новость, хотя бы на йоту выпадающие из их собственного примитивного понимания мира».

Между тем факты предугадывания Боттино прихода или близкого прохождения судов подтверждались в конце XVIII, начале XIX в. газетными сообщениями и записями в судовых журналах.

В своих воспоминаниях, из которых до нас дошли лишь фрагменты, Боттино горько жалуется на атмосферу непонимания, неверия в его способности, окружающую его, несмотря на тридцатилетний опыт работы и безошибочные предсказания прихода сотен судов. «Я стал очередной жертвой колониальной рутины на далеких, забытых Богом и наукой островах, которые страдают от деспотизма чиновников, – писал он. – Если раздражение и разочарование станут причиной моей кончины, прежде чем я смогу объяснить свое открытие, то мир лишится на некоторое время знания об искусстве, которое сделало бы честь XVIII веку».

Так оно и случилось: Боттино умер, не доверив никому своих секретов.

Наука или колдовство?

– Вода в Кару, этих пустынных плато в Капской провинции, часто ценится больше, чем золотая жила. Мне однажды рассказывали про фермера, который специально давал своим ручным бабуинам свою соленую пищу, а затем отпускал их на волю, чтобы посмотреть, где они будут рыть землю в поисках воды, – рассказывает Лоуренс Грин.

В каждом районе Кару есть свой ватервейсер – человек, который может находить подземные источники воды, – чей ивовый прут двигается, указывая водный поток под испепеленным солнцем песком. На это по крайней мере надеется обеспокоенный засухой фермер. Наука это или колдовство? Никто не сможет объяснить вам, почему прутик в руках лозоходца сгибается и выворачивается. Это явление столь же простое, как и инстинкт голубя возвращаться в родную голубятню, и столь же труднообъяснимое.

Французский лозоходец XVIII века

Было время, когда поиски воды с помощью лозы считали занятием незаконным: лишь человек, вступивший в сговор с сатаной, был, как тогда полагали, способен на это. Сегодня этот вид деятельности стал гораздо более уважаемым. И если скважина, как обещал лозоходец, дает воду, тот становится общественным благодетелем, который получает весь свой гонорар до последнего пенни. Ну а если воды не оказывается, значит, либо бурили не так, либо скважина недостаточно глубока. Иногда фермеру просто не удается получить удовлетворения, назвав неудачливого лозоходца мошенником: задолго до того, как бурение скважины заканчивается, лозоходец уже скрывается за горизонтом.

Люди, которые могут под землей найти источник воды, порой значительно различаются как по нраву, так и по степени своего мастерства. Большинство из них – честные люди, убежденные, что они обладают способностью находить воду, а иногда и скрытые от

глаз предметы. Действительно – и это сейчас общепризнанно, – лоза в их руках может реагировать на подземные воды. И лишь только, когда вы пытаетесь найти этому объяснение, вы сталкиваетесь со старой загадкой. Существует много различных теорий на этот счет, но ни одна из них не считается полностью убедительной.

Возможно, лишь один человек из трех, получив нужную подготовку, может стать лозоходцем. Я однажды нанимал лозоходца, который пользовался собственным буром. Он нашел воду на моем участке, но на несколько большей глубине, чем предполагал. Поэтому он уменьшил сумму вознаграждения. Такие люди, которые видят результаты собственной работы, накапливают большой опыт, и по характеру местности, деталям рельефа, уже известным источникам, расположению деревьев и другой растительности – то есть всему тому, что и является в действительности самой надежной подсказкой, – могут определить, где надо искать подземные воды. Они продолжают использовать свои прутики, но говорят, что больше полагаются на свой практический опыт, нежели на таинственные повороты лозы. Во всяком случае, они проводят все свое дело от начала до конца и готовы ответить за возможную неудачу.

Несомненно, люди, способные «видеть» воду под толщей грунта, были среди тех, кто сошел на берег с «Драммедариса» вместе с Ван Рибеком, основателем голландской колонии на мысе Доброй Надежды в XVII в. Путешественник Барроу почти два века назад писал о встрече с ирландцем, который мог находить воду на плато Капской колонии. Этот человек, пользуясь лупой, в которой был пузырек воздуха, «поражал голландцев своими способностями». Он говорил фермерам, что этот пузырек был каплей воды, обладающей способностью реагировать на родственное вещество, и поворачивался к нему, как бы указывая на невидимую жидкость. Он просил Барроу не разоблачать его.

Тем не менее действительно есть лозоходцы, которые «попадают в цель» там, где квалифицированным геологам со всем своим оборудованием ничего найти не удается. Но, честно говоря, бывает и наоборот. Давайте понаблюдаем за ними в работе и посмотрим, возможно ли прийти к какому-то мнению относительно их вызывающего споры искусства.

Как правило, южноафриканские лозоходцы предпочитают пользоваться раздвоенным прутом из плакучей ивы, хотя для этой цели подходит и мимоза, и айва, и сухожилия молодого петуха. Я слышал про одного немецкого лозоходца, который пользовался колбасой. Некоторые лозоходцы работают босиком, чтобы обеспечить прямой контакт с таинственными силами, другие

носят подбитые гвоздями ботинки. Резиновые подошвы, видимо, изолируют лозоходца от электромагнитного поля – если, конечно, таковое существует, – которое и должно приводить прут в движение.

Лозоходец держит руки перед грудью ладонями внутрь, сжав палочку так, чтобы «рогатка» смотрела вверх. Он ходит туда-сюда по вельду в поисках скрытого источника воды, и, когда он приближается к нужному месту, прутик поворачивается вниз в сторону, противоположную привычному действию мышц запястья. Иногда прутик ломается. Некоторые лозоходцы клянутся, что прутики порой двигаются с такой силой, что сдирают кожу с ладоней.

Член Королевского общества сэр Рэй Ланкастер заявлял, что странное поведение прутика лозоходцев объясняется усталостью мускулов и их неожиданным и непроизвольным расслаблением, которое наступает при определенном состоянии нервной системы, когда внимание сконцентрировано на поиске и подсознательный контроль за мускулами приостанавливается. А бесхитростный исполнитель (таковым его считал Ланкастер) этого действа думает, что происходит самопроизвольное движение прутика.

Однако теория Ланкастера рушится, когда лозоходец демонстрирует тот же странный «рефлекс нахождения невидимой воды» и без помощи прутика. Металлический шарик, подвешенный на нитке, указывает на подземную воду задолго до того, как возникает усталость мышц. Поэтому современная наука признает возможность существования определенного вида «излучения», идущего от невидимого источника воды. Лозоходец испытывает легкое изменение тонуса мышц руки, а прутик просто усиливает эту реакцию.

Некоторые лозоходцы уверяют, что их руки сильно дрожат и лицевые мышцы сокращаются, когда они проходят над водой. Щекотка в ступнях – еще один симптом. Отмечалось некоторыми и ощущение удушья. Но исследования способности находить подземную воду, «видеть сквозь толщу земли» никогда не были особенно тщательными и глубокими. Природа «излучения», которое действует на лозоходца с той или иной силой, все еще остается тайной. Вы можете называть это электричеством, если хотите, или космическими лучами. Наука не знает.

Редко можно услышать о лозоходцах-женщинах. Зато в анналах этого странного искусства часто фигурируют священники и простые мальчишки.

В 1949 г. фермеры Намаквaленда большие надежды возлагали на двенадцатилетнего цветного мальчика Давида

Бранда. Свою репутацию он приобрел в результате успешного нахождения скрытых под землей источников воды не только в Намаквaленде, но и в безводных пустынях Бушменленда и Юго-Западной Африки. Давид был пастухом на ферме Яна Тилли ван Никерка, расположенной около Гамупа. Он впервые продемонстрировал свое искусство случайно, когда однажды с сыном своего хозяина Корнелисом был на просторах вельда. Корнелис потерял в песке деньги и пули. Как только Давид услышал об этом, он прямиком вышел на нужное место и нашел все, что потерялось.

Необычные красновато-карие глаза Давида «увидели» воду на значительной глубине, после того как на ферме иссякла одна из скважин. Фермер углубил скважину еще на несколько футов, и появилась вода. Давид также заявлял, что способен видеть содержимое желудка больных телят. Позже он говорил Корнелису, что может видеть людей насквозь и что эти способности пугают его.

Мне представляется крайне интересным сравнить не столь давнюю деятельность Давида Бранда в Намаквaленде с информацией о молодых людях, способных «видеть» подземную воду, в Европе несколько веков назад. Вы обнаружите одни и те же детали. «Этот ребенок может видеть сквозь землю источники и бочки с водой, как бы глубоко они ни находились», – говорится в записях о четырнадцатилетнем Жане Паранге из Марселя (1772). «Он видит воду так же, как мы видим вино в бокале». Можно также обнаружить истории о людях, «способных видеть насквозь», которые могли поставить диагноз – будь то подагра, ревматизм, невралгия или болезнь сердца – столь же легко, как и обнаружить подземные запасы воды.

В последние годы самым знаменитым молодым человеком, который мог «видеть воду», был Питер ван Яарсвельд, рыжеволосый «мальчик с глазами, как рентген». В том, как он обнаруживал воду или полезные ископаемые, в действительности нет ничего нового, но такие люди, как Давид Бранд и Питер ван Яарсвельд, встречаются далеко не так часто, как те, кто пользуется прутиком.

Ван Яарсвельд заявляет, что он видит на земле луч света, похожий на свет луны, падающий через оконное стекло. Этот луч колеблется таким образом, что мальчик может проследить расположение подземной водной артерии. Он идет вдоль одной из них до тех пор, пока она не пересекается с другой, а затем втыкает палку там, где может быть обнаружен самый большой запас воды. Он чувствует подземные водотоки так остро, что может идти над невидимой водной артерией даже в темноте. Во

время работы Питер ван Яарсвельд ходит словно во сне, приволакивая обе ноги и устремив взгляд в землю. Он становится бодрым лишь тогда, когда «видит» воду. Питер берет двадцать пять фунтов за каждый обнаруженный им подземный источник, и, бывало, он зарабатывал по триста фунтов за пару дней. Но даже после обычного дня работы у него начинает болеть голова. Это – плата за обладание «глазами, как рентген».

Лозоходцы, ищущие металлы, обычно держат в руках или на кончике своего прутика образец металла, который они хотят найти. Они признают, что с золотом иметь дело всегда сложно, кроме тех случаев, когда оно в виде соверенов, зарытых неглубоко от поверхности земли. Они говорят, что необходимо сконцентрироваться на металле, ловить его «ответ» и «настроиться» на образец перед тем, как выйти на поиски металла. Серебро, если оно присутствует в больших количествах, вызывает у лозоходца острую боль в ступнях. Нефть оказывает свое воздействие на локти. Некоторые лозоходцы утверждают, что в их тело через ступни входят «волны», когда они проходят над водой.

К воде чувствительны многие люди, но способность указывать на скрытые от глаз металлы проявляется сравнительно редко. Один, хоть и довольно слабый, ключ к разгадке этой большой тайны можно найти, изучив опыт лозоходцев, которые способны находить и металлы, и воду. Все они заявляют, что должны сконцентрироваться на объекте поиска до того, как начнут свою работу. Лозоходец, ищущий воду, не почувствует богатейших залежей руды, находящихся прямо под его ногами. Он должен повторить все с самого начала вновь, сконцентрировавшись на конкретном металле, если ему необходимо этот металл обнаружить.

Люди, способные «видеть» воду, жалуются, что они не могут спать спокойно, когда их постель оказывается над обильной подземной водной артерией. По словам лозоходцев, часто таинственные боли и недомогания вызывают водные источники, находящиеся под комнатой, где сидят или спят эти чувствительные люди. Чтобы избавиться от этого, необходимо застелить пол толстым слоем газет или древесно-стружечными плитами.

Некоторые лозоходцы быстро устают. Если они пользуются прутом более трех раз в день, их усилия начинают вызывать болезненное ощущение. Другие говорят, что их способность к «видению» воды покидает их время от времени, но оно всегда возвращается к ним. По-настоящему чувствительный лозоходец не только находит воду, но и называет глубину и количество

галлонов, которое даст в час скважина, и будет ли вода пресной или солоноватой, и тип грунта, через который должен пройти бур.

Говорящие барабаны Африки и другие системы связи

Бум… Тап… Бум! Огромный резонатор Африки передает древний сигнал, неизменный на протяжении веков. Настойчивый, монотонный, иногда нервирующий. Но когда все другие звуки душных джунглей стираются в памяти, этот дьявольский барабанный бой остается в ней. Барабаны Африки нельзя забыть. Они отбивают ритм бесконечной драме, разыгрывающейся на Черном континенте. Барабаны Африки, говорящие человеческими голосами на огромных расстояниях, – одно из ее чудес.

– Я слышал барабаны на западноафриканском побережье от Сьерра-Леоне до Бомы. Путешествуя вдоль всего течения Конго и лежа бессонными ночами под москитной сеткой, я вслушивался в таинственные звуки, которые взлетали и падали, трепетали и содрогались в лесу. И в Восточной Африке я снова слушал этот бой и вспоминал суахильскую поговорку: «Когда на Занзибаре играют на барабанах, танцует вся Африка до Великих озер».

Один из «говорящих барабанов»

Ни одно рождение или смерть в Тропической Африке, ни одна охота или война не обходятся без того, чтобы барабанный бой не разнес новость от деревни к деревне. Белые люди

называют его «лесным телеграфом». Это весьма яркое название для системы связи, которая передает любую информацию через пространства, где никогда не видели телеграфного провода, – так начинает свой рассказ об африканских барабанах Лоуренс Грин.

«Вначале Создатель сделал Барабанщика, Охотника и Кузнеца», – гласит народное предание одного из крупнейших западноафриканских племен. Западная Африка, вне сомнения, родина самых искусных барабанщиков. Их барабаны действительно умеют говорить. «Лесной телеграф», о котором существуют тысячи рассказов, – это не миф, хотя лишь в самые последние годы упорные белые исследователи открыли принципы, на которых основана передача информации при помощи барабанов.

Барабанщики – важные персоны в Западной Африке, и во многих племенах у них нет никаких других обязанностей. У барабанщиков есть и свой собственный бог, а именно «Человек на Луне». Когда бывает полнолуние, можно увидеть этого бога, держащего палочки над барабаном. Когда палочки падают, барабанщик умирает. О значении барабанщика можно судить по тому факту, что ряд западноафриканских народов верит в его способность отправлять послания к их предкам – в мир духов.

«Роум, роум, роум! Бум, тап, бум!» Послушайте первобытные музыкальные фразы, извлекаемые из барабана, а ваш чернокожий спутник наверняка сможет объяснить их смысл. Ни один праздник или похороны, или танцы не могут проводиться без барабанов. Совершенно справедливо говорят, что барабаны – это граммофон и оркестр африканца, его радио, телефон и телеграф.

В жестокие старые дни новый городской барабан «окроплялся кровью» с приношением человеческих жертв, так как считалось, что барабан не сможет говорить, как надо, пока он не услышит голос человека в предсмертной агонии. Один вождь с берегов Нигера так гордился своим исполинским барабаном, изготовленным по его приказу, что велел принести в жертву мастера, чтобы тот не сделал лучший барабан для другого племени.

Такие барабаны могут представлять опасность для новичка: вибрация настолько сильна, что отдача при ударе палочки о кожу может вывихнуть барабанщику плечо.

Насколько далеко разносится звук сигнального барабана? У водопадов Стенли на Конго некоторое время назад был барабан, чей бой некоторые люди могли слышать и понимать в Якоте – двадцатью милями (более тридцати двух километров) ниже по течению. Я думаю, что этот редкостный барабан поставил своеобразный рекорд для Африки. Конечно, только вода могла

способствовать тому, чтобы звук преодолевал такое расстояние, ибо некоторые типы местности, наоборот, ослабляют голос барабана.

Пять миль днем и семь ночью – это, вероятно, средний радиус действия сигнальных барабанов. Жаркий воздух несет звуки вверх, вместо того чтобы распространять их вширь, поэтому барабанщик, обращающийся к слушателям, находящимся вдалеке, должен посылать свое послание на рассвете или в ночные часы.

Когда идет передача информации от одного барабанщика к другому, преградой для «разговора» может служить не только расстояние, но и языковые барьеры. О знаменитом путешествии Стенли вниз по Конго в 1877 г. местные жители были оповещены барабанными посланиями, которые покрыли тысячу миль, опережая самого исследователя. Это был один из тех редких случаев, когда был зафиксирован и, без сомнения, подтвержден радиус действия «лесного телеграфа».

Известный охотник Арчел Расселл находился в африканской деревне около верховьев Конго в четырехстах милях от ближайшей телеграфной конторы в то время, когда в Америке шел поединок Джеффриз – Джонсон за звание чемпиона мира по боксу. Он заявил, что узнал о победе боксера-негра через четырнадцать часов после того, как он отправил своего противника в нокаут. Новость дошла при помощи барабанов – никакого другого возможного вида связи не было – и распространилась по огромным территориям, нанеся сильный урон престижу белого человека.

Еще раньше произошло одно событие, которое произвело глубокое впечатление на туземцев, – смерть «Великой белой королевы». Сообщение о смерти королевы Виктории дошло до Западной Африки по телеграфу без задержек, но то, как новость, выстукиваемая на барабанах, неслась вдали от телеграфных линий от побережья в глубь континента, было исключительно данью мастерству барабанщиков. Множество чиновников узнавали ее от своих слуг за дни и даже за недели до того, как приходило официальное подтверждение.

Существует интересная легенда о том, что новость о сдаче англичанам Хартума стала известна в Сьерра-Леоне в тот же день. Мы не видим причины сомневаться в ее правдивости, ибо туземцы Западной Африки должны были хорошо знать о войне в Судане и внимательно следить за ходом боевых действий. Стоит напомнить, что через Сахару шел старый караванный путь, и Хартум не был незнакомым городом для многих племен Западной Африки.

Капитан Р.С. Рэттрей, ведущий специалист по барабанам ашанти, брал уроки игры на барабане и был, возможно, первым белым человеком, который обнаружил, что система передачи информации не представляет собой некую африканскую азбуку Морзе, а является воспроизведением гласных, согласных, ударений и пунктуации. Это как бы лингвистическая музыка. Азбука Морзе оказывается на поверку примитивным изобретением по сравнению с тональным языком барабанов. (Аналогичным образом «работает» и язык свиста.)

По словам Рэттрея, послания выстукивались через всю страну ашанти на расстояние двухсот миль так же быстро, как телеграмма. Все войска ашанти можно было созвать из одного конца страны в другой в течение нескольких часов после объявления войны.

Барабанщиков ашанти называют «божественными барабанщиками», и они, вероятно, самые искусные из этих музыкантов в Африке. Они занимают важное положение при ашантийском королевском дворе, и на них лежит ответственность за содержание хижин жен вождя в должном состоянии. В стране ашанти женщинам никогда не позволяют прикасаться к барабанам, а барабанщик не может переносить свой барабан с места на место из-за странного поверья, что, сделав это, он сойдет с ума. Определенные слова никогда нельзя включать в послания, передаваемые с помощью барабана: среди табу – любые упоминания о крови и черепах.

В прошлом барабанщику, который совершал грубую ошибку, передавая послание своего вождя, могли отрубить руки. Эта традиция изменилась, и сегодня – да и то только в самых отдаленных местах – неосторожный барабанщик может расстаться лишь с ухом.

В некоторых племенах барабанам поклоняются как богам, и им совершают подношения из пальмового вина и домашней птицы. Когда барабанщик умирает, его душа переходит в барабан. Любовь к барабанному бою, должно быть, уходит в те далекие времена, когда в Западной Африке появились первые люди. Английский путешественник Джобсон писал по этому поводу еще в XVII в.: «Ни один из этих барабанов не стоит без применения и дела, потому что у них существует обычай: каждую ночь, после того как они наполнили свои животы, отправляться в этот Двор Стражи, разводить костры посреди дома и снаружи и устраивать вокруг них барабанный бой, пение, гиканье, которые обычно продолжаются до рассвета».

Одно из самых впечатляющих выступлений барабанщиков, когда-либо имевших место в Западной Африке, было устроено по

приказу султана Сокото, когда через его владения в Нигерии строилась дорога, дабы губернатор, сэр Фредерик Лугард, мог нанести ему визит. На строительство дороги султан направил десять тысяч человек, и в каждой группе был барабанщик. На одном участке строительства все рабочие собрались, чтобы разбросать кучу песка по высохшему руслу реки. Вместе собрались и пятьсот барабанщиков, дирижером у которых был человек с военным барабаном. Они отстукивали на своих барабанах безупречный ритм, и армия рабочих выполнила свое задание в рекордное время.

Некоторые из современных способов применения барабанов были изобретены белым человеком для удовлетворения его собственных нужд. Так, миссионеры собирали свою паству посланиями, передаваемыми барабанами. Типичный пример этого привел мне священник католической церкви, который создал фермерское поселение и хотел созвать соплеменников тамошних жителей из отдаленных мест, чтобы те спустились вниз по реке и помогли выжигать траву. И они пришли в нужное время и соответствующим образом экипированные – с пальмовыми ветками, чтобы ими тушить огонь, когда необходимая территория будет очищена от травы.

У автомобилистов в некоторых пустынных районах Африки имелись свои причины быть особенно благодарными барабанщикам. В конце 1950-х гг. двое братьев-французов наладили транспортировку грузов на автомобилях в районе Стенливиля (сегодня – Кисангани). Один из них как-то остановился в сотне километров от этого города, когда проколол шину и оказалось, что он не может обойтись без посторонней помощи. Его брат прибыл на следующий день с «новым колесом», о котором было сказано в послании, переданном барабанщиками.

– Я знаю и о более серьезных происшествиях, когда гораздо более сложные послания отправлялись по «лесному телеграфу», – рассказывает Л. Грин. – Двое профессиональных охотников на слонов как-то поссорились с наглым вождем и стали опасаться за оставленные в лагере ниже по реке ружья и слоновую кость. О затруднительном положении, в которое они попали, было сообщено в «разговоре на барабанах», и их имущество спрятали дружественно настроенные туземцы до того, как его смог захватить вождь.

Барабаны не могут выразить идеи или передавать имена, с которыми туземцы не знакомы. Вы не можете попросить барабанщика вызвать на связь, допустим, мистера Симпсона до тех пор, пока Симпсон не получит туземное прозвище. Барабанщик смог бы, возможно, преодолеть трудности, выстучав

эквивалент в виде «Шимишоно» (так туземцы произносят фамилию Симпсон). Но его задача была бы гораздо проще, если бы господин Симпсон носил очки и прихрамывал при ходьбе, ибо в этом случае любой туземец в радиусе сотен миль слышал бы об этом человеке.

Капитаны речных пароходов на Конго с помощью барабанов отправляют сообщения каждый день. В качестве топлива на колесных пароходах используются дрова, и барабаны сообщают на бункеровочные станции вдоль реки о том, когда прибудет судно и сколько дров будет ему необходимо.

Мое первое личное знакомство с сигнальными барабанами произошло во время путешествия на пароходе по верхнему Конго и чем-то напоминало театральное представление. Мы остановились у небольшой фактории, когда дело уже шло к вечеру. Серый и едкий дым от дюжины костров плыл над нашими палубами в то время, как пассажиры-африканцы готовили на берегу свою сушеную рыбу. «Здесь мы останемся на ночь», – спокойно объявил капитан, когда мы сидели с ним под двойным навесом, потягивая холодное пиво.

Затем донеслось слабое «топ-бум-топ», которое неслось по золотой поверхности реки благодаря дыханию вечернего ветерка. «Сигнальные барабаны», – сказал капитан лениво. Минутой позже он вышел из этого расслабленного состояния, так как перед ним возник чернокожий матрос, быстро говоривший что-то по-французски.

«С нами разговаривали барабаны, – сказал мне капитан. – Нас ждут ниже по течению – там белый человек с женой и ребенком, все они больны и спешат в больницу в Альбертвиль. Дай Бог, чтобы мы не сели на песчаную отмель во тьме, ибо нам нужно плыть двадцать миль, чтобы подобрать их».

Пронзительный визг сирены, и вот мы уже пошли зигзагами вниз по реке, а колесо за кормой перемалывало мутную воду.

Через несколько часов мы плавно подошли к берегу, где из темноты неясно вырисовывались очертания миссионерской станции. На борт поднялся бородатый священник-католик в белой мантии. «Хорошо, что вы здесь! – воскликнул он. – Управляющий шахтой и его семья форсированным маршем движутся сюда и очень скоро будут здесь».

Они вышли из мрака пальмового леса – жидкая колонна людей, появившаяся в слабом свете наших палубных фонарей. Первым шел высокий человек в изорванной в клочья одежде цвета хаки, его трясло, а к белому лицу прилила кровь. Затем шел гордый и неутомимый оруженосец. Следующей была мачила – нечто вроде носилок с откинутым навесом, – поэтому я смог

увидеть истощенную женщину и болезненного вида маленькую девочку. (Зачем, подумал я, мужчины привозят свои семьи в эту жестокую страну?) В конце двигалась длинная цепочка носильщиков с грузом на головах: жестяные коробки, лагерное оборудование, свертки с пищей, детские игрушки в корзине. Когда они подошли к борту парохода, некоторые из них легли на землю в полном изнеможении. Это, конечно, была гонка во имя жизни, «описанная» барабанами, гонка, в которой все решалось выносливостью этих преданных носильщиков, безжалостным солнцем и баррикадами тропического буша.

Всю дорогу вниз по Конго до устья я слышал барабаны, которые напоминали мне об этой несчастной семье. Вдоль всего этого водного пути, на протяжении двух тысяч миль, барабаны говорили, веселились, предупреждали и жаловались.

«Бум… бум… бум!» Звуки постепенно становятся все громче, так как мы приближаемся к самому барабанщику в одной западноафриканской деревне. Под навесом из пальмовых листьев он бьет в городской барабан – большое выдолбленное бревно длиной в двенадцать футов и покрытое резьбой устрашающего вида. Длинная узкая щель и вырез в виде «губ» регулируют звучание барабана.

Изготовление барабана – старинное, удивительное ремесло сродни искусству лить колокола. «Губы» дают барабану два голоса: женский и мужской. Если в последнюю минуту работы по вырезанию деревянного барабана будет допущена ошибка, она может свести на нет труд нескольких месяцев.

Специалисты называют эти деревянные барабаны «гонгами». Делают их тем же способом, что и выдолбленные из бревна каноэ. Кстати, в одном из племен их так и называют «говорящие лодки». Сигнальные барабаны ашанти – барабаны нтумпане – всегда используются парами, в которых один считается мужским, а другой женским, и для их изготовления используется кожа с ушей слона. Освящение барабанов выливается в замысловатую церемонию, и их создатель получает в подарок кур, ром и золотой песок. У мужского барабана тон низкий, и маленький кусочек железа, называемый «акаса», который кладут на него, придает ему грубоватый оттенок. Женский же барабан производит высокие по тону звуки.

Барабаны, сделанные из тыквенного калебаса, с «бронзовым» звучанием, часто используются для аккомпанемента танцам. Есть еще барабан «танге», который сделан из бедренной кости вождя с узкой полоской кожи, натянутой от одного ее конца до другого. На нем играют с помощью бамбукового молотка. Барабаны «ндембо» состоят из целой шкуры козы или антилопы, натянутой

на плетеный каркас. Где-то в Западной Африке, я думаю, есть и барабан, покрытый кожей вероломного работорговца – белого человека, который одного из своих чернокожих помощников продал в плен и в отместку за это был убит.

Понаблюдайте, как работает барабанщик, и вы увидите, что его лицо искажается в гримасе и дергается при каждом звуке, который он извлекает из своего инструмента. Мне так и не удалось выявить какую-то неуловимую связь между мимикой барабанщика и посланиями, которые он передает, хотя вполне возможно, что она действительно существует.

Барабаны – это как бы междугородные звонки по телефонной системе африканцев. Барабаны дают им возможность делать множество «местных звонков». Но существуют и другие способы передачи новостей на короткие расстояния.

Народ сунквалла, живущий на холмах вдоль нигерийско-камерунской границы, использует для этого рога крупных антилоп или буйволов, а иногда и бивни слонов. И эти инструменты тоже сделаны таким образом, чтобы могли издавать два тона. Два или три человека, «говорящих» с помощью рога и стоящих довольно близко друг от друга, могут одновременно передавать сообщения с одного края долины на другой. Они работают на звуках разной тональности или волнах разной длины, так что слушатели без труда распознают нужное им сообщение.

Френк Хайвс, этот знаменитый районный комиссар в Нигерии, спросил однажды своего переводчика, что означало услышанное им сообщение, переданное с помощью рога. Вот диалог, который привел этот переводчик:

– Почему вы не прислали нам сегодня никакого «мяса»? Мы голодны.

– Извините, но никто не умер.

Барабаны в Африке используют для передачи информации не только упомянутые мною племена. Охотник, который провел много лет во Французском Конго, рассказывал мне, что он шел через район, опустошенный сонной болезнью и оставленный населявшими его племенами. Он услышал слабый барабанный бой – удары палок о пустое дерево. Повернувшись к своему оруженосцу, он сказал: «Кажется, ты говорил мне, что здесь нет людей?»

Туземец улыбнулся. «Сокомату», – ответил он. Они зашагали в сторону, откуда несся звук, и там охотник увидел «сокомату» – шимпанзе, с довольным видом барабанившего по бревну. «Том… том… бум… та-ра-ра… бум!» Неудивительно, что белый человек не может сделать и шага по африканским джунглям без того,

чтобы каждый его шаг не опережала новость о его передвижении. Где-то сегодня ночью бесчисленные дикари выбивают этот старый, старый ритм. Приходит еле слышный ответ. Иногда он настолько еле слышен, что белый человек различает его как обрывки едва уловимой слухом, но хорошо знакомой мелодии.

Белый человек только слышит, и это все. «Бум… та… ра… ра…бум!» А Африка слышит и понимает.

Язык свиста, пришедший из древности

В 1935 г. в Париже из министерства иностранных дел в Генеральный штаб переслали служебную записку, полученную из Французской Западной Африки. В ней губернатор колонии сообщал об удивительном феномене. Оказывается, племена гурунси-нанкансе, кочующие в саваннах Западного Судана, кроме обычного языка, пользуются еще языком свиста, на котором не только передают сообщения на расстояние в несколько километров, но даже ведут долгие переговоры и при этом прекрасно понимают друг друга. Если же погода портится, а вместе с ней портится и «проводимость среды», они вместо собственного свиста используют «ува», странную флейту, издающую резкие звуки. Губернатор считал, что военным следует присмотреться к этому феномену и, возможно, ввести во французской армии «тайный язык», дабы с его помощью открыто передавать секретные сообщения, непонятные непосвященным.

Должно быть, во французском Генеральном штабе записку просто смахнули в мусорную корзину: какой еще тайный язык свиста, они там в глуши, среди первобытных племен совсем с ума посходили!

Но то-то подивились бы эти штабисты, если бы узнали, что во французской армии всегда служило хоть сколько-то человек, хорошо владеющих языком свиста. Например, небезызвестный Шарль де Бац сеньор д'Артаньян. Ведь там, на склонах Французских Пиренеев, где он родился, язык свиста издавна был в ходу. Так что лейтенант королевских мушкетеров вполне мог владеть им.

Канарец, владеющий языком свиста

И конечно, в Генштабе и предположить не могли, что через каких-нибудь шесть-семь лет, когда немецкие войска оккупируют большую часть страны, язык свиста будет помогать маки, французским партизанам, бить захватчиков.

Как это ни странно, но язык свиста – не такое уж редкое явление на земном шаре. Сегодня установлено, что на нем пересвистываются не только в африканских саваннах и на склонах Пиренеев, но и в Непале, и в Мексике. Знаком он и в Кашмире – «народу долгожителей» хунза. И все эти свисты имеют столь долгую историю, что установить, когда же именно они появились невозможно. Вот, скажем, на северо-востоке Малой Азии в Восточно-Понтийских горах находится турецкая деревушка Кушкей. Уже название говорит само за себя: тюркское «куш» означает «птица», а «кей» – «песня», «мелодия». Из поколения в поколение передается здесь язык свиста, и никто не может сказать, когда «засвистали» впервые. Даже старики, когда им задают этот вопрос, смотрят куда-то вдаль и безнадежно

машут рукой: дескать, от начала времен!

Насчет «начала времен» сказать трудно, но то, что в этих краях сообщались таким образом еще две с половиной тысячи лет назад, свидетельствует античный автор.

В «Анабасисе» Ксенофонта, повествующем о событиях 401 г. до н. э., упоминаются племена горцев-моссиников, живущих в деревянных «городках» или «башнях» и общающихся между собой какими-то сигнальными криками или свистом. И хотя эти «городки» находились порою на расстоянии 80 стадий и даже больше, люди хорошо понимали друг друга. А между тем в древнегреческом стадии – от 157 до 185 метров. То есть по самым скромным подсчетам 80 стадий – 12 километров 560 метров! Ясно, что на таком расстоянии общаться можно только свистом. Ксенофонт, один из руководителей войска, видел все собственными глазами. А жили тогда моссиники именно там, где теперь находится деревенька Кушкей.

Но ведь кушкейцы свистят на турецком языке, а ни о каких турках за четыре века до нашей эры здесь и не слышали! Турки-сельджуки заняли эту часть Малой Азии только в XIII в.

Да, приходили народы, вытесняли аборигенное население, потом их изгоняли новые завоеватели, менялись языки, но «техника» свиста оставалась, она просто накладывалась на новый язык, точно так же, как это происходило с письмом: латиница, на которой были написаны указы Цезаря, спустя века прекрасно подошла и к указам первого президента Турецкой республики Ататюрка. Вероятно, и кушкейцы во многом повторяют технику свиста далеких персидских племен, хотя, надо признать, 80 стадий их свист уже «не берет», от силы – четыре километра.

Из всех языков свиста более других «на виду», более изучен да и просто более интересен тот, на котором свистят жители Гомера, одного из Канарских островов. Его «популярности», конечно, способствует то, что на нем свистят по-испански, а этот язык европейским ученым известен куда лучше, чем турецкий, непальский или какой-нибудь диалект индейцев с Юкатана.

Еще в 1878 г. на острове побывал немецкий этнограф Кведенфельд. Описал этот феномен и назвал его сильбо Гомера. «Сильбо» по-испански означает «свист». Так что перевести можно так: «язык свиста с острова Гомера». Впоследствии и все языки свиста стали называть сильбо, добавляя при этом название местности, где им пользуются

Во времена Кведенфельда и почти до середины прошлого века на Гомере общались в основном на разговорном испанском и сильбо. Основным занятием тогда было горное пастушество. Горы, изрезанные ущельями, занимают почти весь остров, их

продувают ветра, по ним бегут реки, там шумят водопады, и перекричать этот гул невозможно, а вот пересвистеть – вполне. Вот и свистели все, от мала до велика. Путешественники свидетельствовали: на Гомере даже птицы подражают сильбо.

Но чем больше цивилизовались острова, тем меньше говорили на сильбо, и к середине XX в. даже возникла угроза, что язык исчезнет вовсе. Но вот Канарские острова стали местом паломничества туристов, и началось его постепенное возрождение.

Недавно лондонская «Таймс» сообщила, что отныне ребятишки острова Гомера будут в школе изучать сильбо, язык свиста, которым столетиями пользовались местные пастухи. Почти забытый к 1960-м гг., сильбо опять стал популярным, и на острове теперь каждый год проводится день свиста».

Гомерцы гордятся своим необычным языком и соответственно рассказывают о нем всевозможные истории, чаще всего забавные.

Например, как еще в 1906 г. их сильбо в первый раз был продемонстрирован на самом высоком уровне – испанскому королю Альфонсо III. Однажды в присутствии короля зашла речь о различных чудесах, которые случались в некогда великой испанской державе. Взять хотя бы тайны Нового Света! Но, увы, он вместе со своими загадками более не принадлежит Испании. На что один из придворных заметил, что чудес и в Старом Свете, на землях, подвластных короне его величества, немало осталось и сейчас. Например, удивительный язык свиста, на котором говорят между собой подданные его величества на Канарах. Король не поверил. Тогда нашли двух солдат-гомерцев, проходивших воинскую службу в Мадриде, привели их во дворец. Один остался стоять возле монарха, другой отошел в дальний угол зала. Король сказал: «Пусть он снимет с себя фуражку». Тот просвистел указание, но, видно, от волнения ошибся. Его товарищ, печатая шаг, промаршировал через весь зал и… решительно сорвал шляпу с самого короля.

Среди рабочих языков свиста гомерский выделяется необыкновенной силой звука. Если сигнал жителя Кушкея можно услышать за 4 километра, то гомерца – за 14! Говорят, один англичанин, чтобы проверить силу звука, попросил одного сильбодеро (человека, владеющего сильбо) свистнуть ему на ухо. Тот и свистнул. Любознательный англичанин оглох на две недели.

Для сравнения скажем, что, когда измеряли силу свиста беарнца с Французских Пиренеев, счетчик, отстоящий от свистуна на один метр, показал силу звука в 110 децибелов. (При том, что 40 децибелов – это нормальный разговор, 80 децибелов – звук

переносится с трудом, 120 децибелов – звук может травмировать мозг.) Вот и посчитайте, сколько их получил бедняга, если гомерец может свистнуть «дальше» беарнца в семь раз. Поневоле вспомнишь Соловья-разбойника, от свиста которого «маковки на теремах покривились, а околенки во теремах рассыпались, а что есть людишек, все мертвы лежат». А что, если и этот «сын Одихмантьевич» рожден народной памятью о каком-нибудь сильбо наших предков, муромы или чуди?..

Послушать со стороны, так все слова на сильбо звучат как одна долгая гласная. Но сильбодеро по малейшим, неуловимым для чужого уха вибрациям и изменениям тона узнает каждое слово.

Известно, что в обычном разговоре мы различаем не столько отдельные звуки, сколько конструкции слов и фраз. В сильбо же каждый звук слова слышен отчетливо. По мнению ученых, занимавшихся проблемами акустики человеческой речи, «невнятность обычной речи при разговоре на дальние расстояния связана с потерей слабых… гармонических и нестационарных сложных речевых волн, в то время как насвистанное сообщение, смысл которого не зависит от тембра, а целиком определяется высотой тона, будет отчетливо понятно в течение всего разговора». Вот почему сильбо не только появилось, но и сохранилось как весьма удобная система дальней связи именно там, где природные условия заглушали обычный разговор.

Стало быть, в сильбо главное – не тембр, а высота тона. Ее сильдободеро изменяет с помощью языка, губы и пальцы при этом остаются неподвижными. Они вступают в дело, когда нужно сформировать слова, пальцы прижимают кончик языка к губам, и язык пытается артикулировать слова, как при обычной речи. Исследователь языков свиста Р. Ги-Бюснель профессор из Лаборатории акустической физиологии в Париже, с помощью рентгеновский киносъемки установил, например, что в большинстве случаев сильбодеро фиксирует среднюю часть языка и свободно передвигает кончик, который и «выдает» слова-свисты.

Также свою роль играют ударения, ритмика и интонация фразы, ключевые слова, которые словно бы сигнализируют, о чем пойдет речь. Например, если хочешь сообщить какую-то дату, нельзя сразу сказать «май», сначала надо «месяц», а потом уже «май». «Месяц май», «месяц март», «месяц октябрь» – только так. Это скорее всего оттого, что, посылая сообщение на большое расстояние, для усиления свиста приходится пользоваться пальцами и «слова» звучат неразборчиво, а ошибка в дате – вещь серьезная, вот и дается сначала ключевое слово. Ведь и в обычном разговоре мы переспрашиваем: «Июнь или июль? Октябрь или

ноябрь?»

Есть исследователи, которые считают, что язык свиста – это остатки того, что некогда было «эсперанто Вселенной», которым в совершенстве владели «пришельцы». Они-то и принесли его на Землю, и атланты были первыми, кто выучился ему.

Странный случай, о котором поведал кормчий Никколозо да Рекко, генуэзец, первым из европейцев открывший Канарские острова, вызвал удивление знаменитого Дж. Боккаччо: «На одном из островов моряки обнаружили нечто столь поразительное, что не высадились на берег… На вершине горы виднелось что-то белое, и это было похоже на крепость, а вся гора усеяна скалами. На вершине остроконечной скалы установлена мачта такой же величины, как на корабле, а на ней рея с большим латинским парусом. Этот парус, надуваемый ветром, по форме напоминает обращенный вверх щит с гербом, и он быстро развертывается. Сама же мачта то быстро опускается, как на галерах, то выпрямляется, опять запрокидывается и вновь поднимается. Моряки объехали этот остров и со всех сторон видели, как повторялось это чудесное явление. Уверенные, что имеют дело с каким-то колдовством, они не отважились сойти на берег. Они увидели там еще многое другое, о чем не хотел рассказывать названный Никколозо…»

Что это, скажет сегодняшний читатель, как не станция пришельцев в действии?

Однако с открытием в последние годы еще несколько сильбо в разных уголках земного шара утверждать, что все они распространились из какого-то одного места, уже сложно.

Ф.Б Ливингстон, ученый, занимающийся проблемой возникновения человеческой речи, выступил с неожиданной гипотезой: задолго до того, как заговорить, человек уже умел петь: вокал стал предпосылкой членораздельной речи. Некоторые исследователи полагают, что «пели» уже гоминиды (обезьяноподобные предки человека) – ведь и сегодня шимпанзе часто общаются друг с другом, так сказать, вокалически. Американский ученый У. Вескотт утверждает, что свистеть умел уже австралопитек (в разных уголках земли считают, что йети, «дикие люди», не знают человеческой речи, а переговариваются посредством свиста). Неандерталец, вероятно, исполнял ритуальные песни.

Р. Ги-Бюснель, известный своими трудами в области изучения языка птиц и дельфинов, однажды, совершенно случайно, пришел к удивительному открытию. По недосмотру лаборанта были перепутаны сонограммы (специальные бумажные ленты с записью звуков и их модуляций, похожие на электрокардиограммы)

голосов дельфинов и мастеров сильбо из Беарна. Лишь с большим трудом удалось отделить записи дельфиньих голосов от сильбо – они были почти идентичны!

Вероятно, объяснение, что мол, языки свиста появились там, где этого требовали природные обстоятельства – пересеченная местность, шумы, заглушающие человеческий голос и т. п. – логически выстроенное и самое рациональное. Но что если дело обстояло наоборот: сильбо не возникло благодаря особым природным условиям, нет, оно было первой, изначальной формой человеческой речи. А когда появилась разговорная речь, эти самые условия помогли языку свиста в тех местах сохраниться.

И более того, специалисты по языкам животных признают, что, несмотря на принципиальную разницу в нейроанатомии птиц и человека, сигнальная система птичьего пересвиста в ряде черт схожа с человеческим языком (даже не с сильбо, а с обычным разговорным!). Вот и думаешь: а не являются ли и языки свиста, и пение птиц, и голоса дельфинов ветвями какой-то одной, исчезнувшей еще в древности, общей коммуникативной системы, своего рода «протоязыка»? Недаром в памяти человечества остался «золотой век», когда люди понимали язык птиц и животных. И, хотя Гете уверяет, что ангелы переговариваются пением и лишь дьявол свистит, возможно, изгнанные из рая Адам и Ева, встретившись через двести лет после долгих поисков (по одной из версий, Адама сбросили с небес на Цейлон, а Еву – в Аравию), приветствовали друг друга счастливым пересвистом.

Трагедия крааля Эмгунгундлову

Эта таинственная история могла бы стать первоклассной темой для остросюжетного приключенческого романа, попади она в руки писателя-детективщика, а не историка-африканиста. Это было далеко от Европы, погрязшей в многочисленных придворных интригах, заговорах и войнах. Но и Южная Африка явила миру такую загадку, которая достойно поспорила бы с любой тайной мадридского двора.

До сих пор события далекого 1838 г. в южноафриканской провинции Наталь (вернее, в тех местах, где сейчас находится эта провинция) вызывают оживленные споры исследователей.

Несколько пояснений перед началом рассказа. Южная Африка. Зулуленд. Конец 20-х гг. XIX в. Только что в королевском краале Дукуза злодейски убит вождь зулусов Чака. В убийстве замешаны двое его братьев – Дингаан и Мхлангана. Путем интриг первому удается захватить власть. Отныне он становится полновластным правителем огромного, мощного зулусского государства.

Зулусский вождь Дингаан над телом Пьета Ретифа

Однако с юга зулусам угрожает новая политическая сила, которая весьма беспокоит вождя, – буры, или африканеры, потомки голландских переселенцев, перебравшихся в Южную Африку в XVII в. Коварный Дингаан ищет способ для того, чтобы выяснить намерения буров, а затем уничтожить их отряды.

Смерть Чаки повергла всю страну зулусов в состояние шока. Так продолжалось несколько месяцев. Вожди на окраинах Наталя, не принадлежавшие к основному этническому ядру, стали громко требовать наказания виновников массовых казней, совершавшихся при короле. Но главного виновника уже не было в живых. Дукуза, главный крааль, пустовал. Огромная армия, ушедшая на север, еще не вернулась, и в королевском краале остались малолетняя гвардия Чаки – лишь изи-ньози – «пчелы», а также хломендини – «домашние люди» из подчиненных племен, служившие пастухами.

Оба брата затаились – каждый в своем краале – и ждали развития событий. Пока что Дингаан не делал попыток возвыситься над Мхланганой. Но они все же позаботились о том, чтобы скот Чаки – сотни тысяч голов – не пропал – специальные отряды были отряжены в соседние краали и пригнали весь скот –

поровну в оба крааля.

Первым актом братьев было убийство Нгвади – сводного брака Чаки.

Затем Дингаан с Мхланганой приложили все усилия, чтобы уничтожить индун (военачальников), имевших вес при Чаке. Сотобе, главный военачальник, вовремя оценил ситуацию и занял сторону Дингаана.

Неделя шла за неделей, а об армии не было никаких известий. Отношения между братьями ухудшались. Однажды ночью Дингаан был легко ранен ассегаем, брошенным из темноты неизвестным злоумышленником. Ждать больше было нельзя, и Мхлангану убили.

Между тем экспедиция на север провалилась: Сошангане, дальний родственник Чаки и его заклятый враг, оказался сильнее. Воины были измотаны до крайности, ведь они шли без остановки, без носильщиков – уби-диби. Участились случаи дезертирства. Только железная воля командира Мдлаки спасла зулусское воинство в этой неудачной экспедиции. К тому же начались голод и дизентерия. Воины жевали свои кожаные щиты. Перебежчики предупредили Сошангане о приближении зулусов, и тот бросил на них из засады несколько тысяч обученных действиям в горных условиях воинов – сегодня мы бы назвали их егерями. 30 тысяч зулусов в панике бежали!

Войска были даже рады, что Чаки больше нет и можно рассчитывать на пощаду. Тем временем Дингаана выбрали новым вождем.

Сам Мдлака сомневался в правильности выбора нового правителя. Не столько потому, что видел в нем убийцу Чаки, сколько из-за того, что тот приказал убить Мхлангану. Мудрому Мдлаке казалось, что последний оказался бы куда лучшим преемником.

У Дингаана, знавшего о настроениях Мдлаки, чесались руки убить его, однако младший брат Мпанде и некоторые индуны отговорили короля от этого.

Коронация состоялась в начале 1829 г. Мбопу новый вождь отселил в отдаленный крааль, дав ему изрядное количество скота. Там, «на пенсии», Мбопа прожил шесть лет и был убит при таинственных обстоятельствах. Впрочем, что же тут таинственного? Какой правитель потерпит возле себя цареубийцу, пусть даже действовавшего по его собственному повелению?

Придя к власти, Дингаан решил построить себе новую столицу, ибо Дукуза с горсткой камней, напоминающих о Чаке, была ему немила.

В июле 1829 г. он подобрал место в нескольких милях от Ква-

Булавайо, старой резиденции Чаки, на живописной равнине с речкой и холмами. Название местного крааля – Эмгунгундлову означало «Место Большого Слона».

В отличие от Чаки на долю Дингаана в детстве не выпало столько романтических историй. Он был шестым сыном жены Сензангаконы – Мпиказе, но рос под влиянием своей тетки Мкабаи. Ему было около тридцати, когда не стало Чаки, значит, он родился между 1790-м и 1800 гг. С детства ему были присущи замкнутость и повышенная чистоплотность: он все время мылся и натирался жиром. У него были некрасивые зубы, и он этого стеснялся, взяв в привычку прикрывать рот рукой во время разговоров.

Белые колонисты Порт-Наталя пока не знали об этих подробностях. Не ведали они и о намерениях нового правителя и на всякий случай укрепляли форт Фаруэлл.

Но вот в один прекрасный день от Дингаана прибыл гонец и сообщил, что вождь благосклонно относится к белым соседям и не тронет их. Колонисты расслабились, но Айзекс все же решил уехать, «чтобы доделать свои и Кинга дела в Кейптауне». Хэттон не хотел везти Айзекса, но за того вступился Финн, однако это оказалось ненужным: Хэттон вскоре умер. Незадолго до отплытия судна пришло известие, что Кейн, посланный по суше за макасарским маслом для Чаки, добрался наконец до амапондо, а Генри Огл вернулся из Грэхемстауна вместе с Барнабасом Шоу, эмиссаром лорда Сомерсета. Шоу никак не ожидал смерти Чаки, но все же решил осесть здесь и заняться торговлей.

Айзекс отбыл на «Элизабет и Сьюзан» 1 декабря 1829 г., но 30 марта следующего года, побывав в Кейптауне и даже на острове Святой Елены, вернулся в Порт-Наталь на американском бриге «Св. Майкл».

Постепенно все колонисты, за небольшим исключением, снова собрались вместе. В Порт-Натале они узнали много самых разных новостей. Самой главной была печальная – погиб Фаруэлл. Незадолго до этого он побывал в Кейптауне, где его жена родила сына, и стал вербовать новых поселенцев в Порт-Наталь. В сентябре 1829 г. он прибыл в Порт-Элизабет, готовый следовать дальше фургоном. С ним были торговец по имени Трексврей и молодой натуралист Уолкер.

Пока Фаруэлл был в Кейптауне, в Пондоленде начались волнения. В марте, 29-го, вождь Нгето поссорился с Дингааном, забрал своих людей и скот и скрылся далеко на юге, найдя убежище у могущественного вождя Факу. Историки назвали бегство Нгето со своим племенем квабе вторым массовым исходом части населения после знаменитого похода Мзиликази.

[6] Нгето совершенно справедливо рассудил, что его ожидает участь других влиятельный вождей, не уйди он вовремя с арены. Эта миграция нарушила работы многих миссий и заставила миссионеров временно укрыться в Грэхемстауне.

В миссии Амадола методист-веслеанец Шепстон, уже шесть лет живший здесь, едва успел скрыться перед, тем как сюда ворвались воины квабе, с сыном, 12-летним Теофилом, бегло говорившим на языке коса. Запомним это имя!

Среди путешественников, которые тоже были вынуждены повернуть назад перед лицом нашествия с севера и задержаться на полпути в Порт-Наталь, оказались Эндрю Бейн и Джон Бернет Биддалф, которые ехали в компании с отцом Финна – тоже Генри Френсисом и двумя сыновьями – Альфредом и Френсисом. Четвертый сын – Уильям вскоре тоже прибыл в Порт-Наталь самостоятельно.

Но вернемся к судьбе Фаруэлла. Когда в сентябре 1829 г. он снова двинулся на север, обстановка там вроде бы нормализовалась. Однако Факу, земли которого поочередно захватывали зулусы, беженцы от них, британские войска, а теперь и квабе, постепенно приходил в ярость и готовился к решительным действиям. В начале ноябре 1829 г. Фаруэлл добрался до реки Умзимвубу, на которой располагался лагерь Нгето. Оставив фургоны под присмотром Кейна, он отправился навестить вождя. Это было безрассудное решение, ведь Фаруэлл ехал к Дингаану, смертельному врагу квабе, к тому же с подарками. Кроме того, с ним был сын одного зулусского индуны, в котором квабе видели шпиона. Тем не менее Фаруэлл расположился на ночь возле крааля, а его слуги получили приют даже внутри изгороди. Поздно ночью в палатку Фаруэлла приполз слуга готтентот по кличке Рысь и сказал, что квабе замыслили убить белого человека. Фаруэлл не принял предостережения всерьез и отправил слугу спать. Через некоторое время лазутчики квабе подрубили веревки палатки и зарезали Фаруэлла прямо через материю. Кейн, услышав крики, скрылся в лесу вместе с готтентотом. Через несколько дней они прокрались на место убийства и увидели трупы быков и лошадей. Подарков не было.

Впоследствии Нгето поссорился с Факу и бежал от него к Дингаану, который тут же казнил его.

Кейн, Биддалф и трое Финнов продолжили путешествие в Порт-Наталь, предварительно заехав в Грэхемстаун и запасшись новыми подарками для Дингаана.

Собравшись наконец вместе, колонисты решили нанести первый визит новому правителю зулусов. Вместе с Финнами

собрался в поход и Айзекс.

Из дневника Н. Айзекса

«29 апреля 1820 года. Приготовления к поездке начались с 13-го числа. Мы вскрыли весь багаж, чтобы найти подходящие подарки, стараясь подобрать такие, чтобы он видел их разнообразие, но не имел представления об их назначении. Вождь принял нас с улыбкой и сказал: «Тамбузер Умтавака» (это мое зулусское имя), я тебя вижу». Я отвечал: «Ябо, баба». Потом он пригласил нас войти. Его глаза смотрели в сторону подарков. С нескрываемым вожделением он стал распределять коврики и одежду среди подданных, однако все украшения оставил себе.

Потом он выразил сожаление, что парусник прибыл так неудачно по времени и он не может отблагодарить нас, но тут же пошлет за слоном.

Дингаан выразил желание торговать с белыми людьми в отличие от предшественника Чаки, который считал, что его страна продвигается вперед только благодаря успехам собственного народа.

Дингаан ушел в резиденцию отдыхать после вручения даров, а для нас закололи двух телят и дали молока и пива. Вечером состоялись танцы с пением, а китаец – слуга одного португальца с потерпевшего крушение судна – показал свою длинную черную косу, немало позабавив всех.

Дингаан сказал мне тогда: «Посмотри вокруг, посмотри на горы и леса, их протяженность огромна, все они мои, в них бесчисленное множество слонов, а реки полны гиппопотамов. Я отказываюсь от войны и хочу мира, хочу жить в добрых отношениях с соседями. Бивни слонов помогут мне увеличить число друзей».

В целом вождь принял депутацию благосклонно и высказал пожелание, чтобы Финн стал вождем Порт-Наталя и одновременно его подданным и доверенным лицом. Однако Дингаана беспокоило и даже раздражало то, что Кейн и Огл унаследовали скот Фаруэлла, подаренный тому Чакой. Пусть они вернут скот в королевское стадо! Оба молодых человека заверили Дингаана, что сделают так, как он хочет, а Айзекс получил прозвище «Дамбуза ум тхабатхи» – «Тот, кто дает вещи».

Из дневника Айзекса:

«У Дингаана внушительная внешность. Он довольно

высок – 6 футов и нормально сложен, у него крепкие мускулы, темно-коричневый цвет кожи, ничто не ускользает от всепроникающего взгляда его блестящих глаз. В разговоре, похоже, он взвешивает каждое слово. Его любимое развлечение – сажать зерно и собирать урожай, а также охота на слонов и буйволов».

За 20 лет жизни при Чаке Дингаан много времени провел в действующей армии и потому неплохо разбирался в военном деле. Видя, что войска находятся на пределе, мудрый политик временно распустил воинов по краалям, разрешив им надеть головные кольца – то есть жениться. Заметно снизилось число убийств «при дворе».

Некоторые биографы Дингаана склонны упрощать его взаимоотношения с белыми людьми и сводить все интересы зулусского вождя к его гарему. Действительно, в его изи-годло входило 300 девушек, а не 1200, как у Чаки, он лично подбирал для них одежды, придумывал танцы и участвовал в них. Детей он не оставил скорее всего из-за бесплодия. Но было бы великим заблуждением ограничиться таким поверхностным суждением, и дальнейшие события покажут нам, сколь не правы сторонники этого взгляда.

Что касается личных качеств вождя, то многие авторы пишут о Дингаане как о кровавом, капризном, жадном и мстительном деспоте. Нелегко поколебать подобные хлесткие характеристики. Главная ошибка сторонников всех этих выводов – попытка рассмотреть личность вождя зулусов в отрыве от традиций общества, в котором она выросла и сформировалась. То, что Дингаан заменил боевые ассегаи у воинов на танцевальные палочки, – лишь мелочь, временная прихоть, замеченная и подхваченная европейскими наблюдателями. Он вовсе не был пацифистом! Наоборот – и этого как раз не заметили ни Айзекс, ни последующие белые «хронисты» – Дингаан прилагал все усилия, чтобы укрепить армию и центральную власть. Конечно, делалось это методами, традиционными для общества нгуни начала XIX в., и нет смысла лишний раз обвинять зулусов в жестокостях. В Европе и Азии их было, кстати, куда больше!

В первые годы правления Дингаана беспокоили два фактора. Первый – местные вожди: каждый из индун мог посягнуть на верховную власть. Подозрительных вождей убивали. Но если при Чаке казнь индуны сопровождалась истреблением целого крааля, то сейчас жителей не трогали. Второй фактор – Мзиликази. Дингаан называл его той самой собакой, о которой говорят, что

не знаешь, когда она укусит. Страх перед ушедшим Мзиликази заставил Дингаана снарядить несколько карательных экспедиций в Трансвааль, где укрылись матабеле. Одна из экспедиций вернулась с поражением, потеряв три полка, и Дингаан был взбешен. Финн, находившийся тогда в краале, поразился суровости вождя, прежде им не замечаемой. «Неизвестно, что ожидать от него в следующий раз», – с тревогой отмечал он в своем дневнике.

При первой же встрече с европейцами вождь попросил у них ружья, чем их немало озадачил.

> *Из записок Айзекса:*
>
> «Во время одного из наших визитов Дингаан заинтересовался моим увеличительным стеклом. Я попытался объяснить ему, что оно зажигает дерево, собирая солнечные лучи. Дингаан тут же позвал слугу и заставил его протянуть руку, потом стал настраивать лупу. Кожа задымилась, но несчастный не посмел отдернуть руку, ибо знал, что король немедля казнит его, сочтя за труса. Он спросил меня, что это за стекло, и Финн начал было объяснять, но Дингаан прервал его: «У нас, маланго, свои дела, а у вас свои…»

…И попросил мушкеты.

В то время, как Дингаан реорганизовывал армию, объединял старые разбитые части в изи-баву – новую гвардию, белые поселенцы охотились на слонов. Финну удалось наладить контакты с остатками чудом уцелевшего бушменского племени у подножия Драконовых гор, и те научили его пользоваться отравленными стрелами.

Кейн, у которого установились особые дружеские отношения с Дингааном, тоже усердствовал в добывании бивней. В одной из экспедиций за слоновой костью его сопровождал переводчик готтентот Джекоб, благополучно переживший все политические невзгоды. Джекоб еще при Чаке стал важным индуной и очень гордился своим положением, поглядывая свысока даже на белых господ. Всю дорогу в Грэхемстаун он препирался с Кейном.

В Грэхемстауне Кейн распустил слух, что Айзекс противится британскому влиянию, снабжает зулусов оружием и что американский бриг, который привез его со Святой Елены, скоро вернется с поселенцами из США. Рассказы возымели действие, и в Капской колонии стали поговаривать о посылке войск в Порт-Наталь. Джекоб, слыша все это, со свойственной ему тупостью сделал собственные выводы.

10 марта 1831 г., после десяти месяцев отсутствия, Кейн

вернулся в Порт-Наталь. Дом его пришел в запустение, все заросло, нужно было срочно браться за работу, и Кейн, отослав Джекоба к вождю, принялся за строительство.

Доклад Джекоба Дингаану был мрачным, тревожным и, главное, убедительным. Он объяснил беспорядки в Пондоленде присутствием там миссионеров, которых он представил как злых вестников белой власти. Он доложил о том, что правительство Капской колонии собирается двигать войска на север и атакует зулусов. За все это якобы нес ответственность Джон Кейн, который тем временем мирно достраивал свой дом.

Дингаан вызвал полк и отправил его сжечь крааль Кейна. Импи подошел к его дому в конце апреля, и Кейну пришлось скрыться в лесу, тогда как от дома остались одни головешки, а скот угнали. Остальные поселенцы тоже попрятались.

То было первое нападение Дингаана на белых людей.

Через несколько дней вождь прислал гонца сообщить, что ссора у него только с Кейном. Финн, лучший знаток языка зулу, взяв с собой брата, отправился в резиденцию. С ним было 80 носильщиков, которые несли подарки и одиннадцать ружей. К своему изумлению, он застал в королевском краале панику, вызванную рассказами Джекоба. Оказалось, Дингаан не только привел в боевую готовность всю свою огромную армию, но и отослал португальца, жившего здесь несколько лет, в Лоренсу-Маркиш, столицу Мозамбика, за ротой цветных солдат!

Финн вручил дары и вроде бы убедил Дингаана в том, что ему ничего не угрожает. Но когда он вернулся в Порт-Наталь, местный индуна заявил ему, что вождь снова собирается напасть на поселок. Колонисты снова попряталась, а индуна Сотобе поспешил доложить Дингаану, что белые попрятались вместе со скотом, который утаили от него, вождя! Дингаан выслал импи – вернуть скот, и поселенцы, в том числе и Финн, едва не расстались с жизнями.

> *Из неопубликованных записок Г.Финна, сохранившихся благодаря Э. Смиту.*
>
> *(Эти строки были написаны Г.Финном в ответ на утверждения о том, что он постыдно бежал из Порт-Наталя. Написаны в Пондоленде, где Финн искал временного убежища. Эти же события описал и Айзекс, но на свой манер):*
>
> «17 июля прибыл к ама-пондо. До этого мы мирно жили в Порт-Натале вплоть до возвращения последней миссии из Капской колонии. Джекоб с Оглом вернулись раньше Кейна и доложили, что губернатор отверг

слоновую кость, отосланную его Дингааном. Кейн был вынужден продать ее, чтобы купить Дингаану украшения.

Вскоре и Кейн вернулся, но разлившиеся реки затруднили его передвижение. За время его отсутствия прибыл посыльный от зулусов с приказом моему брату ехать к Дингаану. Они уехали вместе с Айзексом. Прошло десять дней, и прибыл вождь Умламбале и привез 4 быков и приглашение: все население с ружьями направилось на охоту за ворами, укравшими какой-то скот.

Тем временем я получил письмо от брата, в котором он рассказал мне, что слышал разговор Джекоба и Дингаана. Переводчик сказал вождю, что колония планирует напасть на зулусов. И тот снарядил отряды. То же самое повторил и Кейн, который видел на дороге несколько полков, марширующих в сторону поселка. Я срочно отослал людей и скот в соседний лес. Как раз в это время прибежал мальчик-зулус, с которым я дружил, и рассказал, что полки собираются напасть.

Прошло еще 4 дня (какие то были дни!), и прибежал гонец от Дингаана, сказав, что лично мне ничто не угрожает, а крааль Кейна окружен.

Вскоре мы снова отправились в резиденцию. На этот раз темой разговора были новости, которые Джекоб привез из Капской колонии. Джекоб начал с того, что был послан в колонию к губернатору Дингааном, чтобы забрать то, что тот даст. Губернатор отказался передавать подарки Дингаану. На обратном пути Джекоб встретил человека ндвандве – Имдвандо, который шепнул ему, что белые готовят атаку на зулусов и что лорд Сомерсет говорил: «Ждите, мы скоро придем!»

Прошло несколько месяцев, и «прогнозы» Джекоба не подтвердились. Дингаан понял свою ошибку и призвал поселенцев, покинувших свои места, вернуться и забыть страхи. Опальный Кейн даже взял на себя смелость посетить Дингаана!

Вся эта история оказалась настолько запутанной, что прояснить отдельные ее странички просто невозможно, да в этом и нет особой необходимости. Ясно одно: новый вождь зулусов не собирался повторять ошибки своего предшественника в отношениях с белыми пришельцами. Айзексу такие насыщенные событиями месяцы показались нестерпимыми. Он отбыл из Порт-Наталя в апреле 1831 г. на «Св. Майкле», чтобы никогда уже сюда

не вернуться.

В 1832 г. поселок состоял из нескольких хижин, построенных по типу африканских. Да и все селение очень походило на крааль. Четверо Финнов жили в доме отдельно, а остальные – Кейн, Огл, Холстед и новый член колонии, 19-летний Ричард Филипп Кинг – внутри ограды. Тревога за свою судьбу не покидала никого. Вскоре стали прибывать новые колонисты. Дингаан пока никому не мешал.

Тот же 1832 г. был отмечен важным событием – прибытием научной экспедиции Эндрю Смита.

В истории Южной Африки сохранилось немного экспедиций, о которых было бы известно так же мало, как и о поездке Смита к Дингаану в 1832 г. Причина в том, что «научные» цели ее долго держались в секрете, а результаты так и не стали достоянием гласности. Ни одного отчета о ней до сих пор не найдено ни в южноафриканских, ни в лондонских архивах. Смит, наверняка действуя по какой-то тайной инструкции, пытался создать впечатление, что поездка в Наталь носит научный характер, и в этом он явно преуспел. Искаженными оказались даже сами сроки экспедиции.

Правда об этой таинственной миссии пробивала себе дорогу буквально по крохам, по обрывочным сведениям из дневников различных путешественников и миссионеров. Поиск велся десятилетиями. И вот Персивалю Кирби удалось отыскать в одной из 14 неопубликованных рукописей загадочные дневниковые записи, вернее, обрывки записей, помещенные под заголовком «Записки касательно Наталя». На бумаге видны водяные знаки 1828 г. Графологический анализ показал, что эти полевые дневники принадлежат Смиту. Они содержат сведения о племенах, которые встречались по дороге. Смит был дальновидным и практичным человеком и догадывался, что любые подобные сведения могут пригодиться в дальнейшем. Дорог в Наталь тогда проложено не было – кроме тех следов, которые оставили фургоны Грина и Коуи в 1828 г. и Бейна в 1829-м. За рекой Умтатой далее на север перед путешественником лежали неведомые земли. Им Смит пророчил большое будущее.

В 1832 г. он опубликовал в «Грэхемстаун джорнэл» свои путевые зарисовки, воспользовавшись уже упоминаемыми нами неопубликованными дневниками Финна и, конечно, собственными наблюдениями. Имелся у него и другой источник – дневники Фаруэлла, не увидевшие свет, но хорошо послужившие Смиту.

Вернувшись из путешествия в Наталь, Смит, несомненно, докладывал о результатах своих наблюдений, ибо интерес к тем

землям возрос настолько, что 190 купцов собрались в Кейптауне и подписали «Мемориал» с требованием к правительству создать государственную службу в Порт-Натале с соответствующей военной охраной для торговли на местах. «Мемориал» содержит девять пунктов, в «семи из них упоминается Смит. Кроме того, «податели сего» попросили Смита написать «историческое сопровождение» к «Мемориалу», что и было исполнено 6 июня 1834 г.

Вот записи Смита, сделанные во время поездки из Порт-Наталя в краааль Дингаана с 28 марта по 14 сентября 1834 г. (сюда вошли не только его собственные наблюдения, но и те, что он старательно записывал за Финном, когда они путешествовали вместе):

«Состоялась первая беседа с Дингааном. Когда мы подошли, он обсуждал дела с вызывателями дождя. Он заявил, что они его обманывают. Ведь он послал им скот, но дождь не пошел, а пошел позже. Чака мало верил в колдунов и вызывателей дождя. Беседа, однако, не приводится. (Далее Смит подробно рассуждает о приветствиях. – *Н.Н.*) Когда Дингаан покинул место, где сидел, все сказали «Биатт» (Байете). Часть людей попадала на землю и ползла за ним, пока он не скрылся за воротами.

…Полагаю, что резиденция Дингаана располагается в 40 милях вглубь материка. Дожди здесь иногда начинаются в июне, а бывает, не случаются и до сентября. В январе сажают зерно, которое поспевает в феврале-марте. У них два сорта сырья для пива. Главная болезнь – дизентерия.

…Когда дырки в ушах становятся слишком большими, а африканцы этого не любят, то зулусы разрезают их еще, а затем соединяют разрезанные части, и те срастаются. Шесть пальцев у них не редкость, они перетягивают шестой палец ниткой, и он отсыхает. Цвет кожи у зулусов варьируется от черного до медно-желтого. У некоторых волосы растут на груди и под мышками. Многие имеют татуировку на животе. Они не носят колец из слоновой кости на руках, предпочитая коровий хвост вокруг колен и маленькие хвостики или куски кожи на лодыжках».

Экспедицию Смита сопровождало несколько европейцев. Один из них, юноша по имени Германус Бэри, сын англичанина и голландки, был настолько удивлен тем, что увидел в Натале, что

воскликнул: «О Боже, я никогда в жизни не видел таких милых мест!»

Благодаря подобным пылким отзывам население колонии стало расти. Кроме группы Смита, здесь появился Вильям Берг – бур и первый настоящий фермер. Проведя здесь некоторое время, Берг уехал домой с мыслями о плодородных землях и чудном климате. Его рассказы ползли от фермы к ферме, как пожар в саванне.

Что же происходило тем временем у зулусов?

Дингаан продолжал развивать торговые контакты с португальцами, начатые еще очень давно. Между 1825 и 1835 гг. торговцы тонга, да и сами португальцы нередко появлялись в зулусских краалях. В 1834 г. Финн сообщал, что зулусы буквально завалены всевозможными бусами. Тогда же Дингаан высказал мысль: он может перенести часть торговых сделок в Порт-Наталь, если убедится, что будет получать такое же количество медных изделий от англичан, как и от португальцев!

В начале 1830-х гг. зулусы очень заинтересовались огнестрельным оружием. Торговцам в Порт-Натале было строго-настрого запрещено продавать его африканцам, и Дингаан обратил взор к британским миссионерам, которые были менее подвержены контролю со стороны колониальных властей. Миссионеры (хороши слуги божьи!) даже втихомолку обучали индун пользоваться ружьями.

Любой отказ, выраженный в более или менее открытой форме, Дингаан воспринимал как оскорбление всего народа и «принимал меры». И хотя с португальцами он вел себя в общем-то доброжелательно, были и трагические истории. Однажды губернатор Лоренсу-Маркиша отказался предоставить ему ружья, и в португальские владения была послала мощная карательная экспедиция. Жители едва успели укрыться на островке в заливе Делагоа. Губернатор был убит. Но постройки зулусы не тронули, и город снова ожил.

На юге зулусский правитель повел военные действия против пондо. В этот период, где-то около 1833 г., во внутренних районах Наталя на берегу реки зулусскому импи повстречался отряд цветных охотников из Капской колонии. Недолго думая, зулусы убили семерых, а одного увели с собой. Тревожные слухи долетели до Порт-Наталя, и колонисты подумали, что зулусы убили братьев Кэвудов, которые также охотились в тех краях. Поселенцы решили напасть на отряд, когда тот возвращался домой. Совместными усилиями они организовали группу стрелков, которые нанесли импи сокрушительный удар – зулусы не ожидали залпов, и 200 воинов полегли на месте!

Реакция Дингаана была неожиданной. Он казнил уцелевшего командира этого отряда, отпустил метиса и приказал ослепить разведчиков, которые не удосужились понять мирные намерения охотников на слонов.

В 1834 г. число поселенцев заметно возросло. Усилились активность торговцев слоновой костью, конкуренция со стороны португальцев, а у берегов Наталя все чаще стали появляться американские китобойные парусники. Финн стал личным переводчиком сэра Бенджамина д'Урбана, губернатора Капской колонии, и надолго уехал из Порт-Наталя.

Зимой 1834 г. прибыли первые буры – 21 человек на 14 фургонах под началом Петруса Л. Уйса. Они разбили лагерь на берегу реки Мвоти. Буров хорошо встретили поселенцы, и энтузиазм последних возрос, когда они узнали, что это представители комиссии треккеров, посланных приграничными бурами исследовать земли на севере.

Другая группа – из Грааф-Рейнета и Колесберга пересекла Оранжевую реку и расположилась на землях суто. Здесь они увидели ненаселенные плодородные земли и решили, что именно в этих местах тысячи бурских семейств смогут найти убежище от британских властей. Дело оставалось за малым – решить вопрос о владении. Печальный урок Гербрантцера 1705 г. был, естественно, забыт. Буры никак не могли взять в толк, что для банту земля является собственностью клана, и даже сам вождь не вправе распоряжаться землей.

Хинтце, вождь коса, разрешил Уйсу поселиться на северных границах его земель. Но, прибыв сюда, Уйс обнаружил, что место занято! Здесь уже расположились пондо и их вождь Факу с той же сердечностью разрешил Уйсу селиться… на землях Хинтце.

После случая с охотниками на слонов Дингаан отозвал свои гарнизоны из отдаленных районов, и теперь на периферии зулусской империи пустовали многие плодородные земли. Уйс попросил Ричарда Кинга поговорить с Дингааном по поводу расселения буров. Вождь выслушал юношу со вниманием, но пожелал лично познакомиться с треккерами. Но Уйс лежал в лихорадке, а остальные были в отъезде, и потому к вождю поехал младший брат Уйса – Йоханнес. Разлившаяся Тугела не позволила ему перебраться на другой берег, где его поджидали зулусы. Уйс-младший не нашел ничего лучшего, как прокричать о своих намерениях и уехать. Вернувшись в Порт-Наталь, он сообщил, что земли свободны и можно трогаться в путь – Дингаан-де разрешил! На самом деле Дингаан ничего не знал о передвижения буров и такое беззастенчивое пренебрежение его властью породило цепную реакцию, которая позже привела к

трагическим последствиям.

1835 г. стал переломным в истории Южной Африки. До сих пор границы Капской колонии не знали сколько-нибудь значительных потрясений и тревог. Но сейчас они стали свидетелями массового исхода 14 тысяч буров! Великий трек на север стал главным событием консервативно настроенных поселенцев, желающих сохранить рабов. То был последний шанс для людей, хотевших увековечить образ жизни и намерения, которые повсеместно исчезали или уже умерли. На ранних этапах трек считали просто проявлением земельного голода, а поселенцы на границах Гриквеланда все еще ощущали себя капскими колонистами и ездили из Филипполиса в Колесберг платить налоги. Но к 1836 г. трек оформился в открытое бегство из-под британского контроля.

Буры быстро пересекали Оранжевую реку, двигались по землям гриква и оказывались на обширном внутреннем плато, пустынном из-за бесчисленных миграций в период междоусобных войн. Единственными противниками их стали летучие отряды матабеле того самого Мзиликази, который когда-то покинул Чаку и вызывал опасения Дингаана. Матабеле отступили перед огнестрельным оружием и вскоре исчезли за горами Матопо от глаз европейцев – на несколько десятилетий! Но перед этим они успели – и не раз! – сразиться с бурами.

Треккеры пересекли Вааль и добрались до Лимпопо, здесь часть их повернула на восток, прошла по перевалам Драконовых гор и оказалась в Натале. Они не желали подчиняться никакому правительству, намеревались сохранить рабовладение и устроить себе «леккер леве» – сладкую жизнь за пределами британских владений!

Буры, оставшиеся в колонии, с волнением ждали известий от пионеров. Между тем из Наталя поступали утешительные известия, и в путь пустилась очередная партия под началом Луиса Трихарда. Британская администрация словно не замечала действий буров. Параллельно этой группе на север шел отряд Ренсберга. 12 и 10 – таково было соответственно количество семей у каждого командира.

Группа Ренсберга исчезла без следа в полном составе, а Трихард осел возле Зуутпансберга. После неудачных попыток наладить торговлю с португальцами (те не могли разобрать языка африканеров) они несколько лет скитались по саванне и только в 1839 г. с 26 женщинами и детьми морем добрались до Порт-Наталя!

Следующие партии действовали с большей осторожностью. В начале 1836 г. Потгитер и Силиерс переправили через Оранжевую

65 семейств, заключили мир с Мшевешве, вождем басуто, и Сиконьелой, сыном всесильной женщины-вождя Мантатиси, но в октябре 20 тысяч воинов Мзиликази неожиданно напали на их лагерь Вехткоп. С помощью 40 ружей матабеле удалось отогнать, но те забрали скот, и Потгитер вынужден был вернуться на территории суто, где его ряды пополнились ста семействами Геррита Марица. Победу одержали сообща 187 буров и 40 гриква. В битве погибли 400 матабеле. Удалось отвоевать огромное стадо.

В апреле 1837 г. в район горы Таба-Нцу пришла новая группа переселенцев: 108 человек (не считая слуг) под началом Питера Ретифа. Запомним это имя! Предками Ретифа были потомки гугенота, бежавшего из Франции после отмены Нантского эдикта в 1688 г. Он родился возле сегодняшнего поселка Веллингтон и еще в молодом возрасте уехал на восточные границы колонии. К 1820 г. разбогател в Олбани и, завоевав доверие соотечественников, возглавил местное треккерское движение. В июне 1830 г. его торжественно избрали в Винсбурге комендант-генералом. Прежде всего новый начальник посетил всех местных вождей и заключил с ними договоры о дружбе.

На берегах рек Каледон и Вааль скопилось более тысячи бурских фургонов и около пяти сотен вооруженных буров. Ретиф обратился к Мзиликази с предложением о заключении мирного договора, но тот не ответил ему, и Ретиф стал готовиться к экспедиции.

Среди лидеров буров не было единого мнения относительно выбора «земли обетованной». Ретиф и Уйс стремились в Наталь. Потгитер намеревался осесть к северу от Вааля, а Мариц – на Высоком Велде. Шли бесконечные споры о дальнейшем направлении трека, о форме правления и т. д. Может, именно поэтому буры, не достигнув единства, понесли такие тяжелые потери?

В октябре 1837 г. Ретиф вышел к краю плато. Внизу раскинулись равнины Наталя. Далеко на востоке группа всадников батлоква гнала скот, отвоеванный у зулусов. Батлоква были одеты в европейскую одежду, умели обращаться с оружием и в то же время успешно использовали древние бушменские приемы скотоводства в горах: мазали землю навозом впереди быков, чтобы те думали, что здесь шли их предшественники, и бесстрашно карабкались по кручам.

У Ретифа было 50 фургонов, и он ждал прибытия новых семейств. Оставив обоз у подножия гор, он с 15 всадниками пустился в Порт-Наталь, чтобы договориться с поселенцами, а главное, с самим Дингааном.

В Порт-Натале жили в то время 50 белых и 3 тысячи африканцев размещались по соседству в краалях. Среди поселенцев появилась новая фигура, которая займет значительное место в нашем повествовании: Алан Гардинер.

Он родился в 1794 г. и четырнадцати лет поступил на службу в военно-морской флот. Достиг звания старшего помощника, но без дальнейшей поддержки не смог продвинуться по службе и решил стать миссионером. Приехав в Кейптаун в 1834 г., он в том же году добрался до Порт-Наталя и сразу же поехал в резиденцию Дингаана, чтобы добиться у того разрешения на миссию.

Из записок А. Гардинера:

«Он смотрел на меня довольно долго из-за загородки, потом сказал: «Вот животные, которых убили для тебя». Исчез. Скелеты семи быков лежали неподалеку от ворот крааля. Потом он снова появился из ворот, 14 или 15 придворных склонились перед ним.

На этот раз он вызвал меня с переводчиком ради развлечения. Дингаан, несмотря на присущую ему жестокость, не лишен чувства юмора. Он любит пошутить. Открытый двор, куда нас пригласили, наполнен 70–80 женщинами, все они сидели на циновках, в то время как сам он стоял на возвышении, откуда видел весь крааль, и именно отсюда исходят все его распоряжения. «Мои женщины не хотят верить, что ты можешь делать вещи, которые написаны, даже не находясь рядом. Докажи, что можешь».

Я отошел на достаточное расстояние за ограду, а мой переводчик под их диктовку написал карандашом имена 14 женщин, описавших свое местоположение, и меня снова пригласили. Точность моих суждений вызвала бурю восторга».

Не получив разрешения на миссию в первый раз, Гардинер вернулся в поселок. Ему все же удалось основать миссию в Береа, подальше от глаз Дингаана. Но во время следующего визита он уже уладил отношения с вождем и даже решил какие-то вопросы, затрагивающие колонистов. Дингаан предложил ему стать «вождем белого крааля», и Гардинер, окрыленный, поспешил на юг, в колонию, чтобы уведомить британские власти о своих новых полномочиях. Но коса были в то время в состоянии войны с Капской колонией, и Гардинеру не удалось получить у Факу разрешения на проезд по их землям. Он вернулся в Порт-Наталь.

В сентябре 1835 года на фургоне он вновь попытался прорваться через Драконовы горы.

В Грэхемстауне Гардинер узнал, что Д'Урбан сейчас в Порт-Элизабете. Ему удалось упросить Д'Урбана написать Дингаану письмо, в котором содержалось обещание навести в Натале порядок с беженцами. Но насчет самого Гардинера Д'Урбан ничего решить не мог и посоветовал ему ехать в Лондон. Особый комитет палаты общин уже не раз заседал по вопросу об аборигенах в колониях, однако Наталь в числе таковых не значился, да и вообще не являлся британской территорией…

Миссионерское общество позволило Гардинеру жениться во второй раз и написать книгу о зулусах, однако, подозрительно отнеслось к его вмешательству в политику.

Впрочем, оставим Гардинера на время в Лондоне и вернемся к вопросу о беженцах. Роль Гардинера в их судьбе оказалась для них нелицеприятной. Дело в том, что во время своих бесед с вождем он обещал тому выдавать беглецов в обмен на разрешение остаться и приобщать к Богу зулусов. Дингаан согласился, хотя, похоже, так и не смог понять сути предложения Гардинера. Но для него было важно одно – появлялась возможность наказывать предателей.

Миссионер поторопился сразу же исполнить обещанное и вернул вождю перехваченных по дороге беженцев. Всех их убили, и Гардинер должен был присутствовать при казни.

Был в соглашении между Дингааном и Гардинером еще один важный пункт. Его Гардинеру пришлось обсуждать не с самим вождем, а с главными его индунами – Нулелой и Дамбузой. Они недвусмысленно дали понять миссионеру, что нуждаются больше не в слове господнем, а в ружьях и инструкторе, который обучил бы их людей стрельбе. Дингаан не только поддержал своих индун, но и повелел непременно ввести такое обучение в Порт-Натале. Гардинеру отказали в миссии не потому, что зулусы боялись его. Индуны, эти холодные реалисты, знали, что он им ничем не поможет. В 1835-м году им нужен был не всевышний, а знакомство с огнестрельным оружием!

Индуны не были настолько глупы, чтобы не осознавать, что с поражением коса в шестой кафрской войне военные силы Капской колонии обратятся против зулусов. Ружья были нужны и для того, чтобы напасть на Порт-Наталь. С 1833 года индуны стали все чаще возмущаться тем, что все большее число перебежчиков находит приют под крылышком белых поселенцев. Они уже не раз говорили Дингаану, что нужно послать армию и наказать предателей. Два года вождь не отвечал на эти призывы, потому что не хотел раздражать белых, но сделал несколько мирных попыток отговорить их от этого. Но белые пошли на другой шаг. Они направили к правителю Гардинера с условием договора –

они не станут укрывать у себя беглых зулусов, но и Дингаан прекратит убийства своих соплеменников. Такое соглашение было заключено. На следующий день Ндлела и Дамуза сообщили Гардинеру, что сердце Дингаана подобрело, и ему, Гардинеру, разрешается открыть миссию в Зулуленде. В подарок миссии вождь отправил 12 быков.

Чернила на договоре еще не совсем просохли, когда стали поступать сведения о нарушениях соглашения белыми торговцами: они украли несколько зулусских девушек и спрятали в Порт-Натале. Реакция Дингаана была мгновенной: он приказал одному из участников разбоя – Т.Холстеду немедленно покинуть его страну и никому, кроме Гардинера, не пересекать ее пешком, и не переплывать Тугелу… На Гардинера тоже была возложена миссия – контроль за всеми белыми, входящими на земли Дингаана: с добрыми ли намерениями пришли они к зулусам?

Торговые отношения восстановились только в 1836 году, когда поселенцы помогли Дингаану вернуть скот, захваченный воинами Собузы, вождя свази.

Дингаан стал открыто требовать оружия! И торговец Блакенберт дал ему слоновое ружье, за которое получил от вождя 40 быков. Пример торговца оказался заразителен.

Финн считал продажу ружей Дингаану равносильным самоубийству. Но он явно преувеличивал опасность: при Дингаане зулусы так и не научились пользоваться огнестрельным оружием.

Эра зулусов-всадников с ружьями наперевес наступит еще не скоро – при другом вожде и совершенно иных обстоятельствах.

Итак, Гардинер уехал из Лондона без ответа. В мае 1837 г. он прибыл в Порт-Наталь с новой женой и тремя детьми от первого брака. В дороге одна из дочерей умерла, и первым его делом по приезде были похороны. В июне к нему присоединился другой миссионер – Френсис Оуэн с женой, сестрой и служанкой-валлийкой по имени Джейн Уильямс.

На том же судне приехали трое американских миссионеров, которые основали четыре миссии – две к югу от Дурбана (так теперь назывался Порт-Наталь – по имени губернатора Капской провинции), и две в самом Зулуленде, по протекции Гардинера. Оуэн расположился по соседству с самой резиденцией Дингаана в Эмгунгундлову.

Миссионеры эти прибыли из Бостона, штат Массачусетс для того, чтобы установить контакты с «морскими зулу» (люди Дингаана. – *Н.Н.*), они разделились поровну. Трое с женами поселились у Мзиликази без особых хлопот, а Алдни Гроут, Джордж Чемпион и Ньютон Адамс столкнулись с трудностями. «В

Дурбане мы нашли около 30 европейцев, двух женщин, одну из них замужнюю, а другую живущую просто так с одним из поселенцев. Большинство белых мужчин, – возмущенно писали миссионеры, – живут каждый с пятью или шестью зулусками».

Индуны были настроены против миссионеров. Ндлена и Дамбуза часто напоминали Дингаану слова Джекоба, что вслед за миссионерами придет армия, которая захватит все его земли. Индунам удалось убедить вождя, и тот велел отцам сначала построить себе дома в Дурбане, «а уж потом пусть снова приходят ко мне». «Если вам удастся научить мой народ читать и писать, то приходите сразу и научите меня всему этому, и тогда мне понадобятся школы в моей стране» (строчки из писем американских миссионеров, изданных позднее).

Первый визит американцев был обставлен с помпой. «Дингаан был облачен в красную мантию и восседал на высоком стуле. 50–80 человек сидели полукругом чуть сзади, над краалем стояла полная тишина. После вручения подарков вождь немного расслабился. Он внимательно осмотрел бритвы, зонтик, картинки, носовые платки, ножи, чайный прибор. Потом сказал, что хотел бы осмотреть наш фургон. Ему понравился рулон зеленой байки – мы вручили его ему» *(из дневников миссионеров)*.

Дурбан в те годы переживал период анархии. Власти не было. Гардинер противопоставил себя всему поселению и бомбардировал жалобами Лондон. Не хватало продуктов, прежде всего чая и сахара, а также одежды. С надеждой ждали жители приезда буров.

Такова была обстановка, когда 20 октября 1837 г. в Дурбан въехал Питер Ретиф. Поселенцы радостно восприняли новость о том, что треккеры намерены осесть по соседству.

Из Дурбана Ретиф послал людей за фургонами, оставленными в горах. Обо всем этом уже было известно Дингаану, который увидел в разворачивающихся событиях зловещее и сбывающееся предсказание Джекоба.

Внимание! Мы подошли к одной из самых загадочных страниц в южноафриканской истории XIX в. Историки говорят о ней противоречиво и сбивчиво: очень мало свидетелей и очень много подозрений. Мы постараемся быть объективными и осветить ход событий с разных сторон и по возможности наиболее полно.

Из книги епископа Дж. Коленсо «10 недель в Натале», Кембридж, 1855:

«В августе 1837 г. Френсис Оуэн с женой и сестрой осел в Порт-Натале в качестве первого миссионера

англиканской церкви у зулусов. Его рекомендовал капитан Гардинер, который в предыдущие годы добился у Дингаана разрешения на поселение «христианских учителей». В это время район Наталя был необитаем, кроме нескольких английских и голландских торговцев, живших по соседству с Дурбаном (название поселка будет у нас варьироваться в зависимости от источника).

Вскоре после приезда Оуэна поехал на север, где в пяти днях пути находилась резиденция Дингаана, и получил разрешение открыть миссию возле столичного крааля Умгунгунглову (транскрипция Коленсо. – *Н.Н.*). 10 октября работа началась и продолжалась в сложных условиях четыре месяца – на грани жизни и смерти»

Глазами Оуэна:

«Когда фургон остановился возле изи-годло (дома девушек), король, одетый в зеленую байковую накидку и красную головную ленту, выглянул из-за ограды и торопливо вышел пожать миссионеру руку. Спутницы мои оказались первыми белыми женщинами в краале. Дингаан, чье знакомство с красотой европейских женщин ограничивалось лишь картинками, внимательно их рассмотрел.

Я решил было начать занятия с 15 детьми, но Дингаан прервал их и стал подробно беседовать с миссионером о религии, обсуждать британскую королевскую семью или как получить порох из Порт-Наталя. Ндлела отнесся ко мне с подозрением и в беседе сказал, что считает учебу вредной для детей. Он предупредил меня, что король, хотя и главный человек, но ничего не решает без индун, а они – Ндлела и Дамбуза, и есть главные индуны.

26 октября Дингаан послал за мной, и когда я вошел, протянул мне письмо, которое ему только что принесли. Попросил прочесть. Послание было из Дурбана. В нем говорилось о приходе в Наталь большой группы белых эмигрантов из Капской колонии. Они пришли с миром, говорилось в письме, и просят разрешения посетить Эмгунгундлову и выделить им ненаселенные земли, чтобы осесть там. Далее описывалось, как они напали на страшного врага Дингаана – Мзиликази и разгромили его. И стояла подпись – П. Ретиф.

На следующий день Дингаан приказал мне

прочитать письмо Ндлеле. Оба слушали молча. Глаза их ничего не выражали. Взяв письмо, Дингаан сделал руками такое движение, будто хочет написать что-то и стал спрашивать о том, что такое письмо. Ндлела молчал.

Прошло пять дней, прежде чем Дингаан снова послал за мной и продиктовал ответ для Ретифа. Мне он показался превосходным. Импи зулусов, говорилось в нем, вернулись из земель Мзиликази с 110 овцами буров, и сейчас он намеревается вернуть их владельцам. К несчастью, часть их погибла в пути, и поэтому остались только шкуры. Он опечален, что его воины поймали только девять из украденных у буров быков и что те погибли. Такая честность была очень отрадна.

И еще одно письмо отослал он позже в Порт-Наталь, попросив пороха в обмен на слоновую кость».

Согласие было получено. 27 октября группа Ретифа отбыла в Эмгунгундлову в сопровождении Холстеда – старожила колонии, с ними ехали проводники и переводчики. Дингаан принял всех любезно. Он дал согласие на их поселение и сказал, что окончательный ответ будет дан через несколько дней. Все это время он развлекал буров танцами – 200 быков одного окраса вперемешку с воинами показывали чудеса пантомимы и строевых упражнений. Потом Дингаан отдал Ретифу шкуры овец, побитых в ходе кампании против матабеле, которые, в свою очередь, забрали у фермеров Вааля.

На 8 ноября Ретиф назначил возвращение в Порт-Наталь. К этому времени Дингаан вручил ему документ, составленный Оуэном. В нем вождь зулусов даровал требуемую землю, но сначала буры должны были найти и вернуть только что украденный скот. Его увели всадники, одетые, как европейцы, и вооруженные ружьями. Он заявил, что подозревает буров, и пусть они докажут свою невиновность.

Ретифу такая просьба показалась неосуществимой. Он знал, что скот украли батлоква Сиконьелы, они недавно сами себя выдали, пройдя с этим стадом в 700 голов через лагерь буров.

Но тем не менее, вернувшись в свой лагерь на реке Каледон, Ретиф послал всадников за Сиконьелой и, когда того доставили, заявил ему, что не отпустит вождя, пока тот не вернет скот.

Оуэн, которого Дингаан пригласил переводить первую беседу с Ретифом, нервничал и рассказал о своем состоянии бурскому начальнику. Передача дарственной была, по его мнению, незаконной, и Дингаан это тоже, похоже, сознавал. Что, если

поселенцы в Порт-Натале откажутся признать этот договор? Что, если станут настаивать на том, чтобы земли принадлежали Британии? Подчинятся ли треккеры англичанам? Нет, конечно, ответил Ретиф. Если такое случится, буры будут вынуждены уйти на север и искать новые земли. Но он, Ретиф, надеется, что этого не случится. Оуэн не скрывал своей тревоги. Он считал, что европейцы ни в коем случае не должны вмешиваться в трения между африканцами. Напрасно Ретиф ввязался в тяжбу с Сиконьелой. Но тот успокоил Оуэна: Сиконьела знает буров и отдаст скот без кровопролития.

Многие пытались отговорить Ретифа от задуманного. Дж. Чемпион, которого он навестил по дороге, посоветовал ему быть осторожным с Дингааном. Два года жизни в Зулуленде убедили его, что Дингаан не так прост, как кажется, и что он задумал убить Ретифа. Но бур только рассмеялся: «Нам, бурам, легче понять кафра, чем европейца!» А когда Чемпион возразил, что он – американец, Ретиф усмехнулся: «Разница такая маленькая, что не стоит говорить об этом…»

«Ни Чемпион, ни я не смогли отговорить Ретифа от опасной затеи, он покинул миссию и пошел к Тугеле», – пишет Оуэн.

Джозеф Керкмэн, переводчик Чемпиона, донесший до нас эту беседу, сообщает интересные сведения. По его словам, Дингаан собирался убить Ретифа еще во время первого приезда. Когда бур с товарищами еще были в его краале или только что уехали, Дингаан послал приказ вождю Изигвабане (Узилвербана – в искаженной передаче Керкмэна), чтобы тот пригласил Ретифа в свой крааль, развлек танцами, угостил молоком и пивом, а потом, когда люди потеряют бдительность, убил бы его. Изигвабана отказался выполнить этот приказ. Зная, что ему не поздоровится, он решил бежать из Наталя.

Но Дингаан предвидел это и послал армию к Тугеле, чтобы перехватить вождя. После боя на берегу насчитали 600 убитых. Пленных женщин провели мимо хижины, где жил Керкмэн, но он ничем не мог им помочь. Двоих женщин и ребенка вывели на казнь специально перед домом миссионера, но не добили, а оставили на съедение гиенам и птицам. «Я на свой страх и риск спас их, – пишет Керкмэн, – спрятал в высокой траве и кормил рисом с молоком. Ночью их перетащили в дом. Когда они поправились, то вместе с другими беженцами их переправили на лодке через Тугелу и вывезли из Наталя».

Ретиф тем временем и не подозревал о готовящемся на него покушении. Здравый смысл наверняка подсказывал ему: будь осторожен! Почему Дингаан обещал так много за такую малость? Для чего пригласил буров быть его соседями, ведь они не были

торговцами, даже не вручили ему сколько-нибудь значительных подарков. Да и помощь в конфискации скота не была ему нужна – он сделал бы это играючи своими собственными силами. Любой правитель – белый или черный – не стал бы заключать соглашение с теми, от кого ему нечего получить, но можно все потерять.

Ретиф не принял все это во внимание…

Более того, в письме, адресованном Дингаану от 8.11.37 (по всей видимости, оно было написано еще в самом краале Эмгунгундлову), Ретиф писал: «Из великой Книги Бога мы знаем, что вожди, творящие такие вещи, как Моцеликатсе (Мзиликази. – *Н.Н.*), всегда несут тяжкое наказание, им недолго остается жить и править, и если ты хочешь более подробно узнать, как Бог обращается с подобными вождями, можешь спросить у любого миссионера своей страны».

То была явная угроза Дингаану. Ретиф считал африканцев детьми, независимо от их статуса, с которыми нужно обращаться учтиво, но жестоко. Как он заблуждался! Теперь, если у Дингаана и были какие-то сомнения в отношении буров, то они развеялись, как сухая трава по саванне. Правы индуны и прав был несчастный Джекоб!

За день до последнего визита буров Дингаан послал за Оуэном, чтобы написать письмо Ретифу. Настроение вождя изменилось. Он просто источал доброжелательность. «Возврат скота (а Сиконьела вернул ему все!) растопил его сердце, – писал Оуэн, – теперь может прибыть со всеми своими людьми, *но без лошадей* (курсив мой. – *Н.Н.*) Когда миссионер спросил, как же они доберутся до крааля без лошадей, Дингаан смешался. Ладно, пусть будут при лошадях, и он прикажет своим воинам исполнить боевой танец – и он посмотрит, кто выглядит лучше! И ни слова об украденном и возвращенном стаде.

Оэун вернулся домой, полагая, что Дингаан все же не способен на вероломство. Вечером мимо его хижины прошли вооруженные импи в полном военном облачении.

Некоторые историки считают, что Дингаан намеревался разоружить отряд Ретифа еще при входе в крааль, попросив у них ружья и лошадей. Однако тщательный анализ дневников Оуэна показывает, что речь шла о тех ружьях и лошадях, которые Ретиф отнял у Сиконьелы. Иначе буры заподозрили бы неладное!

Многие буры сомневались в целесообразности поездки самого Ретифа, предлагая послать менее важную персону. Предлагали свои кандидатуры Мариц и еще трое-четверо влиятельных буров, однако Ретиф убедил товарищей, что это вселит неуверенность в и без того подозрительного правителя –

он решил ехать сам с эскортом из добровольцев. 60 человек вызвались сопровождать его, причем некоторые взяли своих сыновей в возрасте от 11 до 15 лет.

С отрядом буров, сопровождаемым 30 готтентотами, поехал и Холстед, сумевший за 13 лет жизни в Натале в совершенстве изучить язык зулу. Он вызвался быть переводчиком у Ретифа.

Ранним утром 3 февраля 1838 г. буры возвестили о своем прибытии залпом из всех ружей. Их встретила большая группа зулусов, и вскоре начались танцы, а бурские всадники продемонстрировали искусство верховой езды.

Оружие и седла сложили под большим деревом у входа в крааль.

На следующий день, 4-го, если верить Оуэну, ничего существенного не произошло. Только несколько полков зулусов прошли быстрым маршем мимо домика миссионера. То же повторилось и в понедельник, 5-го. Войска отдали традиционный салют и стали готовиться к танцам. Стук палочек о щиты показался Оуэну зловещим. Но это еще ничего не значило, хотя юный Уильям Вуд, переводчик миссии и сын торговца из Наталя, сказал Джейн Уильямс: «Вот увидите, завтра буров убьют…»

В тот же день Дингаан вызвал Оуэна и попросил показать дарственную на землю. Она была составлена на английском и переведена Дингаану. Вождь поставил на ней свой знак и при свидетелях документ передали Ретифу.

«Сим уведомляется, – говорилось в документе, – что П. Ретиф, губернатор голландских эмигрантов в Южной Африке, вернувший мой скот, украденный Сиконьелой, награждается мною, Дингааном, землей Наталя от Тугелы до Умзимвубу, которая может оказаться для них пригодной. Отдаю ее ему в постоянное пользование».

(Подобные дарственные уже неоднократно выдавали и Чака, а потом и Дингаан Финну, Фаруэллу, Кингу, Айзексу и Гардинеру, но это означало в глазах этих вождей лишь временное владение в течение жизни данного вождя.)

При этом вождь выказал единственное неудовольствие тем, что треккеры не привели самого Сиконьелу, которого надо было казнить. Потом снова начались танцы. Треккеры размякли от дуррового пива и потеряли бдительность.

Наступило утро 6 февраля. Перед отъездом Ретиф пошел попрощаться с Дингааном, которого, как всегда, окружали воины.

Почтительно, но непреклонно бурам указали, что ни один человек на свете не смеет приблизиться к вождю вооруженным, и предложили оставить оружие за порогом крааля, что буры и сделали. Без малейших подозрений. Их приняли, как обычно, на

скотном дворе – самом почетном месте, предложили сесть и пустили по рукам горшки с прохладным пивом.

Вождь встретил их, стоя посредине крааля, окруженный воинами. Потом сел сам и минут десять поддерживал беседу. Но потом, неожиданно вскочив, крикнул: «Хватайте колдунов!» И тут со всех сторон на буров бросились воины-зулусы и изрубили всех в куски. Одному человеку все же удалось убежать и сообщить скорбную весть своим соотечественникам. Такова версия, переданная епископом Дж. Коленсо.

Сразу же после убийства множество чернокожих высыпало из ворот крааля, таща безжизненные тела на холм Казней, усыпанный костями. Через полчаса останки 66 человек уже лежали там – на съедение хищникам. Не удалось убежать и слугам, которые находились за пределами крааля. Все, за исключением одного, были убиты, а лошади и оружие стали собственностью Дингаана. Число убитых превысило сто человек.

Оуэна при этом не было. Встреча с вождем была назначена на время после завтрака, и он, по своему обыкновению, в ожидании приглашения читал в своем доме. Какое-то мгновение он думал – пойти ли самому или нет, но потом решил не прерывать чтение, и это спасло ему жизнь.

> *Строки из дневника Р. Оуэна от 6 февраля 1838 г.*:
>
> «Ужасный день в истории миссии. Я содрогаюсь, вспоминая его. В тот день я сидел в тени фургона, читая Новый Завет, когда пришел обычный посыльный от короля, но он явно торопился, и глаза у него бегали. Я был уверен, что он сообщит мне что-то важное. «Вождь послал меня сказать тебе, чтобы ты не боялся, когда он станет убивать буров», – выпалил посыльный. Новость обожгла и поразила всю семью. Позади моей хижины и фургона, скрытый от глаз, стоял холм, где обычно совершались казни. «Там, – показал посланник, – они сейчас убили буров!»
>
> Я поднял глаза и заметил на холме оживление. 9 или 10 зулусов приходилось на каждого несчастного бура, увидевшего утренний свет в последний раз за воротами крааля. Двое из них незадолго до того приходили ко мне и завтракали за час-два до гибели. Когда я спросил, что они думают о Дингаане, они ответили, что он хороший. Они были так доверчивы!..»

Миссионер начал молиться за упокой души погибших. Вскоре за ним пришли, и он три часа пробыл при тиране, оставив свою семью в полном ужасе и неведении относительно своей судьбы.

Дингаан сказал ему, что он с семьей может уехать в любой момент, но обязательно оставит здесь все свои злые намерения.

«Хозяин не собирался убивать ни меня, ни других миссионеров потому, что нас мало, и он мог жить с нами в мире, ибо мы являлись частью его народа. Еще он говорил, что должен убивать всех захватчиков, что амба-баро (буры) пришли убить вождя как армия, и тем привели его в ярость».

Вскоре после резни в краале появились двое белых – Джеймс Броунли, переводчик, и Генри Венейбл, американский миссионер. Броунли приехал в ответ на пожелание Дингаана сменить переводчика, ибо «Холстед обманывал его», а Венейбл решил не упустить возможности побывать у вождя. Положение у них оказалось не из легких. Единственное, что им удалось увидеть, была куча ружей и багажа, охраняемая воинами. Когда ничего не подозревавшие путешественники спросили, где же Ретиф и его отряд, им сообщили, что белые гости отправились на охоту. В просьбе допустить их к вождю им отказали. Через час вышел Ндлела и сообщил об убийстве. Король, сказал он, убил их, потому что они намеревались выступить против него.

Венейбл нашел в себе силы спросить о школе, которую он намеревался открыть. Тот скорчил гримасу и спросил: «Не хочешь ли ты лучше научить наших людей стрелять из ружей и скакать верхом?»

Три дня спустя после резни Ричард Хелли, переводчик Оуэна, вернулся в Зулуленд из Порт-Наталя. Он ездил туда, чтобы пригласить Кейла и Гардинера на встречу Дингаана с бурами. Но оба англичанина наотрез отказались принять приглашение.

Не догадываясь ни о чем, Хелли спокойно следовал по дороге, не прислушиваясь к перешептываниям своих спутников-зулусов. Но приглядевшись к ним, он стал тревожиться, и тревога переросла в ужас, когда он увидел в небе над холмом Ква-Мативане стаи стервятников «Я сразу понял, что свершилось дьявольское дело», – пишет Хелли. Подъехал ближе, он увидел оторванный рукав рубашки в стороне от дороги, ведущей к холму. Несколько сваленных в груду седел подтвердили страшную догадку. Пришпорив лошадь, Хелли помчался в миссию. Она была пуста. На столе стояла посуда с остатками пищи. Тут из своей хижины к нему выбежал Оуэн. Не успели они выпить кофе, как Дингаан прислал за Оуэном гонца. Вождь встретил, его как старого друга: «Нам много надо друг другу сказать!» Он, вождь, не несет ответственности за происшедшее. Я заставил их ждать, пока не приедут Кейн и Гардинер, а когда они не смогли больше ждать я предложил им уйти спокойно». Так что вся вина лежит на Хелли, Гардинере и Кейне. Почему они не приехали? Белые

никогда не полюбят черных. Да, ему пришлось так поступить с бурами. Гардинер и Кейн заслуживают того же! Хорошая идея разделаться со всеми врагами сразу. Это слова Дингаана.

Вернувшись в миссию, Хелли оказал Оуэну, что уезжает немедленно.

Семейство Оуэнов быстро собралось и отбыло в Дурбан, там они пробыли какое-то время на островке в заливе среди других европейцев, которые жили в страхе перед приходом зулусских импи, пока их не забрал парусник.

Миссионер покинул страну, которую ему так и не удалось цивилизовать.

В свое время бытовало несколько версий о том, что англичане подговорили Дингаана убить буров. Основания для них такие.

Преподобный Эразмус Смит, бывший среди тех, кто бежал с Блаувкран-ривер, записал в своем дневнике 2 мая 1838 г.: «После первого визита Ретифа в королевский крааль в ноябре 1837 г. Дингаан послал письмо Гардинеру. В нем он спрашивал его, что делать с Ретифом и бурами, когда те вернутся со скотом, отнятым у Сиконьелы. Гардинер якобы ответил, что эти люди бежали от своего короля и он, вождь, должен поступить с ними так же, как и с собственными беглецами».

Далее, продолжает Смит, некто Стобс и Бланкенбарт тоже советовали Дингаану наказать беглецов. Все это он слышал от других людей, но сам корреспонденции не видел.

Бур Д.Р. Везуиденхоут свидетельствует: «Когда Ретиф был у Сиконьелы, двое англичан из Наталя (Гарнетт и Стаббс) побывали у Дингаана и вопрошали его: «Каков ваш закон по отношению к беглецам?» Дингаан отвечал, что порядки его страны требуют смерти. Гарнетт и Стаббс затем сообщили, что они, буры, и есть беглецы».

Карл Селиерс записал свои воспоминания в 1848 г.: «Мне рассказывали, как Дингаан выспрашивал у миссионеров, что ему делать, и получил такой ответ: он, видимо, сам знает, что делать с бродягами?!»

Некто Дж. Бошофф, прибывший в Наталь через три месяца после событий, писал пространные письма в «Грэхемстаун джорнэл», где утверждал то же самое.

А вот что говорит один из поселенцев Дж. Хаттинг: «После того как отряд Ретифа отдал салют в честь прибытия в крааль, Оуэн отправился к Дингаану и осведомился у него, знает ли тот, что эти люди – беглецы, что они укрываются от своего вождя?

20 июля 1838 г. некто Паркер, дезертир из английской армии, побывавший в Натале, написал майору Чартерсу, военному секретарю сэра Нейпира: «Убийство Ретифа и его людей

было результатом предательства англичанина по имени Кейн. Вероятно, Кейн, опасаясь, что Дингаан, милостиво приняв буров в первый раз и отдав им земли, выполнит свое обещание, и послал Дингаану сообщение, что буры покинули колонию против воли своего главного вождя и что они собираются вытеснить его, Дингаана, из его владений, и что он, Дингаан, не должен опасаться англичан – он не помогает бурам».

Паркер сообщил, что это все рассказал ему некто Туи, клерк одного из натальских купцов, а Туи узнал это от самого Кейна.

Дж. Тил добавляет, что подобное обвинение имелось и против Огла.

Несомненно, Дингаану кто-то сообщил, что буры – дезертиры. Но вспомним: в его стране селились, испросив высочайшего разрешения, тысячи одиночек. Значит, можно было по-иному объяснить вождю подлинные причины ухода буров из колонии? Но этого сделано не было. К тому же Дингаан был напуган активностью буров в отношении Мзиликази и Сиконьелы, а в сравнении с английскими поселенцами в Дурбане буры представляли существенную силу!

> *Два письма из архивов. От капитана Биггара – капитану Эватту в Порт-Элизабет, 17 марта 1838 г.:*
>
> «То, что Дингаан собирался убить буров – доказано. Я писал Ретифу, что бы тот был настороже, и другие лица предупреждали его – не верь Дингаану».

> *От Ф.Оуэна – Макклеланду в Порт-Элизабет, 16 марта 1838 г.:*
>
> «Мотивы, побудившие Дингаана совершить убийство, ясны. Я думаю, что задолго до убийства он прятал под миролюбием планы уничтожения буров. Он явно их боялся. Он ревностно и подозрительно смотрел на пришельцев и использовал первую же возможность уничтожить такой большой отряд».

Думается, основная часть вины за смерть буров лежит на британских торговцах, которые отказались продавать зулусам оружие. Ретиф вначале обещал ему ружья, но обещание не сдержал, понимая, что это чревато опасностью. Отказ Ретифа возмутил вождя. Он и земли-то обещал им в общем в обмен на лошадей и оружие!

Вскоре после убийства Ретифа и его людей один американский миссионер видел в руках у зулусов бурские «слоновые» ружья. Может быть, дай Ретиф ему оружие, Дингаан не пошел бы на убийство? Вряд ли.

Что же произошло потом? События последующих нескольких месяцев по драматизму могли бы растянуться на несколько лет. Калейдоскоп имен, географических названий, дат. Все новые и новые действующие лица.

Во второй половине дня убийства десять тысяч зулусов походным маршем вышли из королевского крааля и двинулись через Наталь, чтобы напасть на европейцев раньше, чем те успеют подготовиться. Разделившись на несколько крупных отрядов, утром 17 февраля они обрушились на бурские лагеря возле сегодняшнего местечка Винен, получившего свое название в память о трагических событиях тех лет (по-голландски «винен» означает «причитать», «плакать»).

Всего два-три бура ускользнули с поля боя и сообщили соседям о трагедии. По всей округе началось строительство круговых укреплений из фургонов.

Результатом первого рейда стали 41 убитый мужчина, 56 женщин, 185 детей и 200 слуг.

Уцелевших буров охватила паника, стали раздаваться голоса, призывавшие покинуть страну. Но раздались и другие – взывавшие к отмщению!

Комендanты Потгитер и Уйс, узнав о случившемся, поспешили пересечь Драконовы горы, чтобы помочь своим соотечественникам. Англичане в порту Дурбана, узнав о смерти Т. Холстеда и А. Биггара, убитых во время кровавого рейса по Наталю, предложили атаковать Дингаана с одного направления, в то время как буры пойдут на него с другой стороны. Однако последние решили действовать самостоятельно.

После смерти Ретифа главой натальских буров стал Питер Мариц, он и возглавил экспедицию против Дингаана. Но ни Потгитер, ни Уйс не пожелали подчиниться ему. После долгих дебатов решили так: Мариц останется в Натале и будет охранять здешние лагеря, а Потгитер и Уйс выступят против зулусов, действуя согласованно.

В начале апреля экспедиции тронулись в путь. Одна – из Дурбана – состояла из 20 английских торговцев и охотников, 20 готтентотов и 1000–1500 чернокожих беженцев из Зулуленда, на них можно было положиться. Этим отрядом командовал Роберт Бигтар, брат погибшего Александра. Через три дня они подошли к первому зулусскому краалю. Он оказался пустым – там остались лишь дети с матерями и скот. Между Кейном и Оглом произошла непристойная сцена – они не поделили добычу.

Одновременно вышла вторая экспедиция численностью 147 человек: Уйс и Потгитер выступили в направлении столичного крааля. Несмотря на то, что все они были вооружены ружьями,

затея была явно безрассудной, так как Дингаан мог выставить против них в сто раз больше воинов, обученных приемам ближнего боя, великолепно вымуштрованных и владеющих ассегаями. Не хватало лошадей, и люди очень устали, пробираясь по безлюдным, заброшенным, негостеприимным землям.

11 апреля они завидели невдалеке полк зулусов и напали на него. Преследуя отступавшего противника, незаметно спустились в долину. Перед ними были две параллельные гряды холмов, а между ними – длинная ложбина. Сюда-то зулусы и заманили буров, смело бросившихся за «бегущим» врагом. В узкой части горловины на них посыпались чернокожие воины, лошади стали неуправляемыми, поскольку зулусы издавали сильный грохот, ударяя ассегаями по кожаным щитам.

Немногим бурам удалось выскочить из этого ада. Сам Уйс получил ассегай в спину, упал с коня, призывая товарищей спасаться. Его пятнадцатилетний сын устремился на помощь отцу и тоже упал сраженный. (Второй сын Уйса спустя 41 год сражался против Кетчвайо и погиб в битве при Хлобане 28 марта 1879 г.)

Британская экспедиция, которая была вынуждена вернуться в Дурбан из-за ссоры среди командования, снова выступила в поход, но уже в несколько ином составе. Командовал ею Р. Биггар. В нескольких милях от реки Тугелы они наткнулись на зулусский полк, который «почему-то» предпочел скрыться, бросая горящие костры и оружие. Англичане пошли вслед за ним, пересекли Тугелу, захватили крааль на северном берегу и только тут обнаружили, что находятся между «рогов» семитысячной зулусской армии.

Битва, которая состоялась 17 апреля 1838 г., относится к числу самых безнадежных сражений того времени. Трижды отбивали англичане атаки зулусов, но когда тем удалось разделить британский отряд на две части, надежды на победу угасли. Одна часть пыталась бежать вниз к реке, но большинство беглецов нашли смерть в воде. Спастись удалось четверым англичанам, троим готтентотам и пятистам чернокожим.

Вторая группа была полностью окружена плотным кольцом зулусов. Они погибли все, но их тела были буквально завалены трупами воинов-зулусов. Всего погибло 13 англичан и тысяча чернокожих союзников.

После победы армия неторопливо двинулась к Дурбану. Ф.Оуэн и другие миссионеры, кроме американца Хиндли, уже находились на «Комете». Беженцы попрятались в окрестных кустарниках. Импи некоторое время постояли на побережье, разрушив несколько построек и захватив всю живность – вплоть до собак и кур, а потом вернулись в королевский крааль.

Группа Потгитера поспешила покинуть владения и на землях к северу от Вааля образовала первое постоянное европейское поселение. До сентября 1840 г. у них было собственное самоуправление, свой городок они назвали Потхемстром.

Уход Потгитера быстро компенсировали новые поселенцы – на этот раз это были 39 семейств под началом Карла Питера Ландмана. Эмигранты отклонили все требования властей вернуться в колонию. Их главной целью теперь была месть. К этому времени во всем Натале насчитывалось 640 мужчин, способных носить оружие, и 3200 женщин и детей.

В августе армия атаковала лагерь буров на Босман-ривер, однако отступила с большими потерями: буры научились строить оборонительные линии из составленных вкруг фургонов. Но среди буров свирепствовала лихорадка, запасы продовольствия были на нуле.

В том же году в Наталь прибыл Андрис Биллем Якобус Преториус. Его предки приехали в Южную Африку с первыми переселенцами из Южной Голландии. Он был малообразованным человеком, за всю жизнь не прочел ни одной книги, разве что Библию, и его знания и опыт соответствовали скорее XVII, нежели XIX в. Но в военном искусстве 38-летний комендант разбирался хорошо.

В начале декабря был сколочен отряд. Имевшие опыт боевых действий буры захватили с собой изрядное количество фургонов и несколько пушек. Всего было 464 воина, не считая вспомогательных частей и командования. В тот период реки Наталя разливались и были практически неодолимы. Единственным местом, где можно было пересечь Тугелу, оказалось местечко Кахтлабеба.

Вперед продвигались с осторожностью. Каждую ночь фургоны составляли вокруг лагеря, во все стороны рассылали конных разведчиков. Не было ни песен, ни криков. Несколько раз брали пленных, и Преториус всякий раз отправлял их к Дингаану с сообщением: если тот вернет все награбленное, буры согласны начать переговоры о мире.

Ответ вождь прислал в виде двенадцатитысячной армии, напавшей на лагерь 16 декабря.

Лагерь располагался на реке Инкоме, которая в том месте делает крутой изгиб и обеспечивала бурам надежный тыл. Зулусы пытались прорваться с открытых сторон, но артиллерия нанесла им огромный урон. Отряд кавалерии, высланный вперед, вызвал среди зулусских воинов смятение – лошадей они не знали. Всего среди буров оказалось трое легкораненых, в том числе сам Преториус. Потери зулусов – три тысячи воинов. Вода в реке

Инкома окрасилась в розовый цвет. С тех пор река стала называться Блад-ривер – Кровавой.

23 декабря отряд достиг Эмгунгундлову, но Дингаана там не оказалось – вождь предал крааль огню и бежал на север. На холме Мативане буры обнаружили останки Ретифа и его спутников. Они лежали нетронутыми, даже – с ассегаями, которыми были пригвождены к земле. Одежда и сумка с документом – дарственной, написанной рукой Оуэна, были в отличном состоянии.

Между тем власти в Кейптауне думали, как заставить буров вернуться в родные места. Может быть, отнять у них все продукты, амуницию? Но это означало обречь их на гибель. Не получив ответа из армии, власти направили в марте 1839 г. в Наталь 72-й полк горных стрелков и артиллерию – взять Дурбан. Порт был объявлен закрытым для всех, кроме чиновников с Капа.

Вскоре английский представитель, капитан Джарвис предпринял попытку заключить перемирие с Дингааном от лица буров. В принципе вождь уже не возражал против перемирия.

26 марта 1838 г. буры встретились с посланцами Дингаана, которым было сказано: мир наступит, если вождь примет соглашение с Ретифом как должное, вернет скот и другое имущество эмигрантов.

Зулусы заявили, что им необходимо довести эти требования до сведения вождя. Вскоре они вернулись и сообщили, что вещи собраны в одном месте и их можно забрать. После короткого совещания буры сколотили отряд в 334 человека и отправились за своим имуществом. Потом между бурами и англичанами начались длительные препирательства – кому принадлежат вещи. В результате, по чьей-то неосторожности взорвался порох в фургонах, и много людей погибло.

Пока буры договаривались с Дингааном, поползли слухи, что части британских войск высаживаются в Порт-Натале. Как ни велика была опасность, исходившая от Дингаана, эта была еще большей.

«Кости наших товарищей, безвинно погибших на этой земле, не дают нам права уйти отсюда, из страны, которой мы столько отдали», – писали буры Джарвису. В ноябре фолькстраад издал указ, предписывавший бурам противостоять англичанам всеми силами. Но опасения оказались напрасными – в декабре 1839 г. британские части неожиданно отплыли. Власти решили предоставить буров самим себе.

Приблизительно в это же время в стане зулусов произошло событие, повлиявшее на дальнейший ход истории. Среди сыновей

Сензангаконы резко возвысился Мпанде, младший из них. За него выступили некоторые влиятельные индуны, и среди них Нонгалаза, командовавший войсками у северных берегов Тугелы. Мятежный вождь с большим числом последователей – 17 тысяч человек – пересек Тугелу, бежал на юг искать защиты у европейцев.

В начале декабря бурская газета, выходящая в Кейптауне, «Де варе африкаан», опубликовала тревожное сообщение из Наталя. Речь шла о Мпанде, который якобы пересек Тугелу и с войсками движется в Питермарицбург. «Даже если правда то, что Дингаан с братом поссорились, вряд ли стоит доверять кому-либо из них, – писала газета. – Мпанде близок к тому, чтобы попросить союза с белыми эмигрантами, но это может быть только прелюдия к новому убийству. Буры могут рассчитывать только на себя и не полагаться на такой коварный народ, как зулусы».

Но Кейптаун далеко от Питермарицбурга, и, пока статья печаталась, буры уже знали наверняка, что намерения у Мпанде самые мирные и что приход его в Наталь – не угроза, а просьба о помощи.

Фолькспаад потребовал спросить с Дингаана все убытки, и Мпанде, не дожидаясь, пока вождь ответит, отдал три тысячи голов скота – все, что у него было, бурам. Кстати, Дингаан так и не ответил на это требование. Мпанде был провозглашен «правящим принцем мигрантов-зулусов» и тут же согласился участвовать в военных действиях против старшего брата. Он обещал прекратить гнусный обряд «вынюхивания» и бессмысленные убийства.

4 января 1840 г. войско в составе 400 буров и 6 тысяч зулусов выступило в поход. Дингаан узнал о приближении войска от своих разведчиков. Решив выиграть время, он послал для переговоров верных индун Дамбузу и Камбазану. Их сразу же арестовали и доставали к Мпанде. После недолгого суда их расстреляли.

Вскоре пришел посыльный от Нонгалазы, который ушел с колонной далеко вперед с радостным известием – 30 января на реке Уклузи произошло великое сражение у местечка Магонго. Победил Нонгалаза. Хотя импи Дингаана были многочисленнее, Нонгалаза применил хитрость: пустил слух – буры идут! Воины Дингаана в панике начали отступать. Бурам было возвращено 30 тысяч голов скота, собственностью фермеров стала тысяча зулусских сирот, всем им нашлась работа в хозяйствах.

Дингаан спешно отходил на север. Там он построил временный крааль, где и был убит людьми племени ньяво. Один из участников убийства, будучи уже в возрасте ста лет, в 1911 г.

сообщил, что на могиле Дингаана навалено три больших камня. Это место удалось отыскать только в 1947 г.!

Все зулусские воины поклялись в верности Мпанде, новому вождю зулусов. Но подозрительный правитель всегда руководствовался принципом: «Человек, однажды побывавший в шкуре предателя, может оказаться в ней снова» и всегда находил возможности избавляться от опасных людей, особенно из «старой гвардии». Даже Нонгалаза, так много сделавший для Мпанде, был зверски убит по его приказу в 1843 г.

Худшее было впереди! Слух о смерти Дингаана распространился по Наталю с быстротой ветра. Тысячи беженцев с юга и из Высокого Вельда стали возвращаться в старые краали. В 1841 г. фолксраад проголосовал за то, чтобы направить весь этот поток в какой-то отдельный район на юге от Наталя. Возле каждой бурской фермы можно было размещать лишь пять семей для подсобных работ. Факу, вождь амапондо, опасаясь что весь этот поток хлынет на его земли, пожаловался британским властям в Кейптауне на притеснения со стороны буров.

Власти отдали приказ захватить Дурбан капитану Смиту, герою Ватерлоо. Тот был встречен в Дурбане нервозно настроенными бурами и старыми поселенцами. Смит построил возле Дурбана укрепленный лагерь. Но силы у него были несравненно слабее, и вскоре он вынужден был послать за помощью в колонию Ричарда Кинга – того самого, что жил в Натале с 1828 г. Кинг знал язык зулу и участвовал во многих экспедициях поселенцев. Преториус послал за ним вдогонку отряд, однако Кинг добрался до Грэхемстауна за 10 дней вместо обычных трех недель. Памятник ему стоит в Дурбане, где он прожил до 1871 г.!

Власти признали буров мятежниками, и отныне фолксраад должен был подчиняться королеве. В 1844 г. Наталь был включен в состав Капской колонии, а с 1856 г. стал отдельной колонией Великобритании. То, что было дальше, – отдельная и длинная история.

Гибель «Медузы»

Тяжелые волны вздымаются к небу, грозя вот-вот опрокинуть утлый плот. Ветер с силою рвет парус, клонит мачту, удерживаемую толстыми канатами. На плоту – изможденные, отчаявшиеся люди. Кто-то потерял рассудок, другие погружены в апатию. Рядом с живыми лежат тела мертвецов. Взгляды тех, кто еще жив, обращены на дальний край плота, где африканец, стоя на шатком бочонке, машет красным платком появившемуся на горизонте кораблю. Но корабль далеко, и там, по-видимому, еще не видят терпящих бедствие… То отчаяние, то надежда наполняют души пассажиров плота, и это состояние отражается на их лицах.

Так изобразил эту драму художник Теодор Жерико на своей картине «Плот «Медузы»» (1818–1819, Париж, Лувр). А сюжетом для картины послужило событие, взволновавшее в ту пору всю Францию.

Теодор Жерико. Плот Медузы. 1819 год

17 июня 1816 г. небольшая французская эскадра – фрегат «Медуза», корветы «Эхо» и «Луара» и бриг «Аргус» – отправилась из Франции в Сенегал. На борту каждого из кораблей находилось немалое число пассажиров – солдат, чиновников колониальной администрации и членов их семей. В их числе были и губернатор Сенегала Шмальц, и солдаты «африканского батальона» – три

роты по 84 человека, набранные из людей разных национальностей, среди которых попадались и бывшие преступники, и разные сорвиголовы. Флагманским кораблем «Медузой» и всей эскадрой командовал Дюруаде Шомарэ, неопытный капитан, получивший эту должность по протекции.

Входившие в состав эскадры корабли обладали разным запасом хода, и тихоходная «Луара» начала отставать от головных. Между тем Шомарэ еще перед отплытием получил инструкцию от виконта дю Бушажа, министра по делам морского флота и колоний, предупреждавшую о том, что Сенегала надо достичь до наступления сезона дождей и штормов. Памятуя об этом, Шомарэ решил позволить «Луаре» плыть в своем темпе, а остальным судам приказал двигаться как можно быстрее. Вскоре отстал и «Аргус». «Медуза» и «Эхо» оторвались от остальных кораблей и ушли далеко вперед.

«Эхом» командовал капитан Бетанкур, опытный моряк. Однако ему пришлось во всем подчиняться Шомарэ, а между тем с капитаном «Медузы» творилось что-то странное: похоже, он попросту заблудился в море. При очередном определении курса разница между замерами Шомарэ и Бетанкура составила 8 долготы и 16 широты. Бетанкур был уверен в правильности своих результатов, но, соблюдая субординацию, промолчал. Через три дня Шомарэ рассчитывал достичь Мадейры, но этого не произошло: сказалась ошибка при прокладке курса. Но до Канарских островов все-таки добрались благополучно.

Запасшись в Санта-Крусе провизией, корабли продолжили путь. «Медуза» шла впереди «Эха». 1 июля корабли должны были миновать мыс Блан (Белый), но с борта «Медузы» этого мыса с характерной белой скалой так и не увидели. Шомарэ не придал этому значения, а на следующий день, отвечая на недоуменные вопросы офицеров, промямлил, что накануне они вроде бы проплыли что-то похожее на мыс Блан. На самом же деле фрегат ночью отнесло далеко к югу, и курс был выправлен лишь утром 2 июля. «Эхо» всю ночь шло правильным курсом, и к утру далеко обогнало «Медузу», скрывшись за горизонтом. Шомарэ был слегка удивлен исчезновением «Эха», но не попытался выяснить причины этого.

«Медуза» шла курсом, параллельным курсу «Эха», но ближе к берегу. Шомарэ боялся сесть на мель у побережья Африки и распорядился постоянно измерять глубину. При первых промерах лот даже не достиг дна, и Шомарэ успокоился, решив, что может беспрепятственно вести корабль к берегу. Однако более опытные моряки предупредили его, что корабль, по-видимому, находится в районе отмели Арген (на это указывал и окружающий пейзаж, и

изменение цвета моря там, где его глубина была меньше). Шомарэ отмахнулся от этого предупреждения. Наконец снова измерили глубину: она составила всего 18 локтей вместо предполагавшихся 80.

В этой ситуации фрегат могла спасти лишь быстрота реакции капитана, но Шомарэ впал в какое-то оцепенение и упрямо вел корабль навстречу гибели. В 160 км от берега «Медуза» со всего маху врезалась в мель.

Казалось, что еще не все потеряно: воспользовавшись благоприятным ветром, фрегат мог сняться с мели. Однако спасательные работы начались неорганизованно и беспорядочно, и первый день был потрачен без толку. Все дальнейшие попытки снять корабль с отмели оказались тщетными. До 5 июля «Медуза» беспомощно простояла на мели, пока наконец не было решено построить плот, сгрузить на него все припасы и использовать его наравне со шлюпками для эвакуации команды и пассажиров.

Неожиданно задул сильный ветер. Уровень воды поднимался, и появлялась надежда на спасение. Однако под порывом ветра судно завалилось набок и затрещало по всем швам. В корпусе открылась течь, два насоса не успевали откачивать воду. На борту началась паника. В этих условиях было решено срочно приступить к эвакуации людей.

В их распоряжении имелись шесть шлюпок и наспех сколоченный плот – около 20 м в длину и 8 м в ширину. На плот погрузилось большинство пассажиров и часть экипажа, а другая часть экипажа, сев в шлюпки, должна была буксировать этот плот, идя на веслах! Таким способом предполагалось преодолеть те 160 км, что отделяли людей от заветного берега. По всем морским законам Шомарэ как капитан должен был покинуть судно последним, но не сделал этого. Он, губернатор Шмальц и старшие офицеры разместились в шлюпках. Несколько младших чинов, тридцать матросов и большая часть солдат и пассажиров попроще перешли на плот. Командовать плотом было поручено гардемарину Кудену, с трудом передвигавшемуся из-за травмы ноги. Тем, кому выпало плыть на плоту, не разрешили даже взять с собой запасы провизии, чтобы не перегружать плот.

На покинутом фрегате осталось 17 человек, которым не нашлось места ни на плоту, ни в шлюпках.

Транспортировать громоздкий тяжелый плот оказалось крайне сложно. Гребцы выбились из сил. Их, как и капитана «Медузы», находившегося в одной из шлюпок, уже волновала мысль лишь о собственном спасении – вот-вот могла нагрянуть буря. Неожиданно канат, удерживавший на буксире плот, оборвался. Неясно, произошло ли это по чьей-то вине или просто

канат не выдержал. Ничем не удерживаемые, шлюпки с капитаном и губернатором на борту устремились вперед. Лишь экипаж одной шлюпки вновь попытался взять плот на буксир, но после нескольких неудач тоже покинул его.

И те, кто был в шлюпках, и те, кто остался на плоту, понимали, что судьба плота предрешена: даже если он и удержится какое-то время на плаву, у людей все равно нет провизии. На плоту – без руля, без парусов, которым почти невозможно было управлять, – осталось 148 человек: 147 мужчин и одна женщина, бывшая маркитантка. Людей охватило чувство безысходности.

Когда шлюпки начали исчезать из виду, на плоту раздались крики отчаяния и ярости. Когда прошло первое оцепенение, сменившееся чувством ненависти и горечи, начали проверять наличные запасы: две бочки воды, пять бочек вина, ящик сухарей, подмоченных морской водой, – и все… Размокшие сухари съели в первый же день. Оставались только вино и вода.

К ночи плот стал погружаться в воду. «Погода была ужасной, – пишут в своей книге воспоминаний инженер Корреар и хирург Савиньи, участники дрейфа на плоту «Медузы». – Бушующие волны захлестывали нас и порой сбивали с ног. Какое жуткое состояние! Невозможно себе представить всего этого! К семи часам утра море несколько успокоилось, но какая страшная картина открылась нашему взору.

На плоту оказалось двадцать погибших. У двенадцати из них ноги были зажаты между досками, когда они скользили по палубе, остальных смыло за борт…»

Лишившись двадцати человек, плот несколько приподнялся, и над поверхностью моря показалась его середина. Там все и сгрудились. Сильные давили слабых, тела умерших бросали в море. Все жадно вглядывались в горизонт в надежде увидеть «Эхо», «Аргус» или «Луару», спешащих им на помощь. Но море было абсолютно пустынным.

«Прошлая ночь была страшна, эта еще страшнее, – пишут далее Корреар и Савиньи. – Огромные волны обрушивались на плот каждую минуту и с яростью бурлили между нашими телами. Ни солдаты, ни матросы уже не сомневались, что пришел их последний час. Они решили облегчить себе предсмертные минуты, напившись до потери сознания. Опьянение не замедлило произвести путаницу в мозгах, и без того расстроенных опасностью и отсутствием пищи. Эти люди явно собирались разделаться с офицерами, а потом разрушить плот, перерезав тросы, соединявшие бревна. Один из них с абордажным топором в руках придвинулся к краю плота и стал рубить крепления. Меры

были приняты немедленно. Безумец с топором был уничтожен, и тогда началась всеобщая свалка. Среди бурного моря, на этом обреченном плоту, люди дрались саблями, ножами и даже зубами. Огнестрельное оружие у солдат было отобрано при посадке на плот. Сквозь хрипы раненых прорвался женский крик: «Помогите! Тону!» Это кричала маркитантка, которую взбунтовавшиеся солдаты столкнули с плота. Корреар бросился в воду и вытащил ее. Таким же образом в океане оказался младший лейтенант Лозак, спасли и его; потом такое же бедствие с тем же исходом выпало и на долю гардемарина Кудена.

До сих пор трудно понять, как сумела ничтожная горстка людей устоять против такого огромного числа безумцев; нас было, вероятно, не больше двадцати, сражавшихся со всей этой бешеной ратью!»

Когда наступил рассвет, на плоту насчитали умерших или исчезнувших 65 человек. Обнаружилась и новая беда: во время свалки были выброшены в море две бочки с вином и две единственные на плоту бочки с водой. Еще два бочонка вина были выпиты накануне. Так что на всех оставшихся в живых – более шестидесяти человек – теперь оставалась только одна бочка с вином.

Проходили часы. Горизонт оставался убийственно чистым: ни земли, ни паруса. Людей начинал мучить голод. Несколько человек пытались организовать лов рыбы, соорудив снасти из подручного материала, но эта затея оказалась безуспешной. Следующая ночь оказалась более спокойной, чем предыдущие. Люди спали стоя, по колено в воде, тесно прижавшись друг к другу.

К утру четвертого дня на плоту оставалось чуть более пятидесяти человек. Стайка летучих рыб выпрыгнула из воды и шлепнулась на деревянный настил. Они были совсем маленькие, но очень хорошие на вкус. Их ели сырыми. В следующую ночь море оставалось спокойным, но на плоту бушевала настоящая буря. Часть солдат, недовольных установленной порцией вина, подняла бунт. Среди ночной тьмы опять закипела резня.

К утру на плоту оставалось в живых только 28 человек. «Морская вода разъедала кожу у нас на ногах; все мы были в ушибах и ранах, они горели от соленой воды, заставляя нас ежеминутно вскрикивать, – рассказывают в своей книге Корреар и Савиньи. – Вина оставалось только на четыре дня. Мы подсчитали, что в случае, если лодки не выбросило на берег, им потребуется по меньшей мере трое или четверо суток, чтобы достичь Сен-Луи, потом еще нужно время, чтобы снарядить суда, которые отправятся нас искать». Однако их никто и не искал.

Израненные, обессиленные, мучимые жаждой и голодом люди впали в состояние апатии и полной безнадежности. Многие сходили с ума. Некоторые уже пришли в такое исступление от голода, что накинулись на останки одного из своих товарищей по несчастью… «В первый момент многие из нас не притронулись к этой пище. Но через некоторое время к этой мере вынуждены были прибегнуть и все остальные».

Утром 17 июля на горизонте показался корабль, но вскоре исчез из виду. В поддень он появился снова и на это раз взял курс прямо на плот. Это был бриг «Аргус». Взорам его экипажа предстало страшное зрелище: полузатонувший плот и на нем пятнадцать истощенных до последней крайности, полумертвых людей (пять из них впоследствии скончались). А спустя пятьдесят два дня после катастрофы был найден и фрегат «Медуза» – он, ко всеобщему удивлению, не затонул, и на его борту еще были три живых человека из числа тех семнадцати, что остались на корабле.

В числе спасенных на плоту были офицеры Корреар и Савиньи. В 1817 г. они опубликовали записки об этих трагических событиях. Книга начиналась словами: «История морских путешествий не знает другого примера, столь же ужасного, как гибель «Медузы»».

Публикация эта имели самый широкий резонанс. Франция была поражена, что ее просвещенные граждане могли опуститься до каннибализма, поедания трупов и прочих мерзостей (хотя удивляться тут, пожалуй, особо нечему – ведь пассажиры «Медузы» росли и формировались в кровавую эпоху революции и непрерывных войн). Разразился и немалый политический скандал: в трагедии «Медузы» либералы поспешили обвинить королевское правительство, которое плохо подготовило экспедицию.

Страшная катастрофа оставила заметный след во французской культуре. Были созданы трагедия «Плот «Медузы»» и одноименная опера; этот сюжет волновал и до сих пор продолжает волновать многих французских писателей и художников.

Не мог, разумеется, оставаться в стороне и Теодор Жерико – сама злободневность подсказала ему необыкновенно яркий сюжет!

Гибель Саморы Машела: небрежность или убийство?

Вопрос о том, кто же все-таки виновен в таинственной гибели президента Мозамбика Саморы Машела, был снова поставлен в повестку дня во время торжественной церемонии открытия мемориала, посвященного памяти первого президента республики. Выступая тогда в южноафриканском селении Мбузини, находящемся всего в нескольких километрах от мозамбикской границы, бывший президент ЮАР Нельсон Мандела обещал вновь начать расследование обстоятельств авиакатастрофы, происшедшей 19 октября 1986 г.

Трагедия случилась, когда Машел возвращался из Замбии. На подлете к столице страны, Мапуту, лайнер ТУ-134, предоставленный мозамбикскому президенту советским правительством, неожиданно сбился с курса, залетел в воздушное пространство ЮАР и там врезался в гору. Вместе с Машелом погибли 34 человека из его окружения и 5 членов советского экипажа. Тогдашние власти ЮАР не допустили на место катастрофы не только международных экспертов, но даже своих журналистов. Созданная Преторией комиссия заявила, что авария произошла в результате «небрежностей, допущенных советскими летчиками». Однако никто в мире этих выводов не принял. В тот момент ЮАР тайно участвовала в гражданской войне в Мозамбике, поддерживая группировку Ренамо, которая противостояла правительству Машела. Ясно, что юаровская верхушка могла быть заинтересована в физическом устранении Машела и захвате секретных документов.

Самора Машел

Вот почему сразу после трагедии появилась версия, утверждавшая, что катастрофа была спланирована и осуществлена военной разведкой режима апартеида. По словам южноафриканского журналиста Жака Дю-При, пытавшегося самостоятельно расследовать обстоятельства аварии, вполне возможно, что где-то в районе Мбузини был установлен радиомаяк, который посылал в эфир ложные сигналы. Эти сигналы и сбили с толку опытных советских пилотов. Дю-При разговаривал с местными крестьянами, первыми оказавшимися на месте катастрофы. В своих рассказах они упоминали о военной палатке, разбитой на горе, в которую врезался самолет.

В речи на открытии мемориала Мандела возложил вину за гибель Машела на расистский режим Претории. Он также выразил соболезнование послу Е. Гусарову в связи с гибелью членов советского экипажа. Министерство транспорта ЮАР приступило к изучению материалов о катастрофе.

Самора Машел стал в 1975 г. первым президентом Народной Республики Мозамбик. 14 миллионов мозамбикцев видели в Саморе живое воплощение единства нации, отождествляли себя с ним. Для него мир всегда представлял главную цель

деятельности как на национальном, так и на международном уровне.

В роковой воскресный вечер 19 октября 1986 г. самолет Ту-134А, на борту которого были возвращавшиеся из Замбии, с совещания глав «прифронтовых» государств, президент Машел и его советники, приближался к Мапуту. Советскому экипажу, работавшему в Мозамбике уже три года, предстояло совершить 66-ю посадку в местном аэропорту. Из предыдущих посадок по крайней мере две трети приходилось на ночное время.

Экипаж строго следовал заданным курсом, бортовые системы работали нормально, погода была благоприятная. Внезапно за 96 км до посадки самолет отвернул на 37 градусов вправо и 10 минут спустя столкнулся с горой в провинции Наталь Южно-Африканской Республики.

Самора Машел был ярым противником апартеида и расизма, насаждаемого ЮАР. Разумеется, отношения между соседними странами сложились весьма напряженные. По сообщению агентства ЮПИ, когда уцелевший после катастрофы офицер личной охраны президента Фернанду Мануэл Жуан добрался до ближайшей деревни и позвонил в полицию с просьбой оказать помощь пострадавшим, та приехала не сразу. Об авиакатастрофе в Мозамбике узнали только через шесть часов. Более того, по координатам, сообщенным юаровцами, следовало, что самолет разбился на территории государства Свазиленд.

Оператор телекомпании «Телесине» сказал, что уцелевшие пассажиры были очень удивлены поведением прибывших к месту аварии полицейских. Вместо того чтобы оказать стонущим, истекающим кровью раненым первую медицинскую помощь, они спросили: «Это обломки президентского самолета?» «Да, – ответили немногие из тех, кому посчастливилось выжить. – Вот здесь – тело президента».

Полисмены, не обращая внимания на раненых, осматривали руины, забирали все, что попадалось, – дипломатическую почту, документацию, деньги. Восьмерых пассажиров из-за черного цвета кожи в ЮАР лечить не стали. Медицинская помощь на самом высоком уровне была оказана лишь 37-летнему бортмеханику Новоселову – единственному, кто уцелел из экипажа (ушиб мозга; переломы ребер, ключицы, правой ноги). За ним ухаживали несколько медсестер, его навестил министр иностранных дел ЮАР Рулоф Бота. Через несколько дней советского бортмеханика переправили в Мапуту, а затем в Ленинград.

Владимир Новоселов в авиации работал не первый год. Заочно окончил Московский институт инженеров гражданской

авиации; с 1978 г. – бортинженер; налетал более 6 тысяч часов. В 1985 г., когда в Мозамбике заболел бортмеханик президентского самолета Ту-134, руководство Ленинградского объединенного авиаотряда сразу остановилось на кандидатуре Новоселова.

С мая 1985 г. Владимир работал в Мапуту. Вскоре приехали жена Надя, дети Лена и Антон; так началась для них новая жизнь. Экипаж президентского Ту-134 был очень дружный: командир Юрий Новодран, проработал в авиации двадцать пять лет; второй пилот – Игорь Картамышев; штурман – Олег Кудряшов; радист – Анатолий Шулипов. Все они не только летали вместе – дружили семьями; жили в одном доме, в одном подъезде.

Экипаж Новодрана – оперативный: только президента Мозамбика Самору Машела перевозил за последние месяцы девять раз. Часто летали министр обороны, министр иностранных дел, другие видные деятели партии ФРЕЛИМО, члены правительства. География полетов Ту-134А так же широка, как и сама Африка: Ангола, Замбия, Танзания, Зимбабве – словом, все «горячие точки» континента.

В чем же была причина катастрофы? «Я уверен, что это не авария – диверсия. Юаровцы ее спланировали заранее, – говорил журналистам Владимир Новоселов. – Им мешал Самора Машел, президент. Встреча Машела с президентами Заира, Анголы и Замбии носила конфиденциальный характер. В пункт N слетелось несколько машин других президентов. Самора Машел вышел из Ту-134 и пересел на другой самолет. Вечером того же дня, часов в шесть, он прибыл в Лусаку. Выглядел сильно уставшим, но, как и всегда, не подавал виду: шутил, смеялся. Я не припомню рейса, когда этот подвижный, неунывающий человек не зашел бы к нам в пилотскую и не справился о делах, настроении экипажа.

Самолет набрал нужную высоту и взял курс на Мапуту. Вместе с экипажем на борту находились 43 человека. Над Замбией стрелка высотомера показывала 11 400 метров. Когда пересекли границу Мозамбика, Ту-134 снизился до 10 600 метров. Новодран дал команду радисту Толе Шулипову запросить аэропорт Мапуту.

«Чарли-найн, чарли-альфа-альфа, – выговаривал в эфир радист позывной нашего самолета. – Разрешите снижение». – «Разрешаем».

«Погода была самая что ни на есть летная. Как сейчас помню рваные, жидкие облака, огни африканских поселков. Подчеркиваю: облака не были ни дождевыми, ни, как утверждают юаровцы, грозовыми. Мапуту лежал впереди слева. Где-то совсем недалеко, справа по борту, проходила граница Мозамбика с ЮАР.

Новодран попросил второго пилота осмотреть правую

полусферу. «Все в порядке, командир», – успокоил его Игорь. Мы медленно снижались, Высота 5200, 3000… До Мапуту оставалось 113 километров. Новодран выключил автопилот и уже вел самолет «руками». Юрий Викторович – отличный летчик. Даже штурман Кудряшов и радист Шулипов, у которых за плечами по 13–14 тысяч часов летного времени, и те не припомнят командира более опытного, чем Новодран.

Наш самолет шел курсом 170 градусов. Шасси пока не выпускали, закрылки тоже. К предпосадочной прямой готовы не были – рано.

Высота меньше 1000 метров. Последнее, что запомнил, – цифру 970 на приборе. И больше ничего…»

Через несколько минут Ту-134 разбился.

Вскоре после авиакатастрофы в ЮАР выдвинули версию, будто у некоторых членов экипажа был обнаружен в крови алкоголь. Позже министр иностранных дел Р. Бота был вынужден признать: ложную версию придумали местные авиаэксперты.

Поскольку упавший на южноафриканскую территорию самолет Ту-134А эксплуатировался Мозамбиком, а изготовлен был в Советском Союзе, в соответствии с действующими положениями Международной организации гражданской авиации расследование велось на трехсторонней основе, то есть ЮАР с участием представителей Мозамбика и СССР.

Все собранные материалы доказывали, что на протяжении полета самолет Ту-134А, его силовые установки, системы, узлы, агрегаты, а также бортовое пилотажно-навигационное и радиотехническое оборудование находились в исправном состоянии. Экипаж следовал строго по выбранному курсу, с отклонением от оси трассы в пределах не более 4–6 км, что вполне допустимо. Трехсторонняя комиссия в своем докладе констатировала: «В течение полета в работе систем самолета поломок и неисправностей не было».

Нормальные метеорологические условия: «Прогнозируемая погода была благоприятной для выполнения полета… Фактическая информация о погоде совпала с метеосводкой», – отмечала комиссия.

Что касается действий экипажа, то изучение материалов расследования подтверждает: на протяжении всего полета он находился в работоспособном состоянии, полностью контролировал ситуацию, четко вел связь с диспетчером аэропорта Мапуту, адекватно реагировал на пилотажно-навигационную информацию, поступавшую на борт.

Все члены экипажа имели квалификацию специалистов 1-го класса; их подготовка, психофизическое состояние, накопленный

опыт выполнения международных полетов, а также полетов по трассам Мозамбика, с посадками в аэропорту Мапуту, в том числе в ночных условиях, соответствовали самым строгим требованиям. Это подтвердила и трехсторонняя комиссия.

Экспертами были расшифрованы записи бортовых средств объективного контроля («черные ящики»); изучен радиообмен экипажа самолета и диспетчера службы УВД международного аэропорта Мапуту; проанализированы данные радиолокационной проводки самолета; осуществлены лабораторные работы. Помимо всего этого комиссия осмотрела место происшествия на территории ЮАР, неподалеку от мозамбикской границы; исследовала детали потерпевшего катастрофу Ту-134А, его системы и агрегаты; получила свидетельские показания.

Собранные за несколько недель многочисленные материалы были совместно обсуждены, систематизированы и согласованы. Однако при подписании 16 января трехстороннего протокола по докладу о полученной информации представители ЮАР, словно бы «забыв» о принятых ранее на себя обязательствах следовать процедурам ИКАО, категорически отказались продолжить работу в рамках совместной комиссии по подготовке заключительного отчета.

В связи с этим советская сторона внесла в протокол от 16 января 1987 г. официальное заявление. В нем указывается, что в полном соответствии с требованиями ИКАО необходимо провести совместную разработку анализа и заключения по результатам расследования.

Параграф 6.11, приложение 13 к Чикагской конвенции 1944 г. гласит: «Государству, проводящему расследование, следует направлять проект окончательного отчета всем странам, которые принимали участие в расследовании, с предложением высказать свои существенные и обоснованные замечания по этому отчету по возможности скорее». Вместо этого власти ЮАР в одностороннем порядке приняли решение о подготовке заключительного акта не совместной комиссией, а судом, начавшим свои слушания 20 января в столице ЮАР.

Председатель йоханнесбургской комиссии по расследованию причин катастрофы Сесил Марго, представители Англии и США, в частности, астронавт Френк Борман, заявили, что самолет отклонился от курса из-за ошибки экипажа, настроившего бортовое навигационное оборудование на радиомаяк свазилендского аэропорта Матсапа (вместо радиомаяка аэропорта Мапуту).

Советская сторона провела собственную оценку всех обстоятельств происшествия и пришла к заключению, что

причиной отклонения самолета от курса явилась работа ложного радионавигационного маяка, расположенного за пределами аэропорта Мапуту (считается, что это была преднамеренная и тщательно спланированная акция с целью уничтожения Саморы Машела).

За полетом Ту-134А пристально наблюдали радары ВВС ЮАР с самого момента его взлета в Лусаке. Если самолет не был сбит с курса электронным радиомаяком, то почему ВВС этой страны не предупредили экипаж о нарушении самолетом государственной границы?

Итак, материальная часть, то есть воздушное судно, функционировало нормально; опытный экипаж был здоров; полет осуществлялся в обычных метеоусловиях. Что же заставило президентский Ту-134А, летевший в Мапуту, за 96 км до посадки неожиданно отвернуть на 37 градусов вправо?

Проанализировав записи бортового речевого самописца, специалисты трехсторонней комиссии выделили ключевую фразу, проливающую свет на происшедшее событие. В ответ на замечание командира корабля в связи с отворотом самолета вправо штурман в своем докладе заявил: «VOR туда показывает». VOR – это высокочастотный всенаправленный радиомаяк, и судя по всему информация от него была принята бортовыми навигационными системами самолета.

Лабораторные исследования их электронных блоков подтвердили, что бортовая курсовая система настроена строго на частоту маяка аэропорта Мапуту. Именно на этой частоте более мощным ложным маяком передавалась заведомо неправильная информация, что и привело к изменению курса самолета. В результате на высоте 665 м, в горной местности, он столкнулся с землей.

На одном из заседаний суда в Йоханнесбурге утверждалось, что если экипаж и поверил другому маяку, это маяк в местечке Матсала (Свазиленд). Однако частота, на которой работал официально зарегистрированный свазилендский маяк, совсем иная, чем у мапутского. Проведенный советскими специалистами расчет зоны распространения радиоволн маяка в Свазиленде показывает, что маяк мог бы взаимодействовать с самолетом на расстоянии не более 135 км, что связано с затенением маяка горами. А Ту-134А в момент отклонения с установленного курса находился от Матсапы на расстоянии 202 км, его бортовое оборудование технически не могло воспринимать свазилендский сигнал.

Имеются ли объективные свидетельства, что действовал ложный VOR? По сообщению мозамбикской стороны, вечером 19

октября из города Бейра в Мапуту на 50 минут позже Ту-134А летел рейсовый самолет «Боинг-737—200» мозамбикской авиакомпании ЛАМ. Как и президентский самолет, он отклонился от трассы вправо и следовал параллельным курсом в направлении точки происшествия. Однако после того как зона аэропорта Мапуту была объявлена закрытой, диспетчер возвратил «Боинг» в Бейру. По заявлению экипажа, он полностью доверял показаниям бортовых навигационных средств, настроенных на VOR Мапуту, и продолжал бы полет, не внося никаких корректив в курс следования.

«Совокупность всех обстоятельств гибели самолета не оставляла сомнений, что это был результат диверсии, – заявил заместитель министра гражданской авиации СССР Иван Федотович Васин. – Преднамеренное воздействие эффективных наземных радиотехнических средств, расположенных за пределами аэропорта Мапуту, привело к отклонению самолета от заданного курса и столкновению его с землей на южноафриканской территории».

По словам южноафриканского журналиста Жака Дю-При, пытавшегося самостоятельно расследовать обстоятельства катастрофы, вполне возможно, что где-то в районе Мбузини был действительно установлен радиомаяк, который посылал в эфир ложные сигналы. Эти сигналы и сбили с толку опытных советских пилотов.

Дю-При разговаривал с местными крестьянами, первыми оказавшимися на месте катастрофы. В своих рассказах они упоминали об армейской палатке, разбитой на горе, в которую врезался самолет: она размещалась на расстоянии примерно 150 м от останков самолета. По показаниям очевидцев, стоянка была покинута на следующий день после катастрофы.

Спустя семнадцать лет после трагической гибели президента Мозамбика южноафриканские газетчики сделали достоянием общественности сенсационные признания бывшего сотрудника военной разведки ЮАР Ханса Лоува, отбывающего 28-летнее заключение в тюрьме Бавиааспоорт близ Претории.

По версии раскаявшегося профессионального киллера (вероятно, перспектива длительного пребывания в тюрьме без шансов на амнистию благотворно повлияла на его память), катастрофа президентского «Туполева» была подстроена агентами военной разведки ЮАР. Южноафриканские спецназовцы установили специальный прибор на самолет, который нарушил нормальную работу навигационной системы, что в конечном счете привело к авиакатастрофе.

Сам Лоув в то время находился в Мозамбике в составе диверсионной группы, задачами которой являлась страховка «плана А». В случае, если по каким-то причинам «жучок» на самолете не сработал бы, группа, куда входил Лоув, должна была сбить самолет Машела с помощью переносного зенитного комплекса. По его словам, спецподразделение действовало под прямым контролем правительства и было подотчетно совету безопасности и руководителю спецназа.

Видимо, желая привлечь к своей забытой персоне внимание общественности и втайне надеясь на прощение, Лоув сделал заявление властям о том, что его в тюрьме посещали члены тайных правоэкстремистских организаций, пытаясь получить от него «наводку», где искать некие компрометирующие нынешнее правительство черного большинства материалы. Как раз в то время, в конце октября – ноябре, в ЮАР членами подпольных правоэкстремистских группировок, представлявших интересы «угнетаемого белого меньшинства», была совершена серия «предупредительных» взрывов, обострivших социально-политическую обстановку в стране. Впрочем, угроза вооруженного переворота и установления кровавой диктатуры белых экстремистов оказалась сильно преувеличенной. Полиция достаточно быстро и не без помощи осведомителей из белой общины нашла и арестовала практически всех бомбистов-террористов.

На основании признаний Лоува, полиция допросила бывшего министра иностранных дел ЮАР Боту, который, по версии раскаявшегося диверсанта, прибыл на место катастрофы через тридцать минут в составе поисковой группы. Именно по его приказу якобы военный врач сделал смертельные инъекции еще живому Саморе Машелу и всем пассажирам, выжившим после падения самолета. По свидетельству Лоува, врач, прибывший вместе с Ботой на место катастрофы, являлся военнослужащим 7-го медицинского батальона, дислоцировавшегося в Претории. Этим подразделением руководил не кто иной, как Вутер Бассон, получивший прозвище Доктор Смерть и участвовавший в секретных разработках биологического и химического оружия. («ПГ» уже писала об этой программе, имевшей кодовое название «операция Берег»).

О заинтересованности пролить свет на тайну гибели Машела заявил и премьер-министр Мозамбика Паскуаль Мукумби. Правительство страны подняло из архива дело о гибели Машела и надеется докопаться до истины с помощью властей ЮАР. Подождем – увидим.

Племена и народы

Путь фульбе

На горных пастбищах Фута-Джаллона изнуряющая жара чувствуется не так сильно, как в соседней Нижней Гвинее. Но и здесь сказывается близость влажных тропических лесов. В ложбинах меж холмов – редкие поселения, маленькие круглые хижины, чем-то напоминающие ульи. Днем здесь все кажется вымершим.

Обычная картина любой африканской деревни. Циновка у входа в хижину приподнимается, и выходит рослый и статный человек. Но почему черты его лица так удивительно напоминают европейские? Он смугл, но не темнокож. Заезжий путешественник или, может быть, араб, отставший от группы кочевников на верблюдах? Нет, это чистокровный фула, давнишний житель этих мест.

Женщина племени фульбе

Многие современнее ученые используют в своих работах о фульбе названия этого народа, данные ему соседями: «фулани», «бафиланчи» и другие. Сам же народ называет себя «фульбе». Чтобы лучше обрисовать народ, надо прежде всего сделать выбор из множества названий, решили африканисты еще в прошлом веке. Однако к единому решению они так и не пришли до сих пор. Англичане называют этот народ «фулани», французы – «пель» и т. д. (Откуда произошло название «фульбе», никто не знает. Предполагают, что оно пошло от корня «пул» («фул») – «красный» или «коричневый».)

Фульбе можно встретить не только на гвинейском плато Фута-Джаллон. Они входят в состав населения более десяти западноафриканских стран: с севера на юг – от Мавритании и оазисов Сахары до Камеруна и Нигерии, с запада на восток – от побережья Атлантики до Судана. Особенно много их в Гвинейской Республике, Северной Нигерии, Камеруне и Сенегале. Именно в этих районах возникли в XIII–XIX вв. государственные образования – фульбские эмираты, заставлявшие соседей трепетать при одном упоминании о них. Да и не каждый европейский путешественник отваживался приблизиться к их границам.

Считается, что фульбе насчитывают около двадцати миллионов. Но это лишь предположение, и вот почему. Сейчас осталось не так уж много «чистых», несмешанных фульбе, таких, какими они пришли в Западную Африку в древности. Постоянное многовековое общение с оседлыми земледельческими народами дало свои плоды: большинство фульбе потеряли основные черты своего первоначального антропологического типа. «Чистыми» остались лишь племена пастухов-бороро, сохранившие в условиях своеобразной изоляции черты и обычаи своих предков. Речь о них пойдет дальше.

Фульбе принадлежат к тому небольшому числу африканских народов, о которых написано очень много, а известно мало. Множество ученых занимались проблемой их происхождения. На свет появились десятки увлекательных версий, но пока это только гипотезы.

В VII–XIV в. основные достижения в изучении географии Африки принадлежали арабским авторам. Арабские сочинения этих времен оказали существенное влияние на распространение в Европе сведений об Африке и ее народах. Именно арабам мы обязаны первыми более или менее точными упоминаниями о фульбе. Сведений этих мало, они поверхностны, но их значение велико: арабские путешественники констатировали, что в

Западной Африке фульбе жили уже давно, что представители этого народа занимали не последнее место в общественной организации древних государств Западного Судана. Принято считать, что первым о фульбе упомянул арабский историк аль-Макризи (1364–1442), который отметил двух фульбе, посланных правителем империи Мали ко двору государства Борцу. Так считают потому, что в более ранних источниках прямых упоминаний о фульбе нет, однако можно согласиться с мнением некоторых историков-африканистов о том, что Птолемей, говоря о «белых эфиопах», имел в виду именно фульбе; эти «эфиопы» жили на западноафриканском побережье, между 24-м и 21-м градусами северной широты. Можно добавить упоминание арабского автора аль-Бекри о людях по имени хунайхен, «подлинных детях Аллаха»; они не знали местных религий, не женились на местных женщинах, были белы кожей и красивы лицом. Может быть, это были не фульбе, а может быть, они.

Некоторые сведения о фульбе оставили первые европейские мореходы и путешественники, проникшие в глубь континента. Известный итальянский путешественник Альвизе де Кадамосто упоминает в XV в. о связях португальцев с неким Тамелой (или Тенгелой), называвшим себя «правителем фульбе»: «Он был отважным воином и часто воевал в районе Фута-Джаллона. У него было столько воинов, что, когда они пили из реки, она пересыхала». Того же Тамелу упомянул вслед за Кадамосто другой путешественник, уже известный нам Барруш. Эти и более поздние наблюдатели отмечали, что фульбе широко расселились на огромных пространствах Западной Африки. Что особенно удивляло ученых всех времен, так это поразительная этническая и антропологическая «стойкость» фульбе – свидетельство древности их родословной, их неясной пока до конца истории.

Большинство гипотез о происхождении фульбе собрано французскими африканистами Л. Токсье и М. Делафоссом и проанализировано российскими этнографами С.Я. Берзиной и С.Я. Козловым. У нас же речь пойдет о гипотезах, которых советская и российская историческая наука пока не касалась. Вне нашего поля зрения остаются «теории» типа «полинезийской», «иранской», «индийской» – их еще нельзя принять даже в качестве рабочих гипотез из-за недостаточной аргументированности. Подлинный интерес представляют гипотезы, связанные с басками, применительно к африканскому лингвистическому материалу. Сравнительное изучение африканских языков и языков Средиземноморья еще только начинается и, вероятно, принесет ученым множество сюрпризов. Вот несколько сходных форм баскского языка и языка фула:

Фула	Значение	Баскский	Значение
harl	свертывать	harid-datu	выжимать
haire	камень	harri	камень
seboore	колодец	zipu	колодец

Вполне вероятно, что судьбы древних народов Средиземноморья (включая Древний Египет), представлявших, как мы увидим ниже, определенное этнокультурное единство, могли быть настолько общими, что легко объяснили бы удивительные с точки зрения современной лингвистики совпадения в лексике различных языков, совпадения, которые нельзя назвать случайными. В этом районе земного шара скрестились исторические судьбы многих народов, и к распутыванию этого клубка ученые только приступили.

Гораздо больший простор для раздумий предоставляют сегодня гипотезы, созданные на основе изучения языка фула и устных традиций фульбе. Начальным звеном в цепи исследования в этом направлении послужило упорное утверждение самих фульбе, будто родина их предков лежит далеко на востоке.

Большинство африканских народов с неослабевающим интересом относится к истории своих этнических групп. Изложение истории жизни клана почти всегда сопровождается описанием генеалогии правителей и перечислением вождей. За сохранением этой «памяти» следили представители местной знати, следили также за тем, чтобы «память» эта не выходила за рамки традиционной элиты. Некоторые исследователи считают, что у африканцев существует больший интерес к истории своего народа или племени, чем, скажем, у европейцев. Маленький африканец, воспитанный в традиционном духе, очень часто обращается к истории своего народа, передаваемой из поколения в поколение стариками. Достаточно вспомнить западноафриканских гриотов – ведь это настоящие «ходячие архивы» африканцев. Легенды и предания фульбе тоже передаются гриотами, записаны они в XVIII–XX вв. и сходны у различных групп фульбе, живущих на значительном расстоянии друг от друга. Отличаются они лишь мелкими подробностями и не указывают точного места первоначального обитания фульбе, но можно предположить, что это были плодородные пастбища тех районов, где сейчас раскинулась Сахара, или долина Нила. Легенды некоторых скотоводческих народов Восточной Африки (например, масаев) заметно схожи с фульбскими, однако сказать что-либо наверняка пока трудно. Очевидно одно: очаг расселения

скотоводческих народов по Африке находился где-то между северным тропиком и 10-м градусом северной широты.

В 1897 г. в Лейпциге на немецком языке вышла книга итальянского антрополога Дж. Серджи «Происхождение и распространение средиземноморского племени». Маленький объем, непритязательность оформления и скромность самого автора послужили, видимо, основными причинами того, что книгу забыли. Считанные африканисты ссылались на нее в своих трудах (хотя море литературы по Древнему Египту и Северной Африке буквально захлестнуло книжный рынок историко-этнографической литературы на рубеже двух веков). Поскольку книга может помочь нам в поисках родины фульбе, мы постарались тщательно изучить ее. «Современный антрополог вряд ли сможет отличить череп древнего египтянина от черепа сегодняшнего эфиопа». Это ценное наблюдение Дж. Серджи полностью соответствует уровню современной антропологической науки. Ученый сказал в конце XIX в. то, что через десятилетия повторили другие: «По различным показателям (цвету кожи, строению волос) египтяне не принадлежат к европеоидам. Но они не относятся и к негроидам. Не несут они в себе и смеси «черной» и «белой» крови, как было принято считать раньше. Это особая, «коричневая» раса. Я не имею в виду последствия смешения в поздние эпохи. Смею утверждать, что в доисторическое время в Северо-Восточной Африке жило однородное население». Остается добавить, что современные ученые, согласившись с Дж. Серджи, назвали жителей этого района средиземноморской контактной расой.

Признавая несомненный факт миграции пастушеских народов из этого района Африки, Дж. Серджи, а затем и другие ученые пришли к выводу, что в числе прочих перемещений были массовые миграции на запад, к Атлантике. Там и сейчас живут многочисленные этнические группы, которые Геродот назвал «ливийцами».

Итак, «средиземноморское племя» было основой населения всего района. Следы его обнаруживаются в дольменах Франции, в многокамерных захоронениях на Британских островах, в неолитических погребениях Швейцарии, в скифских курганах, в мегалитических постройках на Канарских островах. Именно из Северо-Восточной Африки представители этого «племени» пошли по плодородным равнинам Сахары на запад. Пошли со своими домашними животными.

Сейчас существуют две теории одомашнивания скота и появления его в Африке. Согласно первой, скотоводство возникло как стадия развития сельскохозяйственной цивилизации и

распространилось у неолитического населения Ближнего Востока, сочетаясь с земледелием. Полагают, что оно проникло в Египет еще в V тысячелетии до н. э. Согласно другой версии, скотоводство возникло у охотников и собирателей района Сахары. Ученые единодушны в одном: огромные стада, когда-то прошедшие по Сахаре, стали причиной ее высыхания. Чьи это были стада?

Миграции африканских народов продолжались веками и не прекращаются по сей день. Часто на пути эмигрантов возникали препятствия – горы, могучие реки, леса, пустыни, зоны, зараженные мухой цеце. Незнание географии, страх перед неизвестным останавливали людей или сильно замедляли движение. Двигались обычно переходами по пятьдесят—сто километров, останавливались, строили хижины. Современные фульбе унаследовали от этих мигрантов многое, например быстрые разведывательные группы, осматривающие местность и вступающие в контакты с жителями. Но предполагаемое эфиопское или «нубийское» происхождение фульбе означает миграцию особого плана: пересечение всей Африки с востока на запад.

Французский этнограф Анри Лот попытался разобраться в этой проблеме. Большинство ученых и путешественников прошлого века не имели представления о том, что Сахара некогда не была пустыней. Единственным исследователем, выдвинувшим гипотезу о цветущей Сахаре, был немецкий путешественник Генрих Барт. Для середины XIX в. это было гениальное предположение, основанное на глубоком знании Африки и ее жителей. «Сахара не всегда была пустыней», – заключил Барт, увидев наскальные изображения быков в Толь-Изахрене. Здесь на скалах отчетливо видны сцены водопоя близ дороги, и есть все основания полагать, что скот использовался не только как средство пропитания, но и как тягловая сила, заменял сегодняшнего верблюда. Этого единственно возможного посредника между разрозненными пунктами привалов в Великой пустыне наших дней на древних и наскальных рисунках можно не искать – тогда в нем просто не было необходимости.

Предположения Г. Барта подтвердились: на огромном протяжении от Нила до Атлантики в Сахаре обнаружены рисунки быков. Значит, в определенную эпоху пустыню населяли скотоводческие народы? Изображения людей недостаточно однородны, чтобы понять, какая именно народность или даже раса представлена в наскальной композиции. В целом на рисунках стройные, гибкие люди, похожие больше на эфиопов, чем на жителей Западной Африки. У некоторых женщин на

изображениях характерные прически, они удивительно похожи на фульбские. Их косички – точные копии косичек фульбских девушек из Масины. «Стоя перед этими немыми свидетелями тысячелетней давности, я был поражен их сходством с фульбе, и, честное слово, первая мысль, возникшая при виде наскальных картин, была: это фульбе», – писал Лот. Характерные бычьи фигуры рядом с людьми только усиливают это сходство, а сцены танцев посреди стад точно отражают пастушеский уклад современных фульбе-бороро (то есть фульбе, не перешедших к оседлости, а оставшихся пастухами). В этих гармонических изображениях людей и животных четко видны различные детали, одежда из тонкой голубоватой ткани на смуглой коже. И быки, быки вокруг хижин… Как похоже это на фульбский быт!

Возраст рисунков вызвал множество споров, однако недавние находки неолитической утвари несколько прояснили картину: первые миграции с востока Африки на запад континента относятся к 5-му тысячелетию до н. э. Следы рисунков можно увидеть в различных горных массивах пустыни – Тибести, Восточном Тассилин-Аджере, Хоггаре. Первых двух пунктов мигранты с востока должны были достигнуть раньше других; наскальные рисунки там наиболее многочисленны и сконцентрированы. Все это дает основания полагать, что пастухи следовали прямо по территории нынешней пустыни, а не по саванне у ее южной кромки.

Качество наскальных рисунков разных массивов различно, и определить время их рождения сложно, однако прослеживается одна закономерность: к западу качество рисунков становится хуже, они блекнут, пропадает пластичность изображений, как будто наступает художественное вырождение. Объяснение этому найдено такое.

Песчаниковые плато Тассилин-Аджер и Тибести с многочисленными естественными укрытиями художники, конечно же, предпочли гранитному Хоггару, на последнем рисунков меньше. Можно предположить, что древние художники, выйдя из Тассили и двигаясь на запад, находили все меньше и меньше нужных им скал для рисования – попадались каменистые и песчаные пустыни.

Полагают, что первичной причиной миграции было чрезмерное развитие скотоводства – явление, вполне допустимое для зари одомашнивания, ведь у людей не было практического опыта разведения домашних животных. Быстрое размножение животных заставляло пастухов ускорять темп миграции и гнать скот все дальше на запад. Скорость передвижений росла, подгоняла Сахара: началось высыхание Великой пустыни,

остановить которое было невозможно.

Около VIII в. н. э. фульбе пришли в долину реки Сенегал, завоевали жизненное пространство на Фута-Торо (Сенегал) и в Масине (Мали), а оттуда пошли обратно на восток – искать новые пастбища. Сегодня мы наблюдаем картину их странствий: на огромном протяжении между плато Дарфур в Судане и рекой Сенегал рассеяны многочисленные группы одного и того же народа – фульбе. Остается, однако, нерешенным вопрос, где они жили до прихода в долину Сенегала. Некоторые ученые настаивают на их марокканской родине, но в качестве доказательств приводят только изображения людей эфиопского типа. Было бы абсурдом считать, что все «эфиопские» изображения в Сахаре – фульбские, в неолитический период ее травянистые долины населяли различные племена, как негроидные, так и эфиопидные, и все они могли принимать участие в миграциях, все они могли оставить свои «автографы» на скалах пустыни.

Тут может возникнуть справедливый вопрос: почему фульбе не сохранили до сегодняшних дней свое искусство рисовальщиков на скалах? Ведь среди современных фульбе мало художников. Но вспомним, что их искусство было уже на закате, когда они пришли в Западную Сахару, там рисунков почти нет. Однако у фульбе – превосходный художественный вкус. Немногие народы Африки так владеют искусством причесок, как фульбе.

Есть ли еще какие-нибудь подтверждения восточноафриканского происхождения фульбе? На помощь историкам и этнографам пришли специалисты по естественным наукам, а также лингвисты.

Исследования крови, проведенные французским ученым Ж. Иерно, дали следующие результаты. По некоторым параметрам фульбе оказались близки к таким народам, как гураре, фалаша, тигре, галла; большинство их – жители Восточной и Северо-Восточной Африки. Исследования дали и элементы сходства с жителями Средиземноморья.

Итак, данные естественных наук подтверждают неместное происхождение фульбе. Сложнее обстоит дело с лингвистическим аспектом проблемы.

Исследования в этой области почти не проводились, и в распоряжении ученых имеется лишь несколько работ. Австрийского лингвиста Г. Мукаровского заинтересовал вопрос: почему на огромном расстоянии от озера Чад до Атлантики многомиллионное фульбское население сохранило свое языковое единство? Он провел интересные наблюдения над словами nange – «солнце» и nagge – «корова» языка фула. Оказалось, что эти же

слова широко распространены у различных народов Западного Судана. Г. Мукаровский делает вывод, что такое распространение слова должно свидетельствовать о его солидном культурно-историческом возрасте. Фульбское слово nange встречается в виде nagano, nag или nak у различных западноафриканских народов. Но наиболее важным оказалось следующее наблюдение: слово nagge похоже на древнеегипетское ngw – «скот». Может быть, именно оттуда оно так широко распространилось по Западной Африке? Тогда кто был его носителем? Может быть, фульбе?

Вот еще несколько совпадений, обнаруженных в древнеегипетском и фула:

Древне-египетский	Значение	Фула	Значение
wn, wnn	быть на месте	won	быть на месте
bjn	быть плохим	bon	быть плохим
iw	оставаться, сидеть	djodd	сидеть
dd, ddj	приходить	iw-	выходить
mut	падать, опускаться	mut	опускаться
ng	корова, бык	nagge	корова, бык

Видимо, еще недостаточно хорошо изучены многие африканские народы, раз приходится столько гадать об их происхождении. Проблему фульбе решит время – вместе с учеными, которые продолжают работу.

За деревенскими хижинами под палящими лучами солнца собрались люди в голубых одеяниях. Начинаются состязания в красоте и ловкости, испытания молодых пастухов. Слышны громкие удары палкой по телу, но посмотрите: испытуемый улыбается и весело поет. Он не должен показать, что ему страшно или больно. Через несколько минут мужественный юноша станет взрослым, полноправным членом фульбского общества. Он пастух и должен быть готов к любым невзгодам!

Тиббу – «внуки эфиопов»?

За сахарские оазисы испокон веков велась ожесточенная борьба. Здесь столкнулись интересы туарегов и тиббу. Между ними в течение сотен лет шла война за владение богатыми и прибыльными соляными копями.

Особенно жестокие бои с переменным успехом происходили в середине XVIII в. А так как никому не удавалось окончательно завладеть соляными запасами в Бильме, возник модус вивенди, которого обе стороны должны были придерживаться в течение ста лет.

Однако в 1888 г. туареги объявили войну тиббу области Кавара и на сей раз одержали победу. В 1892-м тиббу отомстили за свое поражение, убив несколько сот погонщиков и уведя семь тысяч верблюдов. И только французские колониальные войска положили конец войне, усмирив и туарегов, и тиббу. В то время как туареги оказали пришельцам героическое сопротивление, тиббу ушли в недоступные горы и тем самым избавились от пагубного влияния захватчиков.

Один знаток тиббу писал, что в отличие от туарегов тиббу «отказались стать музейными экспонатами. Они смирились с оккупацией, потому что у них не было иного выхода, однако в долинах и недоступных горах они по-прежнему располагали полной свободой. Не существует точной статистики численности тиббу, за исключением цифр, которые сообщают вожди, нет и регистрации дат рождения и смерти, и если между ними происходят ссоры или столкновения, приводящие к непредвиденным последствиям, они никогда не обращаются за помощью к оккупационным властям…»

Люди народа тиббу

Всем, что стало известно в Европе об этом народе, мы целиком обязаны немецкому путешественнику Густаву Нахтигалю, давшему во время своего путешествия к султану Борну следующее весьма подробное их описание: «У большинства из них – темная кожа различных оттенков желтизны. Все худощавые, без икр, пропорционально сложенные, среднего роста, с очень тонкими конечностями; они значительно отличаются по своим внешним данным от того типа, который принято определять как негроидный. Волосы у них длиннее и менее курчавые, чем у большинства негров, бороды также жидкие; они выделяются живым и умным взглядом, изящной походкой и пластичными движениями. Тюрбан у них так уложен на голове, что закрывает подбородок, рот и нос. Одеты они бедно, на ногах у них в лучшем случае сандалии. Вооружены они пиками и метательными копьями, иногда встречаются большие овальной формы щиты из кожи антилоп. Волосы у женщин заплетены в многочисленные тоненькие косички. Выше локтя они носят с дюжину браслетов из рога или слоновой кости, несколько ниже – узкий браслет из агата или раковин каури, на пальцах рук надеты серебряные или медные кольца. Изящным и стройным ножкам этих полудиких красавиц могла бы позавидовать не одна элегантная европейская дама. Почти все в правом крыле носа носят украшение цилиндрической формы из благородного коралла. Одежда их состоит в основном из голубой шали, повязанной вокруг бедер, и такого же платка…»

Нахтигаль познакомился с народом, о происхождении и

истории которого мы по сей день знаем очень мало. Одна из причин этого – крайний недостаток достоверных исторических источников.

Тиббу никогда не создавали своего государства, у них никогда не существовало ни хроник, ни архивов. Им приписывают отсутствие объединяющего народ национального чувства. Так что мы можем лишь воспроизвести здесь некоторые теории, и то с большими оговорками. Французский географ Огюстен Бернар полагает, что тиббу, так же как и туареги, являются потомками гарамантов, которые, однако, смешались с каким-то негроидным туземным народом. В пользу этого говорит тот факт, что их обычаи и нравы очень похожи на обычаи и нравы туарегов. Таким образом, по его мнению, – это берберы, освоившие один из суданских языков.

К совершенно противоположному мнению пришел французский этнолог Жан Шапелль. Он считает, что тиббу – потомки не гарамантов, а преследуемых гарамантами «эфиопов». Действительно, многие обычаи и внешний облик тиббу могут служить доказательством этой теории. Геродот писал о «живущих в пещерах эфиопах». На самом деле, нагорье Тибести, которое граничит с землей древних гарамантов, – это область, изобилующая пещерами, а тиббу и поныне часто живут в пещерах или под скальными карнизами. Сообщение Геродота, что язык эфиопов звучит как птичье щебетание, также, по мнению Шапелля, подтверждает его теорию. Он приводит цитату из «Грамматики теда-даза» (подгруппы тиббу) Ш. и М. Ле Керов: «Голос несколько секунд остается на очень высоком тоне… Это чередование нот всегда и во все времена приводило народы, контактировавшие с теда, в ужас. Возможно, Геродот отразил это изумление…»

Англичанин Найджел Хесселтайн обращает внимание на то, что семь тысяч лет назад в Тибести жили скотоводческие племена, которые вынуждены были под угрозой прогрессирующего распространения пустыни пересечь ее и направиться на юго-запад. Их потомками считают фульбе в Западном Судане, о которых мы уже рассказывали. Эти скотоводческие племена были создателями части наскальных рисунков в Сахаре. Языковое родство между фульбе и тиббу позволило Хесселтайну сделать вывод, что тиббу являются потомками тех скотоводов, которые не эмигрировали в Западный Судан, а остались в Тибести. Умение рисовать на скалах и другие навыки утрачивались ими из поколения в поколение, так как тиббу были вынуждены направить все свои силы на то, чтобы перенести ухудшающиеся условия жизни в пустыне.

Тиббу, получившие свое название от нагорья Тибести, состоят из нескольких небольших групп, язык которых отличается незначительными диалектными особенностями. На севере, в Тибести, до самого Фецдана, живет группа теда; на юге, вплоть до Борку, – группа даза совместно с подгруппой креда (у Бахр-эль-Газаля); в горах Эннеди, на юго-востоке от Тибести, обитают бидеяты, а южнее, в Дарфуре и Вадаи, – группа загава.

Нагорье Тибести – родина тиббу. Это дикий, непроходимый край, на севере которого расположен перевал Куризо, служащий воротами в горную страну. «Ворота» эти—узкое отверстие между черными скалами – во время Второй мировой войны были настолько расширены, что могли беспрепятственно пропускать моторизованные транспортные соединения. Техника проходила здесь, когда французские войска, сконцентрированные в колонии Чад под командованием генерала Леклерка, вступили в бои в Северной Африке. На путешественника, направляющегося с севера, перевал производит сильное впечатление еще и потому, что здесь растет акация – первое дерево после тамарисков Уиг-эс-Серира, расположенного в ста пятидесяти километрах отсюда.

Карты Тибести были составлены после 1920 г., то есть после того как французский офицер Тильо пересек страну вдоль и поперек верхом на верблюде.

Тиббу всегда очень тяжело жилось в этом краю. Они вынуждены были беспрестанно бороться с голодом. Вот что пишет по этому поводу Нахтигаль:

«Наше прибытие в Тао совпало с самым тяжелым временем года, когда недостаток в пище вынуждает немногочисленное население менять местожительство. К лету у жителей юго-западной половины Тибести кончаются запасы зерна «духи» – высокой, ветвистой травы, а козы и верблюды перестают давать молоко; их убивают лишь в случае крайней необходимости. Жесткие плоды пальмы-дум не могут насытить даже непритязательных тубу (тиббу). Многие уже перекочевали в более плодородную долину Бардаи на северо-востоке нагорья. Шатры и многочисленные пещеры были в основном пусты. Вождь Тафертеми также покинул соседнюю долину Зуар, где остались лишь очень немногие благородные тиббу, которые вышли нам навстречу. Когда они уселись широким полукругом перед моей палаткой, то больше походили на сборище голодных и оборванных бандитов, чем на собрание самых благородных людей племени. Свита их выглядела еще более убого… Они сразу потребовали угостить их горячим ужином…»

Английский путешественник Ричардсон еще сто сорок лет назад описал невзыскательность и выносливость тиббу: «Когда

тиббу, житель Тибести, отправляется в путешествие, у него с собой только козий бурдюк с водой и несколько горстей фиников. Если эти запасы кончились, он может три дня подряд ничего не брать в рот, просто туже затягивает пояс и продолжает свой путь. На следующий день он снова затягивает пояс. Если же он и после этого не находит ничего съестного, то уже всерьез огорчается…»

Жизнь тиббу Тибести подчинена строгому ежегодному ритму. Они кормятся за счет своих стад и садов. В Тибести живут лишь восемь тысяч тиббу (в общей сложности считают, что их не меньше ста пятидесяти тысяч), которые вырастили около пятидесяти шести тысяч плодоносящих пальм. Поголовье скота составляет восемьсот верблюдов, семьсот ослов и пятьдесят тысяч овец. С февраля до июня стада пасутся в низинах, затем они переходят в горы, где к этому времени выпадают первые дожди. В этот период обрабатываются сады. Зерновые они сеют в феврале, а в июне уже собирают урожай. С конца июля до начала августа снимают урожай фиников. Уборка урожая – дело рабов, пленных и стариков, оставшихся в долине. Зимой мужчины отправляются в ежегодное путешествие в Феццан или Куфру, где они обменивают свои сельскохозяйственные продукты на другие, нужные им товары.

У тиббу, как и у всех народов Сахары, своя социальная иерархия. Правда, она не настолько резко выражена, как у туарегов. В основном различают «благородных» и вассалов. Последние обязаны платить дань «благородным». Следует отметить, что «благородные» не считают ниже своего достоинства работать. У тиббу нет царя, высший авторитет для них – вождь племени. Однако и он не обладает большой властью. Его главная функция – «внешнеполитическая». Вождь обязан вести переговоры с другими племенами, если речь идет о разграничении пастбищ и т. п. Раньше он был также военачальником во время войны. Не располагая никакой реальной властью, чтобы провести в жизнь то или иное из принятых решений, он выполняет лишь посреднические функции. В прежние времена из господствующего клана Тамагра, перекочевавшего в конце XVII в. из Чада в Тибести, избирался дарде – «султан Тибести». Эта должность была упразднена после французской оккупации страны. Однако и до оккупации авторитет «султана» или, вождя племени, был не очень высок. Это отмечал, кстати, и Нахтигаль. Он писал: «Политический союз слаб, власть вождей ничтожна, традиции и обычаи в какой-то степени являются связующими узами. Тиббу подразделяются на «благородных» и народ.

Во главе общества стоят князья с незначительными правами и доходами. Простой народ не имеет ни прав, ни обязанностей.

Там, где неблагородные тиббу, как, например, в Бардаи, не занимаются земледелием, они полностью отданы на милость «благородных». В западной части страны, где почти ничего не растет, каждый третий тиббу является майной, то есть «благородным». Правда, «благородный» может быть облачен в лохмотья и истощен голодом, но от этого тиббу не становится менее гордым и требовательным.

Хотя социальная структура тиббу по сравнению с туарегской выражена слабо (вероятно, прежде всего из-за нежелания признать кого бы то ни было «вождем»), особое положение хаддадов – кузнецов – проявляется более четко, чем у туарегов. Кузнецы образуют относительно многочисленную касту – азза, куда входят и представители других профессий, как, например, деревообделочники, скорняки и охотники, так как кузнецы-тиббу обрабатывают исключительно металл. Если в настоящее время они получают сырье путем торговли, то раньше тиббу сами добывали металл в Тибести. Тогда железо встречалось редко и стоило очень дорого. Частично они использовали метеоритное железо, а южнее уэда Н'каола добывали содержащую железо горную породу, которую обрабатывали в примитивных плавильных печах.

Азза были в прежние времена своего рода зависимым от «благородных» тиббу рабочим классом. Каждое племя азза подчинялось какому-либо племени «благородных» и было обязано платить ему дань. Азза сохранили множество доисламских обычаев. Это опять-таки позволяет предположить, что они не тиббу, а потомки другого народа, который жил в Тибести до прихода сюда кочевников-скотоводов и в обычаях и нравах которого сохранились остатки первоначальной сахарской культуры.

В Тибести в настоящее время происходит процесс, противоположный тому, который наблюдается на северо-западе Сахары. Если там кочевничество идет на убыль, то в Тибести оно процветает. Как только оседлый или полуоседлый тиббу заработал достаточно денег для покупки нескольких верблюдов, он тут же снимается с места. Причина, очевидно, не только в дальнейшем наступлении пустыни, но и в стремлении тиббу уйти из-под контроля властей, сохранив свободу.

Котоко – люди, живущие в лодках

Любой человек, оказавшийся летним днем в африканской полупустыне, поймет, что значит мучиться от нехватки влаги. Июнь в Сахеле – сухое, беспощадное время года. Вокруг мелкий песок да обожженная горячими ветрами и солнцем глина. Тем радостней будет встреча путешественника с озером Чад. В этот период озеро испаряется почти наполовину, обнажая часть дна. Однако даже теплая вода озера, затерявшегося в африканских просторах, окажется для странника спасением.

Еще в XIX в. европейцы знали об озере Чад лишь от арабских путешественников, сообщавших, что в центре Африки находится» море». В 1823 г. английские первооткрыватели Денхэм, Клаппертон и Оудни пересекли Сахару и поведали цивилизованному миру о чудесном озере. Оно располагается на высоте 240 метров над уровнем моря, занимает площадь 24 000 квадратных километров, а глубина его составляет всего пять метров.

Вождь племени котоко

В наши дни прибрежные земли населяют племена котоко. Так называли эти племена арабоязычные народности. Сами же люди племени котоко рассказывают о себе невероятные истории. Они считают себя народом без племени и утверждают, что в давние

времена «вышли из-под воды». При этом они подробно описывают свою жизнь на дне озера, приводят такое количество бытовых деталей, что невольно начинаешь задумываться: а вдруг в словах этих полудиких людей действительно есть доля правды?

Хижины в селениях котоко расставлены в порядке, четко повторяющем расположение звезд в той или иной части неба. Каждому селению соответствует определенное созвездие. Жилища находятся на равнине, которая периодически затапливается водами озера Чад.

Наступает сезон дождей, звезды в ночном небе скрываются за тяжелыми тучами, а хижины в селениях загадочного племени погружаются в воду. Вокруг – куда ни глянь – до самого горизонта лишь неподвижная водная поверхность. А люди котоко переселяются на время наводнения в лодки и не считают себя жертвами стихийного бедствия. В их суденышках все заранее подготовлено для того, чтобы спокойно и даже комфортно пережить сезон дождей. Вода уходит, и аборигены возвращаются к своим жилищам, радуясь тому, что отступившие воды покрыли землю плодородным илом. Ведь основное занятие людей, «вышедших из воды», – выращивание пшеницы.

Однако даже не это самое удивительное. В племени есть семьи, которые не обзаводятся лодками на случай наводнения. Во время, пока идут дожди, они живут в воде, ныряя изредка к своим затопленным хижинам за нужными вещами. Иногда они задерживаются в жилищах довольно долго, но никто не беспокоится по этому поводу. Даже ребенок, родившийся в племени котоко, может проводить на дне озера довольно много времени, изредка выныривая лишь для того, чтобы сделать глоток воздуха. Как ни странно, крокодилы и гиппопотамы, обитающие в озере Чад и представляющие значительную опасность для зазевавшихся купальщиков, просто не обращают внимания на людей племени котоко.

В восточной части озера живут племена будума, которые считают себя родственниками котоко. Их папирусные суденышки, называемые кадайте, по форме напоминают лодки, изображенные на египетских и древнеиндийских барельефах. Недаром Тур Хейердал, выбирая материал для своего плота к первому путешествию через Атлантику, побывал именно на этих берегах.

Будума – искусные рыболовы. Наловив рыбы, они переправляют ее в племя котоко. Как ни странно, родственники будума, прекрасно уживающиеся с водной стихией, с удовольствием покупают и едят рыбу, но сами никогда ее не ловят.

Будума относятся к котоко с почти религиозным трепетом и

считают за честь дружить и торговать с «водяными людьми». Если же кто-то из родственного племени пожалует к ним в гости, устраивается настоящий праздник с ритуальными танцами и песнопениями.

Европейцам, путешествующим по Африке и оказавшимся на берегах озера Чад, будума обязательно расскажут такую легенду о своих соседях. Много лет назад колдун племени котоко предупредил всех, что скоро начнется война. К озеру идут дикие и кровожадные враги из далекой южной земли, где песок настолько горяч, что обычный человек не может ступить на него. Эти «огненные люди» хотят увести котоко в плен и принести в жертву своим страшным богам, которые, получив в дар обезглавленные тела обитателей озера, дадут своим почитателям долгожданный дождь.

И действительно скоро на берегу озера Чад показались невиданные в этих местах низкорослые желтокожие люди с боевой раскраской на лицах. Они били в походные барабаны, потрясали копьями и издавали гортанные вопли. Однако наступавшие не нашли в селениях котоко ни одного человека. Не было никого и в окружающих селение безжизненных пустынях. Долго искали желтые люди обитателей озера, но, не найдя никого, решили возвращаться домой. В конце концов в жертву богам было принесено несколько быков.

После того как дикое племя покинуло места, где жили котоко, неподвижная поверхность озера Чад забурлила, и на берег, не торопясь, стали выходить «озерные люди». Будума, рассказывающие легенду, особенно подчеркивают, что все они выглядели веселыми и довольными, словно и не провели на дне почти неделю.

Насколько легенда соответствует действительности, сказать трудно. Однако известно, что некоторые европейские ученые весьма интересуются феноменальными способностями озерных жителей. Возможно, вскоре на берега озера Чад отправится экспедиция медиков, которые, обследовав людей котоко, смогут объяснить их уникальную возможность подолгу находиться под водой.

По материалам Ю. Золотова

Меченые воины кау-ньяро

Чтобы добраться до места, где живет племя кау-ньяро, требуются терпение и упорство: каждый шаг передвижения по Южному Судану требует официального разрешения властей. Например, в одной из деревень группу ученых, которую возглавлял видный испанский географ Филипп Рансо, на восемь дней задержал глава местного самоуправления и отпустил исследователей лишь после того, как ему подарили ящик виски. Кстати, власти страны не любят, когда в их дела вмешиваются иноземцы, пусть даже ученые, и пресекают любые кино– и фотосъемки граждан своей страны. А у многих деревень, где живут экзотические племена, даже выставляются полицейские посты!

Чтобы снять подходящие кадры, ученым нужно было завоевать расположение полицейских и местных жителей. С полицейскими все было просто: их удовлетворила ежедневная бутылка виски. А вот чтобы познакомиться поближе с племенем кау-ньяро, пришлось прибегнуть к врачебной помощи. В деревне был сооружен временный медицинский пункт, и врач, входящий в состав экспедиции, на протяжении нескольких недель вел прием. Очереди выстраивались огромные! Люди жаловались на самые разные недомогания, начиная с порезов и вывихов и кончая проказой. Им помогали, как могли.

И все же ученым очень повезло. Они оказались первыми белыми людьми, которых кау-ньяро допустили в свою жизнь и даже разрешили им прожить вместе с собой с собой в деревне весь сезон дождей.

В племени кау-ньяро

А жизнь здесь с июля по декабрь поистине невыносима. Грязь, москиты и малярия – вечные спутники этого времени года. Жители деревни даже вынуждены все эти месяцы держать своих коров в стойле и постоянно окуривать дымом, чтобы спасти от насекомых.

Но многочисленные трудности, с которыми на протяжении столетий сталкивалось это племя – болезни, наводнения, засухи, – только закалили его. Можно даже сказать, что произошел естественный отбор населения, к которому, впрочем, прибавился еще и искусственный: всевозможные ритуальные испытания и истязания, которым подвергают себя члены племени кау-ньяро, выдерживает далеко не каждый.

Женщинам, к примеру, на протяжении жизни нужно перенести три мучительные татуировки. Первую – по достижении половой зрелости, вторую – после рождения первого ребенка, а что означает третья татуировка, ученым так и не удалось узнать. Как они ни бились, старейшины не открыли им эту тайну.

Кстати, во время нанесения татуировки женщина не имеет права кричать и вообще каким бы то ни было образом показывать, что ей больно. Считается, что только тогда она достойна материнства и уважения соплеменников. Обычно татуировку выполняет престарелая женщина в хижине, построенной на самой окраине деревни. Специальным шипом она делает глубокие насечки на коже, и за один сеанс делается до нескольких сот кровавых разрезов. Татуировка на животе и груди означает половую зрелость, на спине и руках – рождение первого ребенка.

Ну а третья татуировка заполняет остальные «пустые» места на теле.

Правда, испытания здесь – удел не только женщин. Мужчины постоянно доказывают свою силу и храбрость, вызывая на многочисленные поединки своих соплеменников или жителей соседних деревень. Поединок в основном состоит в нанесении ударов друг другу тяжелой дубинкой или массивными металлическими браслетами. Причем, по древней традиции, противники не имеют права уклоняться от ударов, в том числе по лицу и голове, и потому подобного рода состязания зачастую оканчиваются ранениями, увечьями и смертью. Те, кому все же удается выжить, с гордостью показывают потом свои шишки и синяки.

Свою первую схватку с противником юноша обязан провести по достижении половой зрелости. Если он каким-то образом попытается от нее уклониться, то в течение последующих восьми лет будет объектом насмешек всей деревни и к нему не подойдет ни одна девушка.

Мужчины племени совершенствуют свое боевое мастерство всю жизнь, и даже время от времени устраивают для своих противников нечто вроде «мастер-класса», где демонстрируют боевые приемы, а также преподносят различное угощение.

Женщины ни под каким видом не допускаются на поединки и не имеют права наблюдать за ними даже издалека. Однако весь ход борьбы доносит до них так называемый «комментатор». Кстати, мужчина, выдержавший удар по голове и оставшийся в живых, вызывает у местных женщин особое уважение. Обычно он пользуется особой популярностью во время любовных танцев, которыми всегда заканчивают подобного рода турниры.

Главная роль в любовных танцах, конечно, у женщин. Выполняя танцевальные па и наблюдая за движениями своих партнеров, они выбирают отцов для своих будущих детей. Кстати, женщина вполне может быть замужем, но если она решает сменить мужа, ей никто этого не запрещает.

Впрочем, несмотря на экзотические обряды, жизнь кау-ньяро претерпевает изменения. Правительство приучает их носить одежду, изучать арабский язык. Иногда в деревню приезжает лавочка, где на изделия местных ремесленников можно выменять продукты питания и предметы первой необходимости.

Так что скорее всего пройдет еще немного времени, и племя кау-ньяро, возможно, лишится самобытности.

По материалам А. Вознесенской

Нмади – друзья «дьявольских собак»

Совсем недавно человечество узнало о племени нмади, обособленно живущей этнической группе затерявшейся в золотистых песках Мавритании, на краю пустыни Сахара. Как они выживают в этом практически не пригодном для длительного обитания месте? Что и кто оберегает «государство нмади»?

Без сомнения, место, в котором живет племя, самое пугающее и загадочное в Сахаре. Громадные песчаные дюны оранжевого цвета постоянно находятся здесь в движении, меняя окружающий пейзаж. Пустыня, как в тисках, сжимается в этом крошечном оазисе – каменистом плато Тишит.

Вы можете взять энциклопедию. И ничего в ней не узнаете о нмади. Этот справочник поведает вам о Мавритании. О том, что территория ее – каменистые и песчаные пустыни Западной Сахары, дюны и горы высотой до 915 метров. Средняя температура января – 16–20 градусов по Цельсию, июля – 30–32 градуса. Рек с постоянным водотоком нет. Пустынная и полупустынная растительность.

Охотники нмади

О плато Тишит сведений мало. Стоящие под порывами очень горячего ветра старые каменные дома напоминают спичечные коробки. На каменистом плато, называемом в тех местах гамада, то там, то здесь виднеются редкие «каркасы» высохших деревьев. Здесь же торчат из песка и камней колючие кустарники. Согласно

легенде, именно в этих местах появились «дьявольские собаки», которым горные духи приказали следовать за Збеда и Дгаги. Это были два первых нмади, которые не хотели повиноваться духам и должны были умереть в пустыне от жажды и голода. Они легли ничком на песок, как подобает делать в пустыне людям, потерявшим дорогу, в ожидании смерти. Вот тут-то и появились «дьявольские собаки», символ смерти. Ниоткуда. Но именно они и вселили надежду в нмади. Люди подружились с собаками, которые с этого момента стали самым дорогим из того, чем владеют кочевники!

С местного языка слово «нмади» переводится как «охотник», что для мавританцев означает «дикарь». Дело в том, что очень много веков назад мавританские семьи, как здесь говорят, переселились из региона Нуадибу в другие районы только по одной причине: они не могли выдержать бесконечных ссор с племенем нмади, потому навсегда отделились от них, но злобу затаили. Правда, и сами предки нмади ушли из прежних мест проживания на восток. К ним присоединилась часть других этнических групп. Так образовалась каста нмади, которая, выбрав почти не приспособленное для жизни плато Тишит, стала заниматься охотой. Они, презираемые с тех пор другими, «более благородными» племенами до сих пор сохраняют феодальный уклад. Примерно так говорят в Мавритании. Но как было все на самом деле и почему нмади пошли чуть ли не на верную гибель, обосновавшись на каменистом плато Тишит? Кажется, что исчерпывающего ответа на эти вопросы пока нет.

Правительство Мавритании хотело привить нмади оседлый образ жизни, обещало дать им дома и баранов, а вождю племени предлагало еще приличное денежное пособие. Но, увы.

Поселения нмади состоят всего из нескольких громадных палаток, изнутри обтянутых покрывалом, сшитым из разноцветных лоскутов, а снаружи – из цельного куска ткани, которая надувается парусом под порывами ветра. Перед каждой палаткой – навес из ткани, циновки находятся прямо на песке. Вся палатка держится на каркасе из сплетенных веток, который крепится к двум центральным деревянным столбам.

Женщины в племени свободны как в словах, так и в действиях: принимают решения наравне с мужчинами. Именно они являются хранительницами традиций нмади. Матриархата здесь, правда, нет, но равенство между полами налицо.

В каждой палатке живут сразу по несколько семей. Стоять во весь рост в хлипких жилищах невозможно из-за низкого потолка, поэтому здесь все или сидят, или лежат. Скудные пожитки семей хранятся в глубине палаток в специальных сундуках, сделанных

из дерева. Сундук для семьи – главное богатство, если не считать украшений, которые носят женщины и девушки. А еще, конечно, собаки, а также бараны, которых племя разводит.

Особого охотничьего снаряжения у нмади не существует. Охотники надевают халат без рукавов, водружают на голову чалму и наматывают светлую повязку со следами крови животного, убитого раньше. Эту повязку охотники никогда не стирают, опасаясь испугать зверя человеческим запахом. Единственное оружие у охотников – обычная палка. Помощник – собака.

Обширное плоскогорье, где сейчас обитают нмади, простирается на восемьсот километров. Вне его пределов племя практически не живет.

Здесь они создали свою особую этническую группу. Нмади пришли издалека, презираемые другими настолько, что их до сих пор не признают официально. Сейчас жизнь племени находится под угрозой. Сколько осталось нмади на сегодняшний день? Меньше сотни.

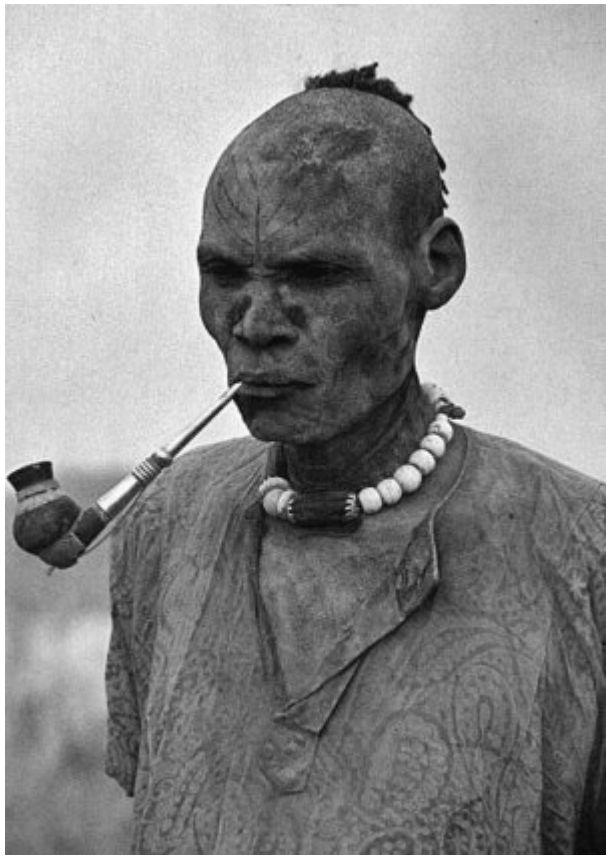
По материалам Г. Остяковой и В. Орлова

Динка из суданского ада

На юге Судана среди низких островов Нила живет племя динка. Еще недавно динка были совершенно свободны, сегодня они порабощены. Многие голодают. Их худоба особенно бросается в глаза, потому что все динка очень высокие люди, их рост – более двух метров! О встрече с этим племенем вспоминает французский врач Кристоф Ламбер. Он был в составе группы, которая спускалась по Нилу, с самого истока и до дельты.

– Мы уже прошли Жуба и находились в Садд, – рассказывает Ламбер. – «Садд» – арабское слово и обозначает заграждение. Река Нил, которую можно назвать королевой Африки, в этих местах теряется в огромном болоте площадью около 14 тысяч квадратных километров. Во время же наводнения оно разливается на 40 тысяч: это территория всей Швейцарии! Еще англичанин Самуэль Бейкер, ставший первым белым, появившемся здесь в 1862 г., назвал это место сущим адом.

Деревня племени динка, в которую направлялись путешественники, неожиданно появились за поворотом Нила. Она стояла в болоте, поросшем лилиями, гиацинтами и папирусом. Когда Кристоф приблизился к деревне, то увидел обнаженных людей, ничуть не стеснявшихся своей наготы.



Человек из племени динка

Над тридцатью крытыми тростником лачугами, построенными на земляном валу, поднимался голубой дым. Динка сжигали коровий навоз для того, чтобы отгонять насекомых, которые их просто одолевали.

При виде путешественников люди заулыбались. Но их улыбки были безрадостными. И действительно, как можно радоваться жизни, если все их существование зависит от урожая, который в том году обещал быть плохим. Динка боялись голода. Он наступает, когда почва по берегам Нила оказывается слишком твердой и на ней мало что вырастает.

С начала января до апреля земля буквально горела под солнцем, не было ни капли дождя. Иногда появлялась иллюзия грозы, когда на горизонте возникало громадное черное облако, поднимался сильный ветер. Однако дождь так и не приходил. Ветер приносил только пыль.

И все-таки для динка эта земля самая прекрасная. Как они говорят, она подарена им Ниаликом, создателем. Потому это исконная земля племени.

Земля динка кишит змеями и крокодилами, правда, не представляющими для них особой опасности. Здесь их не боятся. Страшнее другое – бессонница и малярия. Люди племени не без гордости называют себя муони жанг, что означает *люди среди людей*.

Судан… Это разорванная на части земля. На севере говорят на арабском языке. На юге черное население – в основном христиане и язычники: племена динка, нуэры, шиллуки. Нил – единственное, что объединяет север и юг государства, население которого составляет более 30 миллионов человек. В сентябре 1983 г. исламский закон (шариат) распространился на всю страну. Племена динка, шиллуки и нуэры восстали и создали народную армию Судана. Но в августе 1987 г. северная армия атаковала и уничтожила тысячи «неверных».

1988 г. был просто ужасным. На страну обрушились наводнение и голод. Правительство использовало «оружие голода» против населения юга. До 1991 г. суданские мятежники, поддерживаемые Эфиопией, успешно брали города. Начались репрессии на динка, шиллуков и нуэров. Племена шиллуков и нуэров подчинились силе. Племя динка осталось в одиночестве.

С 1990 г. юг Судана оказался закрытым для организаций, которые могли бы оказать гуманитарную помощь. Миссия ООН, которая носила название «Линия жизни», все-таки сумела помочь людям. Миротворческие организации делали все возможное, стараясь не использовать военную силу и не вмешиваться во внутренние дела страны, чтобы выжило население на юге Судана. И все-таки большинство деревень было полностью разрушено. Тысячи семей оказались разделенными. Люди болели и бедствовали.

Те из них, кому удалось в то тяжелое время удержаться на плаву, до сих пор ведут традиционный полукочевой образ жизни. Скудные стада, принадлежащие этим людям, пасутся на берегах Нила. Но, к сожалению, это исключение.

Несмотря на то что у некоторых динка сохранились стада, жизнь у них полуголодная. Нельзя смотреть на этих людей без чувства сострадания, особенно на детей. Глядя на этих заморенных голодом ребятишек, Кристоф Ламбер задумывался над тем, где они берут силы, чтобы жить.

Французский врач стал обрабатывать им раны, язвы, давал противомалярийные лекарства. В такой обстановке и состоялось его знакомство с деревенскими жителями, с их укладом жизни.

Система экономических, социальных и этнических ценностей у динка очень самобытна. Все их мировоззрение «вертится» только вокруг… коровы, от которой зависит их жизнь. Они также

выращивают овощи, сорго и просо. Но обычно часть этого урожая у динка крадут бабуины. Племя охотится на антилоп или на гиппопотамов, а также рыбачит. В Ниле много рыбы: нильского окуня, многопера или рыбы-кошки. Люди собирают мед и делают лулу – масло, добавляя туда вытяжку из фруктов. И все-таки главное для динка – корова!

Динка испытывают непередаваемый восторг, когда выводят на пастбища «вагуси» – громадных коров, являющихся «двоюродными сестрами» зебу. Эти коровы весят по полтонны, у них огромные рога. Методы разведения скота здесь примитивные. Несмотря на то, что стада довольно велики, пастухи каждое животное знают по имени. Социальное положение хозяина стада зависит от того, насколько здоровы его коровы.

Как и другие местные племена, динка постоянно перегоняют стада в поисках лучшего пастбища. Во время сухого лета они кормят коров травой, которая растет на территории, удобряемой тиной ила.

О чем бы ни говорили динка – о женщинах, о дожде, о траве – они все равно заговорят о коровах. Еще и еще раз коровы… Эти домашние животные считаются членами семьи. Динка едят корову только в том случае, если она умирает естественной смертью.

Здесь лучше не говорить, что вы любите говядину. Динка тут же вас прогонят. Для них это звучит так же дико, как если бы вы признались в своей любви к человеческому мясу.

Детям дают имена по окрасу коров. К примеру, если корова в семье черной масти, то девочку называют Чернушкой. Частенько можно встретить женщин, которые носят те же имена, что и у коров, которых они доят.

Умершего пастуха заворачивают в коровью шкуру, а на могиле устанавливают рога его любимого животного, которого приносят в жертву по случаю смерти хозяина. Рассказы старейших, легенды – все связано с быками, коровами, молоком. Так и течет жизнь на болоте.

Пастухи стараются делать все для того, чтобы увеличить надои. Они часто ласкают животных, делают им специальный массаж.

Динка используют все, что может дать им корова. Из ее костей местные жители изготавливают орудия труда и кухонную утварь. Из кожи – мешки, ремни, шнурки, щиты. Из рогов – сосуды.

Это племя редко ест мясо, зато пьет много молока. Из него они делают масло и нечто похожее на сыр. Во все продукты обязательно добавляется коровья моча. По вкусу получается даже

очень необычно. Когда уже совсем нечего есть и наступает голод, пастух делает небольшую насечку, вырезая вену быка, и берет у него кровь, которую затем пьет его семья. Иногда кровь добавляют в лепешки из проса. Моча животных применяется и в качестве специй для некоторых блюд. Моча, перемешанная с пеплом, используется для хранения продуктов, а также как средство от мошкары и для умывания. В специальном мочевом растворе купают детей, особенно когда у них жар.

Коровий навоз динка используют в качестве дров. Его также добавляют в раствор при строительстве мазанок. Местные жители используют его даже как… зубную пасту. А в сочетании с глиной навоз придает волосам пышность и красивый оранжевый цвет.

Природа не обделила динка красотой. Даже тяжелая жизнь не обезобразила их. Они такие же рослые и статные, как были и их предки. Жизнь динка мало чем отличается от той, что была несколько столетий назад. Все тот же полукочевой образ жизни. По-прежнему власть находится у старейшин деревень. А когда наступает половодье, каждая деревня живет изолированно, и племя распадается на кланы. Лишь во время сезона засухи в племени динка начинаются разброс и шатание, и старейшинам становится трудно управлять людьми.

Кристоф Ламбер жил в деревне динка только две недели и поэтому спешил изучить быт племени. Он побывал в так называемой образцовой семье, главу которой называют начальником копья. Он организует ритуалы для вызова дождя в сезон засухи. Прежде начальник копья не имел права умирать естественной смертью, так как динка думали, что в этом случае на племя обрушатся несчастья. Поэтому престарелого главу семьи, который, по мнению жителей деревни, был близок к смерти, душили или закапывали в землю живьем.

У динка, как и у других суданских племен, существуют табу. Зять никогда не должен находиться во время трапезы напротив своей тещи. Когда мужчина умирает, вдова может выйти замуж только за его брата. Но дети, рождающиеся от такого брака, должны почитать первого мужа своей матери.

Посвящение детей во взрослую жизнь сопровождается определенными ритуалами. В возрасте 15 лет мальчик должен стать воином, способным защитить деревню, и в случае чего постоять за свой народ. Поэтому он должен продемонстрировать смелость. В день посвящения во взрослые мальчику ножом разрезают кожу на лбу, не применяя при этом никаких обезболивающих средств. Правда, динка придумали, как избежать сильной боли. Во время нанесения пореза мальчик должен сделать резкое движение, чтобы отвлечься.

Кристоф Ламбер вспоминал динка, живущих в тумане громадного болота. Он вспомнил, как наступила ночь, окутывая темной завесой мазанки. На водной глади засеребрилась лунная дорожка. В ночной тишине были слышны глухие удары барабанов. Деревня готовилась к празднику. Взрослые женщины собрались вокруг высокой и худенькой обнаженной девушки. На ее кожу красной охрой, смешанной с пеплом и разведенной коровьей мочой, наносили узоры. В этот день красавице предстояло выбрать жениха. Молодые люди грациозно танцевали перед девушкой, стараясь понравиться, не забывая при этом поднимать вверх пальцы, показывая, сколько коров имеется в их стаде.

По материалам Г. Остяковой и В. Орлова

«Паспорт» на лице, или Изрезанные шрамами

В Африке немало племен, у представителей которых лицо буквально изрезано шрамами. Что это: отметины после схватки с дикими животными или память междоусобных войн? Совсем нет. Это насечки, которые наносятся специально. Для исследователей Африки они до сих пор представляют собой загадку.

– Когда рождается ребенок в племени бваба государства Мали, у него поначалу нет жао, особой насечки на лице. И он, по мнению западных африканцев, все еще повернут к таинственному и немому миру предков, – говорит антрополог французского исследовательского центра Мишель Коке.

Ребенок со шрамами

– Он беспокоит соплеменников тем, что все еще находится в потустороннем мире, ведь ему предстоит жить на земле среди живых людей, не забывая при этом законов предков. Чтобы было так, и появляются вскоре на лице младенца эти шрамы.

Как правило, насечки делают женщины племени, но иногда этим делом занимаются и мужчины. При этом все они принадлежат к касте кузнецов, владеющих профессиональными

секретами. Ребенку делают насечки уже на третий или четвертый день после рождения.

Первый надрез на лице младенца разрывает символическую нить, связывавшую его с покойным, которого он воплощает. Тем самым ребенка отрывают от мира мертвых с надеждой и верой в то, что он туда вернется не скоро. Иначе говоря, ему желают хорошего здоровья и долгих лет жизни. И еще. Такая зарубка на лице словно след от слез в память о первом трауре – человек покинул божественный мир и пришел в реальный. Этой зарубкой ребенок как бы оплакивает свою грустную судьбу. Печаль царит среди участников ритуала. Однако главный смысл действа состоит в том, что маленький человек приобретает жао, своего рода визу в человеческое общество. И если кандидат в человеческий мир родился крепким и обладает жао, то он сможет побороть в своей жизни все трудности и не испытывать страха за себя.

Насечки делают на лице, животе, на темечке. С годами их количество может увеличиваться благодаря произошедшим в жизни человека событиям: возмужание, брак. Так своеобразно формируется облик человека у некоторых племен Западной Африки.

Специалисты пришли к заключению, что большинство насечек на лице является своеобразным паспортом человека. И выдается такой «документ» уже при рождении не случайно. Впоследствии в него «заносятся» данные о месте человека в племени, о его функциональной роли. К примеру, один из африканских императоров изобрел даже знаки различия – лицевые насечки – для плененных врагов.

Кстати, африканские власти разрешают официально иметь нательные насечки. Чтение этого загадочного языка, каким являются шрамы, дело не очень легкое. Не так много осталось специалистов в этой области культуры и обрядов африканских племен. Даже живущие рядом племена плохо разбираются в этих своеобразных «паспортах» соседей.

Практически каждое племя Западной Африки имеет свои отличительные жао. К примеру, женщины племени нуна только после рождения ребенка становятся хозяйками своей судьбы и могут по этому случаю нанести на левую щеку соответствующий шрам. А вот 51-летний Мусса Тиомбиано, сын вождя племени гурунси, носит шрам, говорящий о его дружеских отношениях со львами. Об этом рассказывает легенда.

На берегу Чада жили три брата. Их отец пошел на охоту, оставив детей на попечении молодой женщины, на которой он хотел жениться. Вдруг пришло известие о гибели их отца.

Молодая женщина вышла замуж, став для трех братьев мачехой. Но неожиданно их отец… вернулся живым и невредимым!

Опасаясь его гнева, мачеха вместе с тремя детьми ушла за полторы тысяч километров от деревни. Вскоре один из братьев умер. Двое других решили расправиться с мачехой, считая ее повинной в смерти брата и в их невольной ссылке. Но к тому времени мачеха родила сына Диаба, который в пятилетнем возрасте подружился со львенком. Этого очень не хотела львица, которая в ярости съела мачеху. А убитый горем Диаб уговорил львенка задушить и львицу. В глазах двух братьев Диаб стал воплощением силы и справедливости. Но им надоело жить в лесу, вдали от своего племени. В деревню же Диаба и двух его некровных братьев не пускали, считая, что их дружба со львами ни к чему хорошему не приведет.

Но хитрый Диаб выкрал сына вождя племени этой деревни, сообщив, что вернет мальчика лишь в том случае, если его, двух братьев и защищающего их льва (бывшего львенка) деревня примет и позволит жить вместе с племенем. Соплеменники согласились. Под общее ликование «лесные братья» вернули сына вождя и стали жить в деревне. Львы со всей округи стали подчиняться Диабу, что говорило о его мужественности и силе.

С тех пор племя гурунси и стало делать на щеке насечки, напоминающие шрамы от когтей льва. Завидев такой знак, как говорят, львы в округе уступают дорогу их обладателям.

Принцесса Еннеги жила, как мужчина: скакала на лошади, участвовала в войнах. Однажды, находясь в лесу, она встретила охотников на слонов. Среди них выделялся Риале, молодой парень, обладавший недюжинной силой. Еннеги и Риале полюбили друг друга и поженились. У них родился сын, которого молодые назвали Уедраого, что в переводе с языка племени моси означает «эталон». У него, когда настало время, родилось два сына – Ятенга и Убритенга. Уедраого, Ятенга и Убритенга и стали потомками племени моси.

Так гласит легенда о происхождении этого племени, которое не имеет одного объединяющего знака на лице. Их жао довольно разнообразны и оригинальны. К примеру, 44-летний преподаватель истории и географии Августин Зида имеет жао в виде горизонтальных коротких полос на скулах и одну длинную полосу, пролегающую через обе щеки и середину носа. Такие полосы символизируют мистический календарь, по которому и живет этот человек. Что более конкретно они обозначают, Августин предпочитает не говорить, опасаясь кары духов.

А 28-летний Баяд Наканабо из того же племени, работающий в министерстве культуры, принадлежит к «обществу масок» –

своеобразных моделей для африканских насечек. Иначе говоря, он является как бы эталоном для своего племени. Баяд говорит, что сильные и благополучные люди моси украшают себя точно такими же насечками, как у него. При этом наносить себе шрамы – вовсе не обязательно. Кто хочет, а это люди в основном религиозные, тот делает жао. Но многие из его племени уже отказываются от этого многовекового обычая.

Татуировки, пирсинг, шрамоношение сейчас на Западе считаются очень модными. Однако они ничего общего не имеют с африканским ритуалом.

– Дикари – это вы сегодня. Все эти нательные украшения цивилизованных людей являются обыкновенными «пустышками», не более. У нас, в племени эве, в Того, как и во всей «черной» Африке, насечки – не дань моде, как у вас, – говорит Коми Тулабор, профессор Центра изучения черной Африки в Бордо.

По материалам Г. Алексеевой и В. Орлова

Этнотерапевты-марабуты из Дакара

На востоке от Дакара, в низменности с манговыми деревьями находится деревушка Диак. Это место обитания серер – чернокожих крестьян, которые согласно мнению историка Шейх-Анта-Диопа происходят от египтян. Местные жители стали мусульманскими отшельниками – марабутами, которым официально разрешено лечить психические заболевания. Вот уже целый век в Диаке живет семейство тукулеров. Его глава, старик Мусса Диа, любимый ученик великого Ибрагима Фалла, последователя марабута Амаду Бамбы, основавшего в 1886 г. учение мюридизма и причисленного к лику святых.

Сыновья старика Муссы Диа также являются марабутами и живут вместе с отцом. Вокруг них за многие десятки лет образовалась деревня, жители которой зависят от работы, распределяемой семейством Диа. Оно возглавляет здесь психиатрическую лечебницу, единственную в Сенегале, где лечат душевные заболевания, которых африканцы боятся больше всего на свете.

Сеньор, как называют в Диаке Муссу Диа, является самым уважаемым мусульманином. Он не любит слово «сумасшедший», предпочитая «душевнобольной». Муссе 67 лет, у него 14 жен. Черные очки практически всегда скрывают его пронизывающий взгляд.

Марабут

Любопытна деревня, состоящая из домиков, прилепившихся друг к другу, лабиринтов, дворов, темных лестниц и помещений, террас, на которых сушат растения, листья, семена. И везде разгуливают люди. Больные или персонал? Сразу трудно понять, так как все похожи друг на друга. Только уставленный куда-то в небытие немигающий взгляд и бессвязность речи свидетельствуют о том, что перед вами душевнобольной.

Большинство из тех, за кем ухаживает персонал лечебницы, состоящий из 50 человек, свободно проходят от больницы к ферме, чтобы работать: пасти скот или заниматься выращиванием проса. Этим самым больные «убивают двух зайцев»: работа, считают марабуты, излечивает, а оплата труда больных входит в стоимость лечения, которое не дотируется государством.

Сеньор Диа должен рассчитывать только на свои силы и возможности, а также на деньги, которые платят больные. Желающих же лечиться у семейства Диа множество. Больных привозят родственники, чаще всего бедные, со всей Западной

Африки. Порой и бросают их здесь, даже несмотря на то что после выздоровления им в Диаке больше делать нечего.

Правда, некоторые смогли трудоустроиться. Бывший пациент по имени Демми стал гидом для журналистов, приезжающих порой в больницу, в остальное же время он ухаживает за больными.

Все помощники сеньора Диа, кроме его сыновей, когда-то жили в других местах, но теперь занимаются в Диаке больными. Среди них и управляющий лечебницей Ма Фалл Нианг, так объяснивший свое появление здесь: «У меня в Дакаре все было хорошо, но я захотел быть поближе к сеньору, чтобы служить ему».

Деньги на лечение поступают от консультаций, которые дают как сам сеньор Диа, так и его коллеги, которые принимают в лечебнице по понедельникам и четвергам. В эти дни десятки машин самых разных марок приезжают сюда издалека. Из автомобилей выходят и женщины в национальных головных уборах, и девушки в мини-юбках с фирменными сумочками, перекинутыми через плечо, и бизнесмены в черных очках. Все эти люди заполняют зал ожидания.

Такие дни являются своеобразным праздником для «психов», которые, пользуясь моментом, или стреляют сигареты, или клянчат журнальчики, до которых они очень большие охотники, или даже выпрашивают деньги.

Если Диа лечит только психические болезни, то его племянник, Серинь Шейх-Диа, специализируется еще и на астме, которую «изгоняет» с помощью специальных трав и… Корана.

Здесь верят в магию, которая впитала в себя как ритуалы анимизма, исходящего из африканского прошлого, так и отличное знание Корана. С исламом, как здесь считают, лесной колдун и становится отшельником – марабутом. Это одновременно и грамотный, и святой человек, причем очень религиозный, а также исцелитель, маг и прорицатель. В иерархии сенегальского ислама, крепко «внедренного» в сознание верующих, марабуты занимают одно из самых высоких мест.

…Жарко, тень стала короткой. Солнце в зените. Вдруг перед вашими глазами предстает такая картина. Под одним манговым деревом, стоящим посередине песчаного пространства, лежат или стоят на коленях мужчины, едва прикрытые лохмотьями. Один неистово чешется, другой то раскладывает перед собой какое-то тряпье, то вновь собирает его в кучку, третий что-то бормочет, четвертый смотрит в одну точку. На ногах всех четверых – кандалы, прикрепленные цепями к манговому дереву. Такова обстановка в «цепном дворе», куда помещают агрессивных

новеньких, представляющих опасность для окружающих. В этом дворе их кормят, моют, «ставят на ноги» травяными настоями.

Жара, от которой не укрыться, лекарства, содержание вдали от основной массы больных, которые находятся в лечебнице давно, – вот первые способы лечения душевнобольных в этой сенегальской деревушке. Помощник по имени Тафа одновременно ухаживает и присматривает за тяжелыми больными, оценивая их поведение, а затем докладывает о том, что видел, марабуту, который и решает, дать ли какому-то из пациентов больше свободы.

Сначала буйные пациенты находятся только на «цепном дворе» или в бараке, примыкающим к нему. Мусса Диа приходит к ним часто, долго наблюдает, разговаривает с больными и делает выводы. «Одному из них я давал дырявое ведро, чтобы он наполнял его. В конце концов больной начинал упрекать меня в том, что я дал ему дырявое ведро. Это был признак его выздоровления», – говорит сеньор Диа.

Лечение состоит из сеансов психотерапии, употребления настоев трав, массажа, ароматерапии. Также, чтобы излечить душу и тело, пациента накрывают одеялом и окуривают травами, читая вслух Коран. При этом на раскаленные угли кладут не только траву и листья, но и листки Корана.

– Бывает, что ко мне приводят и симулянтов, – рассказывает Мусса Диа. – Однажды мужчина привел ко мне брата, который ничего не говорил, а лишь мычал. Мне показалось, что здесь что-то нечисто. К тому же, по нашей информации, в этой семье решался вопрос по разделу имущества, который начнется после смерти их отца, который об этом даже не знал. Больному же полагалась большая доля. Я обследовал брата и сказал ему: «Чтобы вылечить тебя, мне нужны 300 килограммов маиса и один баран».

При этих словах симулянт вскочил и… заговорил о том, что это чересчур большая плата!

Братья ушли восвояси, а отец, прознав про эту историю, поколотил обоих негодников.

Одновременно религиозный человек и колдун-целитель Мусса Диа, который имеет «мерседес», носит темные очки, но безразличен к прелестям светской жизни, принимает больных под портретом основателя мюридизма шейха Амаду Бамба.

– Я уделяю большое внимание разговору с больным, – рассказывает исцелитель. – Конечно, лекарства, уход, настои трав, которые мы делаем, помогают нашим пациентам. Но это несравнимо с моими беседами!

Выздоравливающие больные свободно гуляют по деревне,

смешиваясь с местными жителями, играют с детьми, беседуют с крестьянами.

Мусса часто лечит больных лишь благословением. Как все марабуты, он имеет свое дерево в глубине Тайного двора, где занимается медитацией. Его помощник Демми признался: «Сеньор Диа часто разговаривает с этим деревом на непонятном мне языке, и дерево отвечает ему. Это дерево руководит сеньором, дает ему силы».

По материалам Г. Алексеевой, В. Орлова

Почувствовать себя понголо

В Кении есть племя, женщины которого называют себя «понголо», что означает «воин». Со временем они изменили свой статус, однако привычки сохранили. Легенда рассказывает, что поначалу все женщины племени были воинами наравне с мужчинами. Их звали понголо, жили они в женских военных поселениях, так называемых маньяти. Понголо особым образом заплетали волосы, чтобы во время вооруженного столкновения они не лезли в глаза. Африканские амазонки всегда носили оружие: пики, стрелы с луком и ножи. Служивые понголо обзаводились еще щитами из кожи буйвола. Они совершали набеги на соседние племена наравне с мужчинами своего племени и получали за это свою долю добычи. Чаще всего – скот.

Но однажды, возвращаясь с добычей, понголо остановились возле водоема, чтобы передохнуть. В тот момент, когда они наклонились, чтобы напиться, один воин-мужчина заметил, что понголо – женщины! Он слегка задел луком грудь одной из них. Женщина, польщенная вниманием воина, сказала ему, что нужно «действовать» по-другому и стала обучать его искусству любви. Их примеру последовали другие. Воины обмакивали в воду листья одурманивающего растения под названием «олойруре» и затем окропляли головы возлюбленных.

Африканские амазонки

Понголо же, привыкшие самостоятельно принимать решения, всегда быть на виду и не подчиняться мужчинам, утратили это право навсегда. Мужчины-воины обрили понголо и женились на них, лишив при этом права на долю скота. Таким образом, из-за той встречи у водоема женщины лишились не только красивых причесок, но и статуса воина.

Этнограф Жаклин Румегер-Эберхард, проведшая в Кении 20 лет, назвала это племя «маазаэй» – «общество наизнанку», «порядок в беспорядке». Согласно легендам племени, женщина находится со стороны Луны и является полюсом беспорядка. Мужчина, напротив, – символ порядка, так как находится со стороны Солнца. Но полюс беспорядка – это полюс жизни. Однако порядок можно найти в беспорядке, при этом они не должны превалировать друг над другом.

Жизнь племени напрямую связана с положением Луны на небосводе, а значит, все-таки женщина, находящаяся со стороны ночного светила, более привилегированна.

Интересны обычаи некоторых африканских племен, связанные как с космическими циклами, так и с циклическими процессами в организме человека. Например, у народов языковой

общности банту во время месячных про женщин говорят, что они «теплые». В такой период им запрещено брать на руки маленьких детей, ухаживать за больными, готовить пищу. Женщин помещают в отдельную хижину за пределами деревни, где они какое-то время находятся в уединении.

А вот у маазаэй таких ограничений нет. Они живут со всеми вместе, но и за ними в такой период особо ухаживают и дают возможность отдыхать. Женщину здесь уважают. Она остается «анкиток» – великой, ее почитают и побаиваются.

Женщины этого племени и сейчас остаются понголо. Они периодически объединяются в группы – «оломал» – и бродят по стране, требуя от местных жителей дань: коров, быков, коз и баранов. Если хозяев нет дома, понголо оставляют ему маленькую палочку в знак того, что вернутся и возьмут то, что им нужно!

Захватив богатую добычу, понголо отправляются к колдуньям, чтобы те принесли часть захваченных животных в жертву богам. Это делается для того, чтобы у женщин рождалось как можно больше детей. После этого понголо возвращаются домой и вновь становятся нежными женами и заботливыми матерями.

Именно во время набегов на соседние деревни и раскрывается истинное лицо женщин племени. «Превратившись» в понголо, они становятся очень воинственными, потому никогда не возвращаются домой с пустыми руками. Маазаэй – племя кочевников. Оно постоянно перемещается в поисках лучших пастбищ. Правительство Кении пытается привить им оседлый образ жизни, но все усилия заканчиваются безрезультатно.

В обычной жизни женщины племени веселые, кокетливые, любят пошутить, но при этом очень деликатны. Они сами выбирают себе возлюбленных. Любовь рассматривается как игра, не более. Но к браку отношение очень серьезное.

По сложившейся традиции будущего мужа девушке выбирает вся семья. В случае какого-либо разногласия между супругами кто-нибудь обязательно приходит на помощь и мирит их. При этом главное слово принадлежит отцу или тестю. Ведь именно мужчины ухаживают за скотом, который дает молоко. А потом молоко отдают женщине, и она распределяет его по своему усмотрению, угощает воинов племени.

Но почему молоко принадлежит женщинам?

Ответ дает легенда. Когда-то скотом владели женщины. У них были стада антилоп и газелей. Однажды во время жертвоприношения антилопы они заспорили, кому отдать почки животного. Во время их ссоры скот разбежался. Стадо было потеряно. Но его нашел мужчина, который забил скот, принес

мясо в деревню и распределил его между женщинами и детьми. В итоге мужчина и стал владельцем стада. Но если женщина просила мяса, а это был знак того, что она ждет ребенка, ее просьба всегда выполнялась мужчиной.

Мужчины, как и понголо, тоже периодически исчезают из деревни на несколько недель, чтобы… поесть мяса вдали от женских глаз. Перед такими «мальчишниками», которые приняты у всех пастушьих народов Африки, мужчины устраивают тайные совещания. Что это? Желание вырваться хоть на время из-под власти жен? Возможно. Если женщины полностью отвечают за жилище, содержат его в чистоте и даже ремонтируют, заделывают дыры в крыше коровьим навозом, то мужчины ухаживают за домашним скотом и охотятся. Они и защищают племя во время стычек с другими племенами.

Интересен ритуал, когда воин женится. В такой день его мать приносит в жертву богам богатую шевелюру сына. Теперь наравне с женщинами-понголо он всегда будет обритым наголо. Как правило, воин с большим сожалением относится к концу своей приключенческой жизни. Но взамен он получает другой статус – главы семейства. Когда «парикмахерские дела» заканчиваются, обритые головы бывших воинов украшаются перьями, а тела – яркой тканью, и все пускаются в пляс. После окончания танцев бывшие воины дарят ткань матерям или женам.

Другой ежегодный ритуал посвящен богу Анке, который, по легенде, и дал племени возможность иметь свои стада. Еще этот ритуал называют примиренческим не только потому, что стадами владеют только мужчины, а молоком – женщины, но и потому, что во время него прощают грехи неверным женам или подругам. Во время такой церемонии выстраивают в две «шеренги» – со стороны мужчин и со стороны женщин – по 49 животных. В шкуру же принесенного в жертву быка верные своим мужьям жены втыкают палочки из древесины оливкового дерева, а неверные втыкают палочки в песок. При этом последние клянутся никогда больше не изменять мужьям, иначе их ждет кара: они могут потерять своих сыновей.

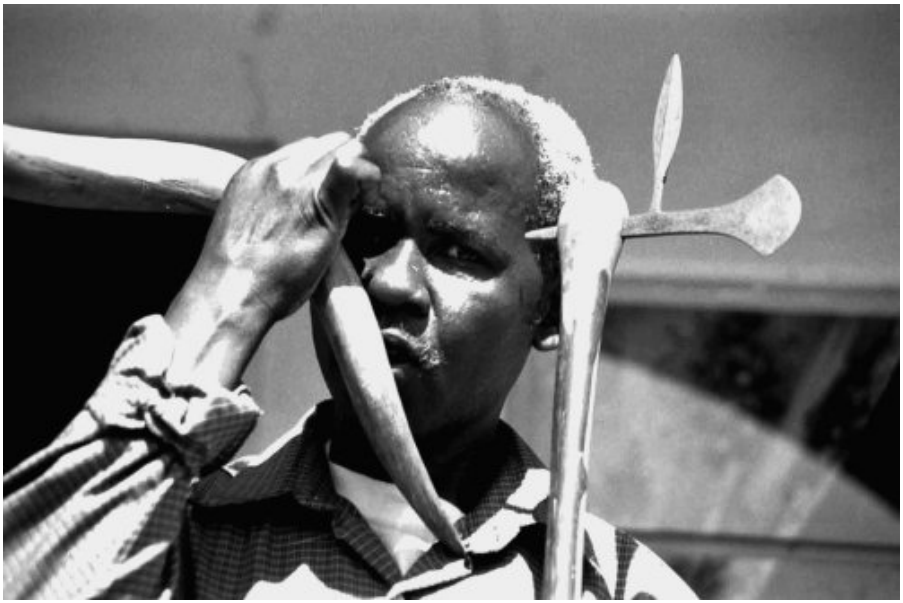
По материалам Г. Алексеевой, В. Орлова

Лемба + Зимбабве – великие загадки Южной Африки

Тюдор Парфитт, профессор Лондонского университета, получивший прозвище «английский Индиана Джонс» за свою любовь к приключениям и путешествиям в опасных уголках земного шара, много поездил по Африке с целью изучения обычаев малоизвестных племен. Недавно исследователь выпустил книгу об африканских народах. Одна из ярких глав посвящена удивительному африканскому племени лемба, имеющему… еврейские корни.

Парфитт так рассказывает о своей первой встрече с этими людьми: «Я услышал о лемба, когда впервые приехал в Южную Африку с научной целью. Меня попросили выступить с лекцией об африканских евреях. Среди слушателей находились чернокожие люди с ермолками на головах. Я был очень заинтригован и после лекции подошел поговорить с ними. Собеседники сказали, что являются представителями племени лемба, прямыми потомками евреев, которые жили на берегах Средиземного моря много столетий назад».

Парфитт, являясь ведущим специалистом-этнографом по еврейским племенам, сначала не поверил, тем более что во внешности рассказчиков никак не проявлялись еврейские черты. Чтобы убедить ученого, лемба пригласили его провести вместе с ними уик-энд.



Представитель племени лемба

Так началось увлечение Парфитта племенем лемба. Он провел много месяцев среди этих людей, изучая их обычаи. Ученый выяснил, что лемба говорят на африканском языке из группы банту, хотя некоторые клановые имена звучат вполне по-семитски. Племя практикует многие обычаи, характерные для евреев: употребление кошерной пищи, обряд обрезания, ритуальные жертвоприношения скота. Лемба имеют очень строгие ограничения по вступлению в брак родственников, даже дальних, в отличие от африканских народов.

Все это лишь косвенно указывало на семитское происхождение лемба. Многие обычаи племени носили чисто африканский характер. Парфитт решил докопаться до истины и объединил усилия со специалистами Центра генетической антропологии в Лондоне. Окончательное доказательство дало генетическое исследование. Были отобраны образцы Y-хромосом представителей разных племен. Оказалось, что Y-хромосомы лемба схожи с соответствующим хромосомным типом евреев.

Находясь среди лемба, Парфитт переходил из деревни в деревню, записывая легенды устной традиции племени. Черные евреи верят, что их предки пришли с севера, где жили в местности под названием Сена. Лемба не знают, где находится их родина. Упоминая Сену, они говорят о ней как о рае или обители богов. В языке черных евреев бытует выражение «встретимся в Сене». Они не теряют надежды вернуться когда-нибудь в этот рай на земле, с которым утратили связь.

Другая поразительная вещь – это заявление лемба о том, что их предки участвовали в строительстве большого каменного города (Большого Зимбабве). Происхождение этого города, развалины которого были обнаружены в конце XIX столетия, до сих пор остается загадкой. Первые сообщения о каменном дворце в сердце Южной Африки просочились в порты Мозамбика еще в XVI в. Португальские хронисты писали о городе, который никто из европейцев никогда не видел, как о сооружении, построенном из камней, обработанных особым способом, в кладке которых не использовался строительный раствор.

Некоторые европейцы считали эту каменную крепость одним из городов царицы Савской. По слухам, город обладал сказочными богатствами, предполагалось, что это библейский Офир, из которого доставлялись золото и драгоценности царю Соломону.

Открыл развалины таинственного города в 1871 г. немецкий путешественник и исследователь Карл Маух, искавший библейский Офир. Посередине саванны недалеко от гранитных скал стоят каменные стены, огораживающие площадь около ста акров. В строительстве не был использован скрепляющий камни раствор, тем не менее толщина стен достигает 0,5 метра. Планировка сооружения выглядит совершенной, каменные стены естественным образом вписываются в окружающий пейзаж. По мнению первооткрывателя каменного города, строительство такого сложного инженерного сооружения было не по силам черным обитателям Африки. Помимо гранитных камней в строительстве города использовалось дерево, описанное Маухом как красноватое и пахучее, похожее на ливанский кедр.

Впоследствии выяснилось, что это было очень твердое сандаловое дерево.

Местное племя каранга называло крепость «мамбахуру», что значит «дом великой женщины». По легенде, когда-то давным-давно в каменном городе жили бедные белые люди.

Европейские исследователи, вслед за Маухом принявшиеся изучать древний город, признали версию, что построили его белые люди, пришедшие с севера.

Археолог Теодор Бент, проводивший раскопки, нашел фрагменты гончарных изделий, веретен, железные, бронзовые и медные наконечники для копий, топорики, мотыги, а также формы и тигли для ювелирных работ. По его мнению, город построили представители расы северных людей, похожие на египтян или финикийцев, пришедшие из Аравии.

В течение XX в. многие археологи исследовали развалины города. Некоторые из них не были достаточно

квалифицированными и варварски обращались с обнаруженными артефактами. Не все ученые придерживались «неафриканской» теории происхождения каменного города. Во всяком случае, обнаруженные внутри стен остатки жилищ из глины, построенные в период Средневековья, многими специалистами были признаны африканскими до мельчайших деталей.

О происхождении самого названия Зимбабве существует несколько версий. По одной из них, оно обязано своим происхождением фразе «дзимба дза мабве», что на языке банту обозначает «дома из камня», по другой – выражению «дзимба войе», что значит «почитаемые дома». В любом случае, очевидно, речь идет о древнем каменном сооружении, загадка которого вот уже на протяжении века волнует умы археологов, историков и этнографов.

Археологические исследования показали, что материл для каменных стен добывался в близлежащих гранитных скалах. Каменные глыбы превращались каменотесами в огромные кубы. В кладке скал камни подогнаны с миллиметровой точностью, что делает ненужным использование скрепляющего строительного раствора. Технология строительства и методы обтесывания камней остаются нераскрытыми. Толщина стен колеблется от ста двадцати сантиметров до пяти метров, а высота почти вдвое превышает толщину.

В местах стыков нет соединительных блоков, стены примыкают друг к другу идеально, создавая исключительно прочную конструкцию. Камни тщательно отполированы и почти так же гладки, как современная кирпичная кладка. Инженерами сооружение оценивается как очень прочное и совершенное с технической точки зрения.

Вид сооружения свидетельствует о былом величии древнего города. Внешняя стена, с высоты птичьего полета похожая на гигантский браслет, имеет длину около двухсот пятидесяти метров и содержит около пяти тысяч кубических метров обтесанного камня. Внутри внешней стены находятся несколько меньших внутренних стен и удивительная коническая башня, формой напоминающей улей. Назначение башни остается одной из загадок Большого Зимбабве. Поистине сооружение напоминает королевскую резиденцию, может быть, благодаря этому и родилась легенда о таинственной «великой женщине», управлявшей городом (царице Савской). Внутри городских стен могли одновременно находиться от 12 до 20 тысяч людей.

Период расцвета Большого Зимбабве относится к XIV–XV вв., времени интенсивного развития торговых связей. Город находился на пересечении торговых путей между регионами,

богатыми золотом, и портами побережья, где торговцы обменивалии африканские золото и слоновую кость на бусы, одежду и другие товары из Аравии, Европы и других регионов. Каменный город помимо прочего, вероятно, являлся крупным религиозным центром, о чем свидетельствуют каменные монолиты, служившие, по всей видимости, алтарями. На религиозную значимость города указывают также найденные удивительные фигурки птиц, вырезанные из мыльного камня (стеатита), которые, возможно, имели символическое или ритуальное значение.

К середине XV в. центр торговли переместился к северу, местные ресурсы, очевидно, истощились. Жители Большого Зимбабве покинули славный каменный город, руины которого через 400 лет нашел Маух.

Кто же построил Большой Зимбабве? Почему жители покинули город и куда они ушли?

Ответы на эти вопросы до сих пор не получены.

По материалам И. Рыбакова

Сириус, которого мы не знаем

Почти две тысячи лет назад римский философ Луций Анней Сенека писал о Сириусе: «Краснота Собачьей звезды глубже, Марса – мягче, ее нет совсем у Юпитера…» Сегодня упоминание о красном цвете Сириуса может показаться по меньшей мере странным: не надо быть специалистом-астрономом, чтобы найти на ночном небе эту яркую бело-голубоватую звезду. Судя по сочинениям персидского астронома Аль-Суфи, такой она была и в X в. нашей эры. Но еще во II веке выдающийся астроном древности Птолемей в своем «Альмагесте» включил Сириус в список красных звезд.

Загадка эта более ста лет привлекает внимание ученых. Одни специалисты видят причину расхождения между Птолемеем и Аль-Суфи в ошибках переписчиков древних текстов, полагая, что Сириус на памяти человечества оставался всегда неизменным. Другие склоняются к тому, чтобы поверить Птолемею и Сенеке и признать возможность больших перемен, происшедших с Сириусом за ничтожно малый по космическим масштабам срок – порядка 700–800 лет. Советский астроном Д. Мартынов, рассмотрев возможные механизмы таких изменений, пришел к выводу, что Сириус В, спутник самой яркой звезды нашего неба в одно из первых столетий нашей эры взорвался как Сверхновая. Точнее, как «полусверхновая»: «настоящая» Сверхновая, взорвавшись так близко от нас, стала бы одним из грандиознейших небесных явлений в истории человечества (в лучшем случае, но не забудем и о мощной радиации, возникающей при таких взрывах). До момента взрыва Сириуса В был красным гигантом, что и обусловливало цвет всей системы Сириуса. После взрыва он превратился в белого карлика – исключительно плотную звезду размером с Землю.

Двойная звезда Сириус

Похожее предположение выдвинул недавно и английский астроном У.Х. Мак-Кри. Он обратил внимание на то, что в мифах африканского народа догонов встречаются утверждения о двойственности Сириуса. Поскольку Сириус В невооруженным глазом сейчас увидеть невозможно, остается предположить, что еще относительно недавно соотношение масс двух этих звезд было существенно иным, и спутник Сириуса был заметен без телескопа. Гипотезе Мак-Кри противоречит, однако, отсутствие необходимых свидетельств в трудах древних астрономов. Но само обращение к мифологии догонов в поисках разгадки тайны «красного Сириуса» оказалось отнюдь не бесполезным. Дело в том, что именно у них сохранились сведения о взрыве Сириуса В. И не только о взрыве.

Догоны – небольшой (численностью примерно в 300 тысяч человек) земледельческий народ, живущий в основном на плато Бандиагара (Республика Мали), куда они пришли между X и XIII вв., принеся с собой свой главный алтарь – Леба, свои странные обычаи и верования, свое самобытное искусство. «Укрывшись в горных селениях, – пишет этнограф Б. Шаревская, – догоны сохраняли до самого последнего времени многие архаические обычаи и верования. Это характеризует и их мифологию».

Начиная с 1931 г., группа французских ученых во главе с Марселем Гриолем и Жерменой Дитерлен изучала быт и мировоззрение догонов. Результатом этой огромной работы

явилась книга «Бледный Лис» (названная так по имени одного из самых популярных персонажей догонского фольклора), первый том которой вышел в свет в 1965 г., уже после смерти профессора Гриоля, а второй спустя двадцать с лишним лет.

В «Бледном Лисе» французские ученые дословно изложили и прокомментировали мифы догонов о сотворении Вселенной и истории человеческого рода. И не просто мифы, а мифы эзотерические, известные до недавнего времени лишь немногим.

Мифология Африки вообще и мифология народов Западного Судана в особенности – многослойны и полифоничны. Отнюдь не все их стороны открыты любому «человеку со стороны». У догонов, к примеру, мифы могут рассказывать только члены Ава – общества масок – олубару, прошедшие специальную подготовку и знающие особый «язык Сиги» – сиги со.

Французские этнологи длительное время жили бок о бок с догонами, находясь с последними в самых дружеских отношениях. Доброе внимание, проявленное профессором Гриолем и его коллегами к духовной культуре этого народа, нашло свой отклик среди догонов. Решением совета патриархов Марсель Гриоль был допущен к посвящению в тайное знание.

Обратимся, впрочем, к наиболее интересному для нас аспекту мифологической системы догонов – их астрономическим представлениям.

Странно, но факт – единственная известная в настоящее время информация о взрыве Сириуса В исходит именно от догонов. Олубару сообщили французским исследователям, что вскоре после появления людей на Земле спутник Сириуса – звезда По – внезапно вспыхнул, а затем начал постепенно тускнеть и через 240 лет стал совершенно невидим.

Можно предположить: именно догонам удалось зарегистрировать взрыв Сириуса В, не замеченный астрономами других стран. Но здесь мы оказываемся в ситуации, где – по известному выражению – «загадка объясняется тайной». В самом деле, догоны не только отметили сам факт изменения яркости Сириуса, но и прекрасно разобрались, что взорвался не он, а его спутник, известный нам как Сириус В, а догонам – как По толо, звезда По.

Еще в 1950 г. М. Гриоль и Ж. Дитерлен в «Журнале общества африканистов» обратили внимание на необычные представления догонов о Сириусе: эта звезда считалась тройной, главный компонент именовался Сиги толо, а спутник его – По толо и Эмме йа толо. Здесь следует заметить, что догоны делят все небесные тела на планеты, звезды и спутники. Звезды именуются толо,

планеты – толо таназе («звезды, которые движутся»). Первые входят в «семью звезд, которые не обращаются (вокруг другой звезды)» – того дигилеле тогу; вторые – в «семью звезд, которые обращаются» – толо гону тогу. Спутники называются толо гонозе – «звезды, которые описывают круги». Точность и четкость этих представлений поразительна (не забудем, что речь идет о народе, чьи обычаи и мифология носят на себе печать глубокой древности). Но еще более загадочен тот факт, что характеристика звезды По ни в чем существенно не отличаются от характеристики Сириуса В, определенной уже в наше время с помощью весьма совершенных приборов.

Прежде всего звезда По – белая, как зерно по (фонно, разновидность проса). В святилищах догонов эта звезда символизируется очень белым камнем. Период обращения По толо вокруг Сиги толо составляет 50 лет (современные данные: 49,9 года). Эта звезда имеет небольшие размеры при огромном весе и плотности: «Она – самая маленькая и самая тяжелая из всех звезд». Согласно воззрениям догонов, все вещи в мире состоят из четырех основных элементов – земли, воды, воздуха и огня. В По толо элемент «земля заменен металлом» во всех его видах и особенно в виде «сагала». Это металл «более блестящий, чем железо, и такой тяжелый, что все земные существа, объединившись, не смогли бы поднять и частицы».

Но если тождество По толо и Сириуса В вряд ли можно подвергать сомнению, то с Эмме йа толо положение не столь просто. Современной астрономии второй спутник Сириуса неизвестен, хотя в течение последних десятилетий астрономы разных стран неоднократно высказывали предположение о существовании в этой системе еще одной звезды. Небезынтересно и представление догонов о том, что Эмме йа толо вращается вокруг Сиги толо по более длинной траектории, чем звезда По, а период ее обращения составляет те же 50 лет. Звезда Эмме йа несколько больше, чем По толо, и в 4 раза легче. Ее еще называют «маленьким солнцем женщин» – йау наи даги.

Указанный период обращения представляется сомнительным: более длинная траектория предполагает, вообще говоря, и больший период. Но интересна уже сама возможность всерьез спорить с цифрами мифологических представлений, не сомневаясь в принципиальной возможности описанного в них.

Но где же источник изложенных знаний догонских «посвященных»? Ясно, что речь может идти только о заимствованиях, ибо уровень технического развития догонов просто не позволил бы им узнать что-либо подобное без «помощи

со стороны». Но, и приписав астрономические знания догонов древним египтянам (как это сделал Мак-Кри, одновременно объявив звезду По миражом, возникшем при восходе Сириуса) или, к примеру, арабам, мы лишь отодвинем загадку в глубь веков, не решая ее.

Или считать источником заимствований современную европейскую цивилизацию?

Но и это предположение встречается со значительными трудностями. Прежде всего По толо играет в мифологии догонов центральную роль, является символом всего творения. Но Сириус В был открыт в 1862 г., а его необычно высокая плотность определена лишь перед началом Первой мировой войны. Может ли целый народ основать свою мифологию только на недавних заимствованиях? Учтем, что знания о космосе совершенно естественно входят в систему этой мифологии, а она вовсе не является систематическим курсом изложения взглядов на строение Вселенной. Это именно мифология, причем весьма архаичная.

Гипотеза о палеоконтакте объясняет все изложенное просто и логично. Впервые в данном контексте ее затронул известный английский исследователь писатель У. Дрейк в своей книге «Пришельцы на Древнем Востоке» в 1967 г. Он, однако, основывался лишь на знаниях догонов о Сириусе.

Существенно иначе подошел к этому вопросу французский исследователь Эрик Гэррье, выпустивший книгу, целиком посвященную проблеме догонов. Эта книга называется «Эссе на тему догонской космологии: «Ковчег Номмо» и является подробным «палеоконтактным комментарием» к «Бледному Лису».

И все-таки, несмотря на отдельные привлекательные моменты, приходится заключить, что «контактные» мотивы в мифологии догонов весьма смутны. Сам сюжет о появлении предков с неба для Африки не нов и не так уж необычен. Не имей догоны столь точных знаний о Вселенной, он вряд ли бы привлек особое внимание в плане проблемы палеоконтакта. Но когда сообщается о звезде, невидимой без телескопа, точно описываются ее характеристики и говорится, что некто Йуругу прибыл с этой звезды, – невольно призадумываешься.

Решающим доводом в пользу «контактной» гипотезы о происхождении астрономических знаний догонов было бы открытие в их фольклоре описания какого-либо космического объекта или явления перед тем, как оно было бы зарегистрировано земными астрономическими приборами. В какой-то мере этому критерию удовлетворяет Эмме йа толо. А у

этой звезды, по мнению догонов, есть еще два спутника – Ара толо и Йу толо. Две планеты тройной звездной системы Сириуса.

Авторы статей о догонах справедливо напоминают, что к оценке содержания мифов надо относиться очень осторожно и критично. В очертаниях облаков проще простого увидеть фигуры людей, животных. Мифы в этом смысле очень напоминают облака, при сильном желании их можно толковать самым причудливым образом. Так что ограничимся перечисленным. Его вполне достаточно, чтобы поставить вопрос: «В какой мастерской был изготовлен догонский телескоп?»

Напомним, что для уверенного наблюдения астрономических явлений (тем более тонких) нужна оптика, обработанная с точностью до миллионных долей сантиметра. Никакое общество со слаборазвитой техникой ничего подобного сделать не может. Догоны изготовить телескоп не могли, а в природе их нет. Но верно ли, что природа даже в принципе не могла создать телескоп?

Как известно, увеличенное изображение можно получить с помощью одного лишь объектива. Чтобы таким образом рассмотреть детали звездного неба, нужен объектив с большим фокусным расстоянием и экран (последний, строго говоря, необязателен). Но объектив для астрономических наблюдений природа не может выточить ни из горного хрусталя, ни из других прозрачных минералов. Казалось бы, снова тупик. Нет, мы забыли давно известный нелинзовый объектив.

Теперь немного воображения.

…Тропическая ночь. Несколько темных фигур бесшумно движутся под мерцающими звездами. Это посвященные в Великую Тайну пещеры. Впереди, освещая путь факелом, шествует верховный жрец. Вот и вход в пещеру, тщательно замаскированный обломками камней. Факел гаснет – он не должен затмить блеск таинственной звезды Сиги-толо.

В потолке пещеры зияет дыра, снаружи она недоступна. Над головами почти рядом нависает плоская плита из светлого базальта. А внизу, и в центре зала – главное чудо. Это круглое озеро, в котором вода все время вращается. Только верховному жрецу положено знать, что озеро раскручивается стремительным потоком, который пробивается между скал на многометровой глубине. Долгое ожидание, и вот на глади плиты появляется пляшущее и дрожащее яркое пятнышко. Это Сиги-толо – Сириус. Много раз наблюдали пришедшие появление Сиги-толо на базальтовой плите, и каждый раз, движимые суеверным ужасом и неписаными законами, изображали ее очертания на соседней

стене. Сегодня Сиги-толо одна, без потоло – спутника, которого, может быть, и не увидит самый старший из посвященных, – картина повторяется только через 50 лет. Жрецы пробудут в пещере несколько ночей без пищи и сна, выполняя священный ритуал, предписанный предками.

Наиболее вероятным зеркалом догонского телескопа может быть обыкновенная вода, вращающаяся с постоянной скоростью в замкнутом водоеме. Роль первооткрывателя в создании жидкостного собирающего зеркала принадлежит знаменитому американскому физику-экспериментатору первой половины XX в. – Роберту Вуду. В 1908 г. он раскрутил при помощи электромотора сосуд с ртутью, свободная поверхность которой приняла точную форму параболоида вращения. Поскольку параболоид – это как раз та форма поверхности, которая необходима для зеркального телескопа, а ртуть – хороший отражатель, Вуд получил инструмент ничуть не хуже тех, что имелись тогда в астрономических обсерваториях.

Правда, нужно было избавить «гидрооптику» от дрожаний и наклонов, но это уже тонкости. Важно, что подобное явление возможно в природе. Достаточно лишь вращать воду с небольшой скоростью, и гидрооптический телескоп готов. Поскольку в нашем случае нужен длинный фокус, скорость вращения должна быть совсем небольшой: один-два оборота в минуту. Свет от находящихся вблизи зенита светил будет фокусироваться таким зеркалом на потолок пещеры (если, конечно, высота пещеры близка к фокусному расстоянию параболоида!), и их вполне можно наблюдать. Если, положим, диаметр озера будет равен тридцати метрам, то звезды будут выглядеть такими же яркими, как в крупнейшем советском телескопе с диаметром зеркала шесть метров! Истины ради отметим еще два условия: атмосфера должна быть очень спокойной и на воде не должно быть ряби. Эти условия вполне реальны.

Правда, идеально круглый, создающий безукоризненное зеркало водоем маловероятен, но если диаметр отверстия в потолке меньше поперечника озера, то небольшие «дефекты» его берегов не повлияют на качество изображения.

Как известно, старики догоны утверждали, что «все космические объекты из группы Сириуса они наблюдают из пещеры». Именно для Сириуса возможны наблюдения по описанной схеме, так как эта звезда на широтах обитания догонов находится недалеко от зенита.

Возможность существования пещерного озера с такими свойствами спелеологи и гидрологи вряд ли станут отрицать. Хотя вероятность совпадения всех требуемых условий невелика.

По материалам В. Рубцова, Ю. Морозова, Л. Гиндилиса, В. Васильева

Эль-моло – охотники на гиппопотамов

Исчезающее племя эль-моло держится особняком от своих соседей – других африканских племен, населяющих Кению. Все племена, которые живут поблизости от эль-моло, занимаются тем, что разводят скот и никогда не употребляют в пищу рыбу. Для них это табу. Племя эль-моло, название которого переводится как «едоки рыб», все делают наоборот, за что презираемы соседями. Для них главная еда – рыбные блюда, а главный ритуал – охота на гиппопотамов и поедание мяса громадных животных.

Поэтому эта скорее горстка людей, чем племя, как считает этнолог французского научно-исследовательского центра Анна-Мари Пеатрик, не случайно живет рядом с озером Туркана, расположенным чуть севернее экватора в Кении. Оно славится обилием крокодилов и гиппопотамов, а также достаточным запасом разнообразных видов рыб. Другие африканские племена предпочитают не селиться в этих местах. Они очень опасны из-за большого количества хищников. Не привлекает большинство африканцев и горько-соленая вода озера, скуднейшая растительность – кроме тростника, на побережье озера Туркана практически ничего не растет.

Охота на гиппопотама

Тем не менее для племени моло нет прекрасней места, чем это. Главное – здесь живут большие травоядные животные – гиппопотамы, охота на которых запрещена во всей Кении. Но только не для этого племени.

– Трудно понять представителей этого действительно экзотического племени, – говорит Анна-Мари Пеатрик. – Создается ощущение, что эль моло живет так, как ему хочется, не признает местных законов, никому не подчиняется. Поэтому их не только все сторонятся, но и даже, возможно, побаиваются. К примеру, среди племен существуют смешанные браки, но только не с эль-моло. С ними ничего не хотят иметь общего.

Такая изоляция привела к тому, что в этой местности плотность населения составляет всего пять человек на один квадратный километр. Моло строят для себя из тростника хижины. Из этого же материала изготавливают остроги и удочки для ловли рыбы. Рыбалкой они развлекают и иностранцев, зарабатывая тем самым немного денег, которые тратятся на покупку чая, сахара, кукурузного масла для жарки все той же рыбы. Ловить же рыбу они умеют! Удивительно, но вместе лески люди племени используют крепкие водоросли, а крючки делают

из костей больших рыб. Те, кто имеет тростниковые лодочки, бьют рыбу острогами, кидая их с удивительной силой и меткостью в воду. При этом племя моло совсем не боится крокодилов.

Представители эль-моло – из тех племен, чей коренной язык находится на грани исчезновения. Его сейчас знают лишь старики. Остальные предпочитают изъясняться на диалекте ближайших соседей – племени самборос – или на английском языке, официальном для Кении.

Правительство Кении, разрешая этому совсем немногочисленному племени охоту на гиппопотамов не более трех-четырех раз в году, объясняет это тем, что без гиппопотамьего мяса в небольших количествах эль-моло не смогут выжить в отличие от иных кенийских племен. Что интересно, это племя совершенно не интересует охота на других животных, а также их мясо!

Одни специалисты склонны считать, что в ритуальном обряде гиппопотам для моло – олицетворение силы, которую самые мужественные представители племени должны побороть. Есть в племени и такой закон: пока юноша не сходит на охоту на гиппопотама в составе «охотничьей артели», он не имеет права жениться. Другие специалисты полагают, что мясо гиппопотама имеет особые белки, без которых племя просто вымрет.

На охоту отправляются не все мужчины деревни, а только восемь лучших из них. При этом в такой «команде» обязательно должны быть двое юношей, которые выполняют «подсобные работы»: несут чай, сахар, масло, рыбу. Место охоты находится примерно в семидесяти километрах от деревни, от которой к озеру или иному водоему, где обитают гиппопотамы, практически все время проводящие в воде, приходится буквально продираться сквозь колючки.

Бывали случаи, как гласит легенда племени, когда охота на одного животного длилась почти месяц! Не так просто «свалить» такого богатыря. Гиппопотамы, прежде чем выйти из воды, очень тщательно обнюхивают округу. При любой опасности они сразу возвращаются в свое «водное убежище». Чтобы «ликвидировать» свой запах, охотники идут на хитрость: они измазывают себя экскрементами гиппопотамов.

Гиппопотам по вечерам и ночам идет обычно к своему пастбищу, на котором съедает за один раз до двухсот килограммов зелени. В этот момент, с довольно большого расстояния, охотники, окружив животное, стреляют в него из луков и бросают дротики.

Это может продолжаться много часов, пока гиппопотам не

потеряет силу. Спастись же в водоеме ему бывает трудно, так как в поисках пригодного для хорошей кормежки пастбища он может отойти от воды на несколько километров… когда наконец животное повержено на спину, ему связывают ноги и волокут в другое место, подальше от места «битвы». Такая предосторожность не случайна: могут появиться другие гиппопотамы, которые иногда приходят на выручку раненому «собрату».

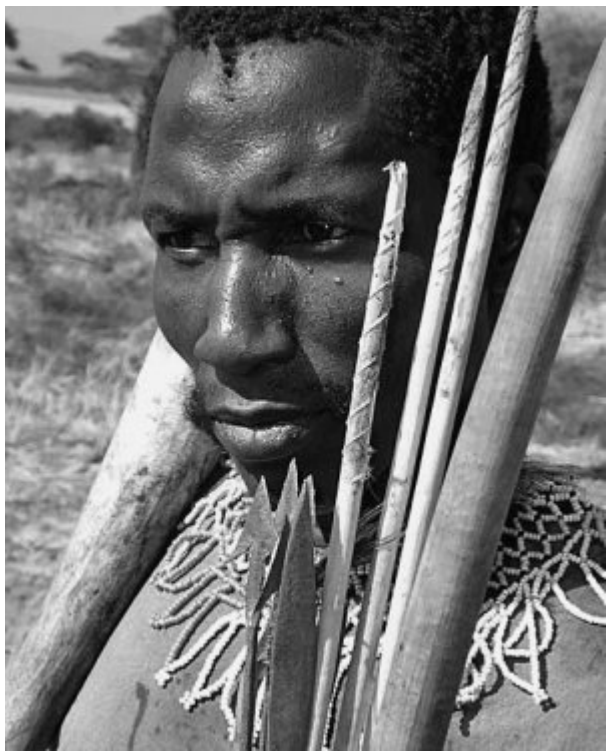
Затем тушу гиппопотама разделывают. Тут же определяется «великий охотник» – тот, которому удалось попасть в лоб животного. Он и начинает разделку туши. Некоторые внутренности затем сушат. На «дегустацию» собирается вся деревня. Самые лакомые «кусочки» – уши и хвост – достаются лучшему охотнику. Трапеза, чередующаяся плясками и пением, может продолжаться несколько дней. При этом племя эль-моло старается растянуть удовольствие, чередуя поедание жареного мяса с привычной едой из рыбы, как бы оправдывая свое название «едоков рыб».

По материалам Г. Алексеевой, В. Орлова

Древние странники саванны – хадзапи

Для восточноафриканских охотников хадзапи родные места – те, откуда homo sapiens начинал победоносное шествие по миру. Как и наши предки, они берут от природы все, что она может предложить. Это образец разумной стратегии выживания, которая оправдывала себя на протяжении 100 000 лет.

Мужчина в разодранной футболке пригибается и сводит колени, будто ему вдруг захотелось справить нужду. Он натягивает тетиву, отпускает, стрела со свистом срывается – и пролетает мимо антилопы. С глухим звуком она впивается в ствол акации. Остальные мужчины издают тихий возглас разочарования. И только. У хадзапи нельзя за это ругать. И наоборот: не принято, чтобы охотник хвалился своей меткостью.



Воин хадзапи

Спустя полчаса этим людям улыбается удача. На этот раз стрела попадает в цель, вонзившись в цесарку с серо-белым оперением. Смертельно раненная птица еще бьет крыльями, когда

стрелок подбегает к ней, вытаскивает стрелу и сворачивает птице шею. Добычу ощипывают на месте.

Охотник разжигает огонь: берет пластинку из твердой древесины и начинает сверлить ее длинной палочкой. Через несколько секунд поднимается дымок. Серый горячий пепел скапливается вокруг ямки. Один из мужчин подносит сухую траву. Она воспламеняется и начинает потрескивать.

Люди кладут цесарку в огонь. Обед делят по-братски. На обратном пути группа набирает по горсти ягод с колючего куста. Кто-то захватил пару плодов баобаба на ужин. Один из охотников вдруг останавливается и показывает на болезненного вида дерево. «Пчелы, – с блеском в глазах говорит он. – Мед!» Он забирается наверх. Несколькими ударами топора вскрывает углубление, в котором прячутся пчелы со своими личинками и сотами. Насекомые отчаянно роятся вокруг, когда человек вычищает гнездо. Мед, личинки и несколько неосторожных пчел исчезают в желудках охотников. Сегодня хороший день. Такой же, как и всегда.

Место, куда возвращаются охотники хадзапи, нельзя назвать деревней. Пять-шесть наскоро сложенных хижин, покрытых высохшей травой. Внутри на голом полу лежат несколько тонких одеял. Миска, полиэтиленовый пакет с одеждой, у самого входа – конструкция из двух деревянных рогатин. Вот и вся обстановка. На рогатины хозяин кладет лук и стрелы. Одна из шести семей, поселившихся здесь, вообще обходится без крыши над головой. Ее территория отмечена заборчиком чуть выше колен из веток и соломы.

Народ хадзапи, численность которого сегодня составляет 1000–1500 человек, охотится, выкапывает съедобные корешки, собирает плоды баобаба, семена которых женщины перетирают в кисловатую муку. Многое свидетельствует о том, что хадзапи, населяющие саванну на севере Танзании, неподалеку от Килиманджаро, по сей день живут и добывают огонь почти так же, как и десятки тысяч лет назад. Видимо, их далекие предки и были теми самыми людьми, которые за 100 000 лет до начала нашего летосчисления, будучи первыми представителями подвида homo sapiens, отправились в путь, чтобы завладеть земным шаром.

Земледелие и скотоводство долгое время не считались сильными сторонами homo sapiens. Он существовал за счет охоты и собирательства. Ситуация изменилась только около 10 000 лет назад. Вероятно, эволюция не видела необходимости отказываться от своей изначальной стратегии успеха. Хадзапи и сегодня не находит для этого причин. Они прекрасно

приспособлены к своей среде обитания, живут за счет природы и в гармонии с ней, не нанося вреда. За тысячи лет они приобрели опыт, слишком богатый, чтобы считаться примитивным.

Женщины из стана Кисанаквиби расселись рядом с зарослями кустарника. Они стучат своими заостренными палками-копалками по высохшей, твердой как камень земле. «Ищут корешки эквы», – разъясняет Ньеха, лучший охотник племени. По звуку женщины определяют, где таятся проросли этих съедобных корешков, и знают, откуда их нужно выкапывать. Похожим способом мужчины отыскивают пчелиные гнезда в полых стволах деревьев. Ультразвук по технологии хадзапи.

В засуху мужчины обследуют толстые баобабы на предмет полостей, в которых с последнего сезона дождей могла бы остаться вода. А по незначительным различиям цвет песка в пересохшем русле реки они определяют, не задержалась ли под ним живительная влага. Они читают по следам животных и по резкости отпечатков с точностью до часа определяют, когда здесь прошла зебра, антилопа или гиена. А по испражнениям узнают об их здоровье и упитанности. «Это помет гиены, – говорит Ньеха, указав на белую, как мел, кучку. – Гиены едят кости, поэтому и гадят белым».

Высоко в кроне баобаба издает призывный крик птица. Охотники настороженно поднимают головы. Они имитируют ее, и птица отвечает снова. «Медоуказчик, – объясняет Ньеха. – Он покажет нам, где спрятан пчелиный улей». Птица вспархивает на тонкую ветку. Мужчины следят за ней взглядом. Когда они взбираются на дерево, то в самом деле находят дикий мед. «Медоуказчику это тоже выгодно», – смеется Ньеха. – Когда мы выберем все из сот, он примется за личинок».

В обществе, так гармонично сосуществующем с природой, нет страсти к накоплению богатства. Это мешало бы кочевать. Хадзапи в прямом смысле кормятся у природы с рук. И это им удается очень неплохо – исследования показывают, что примитивные хадзапи в среднем питаются лучше, чем окружающие оседлые африканцы. Дичи хватает, хотя ее и стало меньше в послевоенные годы. А если прижмет голод, то рядом стоит баобаб, как говорит Ньеха. Зачем его народу тратить силы ради того, чтобы иметь больше и больше?

График работы у них гибкий и на удивление короткий. Два-три часа на охоту у мужчин и еще меньше – на собирательство у женщин. После этого долго отдыхают, болтают и курят.

Больше всего охотники любят сидеть в тени акации и изготавливать стрелы. Лук и стрелы – это единственное имущество, к которому они относятся с уважением. Стрелы

вырезают из твердых пород древесины. Вначале они кривые. Мужчины зажимают их зубами и, рассчитывая давление, выпрямляют.

Наконечники стрел в наше время в основном металлические. Предки скорее всего делали их из костей или кремня. Возможно, им были известны и ядовитые растения, помогающие охотиться на крупных животных. Их соком хадзапи смазывают наконечники стрел. «Зебра, которую ранили отравленной стрелой, умирает в течение получаса, – говорит Ньеха. – Яд останавливает сердце». На отравленные наконечники он надевает защитные колпачки. «Нужно следить, чтобы дети не играли с ними». Удивительно, что хадзапи не имеют понятия о колчане. Они носят стрелы и лук в руках. Когда они стреляют, остальные стрелы зажимают между ног.

Ньеха сидит на базальтовом валуне и глядит на равнину вокруг высохшего озера. Вдалеке в тумане поблескивают фигурные очертания гор. Хадзапи любят выбирать скалистые участки для своего стана. На твердом полу женщины прекрасно перетирают зерна баобаба в муку. Среди камней можно найти себе удобное «кресло с подлокотниками» и, сидя на нем, наблюдать за дичью.

Рано или поздно каждый здесь задает себе вопрос: «Что находится за синими горами?»

Не этот ли вопрос не давал покоя нашим предкам, которые шли все дальше и дальше, пока не достигли Огненной Земли и островов Фиджи? Земледельцы привязаны к своим участкам земли. Охотники и собиратели – всегда в пути и не имеют определенного места жительства. Тот, кто время от времени ищет воду, дичь и корешки, находится в перманентном состоянии миграции. А если не иметь никакого имущества, значит, нельзя ничего потерять, сорвавшись с места. Наверняка это обстоятельство облегчило нашим предкам постепенное распространение по всей земле. Каждому отдельному человеку, конечно, было неведомо, что его перемещение из одного района охоты в другой – часть большого переселения человеческого рода. Это осознаем только мы, рассматривая вопрос в ретроспективе.

Но время большого прорыва прошло. Ньеха уже не сможет отыскать новых мест охоты. И ответ на вопрос, что ждет его народ за синими горами, сейчас ясен: беда. Пастухи со своими стадами, прогнавшие дичь. Егеря, которые не позволят хадзапи охотиться. Города, где они чувствуют себя потерянными.

В наше время для хадзапи мир не открыт, как для охотников и собирателей каменного века. Напротив, их мир уменьшается. Раньше огромные пространства саванны принадлежали им.

Теперь эта территория понемногу заполняется племенами масаи, татого и ираку, пасущими свой скот на земле хадзапи. Для пришельцев саванна – земля под паром, которой никто не пользуется, а народ хадзапи – сборище лодырей, не способных ее толком применить.

Часть древнего народа поддалась на уговоры и поселилась в деревнях, которые, начиная с 1970-х гг., из самых гуманных побуждений строило танзанийское правительство вместе с миссионерами. Успех акции оказался более чем скромным. Поля урожая почти не приносили. Скотоводство тоже оказалось хадзапи не по силам. В поселках они подружились с бутылкой. Вернее, с полиэтиленовыми пакетами, которые они заполняют дешевым джином и осушают в один присест. Пустыми пакетиками, как струпьями, покрыта земля вокруг убогих забегаловок.

Люди степей смотрят на своих одомашненных собратьев и говорят: нет уж, спасибо. Собачья жизнь, как говорит старый охотник Мароба, усевшись вечером у костра.

По материалам журнала «Штерн»

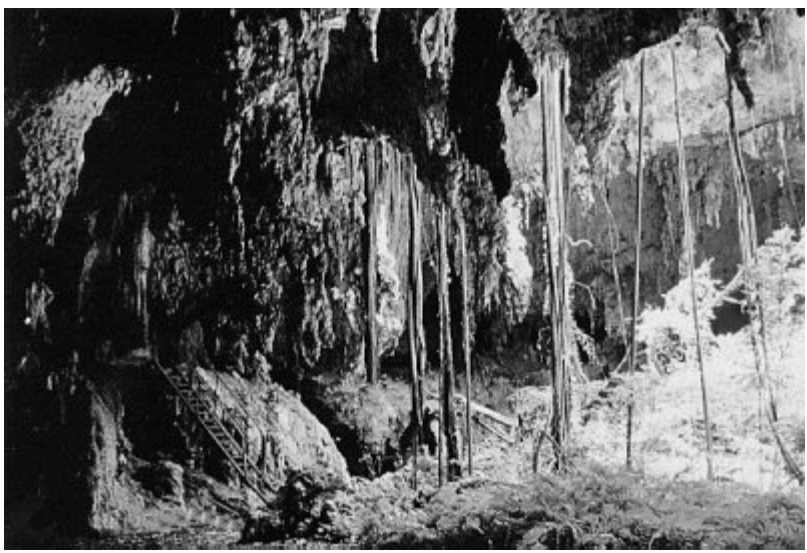
Долгая дорога к вазимба

Мальгашские легенды неизменно утверждают: «Когда наши предки пришли сюда, здесь жили маленькие люди. Они были необычайно сильны и свирепы. Наши предки вели с ними упорную борьбу и победили и с тех пор стали жить там, где мы живем, а карлики, спасаясь, скрылись в непроходимой чаще».

Такую легенду рассказывают по всему Мадагаскару. А кое-где – на юге острова и на центральном плато – по убеждению местных жителей-мальгашей – карлики здравствуют и поныне, утверждает немецкая исследовательница Африки Лота Гернбек.

На юге острова карликов называют «коколампи» (или «ангалампи»), а на плато – «вазимба». Эти существа, говорят мальгаши, с головы до ног покрыты волосами и не уступают в проворстве зверям. Они умны, как люди, и необычайно сильны. По ночам они кричат в лесу. Крики их похожи на детский плач.

Когда крестьяне спят, они пробираются в деревенские хижины и крадут рис. Эти существа наделены сверхъестественными способностями: они могут насылать болезни и даже смерть на своих преследователей. Не дай Бог обидеть их! Если житель плато заболевает, мальгаши говорят: «Наверно, он плюнул на могилу вазимба, и вазимба наслали на него болезнь».



Короче говоря, во всех этих рассказах мальгашей много путаницы, неправдоподобного вымысла, невероятных подробностей. Проверить их достоверность можно лишь одним способом: попытаться найти таинственных карликов, либо убедиться, что их не существует.

– Свои поиски я решила начать с юго-восточной части острова, – рассказывает Лотта. – Я приехала в город Мананжари (порт на восточном побережье) в полночь, но уже на следующее утро весь городок, непостижимым образом узнав о моих намерениях, только и говорил, что о моем путешествии к пигмеям.

Меня узнавали на улицах: «Вон та вазаха (на мальгашском языке – европеец. – *Н.Н.*), которая хочет поймать ангалампи!» Люди останавливали меня улицах и щедро делились советами.

Один местный учитель уверял меня:

– Постройте в лесу хижину и поживите в ней несколько дней. В первую ночь положите перед хижиной немного риса. Запах вареного риса приманит ангалампи. Вот увидите: они придут и возьмут рис. На вторую ночь проделайте то же самое, а на третью поставьте рис на пол хижины и откройте дверь. Когда ангалампи войдут и набросятся на пищу, вы их легко поймаете. Вам они, возможно, ничего не сделают, потому что вы вазаха. Вообще же они убивают всех, кто выслеживает их.

– Ангалампи могут все, – говорили мне другие, – они сверхъестественные существа! Стоит им захотеть, и завтра утром перед вашими дверями будет стоять автомобиль.

– Ангалампи живут в пещерах вблизи водопадов, – наперебой объясняли советчики. – Поезжайте к деревне Ампасинамбо. Туда добраться не очень трудно. От Ампасинамбо километров тридцать пять до другой деревни – Аниворона, рядом с водопадом. Около этого водопада есть пещера, где живут ангалампи. Но до Анивороны дорога очень трудная.

– Однажды я встретил у нас на ярмарке женщину, которая была не выше метра ростом, – рассказал мне начальник полиции.

– Откуда она родом?

– Она пришла из лесу и снова скрылась в лесу. Потом кто-то рассказывал мне, будто он лет пять назад поймал в лесу маленького мужчину, который вскоре умер.

Советчиков было более чем достаточно. Но мне нужен был проводник, а ни один из доброхотов не брался довести меня до места.

И вот как-то вечером в гостиницу пришел человек, который

сказал, что готов провести меня к водопаду. Внешность проводника особого восторга не вызывала: мне он показался слишком щуплым, чтобы выдержать трудности. К счастью, я обманулась: он оказался не только выносливым проводником, но и прекрасным товарищем.

Мы вышли в поход утром. Моросил противный мелкий дождь, и узкие тропинки стали предательски скользкими. Через глубокие овраги приходилось перебираться по тонким стволам деревьев, разуваясь, чтобы не сорваться. Тонкий ствол прогибался.

– Не смотрите вниз, смотрите на конец ствола, – учил меня проводник.

Лишь к вечеру мы вошли в первую деревню.

Я спросила жителей о лесных людях.

– Сейчас их больше нет, – отвечали мне. – Раньше было несколько человек. Они жили под открытым небом, ходили непричесанные, не обрабатывали полей; ночами они приходили в деревню и воровали рис и маниоку.

Так говорили все, кроме одного старика. Он уверял, что ангалампи до сих пор живут в лесу.

– Эти маленькие люди собирают мед лесных пчел, дикие фрукты, охотятся на кабанов. По ночам они подходят к деревне и крадут рис и маниоку на полях. Я много раз видел следы ангалампи на влажной земле, но за ними лучше не гнаться: они убивают преследователя или насылают на него болезнь.

Ничего нового по сравнению с тем, что уже рассказывали мне в Мананжари. Что ж, может быть, в других деревнях расскажут больше.

Утро следующего дня мы снова встретили в пути. По дорогам нам попадалось немало деревень, не обозначенных на карте. Население этих деревень было низкорослым. Еще раньше я нанесла на свою одежду метки и теперь, как бы случайно остановившись рядом с «объектом», с которого я хотела «снять мерку», незаметно определяла его рост. Так вот – рост местных обитателей колебался от ста тридцати восьми до ста пятидесяти сантиметров. Телосложением они походили на детей; женщины производили впечатление двенадцатилетних девочек, столь же невысоки и хрупки были мужчины; лишь морщинистые лица и дряблая кожа говорили об их истинном возрасте.

Я долго расспрашивала этих людей об их жизни, происхождении; но они отвечали крайне скупо и неохотно. Тем не менее мне удалось узнать, что они всегда жили на одном месте и еще ни разу не выходили за пределы своей долины, окруженной лесами.

И никаких новых сведений об ангалампи!

В Аниворону мы пришли лишь к концу третьего дня.

Деревня раскинулась на небольшой открытой террасе. Многочисленные хижины теснились вокруг площади, окруженной изгородью из бамбуковой поросли. Вскоре перед домом старосты собрались жители деревни. В первый же момент мне бросилась в глаза их внешность: жидкая растительность на лицах мужчин, характерный для азиатских народов разрез глаз. Все они были низкорослы и ужасающе худы.

Нас встретили едва ли не королевскими почестями и проводили в трановахини – местную гостиницу. Но и там гостеприимные жители не оставили нас своим вниманием – несколько юношей стали под дверью и запели какую-то веселую песню под аккомпанемент барабана и бамбуковых дудок.

Мой проводник и я плохо понимали местный диалект, но все-таки мы кое-как объяснились со старостой. Я сказала, что слышала много рассказов о маленьких лесных людях, которые будто живут в пещерах у водопада.

– У водопада в пещерах никто не живет. И раньше там тоже никто не жил. К этим пещерам и подобраться нельзя, они находятся в скале под водопадом. Мы сами месяцами живем в лесу, когда собираем мед и охотимся на кабанов, но еще ни разу не видели людей, о которых вы говорите.

– Вы давно живете здесь?

– Деревню мы построили всего три года назад, – отвечал староста. – А раньше жили в лесу.

– А вы знаете другие, построенные в последнее время деревни, жители которых раньше тоже жили в лесу?

– Здесь много разных деревушек. Когда-то мужчины племени бецимизарака с побережья бежали в эту долину, спасаясь от французских жандармов: у них не было денег, чтобы платить налоги. Здесь они построили себе дома и женились на женщинах нашего племени.

– А откуда пришли ваши предки?

– Этого я не знаю. Мы всегда жили здесь.

– Где вы ночуете, когда охотитесь в лесу?

– Обычно в пещерах. Там тепло и сухо. Если пещеры нет, делаем шалаши из листьев и ветвей.

– Вы не боитесь оставаться в лесу одни? Ведь не зря же рассказывают об ангалампи, которые жутко кричат по ночам?

– Никогда не видел таких людей, – покачал головой староста. – Может, это маки, животные вроде обезьян. Вот они, верно, кричат, как маленькие дети.

Говорила я и с другими жителями Аниворoны. Но никаких

сведений об ангалампи они не прибавили. Можно было ставить крест на этом водопаде. Мы вернулись в Мананжари, и, передохнув денек, отправились во второй поход: взглянуть на водопад, расположенный к северо-востоку от города. Слухи и легенды населили эти места страшными дикарями. Поход этот не был особенно примечательным. О нем можно было и не упоминать, если бы не один рассказ, который я услышала в небольшой деревушке.

После того как закончилось восстание 1947 г. (его участники требовали независимости Мадагаскара. – *Н.Н.*), многие повстанцы бежали в леса. Лишь по ночам пробираются они до сих пор в деревни за продуктами. Некоторые из них занимаются «немым» товарообменом: кладут на перекрестках дорог собранные плоды и дикий мед, а жители деревень обменивают их на рис, сахарный тростник и маниоку. Если количество принесенных продуктов удовлетворяет лесных жителей, они забирают их, если нет, то не трогают до тех пор, пока им еще чего-нибудь не добавят.

Теперь мне стало ясно, откуда пошли слухи о дикарях. Ну а что до карликов, то все рассказы о них оказались чистым вымыслом. Объяснялись они, правда, несложно: как я заметила, люди, живущие в глубине острова, гораздо ниже ростом, чем жители побережья. Среди них встречаются очень низкорослые мужчины – сантиметров сто тридцать. Люди из далеких деревень редко появляются на побережье – идти трудно да и незачем им покидать свои места. Когда же они все-таки появлялись в прибрежных селениях, то сразу обращали на себя внимание. А слухи о них обрастали самыми невероятными подробностями.

Теперь оставалась последняя загадка – люди племени вазимба, живущие в центре острова, на плато.

– Через два года я вновь приехала на Мадагаскар, – продолжает свой рассказ Лотта. – Результаты моей первой поездки и предположения других исследователей указывали на то, что, по всей видимости, раньше на Мадагаскаре обитали племена пигмеев. Я решила отправиться на поиски этих племен. Возможно, к ним принадлежат и вазимба, о которых я много слышала во время первой экспедиции.

Передо мной стояла довольно сложная задача. О вазимба мне было известно лишь то, что они, по рассказам, обитали раньше на территории, где теперь находится столица Мадагаскара – Антананариве. Из родных мест их изгнало племя хова: наконечники копий хова были сделаны из железа, а у вазимба из глины. Предки вазимба были оттеснены на запад. И еще говорили люди, что в далекие времена вазимба переняли у духов способность приносить людям добро или причинять зло, а того,

кто оскорбит, наказывать болезнью или смертью.

Я отправилась вверх по реке Манамболо на туземной лодке. Прошло несколько ничем не приметных дней плавания, но вот однажды мы заметили на берегу трех чернобородых коренастых мужчин.

– Это вазимба, – сказал проводник.

Мы пристали к берегу. Мужчины холодно приветствовали нас и молча повели сквозь прибрежные камыши в деревню.

– Неужели это вазимба? – изумленно спросила я.

Во время своих предыдущих походов я не раз встречала людей такого типа. Они отличались от остальных мальгашей лишь густой черной бородой да более плотной фигурой. Были они поменьше ростом, чем племена на самом западе и юге острова, однако рост этот колебался в нормальных (сантиметров сто шестьдесят) пределах.

Деревня вазимба стояла на возвышенности, окруженной речными рукавами. Площадки перед домами, покрытые светло-серой глиной, были чисто подметены. Дома были тоже обмазаны серой глиной и покрыты рисовой соломой. В каждом доме, похоже, было по две комнаты, а кухни вынесены во двор.

Нас привели в дом деревенского старосты. Староста говорил медленно и мелодично. Речь его напоминала мне южный диалект острова, не очень похожий на разговор жителей плато.

– Оставайтесь здесь, – сказал мне староста после обмена приветствиями, – а я пойду на площадь и объясню всем, что вас можно не бояться.

Я молча подчинилась его распоряжению. И в то время как староста упражнялся в ораторском искусстве, я сидела одна в доме и скучала. Неожиданно в окне показалось лицо старой женщины. Она улыбнулась мне и спросила:

– Вы не устали? Хотите искупаться в реке?

На берегу оказалось много женщин. Они стирали белье.

Искупавшись, я вышла на берег и подошла к ним. Мы разговорились. Женщины никак не могли взять в толк, зачем мне понадобилось уезжать из родных мест и идти так далеко на поиски вазимба, выяснять, откуда они пришли, расспрашивать про их обычаи и нравы.

– Да, мы вазимба, – говорили они, – и живем, как жили наши предки. Но откуда они пришли сюда, мы понятия не имеем. Вот в деревне Бебозака, недалеко отсюда, за рекой, много стариков. Они знают разные старинные истории. Но те вазимба в Бебозаке не любят, когда к ним приходят чужие люди.

– Как жаль! Ведь мне обязательно нужно узнать, почему вазимба в старину переселились сюда и как они раньше жили.

– Зачем вам это нужно?

– Вы, наверное, слышали, что почти все мальгаши верят в то, что вазимба – это маленькие люди или даже духи, которые могут причинять людям зло или делать добро, будто они живут в пещерах?

– Да, мы знаем, что многие боятся вазимба и даже считают нас зверями. Поэтому мы рады, что вы к нам пришли. Что вы хотите увидеть? Старые могилы в пещерах?

Конечно, я бы охотно взглянула на могилы вазимба! Но мальгаши так ревниво берегут могилы предков! И я сказала:

– Нет, покойники не интересуют меня. Я не хочу тревожить усопших.

– Это правильно, – обрадовано согласились женщины. – А то мы испугались, что вы хотите нарушить их покой. Мертвые мстят тем, кто нарушает их покой, и живые тоже.

На следующее утро мы переправились на лодке через Манамболо и пешком направились в Бебозаку.

Нас встретили более чем холодно. Лишь несколько мужчин собрались на площади. Правда, остаться в деревне мне позволили.

Но через неделю недоверия как не бывало. Я вылечила одну больную девочку, а вазимба в знак благодарности решили разослать по всем деревням, спрятавшимся в густых лесах, гонцов и собрать в Бебозаке стариков и старух, которые могли рассказать мне об истории племени. В их изложении эта история выглядела так.

В старину вазимба жили на востоке плато вперемешку с другим племенем – бецилео. Рисовые поля бецилео террасами шли по горным склонам, а вазимба жили ближе к рекам, озерам и болотам, на которых они сажали рис. Бецилео, кроме того, разводили скот, для вазимба же мясо было табу.

Но однажды между королем вазимба и королем бецилео произошла ссора, и вазимба, чтобы избежать кровопролития, покинули землю отцов.

Сначала вазимба осели на равнине, где много болот и озер – там сейчас находится мальгашская столица Антананариве. Вазимба мирно выращивали рис на равнине, пока не появились хова. Первое время хова признавали над собой власть королей вазимба, ибо жили на их земле. Но вскоре хова стали сильнее: они открыли новый, более продуктивный способ выращивания риса – не сразу высевать в болота, а предварительно высаживать на грядках. Рабочих рук стало не хватать, и хова решили заставить вазимба работать на себя. Вазимба не знали рабовладения. Племенем, правда, управляли короли, но все

остальные были свободными крестьянами. Хова же, которые обращали в рабство негров племен банту, военнопленных, своих должников и преступников, захотели превратить в рабов также и вазимба. Поэтому вазимба решили покинуть страну.

Они углубились в горы Бонголава и шли безостановочно на запад до тех пор, пока не вышли к реке Манамболо. Но не все добрались живыми до Манамболо, многие умерли в пути, не выдержав изнурительного перехода. Вазимба долго искали место, где похоронить умерших, пока случайно не набрели на пещеры. Умерших погребли в пещерах. И сами решили обосноваться поблизости. Однако в пещерах было слишком мало места, и вазимба пришлось разослать разведчиков на поиски новых жилищ. Через некоторое время разведчики вернулись и сообщили, что нашли дальше по ущелью Манамболо много пещер.

Тогда вазимба построили несколько больших и маленьких лодок и спустились на них вниз по Манамболо. В одних пещерах они жили, в других хоронили умерших. Жили они по-прежнему бедно и по-прежнему охотились на мелких животных, ловили рыбу и сбирали дикорастущие плоды.

И в наши дни вазимба выращивают рис и ловят рыбу. Занимаются они теперь и скотоводством. Однако крупный рогатый скот служит у них в основном для обмена и продажи. Правда, теперь в случае неурожая они едят мясо, но пастухами нанимают все же людей племени бара. Пастухи продают скот на рынках и покупают для вазимба необходимые продукты и разные товары: топоры, лопаты, ножи, предметы домашнего обихода, одежду, чай, сахар и, главное, соль. Обычно они складывают товары в условленном месте, откуда их забирают вазимба. Но так как вазимба и сами иногда появляются (только инкогнито) на рынках, они хорошо знают цены и не дают себя обмануть. В свои же деревни вазимба никого не пускают.

Из рассказов стариков мне стало ясно, что все слухи о колдовских способностях вазимба объяснялись их добровольной изоляцией. Именно это породило ту атмосферу таинственности, которая окружает на Мадагаскаре само имя вазимба.

Что ж, мне удалось установить, что легендарные вазимба – отнюдь не пигмеи. Следовательно, и во внутренней части острова живут такие же мальгаши. Есть ли на Мадагаскаре пигмеи, я не смогла пока выяснить. Это могло стать целью другой – гораздо более обстоятельной – экспедиции. Мое же знакомство с вазимба помогло мне «закрыть» вторую загадку, связанную с «маленькими людьми» (по мнению российских ученых, вазимба, очевидно, потомки первых переселенцев из Индонезии на Мадагаскар.

Следующие волны пришельцев вытеснили их из прибрежных районов во внутреннюю часть острова. – *Н.Н.*).

Везо – «морские цыгане» Мадагаскара

На юго-западе Мадагаскара живут потомки кочевников моря – небольшое племя везо, блуждающее по водным просторам на протяжении веков. Прибрежная полоса, покрытая кораллами, является их защитой, а ближайшие лагуны дарят богатства прибрежных вод.

Мускулы натянуты как струны, снасти и канаты вибрируют, рулевой налегает на лопатообразное весло, уверенно направляясь к мысу, внимательно следя за границами узкого прохода в коралловом рифе. С обеих сторон пироги под парусом грохочут, брызжут, ударяют о борт и разбиваются волны, покрывая нас пеной. Паруса пироги напоминают крылья летучей мыши.

Мореплаватели Мадагаскара

От Тулиара до Моромбе на 250 километров простирается прибрежная полоса, покрытая кораллами. На этой территории и живет племя везо, или «морские цыгане». Никто не может с уверенностью сказать, откуда они появились здесь. Сейчас на острове Мадагаскар восемь тысяч везо. Они относятся к одной из самых древних этнических групп под названием сакалава. В Океании или в Юго-Восточной Азии они единственные сохранили необычное вероисповедание лаака и балансирующую пирогу, неизвестную в Африке.

Более восьми тысяч везо бороздят прибрежные воды

Мадагаскара в поисках мест, богатых рыбой. Впрочем, их потребности ограничиваются религиозными правилами и не обедняют фауну коралловых рифов. Пирога же, возможно, родом из Юго-Восточной Азии или Океании. Она сделана из цельного ствола дерева. Корпус пироги смазывается смолой и маслом печени акулы. Две мачты в случае надобности легко заменить. Все другие части пироги крепятся плетеными из волокон баобаба веревками.

Везо – единственное племя в этом районе, которое не делает обрезание сыновьям. Эта практика характерна для большинства этносов Мадагаскара, так как считается, что лишь обрезание позволяет мужчинам иметь доступ к могилам предков и выполнять специальные ритуалы.

Наконец несколько пирог везо добрались до места рыбной ловли. Мужчины, дети, старики, подростки забросили сети, сделанные из волокон баобаба с привязанными к ним ракушками, служащими грузилами. Рыбу сгружают в пироги, туда же складывают запутавшиеся в сети раковины. Их перламутровые створки будут проданы индийским и китайским торговцам или европейцам, живущим в городах Мадагаскара.

На следующий день пироги везо вновь отправились на промысел, но теперь уже на другое место. Обычно они ловят рыбу и морских животных в зоне пересечения кораллового рифа с берегом, которое океанологи называют внешним окончанием рифа. А вот везо называют это место Водной Пастью Кормильца. Чтобы попасть в эту очень богатую рыбой зону, везо нужно рассчитывать только на собственные силы.

При первой возможности везо вновь устремляется в море. Кстати, благодаря своей чрезвычайной подвижности и знанию моря везо смогли избежать истребления в древности во время набегов враждебного племени мазикоро. Сегодня же везо поддерживают с этим племенем тесные экономические отношения.

В бесцветном утреннем небе лениво плывут перистые облака. Патриарх везо наблюдает за ними. Он не просто смотрит, а определяет направление и силу ветра, размышляя при этом, можно ли отправиться на рыбалку ли лучше остаться на берегу. На сей раз выдался хороший денек. Прошел сезон циклонов, во время которого везо молились душам предков и цумба – божествам племени.

В племени везо есть несколько десятков особенно удачливых семей. В этих семьях все, от мала до велика, знают направление теплых течений в прибрежных водах. Люди племени знают, что мужчины из этих семей – самые опытные рыбаки, которые могут

привести своих товарищей в рыбные места. А если этим мужчинам удается еще «наладить отношения» со сверхъестественным миром, который управляет делами живых, то успех обеспечен, и ни один человек в племени не останется без пропитания.

Для везо болезнь или несчастный случай – знак мира духов, которые недовольны людьми, из-за того, что они отступают от традиций предков. Однако все это поправимо. Патриарх везо, общаясь с божествами или предками, способен умилостивить их. Но люди племени знают, что высшие силы проявят свою благосклонность лишь в том случае, если они будут жить дружно и никогда не бросят друг друга в беде.

Наступило время отлива. Ребятишки плескались в морской воде. Их шоколадные тела блестели под тропическим солнцем. Они бегали и резвились, издавая радостные крики. Те, что постарше, пускали кораблики, похожие на пироги. С самого юного возраста везо знакомы с ветром и с морем. Дети везо учатся азам навигации на пирогах-игрушках, точных копиях настоящих пирог.

В нескольких десятках метров на берегу двое рыбаков ремонтировали пирогу. Аалук – своеобразный экран, сделанный из простого паруса, натянутый на две палки, защищал их от солнца. Только на время вынужденных для добывания пищи миграций везо покидают свои дома, сделанные из мангрового дерева, где они проводят время в непогоду. Во время же странствий везо собираются в «домах-парусах». Достаточно натянуть хлопчатобумажное полотнище квадратной формы на конструкцию, сделанную из мачт пироги и двух рей, для того, чтобы построить такой дом. Во время плавания или рыбалки в нем можно прекрасно переночевать.

Днем «дом-парус» разбирают. Остаются только две мачты. Поодаль от берега, на небольшой возвышенности, обычно располагаются несколько человек, наблюдающие и за берегом, и за мангровыми лесами, где охотятся во время приливов.

Солнце в зените. В кораллах, выброшенных волнами на берег, везо находят маленьких рыбешек. В прибрежной полосе полно и других живых существ. Везо собирают на прибрежной полосе осьминогов и морских ежей. Недалеко от склона, выходящего в лагуну, позади естественной дамбы в виде кораллового рифа находится внутренний водный участок, или «мясо кораллового рифа», питающее его «живот». В неистовой жаре, по пояс в воде, везо тянут за собой сети с морской живностью, останавливаясь время от времени, чтобы собрать редкие ракушки, предназначенные для городских торговцев.

Традиционно поисками раковин с крупинками жемчуга занимаются женщины. Вооруженные гарпуном с металлическим наконечником, они проверяют небольшие ямки в песчаном дне. Чтобы найти в выловленной раковине жемчужину, женщины используют иголку. Но сначала приходится тыкать гарпуном бесчисленное количество раз в песчаное дно, ожидая мгновения, когда металлический наконечник не стукнется о вожделенную раковину.

Везо разбивают лагеря на пляжах прибрежных городов Мадагаскара, куда они приходят продавать не только рыбу, но и перламутр, а также трепангов. «Дома-паруса» защищают их в это время от комаров и мошкары.

За два месяца до начала сезона циклонов везо поднимаются по реке Мангуки, обменивая вяленую рыбу на рис, кукурузу и сладкую картошку у местных жителей, занимающихся сельским хозяйством. Эта зависимость от береговых народностей стесняет людей везо, связанных древними традициями рыболовства. Кроме того, их нещадно обирают индийские торговцы, которые платят за рыбу очень мало. Потому многим везо, чтобы прокормить семью, приходится проводить в море очень много времени.

…На горизонте поднималась круглая луна над молчаливыми водами реки, освещая своим холодным светом «дома-паруса» везо, которые спали, набираясь сил для завтрашнего дня.

По материалам Г. Остяковой, В. Орлова

«Чернодеревщики» маконде

Если выехать на север из Дар-эс-Салама, расположившегося на берегу Индийского океана южнее того места, где африканский континент перетянут невидимым поясом экватора, то километров через пятнадцать появится деревянная фигура-указатель. Вытянутая рука стилизованной полутораметровой статуи призывает обратить внимание на группу глинобитных хижин, расположенных метрах в пятидесяти у дороги. Это одно из поселений племени маконде, профессиональных резчиков по дереву.

В тени баобаба несколько мужчин, сидя на земле, вырезают деревянные фигурки. Ближе к дороге – магазинчик, в котором продаются готовые скульптуры. Резчики привыкли к частым посетителям и не прекращают при них свою работу. Торгует, как правило, специально выделенный для этого человек – молодой африканец, знающий несколько фраз по-английски.

Давным-давно, когда на свете еще никого не было, в долину реки Рувума пришел прародитель людей. Грязный, заросший волосами, он, как дикий зверь, бродил по зарослям в поисках пищи и безопасного ночлега. Наконец, утомленный скитаниями и одиночеством, он вырезал из большого корневища фигуру подобного себе существа и оставил ее у изголовья на ночь. Под лучами солнца деревянная фигура ожила и превратилась в прекрасную девушку. Обрадованный мастер немедленно помылся, принарядился, построил жилище и взял девушку в жены. Но дети их рождались мертвыми до тех пор, пока эта пара не поднялась от реки на плоскогорье. И тогда счастье поселилось в их семье: все дети росли крепкими и здоровыми. Так начался род маконде.

Фигурка слона работы мастеров маконде

Эта легенда объясняет некоторые стороны жизни и традиционного быта маконде. Этот народ никогда не селится близ водоемов, зато и не знает такой распространенной в африканских низинах болезни, как малярия. До сих пор маконде хоронят покойников стоя, чтобы им было легче вступить в новую жизнь. Они считают, что своим существованием обязаны легендарной прародительнице, поэтому матери в племени маконде пользуются всеобщим уважением, а после кончины обожествляются.

Выбор черного «железного» дерева, чрезвычайно плотного и тяжелого, для мастера племени маконде – важное дело. Рисунок древесных структур подчас определяет тему и композицию будущего произведения. Резчик без каких-либо подготовительных набросков приступает к воплощению замысла. Основными орудиями труда ему служат нож, стамеска и еще один оригинальный инструмент – что-то среднее между долотом и молотком.

Придерживая стоящую на земле заготовку левой рукой, скульптор точными ударами долота-молотка начинает оживлять дерево, подчиняя его ткань своей творческой воле. Каждый штрих-удар требует идеального глазомера в сочетании с немалым физическим усилием. В зависимости от размера и сложности

композиции работа длится от одной до нескольких недель.

С детских лет молодой маконде постигает законы племени: беспрекословное подчинение старшим, уважение к женщине, стойкость в преодолении трудностей. В ходе ритуала инициации юношей и девушек раздельно отдают на несколько месяцев в своеобразную «школу-интернат», где они получают от старших наставления, выраженные в песнях, танцах, сказках и деревянных фигурках. В конце обучения проводится экзамен на зрелость: перед выпускником ставят различные по композиции, содержанию и тематике деревянные фигурки, смысл которых ему надлежит распознать.

Один из наиболее популярных сюжетов деревянной скульптуры – семья, которая изображается в виде переплетенных подобно ветвям дерева фигур живых и умерших ее членов. «Древо жизни» маконде может достигать двухметровой высоты – все зависит от количества предков и потомков да от размера болванки черного дерева.

История маконде до сих пор мало изучена. Пока неизвестно, когда и почему их предки пришли в Восточную Африку и осели на плоскогорье, названном впоследствии их именем. Гористое плато Маконде, протянувшееся вдоль побережья Индийского океана, рассечено надвое одной из больших восточноафриканских рек – Рувума. Сейчас по ней проходит граница между Танзанией и Мозамбиком, в пределах которых и живут полмиллиона маконде.

Более трех столетий они были вынуждены бороться против чужеземных завоевателей, которые искали в этих местах сокровища древних африканских цивилизаций, слоновую кость и, главное, «черное золото» – рабов. Трагедия маконде усугублялась тем, что они были «разорваны» европейскими захватчиками: португальцы заняли Мозамбик, а англичане прибрали к рукам обширные территории к северу от него. И те и другие побаивались свободолюбивых маконде, распространяя слухи, будто это кровожадные дикари-людоеды и колдуны, и утверждая, что даже случайная встреча с маконде – дурное предзнаменование. Хотя кто знает сейчас, как там было в те времена? Ведь маконде в белом человеке видели врага. Кстати, именно племя маконде в итоге изгнало колонизаторов не только из своих мест, но и с территории всей Танзании.

До сих пор в глухих уголках страны маконде украшают лица и тела замысловатой татуировкой, остро затачивают передние зубы, а взрослые женщины вставляют в верхнюю губу круглые деревянные пластинки, нередко достигающие семи сантиметров в диаметре. Ведя замкнутый, отшельнический образ жизни на труднодоступном плато, придавая себе грозный вид, маконде,

наученные многолетним горьким опытом общения с чужеземцами, преследуют лишь одну цель – отстоять свою свободу.

У маконде никогда не было единого верховного вождя или господствующего клана. Каждая деревня представляет собой независимую административную единицу, во главе которой стоит вождь. Жители различных поселений сходятся крайне редко, пожалуй, только на обязательной для всего клана церемонии, например, для совещания обряда инициации, знаменующего совершеннолетие юношей и девушек.

По традиции девушки-маконде сами выбирают себе спутников жизни. После свадьбы муж переходит в деревню или клан жены. Родство у маконде считается только по материнской линии.

Свои селения маконде обсаживают густым колючим кустарником, сквозь который к ним не сможет пробраться ни человек, ни зверь. Несколько замаскированных проходов тщательно охраняются и днем, и ночью. Круглые и прямоугольные глинобитные хижины разделены на три-четыре помещения, к каждому примыкает закрытый двор. Все дома располагаются по кругу, в центре которого старейшины собираются на совет.

Природа не балует маконде: их земли засушливы, питьевую воду приходится носить за много километров. И все же они выращивают кукурузу и сорго, которые служат им основной пищей. В любой, даже самой крохотной деревушке есть фруктовые деревья, а у каждой хижины – непременная цветочная клумба.

Маконде не боятся смерти, так как верят, что это лишь переход в другое состояние. Связи с душами умерших следует всячески укреплять, ибо, если они ослабеют, добрые духи могут превратиться в злых и принести племени неисчислимые бедствия. Кенийский исследователь Джордж Мбити так описывал представление маконде о воздействии обиженных духов: ветер гонит их по земле, как листья, закручивает в смерч, который олицетворяет совокупность сил зла, подготавливающих нападение на людей.

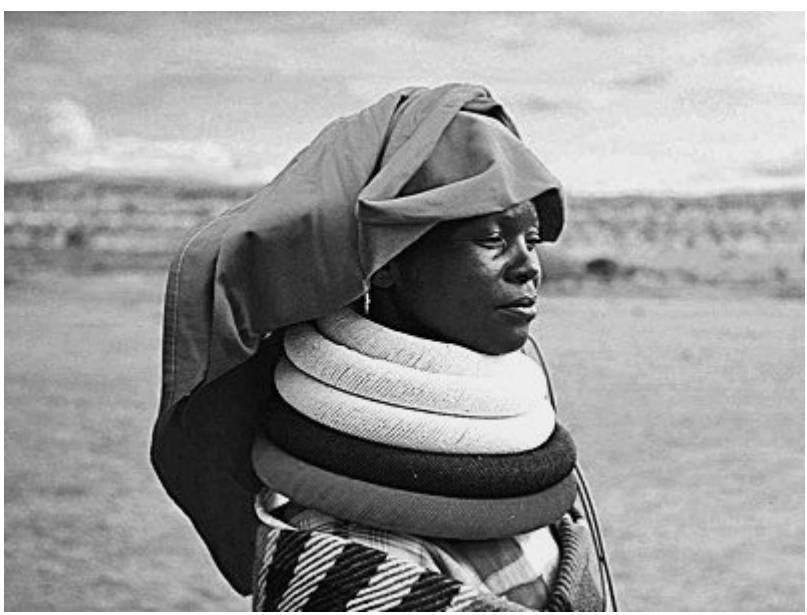
По материалам В.Орлова

Властительница Моджаджи

В долине реки Молототси живет племя лобеду, вождь которого – Моджаджи, самая известная вызывательница дождя Африканского континента, к которой даже воинственные дикари относятся с благоговейным страхом.

Кто же была первая Моджаджи? За счет чего ее наследница, принявшая ее имя, держит свой народ в подчинении?

В соответствии с древней традицией царице дождя гарантируется бессмертие через ритуал реинкарнации. Эта церемония проводится вслед за великим обрядом посвящения юношей, случающимся каждые пять лет. Во время таинства старая царица испивает отравленную чашу и встает молодой из увядшего тела. Царица – прежде всего властительница дождя, но не правительница. Она – укротительница времен года, чья сила связана со способностью контролировать природные циклы. Существует несколько способов вызова дождя. Выбор оптимального зависит от причины засухи. Иногда причина – в самой царице, которую в подобном случае следует ублажать дарами. Считается, что настроение и мироощущение царицы имеют непосредственное влияние на погоду; так что вызвать ее неудовольствие – значит навлечь несчастье на свою голову.



Моджаджи

В XVI в. сыновья Мвене-Мутапы, верховного вождя зимбабвийского племени каранга, начали ссориться между собой по поводу раздела владений состарившегося отца. В конце концов каждый сын основал по собственному королевству и объявил себя независимым мамбо, или вождем, раздробив когда-то могущественную империю Мвене-Мутапы. Один из сыновей позднее взял имя Мулозви (Мурозви) и принял на себя правление горного региона Зимбабве. Вскоре после раскола незамужняя дочь Мулозви Дзугудини родила сына Макафимо, отказавшись назвать отца ребенка – им предположительно был ее брат, – вопреки гневным требованиям Мулозви. Растущие подозрения последнего вынудили ее в конечном счете бежать из племени. С собой Дзугудини унесла священные четки, связанные с дождем талисманы и знание, как все это применять. В сопровождении нескольких последователей она двинулась на юг.

Группа обосновалась в отдаленной долине реки Молототси, к востоку от Дуивелсклуфа, на местности, именуемой сейчас Северо-Восточным Трансваалем. В силу кровосмесительной связи Дзугудини с ее братом к поселенцам стали относиться как к новому племени, получившему название лобеду.

Примерно в 1800 г., когда Дзугудини и Макафимо давно не было на земле, для лобеду наступил период гражданской междоусобицы, разрешившейся восхождением на трон женщины, Моджаджи I. Она стоит первой в длинной веренице всемогущих, легендарных цариц дождя.

Моджаджи I принесла племени долгожданные мир и процветание. Со временем ее стали называть «правительницей дня» и описывать четырехгрудой властительницей дождя, никогда не открывающейся внешнему миру и живущей в священной роще на краю обрыва высокого, окутанного облаками холма. Верили также, будто она белая, так что даже теперь молодым бледнокожим женщинам племени приписывают голубую кровь.

В уединении своего удаленного лагеря, устроившись подобно вознесшемуся над опушкой леса орлу, Моджаджи I завоевала почитание и славу величайшей из всех известных дождевержиц.

По сравнению с такими племенами, как зулу, коса, венда и педи, сила и численность лобеду не выглядели впечатляющими, и тем не менее магия Моджаджи считалась столь могущественной, что царица получала подношения и прошения от влиятельнейших вождей, включая самого Чаку. Для зулусов она вообще была величайшей волшебницей севера, обладавшей способностью обращать облака в дождь.

Авторитет царицы дождя был незыблемым, и даже во время

мфекане,[7] когда волна смерти и разрушения пронеслась по земле, ее владения остались нетронутым заповедником.

Моджаджи I, правившая на троне более полувека, пользовалась благоговением своих последователей и со временем стала считаться бессмертной. Она была замкнута и недоступна даже для членов собственного племени, и то обстоятельство, что она жила в уединении в недосягаемом для людских глаз месте, без сомнения, подогревало воображение ее подданных.

Приблизительно в 1850 г. Моджаджи I умерла, и соответствующие ее статусу полномочия и власть были тайно переданы ее дочери Моджаджи II (она, по общему мнению, являлась продуктом кровосмесительного союза ее матери с собственным отцом). Моджаджи II наделила титулом властелины дождя Моджаджи III, та, в свою очередь, – Моджаджи IV, вверившую магию дождя ныне царствующей Моджаджи V.

Очевидно, что мир значительно изменился с поры восхождения на трон Моджаджи I (примерно в 1800 г.). И все же традиции и таинство магии дождя сохраняются по сей день. Примечательно, что сам ритуал так и не был «обнародован».

…Недалеко от Дуивелсклуфа крутая извилистая дорога сворачивает к столице царицы дождя, расположенной на склоне холма и отороченной сверху рощей. Столица представляет собой скопление круглых хижин с тростниковыми крышами, обнесенное деревянным частоколом, украшенным причудливой резьбой в виде лиц и устрашающих копьевидных форм, пучками непонятного происхождения волос и таинственными черепами. Внутри этой цитадели простирается большой открытый двор, в центре которого высится врытый в землю магический шест, притягивающий к себе людей во время собраний. Покои царицы обособлены; туда допускаются только избранные посетители.

Царица не шевельнет и пальцем, пока ее об этом не попросят, но даже после этого может выказать неудовольствие и отказать в участии, пока не будут выполнены ее требования. В один год, например, когда дождя не было до декабря, верилось, что царица дает таким образом волю гневу по поводу связи ее дочери с простолюдином.

Посему народ вынужден преподносить свои просьбы о дожде с осторожностью и долей осмотрительности. Иногда он сообщает царице о своих желаниях неформальным образом, как-то: бросая громкие реплики близ ее крааля или «мимоходом» упоминая о надеждах на хороший сезон во время разговора с ней. В других случаях, когда очевидна необходимость более формального обращения, делаются ритуальные подношения даров. Бывает, просители устраивают долгие танцы возле крааля царицы летом,

когда им следует заниматься вспашкой, уповая, что это побудит ее сжалиться над ними. Если возникает предположение, что царица особенно кем-то недовольна, в ее цитадели ежеутренне собираются замужние женщины со всех окрестных деревень, которые танцуют и поют, провозглашая: «Нас убивают из-за призрака в людском обличье», – и подразумевая, что их наказывают за чужое преступление.

Осуществлять свои функции царице помогают шаманы племени, сами по себе являющиеся влиятельными фигурами и по случаю могущие действовать независимо. К шаману, например, обращаются за вызовом дождя в определенном районе. И все-таки магия, которой он владеет, полностью зависима от царицы: если она по некой причине захочет задержать дождь, он не пойдет. Возможности царицы, в свою очередь, зиждятся на согласии ее предков, способных равным же образом связать руки ей.

Сама церемония вызова дождя остается строго охраняемой тайной, известной только царице. По слухам, ритуалы и практика магии вверяются избранной преемнице-девушке, которую с детства готовят к будущей миссии, когда царица уже не встает со смертного одра.

Магические амулеты царицы хранятся в грубых глиняных горшках в местах с ограниченным доступом. Эти емкости считаются необычайно ценными и могут быть показаны лишь снискавшему многолетнюю дружбу человеку.

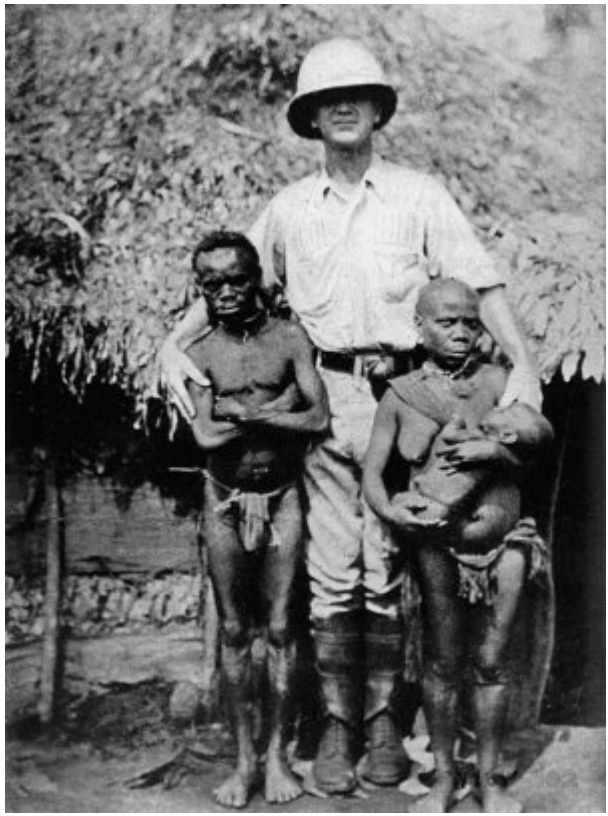
Говорят, что магия царицы черпается из человеческого черепа. Рога животных также используются в церемониях, однако основным атрибутом является кожа умерших вождей и их влиятельных советников. (По поверью, когда вождь умирает, его тело на несколько дней оставляют в хижине, а затем обрабатывают держащимся в строжайшем секрете способом, так что кожа легко отходит.) Другие используемые в ритуалах компоненты – это жир ящера-панголина, считающегося царским животным, части тела антилопы куду, перья некоторых птиц, кора и различные коренья, черные и белые морские ракушки, а также морская вода – поскольку она пенится. Иногда к ритуалу убивают паршивую овцу для придания магии силы.

Быть может, однажды секреты вызывательницы дождя станут открыты для всех. Сегодня они остаются за непроницаемой завесой.

Духи приходят к пигмеям

В 2700 г. до н. э. повелитель Обоих Египтов фараон Нефрикаре отправил своего военачальника Хирхуфа в страну Актин; тот дошел до огромного леса к западу от Лунных гор и увидел там «маленьких людей, живших на деревьях, танцевавших и певших для своего бога». Хирхуф был настолько поражен увиденным, что срочно описал это зрелище и отправил в тот же час фараону гонца с папирусом.

Повелитель, коему к середине царствования порядком надоели стандартные придворные удовольствия, с тем же гонцом, одаренным тремя кольцами медной проволоки, немедленно отправил своему вельможе подробнейшую инструкцию по доставке одного чудо-карлика в столицу. Этот документ своей обстоятельностью способен вызвать зависть не у одного составители инструкций для ночных сторожей: «…Когда он будет спать, выбери доверенного человека, дабы спал с ним, и не менее десяти раз в ночь заходи в его палатку и смотри: все ли в порядке?



Профессор К.Мерфи с пигмеями. 1923 год

Когда он взойдет с тобой на корабль, назначь по одному человеку стоять с правого и левого бортов, дабы следить: не упал ли карлик в воду.

Божественная Светлость – говорю тебе: желаю видеть карлика больше, нежели урожай Синая и дерево Пунта».

Поучительная инструкция навеки осталась выбитой на фасаде Хирхуфовой гробницы в Саккаре, из чего можно заключить, что Хирхуф успешно провел мероприятие и доставил карлика пред очи владыки. И это, очевидно, явилось ярчайшим подвигом его жизни.

Так состоялось первое знакомство цивилизованного мира с неведомыми маленькими людьми, живущими в лесной чаще.

Встреча эта у египтян была не последней, потому что вскоре пришел с верховьев Нила и занял свое место в египетском пантеоне лесной бог – бородатый карлик Бэс. В его храме служили специально привозимые из страны Лунных гор маленькие люди. В Саккаре на рельефах царских могил V династии сохранились изображения человечков с выпуклым лбом: воздев руки к небу, они пляшут, широко раскрыв рты.

Греки узнали о таинственных лесных карликах от египтян. Очевидно, сведения эти были сильно преувеличены, или в данном случае, лучше сказать, преуменьшены. Во всяком случае, греки назвали карликов «пигмеями» – «пигмаиой», что означает «величиной с кулак». Видели ли греки их? Скорее всего нет. Это тем не менее не помешало им ввести пигмеев в свои легенды. Гомер, описывая в «Илиаде» битву между греками и троянцами, вспоминает пигмеев нижеследующим звучным стихом:

> …С криком таким журавли пролетают под небом высоким,
> Прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных,
> С криком несутся они к океановым быстрым течениям,
> Смерть и погибель готовя мужам низкорослым – пигмеям,
> В утреннем сумраке злую войну они с ними заводят.

Для Аристотеля тем не менее пигмеи – реально существующие люди, однако уже не лесные обитатели, а троглодиты, живущие в пещерах: «…жилища их так же малы, как и они сами, и находятся в земле».

Почему в земле? А вот почему.

Задолго до Гомера и Аристотеля герой древнегреческих мифов Геракл уже столкнулся с пигмеями и при обстоятельствах не самых для него приятных. Одолев сына Земли Антея, герой возлег опочить от подвигов. Тут-то из глубоких нор вылезли люди величиной с кулак, коварно подкрались к спящему Гераклу и пытались связать его. Пробудившийся Геракл сгреб нападавших могучей дланью, бросил в львиную шкуру, после чего след их затерялся.

Аристотель, хотя и опирался на реальные источники (в частности, во II томе «Истории» Геродот упоминает о карликах, живущих у истоков Нила), не избежал влияния мифа.

Ну, а после Аристотеля реальность существования маленьких людей подвергалась все большему сомнению. Они исчезли, как исчезла их страна у подножья Лунных гор. Исчезли сами Лунные горы. Затерялись истоки Нила.

Уже для римлян выражение «искать истоки Нила» было синонимом заведомо бессмысленного занятия. Путь в страну пигмеев был накрепко забыт, и известное изображение пигмеев на помпейской фреске вряд ли означает нечто большее, чем отголосок греческих легенд.

Последующие тысячелетия не принесли новых сведений о пигмеях, а энциклопедический XVIII в. напрочь отверг их вместе с

циклопами, летающими гипербореями и людьми с песьими головами. Но в XIX в. путешественники, исследовавшие Африку, принесли в Европу рассказы туземцев о воинственных карликах, живущих в непроходимом лесу где-то у подножия Рувензори. Рассказы эти удивительным образом совпадали с преданиями древних источников.

И тогда снова начали искать пигмеев – «людей ростом с кулак».

В 60-х гг. XIX в. американский зоолог Поль Дю Шайю разыскивал в лесах Габона горилл. И он слышал от своих проводников рассказы о племенах карликов-охотников, которые добросовестно изложил в отчете об экспедиции.

Научная общественность с интересом восприняла рассказ о гориллах, но что касается карликов… Европейские коллеги подняли Дю Шайю на смех. «Больно уязвленный несправедливой и жестокой критикой, я вновь отправился во внутренние районы Габона», – пишет ученый.

Милях в ста пятидесяти от побережья в чаще леса от наткнулся на несколько очень маленьких хижин, таких маленьких, что трудно было принять их за человеческое жилье. Хижины, крытые листьями, были в метр вышиной. Дю Шайю решил было, что в глубине хижины восседает, как водится, деревянный божок с губами, густо вымазанными жиром. Но проводники ашанго утверждали, что это и есть жилище тех самых карликов-обонго, о которых они рассказывали.

«Держа перед собой связку разноцветных бус, – повествует Дю Шайю, – я медленно подошел к хижинам. Но наша предосторожность оказалась напрасной. Мы нашли в хижинах трех старых женщин и юношу, который не успел убежать. Я протянул им бусы. Одна из старух осмелела и принялась высмеивать мужчин за то, что они от нас убежали. Она сравнила их с пугливыми нченде – белками, которые пищат «ке-ке-ке», и стала весьма забавно передразнивать писк и движения белки, виляя своим маленьким телом».

Дю Шайю первым из ученых перешагнул порог мифа и увидел пигмеев такими, какие они есть в действительности.

Они не были с кулак величиной. Они не жили в земле.

Это были люди: бородатые мужчины ростом с десятилетнего мальчика, женщины – чуть поменьше и совсем крошечные дети. Дю Шайю записал, что кожа у них желтоватого цвета, значительно светлее, чем у высокорослых африканцев. В стране ашанго к пигмеям относились доброжелательно и даже чуть боязливо: смелые охотники, они не знали себе равных на лесной тропе. Добычу они обменивали в деревнях ашанго на бананы,

просо, соль и калебасы. Вокруг своих стоянок пигмеи устраивали так много ловушек и западней, что ходить там было просто опасно. Они не жили подолгу на одном месте, меняя свою стоянку, как только редела вокруг дичь. Но они никогда не покидали пределы земель ашанго.

«Пигмеи похожи на наших цыган, – отмечал Дю Шайо, – они также отличаются от народа, среди которого живут, хотя уже давно не покидают пределов этой страны».

В 1870 г. немецкий географ из Риги Георг Швайнфурт предпринял путешествие в земли к западу от Лунных гор.

«…От Нубии до страны мангбетту (ныне область Восточного Заира и Руанды) – читаем мы в его дневнике, – меня повсюду сопровождали рассказы о пигмеях. Но я жил уже несколько дней при дворе короля мангбетту Мунзы, а все еще не видел ни одного пигмея. Мои носильщики говорили, что видели их много, но ни одного не могли привести с собою, так как пигмеи слишком робки. Наконец одного из них привели в наш лагерь. Я узнал потом, что имя этого народа акка; место обитание его должно было находиться между 1 и 2 градусом северной широты. Часть их подвластна Мунзе, который старался возвысить пышность своего двора тем, что поселил несколько пигмейских семейств вблизи себя.

Позднее я увидел целый полк акка, принадлежавших к войску наместника мангбетту, в первую минуту я принял их за толпу мальчиков. Самый высокий из них был меньше полутора метров росту…»

Швайнфурт составил первое научно достоверное описание пигмеев леса Итури.

Однако вслед за Швайнфуртом в верховья Нила и Конго прошел напористый американец, чье имя говорило читающей публике неизмеримо больше, чем научные титулы Дю Шайю и Швайнфурта.

Генри Мортон Стенли забирался туда, куда, по его словам, не отважился бы ступить сатана. Склонный, подобно многим журналистам прошлого, к безапелляционным суждениям, Стэнли, проходя через места, населенные пигмеями, немедленно разделил их на две расы, «не похожие одна на другую, как турок на жителя Скандинавии». Не менее колоритным получились у Стэнли и другие описания, например страшного пигмейского яда:

«Этот яд делают из сушеных красных муравьев… Укушение одного из этих насекомых производит на коже волдырь величиною в медный пенни, и можно себе представить, как действует экстракт из множества экземпляров, введенный в живую рану

Один из моих людей, раненный в руку и грудь как бы тонкой иголкой, умер в течение минуты; другой – старшина – промучился час с четвертью».

Увлекательный репортаж Стенли, в котором страсти-мордасти чередовались с ценными наблюдениями, не был единственным трудом, посвященным пигмеям. Интересно в этой связи процитировать заметку, напечатанную в журнале «Вокруг света» за 1899 г. Вот она: «Новооткрытое племя карликов. В Африке открыто еще новое племя карликов, оно называется багелли и открыто в Камеруне немцами… По всей вероятности, эти карликовые племена представляют собой остатки народов, населяющих Африку в незапамятные времена, в доисторический период; во всяком случае, существование их в наше время имеет громадный интерес, так как оно может содействовать разрешению многих важных вопросов этнографии и антропологии».

Пигмеи тогда привлекли взоры многих ученых. Прежде всего тех, кто доказывал, что человечество прошло в своем развитии три стадии – детскую, юношескую и зрелую. Отсюда следовало, что одни народы (подразумевалось – «цивилизованные») находятся на взрослой ступени развития, а другие задержались на детской, начальной фазе. Пигмеи с их большой головой, выпуклым лбом и главное маленьким – детским ростом как нельзя лучше, по их мнению, иллюстрировали это расистское положение.

Группа католических ученых во главе с патером Шмидтом утверждала, что пигмеи есть не что иное, как сохранившаяся до наших дней группа древнейшего человечества, изначально населявшего весь мир. Из книг Дю Шайю, Швайнфурта, Стенли и других было известно, что пигмеи верят в духов предков. Следовательно, им свойственны религиозные представления. Но раз пигмеи – первобытнейшие из людей, значит, человеку искони присуща вера в Бога.

Для доказательства этой теории отправился в 1920 г. в Африку ученый патер Пауль Шебеста. Ему мы обязаны наиболее подробными сведениями о племенном устройстве и образе жизни пигмеев: бекви и аков в Габоне и Камеруне, бабинга в устье реки Убанги, бачва Южного Конго, батва Руанды и особенно многочисленных племен леса Итури.

Прошедшие годы не так уж много изменили в жизни затерянных в лесах пигмейских племен – в той части, которая касается их обычаев и охоты.

Сегодня на берега Итури отправляются исследовательские экспедиции. Африканцы с удовольствием соглашаются стать проводниками и показать этнологам дорогу туда, где живут

«люди размером с кулак». Чтобы расположить к себе маленький народец, лучше всего подарить соль или крепкий табак. Сигареты тоже подойдут – пигмеи используют их в качестве жвачки.

В 50-х гг. в гости к пигмеям, жившим на северо-востоке Заира, довольно часто приезжал американец Колин Тернбулл. Его заинтересовал этот удивительный и, как выяснилось, очень музыкальный народ. Отправляясь в лес на охоту, мужчины племени поют песни, совсем не похожие на те, которые принято петь, приближаясь к деревне или находясь в ней. Встречая в лесу чужаков, пигмеи издают мелодичные, гортанные, ни на что не похожие звуки.

Пигмеи обходятся минимумом музыкальных инструментов. Самый необычный из них – водяной барабан. Музыканты просто хлопают ладонями по поверхности воды в определенном ритме. Есть у них еще один инструмент, который этнологи называют земляной цитрой. В земле выкапывается полуметровая яма, сверху ее закрывают корой. Над ней натягиваются две струны, концы которых прикрепляются к земле, а сами струны опираются на несколько щепочек, расположенных на определенном расстоянии друг от друга. Для того чтобы играть на такой конструкции, нужно стучать по струнам палочками.

Кажется, пигмеи поют всегда и везде. И музыкальное сопровождение для них необязательно. Это песни без слов, исполняемые на много голосов. В унисон нельзя, пение в унисон считается молчанием. Странно наблюдать, как взрослым подпевают дети, едва научившиеся говорить.

Как-то ночью живший в племени пигмеев Колин Тернбулл наблюдал странную ситуацию. Люди племени, усевшиеся неподалеку от одной из хижин, построенных из веток и листьев, начали свою песню. Неожиданно из леса вышли трое низкорослых мужчин, их нагота была прикрыта лишь набедренными повязками. Мужчины сели рядом с людьми племени, и вскоре их голоса уже звучали в общем хоре. Вдруг из общего круга поднялась девчушка лет двенадцати и отправилась в лес. Куда она пошла и зачем? Европеец этого не поймет. А пигмеи не видят причин для беспокойства: девочка отправилась в другую деревню, расположенную в нескольких днях пути от этой. Босая, без всякого продовольствия, в диком лесу, она проделает нелегкий путь, возможно, лишь для того, чтобы посидеть такой же тихой ночью возле чужой хижины и порадовать своей песней дальних соседей.

Но иногда в полнолуние к пигмеям выходит из зарослей дух леса Бобе. Он – властелин двух миров – мира живых и царства мертвых. Бобе появляется в тот момент, когда пение становится

достаточно громким. Духа изображает один из участников церемонии, но пигмеи воспринимают его как настоящего представителя тонкого мира. Наряд Бобе состоит из пальмовых листьев, которые раскачиваются при каждом его шаге и блестят в свете луны. Пигмеи считают, что после общения с Бобе их охота будет особенно удачной. Про рыбалку и говорить нечего: ведь люди «размером с кулак» просто бросают в реку специально сваренный растительный яд. Рыба засыпает и всплывает на поверхность. Пигмеи собирают ее, но не больше, чем смогут съесть. Остальная рыба вскоре просыпается и как ни в чем не бывало вновь уходит в речную глубь. Особая удача на рыбалке не требуется А вот об охоте – разговор особый.

Уже известный нам исследователь карликовых племен Пауль Шебеста много раз наблюдал за тем, как они охотятся. Крошечные охотники отправляются в лес, после того как поднявшееся солнце высушит росу, потому что не любят, когда на них с деревьев падают холодные капли. Обычно на охоту отправляются группами до четырех человек, прихватив с собой копье и нож. Лишь самые опытные охотники решаются идти в лес в одиночку. Всем видам добычи пигмеи предпочитают слонов – мяса гигантской туши хватает на всю деревню. Пигмеи идут по лесу в полном молчании, стараясь, чтобы ни одна веточка не хрустнула у них под ногами. Выследив слона, они преследуют его иной раз по несколько дней, питаясь лишь съедобными растениями. Нужно дождаться, когда животное заснет, лишь тогда можно напасть на него. Главная задача охотника – попасть стрелой в сухожилие под коленом задней ноги гиганта. Когда обезумевший от боли слон бросается на стрелявшего в него человечка, второй охотник, подкравшийся с другой стороны, стреляет ему в другую ногу. Если обе стрелы достигли цели, животное падает, и тогда охотники ножом отрезают ему конец хобота. В течение нескольких минут истекший кровью слон погибает.

Не всегда охота заканчивается удачно. Бывает, что охотники не попадают в цель, и тогда слон втаптывает их в землю своими чудовищными ногами. Правда, и в таком случае охотнику иногда везет: если слон хватает его хоботом поперек туловища и подкидывает вверх, тот, проявляя чудеса ловкости, цепляется за ветки деревьев и висит на них до тех пор, пока насладившийся местью слон не скроется в зарослях.

Пигмеи очень уважают охотников на слонов, ведь для того, чтобы накормить племя мясом, они рискуют жизнью. Иногда люди «размером с кулак» охотятся на обезьян, но этот промысел не сопряжен с риском. Правда, обезьяны дорого отдают свою

жизнь: сидя на деревьях, они забрасывают охотников всем, что попадается под руку, но, в конце концов, пораженные стрелами, падают на землю.

По материалам журнала «Вокруг света» за 1970–1980 гг.

Загадки бушменов

На юге Африканского континента в области, совершенно непригодной для человеческой жизни, обитает немногочисленное племя бушменов. В Африке бушменов называют народом-загадкой. И неудивительно: эти люди научились не только выживать в бесплодных песках пустыни Калахари (в переводе «мучимая жаждой»), но и сумели сохранить свою уникальную культуру.

Ландшафт Калахари образуют тяжелые пески, местами переходящие в дюны. И все-таки назвать эту колоссальную территорию мертвой нельзя. Здесь растет полукустарниковая низкорослая зонтичная акация, кое-где виднеется высушенная солнцем и ветром трава. А там, где Калахари занимает территорию Ботсваны, – это даже и не пустыня в полном смысле слова. С июля по сентябрь здесь идут дожди, которые питают своей влагой баобабы и акацию. В оазисах под живительными струями начинают зеленеть рощи экзотического дерева мерула. Жители пустыни знают, что сок в плодах мерула под действием жарких солнечных лучей бродит, и такие плоды представляют собой природные сосуды с вином. Лакомятся этими плодами и пьют их сок не только люди, но и слоны, которые, похоже, имеют тягу к спиртному.

Бушмены

В сердце Калахари течет река Окаванго. На ее берегах обитают жирафы, зебры, слоны, львы, гиеновые собаки, а также около четырехсот видов птиц.

Однако бушмены предпочитают самые засушливые части Калахари. Они живут здесь на протяжении многих веков, ведя кочевой образ жизни. Женщины занимаются собирательством, отыскивая в песках съедобные корешки и семена растений и выкапывая их с помощью специальной палки-копалки, заостренной на конце и утяжеленной камушком. Кроме того, они находят и собирают любимое лакомство людей племени – личинки муравьев и термитов, или, как их здесь еще называют, бушменский рис. Мужчины, вооруженные луком и стрелами с отравленными наконечниками, а также увесистыми дубинками, охотятся, строго соблюдая границы своей территории и ни в коем случае не посягая на «охотничьи угодья» соседей. Кстати, бушмены знают более 80 различных ядов и противоядий, но право стрелять отравленными стрелами юноши получают лишь после того, как пройдут обряд инициации. До этого их удел – почти игрушечные луки, из которых можно подстрелить разве что ящерицу. Впрочем, вместе с женщинами они могут «охотиться» и за саранчой, любимым лакомством бушменов. Оружия для этого, понятно, не требуется.

Очевидцы говорят, что бушмены обладают поистине волчьим аппетитом и могут съесть за один раз огромное количество поджаренного на углях мяса.

В жарком климате Африки основная проблема – вода. Так как бушмены обитают в пустынях Калахари и Намиб, где нормальному человеку выжить практически невозможно, то для них она еще более насущна. Но тем не менее они всегда обеспечены живительным напитком, потому что умеют добывать ее повсюду. Бушмены находят подземные колодцы, пользуясь своим удивительным чутьем. Они собирают влагу, сконденсировавшуюся на листьях или траве.

Кроме того, бушмены знают секретные колодцы, неизвестные никому вокруг. Они тщательно маскируют свои сокровища: никто не догадывается, что куча камней или песчаный холмик скрывают главное сокровище пустыни – воду.

Соорудить временное жилье для бушменов – дело нехитрое. Они могут переночевать, просто укрывшись в сухом кустарнике. Сооружение из веток и травы – это уже роскошь. В песке вырывают неглубокую яму, вокруг которой устанавливают хлипкую изгородь. Члены семьи забираются в яму и устраиваются в ней, словно в гнезде, свернувшись калачиком и укрывшись с

головой специальной накидкой из шкур – карассой. Может быть, именно из-за таких своеобразных жилищ первые голландские поселенцы в Южной Африке и назвали эти племена бушменами, что означает «лесной человек».

Домашним скарбом это племя практически не обзаводится, да это и невозможно при кочевом образе жизни. Предметом особой гордости у женщин племени являются немногочисленные изделия из рога, кожи, дерева, кости, камня и глины. Воду держат в сосудах из скорлупы страусовых яиц. Отправляясь к источнику за водой, хозяйки аккуратно складывают эти хрупкие сосуды в специальную сетку из кожаных ремешков. В особенно зажиточных семьях имеются мешки из желудка антилопы. Вода, налитая в такие мешки, долго остается вкусной и прохладной.

Удивительно, однако, вплоть до наших дней многие бушмены ни разу не видели европейца. Поэтому появление в их лагере гостей, приехавших, как им кажется, с края земли, вызывает у людей племени радостное оживление. Взрослые кочевники стараются не показывать своего любопытства, проявление бурных чувств здесь не в почете, а вот детишки, улыбаясь во весь рот, обступают вновь прибывших. Интересно наблюдать за их подвижными мордашками, обладающими одновременно негроидными и монголоидными чертами. Их кожа, цвета осенних листьев, кажется позолоченной солнечными лучами. Волосы на голове скручены в узкие спиральки, между которыми просвечивает кожа, губы довольно тонкие, мочки ушей у многих практически отсутствуют.

Европейские ученые, которые время от времени оказываются в Калахари, обычно пытаются начать знакомство с бушменами с попыток найти вождя, чтобы вручить ему подарки и заручиться на будущее его поддержкой. Однако у бушменов в отличие от многих других африканских племен вождей нет. Есть просто самые уважаемые люди – обычно это старый опытный охотник или же колдун, к которому обращаются за советом и для решения споров. Но никаких привилегий он при этом не имеет.

Бушмены не просто живут в ладу с природой, они являются ее частью.

Они знают язык растений и животных. Интересно, что у бушменов существует странная дружба с одним из источников их пищи – антилопами. Иногда они подходят к обычно пугливым антилопам и сосут их молоко вместе с телятами, а те безропотно позволяют это делать. Сами бушмены это объясняют тем, что антилопа понимает, когда ее хотят убить, а когда просто просят у нее немного молока.

Бушмены знают тайные снадобья против укусов змей и

скорпионов. Интересно, что у них существует нечто вроде прививки – некоторые бушмены глотают яд в небольших количествах, чтобы выработался иммунитет.

Сильвер Краузе, филолог из Кембриджского университета, оказался среди бушменов уже не в первый раз.

Будучи специалистом по койсанским языкам, которые отличаются наличием щелкающих звуков, он довольно часто ездит в Южную Африку, и в некоторых племенах у него даже появились друзья. На сей раз он приехал к бушменам для того, чтобы присутствовать при некоторых обрядах, наблюдать которые разрешают далеко не каждому.

Сильвер специально приехал в период, когда молодые бушмены выбирают себе жен. Обычно в это время происходит довольно забавный на взгляд белого человека обряд. Молодой человек, присмотревший кандидатку в жены, обычно мастерит из кости убитого им на охоте зверя тонкую и острую стрелу длиной ровно семь сантиметров (число семь считается у бушменов счастливым). Оперение такой стрелы украшается цветными лоскутками, перьями, травой, а наконечник смазывают специальным «приворотным зельем», сваренным по старинному рецепту.

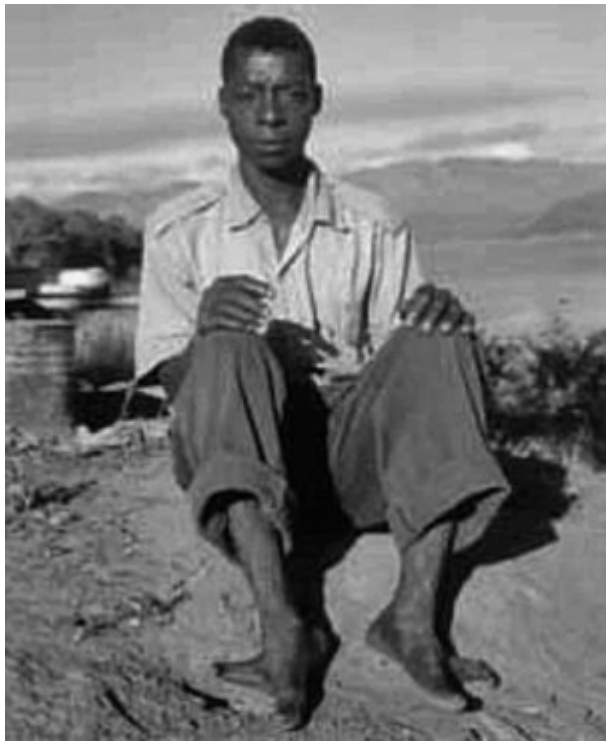
После того как стрела подготовлена по всем правилам, влюбленный бушмен прячется за одним из барханов, дожидаясь, когда мимо пройдет выбранная им девушка. Его задача: попасть стрелой из лука в ягодицу будущей жены. Если выстрел произведен удачно, избранница просто не имеет права отказать жениху, иначе члены племени станут презирать ее. Более того, ни один молодой человек больше не захочет попытать счастья и выстрелить в гордячку любовной стрелой. Такова мужская солидарность. Поэтому девушка племени, чтобы избежать неожиданностей, заранее договариваются с возлюбленным. Он прячется за барханом, а невеста прогуливается поблизости, стараясь повернуться к стрелку таким образом, чтобы он не промахнулся.

Бушмены питаются неравномерно. Их желудок может сильно растягиваться и поэтому, убив дикое животное, они поглощают сразу около четырех килограммов мяса, наедаясь впрок. Люди племени гордятся своими огромными животами. Тем же, кто еще не успел разработать свой желудок, остается лишь с завистью смотреть на более красивых соплеменников и мечтать о тех временах, когда и им удастся завести упитанное брюшко.

Люди-страусы

Какие ассоциации возникают при этом словосочетании? Скорее всего, рождается образ охотника-бушмена, который, мастерски имитируя гигантскую птицу с помощью перьев и походки, подбирается к группе страусов и метким броском закручивает бола вокруг шеи одной из птиц. Но речь вовсе не о бушменах. Истоки этого этнографического поиска уходят в глубокую древность. Еще Страбон и Мегасфен писали об опистодактилах, загадочных жителях Центральной Африки, у которых ступни «завернуты назад». Бесчисленные рисунки экиподов, сатиров, чертей с раздвоенными копытами украшали произведения древних и средневековых авторов. Кто же был прототипом этих существ?

Первым к разгадке приблизился, сам того не ведая, уже известный нам Дю Шайю (кстати, он первым из белых охотников выследил и убил гориллу). В его книге «Путешествия и приключения в Центральной Африке» (1883) есть такие строки: «Повсеместно, где я бывал в Северном Габоне, этим людям дают одно и то же имя – «сапади». Но увидеть их Дю Шайю так и не удалось.



Двупалый африканец

Шли годы, десятилетия. В 1960 г. в английской газете «Гардиан» выходит материал под заголовком «На поиски африканцев на двух пальцах. Таинственное племя. От нашего корреспондента. Солсбери, 4 февраля». И следует такая информация: африканское племя, члены которого передвигаются на двух пальцах, живет в труднодоступных районах долины реки Замбези. Местные жители рассказывают, что у этих людей обычные ступни, но только с двумя пальцами, один больше другого, и слегка искривленными. Никому еще не доводилось изучать этот феномен.

Заметку не приняли всерьез, газете просто не поверили. Но заговор молчания был нарушен. Информация продолжала поступать. Людей с двумя пальцами на ноге, бегающих, как ветер, видели в одном дальнем ущелье в долине Замбези. Они питаются дикими злаками, грибами. Некий Бастер Филипс видел их в ущелье Мпата, недалеко от городка Фейра. Рост мужчины достигал одного метра пятидесяти сантиметров. Они дикие и нелюдимые. Филипс сперва заметил нескольких человек, сидевших на ветвях, они что-то срывали с дерева, но при его приближении стремительно убежали. Местные жители, их соседи, боялись двупалых, считали колдунами.

Спустя некоторое время – новые сведения. «Родижиа геральд» публикует заметку «Новая теория по поводу двупалых». Известный американский палеонтолог Дж. Десмонд Кларк высказывает предположение, что речь идет об обычных местных жителях, которые носят сандалии, а их следы на песке создают впечатление, будто у них всего по два пальца на ноге.

Кларк вроде бы успокоил ученых. Но тут, как назло, подоспели два снимка, правда, нечетких, сделанных неким Оллсоном в местечке Харли – двое африканцев со «страусиными лапами». Снимки сопровождались восклицаниями самого Оллсона: «Это просто фантастично, как высоко и ловко взлетают они на дерево, пользуясь этими пальцами!» Но ведь фото можно и подделать. Именно так и решили – мистификация!

Следующая публикация заметно поколебала позиции скептиков. Она называлась «Х-лучи доказывают, что люди-страусы действительно существуют. Одного из членов загадочного племени удалось доставить в Солсбери и подвергнуть обследованию. По заключению врачей, им еще не приходилось встречаться со столь ярко выраженным проявлением такой аномалии – синдактилией. Точная причина ее неясна – то ли нарушенное питание родителей, то ли какой-то вирус…»

Именно тогда, в середине 1960-х, и родилось это определение – синдром клешни. Но видели-то всего одного человека, а о целом племени по-прежнему ничего не было известно. Пока наконец военному летчику Марку Маллину не удалось сделать хороший снимок одного человека из племени в окрестностях Каньембе к западу от Фейры. Маллин утверждал, что двупалые живут именно здесь, в междуречье Каньембе и Шеворе. Соседи называют их вадома.

Обратились к знатоку местных африканских племен М. Гельфанду. Тот заявил, что ничего о них не слышал и поверит в двупалых, когда экспедиция вернется с результатами. В исследования включились другие ученые и выяснили, что речь идет не о вадома, а о ваньян, известных еще со времен ранних португальских путешественников, родиной которых является область, где ныне находится плотина и ГЭС Кабора-Басса в Мозамбике. По оценкам, их около трехсот – четырехсот, и каждый четвертый страдает синдромом клешни.

В 1971 г. наконец-то организовали экспедицию. Местный вождь, к которому обратились ученые, категорически заявил, что знает только одну такую семью, где из троих сыновей один умер, а другой живет неподалеку от полицейского участка Каньембе. Зовут его Маборани Каруме.

Это был тридцатипятилетний мужчина, отец пятерых детей, и

ни у одного из них не было нарушений строения ступни! Каруме родился у подножия горы Ва-Дома. Отец ранее жил в горах, а мать была из племени корекоре. От их брака родились пять детей (три мальчика и две девочки), и еще пятеро умерли. Один из троих мальчиков был двупалым – Маборани. Такой же сын был и у сестры его матери, но рано умер. Маборани утверждал, что подобных ему людей в округе больше нет. Ступни его действительно заканчивались двумя пальцами – пятнадцати– и десятисантиметровой длины, расположенными перпендикулярно друг другу. Маборани привезли в Солсбери и сделали рентгеновские снимки. Развитыми оказались первый и пятый пальцы, второй, третий и четвертый – неразвиты. При росте один метр шестьдесят пять сантиметров он отличался заметными способностями в беге.

Но как же быть с другими свидетельствами, где упоминались иные «двупалые»? Получалось, что и вождь, и Маборани были не правы. Людей-страусов в Центральной и Южной Африке обнаружилось много – в Замбии, Зимбабве, Ботсване… Они встречались еще в 1770 г. среди маронов Суринама, вывезенных из Африки, и о них писал сам А. Гумбольдт. Были ли двупалые африканцы действительно прототипами странных сатиров и эгиподов, сказать сейчас трудно. Однако их могли привозить в Северную Африку и страны Средиземноморья как диковину из дальних экспедиций, и наверняка их рисовали египетские и греческие художники. Надо только внимательнее поискать.

Загадки природы

Приручался ли африканский слон?

…Высокая стена влажного тропического леса обступила путешественников. Джунгли источали резкий гнилостный запах. Поверхность земли была увита мохнатыми зелеными лианами. Там, куда падали скупые лучи света, растения расцветали пышным нездоровым цветом. Стволы деревьев терялись в сумраке плотной листвы, скрывающей солнце. Но вот зеленый занавес раздвинулся, и странники увидели огромного слона.

События, происшедшие с группой беглецов из Древнего Египта в дебрях Центральной Африки, отделены от нас тремя десятками веков и относятся к первому тысячелетию до нашей эры. Небольшой отряд рабов, в котором волей судьбы оказались представители нескольких средиземноморских народов – этруски, ливийцы, эллины, а также африканцы, уходит от преследования жестокого фараона на юг, через Великую пустыню, и оказывается во влажных лесах Южного Судана. Ряды беглецов редеют. От лишений в незнакомом таинственном мире, в схватках с хищниками гибнут те, кто не сумел приспособиться к Африке.

Африканский слон

Об этом повесть И. Ефремова «На краю Ойкумены» – новаторский смелый рассказ об Африке, ее природе и людях, но главное – о силе и знаниях наших предков. События повести могли показаться фантастичными от начала до конца… 30–40 лет назад, но никак не сейчас, когда археология и география представили нам столько доказательств былого могущества древнего человека, покорившего Землю задолго до эпохи Великих географических открытий. И не такими уж нереальными кажутся нам сейчас странствия в дебрях Африки выходцев из Средиземноморья – они действительно там были, эти этруски и эллины, ливийцы и критяне… Но речь мы поведем о другом.

В повести И. Ефремова есть удивительные этнографические и зоологические наблюдения, которые говорят о высоком таланте писателя-этнографа, географа, биолога. Тридцать лет назад, когда вышла повесть, зоологи не задумывались, например, всерьез над тем, приручался ли в древности африканский слон. И.А. Ефремов задумался и попал, как говорят, в самое яблочко. Что это – научная интуиция специалиста или же всплеск воображения писателя-фантаста!

«На широкой спине слона лежал человек, упираясь

скрещенными руками в затылок животного…» Так путешественники впервые увидели прирученных слонов, управляемых погонщиками. Домашние африканские слоны помогали людям переносить тяжести, охраняли жителей от нападения хищников, следили за безопасностью детей, когда те купались в речке….» Но ведь известно, что африканский слон практически неприручаем. Однако…

В Ифе, древнем культурном центре западноафриканского народа йоруба, обнаружена терракотовая статуэтка наездника… на слоне! Если бы находка была сделана в Индии или на Цейлоне, то загадки бы не возникло – всем известно старинное искусство индийцев управлять рабочими и охотничьими слонами. Правда, некоторые ученые так и считают, мол, статуэтка эта индийская. Ведь рядом с ней лежали глиняные головы других слонов – и форма ушей и снаряжение их не оставляли сомнений в том, что они азиатские. Но как индийские изделия попали в Западную Африку? Через древнее государство Мероэ, находившееся на полпути между Индией и Западной Африкой! Возможно…

Итак, наездник на африканском слоне. «Как могло случиться, что животное, не знающее себе равных по величине и силе, безраздельно владычествовавшее в степях и лесах, склонилось перед человеком, таким хрупким, слабым и незначительным в сравнении с серой глыбой в шесть локтей от земли до плеча? Что это за люди, подчинившие себе гигантов Африки?» – спрашивает писатель устами своих героев.

Точно ответить на этот вопрос пока трудно. Там, где прошли путешественники, в те далекие годы обитали племена, пришедшие туда с севера, из Сахары. О них известно немного. Позднее они придут в Западный Судан и, слившись с подошедшими туда банту, образуют удивительный конгломерат племен и народностей. Выяснить, кто и откуда там, очень нелегко. И именно там археологи нашли эту терракотовую фигурку слона с наездником. Умершее древнее искусство! Власть над животными, забытая с веками и тысячелетиями! Но давайте вспомним о боевых слонах карфагенян. Они ведь были не индийскими! Ганнибал использовал их в войнах против римлян. Ловили слонов в горах Атласа, а для военных целей их готовили погонщики-индийцы. По свидетельству Страбона, для слонов в Карфагене были устроены специальные стойла. Значит, искусство это существовало и не является выдумкой писателя-фантаста!

Неожиданное подтверждение гипотезе появилось совсем недавно. Оказывается, в Конго, в местечке Апи на реке Эпулу, и сейчас есть особая станция по приручению африканских слонов!

Бернгард Гржимек, известный западногерманский зоолог, подробно описал ее в одном из своих очерков. Обучением животных занимаются люди народа азанде. Они работают исключительно с молодняком: дрессировке поддаются только слонята. «Учеба» занимает 8 месяцев (в повести И. Ефремова целые годы). Прирученным слонам разрешается свободно разгуливать вокруг станции.

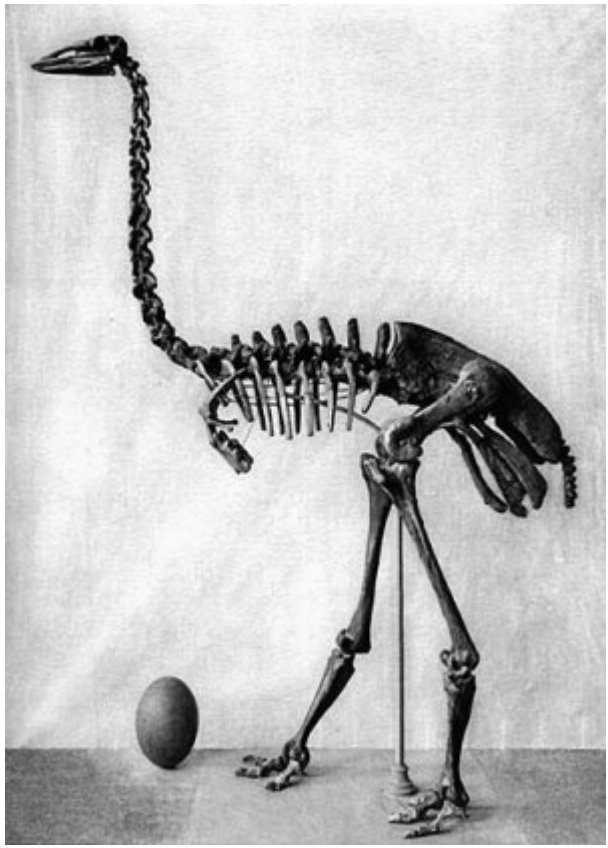
Главный герой повести И. Ефремова – молодой золотоглазый эллин Пандион лепит из глины голову африканского вождя, давшего приют измученным странникам и обучившего их охоте на слонов. Вождь в восторге от работы юного скульптора, воспитанного на лучших образцах эллинистического искусства.

А может быть, именно он, сын Эллады, пораженный увиденным, и вылепил из терракоты ту самую фигуру наездника на слоне, что нашли недавно археологи в Ифе?..

Вслед за Синдбадом к птице Рухх

По числу неразгаданных тайн Мадагаскар занимает, пожалуй, одно из первых мест среди прочих «диковинных» островов. Много лет этнографы и археологи бьются, например, над разгадкой тайны мальгашей – древних жителей острова: несмотря на то, что в принципе все ясно – они пришли сюда из районов Юго-Восточной Азии, – многое остается туманным. Не утихают споры об африканском влиянии на остров в древности: среди его коренного населения встречаются жители, наделенные характерными негроидными чертами. Но самой древней загадкой следует считать тайну гигантской птицы – эпиорниса.

«…И я решился на это дело, выложил много денег, купил на них товары, связал их и увидел прекрасный корабль с парусами из красивой ткани… Вместе со множеством купцов я сложил на него свои тюки, и мы отправились в тот же день. Путешествие наше шло хорошо, мы переезжали из моря в море, от острова к острову…»



Скелет эпиорниса

Так начинается рассказ об одном из удивительных приключений Синдбада-Морехода, героя сказок «Тысячи и одной ночи». После долгих странствий Синдбад оказывается на необитаемом острове и видит…

Однако сначала познакомимся с историей вопроса, который пытаются решить уже многие поколения исследователей.

В 1658 г. вышла книга французского путешественника Этьена де Флакура «История большого острова Мадагаскара». Автора книги подняли на смех. Никто не поверил рассказам, записанным Флакуром со слов местных жителей. Разве можно было поверить, к примеру, что на острове живет птица размером чуть ли не со слона?

Прошли годы, появились новые сообщения. Побывавшие на острове утверждали, что там и в самом деле обитает неведомая птица огромных размеров и несет она такие крупные яйца, что жители используют их скорлупу как сосуды для воды. Примерно в это время Европа познакомилась с арабскими сказками – с удивительным миром могучих волшебников, несравненных

восточных красавиц и мудрых джиннов. И в этих сказках также упоминалась таинственная птица.

Что же это за птица? Существовала ли она вообще в природе?

…Когда Синдбад прибыл на остров, перед ним блеснул огромный белый купол. Мореход обошел его, но не обнаружил дверей; попытался взобраться наверх, но не смог, так как поверхность купола была совершенно гладкой. В конце концов выяснилось, что купол – вовсе не купол, а невероятных размеров яйцо. Безусловно, Синдбад преувеличивал, сравнивая яйцо с громадным куполом, но, значит, был повод к преувеличению, и истинные размеры яйца действительно были значительными.

А вот достоверные факты. В 1834 г. французский путешественник Гудо нашел на Мадагаскаре половинку яичной скорлупы такого размера, что ее и в самом деле можно было использовать как посуду для воды. Путешественник отправил зарисовку скорлупы парижскому орнитологу Верро. На основании рисунка ученый окрестил птицу, снесшую яйцо, «великорослой» – эпиорнисом. Прошло несколько лет, и в Париж доставили целых два яйца. Затем в болотах острова было найдено несколько гигантских костей, которые поначалу приняли за останки слона или носорога. Но кости принадлежали птице! И птица эта должна была весить по меньшей мере полтонны.

Венецианскому путешественнику Марко Поло не довелось самому побывать на Мадагаскаре, но и он слышал удивительные истории: «Рассказывают, что есть там птица гриф, появляется в известное время года, и во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают. У нас говорят, что гриф наполовину птица, наполовину лев, и это неправда. Те, кто его видел, уверяют, что он похож на орла, но только очень большой… Зовут его на островах Руном».

Синдбад называл птицу Руххом. В персидской мифологии эту птицу нарекли Симургом. Есть аналогии и в русских сказках. Что это – совпадение? Свидетельство того, что у каждого народа была своя основа для легенды? Видимо, нет. Исследователи, занимавшиеся вопросами происхождения и состава «Тысячи и одной ночи», пришли к выводу, что основа этого свода – созданные в Индии фантастические сказки и дидактические повествования, относящиеся к так называемому «животному эпосу». По их мнению, образец для композиции дал арабам индийский сборник притч о животных «Панчатантра». На сюжеты, заимствованные из этого источника, наслоились впечатления, вынесенные из дальних морских путешествий по Индийскому океану в первые века нашей эры. Впрочем, только ли в первые века?

Не так давно французские зоологи снова обнаружили на Мадагаскаре останки биорниса. Теперь они, конечно, никого не удивили. Сенсацией стало другое: к ноге птицы было прикреплено… бронзовое кольцо! – да еще с какими-то загадочными знаками. Эксперты пришли к выводу, что знаки на кольце не что иное, как оттиск печати эпохи древнейшей городской цивилизации Индии – Мохенджо-Даро. Значит, печать изготовлена 5 тысяч лет назад. Радиоуглеродный анализ костей птицы помог установить ее возраст: он также равен пяти тысячелетиям.

Для специалистов, внимательно сопоставивших многие факты, кое-что прояснилось. В III тысячелетии до н. э. жители Индостана совершали смелые морские экспедиции по океану. К этому времени у них был накоплен многовековой опыт вождения кораблей – сейчас ученым известны морские порты, построенные в V тысячелетии до н. э. Индийцы побывали и на Мадагаскаре. Остров поразил путешественников разнообразием растительного и животного мира. Тогда здесь в изобилии водились эпиорнисы. Среди моряков наверняка были любители фантастических историй, обладавшие к тому же пылким воображением, – так рассказы вернувшихся домой мореплавателей обрели дополнительные детали, бескрылая птица стала летать, она заметно увеличилась в размерах, приобрела хищный нрав. Такой образ птицы Рухх и вошел в древнейший эпос. Оттуда она «перекочевала» к персам, арабам и другим народам. Конечно, это лишь предположение, и новые находки могут либо утвердить, либо опровергнуть его.

Однако зоологов волнует не только история образа таинственной птицы. Яйца, которые находили на песчаных дюнах и в болотах в южной части острова, выглядели подозрительно свежими. Казалось, они снесены совсем недавно.

Легенды ли это?

Помимо эпиорниса обширные леса Мадагаскара хранят множество зоологических загадок. Еще в 20—30-х г. начали раздаваться голоса натуралистов, веривших в существование на острове нескольких видов животных – в основном рептилий и млекопитающих, которые вымерли повсеместно, но существуют на Мадагаскаре. Потом, разочарованные отсутствием каких-либо вещественных доказательств, сторонники этой гипотезы, оставив надежды найти животных, перешли в лагерь скептиков. Однако недавно проведенный анализ преданий и легенд местных жителей, упорно хранящих память о таинственных животных, обитающих в лесах острова, заставил зоологов снова насторожиться: легенды ли это?

Один из наиболее частых персонажей – хабеби, или, как его еще называют, бетсинофоциаондре – «белый баран», животное, которое, по рассказам, можно видеть лунной ночью. Его голова с широко открытыми глазами и большими ушами сужается к морде, тело, гибкое и тонкое, покрыто белой шерстью. Копыта раздвоены, как у барана. Одни считают его плотоядным животным, другие относят к вегетарианцам. Что это – новая зоологическая загадка или вымысел?

Что таят леса Мадагаскара?

Племена юго-востока острова верят в существование

мангарисаоки (буквально: «того, чьи уши прикрывают подбородок») – горного копытного животного. Уже известный нам Этьен де Флакур писал о нем еще в середине XVII в.: «Мангарисаоки– крупное животное, у которого круглая, как у лошади, ступня и очень длинные уши: когда оно спускается с гор, то с трудом видит путь перед собой, так как уши ниспадают на глаза. Оно испускает сильные крики наподобие ослиных. Думаю, что это и есть дикий осел». Спустя сто лет другой путешественник, граф Модавский, добавляет, что это животное обитает всего в нескольких милях от Порт-Дофина. «Это не что иное, как дикий осел, – высказывал предположение граф, – и он в изобилии водится в юго-восточной части острова, но искать его надо в отдаленных районах, ибо он не покидает пустынных мест». Сообщения об этом странном животном появляются до сих пор, но что действительно странно – его так и не поймали.

Может быть, оно и токатонготре – таинственный «одноног», а вернее, «нога без пальцев», обитающий, по легендам, в южных районах острова, одно и то же животное? Или же то и другое животное – плод старого предания мальгашей, по которому на Мадагаскаре издавна жили дикие лошади?

Тонпондрано («хозяин морских вод») – еще один персонаж легенд. Его длина – 20–25 метров, тело, длинное и гибкое, покрыто роговыми пластинками, более крупными, чем у крокодила, голова фосфоресцирует. Зоолог Г. Пти, который в свое время собирал сведения о тонпондрано, описывал характерное свечение, продвигавшееся вдоль берегов, видное с расстояния более километра, а гребцы пироги, на которой плыл натуралист, говорили, что это и есть тонпондрано.

Люди народности сакалава северо-восточных районов Мадагаскара верят в существование ранты – огромного морского чудовища, которое питается рыбой. И если кто пожирает улов рыбаков, то это, по мнению сакалава, только ранта.

У племени бетсилео есть и фангалаболо («тот, кто хватает за волосы») – огромная летучая мышь, нападающая ночами на одиноких путников, сдирающая кожу с лица вместе с волосами.

Зоологи надеются, что обширные леса Мадагаскара еще преподнесут науке несколько сюрпризов, которые не уступят по ценности найденным там останкам птицы Рухх – эпиорниса или ныне живущим там и тоже недавно открытым видам лемуров.

Есть ли в Африке медведи?

Любому мало-мальски знакомому с зоологией читателю вопрос этот может показаться странным. Действительно, что за вопрос: конечно, нет! И читатель объяснит, что медведи в Африке – противоречащее зоологической науке явление.

В самом деле, давайте вспомним географию распространения медвежьего племени. Представители семи видов этого семейства широко разбрелись по свету. В полярных районах обитает огромный белый медведь; в Азии, Европе и Америке – бурый; барибал распространен только в Северной Америке; губача малайского и гималайского можно встретить лишь в Азии, а очкового медведя – в Южной Америке.

Так, по описаниям, выглядит африканский медведь

А как же Африка? Почему такая несправедливость? Да, несправедливость, но не совсем. В давние времена картина была несколько иной, медведь в Африке все-таки водился, но лишь на северо-западе, недалеко от Тетуана. Скорее всего, он забрел сюда еще в древнейшую эпоху, когда путь из Южной Испании в Северную Африку был открыт через Гибралтар: как показали

исследования, воды Атлантики то прорывали перешеек, заполняя доверху средиземноморскую «чашу», то отступали, и тогда образовывался «мост». О медведях в Ливии упоминает Геродот. Но с тех пор и без того скудных данных об этих животных на Черном континенте явно поубавилось. Лишь в 1668 г. голландский историк, географ и путешественник О. Даппер писал, что в королевстве Конго водятся медведи намного крупнее европейских, а также дикие кошки, пресмыкающиеся и гадюки. Но мы позволим себе не поверить Дапперу, ибо, во-первых, медведи в Конго – это уж слишком… а во-вторых, сам перечень животных наводит на грустную мысль, что прекрасный знаток истории и географии довольно слабо разбирался в зоологии и систематике.

Прошли столетия, и события, разыгравшиеся в Восточной Африке в начале нынешнего века, заставили ученых подумать о пересмотре старых истин.

…Английский натуралист Дж. Вильямс только что вернулся из экспедиции, созданной для изучения племени нанди, живущего в западных районах Кении. Изучая обычаи и предания племени, ученые не раз слышали о гигантском медведе, который водится в лесах недалеко от деревень. Африканцы называли его чимисетом, а англичане, еще не увидев, окрестили «нанди-бер». После долгих поисков участникам экспедиции удалось напасть на его след. А скоро и сам Вильямс увидел «нанди-бера». Ростом животное было крупнее бурого медведя, морда вытянута, уши маленькие, шея почти неразличима. Земля в то время была сухая, и след медведя не просматривался. Натуралист показал местным жителям множество рисунков различных животных, и те выбрали из них один-единственный – изображение… белого медведя! «Он очень похож на чимисета», – сказали они. Свидетельства африканцев полностью совпали со словесным портретом, сделанным Вильямсом после той памятной встречи. Отзвуком на это событие стали сообщения других путешественников, заявлявших, что они не раз наблюдали по ночам странное животное, подходившее близко к палаткам. Свидетельства продолжали поступать. Вот строчки из записок майора Тулсона, известного охотника, знатока африканских животных, относящиеся к 1912 г.: «Уже наступил вечер, когда прибежал бой и сказал, что на них напал леопард. Я выскочил наружу и увидел странное животное – задняя часть тела была чуть ниже передней, на спине росла густая черная шерсть, а манера передвигаться – медвежья. К сожалению, было темно, и я не смог разглядеть голову». За несколько дней до этого происшествия голландцы спрашивали Тулсона, что за странное животное, похожее на

медведя, водится в этих краях – оно напало на собак и обратило их в бегство. Тулсон затруднился ответить.

О встречах с необычным животным рассказывали и строители железной дороги. «Я ехал на дрезине. В 5 часов утра на 16-й миле в 50 метрах впереди я увидел животное, которое сначала принял за гиену. Завидев меня, зверь кинулся в чащу, – сообщал один инженер-строитель. – Тогда я еще удивился, что гиена разгуливает так рано. А вечером я снова увидел этого зверя. Ростом он не уступал льву, но шерсть на спине была густой, а нос приплюснутый, шея очень короткая, и ноги заросли шерстью. Я много колесил по Африке, но никогда не видел ничего подобного».

Так родилась легенда о «нанди-бере». Местные жители не могли сказать ничего определенного. Для них это был или «большой зверь, который ходит как человек», или же «получеловек-полугорилла, извергающая огонь, с одним глазом во лбу, издающая ужасный вой». Прямо скажем, этих «данных» для определения таинственного животного было явно маловато. Но кое-какие выводы ученые все же смогли сделать. По мнению Б. Персиваля, несмотря на то что сообщения противоречивы, можно выделить многие общие детали. Животное это крупное, иногда встает на задние лапы, охотится в основном ночью, агрессивное, нападает на людей и животных. То, что это не трубкозуб (как предполагали), ясно. Слишком последний мал и смирен для «нанди-бера». Дольше других прожила версия, согласно которой чимисет не что иное, как гигантский бабуин.

Что ж, эти обезьяны иногда нападают на людей, но все такие нападения носят «стайный» характер и никак не вяжутся с одиночными «рейдами» чимисета. Оказалась неудачной и попытка отождествить чимисета с гиеной – слишком много различий.

Не веря в существование африканского медведя и в то же время не найдя таинственному животному аналогий в местной фауне, зоологи решили так: чимисет порожден смешением представлений о двух животных – пятнистой гиене и медоеде, представителе семейства куньих. Кровавые замашки первой приписывались спокойному нраву второго. Но зоологи не учли одного: местные жители прекрасно знают всех своих животных и ни за что не спутают гиену (популярный персонаж многих сказок и легенд) с медоедом – некрупным безвредным млекопитающим из семейства куньих.

Прошли десятилетия. Легенда продолжала жить, а свидетельства поступать.

«Я прожил в Нандиленде 68 лет, и все эти годы слышу

разговоры об этом звере, – сказал в 1970-е гг. нашему журналисту Сергею Кулику (корреспондентом ТАСС он объездил Африку, побывав там, где до него не появлялись советские люди) владелец одного ресторанчика в Кисуме. – Англичане называют его «нанди-бер». Охотники часто рассказывали мне, что встречали в горных лесах свирепого зверя, который поднимается на задние лапы и лазает по деревьям. Они часто находили следы незнакомого зверя, непохожие ни на львиные, ни на леопардовые».

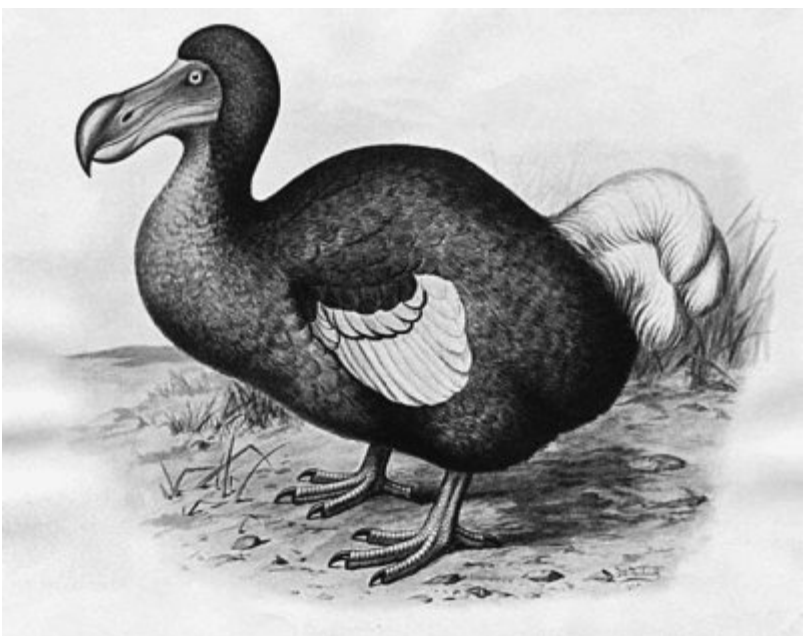
Заинтересовавшись рассказом, С. Кулик проделал простой эксперимент: показал местным жителям дюжину фотоснимков, среди которых было и изображение медведя. Охотники называли своими именами льва, носорога; сознались, что никогда не видели моржа; посмеялись над полосатым «леопардом» – тигром; равнодушно оглядели австралийского коала. А от нашего бурого медведя в ужасе отшатнулись: «Чимисет!» И не стали больше смотреть на него: по поверью, в чимисете скрыт злой ночной дух.

Охота на додо

Давным-давно жила-была на острове Маврикий птица по имени додо.

Нет, если хорошенько подумать, так начинать нельзя. История додо вовсе не сказка, а быль, даже, можно сказать, суровая действительность. Попытаемся сделать вступление более точным.

В период, точка отсчета которого не может быть определена со всей достоверностью, но который мог быть приблизительно равен началу ледниковой эпохи в высоких широтах и длился примерно года до 1680-го, крупная и нелетающая птица, представитель отряда голубиных, жила на Маврикии, или Зваанейланде, или Иль-де-Франс, и называлась додо, или додоерс, или дронт, или несколькими другими именами.



Птица додо

Но если кому-то из читателей уже известны все эти факты, можно начать иначе еще раз.

К востоку от Мадагаскара, протянувшись вдоль двадцатой параллели к югу от экватора, расположены три довольно крупных острова. Сейчас они называются Реюньон, Маврикий и Родригес. Трудно сказать, кто именно открыл эти острова. Существует по

меньшей мере одна старая карта, где этим трем островам даны арабские названия. Совершенно очевидно, что арабские торговцы сюда заплывали, но не обратили особого внимания на свое открытие, поскольку острова были необитаемы, а торговать на необитаемых островах чрезвычайно трудно.

Европейскими первооткрывателями были португальцы, но, как ни странно, лишь со второго захода португальский первооткрыватель дал островам свое имя.

Этим человеком был Диого Фернанду Перейра, который плавал в этих водах в 1507 г. 9 февраля он обнаружил остров, расположенный в 400 милях к востоку от Мадагаскара, и назвал его Санта-Аполлония. Должно быть, это современный Реюньон. Вскоре корабль Перейры наткнулся на нынешний Маврикий. Моряки высадились на берег и назвали остров по имени своего корабля – Илья-ду-Серне.

Перейра двигался по направлению к Индии и в том же году чуть позже открыл остров Родригес.

Недостаток места не позволяет нам рассказать об истории Маскаренских островов, наполненной бесчисленными загадками и неясностями. Поэтому обратимся к дронтам. Первыми об их существовании сообщили голландцы, они же первыми привезли живых птиц в Европу. Здесь их запечатлели художники, по большей части голландские, но, к сожалению, не очень точно.

Однако самую грубую ошибку совершили англичане. Около 1637 г. живой маврикийский додо был доставлен в Англию. Он прожил здесь некоторое время, а после его смерти было сделано чучело, которое поместили в 1656 г. в музей Трэйдескант в Лондоне. Несколько десятилетий спустя чучело додо перевезли в музей Ашмолин в Оксфорде. Это произошло в 1683 г. – как мы теперь знаем, через два года, после того как последний живой додо был зарисован на Маврикии неким Бенджамином Гарри.

В 1755 г. куратор музея Ашмолин решил, что изъеденное молью чучело портит его прекрасную коллекцию, и распорядился выбросить додо на помойку. В последний момент кто-то оторвал голову (частично разрушившуюся) и одну ногу (в прекрасном состоянии). И сейчас это, пожалуй, редчайшие из зафиксированных образцов.

Но даже эта краткая история содержит один поразительный факт. Первым ученым, включившим додо в 1605 г. в число экзотических птиц в книгу по естественной истории, был Карл Клузиус. Позже Карл Линней дал птице научное название, и совершенно естественно додо вошел в зоологические труды Бюффона во Франции и Блюменбаха в Германии.

Но к 1800 г. никто уже не видел додо. Доступные рисунки не

казались убедительными. Мало того, что они выглядели карикатурно, они еще и не совпадали друг с другом.

Некоторые ученые, пытаясь навести порядок и вымести мусор из научной литературы, начали сомневаться, а была ли вообще когда-нибудь такая птица?

Но давайте обратимся к первоисточникам. Первым, кто написал о додо, был голландский адмирал Якоб Корнелисзоон ван Нек, который прибыл на Маврикий во главе эскадры из восьми кораблей. Четыре из них вернулись в Голландию в 1599 г., остальные четыре– в 1601-м. Описание, сделанное ван Неком на голландском языке, появилось в 1601 г., в том же году оно было переведено на английский, французский и латынь, а годом позже – на немецкий языки.

Отрывок из дневника адмирала, в котором содержится первое упоминание о додо, гласит:

«Голубые попугаи весьма многочисленные здесь (имеется в виду Маврикий. – *Н.Н.),* как и другие птицы; среди них есть одна, весьма приметная по размерам, ибо больше наших лебедей, с огромной головой, до половины покрытой перьями, как бы капюшоном. У этих птиц нет крыльев, вместо которых три или четыре черноватых выдающихся пера. Хвост состоит из нескольких мягких загнутых внутрь перьев пепельного цвета. Этих птиц мы называли «валгфогель», потому что чем больше и дольше их варили, тем тверже и безвкуснее они становились. Тем не менее их брюшко и грудка приятны на вкус и легко перевариваются».

Голландское слово «валгфогель» в буквальном переводе означает «тошнотворные птицы», но это ведет к одной из многочисленных ошибок, которые сопровождают историю додо.

Голландский зоолог А.С. Оудеманс – тот самый, который написал 600-страничную книгу о морском змее, – указывал в другой своей книге, посвященной додо, что в среднеголландском языке существовал глагол «дронтен» – нынче это слово считается неприличным. Но тогда оно имело значение «обрюзгший», «раздутый», «надменный, чванный», и это предположение звучит куда правдоподобнее. Профессор Оудеманс считает, что название «дронт» было образовано именно от этого слова. Опираясь, с одной стороны, на подобные сообщения и, с другой– на зарисовки или сообщения о существовавших рисунках, сделанных с натуры, доктор Хашисука насчитал двенадцать особей додо, доставленных с Маврикия в Европу: одна попала в Италию, две – в Англию и девять – пять мужских особей и четыре женских – в Голландию.

Маврикийский додо исчез между 1681-м (в тот год прозвучало последнее упоминание о живом додо) и 1693 гг.,

когда впервые додо не был упомянут в сделанном на месте списке животных острова. К 1750 г. люди, жившие на острове, даже не знали, что на Маврикии была когда-то такая птица.

Спустя столетие жил на Маврикии человек, который был очень усердным натуралистом. Этот человек, Джордж Кларк, не только знал о додо, но твердо решил найти его останки. Только где искать?

На первый взгляд картина выглядела отнюдь не многообещающей.

«Фактически, – писал Кларк, – на Маврикии нет места, где бы почва носила такой характер, чтобы сохранить случайные захоронения, попавшие в нее. Кроме того, тропические дожди, сила которых хорошо известна, в некоторых местах настолько размывают поверхность и достигают такой мощи, что сдвигают с мест камни весом сотни фунтов».

Написав это, Кларк внезапно пришел к новой идее. Если тропические дожди смывают с поверхности все, куда попадает то, что они смыли? Что, если кости додо были смыты в одну из рек? Он начал раскопки около 1863 г. и нашел на дне одного из болот большое количество костей додо, к огромному удивлению местных жителей – креолов, которые стояли вокруг и с интересом взирали, как на поверхность их собственного острова извлекается то, о чем не было известно даже старикам. Теперь в результате успешных раскопок Джорджа Кларка стало ясно, что представлял собой скелет додо.

А другие острова? Другие додо?

Острова Маврикий и Реюньон разделяют около 130 миль открытого морского пространства. Это не слишком большое расстояние для птиц с достаточной силой крыльев, и нет ничего удивительного в том, что одни и те же редкие виды встречаются на обоих островах и даже на Мадагаскаре. Но для нелетающей птицы 130 миль открытого морского пространства – все равно что три тысячи миль: она не может перекрыть ни то, ни другое расстояние. И совершенно очевидно, что маврикийский додо не мог добраться до Реюньона. Так же как и нелетающая птица Реюньона не могла попасть на Маврикий.

Тогда, логически рассуждая, следовало признать: если на Реюньоне существовал додо, он должен был отличаться от птицы с Маврикия.

Да, на Реюньоне был додо, и он отличался от додо с Маврикия, но в течение более чем ста лет натуралисты изо всех сил старались не замечать этих отличий.

Возможно, потому, что поверхность Реюньона более гористая,

чем поверхность Маврикия, белый додо (а там водился именно такой) просуществовал дольше, чем додо с Маврикия!

Впервые додо с Реюньона перестали упоминать в обзорах начиная с 1801 г. Возможно, птицы стали жертвами собак, крыс и свиней во второй половине XVIII столетия.

Теперь отправимся на третий из Маскаренских островов, Родригес. Здесь селились, когда не было лучшего выбора. Сначала это были французские гугеноты – маленькая группа, состоявшая всего из одиннадцати мужчин. В руководители они избрали человека, которому в то время было немного за пятьдесят, по имени Франсуа Лега.

И другие путешественники, побывавшие на Родригесе до Лега, говорили, что здесь есть додо, но Лега был первым, кто прожил на острове достаточно длительное время. К тому же он умел рисовать. Он снабдил свою книгу иллюстрациями, и нет никаких сомнений, что зарисовки были сделаны на острове, поскольку среди них оказались достаточно сложные карты и планы.

«Среди всех птиц на острове, – говорится в английском издании, – самой замечательной является додо, которая носит имя солитер, или «отшельник», и которых тем не менее здесь в изобилии. Перья самцов коричневато-серого цвета, ноги и клюв как у индюка, но клюв несколько более загнутый. У них едва ли есть хвост, но их задняя часть покрыта перьями и круглая, как круп лошади; они выше индюков… Кость крыла становится к концу крупнее и образует небольшую круглую массу под перьями величиной с мушкетную пулю. Это, а также клюв являются главными орудиями защиты птицы. Ее трудно поймать в лесу, но легко на открытом пространстве, поскольку мы бегаем быстрее, чем они. Некоторые из самцов весят сорок пять фунтов». Лега сообщал, что самцы имеют коричневую окраску, а самки либо коричневые, либо «светлее, цвета волос блондинов»; скорее всего более темный окрас принадлежит самкам постарше.

Других изображений «отшельника», кроме рисунков Лега, не существует.

У нашей истории, рассказанной, к сожалению, лишь конспективно, есть постскриптум, который можно назвать «додо из Назарета» и отнести к области современной криптозоологии.

Случай этот был великолепно прояснен Иосифом Христиановичем Хамелем из Петербургской Академии наук, который опубликовал довольно подробное исследование в бюллетене физико-математической секции в 1848 г.

Как вы помните, голландцы назвали додо «валгфогель», то есть «тошнотворная птица», поскольку на вкус они были весьма

неприятны. Французы перевели это название правильно, но некий Франсуа Коше, который провел две недели на Маврикии в 1638 г., писал о додо как о птицах Назарета. Он подумал, наверное, что слово nausee («тошнота») на самом деле означает Nazaret, что сходно по звучанию на французском. А раньше на морских картах было место под названием Назарет, причем оно было расположено недалеко от острова. Оно существует и по сей день, только теперь так называется отмель, хотя на ранних картах так назывался остров. Профессор Хамель полагал, что это была обыкновенная ошибка.

Возможно, он был прав. Но когда голландский профессор Оудеманс проверил старые карты, то обнаружил, что место под названием Назарет располагалось не рядом с островом, о котором мы теперь знаем, что это никакой не остров, а рядом и с ныне существующим крохотным островком, который на современных картах носит название Тромлен. И Оудеманс заявил, что додо не может быть вычеркнут из списка живых птиц, пока Тромлен не будет тщательно исследован.

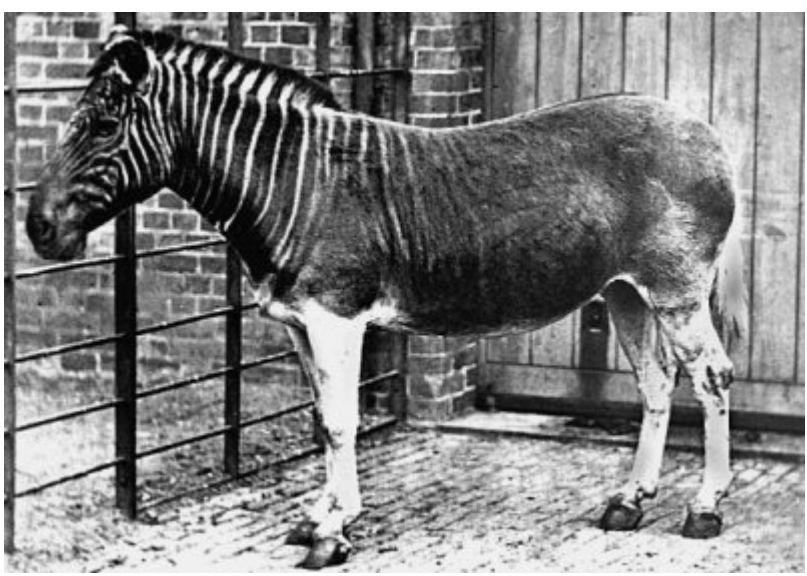
Квагга: оптимистическая трагедия?

Современники писали: «То утро выдалось в Амстердаме туманным, и густая белая пелена плотно закрыла все вольеры и дорожки между ними. Старый служитель пришел, как всегда, на полчаса раньше. Нарезал веток, достал из погреба фрукты и мясо, мелко нарубил его и пошел кормить животных. За туманом не было видно даже решеток.

Старик торопился, до открытия зоопарка оставался час, ему не хотелось кормить зверей при посторонних. В вольерах с копытными было тихо. Старик отпер калитку и тут же споткнулся. На кирпичном полу лежала квагга. Последняя из всех существовавших когда-либо в природе».

Было 12 августа 1883 г. А за столетие до этого…

За столетие до печального события в Амстердамском зоопарке, потрясшего натуралистов, на необозримых просторах южноафриканских саванн паслись бесчисленные стада копытных. Загадочная Африка еще только-только приоткрывала перед любопытствующей Европой завесу над своими тайнами. Еще существовали в природе голубая антилопа, бурчеллова зебра и странствующий голубь. Но уже не было на Земле стеллеровой коровы, дронта и тура.



Фотография квагги в Лондонском зоопарке. 1870 год

В 1777 г., заручившись поддержкой Парижского

зоологического общества, в Южную Африку отправился Франсуа Левайян, смелый и образованный молодой человек. Три года колесил он по Капской провинции, пересекал реки, терялся в саваннах и джунглях. Левайяна манили сюда рассказы двух сподвижников знаменитого капитана Джеймса Кука – англичанина Уильяма Андерсона и шведа Андреса Спармана, потрясенных природой этих мест.

Левайян написал пять томов захватывающих рассказов о своих приключениях. Кто знает, может быть, именно они воодушевили Майн Рида на южноафриканскую трилогию?

Так или иначе, Левайян был первым, кто привез в Европу реалистичные рисунки львов, гепардов, гиен. Он первым описал схватку птицы-секретаря с ядовитой змеей, поведал о виверрах и земляном волке. Первым доставил европейским ученым шкуру и кости жирафы, таинственного камелопардуса. Их выставили в естественнонаучном музее в Париже, их изучал сам Жан Батист Ламарк.

Левайян рассказал и о квагге. Тогда еще громадные стада этих замечательных животных жили в междуречье Оранжевой и Вааля.

«Есть три вида диких ослов в Южной Африке – зебра, квагга и собственно дикий осел без полос. На Капе квагга известна под названием дикая лошадь…» Простим Левайяну неточности в определении родственных связей между южноафриканскими непарнокопытными. В его времена стройной научной системы их классификации еще не было создано. «Несомненно, зебра и квагга – два разных вида, и они никогда не пасутся вместе, а смешиваются в стадах с антилопами». Далее Левайян совершенно справедливо отмечает: «Считали, что квагга– результат смешения зебры с дикой лошадью. Но это говорили люди, которые не были в Африке. Здесь нет собственно диких лошадей». Путешественник был прав, утверждая, что квагга – самостоятельный вид. Да и кто до него в Европе мог свободно рассуждать о квагге, ни разу не наблюдая ее в природе? «Квагга намного мельче зебры. Это красивое, грациозное животное», – писал Левайян.

Буры, потомки голландских переселенцев, пришедшие в эти края задолго до поездки Левайяна, все как один думали иначе. Именно им мир «обязан» безвозвратной потерей квагги и других видов животных. Вся беда квагги состояла в том, что ее кожа годилась для изготовления бурдюков, в которых хранили зерно хозяйственные буры. От ее мяса они тоже не отказывались. Квагг отстреливали тысячами. Иногда животных гнали к пропасти. Сотни полосатых лошадей разбивались о камни.

В 1810–1815 гг. по следам Левайяна прошел известный

английский натуралист Бурчелл. Он снова привез в Европу сведения о южноафриканских животных. Была среди них и квагга. «Утром наши охотники убили квагу и съели ее». Такие записи часто встречаются на страницах книги.

Африканцы брали у природы ровно столько, сколько им было нужно для пропитания племени – ни больше, ни меньше. И это нисколько не влияло на поголовье животных. Местные жители называли квагг «игваха», «идабе», «гоаха» и не путали их с зебрами. Не следует думать, что среди европейцев, пришедших в Южную Африку в XVII в., не было людей благоразумных и дальновидных: в 1656 г. под охраной оказалась капская горная зебра, ее численность внушала опасения тогдашнему губернатору Капской провинции Ван Рибеку. И это за сто с лишним лет до того, как по шкуре и костям, привезенным путешественниками, ее описал Карл Линней!

Но квагу, увы, никто не охранял. Вот запись, дошедшая до нас с 1840-х гг.: «Скоро мы увидели стада квагг и полосатых гну, и бег их можно было сравнить разве что с мощной кавалерийской атакой или ураганом. Я приблизительно оценил их число в 15 тысяч. Над этим огромным стадом, напуганным нашей стрельбой, вились клубы пыли». Это строки из книги Уильяма Гарриса «Охота в Южной Африке». Добавим от себя. Сегодня пыль лежит на 19 шкурах, нескольких черепахах и одном-единственном полном скелете квагги, уцелевших в крупнейших естественнонаучных музеях мира.

А между тем Альфред Брем писал о ней в своей знаменитой книге «Жизнь животных», не догадываясь, что дни квагги сочтены. Сведения о внешнем виде квагги, сохранившиеся в труде Брема, дают самое полное представление об облике этого животного: «Тело ее сложено очень хорошо, голова красивая, средней величины, ноги сильные. По всей шее проходит короткая прямая грива, метелка на хвосте длиннее, чем у прочих тигровых лошадей. Основной цвет шкуры коричневый. Через голову, шею и плечи проходят серовато-белые полосы с красным отливом. Между глазами и ртом полосы образуют треугольник. Взрослые самцы бывают до двух метров длины, вышина в загривке доходит до 1,3 метра…»

Да, квагга была красива.

Но через несколько десятков лет после открытия она стала достоянием зоологических палеонтологических музеев, и в этом плане ей «повезло» больше, чем, скажем, стеллеровой корове: для истребления этого морского млекопитающего хватило и двух десятков лет. Правда, за несколько лет до полного исчезновения в Капской провинции и незадолго до ее окончательного

истребления в Оранжевой республике в 1878 году квагг вывозили в Европу – в зоопарки. Несколько лет единичные особи протянули в неволе – до 1883 г.

Бурчеллова зебра пережила свою родственницу ненадолго – последняя погибла в Гамбургском зоопарке в 1911 г., за год до того ее не стало в природе.

Как часто бывает в подобных случаях, люди начали прикидывать, какую пользу могло принести им то или иное животное, останься оно в живых. Было так и с кваггами. Вспомнили, что еще Кювье в 1821 г. предлагал одомашнить зебр и, в частности, квагг. Тогда ни он, ни любой другой исследователь не могли знать всех преимуществ одомашнивания диких полосатых лошадей. Одомашнить их следовало не для того, чтобы по улицам резво разъезжали повозки, запряженные зебрами, как это было в Кейптауне в конце XVIII в. Причина была в другом. Квагга была невосприимчива к болезням, которые тысячами косили скот, ввозимый переселенцами из Европы. Переносчик этих заболеваний – муха цеце – стал синонимом зла для целых африканских областей, хуже колорадского жука, проникшего на картофельные поля Европы из Нового Света.

А теперь немного порассуждаем. В 1917 г. некий майор Мэннинг, вернувшись из пустынных районов Каоковельда в Намибии, рассказывал, что видел целое стадо квагг. Ему, естественно, не поверили. Прошло несколько лет, и из Каоковельда вновь появились сообщения о кваггах. Обман зрения? Совсем недавно один французский журналист, возвратившийся из Намибии, утверждал, что местные жители племени топнар уверяли его, будто квагга выжила в их краях.

Были ли такие случаи в истории естествознания, когда исчезнувшие, казалось бы, навсегда животные «возрождались»? Были. Видели сумчатого волка, поймали бермудского буревестника, попала в сети кистеперая целакантовая рыба латимерия, нашли загадочную нелетающую птицу такахе в Новой Зеландии. Огромные пространства Южной и Юго-Западной Африки еще не исследованы. В знойные полупустыни не заходят даже местные племена. Может быть, квагга жива?

Сказочный зверь выходит из леса

…То было обычное служебное письмо, которое правительство государства Конго отправило британскому губернатору Уганды. Правда, содержание письма было действительно необычным. Но ни отправитель, ни получатель не представляли себе, какой взрыв чувств, какое столкновение интересов вызовет оно…

Прочитав письмо, губернатор сэр Гарри Джонстон, кивнул, взял книгу «В дебрях Африки» и стал листать.

Автором книги был американский журналист Генри Мортон Стенли. Сэр Гарри поставил в двух местах галочки: первую – там, где Стенли описывает свою встречу с пигмеями в 1876 г. в лесу Итури; вторую – на описании лесного осла, которого пигмеи называют «атти».

Жираф или зебра?

В правительственном письме, однако, речь шла не о лесном осле, а о пигмеях. Наперекор всем принятым постановлениям о запрете на торговлю людьми было сказано, что некий немецкий делец захватил группу пигмеев и движется в сторону границы с

Угандой, чтобы доставить-де их в Париж, на Всемирную выставку, в качестве вида человекообразных обезьян. В письме была просьба – силой освободить и вернуть их на родину.

С этим заданием справился бы любой полицейский офицер. Однако сэр Гарри воспринял этот случай как удачную возможность посетить загадочное Конго, познакомиться с пигмеями, лесом Итури и таинственным «лесным ослом».

Он ответил, что сам лично позаботиться о возвращении угнанных бамбути на родину.

Следует упомянуть, что Стенли и губернатор были хорошими знакомыми и немало беседовали о животном мире Африки. В свое время Стенли, как мы помним, сделал нелестное заявление о пигмеях, что «они являются тем искомым звеном между людьми и их дарвиновыми предками, которые ученые не могут найти». Позже он высказывался о них более благожелательно, а о глазах одной девушки-пигмейки выразился прямо-таки как Ромео: «Они были великолепны и даже слишком велики для столь малого существа – полные, выпуклые, блестящие, как у газели».

Стенли твердил, что, помимо лесного осла, гигантского кабана и антилоп, которых он отметил в своей книге, в этих тропических лесах – Итури и Семлики – «имеется масса не известных науке зверей, которые ждут своих исследователей».

О полосатом лесном осле сообщали четыре человека, в том числе открыватель пигмеев выходец из Риги Георг Швайнфурт (он увидел их в 1869 г. при дворе местного царька).

…Угнанных пигмеев спасли быстро. Губернатор пригласил их к себе отдохнуть после испытанных лишений. Он неоднократно беседовал с ними через переводчика и узнал много интересных вещей. О лесном осле бамбути сказали, что это не «атти», а «охапи». На спине и передней части туловища преобладает желто-коричневый или темно-коричневый цвет, на ногах и животе – полосы. Когда губернатор показал им мула, то они тут же ответили, что «охапи» похож, только он полосатый. Тогда Джонстон понял, что речь действительно шла о зебре.

Пленники были переданы конголезским властям в пограничном пункте Мбени. Офицеры-пограничники рассказали Джонстону, что африканцы делают из шкуры себе ремни и пояса. «Но это не зебра, – настаивали они, – у него на лбу как бы рога, он скорее антилопа; голова у зверя вытянута и рот большой».

Губернатору подарили шкуру зверя, оказавшуюся под рукой, точнее два куска ее. Но всего этого было не достаточно, чтобы определить все-таки, что охапи за зверь.

Во время одной из вылазок в леса в окрестностях реки Семлики солдаты показали губернатору-зверолюбу следы окапи

на влажной почве. Видно было, что это – парнокопытное. Но если это антилопа, то какая именно: бонго или эланд? «В общем, – писал разочарованный Джонстон, – мое предположение о новой породе лошади рассыпалось. Я стал понимать, что мы все время ищем обыкновенную лесную антилопу».

В своем письме в Лондон, в Зоологическое общество, Джонстон утверждал, что окапи есть не непарнокопытное, как думал Стенли, а парнокопытное. К письму была приложена шкура.

Профессор Зоологического общества Склэйтер, получивший это письмо, был антидарвинистом, автором «Лемурии» и считал, что весь мир испокон веков разделен на зоогеографические зоны, как, например, зоосад разделен на вольеры решетками. В Африке – зебры и антилопы, значит, окапи мог быть или зеброй, или антилопой, третьего быть не могло. Исследование волос показало определенное сходство с шерстью зебры. Склэйтер отбросил рассуждения «о парнокопытном», настаивая на том, что это – зебра, и назвал зверя Equus johnstoni (лошадь Джонстона), сопроводив, осторожности ради, это имя знаком вопроса.

И вскоре убедился, что осторожничал он не зря. В начале 1901 г. губернатор Джонстон в Энтеббе получил посылку со шкурой и черепом жеребца окапи, а также череп самки. Получатель посмотрел и поразился: все предметы говорили о том, что это был ни осел, ни зебра, ни антилопа. Зверь состоял «из противоречий»: имел конеподобную фигуру, большие ослиные уши, полосы, как у зебры, и в то же время расщепленные копыта, как у антилопы; в целом же казался совершенно чуждым, ни с кем не сравнимым зверем, у молодого самца на лбу – два маленьких рожка, как у жирафы. Строение копыта явно выдавало парнокопытного.

Джонстон лично набросал на листе бумаги изображение зверя по имеющимся признакам. И пока он рисовал, вдруг в его воображении возник образ такого же животного, которого он где-то видел. Да, это было в Британском музее. Среди чучел степных зверей третичного периода, выкопанных в Греции, в Пикерми. Здесь, помимо антилоп, гиппарионов, был также скелет большого, жирафоподобного зверя с длинной шеей Helladotherium duvernoyi, то есть «греческий зверь Дювернуа».

Джонстон нервно зашагал по комнате. Неужели окапи – переживший свое время элладотерий? Неужели это он, короткошеий жираф третичного периода? А лес Итури – инкубатор, сохранивший его до нового времени? Даже открытие простого крупного зверя, ростом в полтора метра – событие мирового значения. А какое потрясение будет для

общественности, когда она узнает, что возраст зверя – 10 миллионов лет!

Джонстон отправил шкуру и оба черепа, а также свой рисунок Ланкастеру, директору отдела Британского музея. В письме он скромно предложил назвать животное Helladotherium tigrinum, подчеркнув его родство с элладотерием.

«Суд» состоялся в июне 1901 г. Он состоял из трех человек: Ланкастера, Склэйтера и французского палеонтолога Буля. Склэйтер признал, что это «не просто новый вид зебры». Ланкастер сравнил зверя с элладотерием, назвал предложение Джонстона прямодушным и отметил некоторые отличие у сравниваемых зверей: неодинаковые зубы; у элладотерия нет рожков на лбу. Буль заявил, что окапи – это действительно «воскресшее ископаемое», но оно ближе к рогатым ископаемым жирафам: самотерию и палеотратусу (тоже из Пикерми), чем к элладотерию.

В конце концов сошлись на том, что окапи ближе всего к самотерию, получившему свое имя от греческого острова Самос, где впервые он был выкопан.

Но здесь Джонстон все же отклонялся в некоторых деталях от самотерия, поэтому было решено выделить его в отдельное семейство и дать имя Okapia johnstoni.

Известие об обнаружении этого крупного древнего и непонятного млекопитающего вызвало мгновенный интерес во всем мире. Газеты, журналы, книги сообщали массам читателей о «великом переселении» копытных третичного периода, в том числе и короткошеих жирафов, из степей Азии в Южную Европу и Африку.

Все знали различные комичные истории с раскопками, как, например, с тем баварским солдатом, который выкопал череп героя и алмазное сокровище, но, показав профессору Вагнеру в Мюнхене, услышал от него, что это – череп ископаемой обезьяны и трубчатая кость, обсыпанная кристаллами известкового шпата.

Но здесь было другое дело. Сказочный зверь, ископаемое, первобытное существо из плиоцена вдруг оказалось в африканских лесах и преподало работникам науки урок, что время необычайных приключений в области зоологии еще далеко не прошло.

Впрочем, об окапи пока было известно немного – в наличии были два черепа, шкура и несколько полос кожи. В лес Итури направилось несколько экспедиций. Шесть месяцев, но безуспешно пробирался сквозь чащу английский охотник Пауэл-Коттон, открывший в свое время «белого» суданского носорога. Ему удалось лишь увидеть одеяло из шкуры убитого пигмеями

окапи. Больше повезло англичанам, служившим в государстве Конго, – Кристи и Риду, собравшим несколько шкур зверя у туземцев. Кристи наблюдал также за «окапенком», пойманным пигмеями.

Швейцарский зоолог Давид убил одного окапи и отправил в базельский музей. В описании он сравнил зверя с тапиром и высказал мнение, что форма пасти свидетельствует о том, что он питается болотной растительностью и даже тиной. Впоследствии это не подтвердилось.

Но Давид сообщил еще некоторые подробности об окапи и его роли в жизни туземцев: «Арабизированные племена этого края называют зверя «койгэ», пигмеи «о-апи». Сказочный зверь настолько хорошо знаком людям, что у каждого имеется пояс из его шкуры… В сопровождении охотников из пигмеев я несколько раз нападал на его след и видел отпечатки всех четырех ног… Ввиду труднодоступности этой местности нельзя всерьез утверждать, что окапи – редкое животное: трудно быть здесь охотником… Многие негры здесь питаются мясом окапи… Мне тоже подарили кожаный пояс из шкуры окапи с пряжкой – изделие по своей выделке напоминает предметы первобытных людей».

Появились охотники из Европы. Герцог фон Мекленбург пообещал пигмеям вознаграждение, если те смогут выгнать зверя под прицел его ружья. Не получилось – он смог выкупить лишь пять шкур и один скелет.

Один из участников его похода, Шубоц, через два года вернулся сюда, на реку Уэле. Служивший здесь шведский сержант рассказал, что недавно видел у туземцев теленка окапи, сфотографировал его и установил, что он иноходец.

Шубоц приобрел двух окапи, убитых туземцем, и отправил в музеи Штутгарта и Гамбурга, не забыв сделать фотоснимки. «Зверь был так велик, что его с трудом несли пятнадцать задыхающихся негров».

Эти снимки обошли многие газеты мира. Правительство Конго отправило в музеи шкуры и скелеты зверя. Те, правда, не всегда правильно собирали их – то как жирафу, то как лошадь. Это объясняется, видимо, тем, что видели зверя всего лишь три человека.

Экземпляр в Британском музее несколько отличался от экспоната в музее Тервюэрен, поэтому ему дали свое видовое имя – Okapia erikssons.

Позже был выявлен еще один вид: Okapia kibalensis. Но затем выяснилось, что это все-таки не отдельные виды, а лишь местные вариации, зависящие от географической среды.

Правительство Конго поставило окапи под защиту государства, после чего охотники в этих местах больше не появлялись. И только теперь появились честные естествоиспытатели-следопыты, чья задача была только изучать зверей, фотографировать их и, если возможно, отправить в какой-нибудь зоосад.

Члены Нью-йоркского зоологического общества Ленг и Чепин в 1909–1915 гг. дали почти полное описание образа жизни окапи и доказали, в частности, что этот зверь – вовсе не болотное существо, как утверждал Давид, а бывший степной житель, переселившийся в тропический лес.

Один знакомый Ленга выкормил окапенка сгущенным и цельным молоком уже после отъезда американца, а по окончании Первой мировой войны животное было отправлено в Антверпен, где оно, правда, через 50 дней умерло от глистов.

Только в 1928 г. в зоосаде Антверпена появился живой окапи, который в единственном числе представлял в Европе «короткошеих жирафов третичного периода». Еще четыре зверя, доставленные в Европу за это время, погибли от глистов и паразитов крови.

Голландский фотограф Вэзуйденхут в 1930-м смог снять окапи на воле и опубликовать снимки в «Иллюстрейтед Лондон ньюс», что опять вызвало интерес к зверю.

Через шесть лет итало-американский автор Атилио Гатти начал изучение животного на месте. Трех зверей он поймал в яму-западню, но вскоре потерял всех. Первый – самец – освободился сам, не помогли ни веревки, ни наркозное вещество. Второй и третий – молодняк – умерли в неволе, несмотря на прямо-таки «материнский» уход «зверолюба» за ними. После этого местные власти запретили ему отлов зверей. Со злости горячий итальянец разрушил все ямы-ловушки пигмеев в округе. Тогда ему запретили въезд в лес Итури.

В зоопарке в Нью-Йорке один самец окапи прожил пятнадцать лет. В других зверинцах – Антверпена, Лондона, Копенгагена, Парижа, Франкфурта – живут бодрые, здоровые окапи, некоторые доживают до преклонного возраста.

На родине общее число особей оценивается в 10–15 тысяч, в среднем пара – на квадратный километр.

В последнее время этот зверь заинтересовал и археологов. Оказывается, похожий на него зверь был нарисован древними египтянами на различных предметах, а также древними обитателями Африки – на камнях и скалах. Изображение можно видеть на древнеегипетских вазах, гробницах фараонов. Связано оно с именем бога Сета и после открытия зверя в лесу Итури было

названо «египетским окапи».

Сет (Тифон) как раз олицетворял собой знойные тропические ветры, а также вулканы в краю истоков Нила. Он изображался в виде сказочного, похожего на осла зверя, или же в виде человека с небольшими рожками. Поскольку у древних египтян отношения с пигмеями были добрососедскими, то нетрудно предположить, что они могли познакомиться с окапи во время походов к Верхнему Нилу.

«Славный звереныш пойман!»

История с окапи вызвала у людей массу чувств, надежд, замыслов, побудила искать каких-то новых чудо-зверей в африканских дебрях. Зоологи и путешественники, охотники и директора музеев опять стали рыться в старых сообщениях об экспедициях, ища в них какие-нибудь не замеченные ранее намеки.

В гуще событий и интересов оказались сведения об одном звере, приведенные почти в одних выражениях в трех разных книгах. Но места происхождения сведений были разными: Либерия, лес вдоль реки Конго, горный Судан. Называли зверя тоже по-разному: большой кабан, небольшой носорог, карликовый бегемот. А книги были следующие: сообщение Даппера, записки Стенли и труд российско-немецкого следопыта Африки Вильгельма (Василия Васильевича) Юнкера «Путешествия в Африку 1885–1886 годов».

Окапи

О. Даппер в своей книге 1886 г. писал о «большом черном кабане», что он гораздо опаснее обычного кабана, ибо у него – большие и острые зубы, которыми он все, что попадается на пути, прорезает и убивает. Узнал автор это от путешественников по Либерии. Стенли писал о гигантском черном кабане длиной два метра. Юнкеру туземцы Верхнего Судана рассказывали о трех типах кабанов: бородавчатом, речном и гиганте.

Во всех случаях речь шла об очень крупном животном. В Либерии говорили о сказочном звере «нигбве», в Восточной Либерии – о «сэнгэ», горном или карликовом носороге. Оттуда же поступили первые кости предполагаемого вымершего небольшого бегемота. Однако была неуверенность, относился ли данный зверь к кабанам. Зоологи не хотели повторять ошибку с окапи, которого отнесли вначале к «лесным ослам».

Науке до сих пор были известны три вида диких кабанов в Африке. Но для этого континента типичнее бородавочник с мощными бивнями. Он заселяет саванну вплоть до Капской провинции и описан еще Линнеем.

В более широком смысле к свиньям и кабанам относится и африканский бегемот, живущий на реках и озерах. Его можно было бы назвать четвертым видом. Этот зверь упомянут в Библии и изображался на древнеегипетских памятниках.

В отношении «нигбве» и «сэнгэ» также было высказано предположение, что это – вымерший малый бегемот. Первые сведения о нем появились в 1841 г. Вице-президент академии Филадельфии Мортон узнал это от земляка, прибывшего из Либерии. Тот рассказал ему, что в Либерии водится бегемот размерами с козу.

Еще через два года оттуда же были доставлены кости этого животного, в том числе два черепа. Мортон установил, что это действительно бегемот небольшого роста, но гораздо тяжелей козы. Зверь получил название Hippopotamus minor.

Вдруг в 1870 г. случилось нечто сногсшибательное. В зоосад Дублина в Ирландии поступил «бегемотик» из Либерии, который весил всего лишь 13 килограммов. Таких малых детенышей у бегемотов не было никогда. К тому же вел себя несколько необычно, редко купался и по строению тела был больше похож на тапира, чем на бегемота.

Через несколько недель он умер. Вскрыв тело, зоолог Макалистер пришел к выводу, что это не бегемот. Либерийский карликовый бегемот был лишь отдаленным родственником большого бегемота. Скорее это было промежуточное звено между бегемотами и кабанами, хотя и ближе к бегемотам по «комплекции» – большая пасть и прочее. Но главное – зверь не вымер!

В период с 1879-го по 1887 г. появились новые данные. Бютикофер, работник Лейденского музея, собрал в Либерии много скелетов и кож у местных охотников и расспросил их об образе жизни животного.

«Он предпочитает лес и болото, – читаем в его книге «Путевые картины из Либерии», – купающимся его как будто не

видели. Он не домосед, любит странствовать. Его образ жизни напоминает кабаний. Свою пищу – траву, зелень, лесные плоды – находит в лесах и кустарниках, после чего обычно укрывается от охотников в болотах. В отличие от больших бегемотов эти звери в стада не собираются».

Однако даже эти четкие и ясные заметки не были восприняты тогда наукой всерьез. Так, в 1885 г. в зверинце Гагенбека опять появился предполагаемый «бегемотыш», и опять наука сочла его либо представителем вымирающего вида, либо, в лучшем случае, выродившейся в условиях Либерии породой нильского бегемота.

Однако зоологи возражали, что бегемот, хоть и карликовый, должен быть бегемотом, то есть водолюбивым животным. А все вышеперечисленные звери являются сухопутными, живут на суше, в лесу. Никто не обратил никакого внимания на сообщение Бютикофера о карликовом бегемоте, живущем в лесу, а не возле воды.

И все-таки в 1904 г., через три года после открытия окапи, приверженцы «кабановой теории» праздновали победу. Британский капитан Мейнерцхаген обнаружил в поселении туземцев Маунт-Кения попорченную шкуру большого черного кабана, чудовища величиной с теленка. Капитан не разбирался в научных спорах, он просто рад был трофею. Позже в окрестностях озера Виктория он обнаружил череп зверя, частично покрытый кожей. Но какой это был череп! Под глазами – необыкновенные шишки и наросты; тяжелые изогнутые бивни, массивная, почти квадратная лобовая часть. Длина головы – от пятачка до шеи – больше метра.

У капитана разгорелась охотничья страсть – во что бы то ни стало найти и убить такого зверя. И наконец это случилось. Зверь был густо-черного цвета, длиной два с половиной метра, ростом метр с четвертью.

Вскоре шведский зоолог Ленберг во время поездки в Африку установил, что этот большой кабан водится не только в Кении, но и во всех лесах Восточной и Экваториальной Африки, хотя никто, кроме Стенли и Юнкера, этого не заметил.

В 1905-м и 1906 гг. зоолог Томас получил еще ряд трофеев из внутреннего Камеруна, а также из глубинки Либерии. Это был гигантский лесной кабан. Итак, этот зверь обитал во всей Африке, а значит, видимо, он был «виновником» всех местных легенд о «нигбве».

Таков был приговор специалистов. Но туземцы настаивали, что «сэнгэ» – совсем другой зверь, чем «нигбве».

А в 1910 г. к этому мнению присоединился гамбургский торговец животными Карл Гагенбек. По его словам «сэнгэ» –

просто западноафриканская форма гигантского лесного кабана, которого негры назвали носорогом из-за его больших клыков. «Нигбве» это – вообще не кабан. Это – карликовый бегемот, который вовсе не вымер, а обитает где-то в Либерии. Это его имел ввиду Даппер, когда писал о черном кабане. Гагенбек поговорил об этом с путешественником и охотником Шомбургком. И тот отважился поехать в Либерию поймать сказочного зверя.

Был как раз период дождей, когда Шомбургк с группой носильщиков пересекал тропический лес в лодке. Дождь портил настроение, все труды и лишения казались напрасными. Никто из встреченных им людей не верил в существовании искомого зверя. Неужели призрак?

И вдруг случилось следующее: «В метрах двухстах, в лесочке, я заметил какое-то движение… Поток нес нас к этому месту. Вначале я не смог разобрать, кто это может быть: то ли буйвол, то ли крокодил. В это время он и вышел из тени на край берега – я застыл. Передо мной стоял зверь, ради которого я предпринял это изнурительное, тяжелое путешествие – карликовый бегемот. Это было 13 июля 1911 г. Число тринадцать в моей жизни всегда было счастливым…»

Другой человек наверняка тут же застрелил бы зверя. Но Шомбургк не смог: «Он смотрел на меня какое-то время так же пристально и цепко, как и я на него, прежде чем скользнул в воду. Что-то во мне не позволило выстрелить». «К тому же, – рассуждал охотник задним числом, – это редкий зверь, а вдруг я уничтожил бы выстрелом последнего, а значит, и весь вид? Нет, мне достаточно было удостовериться, что зверь существует».

В столице Либерии Монровии его осмеяли. И никто не поверил, что заядлый охотник Шомбургк растаял от нежных чувств и не направил ствол на дичь. Его сочли лгуном и хвастуном или простаком, поверившим сказкам туземцев.

Только Гагенбек в Гамбурге продолжал верить ему и посоветовал через год все это организовать снова. На сей раз Шомбургк познакомился в Голаленде с племенем, которое отлично знало «мбе» – карликового бегемота, но все так боялись его, что помощников среди них не нашлось.

Наконец один негр-полукровка решил подключиться к отряду и помог устроить поимку животного. Негры убедили охотника, что таких зверей – немало, и он решил все-таки убить одного.

28 февраля 1913 г. в одной прибрежной пещере был обнаружен «дьявол» леса, тут же застрелен и препарирован.

«Я укрылся в своей палатке, так как потекли слезы. У меня, у отчаянного охотника. Смешно? Но нервы, перенапряженные

нервы требовали разрядки. Как я должен был радоваться сегодняшнему дню, которого дожидался, за который боролся целый год! Но радости не было, лишь горьковатое чувство воздаяния насмешникам, тем, кто мне не верил».

А на следующий день в яму-ловушку попал еще один зверь. Шомбургк уговорил африканцев построить загон вокруг ямы. Затем он стал подкармливать опасного «приятеля» кореньями и подманивать ими же в загон. Так и получилось. Камень упал с души охотника. С ближайшей станции он дал телеграмму Гагенбеку: «БЕГЕМОТ-КАРЛИК ПОЙМАН – СЛАВНЫЙ ЗВЕРЕНЫШ!»

В течение следующий нескольких недель он поймал еще четверых «зверенышей» и перевез их на морское побережье в больших корзинах, каждую из которых несло по 32 человека. Он постоянно смазывал им кожу вазелином, чтобы она была эластичной и доставил в Гамбург всех пятерых здоровыми.

Измерения показали, что карликовый бегемот на три четверти метра короче и на полметра ниже гигантского лесного кабана, с которым его путали десять лет. Усилия зоологов были наконец вознаграждены открытием двух новых видов.

Горилла господина дю Шайю

Уильям Рид не собирался в Африку. Он, собственно, был медиком и романистом. Но его охватил гнев от чепухи, которую он прочел в книге некоего дю Шайю, американца, якобы побывавшего в Африке и видевшего там, в частности, «дьявольское существо, получеловека, полузверя, выходца из ада».

Поэтому 23-летний дилетант решил доказать всем, что он ближе к науке, чем те специалисты, которые некритично воспользовались данными дю Шайю. Он поехал в Африку через 15 лет после первой публикации об этом создании природы. В 1862 г. познакомился с «выходцем из ада, которого уже известный нам Ганнон называл «гориллой», Батель – «понгос», или «энсэгос». Лопеш – обезьяной, которую надо ловить сапогами с клеем, а Линней – «лесным человеком». Эта чертовщина не была новостью. Она появилась еще два с половиной века назад, когда морской разбойник Батель рассказывал о понго, убивавшем негров и слонов. А во времена Рида зоологи хорошо знали лишь одну человекообезьяну – шимпанзе из Верхней Гвинеи, светлолицую, среднего роста. Окен дал ей красивое имя «пан», а Линней – неуместное видовое название «троглодит».

Горилла с дубиной

Но вот из Нижней Гвинеи, Французского Конго и Восточной Африки появились сообщения о совсем другой человекообезьяне. Это был громила с гребнем на макушке, лысой головой, темным лицом, большими надбровьями – мохнатое лесное чудовище с длинными бакенбардами. Африканцы называли его по-разному: или «н'гьяла», или «ншиего», или «соко». Обезьяны эти ходили прямо, нападали на неосторожных людей, забивали слонов дубинами, выкрадывали женщин из деревень, в кронах деревьев устраивали себе настоящие хижины с крышами из листьев, нередко создавали «отряды» для нападения на поселения людей и их поля.

Однако серьезные свидетели называли все это «глупой болтовней».

К таким причислял себя американский миссионер Сэвидж, который в 1847 г. прислал английскому анатому Р. Оуэну подробные данные о гигантской обезьяне «инджин» и рисунок ее черепа. Это была горилла «в пять футов высотой, несоразмерно широкая в плечах, заросшая грубыми, черными волосами». Впрочем, и Сэвидж добавил несколько историй, услышанных от туземцев. «Это дикие, задиристые звери. Они никогда не бегут от людей, как шимпанзе.

Туземцы боятся их и вступают только в оборонительные схватки. Как только самец завидит человека, то издает ужасный рев, вытягивает нижнюю губу и встряхивает чубом. Затем быстро приближается к противнику. Охотнику лучше всего дождаться, когда чудовище схватит ствол ружья и сунет себе в рот. Если в этот момент не выстрелить, то охотник погибнет».

…В это время еще два исследователя изучали черепа и кости того же зверя. Причем оба любили античную литературу и обоим попались строки карфагенского чиновника Ганнона о «горилле» – диком человеке.

Это были Жофруа де Сент-Илер в Париже и американец Уаймэн. Оба они дали это имя новому зверю, хотя американец посчитал его разновидностью шимпанзе.

Третьим увидел гориллу тоже американец – Форд. Он побывал в Африке и однажды заметил в поселении детеныша гориллы, приведенного из лесу. «Приручить его было совершенно невозможно», – писал Форд.

После этих сообщений и двинулся в Африку дю Шайю «познакомиться лично с гориллой». Вернувшись, американец сообщил о полном успехе: «Я первый, кто может говорить о горилле из своего собственного опыта, и подтверждаю, что

никакими словами нельзя передать ярость и силу этого зверя». Он писал, что горилла руками может вырвать дерево диаметром в 15 сантиметров.

Две сцены из его книги вызвали особый гнев одного из ее читателей, по имени Уильям Рид. Первая – это когда автор лично убил огромного самца-гориллу. Вторая – как он поймал детеныша посредством рогатины и привел его в поселение. Детеныш оказался злым и вероломным, приручению не поддавался.

В это время в Лондоне, где жил Рид, в зверинце Вумвела появился детеныш человекообезьяны, темнолицый, робкий и печальный. Вначале его приняли за шимпанзе, но затем зоологи с удивлением установили, что это – горилленок, неизвестно каким путем попавший в Британию. Он вел себя совсем не так, как расписывали Форд и дю Шайю: был тихим, меланхоличным, тосковал. Вот тогда-то возникло подозрение, что упомянутые два сочинителя видели каких-то других существ, а Рид решил, что это было просто надувательство.

…14 месяцев странствовал Рид по лесам Экваториальной Африки, расспрашивая, а лучше сказать, допрашивая каждого туземца, которому случилось видеть или убивать гориллу. Рид считал достоверным только то, что подтверждали несколько независимых свидетелей.

Африканцы воображали, что горилла – лесной бог, когда-то бывший человеком, а затем разочаровавшийся и ушедший от людей в лес. Что касается пресловутых сочинителей-предшественников, то они, видимо, задавали вопросы жителям так, чтобы получить нужный ответ. А дю Шайю видел, вероятно, только черепа и кости горилл. Вообще, считал Рид, ни один белый человек пока не убил ни одной гориллы и даже шимпанзе.

В своем докладе Лондонскому зоологическому обществу в 1863 г. Рид утверждал: «Я всего лишь собирал факты… Охотники не подтверждают, что горилла нападает на людей. Не надо только ее раздражать… Леопард считается гораздо более диким и опасным зверем. А если дразнить и задирать, то любой зверь, даже шимпанзе, дает отпор».

Рид подробно описал образ жизни зверя, его питание, устройство жилища-гнезда, общинную жизнь.

Впоследствии американцы Эйкли и Джонсон, а также немец фон Эрцен подтвердили его данные – пункт за пунктом. Мартин Джонсон и его жена Оса многие месяцы наблюдали за гориллами и снимали их на кинопленку. Звери проявляли лишь любопытство к кинокамере, но, когда люди к ним приближались, уходили в чащу.

…Однако на других доклад Рида не произвел впечатления. А

книги дю Шайю – произвели. Так что конец прошлого века стал пиком азартной охоты на горилл и связанных с этим жестокостей. Немец фон Копенфельс, убив в сочельник 1874 г. гориллу, заявил: «Это был лучший рождественский подарок для такого страстного охотника, как я».

В то же время горилл стали продавать в европейские зоосады. Один германский майор устроил в Камеруне бойню для горилл, а из оставшихся в живых восемь продал в зверинец Гагенбека под Гамбургом и одного – в Берлин. Все они вскоре умерли, причем, по словам работников зоосадов, не по причине плохого ухода, а от душевной боли, от тоски по родине. Было это в 1907 г. Вот тут зоологи стали настаивать на защите зверей в их естественных условиях. Гориллы оказались высокочувствительными существами. Американский зоопсихолог Йеркс писал в своей книге: «Душевное состояние их – чувство одиночества, неудовлетворенности, грусть, печаль – становится иногда неблагоприятным фактором жизни и препятствует отправлениям организма и в конце концов гасит их, укорачивая жизнь».

Таким образом, возникло новое представление о горилле: не чудовище, созданное воображением дю Шайю, а существо душевно высокоразвитое, почти человек. Убийство такого существа уже следовало бы считать преступлением. Впрочем, не все сказки о гориллах были опровергнуты. Даже Рид поверил в то, что они якобы иногда насилуют женщин. В действительности это не так, и сексуальность у них не столь сильна.

В 1908 г. был доставлен в Париж псевдогибрид гориллы и негритянки. Проверка показала, что это самка шимпанзе, лишившаяся волос вследствие болезни кожи.

Единственное исключение, «не укладывавшееся в рамки», обитало на восточной границе Конго. В 1903 г. германский капитан фон Беринге убил этого «нгаги», как его называли туземцы, в горах, севернее озера Киву. Уже Спик, открыватель истоков Нила, в 1860 г. слышал от местных жителей, что какое-то чудовище в Руанде преследует-де негритянок и сжимает их в объятиях до смерти. Некоторые считали его горным духом, другие обожествляли его.

Оказалось, что это крупный зверь весом до 500 килограммов. Он был выделен в отдельный вид. Впоследствии ради него окрестные леса были объявлены заповедной зоной. По последним подсчетам, численность Gorilla beringei – горной гориллы составляет 2000 особей.

Два неизвестных пера из головы африканца

Открытие новых видов зверей часто бывает просто счастливым случаем и нередко связано с сомнительными данными, слухами, неясными следами, которые кто-то нашел, но не может определить. Но все же едва ли кто-либо имел в руках столь малую улику, как две вещички из головного убора местного жителя, которых оказалось достаточно Джеймсу Чепину, чтобы сделать свое открытие.

Это были всего-навсего два черно-полосатых птичьих пера. Чепин участвовал в экспедиции Ленга, искавшей окапи в 1909–1915 гг., вскармливал пойманного окапенка сгущенным молоком, а когда зверь все-таки погиб, то долго не мог утешиться и отвлекся, лишь взявшись за свое любимое занятие – орнитологию. Он был страстным орнитологом и с 19 лет работал в нью-йоркском Музее естественной истории.

Африканский павлин

Как-то пришла ему в голову мысль – собирать и изучать перья, которыми украшают себя туземцы. Это могло бы дать точные и ценные сведения для науки, причем не только биологической, но и для этнографии.

Оказалось, что чаще всего чернокожие охотники украшают волосы пестро-блестящими перьями бананоеда. Но в Авакуби у одного человека Чепин обнаружил среди таких перьев также два темных маховых пера неизвестной птицы, определить которую «с лету» орнитолог не смог.

Ему сказали, что птицу зовут мбулу. Больше ничего узнать не удалось и, вернувшись в Нью-Йорк, он стал искать в африканских материалах музея. Безуспешно.

Перья имели темно-красный цвет, с черной широкой каймой по краям. Возможно, они были из крыльев каких-то хищных, кукушкообразных или куриных. Однако, насколько знал Чепин, во всем конголезском краю не было ни одной такой птицы. По имевшимся данным можно было бы отождествить эти перья с дикой курицей, цесаркой или турачом, или франколином. Но у двух последних перья были другого оттенка. Для кукушки они слишком велики. А фазанов в Африке нет.

Итак, Чепину ничего больше не оставалось, как положить перо в ящик стола и приклеить бумажку «Перья из туземной шапочки, Авакуби, 1913». Второе же он оставил у себя в надежде, что где-нибудь еще встретится с птицей мбулу.

Прошло 23 года. Чепин по делам оказался в музее Тервюэрен близ Брюсселя, в его запасниках. В одной из комнат среди хлама, приготовленного к выбрасыванию, он заметил два чучела птиц, похожих на разноцветных фазанов. «Я знал, что в Африке нет фазанов, но ведь это музей Конго! – объяснял он позже. – Они были побольше домашних кур – одна выглядела черноватой, другая – красноватой. И вот у второй я увидел черно-полосатые маховые перья…»

К ножке одного из чучел была прикреплена карточка: «Павлин, Pavo eristatus, молодой, импортированный». Какое разочарование: павлины, вывезенные в Африку из Индии? Только и всего? Но Чепин почувствовал, что эти данные ошибочны. Бросился к директору, прихватив с собой оба чучела.

Начальник удивился. Петух был темно-коричневым, но переливался, когда свет падал под определенным углом, зеленовато-металлическим и фиолетовым цветами. На голове у него был хохол. Наседка была меньше, перья у нее были красноватые.

Так что это за существа? Может, плоды скрещивания павлина

с домашними курами или другими представителями отряда куриных? Не занимался ли этим какой-нибудь безвестный служащий в Африке?

В архиве выяснилось, что еще в 1900 г. «Торговое общество Касаи», мощное частное предприятие, переслало в свое брюссельское правление, коллекцию чучел птиц, а в 1914 г. собрание чучел попало в музей Тервюэрен. Ничего особенного среди них не было: куры, цесарки, а также вот эти два павлина или же павлиновы помеси.

Чепин рассказал директору Шутедену всю свою историю. Тот не очень-то поверил, но приказал почистить и починить чучела. Павлины и куры принадлежат одному семейству, считал Шутеден, так что скрещивание между ними вполне возможно. Он разрешил Чепину выдернуть из чучела самки два пера с тем, чтобы отправить их в Нью-Йорк орнитологам для обследования. На этом разговор закончился.

Но тут вмешалась Судьба. Старые друзья по работе в Конго пригласили Чепина пообедать в «Серкл Голуа», известный брюссельский клуб. Узнав об истории с перьями, горный инженер Папиньи, работавший на золотых рудниках в Конго, невозмутимо заметил, что знает этих птиц и даже однажды, в 1930 г., пообедал одной такой «черной лесной курицей с короной». Ее мясо он похвалил как нежное, но грудинка-де недостаточно жирная. Он даже нарисовал птицу на листке бумаги.

Она напоминала чучело из музея. Чепин был потрясен.

«Это вовсе не домашняя птица, – заметил инженер, – один из моих рабочих убил ее где-то в джунглях». Чепин не смог усидеть за столом и потащил приятеля в зверинцы. Однако там не было такой птицы.

Каждый студент-первогодок знает, что индюки живут в Америке, цесарки – в Африке, фазаны – в Азии. К азиатской фауне относятся и павлины, и дикие куры, в широком смысле родственные фазанам. Три вида павлинов, в частности, переливающиеся, великолепные, гордые аргусы свойственны индо-малайской фауне.

Сказать «африканский павлин» – то же самое, что употребить словосочетание «африканский олень» или «африканский песец».

Чепин и Шутеден обследовали оба чучела и обнаружили у них такое соединение костей, которое присуще только азиатским павлинам и фазанам, но не африканским цесаркам. Целый отряд знатоков, изучив птиц, пришел к выводу, что это не уроды и не помеси, а неизвестная дикая птица, родственная павлинам. Только после этого Чепин и Шутеден решились обнародовать факты, касающиеся загадочной птицы. В своем сообщении они

подчеркнули, что, вопреки общепринятому мнению, павлины водятся не только в Азии, но и в Африке. Это – некрупный, менее красочный вид, имеющий однако историческое значение для данного отряда птиц. Авторы обратились ко всем, кто бывал в Конго, с просьбой об интересных птицах известить музей. Дело оказалось неожиданно быстрым. Один офицер полиции из Кинду в Конго написал, что шесть лет назад застрелил одну самку описанной птицы, сделал чучело и отослал сестре в Бельгию. Чепин сразу же нашел эту женщину. Она сохранила – слава Богу – чучело и охотно передала зоологу.

Из округа Лусамбо пришло сообщение от миссионера о том, что и он подстрелил однажды такую птицу, которую африканцы звали мбулу, но ощипал: перья не сохранились. Чепин с удовольствием отметил, что местное название ее такое же, как и в Авакуби.

Два человека из округа Уэле сообщили, что тоже обычно охотятся на птицу, похожую на фазана или павлина.

Наконец тот же Папиньи, вернувшийся в Конго на свой рудник, пригласил Чепина к себе посмотреть на этих птиц, совсем обыкновенных, и подарить ему несколько особей.

Конголезскому павлину было торжественно присвоено имя Afropavo congolensis. Люди ждали, какие результаты принесет новое путешествие Чепина в Конго.

И вот в июне 1937 г. пассажирский самолет компании «Сабена» доставил Чепина в Стенливиль – сердце внутренней Африки. Его уже ждали там восемь чучел и законсервированные в формалине тушки птиц. Орнитолог с радостью их принял, но все же и сам совершил несколько вылазок в тропический лес близ реки Айена. Он видел птиц и многократно слышал их хриплые крики.

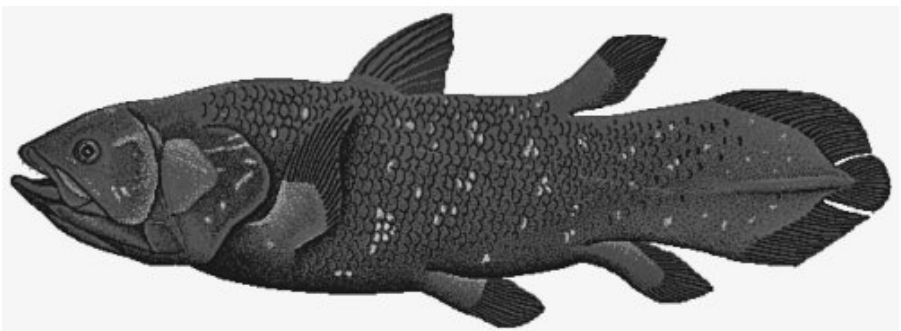
Итак, материалов накопилось достаточно, чтобы сделать такие выводы: павлины бассейна Конго – древнейшие существа. Они сохранились здесь, как в «холодильнике», подобно трубкозубу, окапи, карликовому бегемоту. И…

Чепин узнал и другие особенности образа жизни птицы. Она ушла из тех мест, где живут собиратели-пигмеи, которые подбирают, кроме всего прочего, и яйца птиц. Однако павлин Конго занял тем не менее большую область между реками Итури и Санкуру. Десятилетие спустя это подтвердил и американский зверолов Кордьер, который за 20 месяцев собрал свыше 200 голов млекопитающих, птиц, пресмыкающихся в прибрежном лесу и отправил их специальным самолетом в Нью-Йорк. Среди них были шесть петухов и одна курица африканского павлина, покинувшие Африку живыми.

Целакант снова попадает в сети

А ведь криптозоологи это предвидели. Хотя по большому счету почти не надеялись. Растянувшийся на долгие десятилетия поиск наконец увенчался успехом. Да еще каким! Невероятно, но факт: в сети индонезийских рыбаков с острова Сулавеси попал живой реликт – самая настоящая доисторическая рыба, обитавшая в море 300 миллионов лет назад. Это был целакант. Столь незаурядный факт так всколыхнул научное и общественное мнение, что популярный английский журнал «Нейчур» тут же признал его самым выдающимся событием 2000 г.

За год до того, как событие, о котором идет речь, получило мировую огласку, на Сулавеси объявилась молодая супружеская чета, объединенная, впрочем, не только супружескими, но и профессиональными узами. Американский ихтиолог Марк Эрдман с женой-индонезийкой, тоже морским биологом, решили провести медовый месяц в экзотическом антураже северной части Сулавеси, которая отличается от южной части этого острова, пожалуй, только тем, что лежит чуть выше экватора, то есть в другом полушарии. Прогуливаясь как-то по пестрящему диковинным разнообразием рынку приморского городка Манадо, супруги Эрдман обратили внимание на необычную крупную рыбину – выставочный, так сказать, экземпляр, который нельзя было купить. Зато можно было сфотографировать, что супруги и сделали.



Целакант

Впрочем, Марку Эрдману как специалисту достаточно было бросить один лишь взгляд на диковину, чтобы угадать – перед ним редчайший экземпляр легендарного целаканта.

Однако считалось, что ареал целаканта простирается не дальше Коморских островов, лежащих в северной части Мозамбикского пролива – между северной оконечностью Мадагаскара и Восточным побережьем Африки. А от Комор до Сулавеси 10 тысяч километров, о чем Марк Эрдман прекрасно знал.

Оказалось, что целакант, которого сулавесские рыбаки издавна окрестили «раджа-лаутом», что означает «морской царь», в здешних водах не такая уж большая редкость – и изредка попадается в рыбацкие сети.

Как бы то ни было, через год – 30 июля 1998 г. – в сети рыбаков из Манадо, которые они выставили на акул, угодил еще один экземпляр целаканта. Одна беда: в садке, куда его поместили, он прожил только 3 часа, оставив о себе всего лишь воспоминание – в виде фотографии и чучела, как это уже было не раз…

…Первого живого целаканта выловили в 1938 г. в устье южноафриканской реки Халумны. Целакант – последний представитель кистеперых, надотряда костных рыб, появившихся в среднем девонском периоде и – что примечательно! – давших начало наземным позвоночным. Считалось, что целаканты вымерли 70 миллионов лет назад. Выловленная особь была более 1,5 м в длину и весила около 60 кг. С легкой руки профессора Дж. Л.Б. Смита, изучившего редкую «находку», она получила научное название: Latimeria chalumnae – в честь места, где была обнаружена. У особи насчитывалось 8 плавников, и 4 из них очень напоминали лапки земноводного в самой ранней стадии развития. Не меньшее удивление у Смита и других исследователей вызвал и дыхательный аппарат рыбы, вернее, одна из его составляющих – орган, похожий на примитивные, только-только формирующиеся легкие. Таким образом, было получено очевидное подтверждение важнейшему положению эволюционной теории: жизнь пришла на землю из моря. Так называемые легочные рыбы были прародительницами земных позвоночных.

Кроме того, ученые поняли, что целакант, пойманный близ Восточного побережья Южной Африки, оказался в тех водах случайно. Реликтовую особь, предположили они, скорее всего занесло туда Мозамбикским течением с Севера.

Догадка подтвердилась. В 1952 г. в водах острова Анжуан, что в составе Коморского архипелага, был пойман другой живой экземпляр целаканта. Тогда же выяснилось, что коморцы издревле промышляют эту рыбу и называют ее гомбесса. Так был установлен ареал воскресшей из забвения доисторической

кистеперой рыбы – западная часть Индийского океана, северный вход в Мозамбикский пролив. Впрочем, границы эти, как мы уже знаем, оказались условными.

Двенадцать лет спустя ученые получили доказательство того, что коморскую гомбессу некогда видели в другом океане, у берегов совсем другого континента.

В 1964 г. бельгийский естествоиспытатель Морис Стейнер купил у одного испанского антиквара серебряный медальон XVII в. с изображением целаканта, воспроизведенного с поразительной точностью. Не самое любопытное то, что медальон был изготовлен не на Коморских островах и даже не в Европе, а за тысячи миль от африканских и европейских берегов – в Мексике. Этот факт был подтвержден путем химического анализа серебра и установлением характерного испано-американского способа чеканки. Невероятно?

Однако французский биолог Роман Э в 1993 г. в городке Белокси (штат Миссисипи), на северном побережье Мексиканского залива, приобрел три крупные засушенные чешуйки, напоминающие плоские раковины средних размеров. Казалось, что их извлекли не иначе как из чешуйчатого покрова одного из целакантов, подробно описанных в 1938-м и 1952 гг.

Единственное, что отличало «морского царя» с острова Сулавеси от его коморского сородича, так это цвет. У сулавесского целаканта был ярко выраженный бурый окрас с желтоватыми пятнами, а не синевато-стальной, как у коморского.

Ну и, наконец, по сведениям другого французского ученого-криптозоолога, Мишеля Рейналя, ареал «раджи-лаута» простирается много дальше моря Сулавеси. Во всяком случае, о таинственной рыбе, по описаниям очень похожей на целаканта, Рейналю не раз случалось слышать от филиппинских рыбаков. А это уже Тихий океан!

В поисках африканского динозавра

«…Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, однако указать, где именно, отказывается. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают, фальсифицированные».

По этим строчкам можно без труда определить автора и название романа: Конан-Дойль, «Затерянный мир». Относятся они к Америке. Действительно, огромные лесные пространства Американского континента таят в себе множество загадок.

Может быть, Америка является исключением и ее малоизученность можно объяснить сравнительно недавним ее заселением? Вовсе нет. «Белые пятна» есть на всех континентах. И совсем необязательно это выжженные пространства пустынь или заснеженные холмы Арктики…

«Между заповедниками Сумбу и Мверу простирается красная однообразная пустошь. Границы «болотного парка» отмечены самой природой: краснозем неожиданно сменяется черным массивом болотных почв, редкие кустарники – зеленью осок и блюдцами темной стоячей воды. Кое-где торчат однобокие корявые деревья, сплошь увешанные лишайниками. Очень много деревьев повалено. Но животных, если не считать нескольких буйволов, не попадалось…»

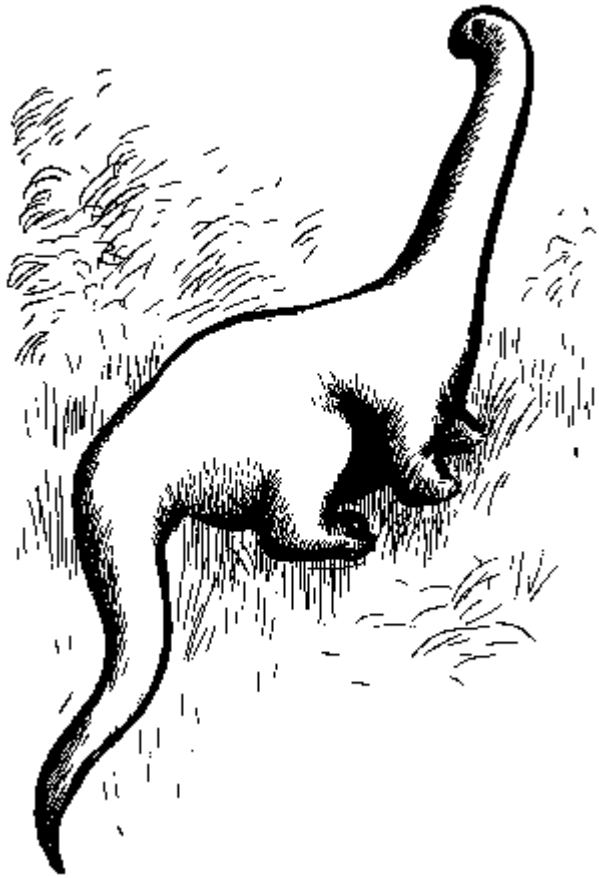


Рисунок мокеле-мбембе, составленный по описаниям местных жителей

Так описывает уже известный нам журналист Сергей Кулик один из районов Центральной Африки, где, по сообщениям очевидцев, обитают странные существа, привлекшие к себе внимание ученых.

Болота Бангвеоло – «затерянный мир» Африки. Вот свидетельства.

Южноафриканский охотник на крупную дичь Ф. Гроблер, вернувшись из очередного похода, опубликовал в местной газете заметку. Он указывал, что знает о животном, обитающем в болотах у озера Дилоло (Восточная Ангола). Животное достигает огромных размеров и похоже на динозавра. Местные жители называют его «чипекве». Однажды они видели, как чипекве напал на носорога. У зверя голова и шея огромной ящерицы…

Этому свидетельству несколько десятилетий. Но вот совсем

свежее.

«Я спрашивал африканского биолога Пэта, – пишет С. Кулик, – что охраняется в этом безжизненном болоте.

– Скорее всего, это миф, – ответил Пэт. – Когда смотришь на этот хаос травы и осоки, кажется, что здесь самое подходящее место для бегемотов. Их всюду много – и в Танганьике, и в Мверу. Но в Вантипе нет ни людей, ни хищников, а в озере Бангвеоло (или Бангвеулу), окруженном гигантским поясом болот, бегемоты почему-то не живут. Спросите у любого из местных жителей, что тому причиной, и они с уверенностью ответят – чипекве. Это какое-то легендарное чудовище, которое обитает в болотах и поедает бегемотов».

Итак, за несколько десятилетий миф о чипекве не рассеялся, а, наоборот, укрепился в сознании людей. И ученые захотели узнать мнение охотников. «Что я думаю по этому поводу? – ответил профессиональный ловец диких животных Мэйдон. – А почему бы и нет? Как-то близ города Ливингстон я встретил одного старого охотника, тот рассказывал, что видел это чудовище в районе озера Мверу и обследовал его следы. Почему до сих пор никто не поймал его? Да потому, что оно живет в болотах!»

«Но неужели, четыре года летая над этими болотами, вы ни разу не напали на след такого крупного животного, которое может одолеть бегемота?» – спросил С. Кулик биолога Пэта.

«Я не могу утверждать, что видел его, хотя несколько раз у восточного берега Бангвеоло с воздуха преследовал какое-то не совсем понятное существо. Батва (местные жители) вырезают из дерева примитивные изображения чипекве, которому поклоняются. Они уверяют, что животное это напоминает молодого носорога, но волосатое, с длинной шеей».

Примечателен тот факт, что крупнейший немецкий торговец и знаток диких животных Карл Гагенбек не только верил в существование подобных существ, но и выделил крупную сумму на экспедицию для его поимки (по ряду причин экспедиция не состоялась). Человек расчетливый (помните, он финансировал поимку карликового бегемота), Гагенбек не стал бы пускать на ветер большие деньги. «У меня есть два сообщения из надежных источников об огромном животном, обитающем в Центральной Африке, – писал Гагенбек. – Обоим моим информаторам – немцу и англичанину – местные жители говорили, что в их болотах живет полуслон-полудракон. А третий охотник – Менгес – рассказывал мне о рисунках в пещерах, на них изображено это животное».

Легче всего было бы счесть все эти сообщения небылицами.

Однако границы животного мира обширны, велико число недавно открытых (и, вероятно, еще не открытых) животных.

«Когда в 1907 г. я впервые охотился близ озера Бангвеоло, – вспоминает Г. Шомбургк, – мне показалось странным, что у его болотистого восточного берега совсем не водятся бегемоты. Я заговорил об этом с местными жителями. Они рассказали мне, что в озере обитает зверь, пожирающий бегемотов. Сообщили мне и название этого таинственного хищника. Но когда я попросил повторить название и захотел получить более подробные сведения, обычно словоохотливые африканцы словно воды в рот набрали. Впоследствии я не раз пытался завести беседу о таинственном обитателе озера, но мне так и не довелось вновь услышать его названия. Существует ли он еще или вымер за эти годы? Относится ли он к ящерам, о которых рассказывают в других частях Африки?»

Да, в других районах Африки тоже можно услышать рассказы о подобных существах. Охотники Гагенбека привезли в Европу их описания, полученные от местных жителей районов Верхнего Нила. «Животное это, – говорили они, – коричневого цвета, с гладкой кожей, ростом больше бегемота и меньше слона. У него гибкая шея и единственный клык, но очень длинный, некоторые говорят, что это рог». Другие сообщали о длинной, мускулистой, как у крокодила, шее. Это животное живет в гротах, вымытых в глинистых берегах рек, питается исключительно растительной пищей (не так, как то, бангвеольское); бывали случаи нападения на людей, однако их оно лишь убивало и топтало. Жители даже показали охотникам любимую пищу неведомого животного – сорт лианы с крупными цветами и плодами с белым соком, по вкусу напоминающими яблоки.

Англичанин Стивенс принимал участие в работах по прокладке кабеля в болотах Верхнего Нила и собрал значительное число сведений о гигантской рептилии под названием «лау». По рассказам местного населения, она длиной более 12 метров, цвет – грязно-желтый.

Один англичанин, проживший на Бангвеоло 18 лет, слышал от местных жителей рассказ о животном, убитом ими с помощью рогатины. У него была длинная шея, а голова увенчана рогом белого цвета. История эта живет до сих пор. А вот что рассказал уже знакомый нам африканский биолог Пэт: «Заинтересовавшись слухами о чипекве, я вскоре после приезда на борьбу с саранчой уговорил двух друзей перевезти из соседнего заповедника Лусенга в Вантипу четырех молодых гиппопотамов. Тогда я как раз все время летал над озером. Бегемоты преспокойно паслись восемь дней возле того места, где мы их выпустили. Но на

девятый день один из них пропал, а в течение следующей недели я потерял из виду и остальных…»

Болота Центральной Африки занимают огромную площадь – тысячи квадратных километров, и ни на одной карте не обозначены их топографические подробности. Животный мир исследован крайне мало. Ученые давно выяснили, что крупные животные предпочитают обособленно жить в ограниченных ареалах, при постоянных растительных и ландшафтных условиях. Существо, обитающее в болоте, окруженном джунглями, никогда из него не выйдет, и если туда не проникнуть, то увидеть его практически невозможно.

Палеонтологи допускают возможность существования древних ящеров в районах суши, которые в конце мезозоя входили в состав так называемой Гондваны, объединявшей Африку, Индию, Австралию и Южную Америку. Африка располагает всеми условиями для выживания древних животных. Климат ее (за исключением Сахары) существенно не менялся с очень давних времен. Не коснулось ее и оледенение, стершее с лица Земли теплолюбивую фауну Европы, Сибири и Северной Америки. До сих пор в Африке обитают животные с очень древней «родословной» – панголины и окапи, павлины и землеройки, даманы и трубкозубы.

И наконец, еще один, правда, не совсем обычный отголосок интересующей нас темы.

Ворота богини Иштар в Вавилоне украшены множеством диковинных зверей. Здесь есть и туры, и львы. Они сильно стилизованы, но их можно узнать. Однако одно изображение поставило и востоковедов, и зоологов в тупик. Это знаменитый сиррух (или сирруш) – покрытое чешуей странное животное с длинной шеей, маленькой головкой с рогом и раздвоенным языком. Передние лапы у него львиные, задние как у хищной птицы. В Библии он известен как вавилонский дракон, обитающий на Востоке.

Есть основания полагать, что мифический сиррух стал отражением сведений о таинственном животном, проникших в Месопотамию. Известно, что шумеры имели торговые связи с восточноафриканским побережьем, называли эту страну Мелукха и говорили, что там живут чернокожие люди. И если в те времена в Африке обитало подобное существо, то сведения о нем (а может быть, и само пойманное животное) могли попасть в Месопотамию.

И вот недавно Джеймс Пауэл, американский зоолог, отправился в далекое Конго, чтобы попытаться обнаружить следы доисторического ящера.

Пигмеи, как он считает, на протяжении многих тысячелетий живут бок о бок с древним динозавром. В их памяти сохранились легенды о тех временах, когда мокеле-мбембе чувствовали себя хозяевами на суше и на море. Пигмеи боялись их и никогда не убивали. В настоящее время, по утверждению аборигенов, мокеле-мбембе почти не осталось.

По описаниям пигмеев, динозавр похож на слона, но при этом обладает длинной гибкой шеей и таким же длинным хвостом, который напоминает хвост аллигатора. Местом обитания этой гигантской рептилии являются бескрайние болота, глубокие озера и окружающие их экваториальные леса.

В 1997 г. Джеймс Пауэл и его друг криптозоолог, профессор Рой Маккал, отправились в Африку на поиски таинственного динозавра. Оказавшись на территории Конго, они случайно попали в племя пигмеев апулаконо. Пауэл решил показать колдуну племени различные фотографии животных, среди которых имелось несколько рисунков динозавров. Среди динозавров колдун не «опознал» ни одного ящера, кроме диплодока, взглянув на рисунок которого, сразу же заявил, что это мокеле-мбембе, обитающий в окрестных лесах. Вдобавок старик описал Пауэлу некоторые «биологические особенности» мокеле-мбембе. По словам колдуна, древний ящер достигает в длину девяти метров, а в высоту – не более трех. Живет он по берегам рек и озер, а питается травой и различными фруктами, которые произрастают в экваториальных лесах.

Пигмеи также рассказали ученым, что мокеле-мбембе – довольно агрессивное создание, которое легко может убить человека, но при этом никогда не поедает трупы своих жертв. Погостив в племени несколько дней, Пауэл и Маккал отправились в джунгли в надежде собственными глазами увидеть доисторическое чудо. Себе в проводники они взяли двух пигмеев, которые должны были по приказу вождя «показать белым мокеле-мбембе», а также «охранять их от диких зверей». Ученые направились вверх по течению Локорро, в сторону бескрайних болот, где, по словам аборигенов, в основном и обитают древние ящеры.

Вдруг, неожиданно для всех из-под воды донесся странный звук, напоминающий рев слона, только несколько приглушенный. Проводники хором завопили: «Мокеле-мбембе!» – и попрятались на дно лодки, которая стала сильно раскачиваться из-за набежавших неизвестно откуда волн. Зоологи, с трудом балансируя в своем суденышке, изо всех сил вертели головами, пытаясь разглядеть в глубине реки загадочное создание. Но волнение внезапно прекратилось, а в воздухе вновь слышалось

только пение птиц и жужжание огромных африканских насекомых. Ученые решили отправиться дальше, но сопровождавшие их аборигены наотрез отказались плыть на лодке, боясь, что мокеле-мбембе перевернет ее. Пауэл и Маккал уступили и продолжали путешествие пешком.

Через несколько дней участники небольшой экспедиции добрались до города Иноно, который располагается на берегу большого и довольно глубокого озера Мон-Ндомбе. Остановившись в местной гостинице, путешественники сразу же услышали от разговорчивого портье рассказ о мокеле-мбембе, которого население этого небольшого африканского города считает «местной достопримечательностью». Оказалось, что американские зоологи далеко не первые, кто заинтересовался таинственным динозавром и отправился на его поиски.

За пару лет до прибытия Пауэла и Маккала в Конго побывали японские специалисты, которым удалось снять на видеопленку загадочное животное и сделать несколько фотоснимков. А в 1992 г. Конго посетили французы, которые, хотя и не сфотографировали ящера, но все же нашли следы таинственного мокеле-мбембе.

Словоохотливые жители Иноно поведали охотникам за доисторическим зверем очень любопытную историю.

Местным рыбакам давно известно, что в лесах около озера обитают странные животные, которые не прочь иногда провести время в теплых водах Мон-Ндомбе. Они даже знают некоторые излюбленные места древних рептилий. Одним из них является небольшая, но довольно глубокая лагуна на севере озера. Еще в середине 1960-х несколько рыбаков отправились на озеро. Вдруг над поверхностью воды показалась небольшая голова ящера. Существо равнодушно посмотрело в сторону людей и направилось прямиком в лагуну, в которой и скрылось под водой. Рыбаки решили поймать мокеле-мбембе и устроили ловушку для животного. Небольшой вход в заливчик они перегородили бревнами с заостренными концами в надежде, что мокеле-мбембе наткнется на них. Так и произошло. После нескольких тщетных попыток выбраться из воды динозавр бросился напрямик и напоролся на острые колья.

Отягощенные невероятной добычей, рыбаки вернулись в селение и разделали тушу ящера. Но вскоре произошла трагедия. Все, кто ел мясо мокеле-мбембе, умерли от отравления. С тех пор аборигены решили оставить древних животных в покое.

Вооруженные новыми сведениями, «охотники за динозаврами» Пауэл и Маккал отправились на озеро Мон-Ндомбе, над которым летали в течение двух недель на небольшом

гидросамолете. В конце концов они почти отчаялись повстречать доисторическое существо. «Видеокамера, работавшая без перерыва несколько дней, была отключена, а фотоаппаратура лежала и вовсе невесть где, – вспоминает Пауэл. – Мы равнодушно смотрели на ставшие до боли знакомыми воды озера, которые начинали уже ненавидеть, так как они приносили нам одни лишь разочарования». Но вдруг на поверхности воды совершенно неожиданно показалась голова, длинная гибкая шея, а затем и часть спины загадочного животного. «Джеймс, ведь это динозавр!!! Динозавр! – кричал мне Маккал. – Смотри же! Смотри!!!» Но я и без него смотрел во все глаза. Ведь перед нами был реликт меловой эпохи, доисторическое животное, предмет наших многолетних исследований и долгих поисков». И тут Пауэл в ужасе понял, что камера не работает. Он бросился к ней, включил и начал снимать, но, к сожалению, динозавр уже погружался под воду. Тем не менее огромная рептилия находилась в объективе видеокамеры около 30 секунд. Потрясенные, Маккал и Пауэл еще некоторое время кружили над озером, в котором скрылось таинственное создание.

Ученые еще несколько недель провели на берегах Мон-Ндомбе, но больше не повстречались с загадочным ящером.

А вот рассказ о совсем недавней экспедиции.

В 2006 г. из предварительной поездки по Камеруну вернулась экспедиция Милта Марси. Ее участники экспедиции должны были подготовить почву для длительных крупномасштабных поисков мокеле-мбембе, которые намечено провести в будущем.

Билл Гиббонс сразу по возвращении группы из Африки сообщил следующее: Милт Марси находится в хорошей форме, несмотря на тяжелые условия (ноги распухли от укусов насекомых). Настроение, однако, боевое.

Они расспросили рыбаков и получили три независимых рассказа о наблюдении мокеле-мбембе всего за несколько дней до их прибытия.

Миссионер Пол Олин видел мокеле-мбембе на реке Санга 10 января 2006 г.

По его словам это произошло на территории Конго, поскольку он работает с пигмеями племени ака. С другой стороны эта территория ограничена рекой Нгоко, по которой в западной части лежит граница Конго и Камеруна. В верхнем течении реки расположен заповедник Джа.

Билл Гиббонс продолжает рассказ:

– Питер Бич поработал со спутниковыми картами и отметил большое количество необычных объектов (включая пещеры) в интересующей нас зоне. По словам Пьера Сима, новые

свидетельства подтверждают – животное находилось в запретной зоне с 1984 по 2003\4 гг., следовательно, мокеле-мбембе иногда надолго задерживается в одном месте, если условия благоприятствуют. Это объясняет, почему жители деревни Ланг так часто видели его в течение 1980-х и 1990-х гг.

Поиски будут продолжены…

notes

Примечания

1

Некоторые исследователи, особенно криптозоологи, склонны считать, что у Одиссея в команде был Еврибат, «дикий человек», говоря сегодняшним языком, реликтовый гоминоид или потомок его – «производное» от брака гоминоида с обычной гречанкой.

2

Сегодня область их обитания ограничивается территорией Заира.

3

Из этой экспедиции Клаппертон благополучно возвратился в Англию; он умер в 1827 г., во время второй своей экспедиции на Нигер. Аудни двигался к Сокото вместе с Клаппертоном, но умер по дороге.

4

Английский дюйм равен 2,54 сантиметра.

5

Фунт английский аптекарский, или монетный, равен 0,3732 килограмма; унция английская – 31,1035 грамма; карат английский – 205 миллиграммов.

6

Молодой вождь зулусов увел воинов в далекие земли и со временем создал новый народ – матабеле.

7

Война на уничтожение, развязанная Чакой против соседних племен; можно сказать – геноцид.